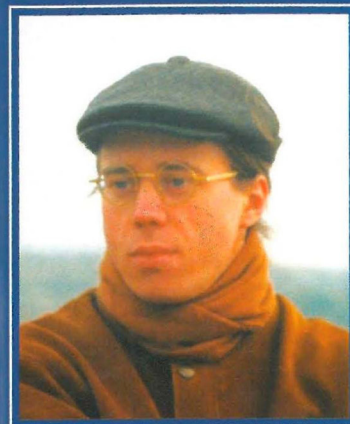
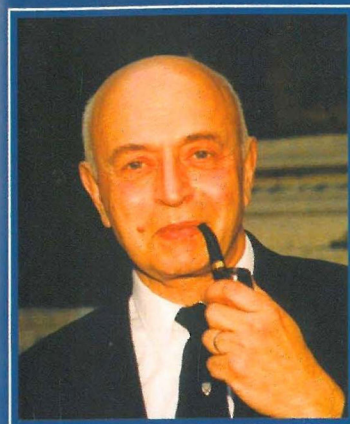

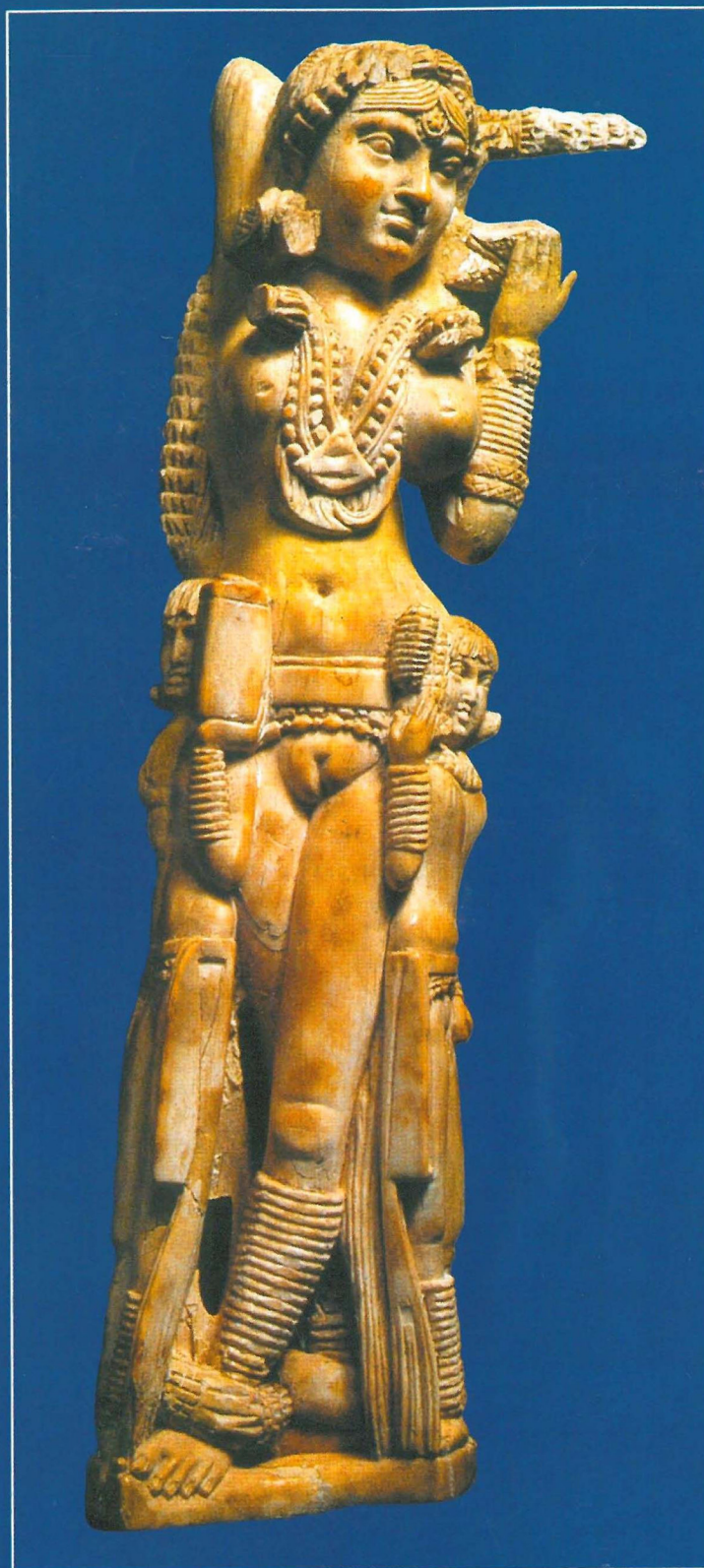
ИНДИЯ и античный мир

Григорий Максимович Бонгард-Левин — известный российский индолог и буддолог, академик Российской Академии наук и иностранный член Французской Академии надписей и изящной словесности, заслуженный профессор МГУ. Президент Российской Ассоциации антиковедов. Научный руководитель Центра сравнительного изучения древних цивилизаций. Автор 15 монографий и 250 научных статей по истории и культуре Южной Азии.

Михаил Дмитриевич Бухарин — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Главный круг научных интересов — связи античного мира с Индией и Южной Аравией, восточная торговля Рима. Автор целого ряда статей по этим проблемам.

Алексей Алексеевич Вигасин — доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Основная сфера научной деятельности — история и право Древней Индии. Автор многих работ по санскритологии, источниковедению, истории Древнего Востока.

ИНДИЯ И АНТИЧНЫЙ МИР

Г.М.Бонгард-Левин,

М.Д.Бухарин,

А.А.Вигасин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В.ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Г.М.Бонгард-Левин, М.Д.Бухарин, А.А.Вигасин

ИНДИЯ И АНТИЧНЫЙ МИР

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2002

УДК 94(3)
ББК 63.3(5Инд)+63.3(0)32
Б81

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 01-01-16045*

Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А.

Б81 Индия и античный мир / Г. М. Бонгард-Левин, М. Д. Бухарин, А. А. Вигасин. — М. : Вост. лит., 2002. — 359 с. : ил. — ISBN 5-02-018254-0 (в пер.).

В книге исследуются контакты Индии и античного мира на протяжении нескольких столетий: от эпохи ранних Маурьев (IV в. до н.э.) до поздней Римской империи (IV в.). Сопоставляются данные античной традиции об Индии с индийскими материалами, анализируется освещение событий политической истории Индии и индийских религиозно-философских течений в античной литературе, подвергаются источниковедческому анализу такие базовые источники, как «Индика» Мегасфена, «Перипл Эритрейского моря», «Естественная история» Плиния Старшего. Монография снабжена переводами исследуемых текстов и подробной библиографией.

ББК 63.3(5Инд)+63.3(0)32

ТП-2002-I-161
ISBN 5-02-018254-0

© Г.М.Бонгард-Левин, М.Д.Бухарин,
А.А.Вигасин, 2002
© Российская академия наук
Издательская фирма
«Восточная литература», 2002

ОТ АВТОРОВ

Контакты Индии и греко-римского мира, зародившиеся в очень раннюю эпоху, продолжались на протяжении всей античности. Письменные свидетельства об Индии появляются в греческих источниках в VI в. до н.э., но вплоть до 20-х годов IV в. до н.э. они были случайными и отрывочными. Достоверной античная историческая традиция о далекой восточной стране становится лишь после похода Александра Македонского, когда появляются сочинения, написанные его сподвижниками.

В конце IV — начале III в. до н.э. образ Индии в античной литературе получил окончательное оформление, и это было связано прежде всего с именем Мегасфена — селевкидского посла при дворе царя Чандрагупты Маурья. Именно на труд Мегасфена, как и на сочинения спутников Александра, опиралась античная традиция в течение нескольких последующих веков. И лишь во II в. н.э. наряду со старой, «языческой» появляется новая тенденция в описании Индии — раннехристианская, для которой характерно более глубокое осмысление индийской религии и философии.

Все сказанное обусловило структуру книги. Ее открывает вводный очерк Г.М.Бонгард-Левина «Индия в античной литературе». Затем идет самый большой по объему раздел — «Маурийская Индия в античной литературной традиции». В него вошли очерки «Индийская и античная традиция о воцарении Чандрагупты» (Г.М.Бонгард-Левин), «Знали ли античные авторы об индийском Чанакье?» (Г.М.Бонгард-Левин), «„Индики“ Мегасфена в литературе древности и историографии нового и новейшего времени» (Г.М.Бонгард-Левин, М.Д.Бухарин), «Индийские походы Диониса и Геракла в античной традиции» (М.Д.Бухарин), «Религиозно-философские течения древней Индии и античные свидетельства» (Г.М.Бонгард-Левин).

Следующий раздел — «Индия и эллинистический мир» — составили два очерка А.А.Вигасина: «Великое посольство на Запад» и «Греко-индийский диалог в середине III в. до н.э.» Наконец, в раздел «Индия в литературной традиции периода Римской империи» включены очерки «Карта Индии в „Естественной истории“ Плиния Старшего» (А.А.Вигасин), «„Перипл Эритрейского моря“ и политическая карта Индии» (А.А.Вигасин) и «„Воинственные бактриане“ в „Перипле Эритрейского моря“» (М.Д.Бухарин).

Дополнением к основному тексту монографии служат новые переводы античных источников — текст «Индики» Арриана, фрагменты «Перипла Эритрейского моря» и кн. VI «Естественной истории» Плиния Старшего, выполненные М.Д.Бухариным и А.А.Вигасиным.

Закljučают книгу Библиография и указатели, составленные М.Д.Бухариным.

ИНДИЯ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вместо Введения

Проблема взаимоотношений Индии и греко-римского мира представляет большой научный интерес. Несмотря на географическую удаленность изучаемых регионов и различие их исторических судеб, между ними на протяжении тысячелетий существовали тесные (в некоторые периоды и непосредственные) связи в сфере культуры, а также политические и торговые взаимоотношения.

Начало контактов Индии со Средиземноморьем относится к очень раннему периоду, а с VI в. до н.э. они уже фиксируются в греческих источниках. Поскольку контакты продолжались на протяжении всей античности (это отразилось и в сочинениях раннехристианских авторов), можно не только выявить общий характер связей, но и проследить их динамику от эпохи к эпохе. Изменения в политической обстановке, расширение географического кругозора, развитие самой греко-римской культуры определяли и характер представлений об Индии. Исследование этого процесса позволяет понять, почему в то или иное время античных авторов интересовали разные аспекты индийской истории и культуры.

Рассматриваемая проблема исключительно важна для индологии, ибо дает возможность определить отношение к Индии носителей иной культуры. Главное же заключается в том, что многие свидетельства античных авторов опирались на сведения очевидцев, посетивших восточную страну, и даже базировались на знакомстве с индийской традицией. В ряде случаев античные тексты — прежде всего записки Мегасфена, селевкидского посла при дворе маурийского царя Чандрагупты, — являются единственным датированным источником по маурийской Индии¹. Они важны также потому, что точность их материалов нередко подтверждается местной традицией². Более того, есть ряд прямых указаний на то, что Мегасфен калькировал древнеиндийские термины³. Для более позднего времени число фактов, свидетельствующих о знакомстве с индийскими текстами, возрастает.

Перед исследователями стоит весьма сложная задача: выявить характер, направление культурных, экономических, политических, дипломатических связей Индии с античным миром и определить отношение индийской традиции к антич-

¹ Древнеиндийские датированные письменные источники до эпохи Ашоки не сохранились.

² Бонгард-Левин 1960.

³ Бонгард-Левин 1959.

ному миру и его культуре. При этом нужно иметь в виду, что взаимоотношения двух великих цивилизаций древности — это встреча разных этнокультурных зон, разных социальных организмов и религиозно-философских традиций⁴.

В самом конце XVIII в. и особенно в начале и середине XIX в., когда западный мир как бы вновь открыл для себя древнеиндийскую культуру, существовала тенденция оценивать ее с позиций европоцентризма. В результате западные ученые часто рассматривали реалии древней Индии сквозь призму античной цивилизации. Число изданных индийских источников было в то время невелико, сообщения греко-римских авторов воспринимались некритически и обычно признавались достоверными. Даже такой крупный индолог, как Христиан Лассен, наивно доверял практически всем античным свидетельствам⁵. Конечно, публикация переводов этих источников об Индии, выполненных Дж.В.Мак-Криндлом в конце XIX — начале XX в.⁶, имела большое значение для индологов, но тогда не были проделаны текстологический анализ и атрибуция фрагментов, приписываемых поздней античной традицией Мегасфену (между тем многие, как теперь установлено, фактически ему не принадлежали⁷). К сожалению, авторитет Дж.Мак-Криндла до сих пор остается непререкаемым для ряда ученых, и даже новые труды по истории и культуре древней Индии, особенно посвященные эпохе Маурьев, основываются на материалах, неоправданно приписываемых Мегасфену.

Правда, за последние десятилетия в связи с возрастанием интереса к проблеме индо-античных связей стал проводиться критический анализ текстов и расширился круг используемых источников в результате введения в научный оборот ранее почти неизвестных⁸.

Чтобы оценить достоверность античных материалов об Индии, необходимо прежде всего определить, как и почему изменялся ее образ в греко-римской традиции.

Допустимо выделить несколько этапов ознакомления античного мира с Индией.

Периодом до похода Александра (VI в. до н.э. — 20-е годы IV в. до н.э.) датируются смутные, случайные и отрывочные сведения (Гекатей, Геродот, Ктесий) преимущественно о той части страны, которая входила в состав Ахеменидской державы. Именно тогда впервые намечаются два главных мотива античной традиции: Индия, во-первых, страна сокровищ и чудес, во-вторых, родина («индийских мудрецов»).

Подлинным открывателем Индии для греков был Скилак из Карианды в Кари, который по приказу персидского царя Дария I в конце VI в. до н.э. совершил плавание вниз по Инду, а затем морем до Египта. На сообщения Скилака опирались логограф Гекатей (ок. 550 — ок. 480 г. до н.э.) и Геродот (V в. до н.э.). Гекатею были известны названия некоторых индийских племен (гандары, калатии, онии) и городов (Аргант, Касапир). Более подробные данные сохранились в труде Геродота. У него, в частности, имеется первое в античной традиции упоминание о жизни брахманов («они не убивают ни одного живого существа, не трудятся на нивах, нет у них жилищ, а питаются они травой... Если кого-нибудь

⁴ Бонгард-Левин 1981.

⁵ Lassen 1852.

⁶ Mc'Crindle 1901.

⁷ Majumdar 1958; Sethna 1960: 243–248; Derrett 1968b; Brown 1955.

⁸ См.: Puri 1963; Chapekar 1977; Banerjee 1977; Kalota 1978; Bandyopadhyay 1974.

из них поражает недуг, то он уходит в пустыню и там ложится» — III.100). Само слово «брахманы» у Геродота не встречается, но если учесть, что термин «этнос», которым он обозначает людей, придерживавшихся особых обычаев, имел как этническое, так и социальное содержание⁹, то допустимо думать, что этот труд отразил сведения об индийских брахманах как об особом разряде населения.

К началу IV в. до н.э. относится сочинение об Индии Ктесия из Книда, личного врача персидского царя Артаксеркса II. Оно известно лишь во фрагментах и содержит в основном свидетельства легендарного характера. Не случайно Лукиан в своей «Правдивой истории» (I.2–3) называет в числе «древних поэтов, историков и философов, написавших так много необычного и неправдоподобного», Ктесия, который в Индии «никогда не бывал» и не слышал о ней «ни одного правдивого рассказа». Тем не менее труд Ктесия был популярен и в эпоху древности, и в средние века. Даже такой строгий историк, как Арриан, создавал свою «Индику» на ионийском диалекте, желая превзойти сочинение Ктесия, а в IX в. константинопольский патриарх Фотий подробно штудировал его. Долгая жизнь этого труда объясняется тем, что его автор первый взглянул на Индию как на «страну чудес», «загадочную периферию» античного мира, куда «удобно» было помещать диковинных животных, странные народы и племена.

Второй период ознакомления античного мира с Индией связан с походом Александра. Это было время непосредственного взаимодействия культур, ознаменовавшего начало во многом достоверной исторической традиции об Индии. Онесикрит, Неарх, Аристобул, Птолемей и другие участники похода оставили сочинения, но они дошли до нас в отрывках, представленных в трудах более поздних авторов (Страбона, Диодора, Арриана, Курция Руфа, Плутарха и др.), использовавших лишь те части записей сподвижников Александра, которые касались военных операций греко-македонской армии, «диспута Александра с индийскими мудрецами».

В индологической литературе свидетельства участников похода обычно рассматриваются как отражение единого пласта античной традиции. Но такая точка зрения требует корректировки. Наблюдая индийскую действительность, сподвижники Александра неодинаково воспринимали ее, обращали внимание на разные аспекты и стороны жизни и давали собственную трактовку увиденного и услышанного¹⁰. И это естественно. Если Онесикрит был философом, учеником основателя кинической школы Диогена Синопского, к которому, согласно преданию, питал глубокое уважение Александр Македонский, то Аристобул был человеком более практического склада. Он прежде всего интересовался природными и климатическими условиями, конкретными памятниками старины и старался по возможности точно передать то, что видел лично. Неарх, флотоводец Александра, автор официального отчета о походе и записей, ставших доступными Страбону и Арриану, был свободен от влияния каких-либо философских школ и потому мог непредвзято описывать обычаи и верования индийцев.

От Онесикрита идет рассказ о диспуте Александра с индийскими мудрецами, хотя и Аристобул писал о двух индийских мудрецах-брахманах, демонстрировавших Александру свою выносливость. В сообщении Онесикрита¹¹, вероятно,

⁹ Powell 1938.

¹⁰ Pearson 1960.

¹¹ См.: Brown 1949.

ощущаются отголоски идей индийской философии, на что указал Ж.Дюмезиль¹², но они тонут в общей кинической интерпретации. Именно эта особенность его сочинения была развита последующей античной традицией. Многие современные ученые, не учитывая этого обстоятельства, продолжают рассматривать данный сюжет как основу для реконструкции религиозно-философских систем древней Индии. Не исключено, что присущая Онесикриту тенденциозность явилась причиной того, что он не обратил специального внимания на такой специфически индийский социальный феномен, как сословие брахманов, что, однако, заинтересовало его соратников Неарха и Аристобула, далеких от предвзятости. Неарх, например, заметил, что были брахманы — советники при царе и брахманы-аскеты (Strabo. XV.1.66).

Рассказ о встрече Александра с индийскими мудрецами получил большую популярность в античной литературе и вошел в сочинения более позднего времени, связанные с романом об Александре, версии которого были широко распространены на Востоке и в странах Европы¹³. Сообщения Онесикрита, если они действительно принадлежали ему, а не другому приближенному Александра — Клитарху, как полагают отдельные исследователи, наиболее полно воспроизведены Страбоном (XV.1.63–65). Александр, узнав о брахманах (софистах) и их учении, направил к ним Онесикрита, который беседовал с Каланом. Тот держал себя надменно, но Манданий — «старейший и мудрейший из софистов» — проявил уважение к царю и с помощью трех переводчиков изложил учение брахманов.

Это повествование, основанное, очевидно, на реальном событии — встрече македонцев с брахманами, — подверглось затем обработке (и весьма тенденциозной), претерпело качественные изменения: если первоначально беседу вел якобы Онесикрит, то в более поздних версиях — уже сам Александр. Но общая направленность сюжета, впервые обретшего киническую обработку под пером Онесикрита, сохранялась: в диспуте победа оставалась за индийскими брахманами, а царь, несмотря на могущество, уходил посрамленным¹⁴. Высказывалось предположение, что враждебность к Александру отразила взгляды Каллисфена, который еще во время похода открыто выступил против великого македонца, но главное в этой антиалександровской позиции — принципы учения киников, ведущие к Диогену, учителю Онесикрита.

Третий период оформления образа Индии в античной литературе условно может быть назван «периодом посольств» (конец IV — начало III в. до н.э.). Он связан с именами уже упоминавшегося Мегасфена и Деймаха, посланного Антиохом I к маурийскому царю Биндусаре. Если от труда Мегасфена, как говорилось, сохранились многочисленные фрагменты, то от «Индики» Деймаха до нас практически ничего не дошло¹⁵. Примечательно, что его сочинение называлось «О благочестии» и было посвящено, судя по названию, верованиям индийцев. Это подкрепляется тем фактом, что в греческой версии эдиктов Ашоки термин «эусебиа» (благочестие) служит эквивалентом пракритского «дхамма» (дхарма) — «вера», «моральное правило», «нравственный долг».

Следует подчеркнуть, что труд Мегасфена оставался главным источником сведений об Индии на протяжении всего эллинистического и римского времени.

¹² Dumézil 1976.

¹³ См.: Merkelbach 1954; Кузнецова 1969; Бертельс 1948; Костюхин 1972.

¹⁴ Подробнее см.: Нахов 1981.

¹⁵ Schwarz 1969.

В качестве посла Мегасфен в течение ряда лет жил в Паталипутре и мог более глубоко ознакомиться с государственным строем империи Маурьев, социальными отношениями, религиозно-философскими системами. В отличие от спутников Александра, посетивших лишь Северо-Западную Индию, он находился в самой развитой части страны — долине Ганга. В свою «Индику» Мегасфен включил личные впечатления и сведения, полученные от местных информаторов; широко использовал он и записки сподвижников Александра, проверяя и дополняя их. Наряду с фантастическими рассказами его сочинение содержит немало свидетельств, достоверность которых подтверждается древнеиндийскими текстами и, более того, почти синхронными датированными надписями Ашоки. Трудно с определенностью ответить на вопрос, знал ли Мегасфен индийские языки и мог ли самостоятельно обращаться к местной традиции: некоторые его сообщения очень точно передают «букву и дух» индийских источников. Есть основания считать, что он не только передавал их общий смысл, но и пытался найти лексическую аналогию отдельным терминам. Будучи послом, Мегасфен вполне профессионально описывал государственное устройство страны (функции царя, чиновников, центрального и провинциального управления), организацию армии, социальную структуру. Возможно, эти сведения собирались для официального отчета, поскольку Индия играла немалую роль в политике Селевкидов¹⁶.

Множество примеров говорит о достоверности свидетельств селевкидского посла. Характеризуя «седьмой разряд» индийского общества, Мегасфен выделил две группы чиновников, зафиксировав тем самым реально существовавшие институты, — *раджа-сабху* и *паришад*. Чиновников второй категории Мегасфен определяет как «заседающих (сидящих) при царе», что заставляет связать их с *мантри-паришадом*, о котором мы знаем из надписей Ашоки и который являлся главным совещательным органом при царе, а по составу был значительно уже, чем *сабха*. Показательно, что греческий термин, обозначающий «сидящий вокруг», точно соответствует санскритскому «*паришад*» («сидеть вокруг»). В этом случае автор «Индики» отметил различие между двумя категориями высших государственных чиновников и попытался передать по-гречески структуру индийского термина. Более поздние авторы, опиравшиеся на Мегасфена, не заметили этой скрупулезности в описании, однако, продолжая цитировать его, невольно обогащали античную традицию достоверными сведениями.

Другой пример: почти во всех индологических трудах, даже в исследованиях, специально посвященных социальной структуре древней Индии, при характеристике рабства приводится фрагмент Мегасфена из «Индики» Арриана (9.9). В английском переводе Дж.В.Мак-Криндла он выглядит так: «All the Indians are free and not one of them is a slave». На этом основании нередко указывают на ошибку Мегасфена или, наоборот, подчеркивают, что в маурийскую эпоху рабский труд не находил применения в Индии. Смысл же сообщения селевкидского посла, если подходить к фразе с индологической точки зрения, иной — вспомним слова автора «Артхашастры» Каутильи о том, что «для ариев не должно быть рабства», т.е. не должно быть пожизненного рабства для свободных. Мегасфен абсолютно точно передал существовавшую тогда тенденцию: под «индийцами» он подразумевал не всех жителей Индии, а лишь свободных и полноправных ариев.

¹⁶ Подробнее см.: Бонгард-Левин 1973а.

Изучение свидетельств Мегасфена тем более важно, что античная литературная традиция в течение нескольких последующих веков почти целиком опиралась на его труд. Это обстоятельство еще ждет своего объяснения — ведь эллинистический и раннеримский периоды были отмечены усилением торговых и дипломатических контактов между Индией и античным миром; наблюдалось даже соприкосновение, а порой и синтез культур двух регионов (Бактрия, индо-греческие царства). В кушанскую эпоху в Рим направляются многочисленные посольства, в Индии возникают римские торговые фактории; в первые века нашей эры приезд индийских купцов в Александрию Египетскую был обычным явлением. Широко развивается морская торговля, о чем свидетельствует «Перипл Эритрейского моря».

И кажется парадоксальным, что, несмотря на новые сведения об Индии, античная традиция продолжала основываться на трудах сподвижников Александра и сочинении Мегасфена, создавая своего рода «канонизированный» образ этой восточной страны¹⁷. Даже Страбон (I в. до н.э. — I в. н.э.), который мог использовать довольно подробные материалы, относящиеся к его эпохе, обращался к ним главным образом для описания природных явлений. При характеристике же общественных и культурных феноменов он исходил исключительно из старых, устоявшихся представлений и как бы игнорировал новые. Для античных писателей Индия продолжала ассоциироваться прежде всего с походом Александра. Специальный интерес к ее религии и философии не наблюдается; новые географические данные были рассчитаны прежде всего на купцов и мореплавателей и имели чисто практическое назначение. В индийской философии внимание греков привлекали прежде всего экзотические черты. Такое отношение хорошо прослеживается, например, в сочинении Хареса Митиленского, автора конца IV — начала III в. до н.э., объединявшего брахманов и гимнософистов в одну группу — «чудотворцев».

Четвертый период, совпадающий по времени с кризисом античной культуры (приблизительно со II в.), характеризуется уже наличием двух тенденций в описании Индии: «языческой», повторяющей старые сведения, хотя и в ней начинается просматриваться специальный интерес к «индийской мудрости» (в первую очередь у неоплатоников), и раннехристианской, которой свойственно более глубокое осмысление индийской религии и философии (брахманской) и особое внимание к буддизму.

Кризис античной культуры сопровождался поисками новых идеалов¹⁸: писатели и философы стали увлеченно изучать духовную жизнь стран Востока, в частности Индии; возникало желание и непосредственно ознакомиться с учениями ее мудрецов. Известный оратор Дион Хрисостом (конец I в.) отразил новые веяния в духовной атмосфере римской эпохи — разочарование в ценностях античной цивилизации и стремление вырваться из круговорота жизни. В своих речах он упрекает соотечественников и всячески превозносит индийцев как самый счастливый народ на земле. Брахманы, по его словам, полны справедливости и любви к божественному, они владеют «источником истины».

К тому же времени, по преданию, относится деятельность последователя Пифагора знаменитого мудреца и путешественника Аполлония Тианского (I в.)¹⁹. Судя по его биографии, написанной в начале III в. Филостратом по заказу

¹⁷ Dihle 1964.

¹⁸ Подробнее см.: Штаерман 1975.

¹⁹ Charpentier 1934.

императрицы Юлии Домны, Аполлоний посетил Индию, был в Таксиле, встретился с индийскими брахманами и провел с ними четыре месяца. Филострат утверждает, что использовал дневниковые записи Дамиса — спутника Аполлония, но, безусловно, панегирическое жизнеописание основывалось и на тех многочисленных легендах, которые сложились вокруг имени путешественника.

Исследователи полагают, что сама жизнь Аполлония — яркий пример синкретизма, свойственного эллинистической эпохе²⁰. Он родился в Малой Азии, в Каппадокии, получил прекрасное образование; его взгляды отразили греческие и восточные идеи. Свои сочинения он, согласно Филострату, писал и на греческом, и на каппадокийском языке.

Более всего Аполлония привлекало учение брахманов. Он был, по словам Филострата (*Vita Apol.* II.1), настолько восхищен их мудростью, что старался распространять их идеи среди египтян, эфиопов, греков и римлян. В поисках истины он совершил несколько путешествий на Восток, вел беседы с вавилонскими магами, с «голыми аскетами» в Египте и с брахманами в Индии, причем обычаи последних считал более идеальными, чем установки пифагорейцев, к которым принадлежал сам. По его мнению, пифагорейцы через египетских аскетов усвоили правила поведения брахманов (*Vita Apol.* VIII.7), что согласовалось с популярной тогда в античном мире версией о посещении Индии Пифагором.

Что же казалось Филострату наиболее примечательным в жизни и доктрине брахманов? Прежде всего аскетизм, ритуальная чистота, благородство происхождения, концепция неубиения живых существ, вера в переселение душ, учение о пяти первоначальных элементах мира — воде, воздухе, земле, огне, эфире. Некоторые свидетельства Филострата могут найти подтверждение в индийских источниках, но в целом нарисованная им картина слишком обща, тенденциозна и не отражает всей сложности религиозно-философской атмосферы Индии той эпохи. Отдельные брахманские правила Филострат приписывает Аполлонию, который-де глубоко интересовался философией, не ел мяса и не пил вина, был строгим вегетарианцем, отказался от семейных уз, много времени проводил в храмах, стремился соблюдать ритуальную чистоту, выступал против жертвоприношений, обладал способностью к чудотворству и предсказаниям, верил в переселение души и якобы даже помнил о своем прежнем рождении.

Образ Аполлония, созданный Филостратом, представлялся идеальным, а примером для подражания служили индийские брахманы; этим защищалось и само пифагорейство. Иными словами, в условиях идейного кризиса античной культуры необходимость возврата к древним принципам учения Пифагора обосновывалась не только внутренним, но и внешним фактором — особой мудростью индийских брахманов, с которыми связывались истоки учения Пифагора и его верных учеников. В труде Филострата Аполлоний превозносит брахманов, считая их учение более глубоким, чем собственное, брахманы же с восхищением говорят об Аполлонию. Круг как бы замыкается, а в этом и состоит цель индийского путешествия Аполлония — в брахманском идеале найти поддержку своей доктрины, в чужом зеркале увидеть себя. В своем увлечении Индией Филострат заходил так далеко, что причислял к приверженцам учения брахманов даже римских императоров. У нас нет надежных данных, позволяющих судить об отношении последних к индийским доктринам, но Филострат отмечает, что будущий

²⁰ Подробнее см.: Sedlar 1980: 190.

император Веспасиан ценил Аполлония как знатока индийской религии (Vita Arol. V.30).

Допустимо предполагать, что Филострат, писавший биографию Аполлония по приказу императрицы Юлии Домны, старался нарисовать такой образ, который желали видеть при дворе. Супруга Септимия Севера происходила из семьи жреца из сирийского храма Солнца в Эмесе. Естественно, что ее увлечение Востоком не было случайным. Здесь сходились и личная привязанность ее к восточной философии, восточной культуре в целом, и общий интерес в античном мире к Востоку в первые века нашей эры²¹.

Вопрос о реальности дневниковых записей Дамиса, обсуждаемый в современной научной литературе, не имел тогда особого значения. Возможно, в описании Индии Филострат опирался на предшествующую античную традицию или сознательно создал привлекательный облик аскета и мудреца Аполлония. Главное заключалось в другом — в противовес укреплявшемуся христианству насаждался языческий культ, а для этого восточные, и прежде всего индийские образцы были наиболее приемлемыми; их искали и находили. В ту эпоху стало привычным представление, что подлинный философ, «открыватель истины», должен совершить путешествие в Индию — страну высокой мудрости и духовной чистоты. Дорога была известна давно — «путем» Александра Македонского проследовал в Индию Аполлоний, тем же «путем» он вернулся назад, хотя в своих описаниях Филострат не полностью повторял записки сподвижников Александра, а отразил и новые свидетельства, хорошо известные греко-римскому миру в его эпоху.

Отношение к самому Аполлонию — аскету-пифагорейцу, поклоннику восточных учений — в более позднее время было неоднозначным: им восторгались, считали его равным богу, ему же приписывали и дьявольские черты. Для неоплатоников он был авторитетом, подлинным выразителем идей пифагорейства. Некоторые римские императоры даже поклонялись Аполлонию: Александр Север велел установить его статую в храме, Аврелиан поклялся построить святилище в его честь. Однако по мере усиления христианства отношение к Аполлонию в Риме менялось. Слава мага и прорицателя, приписываемая ему «божественная сила прозорливости» невольно ассоциировались у римских язычников с культом Христа, против которого они вели борьбу. В начале IV в. крупный римский чиновник Иерокл посвятил два сочинения опровержению мнения о божественности Христа. Одним из аргументов послужило сравнение его с Аполлонием, который, возможно, и творил чудеса, подобно Христу, но никак не был богом.

Это сравнение вызвало протест христианских авторов. Евсевий в своем труде, направленном против Филострата, старался показать, что жизнеописание Аполлония недостоверно, а самого его не следует принимать всерьез и тем более сопоставлять с Христом. Опровержение божественности Аполлония и споры о допустимости такого сопоставления продолжались и в новое время. С точки зрения ортодоксальных христиан сравнение Христа с носителем языческой веры, пусть даже чудотворцем, аскетом и прорицателем, было крайне предосудительным.

Но в целом «языческие» авторы эпохи кризиса античной культуры видели в Аполлонии, как отмечалось, выразителя своих исканий. И не случайно его индийские встречи так интересовали и Филострата, и его современников. Он не признавал, а возможно, и не хотел признавать в Индии никаких иных учений,

²¹ См.: Sedlar 1980: 193.

кроме ортодоксального брахманского. Именно к этой индийской мудрости обращались позднеримские философы, не удовлетворенные местными философскими системами и жаждавшие вырваться из узких рамок рационализма.

Большое распространение получают идеи «слияния с мировой душой», концепция непостижимого разумом верховного начала, управляющего миром, что находит определенные аналогии в учении Упанишад. Особенно притягательным был образ брахманского мудреца в двух его «ипостасях»: отшельника-аскета и высокообразованного влиятельного советника при правителе, принимавшего участие в решении государственных дел. В «Речах» Диона Хрисостома [49.7] брахманы четко подразделяются на тех, кто «предается в уединении размышлениям и раздумьям», и тех, кто является советниками царя, поскольку отличаются «справедливостью и любовью к божественному и поэтому больше знают о будущем, чем другие люди о своей настоящей жизни».

Такой подход, с некоторыми модификациями, был характерен и для неоплатоников. Основатель их школы Плотин рано познакомился с учениями Востока: он родился в Ликополисе (Египет), образование получил в Александрии, где были популярны и эллинские и восточные доктрины. Здесь, как сообщает Порфирий в «Жизнеописании Плотина», он в течение 11 лет был учеником Аммония Саккаса, чье второе имя четкой греческой этимологии не имеет, но напоминает индийское название племени, из которого происходил Будда, — Шакья (палийское Sakya). Это предположение²² выглядит слишком смелым, хотя Климент Александрийский многое знал об индийских и бактрийских буддистах. Интерес к Индии Плотина — ученика Аммония — сложился, очевидно, еще в Александрии и, возможно, под влиянием наставника.

Согласно традиции, Плотин стремился встретиться с индийскими брахманами, чтобы понять суть их учения. С войсками императора Гордиана он отправился на Восток, но гибель императора разрушила планы философа. В основе учения Плотина лежат идеи всепроникающей божественности, бестелесности души, единения вселенной с богом, вселенской мировой души, с которой связана индивидуальная душа человека, хотя таковая есть и у растений, и у животных.

Посмертная участь души, учил Плотин, подчинена закону божественной справедливости; избежать действия этого закона — невозможно²³. Плотин, как и Аполлоний Тианский, представлял собой новый тип античного философа — не литератора, а учителя жизни. Знаменательны его предсмертные слова: «Пытаюсь божественное в нас возвести к божественному во всем».

Философия Плотина обнаруживает определенный параллелизм с индийской философской традицией брахманского круга, но это сходство типологическое и не может объясняться прямым влиянием Индии. Его учение укладывается в общие рамки античной философской мысли²⁴, но отражает стремление выйти из идейного тупика. Вместе с тем полностью отрицать возможность знакомства Плотина с брахманизмом было бы неправильно, тем более что в это время в Риме уже были известны положения Упанишад, о чем свидетельствует труд Ипполита «Опровержение всех ересей».

Еще более глубокий интерес к индийской философии проявляли последователи Плотина. Одному из них, Порфирию, принадлежит трактат «О воздержании

²² См.: Sedlar 1980: 199–200; Wojtilla, Wojtilla 1974: 407–419.

²³ Блонский 1918.

²⁴ Armstrong 1936: 22–23.

от животной пищи». Многие черты как ортодоксальной, так и неортодоксальных религиозно-философских систем Индии он излагает весьма подробно и нередко упоминает важные детали.

Если неоплатоники сделали только первый шаг к отходу от традиционного античного представления об Индии, то раннехристианские авторы начинают более внимательно изучать концепции индийских мудрецов (в первую очередь брахманов), глубже и с иных позиций рассматривать религиозно-философские системы индийцев. В их трудах прослеживается уже новый аспект «индийской мудрости». В центре внимания оказываются индийские религиозно-философские учения. Особенно подробно излагались положения о жизни души после смерти тела (это обуславливалось борьбой христианских авторов с язычеством).

В первые века нашей эры важным центром передачи знаний об Индии стала Сирия. Именно через ее территорию проходили караванные пути, по которым в Рим направлялись индийские посольства. Уроженец Эдессы Бардесан, или Бар Дайсан (154–222), христианский богослов, основоположник литературы на сирийском языке, использовал совершенно новый источник сведений о рассматриваемой нами стране, записав, согласно Порфирию, рассказы прибывших в Римскую империю индийских послов. В труде Стобея «Физика» (начало VI в.), где содержатся отрывки из сочинения Бардесана, сохранилось упоминание о посольстве, которое достигло Сирии при императоре Элагабале (218–222) и с главой которого встретился Бардесан. В дошедших до нас фрагментах его труда выделяются два пласта сообщений. Один из них связан с описанием брахманских обычаев, в частности ордалий в пещерном храме, второй — с сопоставительным описанием образа жизни и воззрений брахманов и самнеев (т.е. шраманов). Хотя деление на брахманов и шраманов было известно в античном мире и раньше, сведения Бардесана отличаются большей глубиной. Он верно отметил, что к брахманам относятся представители лишь одного разряда населения, а ряды шраманов пополняются всеми желающими и объединяют представителей всех разрядов населения и этнических групп. Данные Бардесана о поддержке царем неортодоксальных учений, возможно, рисуют реальную обстановку в Кушанской империи.

Брахманское учение наиболее подробно передано, например, в труде известного христианского автора Ипполита Римского (III в.) «Опровержение всех ересей». Его свидетельства, как убедительно показал известный французский индолог Жан Филлиоза, точно и даже текстуально отражают Упанишады²⁵.

На первый взгляд сообщения Ипполита не выходят за рамки античной языческой традиции. Рассказывается о том, что брахманы воздерживаются от животной и приготовленной на огне пищи (I.24.1), говорится об их преклонении перед Дандамием и осуждении Калана (I.24.7). Вместе с тем в этом труде детально разбираются и философские представления брахманов (не обычаи, а именно представления).

«Они [брахманы] всю жизнь ходят нагими, говоря, что тело — это одеяние души, данное богом. Они считают, что бог — это свет, но не такой, который может видеть всякий, и не подобный Солнцу и огню. Ведь для них бог — это Логос, не выраженный отчетливо, но Логос знания, посредством которого (знания. — Г.Б.-Л.) скрытые тайны природы становятся явными для мудрецов. Брахманы говорят, что только они видят свет, который, по их мнению, есть Ло-

²⁵ Filliozat 1956.

гос, потому что лишь они одни отбросили суетность — ничтожнейшее одеяние души...

Тот самый Логос, который они называют богом, является, по их мнению, телесным, обволакивающим их самих извне. Они говорят, что в их теле идет война, к которой они подготовлены, как к сражению с врагами.

Они говорят также, что все люди — это пленники собственных врожденных врагов: желудка, половых органов, глотки, гнева, радости, скорби, желания и им подобных. И только тот приближается к богу, кто одержит победу в битве с этими врагами» (I.24.2, 5, 6). Сходные идеи четко прослеживаются в Упанишадах, прежде всего в «Майтре-упанишаде». Можно полагать, что Ипполит знал индийские тексты, которые, очевидно, уже достигли Рима. Владел ли он санскритом, пользовался ли переводом или подробным пересказом — установить трудно, но сам факт знакомства с индийской философией не вызывает сомнений. Подход христианского богослова вполне ясен — брахманские учения отнесены им к разряду ересей и привлекаются для опровержения.

Другой отличительной чертой раннехристианской традиции применительно к Индии являются прямые свидетельства о буддизме, хотя многие исследователи склонны были относить к буддистам еще шраманов Мегасфена. Самое раннее из дошедших до нас упоминаний имени Будды в античности встречается у Климента Александрийского (начало III в.). Город, где жил и писал Климент, был крупным центром, в котором пересекались культуры народов греко-римского мира и Востока, высочайшего развития достигли наука, литература, философия. Сюда стекались знания о разных культурных традициях, и понятно, что Климент мог иметь в своем распоряжении подробные сведения об Индии.

Согласно Диону Хрисостому, в Александрии жили не только греки и римляне, но и бактрийцы, скифы, индийцы. Судя по приведенным им данным, Климент знал «Индику» Мегасфена и «Индику» Александра Полигистора, но этим его сведения об Индии не ограничивались. В своем сочинении «Ковры» (200–202) он стремится доказать превосходство христианской религии по сравнению с греческой философией и, чтобы дискредитировать последнюю, отмечает, что мудрость греков не оригинальна, что задолго до них в странах Востока существовали философские системы, не уступавшие греческим. Вместе с тем его подход к традиционной брахманской мудрости резко отличается от подхода языческих авторов. Климент с явно христианских позиций осуждает индийских гимнософистов за обычай оканчивать жизнь в пламени костра. «Самоубийство язычников, — писал он, — не носит характера мученичества за веру, потому что они не познали настоящего Бога и предают себя смерти бесполезно, равно как и индийские гимнософисты напрасно бросаются в огонь» (Clem. Strom. IV.4.17). Современник Климента, знаменитый христианский богослов Тертуллиан (ок. 160 — после 220 г.), счел нужным отмежеваться и от брахманов, и от гимнософистов: «Но мы (христиане. — Г.Б.-Л.) — не брахманы и не индийские гимнософисты, которые обитают в лесах и удаляются от жизни».

Однако к буддизму Климент относился по-иному, и именно потому, что «они (буддисты. — Г.Б.-Л.) почитают его (Будду. — Г.Б.-Л.) как Бога за наивысшую благочестивость» (Clem. Strom. I.15 [72]). У Климента сохранилось и интереснейшее свидетельство о поклонении семнаев (шраманов) некоей пирамиде, под которой, по их представлениям, погребены останки божества. Очевидно, речь идет о буддийском отношении к ступе уже в период распространения махаянских идей. В то же время шраматы, согласно Клименту, не носят одежды и ходят

нагими. Эти данные идут еще от Мегасфена и указывают на обычаи не буддистов, а скорее джайнов. Для индологии сведения Климента особенно важны, ибо он привлекает по крайней мере три различных источника информации: один традиционный, восходящий к Мегасфену, другой, относящийся к Кушанской империи, и третий, связанный с его учителем Пантенном, который, по традиции, в конце II в. в течение продолжительного времени проповедовал в Индии христианство.

Материалы Климента Александрийского о буддизме были использованы и более поздними христианскими авторами — Евсевием Кесарийским и Кириллом Александрийским. Евсевий много знал об Эфиопии, Египте, Аравии, Персии и Индии. В своем труде «Жизнь Константина» он делал акцент на успехах христианства в Индии и расположении индийцев к императору Константину. Тенденциозность его сведений не вызывает сомнений, но его обращение к Индии демонстрирует новую позицию христианских авторов по вопросам индийской мудрости. Эта позиция особенно ярко проявилась в труде Августина «О граде божьем», жителями которого он объявлял индийских гимнософистов, а под последними понимались буддисты²⁶.

Независимо от Климента данные о буддизме проникали в Римскую империю через Месопотамию и Сирию. Преимущественно христианские авторы упоминали о Будде в ходе полемики с манихеями (например, Викторин) или в связи со сходством преданий о рождении основателей христианства и буддизма (в частности, Иероним). Кроме случаев, когда буддизм ассоциировали с манихейством, эти авторы с сочувствием описывали буддийское учение, считая его близким к основам христианства (возможно, потому, что хотели противопоставить его язычеству). По словам Иеронима, у буддистов бытует мнение, что Будда родился из бока девы. Здесь четко видна христианская интерпретация; показательны внимание к буддистам и стремление связать буддийскую доктрину с христианством. У Иеронима сохранились и новые данные об Индии, которые поступали на Запад в первые века нашей эры. Так, ему был известен обычай саможжения вдов (сати): «Среди индийцев существует правило (lex), по которому преданная супруга сжигает себя вместе с умершим мужем». Он писал не только о Северной, но и о Южной Индии и морских путешествиях к ней, об огромном интересе римлян к Малабарту, откуда доставлялся индийский перец²⁷.

Можно думать, что в период идеологического кризиса античные «языческие» мыслители не случайно обращали свои взоры к брахманизму с его многобожием и идеей вселенской души, христиане же в своей борьбе с язычниками «находили поддержку» в традиционном противнике ортодоксального брахманизма — буддизме, в котором всеединый Будда как бы представлял аналогом Христа. Такое предположение объясняет и общий интерес христианских авторов к буддизму именно первых веков нашей эры, когда в махаяне сложился культ Будды как высшего божественного существа.

Христианская обработка брахманских сюжетов — характерная черта сочинений, появившихся в период распространения христианства и его соперничества с язычеством Рима. В образе жизни брахманов выделяются те моменты, которые более всего соответствуют христианским правилам, а в брахманизме — то, что могло навести на мысль о превосходстве христианского вероучения. Сюжетная канва обычно была традиционной — в центре повествования оставалась

²⁶ Подробнее см.: Бонгард-Левин, Карпюк 1982.

²⁷ См.: Perumalil 1942: 4.

беседа Александра с индийскими брахманами (многие описания восходили еще к «Индику» Мегасфена, хотя и обрастали новыми деталями и новыми материалами об Индии, постоянно поступавшими в античный мир). Однако оценка была уже иной, смещался акцент при изложении, казалось бы, старых, устоявшихся свидетельств. Эта тенденция хорошо прослеживается в рассказе Палладия (IV в.) «О жизни брахманов»²⁸. Автор прибегает к своеобразному приему: о брахманах говорит некий «фиванский ученый», якобы побывавший в Индии. Сообщается, что «они почитают бога, но не обладают [столь] тонким знанием, чтобы уметь распознавать веления Провидения». Здесь чувствуется упрек и видно определенное противопоставление христианам. Затем излагается беседа Александра с брахманами — сюжет, заимствованный, по словам Палладия, из сочинения Арриана. Однако Дандамис, учитель брахманов, с которым встречается посланец царя Онесикрит, осуждает Александра уже с христианских позиций, а его последние слова, адресованные великому македонцу, передают мысли, отличные от кинических положений Онесикрита и его последователей, зато характерные для «отцов церкви»: «Ведь мы, брахманы, не завидуем тем, кто хочет стать истинно праведным, и подражаем Богу, который жалеет весь род человеческий». Замысел Палладия ясен: вложить в уста индийцев христианскую идею и осудить греческую философию словами тех, кого греки ценили как выразителей высшей мудрости.

Причины обращения христианских писателей к форме диспута в духе кинической философии крылись в том, что острая критика, с которой выступали киники, импонировала этим авторам, они лишь подавали ее в христианской обработке. Таков был замысел, исходящий из конфессиональных установок. Ярко выраженная христианская подоплека отчетливо проступает в так называемом Женевском папирусе, относящемся ко II в. и описывающем встречу Александра с гимнософистами²⁹, а также в версии св. Амвросия, текстуально сходной с сочинением Палладия³⁰.

Так складывался образ Индии в греко-римской традиции. В каждый конкретный период на первый план выдвигался тот или иной аспект индийской духовной жизни. Но существовали некоторые общие черты, позволяющие судить о восприятии греко-римским миром индийской культуры. Для античного миропонимания был характерен живой интерес к чужим культурам, причем он обуславливался не только практическими соображениями, связанными с политикой и торговлей. Античный мир с удивительной легкостью заимствовал и перерабатывал обычаи, представления и идеи народов, с которыми вступал в контакт. Греческие боги часто отождествлялись с восточными, в том числе с индийскими. Сохранились многочисленные предания о путешествиях греческих богов и героев по странам Востока, например о походах Диониса и Геракла в Индию.

²⁸ См.: Derrett 1961.

²⁹ Hansen 1965.

³⁰ Yankowski 1962.

МАУРИЙСКАЯ ИНДИЯ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

ИНДИЙСКАЯ И АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ВОЦАРЕНИИ ЧАНДРАГУПТЫ

Период правления династии Нандов — один из интереснейших и в то же время один из наименее изученных этапов древнеиндийской истории¹. В исторических событиях этого периода ярко отразились особенности так называемой раннебуддийской эпохи, когда происходили крупные изменения не только в политической сфере, но и в общественном строе и религиозных представлениях.

На основе империи Нандов, как известно, возникло государство Маурьев, сохранившее многие государственные институты предшествующего времени. Поэтому изучение истории и государственного устройства нандской империи представляет интерес и для выяснения некоторых особенностей управления маурийского государства.

Бурная эпоха нандской истории интересна еще и тем, что традиция связывает нандских царей не с кшатриями, как этого требовали брахманские законы и практика политической жизни, а с выходцами из низших социальных групп, выступивших против господства кшатриев.

Приход к власти «не дваждырожденных» должен был изменить привычный ход политической истории и опровергнуть незыблемый характер брахманского учения о царской власти как исключительной монополии «дваждырожденных». Вот почему индийская традиция относится к Нандам с явной антипатией², считая их незаконным, даже ненавистным родом, а их правителей — «безнравственными» и «низкими». Брахманские источники с особой неприязнью

¹ Сошлемся, например, на мнение одного из авторов Кембриджской истории Индии, согласно которому «правление Нандов — один из самых неясных периодов даже среди многих совершенно темных эпох в истории древней Индии» (Charpentier 1922: 164). Истории Нандов не посвящено ни одного специального исследования, если не считать написанного Х.Райчаудхури краткого очерка политической истории этой эпохи (см.: в Majumdar 1953), почти целиком повторяющего соответствующий раздел из его же труда «Political History of Ancient India»; (Raychaudhury 1953). Рассмотрение этого периода в общих трудах по истории древней Индии отличается схематизмом и отсутствием источниковедческого анализа, а статьи и небольшие заметки по истории Нандов затрагивают, как правило, лишь отдельные политические события рассматриваемой эпохи.

² С явным недружелюбием относится, например, к Нандам автор «Артхашастры» (XV.1) — см.: Артхашастра 1959: 497.

говорят о Нандах³, которые, согласно Пуранам, не только решились выступить против «дваждырожденных», но и уничтожили всех кшатриев. Даже буддийская традиция (например, «Махавамса-тика») ведет нандскую родословную от предводителя разбойничьей шайки.

Местная традиция низкого (шудрянского) происхождения Нандов и их незаконном воцарении была весьма устойчива и широко распространена не только в Индии, но и за ее пределами (Цейлон, Тибет). Даже античным авторам эти факты нандской истории были хорошо известны.

Возможно, что это традиционное отношение древних индийцев, их хронистов⁴ и историографов к нандской династии оказало определенное влияние и на подход современных исследователей к изучению истории Нандов. Однако неразработанность вопросов нандской истории связана не столько с этим, сколько с характером дошедших до нас источников. Собственно индийских документов, синхронных нандской эпохе, до настоящего времени не сохранилось⁵. Самыми ранними датированными источниками древней Индии являются, как известно, надписи маурийского царя Ашоки. Большинство местных документов, содержащих сведения о нандской династии и нандской империи, относятся к значительно более позднему времени. В связи с этим особый интерес приобретают материалы иноземных источников⁶, в первую очередь сведения античных авторов.

Античные авторы уделяли большое внимание индийскому походу Александра и сохранили весьма ценные свидетельства об индийских государствах того периода.

³ Очевидно, религиозная принадлежность Нандов также оказала влияние на отношение к ним брахманских школ. Согласно некоторым джайнским источникам, Нанды и их министры были джайнистами (см.: *Āvaśyakasūtra*: 435–436; 493–495, цит. по: Majumdar 1953: 34). О принадлежности Нандов к джайнизму могут свидетельствовать и материалы джайнского источника Паришишта-парвана (Jacobi 1883: гл. VI–VIII). Джайнские источники не проявляют, подобно брахманским, недружелюбного отношения к Нандам. Согласно *Āryamañjuśīmūlakalpa*, министром при царе Нанде был Вараручи, характеризующийся источником как буддист (см.: Jayaswal 1934: 14). Профессор А.Бэшем склонен считать первого нандского царя Махападму приверженцем секты адживиков (см.: Basham 1951: 144–145). Если данное заключение соответствует действительности, то оно хорошо объясняет недружелюбное отношение ортодоксальных брахманов к нандским правителям. Правда, ряд аргументов Бэша не представляется достаточно убедительным. Так, автор считает, что сообщение о том, что Чанакья после столкновения с Нандами скрылся у адживика, является подкреплением его заключения о связи Махападмы с адживиками (*Mahāvamsa-tika*. Т. I, с. 183, комментарий на «Махавамсу»). Однако это указание позднего источника скорее свидетельствует против основного вывода автора. Трудно предположить, чтобы Чанакья — главный враг Нандов — скрывался от их преследования у адживиков, если они действительно были тесно связаны с Нандами и получали от них поддержку.

⁴ Брахманская традиция враждебного отношения к Нандам проявлялась, в частности, и в том, что их правление часто вовсе исключалось из хронологических списков индийских династий. Форма Ananda, которая встречается в одном из произведений XII в., является, по мнению Гирсона, своего рода отрицанием правления Нандов (Ananda — «без Нандов») (см.: Smith 1924: 44).

⁵ Укажем лишь на одну надпись, найденную индийским ученым Г.Оджха (Ojha) в округе Аджмир, которую К.Джаясвал по данным палеографии относил к домаурийскому периоду (см.: Jayaswal 1930: 67–68). Джаясвал считал, что упоминаемый в надписи 84 год связан с эрой Нандов. Еще более ранним временем датировал надпись Халдер (Halder 1929: 229). Однако вопрос о времени составления документа еще нельзя считать окончательно решенным.

⁶ Весьма ценные данные о Нандах сохранились в цейлонских хрониках («Махавамсе», «Дипавамсе»), поздних палийских комментариях (например, «Махавамса-тике»), тибетских и китайских источниках, китайских переводах и версиях древнеиндийских сочинений. Можно указать и на камбоджийскую рукопись «Махавамсы», автор которой использовал сингальские комментарии и древние источники, не дошедшие до настоящего времени. В этой рукописи сохранилось довольно подробное описание последних лет правления Нандов (см.: Hardy 1902–1903).

Александр, как известно, готовился к длительному походу в глубь Индии и старался получить подробные сведения о народах и государствах, лежащих к востоку от Гифасиса. Курций Руф (IX.2) и Диодор (XVII.93) отмечают, что Александр, подойдя к Гифасису, вызвал к себе индийского царька по имени Phegelas, и тот сообщил македонскому монарху о царе Аграмесе, о силе его государства, численности индийской армии и т.д. Александр не поверил полностью этим свидетельствам и решил расспросить другого индийского царя, Пора, не менее осведомленного во всех индийских делах. Пор не только заверил Александра в правдивости полученных сведений, но и сообщил ему ряд дополнительных данных об индийском царе Аграмесе.

Можно полагать, что сведения македонцев об индийских государствах базировались на данных, сообщенных местными индийскими правителями. Согласно этим данным, в период похода Александра самыми сильными среди индийских народов были прасии и гангарины (гангариды), возглавлявшееся царем Аграмесом государство которых располагалось в долине Ганга. Мегасфен, побывавший в Индии при царе Чандрагупте, помещал Паталипутру — самый большой, по его мнению, город Индии — во владениях прасиев (Агг. Ind. X.5). Отождествление государства гангаридов и прасиев эпохи похода Александра с Нандской империей в настоящее время не вызывает никаких сомнений⁷. Однако такое заключение еще не позволяет соотнести сведения античных писателей о государстве гангаридов и прасиев и их царе Аграмесе с определенным периодом нандской истории. Для этого необходимым условием является отождествление царя Аграмеса с одним из правителей нандской династии. Правильная идентификация Аграмеса с одним из нандских царей представляет большой интерес и для маурийской истории, в первую очередь для решения вопроса о воцарении и хронологии правления Чандрагупты.

В настоящее время⁸ общепринятой является точка зрения об идентификации Аграмеса (Aggrammes у Курция Руфа — IX.2, и Χανδράμες у Диодора — XVII.93)⁹ с последним царем нандской династии¹⁰ (Дхана Нанда — по «Махавамсе»¹¹, «Махавамса-тике»¹² и «Махабодхивамсе»¹³). Однако сторонники ука-

⁷ У античных авторов не упоминается имя «Нанда» (кроме Юстина, свидетельство которого будет разобрано ниже), но их описания индийского государства и его царя, правившего в период похода Александра, позволяют с определенностью рассматривать царя народов гангаридов и прасиев как представителя династии Нандов. Кроме того, у Плутарха (Alex. LXII) рассказывается о встрече Александра с юным Чандрагуптой, который сообщил македонцу о правящем индийском царе. По словам Плутарха (Alex. LXII), вскоре после правления царей гангаридов и прасиев царем стал Чандрагупта (Ἀνδρόκοττος γὰρ ὕστερον οὐ πολλῷ βασιλεύσας); идентичность Ἀνδρόκοττος с Чандрагуптой, установленная еще У.Джонсом, не вызывает никаких сомнений.

⁸ Укажем на предлагавшуюся в свое время явно ошибочную идентификацию Аграмеса с Чандрагуптой: Χανδράμες у Диодора = санскр. Chandramas (название лунного месяца, просто лунный месяц) = Chandragupta (см.: McCrindle 1893: 221; Ventateswara Aiyar 1915: 41–52).

⁹ Sacra? (mes?) в Epitome Mettensis (107. 7–15), цит. по: Stein O. 1929: 355–357 и Bussagli 1956: 237. Издание Вагнера, к сожалению, осталось нам недоступным (Wagner O. Jahrbücher für klassische Philologie. 1900. Suppl. 26).

¹⁰ В качестве примера сошлемся лишь на некоторые общие и специальные работы (Renou, Filliozat 1947: 211; Majumdar 1953: 31; Majumdar, Raychaudhury, Datta 1953: 63; Nilakanta Sastri 1953: Nilakanta Sastri, Aiyar 1952: 14; Bussagli 1956: 237; Lamotte 1958: 107).

¹¹ Mahāvamsa. V.17 (здесь и в дальнейшем по изданию: Geiger 1960).

¹² Mahāvamsa-tika. T. I: 181–183, Malalasekera 1935–1936. Некоторые сведения «Махавамса-тики» в основном заимствованы нами из введения Тёрнора к переводу «Махавамсы» (Turnour 1837) и из словаря Малаласекеры (Malalasekera 1960).

¹³ Strong 1891: 98.

занной идентификации не приводят необходимых доказательств в пользу своего вывода, ограничиваясь лишь некоторыми совпадениями в характеристике Аграмеса и последнего нандского царя¹⁴.

Итак, исследователь нандской истории располагает, с одной стороны, данными античных авторов, основанными на местной индийской традиции и местных материалах, с другой — свидетельствами весьма поздних индийских, цейлонских, тибетских и китайских документов. Наибольшую трудность представляет соотнесение свидетельств источников (в том числе и античных) с определенным периодом в истории Нандов, а следовательно, и создание четкой периодизации и хронологии нандской истории. Вместе с тем это должно явиться первоочередной задачей в исследовании истории Нандов. Впрочем, уже сейчас можно сказать, что детальное сопоставление античных и других иноземных источников с местными документами свидетельствует об ошибочности общепринятой идентификации и в связи с этим требует пересмотра традиционных схем нандской истории.

Обратимся к источникам.

В Пуранах — древних генеалогических списках индийских династий — первым нандским царем и основателем новой шудрянской династии считается Махападма (Mahāpadma), хотя он и характеризуется как сын царя Маханандина (Mahānandin) от шудрянки¹⁵. Согласно Пуранам, именно Махападма заложил основы мощи нандской империи, «уничтожил всех кшатриев»¹⁶ и стал «единоправителем земли»¹⁷. Кроме имени Mahāpadma, в Пуранах первый царь нандской династии именуется также Mahāpadmapati, Mahāpadmo Nanda, Mahānanda, Mahādeva¹⁸. Можно предполагать, что именно Nanda и являлось собственным именем первого нандского царя, а остальные представляли собой эпитеты и пышные титулы¹⁹. Это подтверждается и сведениями из других индийских источников: в «Паришиштапарване»²⁰ и «Арьяманджушримулакальпе»²¹ первый из нандских царей и основатель нандской династии именуется просто Нанда — Nanda²². Имя первого нандского царя и дало, по-видимому, название всей династии. Специального внимания заслуживают и свидетельства «Махабодхивамсы», где список девяти нандских царей, правивших после десяти сыновей Кала-

¹⁴ Защитники указанной идентификации ссылаются и на определенную близость имени Аграмеса к испорченной формой санскрит. Augrasainya — сын (потомок) Уграсены (по «Махабодхивамсе» Ugrasena — первый из нандских правителей) (см., например, PHAI: 236). Однако возможность трансформации санскрит. Augrasainya в Аграмес (Хаṁдрáмес) представляется маловероятной. Показательно, что имя Augrasainya почти не встречается в древнеиндийских источниках. Ни разу не засвидетельствовано оно, например, в Пуранах (см.: Dikshitar 1951).

¹⁵ Mahānandisutaś cāpi śūdrāyāṁ kalikāṁśajāḥ; mahānandisuto rājan śūdrāgarbhadbhavo; (см. Pargiter 1913: 25).

¹⁶ Sarvakṣatrāntako; kṣatravināśakṛt (Pargiter 1913: 25).

¹⁷ Ekarāt sa Mahāpadma ekacchatro; sa ekacchatrāṁ prthivīm anullanghitaśāsanah śāsiṣyati Mahāpadmaḥ (Pargiter 1913: 25).

¹⁸ См.: Pargiter 1913: 24–25, 69, примеч. 15; Dikshitar 1951; Eggermont 1956: гл. VII. При этом в одной из древнейших и авторитетнейших из Пуран — «Вишну-пуране» (Viṣṇu Purāṇa) употребляется Nanda.

¹⁹ Mahāpadmapati, например, означает «владелец огромного богатства». Таково мнение комментатора «Вишну-пураны» (см.: Wilson 1840: 184; PHAI: 231). Mahādeva — великое божество.

²⁰ Pariśiṣṭaparvan. VI. 231.

²¹ См.: Āryamañjuśrīmūlakalpa: 15. Так же и в «Дивьявадане» (см.: Cowell, Neil 1886: 369).

²² В джайнских источниках первый из царей нандской династии именуется Нандой (Nanda или Nandaraṇa) — Vijayarājendra Bhaṭṭāraka, Abhidhāna Rājendra. I–VII. Ratlam, 1913–1925, IV: 1750.

Ашоки, возглавляет Uggasena (Ugrasena)²³. Наконец, согласно бирманской традиции, первым нандским царем являлся Ugrasena-Nanda²⁴.

Таким образом, первым собственно нандским правителем следует считать царя Нанду, известного также как Махападма и Уграсена²⁵. Находят подтверждение в местных и иноземных источниках и указания Пуран о низком, шудрянском происхождении первого из нандских правителей.

Античные источники отмечают незнатность и даже неизвестность происхождения нандского царя. Так, согласно Диодору (XVII.93), о царе гангаридов Аграмесе говорят как о человеке совершенно «низком» (εὐτελῇ παντελῶς) и неизвестного происхождения (ἄδξον). Курций Руф (IX.2), приводя слова Пора, указывает, что правящий царь (речь также идет об Аграмесе — Aggrammes) не только неизвестного происхождения, но даже и самого наинизшего (ceterum qui regnaret, non modo ignobilem esse, sed etiam ultimae sortis). О безродности (δυσγένεια) индийского царя сообщал Александру, по словам Плутарха, и молодой Чандрагупта (Alex. LXII).

Сходные сведения сохранила нам индийская традиция. Различные индийские и цейлонские источники указывают на низкое происхождение первого нандского царя. Согласно, например, «Паришиштапарвану», первый из Нандов был сыном куртизанки (gaṇikākuṣījanma) и цирюльника (nāṇitakumāra)²⁶. Сходные сведения содержатся и в ряде других джайнских источников²⁷. Пураны, как мы уже отмечали, считают основателя нандской династии сыном шудрянки²⁸. «Махавамса-тика» рассматривает первого из Нандов как представителя неизвестного рода — aññātakula²⁹, что точно соответствует δυσγένεια Плутарха, ἄδξος Диодора и ignobiles Курция Руфа. Находят параллели в индийских источниках также сведения античных авторов о «низких», «дурных качествах» и «порочности» индийского царя (μοχθηρία — Плутарха, εὐτελής — Диодора). Так, согласно Пуранам, нандские цари были «недобродетельными» (adhārmikah)³⁰. Āryamañjuśrīmūlakalpa называет первого нандского правителя «низким человеком» (pīsa)³¹.

Совпадают данные обоих видов источников и о родословной нандского царя. Диодор и Курций Руф отмечают, что отец правящего царя (речь идет об Аграмесе) был цирюльником³². Об этом же свидетельствуют и индийские тексты.

²³ Uggasenānanda см.: Mahābodhiṅgaṇṇa: 98. Интересно отметить, что в «Бхагавата-пуране» (X.84, 59; 68) Уграсеной именуется Нанда (см.: Dikshitar 1951: 210).

²⁴ См.: Bigandet 1914; Jayaswal 1915: 67–116.

²⁵ Ugrasena дословно значит «тот, кто обладает огромной армией». По-видимому, это было одно из наиболее распространенных наименований нандского царя, хорошо отражающее реальное могущество этого индийского правителя. Согласно ряду индийских источников, первый из нандских правителей обладал огромной армией (например, в «Āryamañjuśrīmūlakalpa» царь Nanda характеризуется как mahāsainya — «имеющий огромную армию»).

²⁶ Parīśiṣṭaparvan. VI.231.

²⁷ См.: Abhidhāna Rajendra. IV: 1750. В тексте вместо gaṇikāsuto nandaḥ ошибочно стоит taṇikāsuto nandaḥ.

²⁸ mahānandisutaś cāpi mahānandisuto rājan śudrāyāṃ Kalikāṃśajah; śudrāgarbhodbhavo bali (Pargiter 1913: 25).

²⁹ accātakulassa putto; см.: Vamsathappakāsinī, I: 179–180.

³⁰ См.: Pargiter 1913: 21.

³¹ nīcamukhyasamākhyaṭas — «называемый главой низких» или «низким предводителем» — см.: Jayaswal 1934: 14.

³² Диодор (XVII.93): κοῦρέως τὸν νομίζουσιν εἶναι. Курций Руф: patrem eius tonsorem. Эта традиция сохранилась и в более поздних античных источниках, но не в отношении Аграмеса, а царя Пора. Так, у Фотия в его выписках из Гелладия (греческого грамматика IV в. н.э.) мы находим:

Джайнское сочинение «Паришиштапарван» считает первого из нандских царей сыном цирюльника (Nāpītakumāra и Nāpitasū)³³. Джайнская сутра (Āvaśyaka-sūtra) также связывает первого из Нандов с цирюльником³⁴.

Находят подтверждение в индийских документах и данные античных писателей о сильной армии царя Аграмеса³⁵. В Ārṇaṭjñāśrīmūlakalpa первый нандский правитель по имени Nanda характеризуется как обладающий огромной силой (mahābalaḥ) и имеющий огромную армию (mahāsainyaḥ)³⁶. Интересно в данной связи и само имя Ugrasena, также означающее «имеющий огромную, мощную армию». Легко увязать и античные свидетельства о государстве прасиев и гангаридов, где царем был Аграмес, с данными индийских источников об обширной империи первого из нандских царей (например, со свидетельствами Хемачандры³⁷ и Пуран — ДКА: 24–25).

Приведенные материалы говорят, таким образом, о почти полном совпадении многих свидетельств античных источников о царе Аграмесе с данными индийской традиции о первом правителе нандской династии — царе Нанда (= Уграсена). Это позволяет отождествлять царя Аграмеса (Aggrammes Курция Руфа и Χανδράμεζ Диодора) с первым правителем нандской династии Нандой (= Уграсена = Махападама)³⁸. Очевидно, что этот индийский правитель, отличавшийся мощью своей огромной армии, был известен под именем Уграсена («обладающий огромной армией»)³⁹. Так, по-видимому, именовали этого нандского царя, правителя прасиев и гангаридов, местные индийские царьки Бхагала⁴⁰ и Пор при встрече с Александром. В античной же традиции это свидетельство, основанное на устном сообщении индийских правителей, сохранилось в несколько измененном виде — Aggrammes и Χανδράμεζ⁴¹.

«Πῶρος δ' ὁ βασιλεὺς Ἴνδῶν κυρέως ἦν υἱὸν» (Bekker 1824: 530, a. 35). Об этом же заявлял в одной из своих речей греческий софист IV в. Либаний (Oratio LVII.52): «ἀλλὰ Πῶρος οὐκ ἐκ κουρέως μὲν, Ἴνδοις δὲ ἐπέταξεν. Пор был наиболее известным индийским царем в античном мире, так что, по-видимому, его имя являлось как бы собирательным для обозначения индийских правителей. На это могут указывать не только вышеприведенные примеры, но и сообщение Страбона (XV.1.4) о посольстве к Августу от индийского царя Пора.

³³ Pariśiṣṭaparvan. VI.231, 244. Указанный документ, хотя и относится к значительно более позднему времени, сохранил, по-видимому, очень древнюю индийскую традицию о происхождении Нандов.

³⁴ Он рассматривается как раб цирюльника — nāpītaḍāsa.

³⁵ По данным Курция Руфа (IX.2) и Диодора (XVII.93), армия царя Аграмеса состояла из 200 000 пеших воинов, 20 000 всадников, 2000 колесниц и 3000 боевых слонов (у Диодора — 4000). Цифры, сообщаемые Плутархом, по-видимому, преувеличены: 80 000 всадников, 200 000 пехотинцев, 8000 колесниц и 6000 боевых слонов.

³⁶ См.: Jayaswal 1934: 14.

³⁷ См.: Pariśiṣṭaparvan. VII.81.

³⁸ Приятно указать, что этот вывод получил поддержку крупнейшего английского индолога А.Бэшама, который в письме ко мне от 21 сентября 1961 г. отмечал: «I am inclined to agree with You that Agrammes was Mahāpadma-Ugrasena. To identify him with one of the obscure sons, whose names are only given in very late sources, seems quite unnecessary».

³⁹ Показательно, что имя Ugrasena очень употребительно в древнеиндийских источниках (см., например: Dikshitar 1951: 210–211; Lacotte 1908: 158).

⁴⁰ У Курция Руфа — Phegelas. Леви (JA. 1890. XV:239) предложил отождествлять его с санскр. Bhagala, встречающимся у Панини под рубрикой «Bāhu» наряду с названиями Taxila, Āmbhi и др. Однако авторы Кембриджской истории Индии (CHI: 468) с сомнением принимают указанную идентификацию.

⁴¹ У Юстина (XV.4) говорится о царе Нандре (Nandrum), в котором следует видеть первого нандского царя Нанду. Можно предположить, что имя, встречающееся у Диодора, — Χανδράμεζ — является несколько искаженной формой Nandrames, связанного с именем первого нандского царя Nanda (Nandrum Юстина). Такое толкование также подтверждает предлагаемую нами идентификацию (см.: Stein O. 1927: 357).

Предлагаемое нами отождествление Аграмеса с первым царем нандской династии расходится с общепринятой точкой зрения об идентификации Аграмеса с Дхана Нандой — последним нандским царем (по традиции одним из восьми сыновей нандского правителя). Сторонники указанной идентификации формально основывались лишь на отдельных свидетельствах античных источников, не проводя сравнительного изучения античных и индийских материалов о Нандах. Так, на основе указания Диодора о том, что цирюльник — отец Аграмеса убил правящего царя и захватил престол, делался вывод, что он был основателем и первым царем нандской династии, а Аграмес, следовательно, его преемником⁴². Этой схеме подыскивалось и соответствие в индийских документах: Аграмес сопоставлялся с Дхана Нандой, одним из сыновей первого из нандских правителей и, согласно традиции, последним царем нандской династии. Однако если принять такое соотношение, то свидетельства античных источников не найдут имеющихся в действительности соответствий в индийских текстах.

Указание античных авторов на узурпацию отцом Аграмеса царского престола может показаться противоречащим нашему выводу об идентификации Аграмеса с первым царем нандской династии (Нандой/Уграсеной). Однако анализ свидетельств индийских источников о происхождении Нандов разрешает это лишь кажущееся противоречие.

Так, указание античных авторов об узурпации отцом Аграмеса царского престола находит соответствие в «Махавамса-тике», согласно которой старший из десяти сыновей Кала-Ашоки был руководителем разбойничьей шайки, силой захватил Паталипутру — столицу государства и провозгласил себя царем⁴³. После его смерти последовательно правили девять братьев, носивших родовое имя Nanda (Nava Nandāḥ — «девять Нандов»)⁴⁴. «Махавамса-тика», однако, не включает в число нандских правителей узурпатора престола, который в конечном счете утвердил власть нандской династии. Лишь от Нанды (= Mahāpadma) ведут нандскую династию и Пураны, хотя и считают его сыном царя Маханандина. «Паришиштапарван» также первым нандским правителем объявляет Нанду, хотя и сообщает о его отце.

Очевидно, что отец Аграмеса — цирюльник, узурпатор престола и цареубийца — не рассматривался как царь собственно нандской династии и не включался в список нандских правителей.

В большинстве пуранических списков первый из собственно нандских царей рассматривается как сын царя Маханандина (Mahānandin), который помещается среди правителей предыдущей династии Шайшунагов. Можно предполагать, что составители Пуран, строго фиксировавшие все правящие династии, специально

⁴² См.: Sastri 1952: 14, 23–24; PHAI: 231–236.

⁴³ См.: Turnour 1837: XXXIX; Malalasekera 1935–1936: 179–181.

⁴⁴ Указание «Махавамса-тики» на непосредственную родственную связь девяти Нандов с Кала-Ашокой требует определенных коррективов. «Махавамса-тика», видимо, просто связывает вместе и десять сыновей Кала-Ашоки, и девять нандских правителей. Согласно же самой «Махавамсе», комментарием на которую и является «Махавамса-тика», десять братьев — сыновей Кала-Ашоки правили в течение 22 лет, а затем тоже 22 года царями последовательно были девять Нандов (Kālāsokassa puttā tu ahesuṃ dasa bhātukā dvāvisati te vassāni rajjaṃ samanūsāsisaṃ nava nandā tato āsuṃ kameneva narādhipā, te pi dvāvīsa vassāni rajjaṃ samanūsāsisaṃ — Mahāvamsa. V.14, 15). О правлении десяти братьев после смерти Шайшунаги в течение 22 лет сообщает и «Дипавамса» (Dīpavamsa. V.98, 99). Упоминание же о Нандах отсутствует, и следующая шлока сообщает уже о Чандрагупте. В тексте ошибочно стоит Susunāgass'accayena honti te dāsa bhataro, так как имеется в виду не Шайшунага, а Кала-Ашока. Ольденберг в переводе дает Susunāga (Kālāsoka!) — см.: Oldenberg 1879.

связали шудрянскую династию Нандов с кшатрийскими правителями династии Шайшунагов. Напомним еще раз, что остальные индийские и античные источники, основанные на индийской традиции, называют отца первого нандского правителя просто цирюльником и узурпатором престола, а некоторые и вовсе не упоминают о нем. В «Махабодхивамсе» и «Махавамсе», например, девять Нандов помещаются сразу же после десяти сыновей Кала-Ашоки.

Изучая династические списки Пуран, голландский ученый П.Эггермонт пришел к заключению о существовании в Пуранах двух хронологических схем: краткой (более древней) и удлинненной, возникшей вследствие прибавления определенного количества лет к правлению отдельных индийских династий⁴⁵. По мнению автора, имя Mahānandin было лишь впоследствии отнесено к Шайшунагам, а в действительности Маханандин являлся первым и единственным царем нандской династии⁴⁶.

Таким образом, указание Пуран на связь первого из нандских царей с предыдущей династией является отражением поздней интерполяции в древний оригинал текста. Такое заключение хорошо согласуется с высказанным нами положением о том, что Пураны первоначально, подобно другим источникам, не включали отца первого нандского царя Аграмеса (= Нанда = Уграсена) в список нандских правителей. Оно подтверждает также и наш основной вывод об идентификации Аграмеса античных авторов с первым нандским правителем Нандой-Уграсеной.

Если вопрос об идентификации отца Аграмеса с конкретным индийским царем пока остается открытым и его разрешение представляет значительные трудности (как узурпатор престола, цареубийца и цирюльник, он, по-видимому, не включался в династические списки индийских правителей), то сопоставление античных и индийских источников позволяет наметить определенную связь между царем, убитым отцом Аграмеса, и индийским царем Кала-Ашокой. Напомним, что, согласно античным авторам, отец Аграмеса после тайного убийства правя-

⁴⁵ Eggmont 1956: 144–163.

⁴⁶ П.Эггермонт сопоставляет Mahānandin с Mahānanda «Брахманда-пураны» как именем первого нандского царя (см.: Pargiter 1913: 74, примеч. 9). В «Vāyu Purāṇa», которая, по-видимому, является древнейшей из Пуран, непосредственно после шайшунагского царя Какаварна (Kakavarta) стоит лишь имя Mahānandin, а затем следуют маурийские цари — Чандрагупта, Биндусара, Ашока и т.д. (см.: Eggmont 1956: 218). Если точка зрения Эггермонта об идентичности Маханандина и Махананды как первого царя нандской династии заслуживает внимания, то положение автора о том, что Маханандин являлся единственным нандским правителем, нуждается в серьезных коррективах. Эггермонт не учитывает сведений многих индийских источников о правлении девяти Нандов. Традиция же о правлении девяти нандских царей была широко распространена и сохранилась в буддийских, джайнских и брахманских источниках. Напомним, что в большинстве Пуран упоминаются даже имена преемников первого из Нандов (см.: Pargiter 1913: 24–25). В ряде индийских источников говорится о совместном правлении девяти Нандов, в других — о последовательном правлении наследников первого нандского царя. Можно предполагать, что наследники первого из Нандов правили вместе с ним, т.е. еще при его жизни, но древнейшие пуранические списки сохранили лишь имя первого (и тогда лишь в этом смысле единственного) нандского царя. Сошлемся в данной связи на комментарий Дхундхи-раджи (Dhundhirāja) к «Мудрараکشасе», согласно которому в последний период своей жизни первый нандский царь практически передал всю власть сыновьям, осуществлявшим управление государством. Не связаны ли с этим и свидетельства античных авторов (Плутарх) о *царях* народа прасиев? Один из главных героев «Мудрараکشасы», мудрый и коварный Чанакья, с гордостью восклицает: «Как злую боль из сердца, выкорчевал девять Нандов из земли. Как лотос на воде озерной — Маурьи власть я утвердил» (I.6). В драме рассказывается и об убийстве нандского царя Сарвартхасиддхи, который удалился от всех мирских дел в лесную обитель еще задолго до окончания борьбы Чанакьи и Чандрагупты за престол. Комментарии считали Сарвартхасиддху, имевшего восемь сыновей, первым царем нандской династии.

щего царя лишил жизни и его сыновей. Индийская традиция (например, Бана в «Харшачарите») сохранила упоминания о трагической смерти шайшунагского царя Какаварны (Kākavarṇa)⁴⁷, имевшего, согласно ряду источников⁴⁸, десять сыновей. По сведениям некоторых Пуран (DKA: 24), Маханандин правил после Нандивардханы (Nandivardhana)⁴⁹, который в «Махабодхивамсе»⁵⁰ перечисляется среди сыновей Кала-Ашоки⁵¹. Интересно, что в цейлонских хрониках приводится лишь одна цифра для правления всех сыновей Кала-Ашоки⁵². Эти данные индийских источников соблазнительно связывать с материалами античных источников об убийстве отцом Аграмеса правящего царя, захвате им престола под видом защиты царских сыновей⁵³ и последующем убийстве их⁵⁴.

Пересмотр общепринятой точки зрения об идентичности Аграмеса с Дхана Нандой не только не противоречит имеющимся материалам, но, напротив, хорошо согласуется с данными различных источников о последнем царе нандской династии Дхана Нанде.

⁴⁷ Точка зрения Г.Якоби об идентичности Kākavarṇa и Kālāśoka ныне принята большинством исследователей и хорошо согласуется с материалами многих древнеиндийских, а также цейлонских источников (см.: PNAI: 221–222).

⁴⁸ См.: Malalasekera 1935–1936: 179–180 (ср.: Turnour 1837: XXXIX); в «Махабодхивамсе» сохранились имена всех сыновей Кала-Ашоки: Bhadrāsena, Koraṇḍavarṇa, Maṅgura, Sarvañjaha, Jālika, Ubhaka Saṁjaya, Koravya, Nāndivardhana, Pāñchamukha. Иной список наследников Какаварны (= Кала-Ашока) дает «Дивьявадана»: Sahālin, Tulakuchi, Mahāmaṇḍala, Prasenañjit (см.: Cowell, Neil 1886: 369). После наследников Какаварны следует первый царь новой династии Нанда (Nanda).

⁴⁹ В Пуранах (Pargiter 1913: 21–22) он упоминается как царь династии Шайшунагов. Однако, по мнению Эггермонта, имя Nandivardhana отсутствовало в древних пуранических списках среди Шайшунагов и было лишь значительно позднее включено в число правителей этой династии (см.: Eggermont 1956: гл. VII). На основании определенного сходства имен Nandivardhana и Mahānandin, помещаемых некоторыми пураническими списками среди Шайшунагов, с именами нандских правителей и династии в целом некоторые исследователи предложили подразделять нандских царей на две группы: новых Нандов, трактуя при этом пава не как «девять», а как «новый», — и старых, относя к последним Nandivardhana и Mahānandin. Этой точки зрения вслед за К.Джаясвалом (Jayaswal 1915: 91–95) придерживались и авторы Кембриджской истории Индии (СН: 314). Сторонники деления Нандов на две группы ссылались на Кшемендру и Сомадеву, у которых говорится о Pūrvaṇanda (старшем или прежнем, по их мнению, Нанде). Однако Pūrvaṇanda в указанных источниках употреблено по отношению к одному царю, а не к прежним или ранним Нандам, и оно противопоставляется не Navanandāh, а Yogananda (лже-Нанде, оживленному труп царя Нанды). Против вышеуказанной трактовки совершенно определенно свидетельствуют материалы «Паришиштапарвана» (VIII.3), некоторых Пуран (см.: DKA: 25–26), джайнских (см.: Abhidhāna Rājendra. IV: 1750) и цейлонских («Махавамса». V.15) источников, «Мудраракасасы» (I.6) и других, в которых пава обозначает «девять» (navanandāh — «девять» Нандов).

⁵⁰ Mahābodhivamsa: 98.

⁵¹ В связи с этим вывод Филлиоза о том, что Nandivardhana соответствует Kālāśoka, не представляется достаточно убедительным (Filliozat 1948: 194). Противоречит этому и вывод Эггермонта о неправомерности отнесения Nandivardhana к Шайшунагам. Однако и принятие точки зрения Филлиоза не исключает наше положение о связи убитого отцом Аграмеса царя, упоминаемого у античных авторов, с Кала-Ашокой индийских источников.

⁵² Mahāvamsa. V.14.

⁵³ У Курция Руфа (IX.2): sub specie tutelae liberum eius invasisse regnum.

⁵⁴ Возможно, что совместное правление сыновей Кала-Ашоки, о котором сообщают цейлонские хроники, связано с пребыванием в качестве регента при царевичах («под видом защиты царских сыновей») отца Аграмеса. Показательно, что многие индийские источники не связывают Нандов с предшествующей династией. В «Махавамсе» (V.15) и «Махабодхивамсе» (Mahābodhivamsa: 98) династия Нандов помещается сразу же после правления десяти сыновей Кала-Ашоки, что хорошо согласуется с вышеизложенными материалами (отец Аграмеса, узурпировавший престол, не включался в династические списки индийских правителей, в том числе и в нандскую династию).

Согласно «Махавамсе» (V.17), «Махавамса-тике»⁵⁵ и «Махабодхивамсе»⁵⁶, Dhana Nanda был последним нандским царем, после которого источники помещают династию Маурьев. Палийские источники связывают гибель Дхана Нанды с Чанакьей (Cāṇakka), который после этого возвел на престол Чандрагупту (Candagutta)⁵⁷. «Махавамса-тика» особенно подчеркивает огромное богатство этого нандского правителя и его жадность⁵⁸, что находит многочисленные параллели в других документах⁵⁹. На богатство и корыстолюбие нандского царя указывает «Мудраракшаса», повествуя о борьбе Чандрагупты с последним из Нандов⁶⁰. Античные же авторы нигде не отмечают этих фактов нандской истории и этих качеств царя Аграмеса. Вместе с тем индийская традиция уже не подчеркивает незнатность и низкое происхождение последнего нандского царя. В «Мудраракшасе» (VI. 6) он назван *ratih ussairabhijanaḥ* — «царь благородного (высокого) происхождения»⁶¹. Если античные авторы особо подчеркивают ненависть народа к царю Аграмесу, то в «Мудраракшасе» Чанакья — министр Чандрагупты — беспокоится, не вызывают ли греховные деяния маурийского царя у подданных воспоминаний о добродетелях предшествующего царя (т.е. последнего из Нандов)⁶². «Мудраракшаса» с гордостью заявляет о преданности городского люда царю Нанде. В драме нандский царь назван добродетельным⁶³, что противоречит данным античных и индийских источников о первом нандском правителе (Аграмесе-Нанде-Уграсене).

⁵⁵ Malalasekera 1935–1936 (I): 181.

⁵⁶ См.: Strong 1891: 98.

⁵⁷ См.: Malalasekera 1960 (I): 1131. *navamaṃ Dhananandaṃ taṃ ghatetvā* (см.: Malalasekera 1935–1936 (I): 181).

⁵⁸ «Махавамса-тика» отмечает, что младший из нандских правителей был назван Dhana Nanda из-за его страсти к накоплению богатства *dhananidahanavittikatāya* (*Vamsatthappakāsinī*. I: 181). Согласно «Махавамса-тике», Дхана Нанда собрал огромное богатство (80 *коти*) и спрятал его в скалу на дно Ганга. Особый интерес представляет свидетельство о том, что Dhana Nanda, охваченный страстью к накоплению богатства, обложил налогами многие предметы, даже такие, как шкуры, камедь, деревья, камни. Это указание текста заслуживает особого внимания в связи с сообщением Патанджали об установлении Нандами (особых) мер — *Nandopakramāpi māṅgāni* (см.: Sastri 1952: 26).

⁵⁹ Не только в «Мудраракшасе» (III.27) и «Катхасаритсагаре» (IV.95), но даже у Сюань-Цзана (Watters 1905: 296) и древнетамильских писателей (см.: Nilakanta Sastri 1958: 80) сохранились упоминания об огромном богатстве Нандов. При этом в ряде случаев совпадают даже детали в описании действий нандских царей, стремящихся спрятать свои сокровища (большинство источников связывают это с последним нандским правителем Дхана Нандой). Так, тамильские источники сообщают о том, как нандские цари прятали накопленное богатство в истоках Ганга (ср. с данными «Махавамса-тики»), см.: Aiyangar 1918: 89.

⁶⁰ Говоря словами Чанакьи, «корыстолюбивого Нанду радовала денежная благодарность» (*nandasyaivārtharucetartha sambandhaḥ prītimutpādayati* — Telang 1884: 57). Русский перевод см.: Эрман 1959: 25.

⁶¹ В данной связи определенный интерес может представлять сообщение «Паришиштапарвана» (IX.311–326) о взаимоотношениях Чанакьи и Чандрагупты с последним нандским царем. Согласно свидетельству Хемачандры, Чандрагупта и его советник Чанакья разрешают последнему из Нандов покинуть Паталипутру вместе с семьей. Дочь нандского царя влюбилась в Чандрагупту, и отец разрешает ей домогаться любви нового правителя, ссылаясь на то, что «для девушки из (варны) кшатриев дозволено выходить замуж по собственному выбору» *prāyaḥ kṣatriyaka-nyānām śasyate hi svayamvaraḥ* (IX.320). Данный отрывок показывает, что последний из Нандов считал себя уже кшатрием (или домогался кшатрийства).

⁶² *na khalu candraguptadoṣa atikrāntapārthivaguṇānadhunā smārayanti prakṛtiḥ* (*Viśākhadatta. Mudrārākṣasa*: 57).

⁶³ *Devam nandaṃ* «божественный» (Telang 1884: 76). Эрман переводит — «добрый Нанда-царь»: Эрман 1959: 32.

Хотя материалы поздней драмы не могут служить решающим аргументом в защиту того или иного положения, но многие свидетельства «Мудраракшасы», основанные на данных более древней традиции, безусловно, заслуживают доверия.

В свете изложенных материалов и предлагаемых сопоставлений находят объяснение и некоторые сведения Юстина о взаимоотношениях Чандрагупты с нандскими царями. Согласно Юстину (XV.4), Чандрагупта оскорбил царя Нандра⁶⁴ и спасся только благодаря скорости своих ног. В этот период Чандрагупта, как указывает Юстин, еще не помышлял о царской власти. Лишь впоследствии, в борьбе за магадхский престол ему пришлось вести борьбу с Нандами, окончившуюся полной победой основателя маурийской династии. Рассказ Юстина о столкновении Чандрагупты с царем Нандрой (Нандой), по-видимому, можно связать с эпизодом из Плутарха (Alex. LXII) о встрече юного Чандрагупты с Александром, когда будущий маурийский правитель довольно нелестно отзывался о качествах и происхождении Аграмеса. Напомним, что многие источники называют первого из Нандов, которого мы сопоставляем с Аграмесом, просто Нанда. Таким образом, Нандра Юстина⁶⁵ не кто иной, как первый из нандских правителей — Нанда (= Уграсена = Аграмес), с которым вел борьбу молодой Чандрагупта⁶⁶. В последующем Чандрагупта соперничал уже с последним из нандских правителей — Дхана Нандой (имени Юстин не указывает, но оно известно из других источников).

Принятие предлагаемой идентификации Аграмеса с первым царем нандской династии Нандой (= Уграсеной) не только ведет к пересмотру существующих толкований отдельных фактов и событий изучаемой эпохи, но и вносит коррективы в традиционные схемы нандской истории в целом.

Если до сих пор все сведения античных писателей о царе Аграмесе и его государстве связывали с Дхана Нандой — последним царем нандской династии и на этом основывались при решении вопроса о борьбе Чандрагупты за власть, то новая идентификация Аграмеса восполняет наши знания о начальных этапах нандского господства. Значительные коррективы придется внести в хронологию как нандской, так и маурийской эпох. Идентификация Аграмеса с первым нандским царем устанавливает, что в период похода Александра в Индию до его возвращения на запад в Магадхе правил первый нандский правитель по имени Нанда-Уграсена (Аграмес). Поскольку известно, что борьбу за власть Чандрагупта Маурья вел с Дхана Нандой — последним нандским правителем, то есте-

⁶⁴ Quippe cum procacitate sua Nandrum regem offendisset, interfici a rege iussus salutem pedum celeritate quaesierat (XV. 4. 16) — «когда он (Чандрагупта) оскорбил своей дерзостью царя Нандра, царь приказал его убить, но он обрел спасение благодаря скорости ног».

⁶⁵ Большинство современных издателей и исследователей справедливо читают Nandrum, засвидетельствованное в большинстве рукописей (см.: von Gutschmid 1892: 568–576). В пользу такого чтения свидетельствуют также общий контекст Юстина, сообщение Плутарха о встрече юного Чандрагупты с Александром и сведения индийских источников о борьбе Чандрагупты с Нандами. Однако ряд ученых возражают против указанного чтения и предлагают исправить Nandrum на Alexandrum (см., например: PHA1: 265, примеч. 1; Sastri 1952: 12–13, 144). Эта точка зрения была высказана еще Лассеном (Lassen 1873: 205–225). Чтение Alexandrum встречается лишь в двух испорченных рукописях (procacitate sua alexandrum regem; sua alexandrum) (см.: Gutschmid 1892: 572).

⁶⁶ Многие исследователи отождествляли Nandrum Юстина с последним царем нандской династии Дхана Нандой. См., например: Hultzsch 1925: XXXIV (в дальнейшем CII); Vallée-Poussin 1930: 57.

ственно, что прошедший период был ознаменован сменой правления ряда нандских царей (согласно традиции, после первого нандского царя правили восемь его сыновей). Можно предполагать, что после смерти первого нандского правителя между наследниками развернулась борьба за престол, окончившаяся победой Дхана Нанды.

На это могут, по-видимому, указывать свидетельства ряда Пуран о правлении восьми Нандов — преемников первого нандского царя в течение лишь 12 лет⁶⁷, в то время как сам основатель династии царствовал значительно дольше.

Известно, что Аграмес (согласно нашему толкованию, первый из собственно нандских правителей) еще правил в Магадхе в 326–325 гг. до н.э., когда Александр готовился к походу в глубь Индии и когда, если следовать за Плутархом, состоялась его встреча с юным Чандрагуптой. Согласно Пуранам, после царствования первого нандского царя в течение 12 лет правили его наследники, последний из которых — Дхана Нанда был свергнут Чандрагуптой Маурья. Это позволяет датировать воцарение первого из Маурьев приблизительно 314/313 г. до н.э.

Определение точной даты воцарения Чандрагупты, а отсюда и начала маурийской династии имеет большое значение, ибо от решения этого трудного и остро дискутируемого вопроса зависит датировка ряда важнейших событий не только маурийского, но и других периодов древнеиндийской истории. Насколько различны мнения исследователей, наглядно видно даже из простого перечисления предлагавшихся дат: 325⁶⁸, 324⁶⁹, 321⁷⁰, 320⁷¹, 318⁷², 317⁷³, 313⁷⁴ гг. до н.э. Идентификация Аграмеса с Нандой (Уграсеной) свидетельствует в пользу последней датировки. Возможность отнесения воцарения Чандрагупты к 314/313 г. до н.э. подтверждается в первую очередь материалами джайнских источников⁷⁵, а также некоторыми другими древнеиндийскими хронологическими схемами⁷⁶. Одним из аргументов в пользу поздней даты воцарения Чандрагупты может служить следующее свидетельство Юстина: «Так Сандрокотт, захватив царскую власть, в то время когда Селевк закладывал основы своего будущего величия,

⁶⁷ Sukalpādisutā hy aṣṭau samā dvādaśa tenpāḥ Mahāpadmasya paryāye bhaviṣyanti nṛpāḥ — см.: Pargiter 1913: 25.

⁶⁸ Sen 1929: 6–14; Jayaswal 1924: 317; Jayaswal 1915: 67; Seth 1939: 371–376; Seth 1940: 17–21.

⁶⁹ Sastri 1952: 137; Ray 1935: 211–222; Lamotte 1958: 236.

⁷⁰ CHI. I. 471; Sankara Aiyar 1920: 49. К этой дате склоняется и Р.Тхапар (Thapar 1961: 16).

⁷¹ Fleet 1906: 984; Saletore 1930: 130.

⁷² Stein O. 1927: 354–371.

⁷³ Eggermont 1956: 180.

⁷⁴ Lal Bhargava 1935: 8; Bhattasali 1932: 279; Renou, Filliozat 1947: 213.

⁷⁵ См.: *Parīṣiṣṭaparvan*. VIII. 339; Bhau Dājī 1867: 147–157; Bhattasali 1932: 283–288. Разбор джайнских хронологических схем был проведен и Реем (Ray 1935).

⁷⁶ Согласно цейлонским хроникам, воцарение Ашоки произошло через 218 лет после Нирваны Будды (см.: *Mahāvaiṃsa*. V.21–22), относимой большинством исследователей к 483 г. до н.э. (см.: Fleet 1909: 323–356; Bareau 1953: 27–62; Govind Pai 1952: 4; Sengupta 1956: 124–129). Два последних автора принимают более раннюю датировку. Сингх склоняется к 487–486 гг. до н.э. (см.: Singh 1961: 359–362). Отсюда дата воцарения Ашоки определяется 265 г. до н.э. (правда, ряд материалов указывает и на более раннюю дату, подробнее см.: Eggermont 1956). Следуя за данными Пуран о 25-летнем правлении Биндусары и 24-летнем правлении Чандрагупты (см.: Pargiter 1913: 26), получим 314 год как начало маурийской династии, а следовательно, и царствования Чандрагупты.

В палийских хрониках Цейлона сохранилась традиция о четырехлетнем перерыве между захватом Ашокой магадхского престола и его коронацией. Исследователи не единодушны в оценке этого сообщения. Так, Р.Тхапар защищает традиционную точку зрения о правильности цейлонской традиции (Thapar 1961). Эггермонт решительно протестует против принятия этих сообщений. По его мнению, Ашока короновался сразу же после захвата магадхского престола.

завладел Индией»⁷⁷. Очевидно, Трог, а вслед за ним и Юстин, говоря о Селевке, имели в виду период, непосредственно предшествующий установлению эры Селевка, — 312 г. до н.э., когда закладывались основы могущества Селевкидов. В это время Чандрагупта, захватив царский престол, владел Индией, т.е. распространил свою власть уже и на Северо-Восточную Индию. Приведенный отрывок из текста Юстина показывает, что воцарение Чандрагупты следует относить ко времени, непосредственно предшествующему 312 г. до н.э. К такому же заключению приводит и анализ политической обстановки, сложившейся в Индии после ухода Александра Македонского. Мы уже ссылались на свидетельство Плутарха о встрече юного Чандрагупты с Александром, которая могла состояться в 326 г. до н.э. Будущий основатель маурийской империи еще не обладал достаточными силами для борьбы с Нандами и склонял на свою сторону Александра, уговаривая его двинуть свои войска на восток против всеми презираемого индийского царя и уверяя Александра в легкой победе⁷⁸. В это время Чандрагупта находился, по-видимому, в Пенджабе, готовясь к борьбе за магадхский престол. О формировании Чандрагуптой войск в Пенджабе и соседних областях совместно с Каутильей (по традиции, его наставником и будущим министром) сообщают и индийские источники⁷⁹.

Основная задача, которую ставили перед собой Чандрагупта и Каутилья, состояла в подготовке похода против Нандов. Силы Александра в Индии были очень значительны, и вопрос о борьбе с греками вряд ли мог стоять в этот период на повестке дня. Однако вскоре обстановка в Пенджабе резко изменилась. Александр с основным войском повернул обратно, на запад, доверив управление индийскими территориями своим сатрапам и местным индийским царькам, сотрудничавшим с ним. События последующих лет были весьма бурными: антимакедонские восстания (в Кандагаре и ряде других мест)⁸⁰, убийство сатрапа Филиппа в 324 г. до н.э., временное назначение Евдема⁸¹ и, наконец, смерть

⁷⁷ Sic adquisito regno Sandrocottus ea tempestate, qua Seleucus futurae magnificentiae fundamenta iaciebat, Indian possidebat... (XV.4.20).

⁷⁸ Это событие, по-видимому, произошло после столкновения Чандрагупты с царем Нандой (Нандрой), о чем сообщает Юстин.

⁷⁹ Из «Махавамса-тики» мы узнаем, что Чандрагупта начал набирать войско после завершения своего образования в Таксиле. Согласно источнику, воины собирались (*balam saṅgahitvā*) из различных мест (*tato tato balam sannipādetvā*), и вскоре была создана армия под руководством Чандрагупты (*mahābalakāyaṃ saṅgahetvā tam tassa paṭipādesi*), см.: Vamsathappakāsinī. I: 181–183; см. также: Mookerji 1953: 22. Об организации Чанакьей армии для сокрушения Нандов сообщает и Хемачандра (*Nandamuchchetumudyataḥ*), см.: Paṇḍitaśaṅkara. VIII.253–254. Индийская традиция подтверждает не только сообщение Плутарха о пребывании Чандрагупты в Пенджабе (где он встретился с Александром), но и указание Плутарха о юных годах будущего маурийского правителя. Плутарх говорит о Чандрагупте как об отроке, подростке, юноше (*μετράκιον ὄν*; *μετράκιον* — обычно юноша от 14 до 20 лет), что перекликается с данными индийских источников. Согласно буддийской традиции, Чанакья (Каутилья) впервые встретил Чандрагупту, когда тому было всего 8 или 9 лет, и привез мальчика в свой родной город Таксилу для обучения наукам и военному искусству. Чандрагупта учился в Таксиле в течение 6–7 лет, готовясь к выполнению основной задачи — борьбе с Нандами. После завершения обучения в Таксиле Чандрагупта вместе с Чанакьей стал собирать армию для борьбы с Нандами (см.: Mookerji 1953: 16–17). В это время ему должно было быть уже 14–16 лет. Вскоре, вероятно, и могла состояться встреча юного Чандрагупты с Александром.

⁸⁰ См.: Курций Руф (VIII.13.4) и Арриан (Anab. V.20.7).

⁸¹ После убийства Филиппа Александр просил Евдема и индийского царя Амбхи взять на себя временное управление над сатрапией, пока не будет назначен новый сатрап (см.: Arrian. VI.27.2). Однако греки уже не могли восстановить свои позиции в Пенджабе: новый сатрап так и не был назначен.

самого Александра в 323 г. до н.э. Ситуация, сложившаяся в Индии после смерти Александра, по-видимому, изменила первоначальные планы Чандрагупты⁸² и создала необходимые предпосылки для борьбы против греческих гарнизонов.

В отличие от совета сподвижников Александра в Вавилоне (323 г. до н.э.), который оставил подразделение индийских сатрапий таким же, каким оно было еще при жизни Александра, собрание диадохов в Трипарадесе (321 г. до н.э.) внесло значительные коррективы в прежнюю систему. Пифон покинул Синд, государство Пора резко увеличилось, территория и власть таксильского царя были сохранены. Согласно Диодору (XVIII.39.6), местные индийские царьки остались в своих владениях, потому что их было невозможно оттуда прогнать без царских войск⁸³. Соотношение сил в Пенджабе, таким образом, резко изменилось: кроме Евдема, уже никто из македонских правителей не оставался в областях к востоку от Инда, хотя Пор и таксильский правитель еще рассматривались как союзники или даже как вассалы греков.

Можно думать, что изменения на политической карте Западной Индии были связаны и с борьбой индийцев во главе с Чандрагуптой против оставшихся греческих гарнизонов. Однако трудно предполагать, чтобы в этот период Чандрагупте уже удалось распространить свою власть на весь Пенджаб и окончательно сломить силу греческих гарнизонов: греческие позиции были все еще достаточно прочны, среди местных индийских племен и народов не было единства (фактор, оказавшийся в свое время чуть ли не решающим в победе Александра), часть местных правителей продолжала сотрудничать с греками и в союзе с иноземными сатрапами старалась удержать свои позиции.

Лишь в 317–316 гг. до н.э. последние из греческих сатрапов, Пифон и Евдем, втянутые в борьбу диадохов, покинули свои индийские территории. Тайно убив Пора⁸⁴ и захватив его боевых слонов, Евдем оставил Индию, напра-

⁸² Этому, возможно, содействовала и первая неудачная попытка свергнуть нандскую династию, которую, согласно «Махавамса-тике» и «Паришиштапарвану», предприняли Чандрагупта и Чанакья (Каутилья). Источники указывают, что поражение было вызвано тем, что Чандрагупта не обеспечил безопасность своего тыла. Можно предполагать, что это событие произошло после столкновения с царем Нандой (Нандра Юстина), но до захвата областей Пенджаба, т.е. до того, как Чандрагупта обеспечил надежный тыл (см.: Bhattasali 1932: 279). Согласно «Махавамса-тике», Чандрагупта, одолеваемый желанием захватить власть (*rajjam ichchhanto*), вторгся в центр страны, пренебрегая пограничными провинциями и постепенным захватом городов, и поэтому его войско было разбито (см.: Mookenji 1953: 32, 369). О возможности отнесения этого события к периоду, предшествующему полной победе Чандрагупты в Пенджабе, свидетельствуют сообщения индийских источников о союзе Чандрагупты с царем Parvataka после его неудачной попытки захватить магадхский престол. Данные об этом союзе сохранились в джайнских источниках («Авашьяка-сутра», «Паришиштапарван» и др.), буддийских сочинениях («Махавамса-тика», камбоджийская версия «Махавамсы»), в «Мудракашасе» и др. Некоторые исследователи склонны видеть в Parvataka царя Пора, который, как известно, был убит в 317 г. до н.э., до того как Чандрагупта стал единовластным правителем Пенджаба. Согласно индийским документам, Чанакья (Каутилья) и Чандрагупта отравили Парватаку, желая обезопасить себя от опасного соперника и прочно утвердить свою власть. Идентификацию Пора с Parvataka поддерживают, в частности, авторы Кембриджской истории Индии (CHI. I: 471) и другие исследователи — Seth 1941: 172–179; ABORI. XXXII: 198–233; Якоби предлагал сопоставлять Parvataka с одним из правителей Непала (см.: Jacob. 1932: 58, примеч. 1).

⁸³ οὐ γὰρ ἦν τοὺς τοὺς βασιλεῖς μετακινήσαι χωρὶς βασιλικῆς δυνάμεως, καὶ ἡγεμονίας ἐπιφανοῦς.

⁸⁴ Согласно О.Штайну (Stein O. 1927: 358), Евдем убил Таксила.

вившись на запад помогать Евмену в его борьбе с Антигоном⁸⁵. Вскоре покинул Индию и Пифон (Diod. XIX.56.4).

Уход Евдема и гибель Пора⁸⁶ сделали Чандрагупту единственным властителем Пенджаба⁸⁷. Утвердив свою власть в этой части Индии, Чандрагупта вновь начал подготовку к походу на восток против Нандов. Таким образом, воцарение Чандрагупты следует относить ко времени после 316 г. до н.э. Наличие же определенного временного разрыва между захватом Чандрагуптой пенджабских областей (примерно 316 г. до н.э.) и его победой над Нандами (314/313 г. до н.э.) легко объяснимо трудностями борьбы с наследниками Аграмеса (Уграсены-Нанды), и прежде всего с Дхана Нандой. «Милинда-панха» сохранила упоминания о кровопролитном сражении Чандрагупты с нандскими войсками, которыми руководил военачальник Бхадасала (Bhaddasala)⁸⁸. В конечном счете Чандрагупта одержал победу и захватил магадхский престол.

Установление поздней даты воцарения Чандрагупты позволяет решить один из самых дискуссионных вопросов маурийской истории о последовательности двух этапов борьбы Чандрагупты за власть (войны с греками и Нандами)⁸⁹. Приведенные нами материалы достаточно определенно говорят о том, что война Чандрагупты с греками предшествовала захвату им магадхского престола. В связи с этим особого внимания заслуживают свидетельства Юстина, которые, как ни странно, привлекались в качестве важнейшего аргумента и сторонниками противоположной точки зрения.

⁸⁵ См.: Diod. XIX.14.8. Следуя за античными писателями, современные исследователи объясняют уход Евдема из Индии лишь необходимостью борьбы с Антигоном, однако нельзя не учитывать и особый подъем антигреческого движения в этот период. Очевидно, Евдем был уже не в силах удержать свои позиции и был вынужден оставить Индию. Возможно, что в этот период против Евдема выступили и местные индийские цари, в частности Пор. Многие индийские источники («Паришиштапарван», «Авашьяка-сутра», «Мудраакшаса» и т.д.), как известно, сообщают о союзе Чандрагупты с царем Парватакой.

⁸⁶ Этот момент, на который исследователи не обращают должного внимания, следует учитывать при рассмотрении основных этапов борьбы Чандрагупты за господство в Пенджабе. Не только военные гарнизоны Евдема, но и весьма сильная власть местных индийских царей являлись серьезным препятствием для овладения Чандрагуптой пенджабскими областями. Особенно сильным было государство Пора, который после ухода основных войск Александра стал самым могущественным правителем всей Западной и Северо-Западной Индии. Знаменательно, что Мегасфен, прибывший в Индию после заключения мира Селевка с Чандрагуптой, сопоставлял маурийского царя с Пором, указывая, что он могущественнее даже самого Пора (Arr. Ind.5.3). Здесь уместно напомнить свидетельства индийских источников об убийстве Чанакеей и Чандрагуптой для обеспечения своего единства бывшего союзника — царя Парватаки (Parvataka), которого многие исследователи не без оснований идентифицируют с Пором. Один из героев «Мудраакшасы» говорит о Парватаке (Парватешваре) как о царе даже более могучем, чем Чандрагупта (Candraguptādapi baliyastayā... devāḥ parvatēśvaraḥ. V.7). Весьма знаменательно сообщение джайнской сутры (Āvaśyaka-sutra: 435) о том, что смерть Парватаки позволила Чандрагупте завладеть двумя государствами: царством Парватаки и империей Нандов (dve api rājye tasya jāte; цит. по: Chimanlal Shah 1932: 131).

⁸⁷ На это может указывать и тот факт, что после победы Антигона над Евменом в 316 г. при новом делении сатрапий не фигурируют области Пенджаба (территории бывшей сатрапии Евдема и государств Пора и Таксила). Согласно ряду античных свидетельств, Инд являлся границей между Индией и Селевкидской империей.

⁸⁸ См.: Trenckner 1928: 292.

⁸⁹ Среди защитников положения о первоначальном захвате Чандрагуптой магадхского престола и его последующей борьбе с греками можно упомянуть: Smith 1908 46; Raychaudhury 1936: 557–564; PHAI: гл. IV; Sastri 1952: 137–150; RAY 1935: 211; Lamotte 1953: 240, и др. Сторонниками противоположной точки зрения являются Vallée-Poussin 1930; Bhattacharya 1932: 276–284; авторы всеобщей истории Индии («A Comprehensive History of India». II.4–5) и др.

Борьбу индийцев против греков Юстин относит к периоду после смерти Александра: «...[Индия] после смерти Александра как бы сбросила с шеи иго рабства и перебила его наместников»⁹⁰. Это сообщение, хотя непосредственно и не называет причиной начала борьбы индийцев смерть Александра, указывает на подъем движения лишь после 323 г. до н.э. События, происшедшие в Индии после смерти Александра, Юстин связывает с деятельностью Чандрагупты, который был «инициатором борьбы за свободу»⁹¹. Однако «после победы он (Чандрагупта) лозунг (имя. — Г.Б.-Л.) свободы превратил в рабство, ибо, захватив власть, сам стал притеснять народ, который освободил от иностранного господства»⁹². Юстин в приведенном отрывке определенно различает первоначальную борьбу Чандрагупты с греками за освобождение индийцев от иноземного владычества и последующий захват власти (царской власти), озаменованный уже притеснением своего народа.

После небольшого отступления, повествующего о происхождении Чандрагупты, Юстин вновь возвращается к борьбе Чандрагупты с греками. Согласно Юстину, после столкновения с царем Нандрой Чандрагупте пришлось скрыться. В тот период, совпадающий, как мы указывали выше, с пребыванием юного Чандрагупты в Пенджабе, он еще не думал о царской власти и лишь «чудо впервые натолкнуло его на мысль о захвате власти»⁹³. Далее Юстин добавляет: «...и собрав разбойников (*latrones*), Сандрокотт возбудил индийцев к смене правления»⁹⁴. В «*latrones*» мы склонны видеть те немонархические образования Северо-Западной и Западной Индии, которые оказали значительную помощь Чандрагупте в борьбе против греческих гарнизонов, а потом и против Нандов⁹⁵. Такое толкование термина «*latrones*» помогает уяснить и смысл последующего текста «и побудил индийцев к смене правления» (*ad novitatem regni sollicitavit*)⁹⁶.

Известно, что еще в период индийского похода немонархические образования Пенджаба оказали Александру очень сильное сопротивление. И естественно, что призыв Чандрагупты к борьбе против чужеземцев вызвал поддержку у народов Пенджаба, привыкших к самостоятельности и свободе⁹⁷. Вместе с тем ука-

⁹⁰ ...quae post mortem Alexandri, veluti a cervicibus iugo servitutis excusso, praefectos eius occiderat (XV.4.72).

⁹¹ Auctor libertatis Sandrocottus fuerat (XV.4.13).

⁹² Sed titulum libertatis post victoriam in servitutem verterat; siquidem occupato regno populum, quam ab externa dominatione vindicaverat, ipse servitio premebat (XV.4.13–14).

⁹³ Юстин рассказывает, как к спящему Чандрагупте подошел громадный лев и, слизав с него пот, спокойно скрылся.

⁹⁴ Contractis latronibus Indos ad novitatem regni sollicitavit (XV.4.18).

⁹⁵ Помпей Трог, а вслед за ним и Юстин, очевидно, передали в данном случае брахманскую традицию в оценке немонархических образований. Подробнее см.: Бонгард-Левин 1960: 9–12.

⁹⁶ Это сообщение Юстина многие исследователи склонны были рассматривать как указание на захват Чандрагуптой магадхского престола. Райчаудхури, указывающий на соответствие «*latrones*» Юстина и данных Хемачандры о наемных солдатах для борьбы с Нандами, толковал и это сообщение Юстина как свидетельство ниспровержения власти Нандов (Sastri 1952: 145). При этом Райчаудхури основывался на переводе Уотсона — «solicited the Indians to sovereignty». Предложенное толкование термина «*latrones*» свидетельствует, однако, в пользу тех ученых, которые понимали под «существующим правлением» власть греков в Пенджабе. См., например, перевод Мак-Криндла (McCrindle 1893: 327–328), который приняли Хульш (CII. I: XXXIII–XXXIV) и Бхаттасали (Bhattachali 1932: 276).

⁹⁷ На сторону Чандрагупты, по-видимому, должны были перейти и те немонархические образования, которые Александр после своих побед в Пенджабе передал индийскому царю Пору. Согласно сообщению Плутарха (Alex. LXII), Александр «не только позволил ему (Пору) управлять теми [народами], над которыми он раньше царствовал, дав ему титул сатрапа, но и, подчинив независимые [народы], прибавил ему [их] территорию...».

занное сообщение Юстина трудно соотнести с борьбой Чандрагупты за магадхский престол: немонархические образования Пенджаба не входили в нандскую империю, и вряд ли Чандрагупте удалось бы склонить их к борьбе против далекого правителя Магадхи, не мешающего их свободе и независимости.

Знаменательно, что Юстин специально упоминает именно об индийцах («возбудил индийцев»), как бы противопоставляя власть чужеземцев местному индийскому населению.

Приведенное толкование указанной фразы Юстина легко увязать с последующим текстом: «Затем (deinde), когда Сандрокотт начал войну с наместниками Александра...»⁹⁸.

Если следовать за сторонниками того толкования, что под сменой правления имеется в виду свержение нандской династии, то возникает вопрос, зачем Чандрагупта возбудил индийцев к уничтожению власти Нандов, если в то время он, согласно Юстину, начал борьбу с наместниками Александра. Более естественно предполагать, что Чандрагупта возбудил индийцев к уничтожению греческой власти, создал армию (в том числе из жителей немонархических образований Пенджаба), а затем (deinde) начал войну с наместниками Александра.

Освободив с помощью немонархических образований Пенджаб и обеспечив себе надежный тыл, Чандрагупта двинулся на Паталипутру. Ведь его основная задача состояла в захвате магадхского престола и утверждении маурийской династии⁹⁹. Победа над греками и освобождение Пенджаба от чужеземцев, несомненно, способствовали Чандрагупте в достижении его цели¹⁰⁰.

⁹⁸ См.: Shantilal Shah 1935: 14.

⁹⁹ Не является ли указанием на захват магадхского престола после войны с греческими гарнизонами также сообщение Юстина о слоне, который посадил, словно ручной, к себе на спину Чандрагупту? Древнеиндийская традиция, как известно, связывает со слоном особый обычай выбора царя, когда после смерти бездетного правителя царем избирался тот человек, которого слон сажал к себе на спину (подробнее см.: Edgerton 1913: 158–166). Конечно, в сообщении Юстина отразился не конкретный случай с Чандрагуптой, а отголосок традиционных представлений. Однако и этот момент не может оставаться вне поля зрения исследователей.

¹⁰⁰ Следует обратить внимание на весьма странный факт: ни в одном индийском источнике (за исключением неясного сообщения о млеччах — «варварах» в «Мудракашасе») не упоминается о войне Чандрагупты с греками; борьба же с Нандами отмечена в Пуранах, в буддийских и джайнских источниках, в позднебуддийских сочинениях Цейлона и Тибета. Нельзя ли это в известной степени объяснить тем, что война с греками рассматривалась лишь как один из этапов длительной борьбы Чандрагупты с династией Нандов? В пользу этого предположения свидетельствуют данные Пуран о 12-летней борьбе Чандрагупты за власть (Pargiter 1913: 25) — если относить воцарение Чандрагупты к 314/313 г. до н.э., то начало борьбы падает на 325/324 г. до н.э., т.е. война с греками, очевидно, включалась в общий период борьбы Чандрагупты за магадхский престол).

ЗНАЛИ ЛИ АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ ОБ ИНДИЙСКОМ ЧАНАКЬЕ?

Для каждого, кто знаком с античной литературой, название очерка может показаться более чем странным: общеизвестно, что имя «Чанакья» в античных текстах ни разу не упоминается, хотя о его «патроне» — маурийском царе Чандрагупте говорится у многих античных авторов, начиная с Мегасфена¹. К сожалению, труд Мегасфена «Индика» дошел до нас лишь в виде небольших фрагментов, сохранившихся в сочинениях более поздних авторов, и полностью восстановить первоначальный текст его сочинения не представляется возможным (предпринимаемые попытки такой реконструкции пока не увенчались успехом)².

Фрагментарность дошедшего до нас текста Мегасфена об Индии периода правления первого из Маурьев ни в коей мере не должна служить основанием для предположения, что селевкидский посол мог знать о Чанакье и упомянуть его в своих «индийских записях» в связи с Чандрагуптой. Дело в том, что местных индийских источников, датированных временем правления Чандрагупты, пока не обнаружено³ и, хотя поздняя традиция связывает его жизнь и царствование с Чанакьей (или Каутилей)⁴, мы не можем с определенностью говорить даже об исторической реальности этого популярного персонажа индийских сказаний и легенд. Никаких ранних достоверных свидетельств о существовании Чанакьи пока не имеется (это открывает широкие возможности для различного рода предположений об его «историчности»), что объяснимо двумя в равной степени приемлемыми причинами: либо Чанакья являлся лицом легендарным и не был связан с деятельностью Чандрагупты и лишь поздняя традиция «ввела» его в круг сказаний о маурийском царе для придания большей занимательности сюжету, либо приход к власти Чандрагупты в действительности был осуществлен с помощью сановника, носившего имя Чанакья (Каутилья или какое-либо иное имя), но упоминание о котором сохранилось лишь в более поздних источниках. В любом случае совершенно очевиден факт популярности фигуры Чанакьи в индийской традиции самых разных направлений (джайнская, буддийская и индуистская).

¹ См.: Schwanbeck 1846 (переизд. в Амстердаме в 1966 г.); Mc'Crinde 1877.

² См.: Majumdar 1960a; о дискуссии по отнесению к Мегасфену более поздних свидетельств см.: Brown 1955: 18–33; Majumdar 1958: 273–276; Sethna 1960: 243–248; Brown 1960: 133–135. См. также очерк, посвященный «Индике» Мегасфена в настоящей книге (с. 48–137).

³ Подробнее см.: Бонгард-Левин 1973а.

⁴ Т.Барроу полагает, что Чанакья и Каутилья — разные лица (Burrow 1968: 17–31).

Наиболее подробные «античные сведения» о деятельности Чандрагупты содержатся у римского историка (II–III вв.) Юстина⁵, который при написании своего труда опирался на «Всемирную историю» Помпея Трога — римского писателя эпохи Августа. Ученые уже давно обращаются к этим небольшим по размеру извлечениям из утраченного текста Помпея Трога, поскольку они содержат интереснейшие свидетельства по истории Парфии и Бактрии⁶. В.В.Тарн высказал предположение, что Юстин использовал также сочинение неизвестного автора, посвященное этим регионам⁷. Меньше внимания уделялось сообщениям Юстина (и соответственно Трога) об Индии, хотя они при сопоставлении с данными древнеиндийских источников позволяют восстановить некоторые важнейшие события раннемаурийской истории.

Среди немногочисленных работ по этой теме особо следует выделить исключительно содержательную статью Марио Буссальи «Индийские события у Помпея Трога»⁸. Автор подробно разбирает эти античные свидетельства о приходе Чандрагупты к власти, соотнося их с материалами индийских источников, в том числе с буддийскими и джайнскими текстами. Он справедливо полагает, что в сообщениях Юстина (Трога) отразились индийские легенды о Чандрагупте, но предлагаемые им индийские параллели к конкретным указаниям античного текста слишком общи и не всегда убедительны (так, сообщение о диком слоне увязывается с легендой о Будде и слоне Налагири и т.д.).

Сводь легенд о Чандрагупте сложились значительно позднее времени правления основателя маурийской династии и, судя по буддийским, джайнским и брахманско-индуистским сочинениям, имели широкое хождение в Индии и за ее пределами⁹. К сожалению, до нас дошли довольно поздние варианты этих легенд, вошедшие в хроники Ланки (Цейлона)¹⁰, драму Вишакхадатты «Мудраракшаса»¹¹ и ее последующие переработки¹², в пуранические собрания, в сочинение джайнского автора XII в. Хемачандры¹³ и др. Можно, однако, предполагать, что первоначальный «цикл о Чандрагупте» бытовал довольно рано, а отдельные рассказы, судя по тексту Юстина, имели хождение еще в античное время. Свидетельство тому — рассказ Юстина о первом маурийском царе.

Тесные связи греко-римского мира с Индией приводили к сближению двух культур, обмену культурными достижениями, взаимному знакомству с духовными ценностями. И в период Помпея Трога, и в эпоху, когда жил Юстин, в Рим поступали сведения об Индии, но большая часть «индийских рассказов» восходила еще к эпохе Мегасфена¹⁴. Трудно с уверенностью утверждать, к какому именно «пласту» свидетельств обращался Трог¹⁵. Важнее подчеркнуть другое — данные о Чандрагупте, которые сохранились в этом античном тексте, в ряде слу-

⁵ M.Iuniani Iustini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Stuttgart, 1972.

⁶ Из последних работ по этой теме см.: Eggermont 1968: 97–102; Mukherjee 1969.

⁷ Tarn 1938.

⁸ Bussagli 1956: 229–242.

⁹ Подробно см.: Schwarz 1972: 85–102; Trautmann 1971: chap. II.

¹⁰ Malalasekera 1935–1936; Malalasekera 1937: (пользуясь случаем, выражаю признательность В.В.Вертоградовой за помощь в трактовке свидетельств «Тики»).

¹¹ Ruben 1956.

¹² См., например: Raghavan 1971.

¹³ Jacobi 1932.

¹⁴ См.: Dihle 1964: 15–23; Бонгард-Левин 1981: 107–111.

¹⁵ Судя по тексту Юстина, источник Трога об Индии отличается от труда Мегасфена и во многом непосредственно восходит к местной традиции.

чаев удивительно точно соответствуют индийским свидетельствам из «цикла о Чандрагупте и Чанакье» или даже прямо повторяют их. М.Буссалби пытается найти соответствия в разных индийских текстах, выходящих за рамки единого «цикла». Такой подход несомненно дает определенные результаты, но упускает главное — возможность соотнести данные конкретного античного текста с конкретным собранием «легенд о маурийском царе» и тем самым более точно выявить местный источник сведений античной традиции о Чандрагупте¹⁶.

В сообщениях Юстина поражает не столько точность свидетельств в целом, сколько следование общей сюжетной линии «индийского цикла», повторяемость эпизодов и даже совпадение частных, но весьма существенных деталей. Как и во фрагментах Мегасфена, в тексте Юстина не упоминается Чанакья, а все эпизоды связаны лишь с Чандрагуптой. Такое положение хорошо объяснимо, особенно если учесть идейную позицию Трога: он был резко настроен против Александра Великого, обличал его военные захваты, в связи с чем Чандрагупта изображен как борец против македонцев за свободу своей страны. Естественно, что Трога интересовала только фигура Чандрагупты — индийского соперника сатрапов Александра и Селевка¹⁷. Однако, передавая индийскую легенду о Чандрагупте, Трог (а вслед за ним и Юстин) хотя и не упомянул о Чанакье, пересказал эпизоды, которые индийская традиция связывает именно с этим «ученейшим из брахманов». Не позволяет ли это говорить о незримом присутствии реального или легендарного Чанакьи в античном повествовании?

Существование независимых одна от другой, но весьма сходных буддийских и джайнских легенд о Чандрагупте и Чанакье несомненно указывает на бытование более древней первоначальной версии единого цикла о маурийском царе и его сановнике (так называемой *Cāṇakya-Candragupta-kathā*).

Обратимся к тексту Юстина (XV.4.13–20): «Руководителем борьбы за свободу был здесь Сандрокотт, но после победы он, злоупотребив именем свободы, превратил ее в рабство: захватив в свои руки власть, он стал угнетать народ, освобожденный им от иноземного владычества. Сандрокотт был простого происхождения, но был подвигнут к захвату царской власти великим божественным знаменем. Ведь когда он оскорбил своей дерзостью царя Нандра, царь приказал его убить, но (Сандрокотт) искал спасение быстротой ног. Когда же он, утомленный бегством, лежал, погрузившись в сон, к спящему подошел громадный лев, слизал (с Сандрокотта) пот, который лил с него, а когда он проснулся, то лев спокойно удалился. Подвигнутый этим знаменем, (Сандрокотт) впервые стал помышлять о царской власти и, набрав отовсюду наемников¹⁸, побудил индий-

¹⁶ Мы не ставим себе задачей подробное исследование вопроса об источниках, которыми пользовался Трог, о его авторской манере, но «индийские эпизоды», вставленные в его «Историю», очевидно, подверглись им специальной обработке для западного читателя (см. также: Зельин 1948; 1954).

¹⁷ Filliozat 1978: 183.

¹⁸ Перевод «наемники» хорошо соотносится со свидетельствами «Махавамса-тики» и «Паришиштапарвана» о том, что Чандрагупта и Чанакья стали собирать армию, используя деньги, которые припрятал Чанакья. В «Iatrones» Юстина можно, очевидно, видеть «автономных» индийцев, которые выступали против чужеземных войск и тяготились властью сатрапов Александра. Чандрагупта собирал армию в Пенджабе, где были особенно сильны эти антимакедонские настроения и где, согласно индийским источникам, имелись немонархические образования. В брахманских текстах эти «автономные» индийцы (т.е. «не имеющие царской власти») из-за своей самостоятельности и отхода от монархической организации нередко рассматривались как разбойники. Нельзя ли в этой связи предположить, что Трог, а вслед за ним и Юстин передали местную брахманскую позицию

цев к смене власти¹⁹. Когда затем он начал войну с наместниками Александра, к нему навстречу вышел огромный дикий слон и, словно ручной, посадил его к себе на спину. На войне этот слон оказался и вождем, и замечательным бойцом. Так Сандрокотт, захватив царскую власть, в то время когда Селевк закладывал основы своего будущего величия, завладел Индией».

Первая часть повествования (§ 13 и 14) не имеет прямого отношения к циклу сказаний о Чандрагупте, а дает лишь общую оценку его деятельности. В последующем тексте для сопоставления с индийской традицией логично выделить основные «эпизоды» сюжетной линии: 1) рассказ о простом происхождении Чандрагупты, 2) божественное знамение, подвигнувшее его к власти, 3) столкновение с царем Нандром, приказ царя убить Чандрагупту и бегство Чандрагупты, 4) сон будущего царя и встреча со львом; 5) планы захвата власти после знаменения, 6) организация армии, 7) война с наместниками Александра, 8) встреча со слоном, 9) захват царской власти.

Нет необходимости останавливаться на подробном разборе всех сообщений текста Юстина: вопросы маурийской хронологии, этапов борьбы Чандрагупты за власть, происхождения Маурьев подробно разбирались в индологической литературе²⁰.

Нас особо привлекает рассказ, переданный Юстином, о столкновении Чандрагупты с царем Нандром. Но прежде несколько слов о длительном споре, который возник в связи с упоминанием в тексте Юстина царя Нандра (Nandrum).

В первом издании текста Юстина (1581 г.) переводчики приняли чтение Alexandrum, хотя большинство рукописей содержало Nandrum или испорченные варианты этого имени. А.Гутшмидт был первым, кто указал на необходимость чтения Nandrum, ссылаясь на многочисленные рукописные списки²¹. Общее содержание текста Юстина и имеющиеся свидетельства индийских источников (в том числе и цикл о Чандрагупте) указывают на очевидную справедливость такого толкования. Предлагаемое некоторыми исследователями исправление Nandrum на Alexandrum (наиболее упорно отстаивал это Х.Райчаудхури²²) неправомерно. В рецензии на мою книгу «Индия эпохи Маурьев», где принимается чтение Nandrum, Ж.Фюссман придерживается чтения Alexandrum, однако для такого вывода он не приводит никаких новых аргументов, и его возврат к этой точке зрения не представляется сколько-нибудь убедительным²³.

Текст Юстина является единственным в античной традиции подробным изложением истории Чандрагупты или, вернее, сказаний о Чандрагупте, основу которых безусловно составили индийские источники. В индийской традиции

в оценке немонархических образований Пенджаба? Такая трактовка выглядит очень соблазнительной (см.: Бонгард-Левин 1973а: 57–58), однако в этом случае следует допустить, что в версии цикла о Чанаке и Чандрагупте, которой пользовался Трог, была отражена также и брахманская традиция. Анализ «первоначального цикла» этих легенд (см. ниже) не свидетельствует в пользу такого допущения. Буддийская и джайнская позиции в оценке немонархических образований (сангхи и ганы индийских источников) была иной (см.: Бонгард-Левин 1966: 8–35).

¹⁹ Indos ad novitatem regni sollicitavit. Толкование этого текста вызвало большие разногласия среди ученых. Подробно этот вопрос разбирается в кн.: Бонгард-Левин 1973а: 55–58. Там же приведена и основная литература.

²⁰ Из наиболее важных публикаций по этим вопросам следует отметить: Bhattasali 1932: 276–284; Eggermont 1956; Bussagli 1956; Sastri 1952; Filliozat 1978.

²¹ von Gutschmid 1892: 568–576.

²² Raychaudhury 1953.

²³ См.: Fussman 1974; см. также: Filliozat 1978.

цикл легенд о Чандрагупте и Чанакье воспроизводится в сочинениях гуптской и особенно последующей эпохи; в более ранних текстах упоминания о маурийском царе и его мудром наставнике эпизодичны, не связаны непосредственно с этим циклом и отражают лишь общие «династийные свидетельства». В палийских хрониках Цейлона подробные сведения о Чандрагупте и Чанакье появляются только в поздней традиции, связанной с «Махавамсой» (в самой хронике лишь две гатхи, V.16–17, посвящены описанию воцарения первого из Маурьев с помощью Чанакьи; в «Дипавамсе» не только этот сюжет, но и вообще упоминания о Чандрагупте отсутствуют).

Наиболее подробные свидетельства сохранились в камбоджийской «Махавамсе» и комментарии на «Махавамсу» — «Махавамса-тике» (или «Вамсаттхаппакасини») — сочинениях, восходящих к традиции «Махавамсы», но не повторяющих ее и содержащих свидетельства ряда других древних собраний. По мнению крупнейшего знатока палийской литературы Цейлона В.Гайгера, «Тика» была составлена в промежутке между 1000 и 1250 гг.²⁴ К более раннему времени — VI–VII вв.²⁵ или VIII–X вв.²⁶ — дошедший до нас текст относил его первый издатель выдающийся цейлоновед Г.П.Малаласекера. Ученый справедливо отмечал, что, подобно «Махавамсе», «Тика» основывалась на древнесингальских текстах, представлявших собой устные комментарии на палийскую «Трипитаку». Местная традиция связывала появление первых сингальских комментариев с Махиндой — основателем цейлонского буддизма. Они составлялись преимущественно в столичной обители Маха-вихара, с которой и соотносится «Махавамса». Однако «Тика» не ограничивалась только традицией этого монастыря, она опиралась и на другие древние тексты, в частности на «Уттаравихараттхакатху» (Uttaravihāraṭṭhakathā) и «Уттаравихара-махавамсу» (Uttaravihāramahāvamsa) — сочинения, восходящие к иной и даже соперничавшей традиции — обители Абхаягири-вихара. (Г.П.Малаласекера называл эти тексты «хрониками», хотя первое из сочинений, судя по названию, имело и комментаторское значение; условно будем следовать этому обозначению.) Разрабатываемое здесь учение все больше отходило от ортодоксальной тхеравады и сближалось с «махаянской ветвью». Приверженцы «абхаягирского центра» старались заручиться поддержкой североиндийских монастырей, школ и «сект», следовавших махаяне, и поэтому стремились поддерживать с Северной Индией тесные связи. Абхаягири-вихара тяготел к буддийской традиции Индии, и именно в хронике этого монастыря содержались подробные данные о царях и событиях индийской истории. Эти свидетельства, в отличие от традиции Маха-вихары (хроника «Махавамса»), восходили непосредственно к индийским, хотя первоначально обе местные традиции были неразрывно связаны друг с другом.

После основания в конце I в. до н.э. Абхаягири-вихары в течение нескольких столетий Индия была той «питательной средой», которая наполняла индийскими сюжетами хроники, составлявшиеся образованными монахами в этом буддийском центре. По сравнению с источниками «Махавамсы» «Тика» содержит подробный материал о Нандах, Чандрагупте и Чанакье, специально отмечая, что «в Uttaravihāraṭṭhakathā повествования о Чанакье, пастухе, приютившем Чандрагупту, и о другом (курсив мой. — Г.Б.-Л.) отличаются» от содержания ортодоксальной традиции (ettha pi Cānakassa adhikāro ca Candaguttassa

²⁴ Geiger 1960: XI.

²⁵ Malalasekera 1958: 144.

²⁶ См.: Malalasekera 1937.

dhanagopena gahitā ti ādī adhikāro ca viśeso)²⁷. Это свидетельство «Тики» чрезвычайно важно: оно ясно указывает на источник информации о Чандрагупте и Чанакье — хронику монастыря Абхьягири, которая, как уже отмечалось, в своих индийских мотивах преимущественно основывалась не на местной, а на индийской традиции. Таким образом, есть основания рассматривать сохранившиеся в «Тике» сказания о Чандрагупте и Чанакье в качестве одного из древнейших индийских источников из цикла о первом маурийском царе и его ближайшем сановнике. Сочинение Хемачандры было написано в XII в., и независимо от того, какая из датировок «Тики» наиболее точная, этот комментарий на «Махавамсу» древнее джайнского «Паришиштапарвана» по крайней мере на три-четыре столетия. Такое заключение ни в коей мере не означает, что именно версия, зафиксированная «Тикой», наиболее достоверная передача (или пересказ) оригинального ядра сказаний. Хемачандра, хотя и жил позднее авторов «Тики», опирался на очень ранние джайнские сочинения, содержавшие сказания о Чандрагупте и Чанакье.

Подробно проанализировав содержание палийских сказаний о Чандрагупте и Чанакье по цейлонским (ланкийским) хроникам, Т.Траутманн пришел к выводу, что даже в «Уттаравихараттхакатхе» сохранились различные истории об этих персонажах и что в единое повествование были собраны разные рассказы (у Траутманна — anecdotes), расположенные в хронологической последовательности, но часто без четкого согласования эпизодов друг с другом²⁸. Этот вывод, основанный на текстологическом анализе, дает возможность полагать, что составителям ранней хроники монастыря Абхьягири могли быть известны различные версии цикла о Чандрагупте и Чанакье. Исходя из этого, логично предположить, что в период создания «Уттаравихараттхакатхи» в Индии существовало несколько вариантов (версий) цикла сказаний о Чандрагупте и Чанакье, которые стали известны на Цейлоне авторам монастырской хроники. Эти версии, как известно, не ограничиваются буддийской традицией (об этом свидетельствуют, в частности, джайнские тексты, где дается проджайнская трактовка основных эпизодов, и «Мудраракшаса», не связанная с буддийской доктриной). Более того, цикл о Чандрагупте и Чанакье вряд ли возник в буддийской среде: ни в одном из буддийских текстов первый из Маурьев не рассматривается как последователь учения Будды (это соответствует и имеющимся свидетельствам о религиозной принадлежности Чандрагупты) и даже не прослеживается тенденция связать Маурьев до Ашоки с буддизмом.

Отсутствие пробуддийской окраски древнейших сказаний о Чандрагупте и Чанакье и явной тенденциозности авторов монастырской хроники «Уттаравихараттхакатха», стремящихся ввести в канву своего повествования эпизоды об индийских царях без придания им собственно буддийских атрибутов, а лишь для построения общей историко-хронологической схемы и усиления занимательности сюжета, позволяет рассматривать сохранившиеся в «Тике» сказания о Чандрагупте и Чанакье как аутентичные или весьма близкие первоначальному ядру (насколько это возможно при трансмиссии материала из источника иной этнокультурной и территориально весьма удаленной литературной традиции). В связи с этим заслуживает внимания один любопытный факт, связанный с историей монастыря Абхьягири: последний, согласно «Махавамсе», был основан царем Ваттагамани Абхайей на месте, где раньше находилась обитель (tittārama)

²⁷ Mahāvamsa-ṭika, 187, 9–11.

²⁸ См.: Trautmann 1971: 20.

джайнов (niganthas)²⁹. Само по себе, конечно, это не может служить основанием для утверждения, что авторы буддийской хроники были знакомы и с джайнской традицией, но полностью отрицать такую возможность вряд ли обоснованно. К сожалению, мы не располагаем какими-либо данными о времени составления «Уттаравихараттхакатхи», однако известно, что монастырь Абхаягири был основан в I в. до н.э. Судя по характеру монастырских хроник, которые строго фиксировали происходившие события, в частности, записывали рассказы приходивших паломников, и учитывая более древнюю летописную традицию Махавихары в целом, можно предполагать, что «Уттаравихараттхакатха» принадлежит к раннему этапу летописной традиции острова. На сингальских монастырских хрониках основывалась не только «Тика»; к ним, как известно, обращался и Буддхагхоша, готовя свои комментарии к Винае («Самантапасадика»). Датировка хроники монастыря Абхаягири важна для установления времени знакомства на Цейлоне с индийским циклом о Чандрагупте и Чанакье. Совпадение данных Юстина с индийскими сказаниями указывает на сложение этого цикла (или его сюжетных блоков) по крайней мере уже на рубеже нашей эры и даже раньше. Исходя из даты основания монастыря Абхаягири (I в. до н.э.), который поддерживал тесные контакты с Севером Индии, можно высказать предположение, что составители «Уттаравихараттхакатхи» обратились к этим индийским сказаниям очень рано, сохранив тем самым интереснейшие материалы, которые в самой Индии известны в значительно более поздних текстах. (Хемачандра в своих рассказах о Чандрагупте и Чанакье опирался на «Брихаткатху» — сочинение, которое, к сожалению, до нас не дошло; точно датировать этот труд Гунадхьи затруднительно, но условно его можно отнести к первым векам н.э.)

Повествование о Чандрагупте в «Махавамса-тике» (комментаторские пояснения и вставные эпизоды) содержит следующие сюжетные блоки, которые во многом соответствуют рассказу Юстина, хотя приводятся в иной последовательности.

1. Рассказ о происхождении Маурьев из кшатрийского, но не из царского рода, как это считал комментатор «Вишну-пураны» Ратнагарбхья; по мнению последнего, Чандрагупта был сыном царя Нанды от одной из его жен по имени Мура³⁰. Исключительный интерес представляет сообщение джайнской традиции о происхождении Чандрагупты, идентичное свидетельству Юстина (об этом подробнее ниже). После этого «Тика» переходит к изложению самого цикла о Чандрагупте и Чанакье (последний выступает главным персонажем многих эпизодов).

2. Изложение биографии Чанакьи. Знамения его будущей власти, его появления в Паталипутре на диспуте, столкновение с царем Нандой, приказ царя схватить Чанакью, бегство Чанакьи. Чанакья родился в Таксиле в семье брахмана, и после смерти отца на него легла забота о матери. Среди людей распространился слух, что из-за «особых примет» — клыка во рту — ему суждено стать царем. Мать, как повествует традиция, была огорчена судьбой сына, боясь, что она останется одинокой. Видя страдания матери, Чанакья выбил себе «волчий зуб».

3. История Чандрагупты. Здесь, в отличие от предыдущего сообщения о происхождении Маурьев, говорится, что мать Чандрагупты была главной царицей (aggamahesī) маурийского царя (Moriyagasso) и что будущий маурийский

²⁹ См.: Mahāvamsa. 33, 42, 83.

³⁰ См.: Chatterji 1945.

правитель выжил только благодаря магической силе богов (*devatānubhavana*)³¹. «Тика» повествует о воспитании Чандрагупты пастухом и охотником. Затем излагается эпизод встречи юного Чандрагупты с Чанакьей, который заметил в мальчике особые приметы (знамения), указывающие на его способность стать царем.

4. Сны Чандрагупты и Паббаты — сына царя Нанды, которые Чанакья истолковал как указание на захват Чандрагуптой власти над Индией (Джамбудвипой)³².

5. Желание Чандрагупты захватить власть (*rajjani icchanto*) и организация огромной армии (*mahābalakāyaṃ sangha-hetvā*) Чанакьей и молодым Чандрагуптой³³. Первая неудача военной кампании, связанная с тем, что не был обеспечен прочный тыл.

6. Изменение тактики — постепенное подчинение пограничных районов.

7. Наступление на столицу и захват власти.

Сопоставление версий Юстина и «Тики» свидетельствует о значительной близости общей сюжетной линии, но у Юстина единственным персонажем выступает Чандрагупта, совершающий и те поступки, которые индийская традиция приписывает Чанакье. Показательно, что в обеих версиях совпадают многие детали, в том числе даже сообщения о сне Чандрагупты. Особенно интересен, как уже отмечалось, эпизод о столкновении Чандрагупты (Юстин) или Чанакьи («Тика») с царем Нандром (Нандой).

В «Тике» он излагается следующим образом³⁴.

Однажды брахман (Чанакья), желая принять участие в диспуте и узнав из дошедших до него сообщений о многочисленных достоинствах царя, не запятнанного завистью, направился в Пуппхапуру в то время, когда царь Дхана Нанда, чтобы развеять ложные слухи о спрятанных сокровищах, приказал соорудить зал для раздачи даров во внутреннем помещении дворца и приготовить дары для раздачи старшим и новообращенным брахманам. Чанакья вошел в зал для подаваний, примкнул к группе старших брахманов и сел там, где раздавали дары. Затем появился царь Дхана Нанда, нарядно одетый, с многотысячным войском, состоящим из слонов, колесниц, конницы и пеших воинов, окруженный сотнями людей из царской свиты, и с многочисленными танцовщицами, подобными божественным апсарам, достигший богатства и могущества, держащий царскую эмблему, украшенную гирляндами из золота. Войдя в зал для подаваний, царь увидел Чанакью, сидевшего среди старших брахманов. Царю сказали: «Он недостоин сидеть среди старших брахманов». Царь разгневался и произнес слова, полные раздражения: «Кто ты такой, что сидишь на месте старшего брахмана?». «Я», — ответил ему Чанакья. «Этого презренного с виду брахмана выгоните отсюда и не позволяйте ему сюда входить», — приказал царь. Раздающий дары стал убеждать царя, многократно повторяя: «О божественный, не делай этого и прости брахмана». Но царские слуги подошли к Чанакье и сказали: «Учитель, мы пришли, чтобы по приказу царя тебя выгнать отсюда, уходи же, учитель, нам нечего с тобой обсуждать!».

Чанакья поднялся с места и в гневе сказал: «Трудно иметь дело с царями». Он разорвал священный шнур, разбил сосуд для подаваний о камень Индры,

³¹ *Mahāvamsa-tikā*. 183. 21–26.

³² Там же, 184. 30–185. 5.

³³ Там же, 185. 24.

³⁴ Там же, 181. 30–183. 20.

лежащий у входа, и со словами проклятия: «Да не будет благополучия Нанде (в тексте Nandino) во всех четырех пределах царской власти!» — покинул зал для подаяний.

После того как Чанакья ушел, царские слуги доложили обо всем царю. Дхана Нанда пришел в ярость и приказал, выразив свое неудовольствие: «Схватите раба, схватите!». Но брахман, убегая, бросил свою одежду, выглядел как адживака; он скрылся во внутренних помещениях дворца и, прячась, лег в кучу пыли. Царские слуги старались найти Чанакью, но не заметили его и, вернувшись в зал, доложили об этом царю. А брахман ночью подошел к группе людей, которые следили за помещениями во внутренних покоях царя, и подружился с теми, кто прислуживал царевичу Паббате — сыну царя, привлек их на свою сторону. Затем он встретил царевича, заручился его расположением, подружился с ним, склонил его к захвату власти и стал изыскивать пути выбраться из дворца. Узнав о запасном выходе, ведущем к наружной двери, Чанакья уговорил царевича тайно пробраться к царице, его матери, и украсть браслет с ключом от двери. Так они открыли наружную дверь и никем не замеченные прошли через запасной выход и убежали из дворца. Скрываясь, Паббата и Чанакья достигли лесов Виндхья.

В этом «эпизоде столкновения с Нандой» действует Чанакья, Чандрагупта же еще не появился на сцене. Очень близка, а в ряде случаев почти идентична рассказу «Тики» версия цикла, которая сохранилась в «Расширенной Махавамсе» (иногда этот текст называется «камбоджийской Махавамсой»). Открытое Э.Харди в начале XX в.³⁵, это сочинение было издано Г.П.Малаласекерой на Цейлоне в 1937 г., но, к сожалению, до сих пор не привлекло достаточного внимания даже специалистов по сингальской культуре. По сравнению с «Махавамсой» «Расширенная Махавамса», подобно «Тике», содержит много легенд и сказаний. По мнению Г.П.Малаласекеры, составители текста, который он датирует IX–X вв., опирались на различные источники, в том числе на «Тику», части «Виная-питаки», «Самантамасадику», «Махабодхивамсу»³⁶. Здесь содержатся отсутствующие в «Тике» имена сыновей Кала-Ашоки и девяти Нандов — материал, весьма существенный для изучения политической истории предмаурийской Индии.

В отличие от «Тики» автор (или составители) «Расширенной Махавамсы» следовал ортодоксальной линии «Махавамсы», хотя текст создавался в период особенно острого соперничества двух монастырских традиций. Детальный текстологический анализ привел издателя текста к выводу, что автор «Расширенной Махавамсы» использовал многие сочинения, перечисленные в «Тике». Однако поэтико-эпический характер текста, особая функциональная нагрузка отразились на характере сочинения; автор сознательно подходил к отбору материала, его интересовала прежде всего не историческая точность, а увлекательность общего сюжета и отдельных эпизодов. Это хорошо объясняет наличие в тексте подробного изложения занимательных сказаний о Чандрагупте и Чанакье. Хотя в целом вариант цикла незначительно отличается от «Тики», приведем рассказ (V.71–94) о столкновении Чанакьи с Нандой (этот текст на европейские языки не переводился).

«Желая проявить свои способности в городе, называемом Пуппхапура (Паталипутра. — Г.Б.-Л.) он (Чанакья) однажды покинул Таксилу. Воздвигнув

³⁵ Hardy 1902–1903: 61–69.

³⁶ Malalasekera 1837: LII.

в прекрасном саду огромный зал для раздачи подаяний, царь Дхана Нанда, не скупясь на расходы, приготовил очень дорогие одеяния для раздачи во время годичной церемонии главным брахманам и молодым брахманам, а также приготовил (для раздачи) подаяния огромной ценности. Брахман (Чанакья), войдя в зал для раздачи, сел на почетное место, предназначавшееся для главных брахманов. Дхана Нанда в сопровождении отряда, состоящего из четырех родов войск, а также женщин гарема в это же самое время вошел в зал. Увидев, что брахман (Чанакья) занял почетное место, (царь) выразил неудовольствие, так как ему не понравился уродливый вид (брахмана). „Кто это?“ — спросил он и, услышав в ответ, что (брахман) специально проявил к нему неуважение, царь в гневе произнес следующие слова: „Выгоните его отсюда, уберите его и не позволяйте ему вступать сюда (в этот зал)“. Но даже когда главный чиновник, следивший за залом, запретил ему (находиться в зале), (брахман Чанакья) не покинул зал, и тогда чиновник, подойдя к (брахману), сказал: „Убирайся (отсюда), учитель!“. Придя в ярость и разорвав священный шнур и (затем) вдребезги разбив сосуд для подаяния о священный камень, лежащий у входа³⁷, брахман воскликнул слова проклятия: „Да не будет у тебя (удачи и) процветания!“. Услышав его слова, главный чиновник поведал об этом (царю). Придя в ярость, царь послал (к брахману) чиновника (с приказом): „Схватите для меня этого раба“. Однако брахман в „одежде голого мудреца“ быстро удалился, но, не имея возможности сбежать сразу, он, прячась, лег в кучу пыли. Чиновник, не заметив его, вернулся снова (в зал) и доложил об этом царю. А (брахман) ночью ушел отсюда и укрылся в другом месте. Сыном царя был царевич Паббата, и (брахман), увидев утром слуг царевича, подружился с ними и сделал их своими последователями, а когда он увидел царевича, то проявил к нему свое особое расположение. И уговорил (царевича) захватить царство, обещая ему свое покровительство. Изыскивая способ выбраться из дворца, он узнал о существовании тайной двери для выхода и то, что эта тайная дверь была тогда закрыта на замок. Уговорив царевича, он направил его к царице и упросил с помощью хитрости (принести ключ), затем, открыв тайную (дверь), они вместе с царевичем оба вышли (из дворца). Скрываясь с царевичем, он вместе с ним добрался до лесов Виндхья. Живя в лесу, он искал способ добыть средства и собрал благодаря своему уму огромную сумму денег, исчисляемую в 80 коти, затем он спрятал деньги в одном (тайном) месте. Подозревая о малых достоинствах царевича, он стал искать другого человека, подходящего для управления царством и обладающего всеми достоинствами».

Затем Чанакья нашел мальчика по имени Чандагутта, обучил его и поселил вместе с царевичем Паббатой. Однажды, как повествует текст (V.125–127), оба мальчика увидели сон (*sapina*) и рассказали о приснившемся брахману. Истолковав смысл сна, брахман понял, что Чандагутта, хотя и не является отпрыском царской семьи, обладает всеми достоинствами для управления страной и что именно он вскоре станет всеправителем Джамбудвипы. Чанакья никому не рассказал о смысле сна. Когда же Чандагутта подрос, Чанакья дал ему некогда спрятанные им в лесу деньги, и будущий царь, собрав большое войско, двинулся во внутреннюю провинцию (*anto janapada*), но его наемники были разбиты, и

³⁷ *indi kila* (*indakhila*) — колонна в честь бога Индры или огромный камень, который клали у входа в дом или у городских ворот. Чанакья этим поступком выразил свое презрение к царскому двору и священным обычаям, которым следовал Дхана Нанда.

Чандагутта вместе с Чанакьей стали разрабатывать новый план борьбы за власть. В тексте дается метафоричное объяснение ошибочной тактики Чандагутты и Чанакьи, которые решили захватить центр страны, не обеспечив крепкого тыла. Им надлежало вначале подчинить пограничные области, деревни и города (рассантагāтанигата). Уяснив свои ошибки, Чандагутта и Чанакья набрали новое войско, но прежде чем двинуться к столице государства Нандов, они навели ужас на жителей пограничных деревень и городов и, захватывая постепенно одну область за другой, приближались к Паталипутре. Наконец, они вошли в столицу и после битвы с царем Дхана Нандой одержали полную победу. Нандский правитель был убит на поле боя.

Независимо от буддийской традиции цикл о Чандрагупте и Чанакье сохранился, как уже отмечалось, в «джайнской среде» и получил подробное изложение в труде известного джайнского автора XII в. Хемачандры — «Стхавираваличарита» (или «Паришиштапарван»). При составлении своего сочинения Хемачандра пользовался многочисленными текстами, в том числе сборниками сказаний и легенд о джайнских святых. По мнению исследователей, джайнская литература, известная как литература «катханака», существовала уже в первых веках нашей эры, а после собора в Валабхи в V или VI в. получила особое развитие. Составленные на санскрите, многие джайнские сочинения восходили к более древним пракритским текстам. Практическим сочинением пользовался и Хемачандра, но, будучи искусным писателем, он придал материалу особую красочность и увлекательность. Практическая основа «цикла о Чандрагупте и Чанакье» позволяет относить возникновение его (или по крайней мере отдельных частей общего цикла) к раннему времени, а близость текста Хемачандры к пракритской версии свидетельствует о том, что джайнское сочинение сохранило основной пласт оригинального материала.

По мнению Траутманна, «Паришиштапарван» передает более древнюю и более точную, по сравнению с палийской, версию цикла³⁸. Вопрос о «хронологическом приоритете» джайнской версии вряд ли может быть решен окончательно — выше уже отмечалась несомненная древность сохранившейся в «Тике» традиции, но многое может проясниться, если будет доказана особая близость джайнской версии и текста Юстина. Сюжетные блоки о Чандрагупте и Чанакье располагаются у Хемачандры в следующей последовательности (VIII.194–326).

1. Биография Чанакьи, его «чудесное рождение» — знамение его будущей власти, рассказ о его приходе в Паталипутру, столкновение с царем Нандой и его сыном, уход Чанакьи из столицы. (Чанакья родился, имея во рту все зубы, и монахи объяснили его отцу, что это счастливое предзнаменование: ребенок станет царем. Будучи брахманом, отец испугался этой «участи» сына и выбил ему зубы. Тогда монахи предрекли Чанакье, что хотя формально он не будет царем, но фактически будет обладать всей полнотой власти.)

2. Встреча с Чандрагуптой и история будущего царя. В тексте говорится, что Чандрагупта родился в сельской местности, в семье человека, который разводил царских павлинов. Это сообщение наиболее близко свидетельству Юстина о «просто́м (humilis) происхождении» Чандрагупты. Хемачандра повествует и о предзнаменованиях, которые свидетельствовали о Чандрагупте как о будущем царе.

3. Организация армии и осада Паталипутры. Неудача в связи с неправильной тактикой.

³⁸ Trautmann 1971: 25.

4. Изменение тактики, союз с царем Парватакой — правителем гималайских областей (Himayatkuta)³⁹. Захват отдаленных провинций, наступление на столицу. Тайное убийство Парватаки и захват Чандрагуптой власти. В противоположность буддийской традиции и свидетельствам Пуран джайнская версия говорит о сохранении Чанакьей жизни царю Нанде.

В рассказе о столкновении Чанакьи с царем Нандой Хемачандра несколько по-иному, чем буддийская традиция, описывает события, следуя, однако, общему сюжету. Чанакья идет в столицу не на диспут, а чтобы добыть деньги; прибыв во дворец царя, он садится на царский трон вместе с Нандой, в зал входит его сын, который и замечает «проступок» брахмана, и т.д.; столь существенный для рассказа эпизод о бегстве Чанакьи — «спасся благодаря быстроте своих ног» — здесь не представлен; Чанакья после столкновения с царем просто покидает город.

В целом джайнская версия повторяет основные эпизоды цикла о Чандрагупте и Чанакье, хотя некоторые существенные детали, встречающиеся и в «Тике» и у Юстина, в ней отсутствуют (о божественном предназначении власти Чандрагупте, о сне Чандрагупты); но наиболее близко к античному источнику свидетельство о простом происхождении первого из Маурьев.

Вопрос о характере первоначального цикла о Чандрагупте и Чанакье весьма сложен и требует специальных текстологических исследований различных версий, что выходит за рамки поставленной в нашем очерке задачи (интересную работу в этом направлении провел Т.Траутманн, но его выводы еще нуждаются в дальнейшем обосновании).

Можно, конечно, допустить, что первоначально цикл был более сжатым, чем последующие варианты, дополненные новыми легендами, эпизодами, деталями, и в этом смысле предположение Траутманна о наибольшей достоверности джайнской версии заслуживает серьезного внимания. Однако мы не располагаем местными материалами о Чандрагупте, синхронными маурийской эпохе, и сколько-нибудь достоверными данными о Чанакье, чтобы надежно выделить оригинальный пласт в дошедших редакциях цикла. В связи с этим исключительное значение, на наш взгляд, представляет рассказ, переданный Трогом. Столь раннее античное свидетельство ясно указывает на существование в это время индийского источника, который лег в основу переданных Трогом рассказов. При отсутствии синхронных индийских текстов о Чандрагупте и Чанакье античный вариант сказаний этого цикла может, на наш взгляд, служить отправным пунктом для определения древнейшего варианта легенд о маурийском царе и его проторливом сановнике.

Кроме «Тики» и Хемачандры сказания о Чандрагупте и Чанакье сохранились и в поздней кашмирской литературе — у Кшемендры и Сомадевы. Здесь многие основные эпизоды получили другую трактовку, действуют и иные персонажи, хотя сохранился эпизод о столкновении Чанакьи с царем (Йога-Нандой).

Известно, что Кшемендра — писатель XI в. — пользовался ранним сочинением «Брихаткатха», принадлежавшим перу Гунадхьи. К сожалению, текст, написанный на пракрите пайшачи, не сохранился, и можно лишь предполагать, что именно Кшемендра отошел от древнего пласта легенд, поскольку данными о характере цикла в сочинении Гунадхьи мы не располагаем.

³⁹ Jacobi 1932: 297.

Т.Траутманн считал, что первоначальные версии цикла сложились в Магадхе или в какой-либо другой части Восточной Индии. Позднее одна из версий попала отсюда на Ланку и была использована составителями «Тики». Исходя из того, что джайнская версия сохранила в наибольшей «чистоте» первоначальный вариант цикла, Траутманн на основе текста Хемачандры выделял эпизоды (elements) исходной, по его словам, Śaṅkya-Candra Gupta-kathā. Палийскую же версию он рассматривал как менее надежную⁴⁰. В этой первоначальной сюжетной схеме Траутманн справедливо вычленил эпизод об изгнании Чанакьи из царского дворца (столкновение с Нандой, проклятие Чанакьи и бегство Чанакьи)⁴¹. С помощью текста Юстина можно восстановить и другие сюжетные блоки, которые не зафиксированы в джайнской версии (хотя имеются в буддийской)⁴² и поэтому не вошли в «исходную» катху о Чандрагупте и Чанакье, сконструированную Траутманном.

Совпадения античной (Трог-Юстин) и индийской («Тика», Хемачандра) традиций могут быть сведены в таблицу. При этом последовательность эпизодов в индийских легендах не всегда совпадает с сюжетной линией по Юстину; в индийских вариантах цикла о Чандрагупте и Чанакье нет прямых указаний о «встречах» будущего царя со львом и слоном, о которых упоминает античный автор, но и эти явно символические сюжеты находят объяснения в индийской традиции⁴³.

Как показывает таблица, рассказ Юстина исключительно близок к индийскому циклу, но к какой именно традиции — буддийской или джайнской — обращался Помпей Трог, сказать затруднительно: в некоторых деталях текст Юстина совпадает только с буддийской традицией, а в определении происхождения Чандрагупты — с джайнской.

Скорее всего, Трогу была известна версия, восходившая к первоначальному ядру цикла и совмещавшая сведения, которые позднее «разошлись» по различным традициям. В процессе самостоятельного развития разных религиозных традиций и соответствующей им литературы при сохранении общего пласта варианты (версии) легенд все больше наполнялись новыми сюжетами, эпизодами, деталями.

⁴⁰ Trautmann 1971: 46–48.

⁴¹ Насколько этот сюжет был популярен в индийской традиции, говорит его бытование в более поздних текстах, например в прозаическом сочинении XVII в. «Mudrārākṣaśanāṭakathā», принадлежавшем перу Махадевы (здесь излагается история о столкновении Чанакьи с Нандами, которые оскорбили брахмана, его клятва уничтожить власть Нандов, уход Чанакьи из дворца и т.д.). См.: The Mudrārākṣaśanāṭakathā of Mahādeva. Этот сюжет встречается и в самой «Мудраракшасе», и в кашмирских версиях общего цикла — Кшемendra, Сомадева и т.д.

⁴² Прежде всего мы имеем в виду рассказ о сне Чандрагупты, который был своего рода знаменем захвата власти. Этот сюжет (сон Чандрагупты) встречается в «Шах-наме» Фирдоуси, который рассказывает об индийском царе Кейде (Чандрагупте), современнике Александра. Об этом же сообщают и некоторые арабские источники. Эти сны царя толкует его ближайший сановник (у Фирдоуси по имени Михран): будет захвачено царство, собрана огромная армия и восторжествует справедливость. Подробнее см.: Prakash Buddha 1955–1956: 270–291; 120–143.

⁴³ В «Мудраракшасе» Чанакья неоднократно сравнивается со львом (напомним, что по Трогу-Юстину именно встреча со львом явилась важнейшим знаменем для Чандрагупты). Любопытный рассказ передает Махадева в «Мудраракшасанатакакатхе»: к Нандам доставили в клетке фигуру льва из воска, сделанную так искусно, что лев казался живым, двигаясь с помощью механизма. (Никто не догадывался об этой хитрости.) Перед ними была поставлена задача: не трогая клетки, выпустить льва. Только Чандрагупта догадался, что лев восковой, и спалил его нагретыми железными прутьями. Хитрость Чандрагупты стала важным событием в его карьере. Конечно, эта «встреча» Чандрагупты со львом мало схожа с тем, о чем пишет Трог (и Юстин), но в обоих рассказах одни и те же персонажи и встреча носит символический характер.

Сопоставление античной и индийских версий легенды о Чандрагупте

Юстин	«Тика»	Хемачандра
Простое происхождение Чандрагупты	Кшатрийское происхождение Маурьев. Чандрагупта — сын маурийского царя, но получил воспитание у пастуха и охотника	Простое происхождение Чандрагупты
Божественное знамение, сподвигнувшее Чандрагупту к захвату власти	Особые приметы Чандрагупты, говорящие о захвате им власти в будущем. Особые приметы Чанакьи — знамение его будущей власти	Особые приметы Чанакьи — знамение его будущей власти
Столкновение Чандрагупты с царем Нандром, приказ царя убить Чандрагупту, бегство Чандрагупты	Столкновение Чанакьи с царем Нандой, приказ царя схватить Чанакью, бегство Чанакьи	Столкновение Чанакьи с царем, уход Чанакьи из столицы
Сон Чандрагупты, встреча со львом, имевшая смысл знамения (захват царской власти)	Сон Чандрагупты, истолкованный Чанакьей как знамение к захвату власти	—
Планы захвата власти после знамения	Планы захвата власти	Планы захвата власти
Организация армии	Организация армии, первая неудачная попытка завладеть тронном	Организация армии, первая неудачная попытка завладеть тронном
Война с наместниками Александра	Захват пограничных областей	Захват пограничных областей
Встреча со слоном	—	—
Захват царской власти	Захват царской власти	Захват царской власти

Приведенная таблица наглядно подтверждает уже высказанное предположение о том, что Трог (а вслед за ним и Юстин) приписал Чандрагупте многие из деяний, которые индийская традиция связывала с Чанакьей. Это позволяет считать вполне оправданным название очерка «Знали ли античные авторы об индийском Чанакье?» независимо от того, являлся этот брахман из Таксилы и савонник первого из Маурьев реальным историческим лицом или был плодом вымысла авторов популярных сказаний о Чандрагупте и Чанакье.

«ИНДИКА» МЕГАСФЕНА В ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНОСТИ И ИСТОРИОГРАФИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Немногие персонажи классической древности привлекали к себе столь пристальное внимание исследователей антиковедов и индологов, как Мегасфен. Между тем, несмотря на 150-летнюю дискуссию¹, «мегасфеновский вопрос» остается весьма запутанным. Его свидетельства представляют тем большую ценность, что маурийская Индия слабо освещена местными синхронными источниками. «Индика» являлась основным источником информации об Индии в античном мире на протяжении нескольких столетий, поэтому решение основных источниковедческих вопросов, связанных с этим сочинением, важно не только для индологов, но и для антиковедов. В ходе многолетнего изучения «Индики» исследователи-индологи так и не выработали определенной методики работы с этим текстом: как правило, информация Мегасфена сопоставляется с теми или иными сообщениями индийских источников без учета жанровой специфики его сочинения². Определение цели написания «Индики» практически не ставилось в качестве самостоятельной задачи. В лучшем случае речь велась о том, насколько ее информация соответствовала данным собственно индийской традиции без учета жанровых и временных различий в сопоставляемых источниках. Недостатки такого подхода очевидны, он практически не дал каких-либо ощутимых результатов, и до сих пор «Индика» привлекается в основном как подсобный иллюстративный материал, правомочность использования которого также легко может быть оспорена по этой же причине, а составление современного критического комментария к фрагментам «Индики» до сих пор остается desideratum³.

I

Сведения о биографии Мегасфена

Уже долгое время биография Мегасфена — предмет жарких историографических дискуссий⁴: ни время, ни цель, ни прочие обстоятельства его визита (или

¹ Первое исследование, специально посвященное Мегасфену, вышло в 1846 г. (Schwanbeck 1846).

² Bongard-Levin 1970: 2.

³ Karttunen 1997a: 88.

⁴ Анализ сведений о биографии Мегасфена см.: Бухарин 1998с: 103–113; Bongard-Levin, Bukharin 1991–1992.

визитов) в Индию неизвестны; неясно даже, сколько раз и в каких частях Индии он бывал. Ответ на все эти вопросы должен оказаться чрезвычайно важным для определения того, реалии какого региона Индии могли отразиться в его сочинении, какие местные диалекты могли повлиять на передачу им тех или иных исторических, географических и тому подобных понятий, какова связь его «Индики» — базового источника знаний античного мира об Индии — с трудами биографов Александра Македонского. Бесспорно известно, что он жил в одно время с сатрапом Гедрозии и Арахосии Сибиртием и Селевком Никатором и был послан последним ко двору индийского царя Чандрагупты Маурья, где и составил описание соседней державы: «...καὶ Μεγασθένης ὃς ξυνὴν μὲν Σιβυρτίῳ τῷ σατράπῃ τῆς Ἀραχωσίας πολλὰκις δὲ λέγει ἀφικέσθαι παρὰ Σανδράκοττον τὸν Ἰνδῶν βασιλέα...» (Агг. Anab. V.6.2)⁵; «...τὸν δὲ βασιλεύοντα ἐπώνυμον δεῖν τῆς πόλεως εἶναι Παλίβοθρον καλούμενον πρὸς τῷ ἰδίῳ τῷ ἐκ γενετῆς ὀνόματι καθάπερ τὸν Σανδρόκοττον πρὸς ὃν ἦκεν ὁ Μεγασθένης πεμφθεὶς...» (Strabo. XV.1.36)⁶; «ὁ συγγραφεὺς ὁ Σελεύκῳ Νικάτορι συμβεβιωκώς» (Clem. Alex. Strom. 1.15.72)⁷. Можно с некоторой вероятностью предполагать, что он был родом из Малой Азии. Об этом говорят как приводимые им сравнения индийских рек с малоазиатскими, вероятно лучше всего ему знакомыми (Агг. Ind. 4.3), так и то, что Малая Азия была настоящим «поставщиком» кадров для селевкидской администрации⁸. Для Ж.Андре и Ж.Филлиоза малоазиатское и ионийское происхождение Мегасфена, как и то, что он был послом Селевка Никатора при дворе Чандрагупты с 303 по 292 г. до н.э., представляется совершенно определенным⁹.

Наиболее активно спорят о том, сколько раз и когда Мегасфен бывал в Индии и мог ли он встречаться с царем Пором, правившим в Северо-Западной Индии во время и после нашествия армии Александра и до воцарения Чандрагупты Маурья. Одним из важнейших путей для решения этих вопросов является интерпретация следующей фразы из «Индики» Арриана: «...συγγενέσθαι γὰρ Σανδρόκοττῳ λέγει τῷ μεγίστῳ βασιλεῖ Ἰνδῶν καὶ Πῶρῳ ἔτι τούτου μείζονι...» (5.3)¹⁰ и решение вопроса о необходимости и обоснованности изменений на «καὶ Πῶρου ἔτι τούτῳ μείζονι», предложенных Х.Лассеном, полагававшим, что эти изменения привносят в данную фразу недостающую ей ясность¹¹. Прежде чем обратиться непосредственно к анализу этого и других текстов, представляется целесообразным привести основные точки зрения историографии по данному вопросу.

Первым, кто попытался проследить основные вехи биографии Мегасфена, был У.Робертсон. Он полагал, что Мегасфен жил несколько лет в Паталипутре при дворе Чандрагупты Маурья¹². А.Х.Л.Хеерен считал, что Мегасфен едва

⁵ «...и Мегасфен, который жил вместе с Сибиртием, сатрапом Арахосии, говорит, что часто ездил к Сандракотту, царю индов...».

⁶ «...царь должен кроме собственного имени, полученного при рождении, носить еще имя, одинаковое с городом, и называться Палимбофром, к которому был отправлен послом Мегасфен...» (пер. Г.А.Стратановского).

⁷ «Писатель, живший с Селевком Никатором».

⁸ Эти предположения высказывались в целом ряде работ. См., например: Witkowski 1898–1999: 22–24; Reuss 1906: 304–305; Bernard 1985a: 132. Возражения см.: Stein O. 1921: 7.

⁹ André, Filliozat 1986: 14.

¹⁰ «...говорит, что встречался с Сандракоттом, величайшим царем индов, и Пором, еще более великим, чем он...».

¹¹ Lassen 1827: 44. Перевод этого фрагмента, по мнению Лассена, звучит так, «...и еще более великим, чем Пор».

¹² Robertson 1819: 34.

ли провел значительное время в качестве посла Селевка Никатора при дворе Чандрагупты Маурья, так как, по его мнению, он очень поверхностно представлял себе индийскую реальность, например кастовую структуру¹³.

По мнению Е.А.Шванбека, целью единственной поездки Мегасфена в Паталипутру было улаживание спора между Селевком I и Чандрагуптой Маурья. Основываясь на сообщении Юстина (XV.4.2): «*Sic acquisito regno, Sandracottus, ea tempestate, qua Seleucus futurae magnitudinis fundamenta iaciebat, Indiam possidebat: cum quo facta pactione Seleucus, compositisque in Oriente, in bellum Antigoni descendit*»¹⁴, — Е.А.Шванбек полагал, что Мегасфен мог быть отправлен в Индию не ранее 302 г. до н.э., когда после заключения мирного договора с первым из Маурьев Селевк Никатор начал войну с Антигоном Одноглазым. Он считал, что Мегасфен нанес лишь один, но длительный визит в Паталипутру, во время которого мог часто встречаться с Чандрагуптой¹⁵.

В статье, предваряющей издание фрагментов «Индики» Мегасфена, К.Мюллер затронул основные вопросы, связанные с поездкой селевкидского посла в Индию. Справедливо полагая, что точное время и продолжительность визита установить невозможно, он увязывал саму поездку с заключением мирного договора между Селевком и Чандрагуптой и считал, что такой визит мог состояться между 302 и 288 гг. до н.э.¹⁶ Ссылаясь на авторитет Х.Лассена, Мюллер отверг вероятность встречи между Мегасфеном и Пором до 317 г. до н.э. Интересно, что при издании самого текста Мегасфена Мюллер воздержался от такой категоричности и привел оба варианта толкования этой фразы, предложив таким образом читателю самому выбрать одну из трактовок¹⁷.

Выводы Е.А.Шванбека были в точности воспроизведены Дж.У.Мак-Криндлом. Касаясь вероятности встречи Мегасфена с Пором до смерти последнего в 317 г. до н.э. (Diod. XIX.14.8), он принимает исправление в вышеупомянутом отрывке текста «Индики» Арриана (V.3) на «καὶ Πόρου ἔτι τοῦτω μείζονι»¹⁸, считая вслед за предложившим эту поправку Лассеном и принявшими ее Шванбеком и Мюллером, что такое исправление вносит ясность в текст Арриана, поскольку исключает кажущуюся ему маловероятной встречу Пора и Мегасфена¹⁹. Касаясь вопроса о частоте встреч между Мегасфеном и Чандрагуптой, Мак-Криндл вслед за Шванбеком трактует фразу Арриана «πολλάκις δὲ λέγει (Μεγασθένης) ἀφικέσθαι παρὰ Σανδράκωττον τὸν Ἰνδῶν βασιλέα» (Anab. V.6.2) так, что Мегасфен часто «заводил разговоры» с индийским царем, но не приезжал к нему с визитом²⁰, и склоняется к мнению об одном продолжительном визите. Х.Лассен же считал, что Мегасфен нанес Чандрагупте несколько визитов²¹.

¹³ Heeren 1817: 432–433 (№ 7). См. также французский перевод его книги — Heeren 1831: 343.

¹⁴ «Так Сандракотт, захватив царскую власть, в то время, когда Селевк закладывал основы своего будущего величия, владел Индией. Селевк заключил с Сандракоттом договор и, уладив дела на Востоке, двинулся в поход против Антигона» (пер. А.А.Деконского и М.И.Рижского).

¹⁵ Schwanbeck 1846: 11–23.

¹⁶ Müllerus 1847: 398.

¹⁷ Müllerus 1847: 411.

¹⁸ Mc'Crindle 1877: 7.

¹⁹ Mc'Crindle 1877: 14. В последнем издании «Индики» Арриана это исправление принято без каких-либо оговорок (Wirth, von Hinüber 1985: 622). Оно также использовано в следующих изданиях: Chantraine 1927; Jacoby 1969: 611; Brunt 1983.

²⁰ Mc'Crindle 1877: 16.

²¹ Lassen 1874: 668.

В.А.Смит полагал, что Мегасфен был послан в Индию в качестве посла к маурийскому двору после заключения мира между Селевком и Чандрагуптой в 303 или 302 г. до н.э. По его мнению, Мегасфен составил «превосходное описание индийской географии... и общественных институтов Индии, посвящая этому свое свободное время», и поэтому его свидетельства заслуживают доверия современного исследователя²². По Д.Детлефсену, в задачу Мегасфена входило, в частности, измерение расстояния между различными городами и реками Индии²³. О том, что Мегасфен был отправлен в Индию именно в качестве посла ко двору Чандрагупты Маурья, писал и Т.Холдич²⁴.

Об одном длительном визите Мегасфена ко двору Чандрагупты говорит О.Веккер²⁵. Х.Г.Роулинсон полагает вероятным лишь то, что около 302 г. н.э. Мегасфен прибыл от Селевка Никатора к Чандрагупте. Он считает «неясным» вопрос о том, видел ли Мегасфен Пору и как часто он посещал Чандрагупту²⁶.

Значительное внимание автору «Индики» уделил О.Штайн. Вкратце его точка зрения сводится к следующему. С 325 по 312 г. до н.э. Селевк Никатор строит свою державу на Востоке. Дойдя до рубежей Индии, Селевк после короткой войны (или вообще без таковой) почел за благо отдать соседнему правителю те области, которые он из-за поглощенности делами на западе державы все равно не удержал бы, за 500 слонов, которые оченьгодились ему впоследствии в битве при Ипсе с Антигоном Одноглазым в 301 г. до н.э., т.е. в результате сириндийского столкновения в выигрыше остался Селевк²⁷. После заключения мирного договора между Селевком и Чандрагуптой грек Мегасфен и был отправлен к последнему²⁸, все же остальное — не более чем предположение. Видеть его родину в Малой Азии только на основании того, что он использует для сравнения с индийскими реками реки Малой Азии, представлялось немецкому ученому малоубедительным²⁹. Он также считал наиболее вероятным длительное пребывание Мегасфена в Индии — вплоть до смены его Деймахом, последовавшей сразу после смерти или отречения от престола Чандрагупты, т.е. между 304 и 292 гг. до н.э.³⁰. Где конкретно путешествовал Мегасфен, определить, по мнению ученого, невозможно, а смена его Деймахом произошла из-за изнуряющих для европейца климатических условий. Сибиртий был назначен на пост сатрапа не ранее 324 г. до н.э., т.е. Мегасфен, чтобы стать его помощником, должен был родиться около 350 г. до н.э.

По мнению Штайна, Мегасфен, обладая специальными знаниями об Индии, занимался сбором информации о восточном соседе еще до своей поездки к Чандрагупте, а уже находясь в Индии, свободное время посвящал описанию этой страны. Штайн поддержал исправление в тексте «Индики» Арриана, где говорится о соотношении могущества Пору и Сандракотта (Чандрагупты), считая, что лишь переписчик Арриана мог принизить роль последнего, так как перед ним был образ легендарного Пору времен Александра. Правда, Штайн пола-

²² Smith 1908: 118–119; Smith 1923: 74.

²³ Detlefsen 1909: 129.

²⁴ Holdich 1910: 129.

²⁵ Wecker 1916: 1293.

²⁶ Rawlinson 1916: 33–68.

²⁷ Stein O. 1921: 4–5.

²⁸ Stein O. 1921: 7.

²⁹ Stein O. 1921: 7.

³⁰ Stein O. 1931: 232.

гал, что под именем «Пор» мог скрываться не тот правитель, с которым сражался Александр Македонский, а один из наследников Чандрагупты³¹.

Б.Брелёр уделил автору «Индики», в отличие от содержания его труда, не очень много внимания. Он полагал, что Мегасфен мог быть послан в Паталипутру в связи с заключением мирного договора с Чандрагуптой. Подчеркнув выгоды этого соглашения для Селевка I, Брелёр не считал возможным определить, сколь часто Мегасфен ездил в Индию и как долго находился там³².

Голландская исследовательница Б.Тиммер констатировала лишь то, что Мегасфен был послом Селевка Никатора ко двору Чандрагупты и несколько раз отправлялся к нему с визитами³³; в свою очередь, А.Ч.Перумалил посчитал достаточным ограничиться указанием на дату визита Мегасфена — 302 г. до н.э.³⁴.

Согласно В.Р.Р.Дикшитару, определенно известно только то, что Мегасфен был греком, все остальное источниками не подтверждается. Не приведя каких-либо конкретных аргументов, он, однако, сомневался в длительном пребывании Мегасфена в Индии. Косвенным доказательством для такого заключения, по его мнению, служит «незнание» селевкидским послом индийской литературы и языка. В.Р.Р.Дикшитар придерживался мнения об однократном визите Мегасфена к Чандрагупте, интерпретируя, вслед за Мак-Криндлом, упомянутую выше фразу Арриана (Anab. V.6.2) как «частые разговоры», а не «визиты». Время пребывания посла Селевка Никатора в Индии он определял между 302–288 гг. до н.э. Индийский историк считал, что Мегасфен мог встречаться с Пором около 317 г. до н.э. (вероятно, на основании неисправленного текста Арриана). Необходимость визита к Чандрагупте диктовалась заключением мирного договора, сама же «Индика» явилась как бы побочным продуктом миссии Мегасфена³⁵.

Э.Ламотт, со ссылкой на Арриана (Anab. V.6.2), считал, что Мегасфен нанес несколько визитов Чандрагупте³⁶.

Т.С.Браун относит время войны между Селевком и первым Маурья к 305 г. до н.э. Не считая возможным определить точную дату визита Мегасфена в Индию, он склонен понимать упомянутую фразу Арриана (Anab. V.6.2) как «частые визиты», а не «разговоры»³⁷. Он приводит достаточное количество исторических аргументов в пользу того, что Мегасфен дважды бывал в Индии³⁸. Такую же, как и Т.С.Браун, дату сиро-индийского конфликта предлагают Л.Скуржак³⁹ и Ф.Ф.Шварц⁴⁰. Правда, последний в отличие от О.Штайна, склонен оценивать эту кампанию как бесславную для греков. 500 слонов и спокойствие на восточных рубежах для австрийского ученого явно недостаточная компенсация за потерянные земли⁴¹. Исходя из даты столкновения, исследователь считает, что Мегасфен должен был быть послан в Паталипутру около 303 г. до н.э. Также он поддерживает мнение о частых «визитах», а не «разговорах»

³¹ Stein O. 1931: 232.

³² Brelör 1927: 48.

³³ Timmer 1930: 6, 304.

³⁴ Perumalil 1942: 232.

³⁵ Dikshitar 1953: 34–36.

³⁶ Lamotte 1953: 88.

³⁷ Brown 1957: 15.

³⁸ Brown 1957: 13–15.

³⁹ Skurzak 1964: 225.

⁴⁰ Schwarz 1968: 225.

⁴¹ Schwarz 1968: 226.

с царем⁴². Эти положения были подтверждены и в более поздних работах Шварца, с тем лишь отличием, что в них он отказывается определить значение глагола «ἀφικνέομαι» в указанной фразе Арриана (Anab. V.6.2), имеющей решающее значение для определения частоты визитов Мегасфена в Индию⁴³.

Б.А.Салетор полагает, что Мегасфен не мог оставаться в Индии сколько-нибудь продолжительное время, так как идея постоянного посольства была чужда древнеиндийской дипломатической мысли. Индийский ученый считает, что единственно разумным было бы предположить двукратное посещение Мегасфеном Индии: между 320 и 316 гг. до н.э. в качестве посла Сибиртия к Пору (на основании неисправленной фразы Арриана), а затем, около 303–302 гг. до н.э., после подписания мирного договора между Селевком и Чандрагуптой, как посла ко двору основателя Маурийской державы⁴⁴.

Р.Ч.Маджумдар утверждал, что «Мегасфен много раз посещал Чандрагупту, но нельзя сказать точно, был он в Индии один или несколько раз». Он склонялся к мысли, что Мегасфен Пору не видел. Относительно времени визита Мегасфена в Индию он пишет, что такой визит мог иметь место «в III в. до н.э.» или «незадолго до 300 г. до н.э.»⁴⁵.

Х.Шарфе определяет дату столкновения на Инде между 305 и 302 гг. до н.э., а его последствия считает более успешными для Селевка, который благодаря слонам, полученным от Чандрагупты, сумел в битве при Ипсе разгромить Антигона Одноглазого⁴⁶. Дж.Дерретт в статье о Мегасфене лишь указывает временной промежуток возможного визита Мегасфена: 300–280 гг. до н.э.⁴⁷. Р.Одуэн и П.Бернар характеризуют Мегасфена, именно как «посла» Селевка Никатора⁴⁸; А.Диле, со своей стороны, полагает, что «Мегасфен провел в Индии около десяти лет как посол Селевка I на рубеже III и IV вв. до н.э.»⁴⁹; У.П.Арора считает, что визит длился «много лет»⁵⁰; Ш.Р.Гойал говорит о том, что Мегасфен виделся и с Пором, и с Чандрагуптой, но определить длительность и время его визитов более точно, нежели «незадолго до 300 г. до н.э.», невозможно⁵¹.

П.Х.Л.Эггермонт указал на то, что Мегасфен был в Паталипутре несколько раз как посол Селевка Никатора⁵². Позднее он предложил более оригинальную идею: Мегасфен вообще не был в Паталипутре. Известно, что Мегасфен бывал в военном лагере Чандрагупты (Strabo. XV.1.54), где он и мог встретить первого Маурья. Лагерь мог находиться недалеко от Матхуры, так как Мегасфен проявляет неплохую осведомленность именно об этом районе⁵³.

Как полагает Дж.Д.Грейнджер, «Мегасфен был послан Селевком Никатором в Индию, где и был его послом при дворе Чандрагупты Маурья. Возможно, он уехал в Индию по своим собственным интересам и был вовлечен в дипломати-

⁴² Schwarz 1968: 227.

⁴³ Schwarz 1966: 72; Schwarz 1968: 227; Schwarz 1970: 284; Schwarz 1975a: 184.

⁴⁴ Salletore 1958: 139.

⁴⁵ Majumdar 1960a: xix, 461.

⁴⁶ Scharfe 1971: 216–217.

⁴⁷ Derrett 1969: 1150.

⁴⁸ Audouin, Bernard 1974: 19.

⁴⁹ Dihle 1974: 5.

⁵⁰ Arora 1991a: 100.

⁵¹ Goyal 1985: 70.

⁵² Eggermont 1984a: 78.

⁵³ Eggermont 1986: 160.

ческую деятельность, уже будучи в Индии... Возможно, он преувеличил свое значение»⁵⁴.

Исключительно интересна статья А.Б.Босворта «Исторический контекст „Индики“ Мегасфена»⁵⁵. Он соглашается с Т.С.Брауном в том, что необходимо вернуться к начальному чтению Арриана и со своей стороны предпринимает попытку реконструировать карьеру Мегасфена так, чтобы показать дополнительные исторические предпосылки, которые делают весьма вероятной встречу Мегасфена с Пором. Разбор фразы Арриана (Anab. V.6.2), где говорится о частоте визитов Мегасфена к Чандрагупте, А.Б.Босворт считает второстепенной проблемой. По его мнению, гораздо важнее другое. Восстанавливая последовательность исторических событий на западных границах Индии⁵⁶, он приходит к следующим выводам. Сибиртий с самого основания коалиции сатрапов, объединившихся против устремившегося к единоличной власти Пифона, был ее постоянным членом и соратником Евдема; эти союзники, нуждаясь в слонах для укрепления армии и другого рода помощи, естественно, могли обратиться к своему соседу Пору. Для переговоров с ним и мог быть послан Мегасфен. Примерно в то же время могло состояться и посольство к Чандрагупте. Следовательно, он и не мог считаться более великим, чем Пор, так как в то время западная часть Индии представляла собой конгломерат небольших княжеств, среди правителей которых Пор и Чандрагупта были лишь одними из многих. Сама «Индика», таким образом, могла появиться на свет около 310 г. до н.э. Основанием для подобного предположения автору служит то, в какой тональности описывал Мегасфен поход Диониса и Геракла в Индию.

А.Б.Босворт подчеркивает тот факт, что Мегасфен явно находился под прямым влиянием мифологизации этого сюжета двором Александра, выделяя исключительность и уникальность его индийского похода. Раз так, то наилучшим образом он вписывается в контекст первых лет после смерти Александра, когда подчеркивание роли Селевка, одного из полководцев в битве на Гидаспе, было актуально в противостоянии Антигону Одноглазого, который не мог похвастаться такими успехами. Кроме того, если бы Мегасфен писал свою «Индику» после индийского похода Селевка против Чандрагупты, то такая тональность выглядела бы скрытой усмешкой против недавнего неудачника в этой кампании. Оценивая «Индику» Мегасфена в целом, как исторический источник, он указывает, что ценность этого произведения объясняется тем, что его автор зафиксировал «переходный» период перед расширением Маурийской империи до ее максимальных размеров, т.е. нарисовал картину той Индии, которая соответствовала времени Александра.

К.Карттунен полагает, что оба варианта чтения текста Арриана неудовлетворительны, но тем не менее, хотя и с некоторой неуверенностью, готов согласиться с тем, что Мегасфен мог встретиться с Пором. Сравнение же двух индийских царей он готов интерпретировать так, что Мегасфен говорил о своей встрече с Чандрагуптой и Пором, тогда как Арриан, желая польстить Александру — своему излюбленному герою, это высказывание интерпретировал так, что Пор был более могущественным, чем Сандракотт⁵⁷.

⁵⁴ Grainger 1990: 154.

⁵⁵ Bosworth 1996: 113–127.

⁵⁶ Анализ расстановки политических сил в этом регионе см.: Bosworth 1983: 37–45.

⁵⁷ Karttunen 1997a: 71.

В советской историографии первым к рассматриваемой проблеме обратился О.В.Кудрявцев. Разделяя мнение О.Штайна, он считал, что восточный поход Селевка I был вызван как осознанием невозможности удержать завоевания Александра в долине Инда, так и стремлением наладить мирные хозяйственные и дружеские политические связи между соседними государствами. С этой целью около 300 г. до н.э. в Магадху и прибыл в качестве посла Селевка Никатора грек Мегасфен⁵⁸. В переводе пресловутой фразы из «Индики» Арриана о Поре и Чандрагупте (V.3.) О.В.Кудрявцев отвергает исправления Шванбека и его последователей⁵⁹.

Г.М.Бонгард-Левин полагает, что визит Мегасфена в Индию мог состояться только после заключения мира между Селевком I и Чандрагуптой между 305 и 302 гг. до н.э.⁶⁰ и что Мегасфен пробыл в Паталипутре несколько лет⁶¹. В одной из статей он предположил, что Мегасфен несколько раз приезжал в Индию⁶².

По мнению А.А.Вигасина (устное сообщение), исправление Шванбека в разбираемом тексте Арриана (Ind. 5.3) не выглядит убедительным. Он полагает, что первоначальный текст, касающийся Пора, был таков: «καὶ Πόρφ' ἐπὶ τοῦτου μεῖζον», — и интерпретирует это как «а с Пором, еще более того», имея, очевидно, в виду более длительную продолжительность визита Мегасфена к Пору до 317 г. до н.э.

* * *

Анализ изложенных толкований и точек зрения можно начать с рассмотрения даты визита Мегасфена в Индию. Она связана с боевыми действиями между Селевком Никатором и Чандрагуптой, подписанием между ними мирного договора и почти всеми учеными (кроме О.В.Кудрявцева и Дж.Дерретта) относится ко времени до битвы при Ипсе между Селевком и Антигоном Одноглазым в 301 г. до н.э. При этом отметим, что ни один из исследователей не предложил никаких доказательств для подтверждения избранной им даты.

Единственным основанием для общепринятой в историографии последовательности событий является приведенное выше краткое замечание Юстина (XV.4.2). Между тем ценность эпитом Юстина по ранней истории Селевкидов уже давно подвергается серьезному сомнению⁶³. Совершенно иную версию происшедшего предлагает источник гораздо более надежный — Аппиан. Рассказывая о приходе к власти Селевка, он недвусмысленно помещает события, связанные с сиро-индийской войной, после битвы Селевка с Антигоном. Согласно Аппиану (Суг. 55), Селевк, став царем Вавилонии, разделил вместе с другими противниками Антигона (который был убит в битве при Ипсе в 301 г. до н.э.) принадлежавшие тому земли, при этом Сирия с Фригией достались Селевку. Затем с помощью военных хитростей и своих полководческих способностей Селевк стал распространять свое влияние на Восток: под его контроль постепенно переходят Месопотамия, Армения, Каппадокия, Персия, Парфия, Бактрия, Согдиана, Арахосия, Гиркания и «все другие соседние племена» до Инда: «...λεσόντος δ' Ἀντιγόνου κατὰ τὴν μάχην... ἐφεδρεύων δὲ αἰεὶ τοῖς ἑγγύς ἔθνεσι

⁵⁸ Кудрявцев 1940: 224.

⁵⁹ Кудрявцев 1940: 234.

⁶⁰ Бонгард-Левин 1963: 51–52 (примеч. 14); Бонгард-Левин 1973а: 18.

⁶¹ Бонгард-Левин 1973а: 18; Bongard-Levin 1985–1986: 175.

⁶² Бонгард-Левин 1982: 13.

⁶³ Подробнее см.: Маринович 1993: 39–40.

καὶ δυνατός ὢν βιάσασθαι καὶ πιθανὸς προσαγαγέσθαι ἦρξε Μεσοποταμίας καὶ Ἀρμενίας καὶ Καππαδοκίας τῆς Σελευκίδος λεγομένης καὶ Περσῶν καὶ Παρθυαίων καὶ Βακτρίων καὶ Ἀράβων καὶ Ταπύρων καὶ τῆς Σογδιανῆς καὶ Ἀραχωσίας καὶ Ὑρκανίας καὶ ὅσα ἄλλα ὅμορα ἔθνη μέχρις Ἰνδοῦ ποταμοῦ»⁶⁴. Только тогда он дошел до Индии и получил 500 слонов, которые пригодились ему в битве не против уже убитого Антигона, но, вероятнее всего, против Лисимаха (App. Syr. 54)⁶⁵.

Сам порядок перечисления сатрапий указывает на последовательное продвижение Селевка в восточном направлении. Кроме того, поход так далеко на восток выглядит бессмысленным до 301 г. до н.э. и потому, что общепризнанный царь Антигон был еще жив (App. Syr. 54) и находился именно на западе будущей державы Селевка. Имея в тылу столь опасного противника и опираясь лишь на Сирию и Фригию, отправиться через столь многие области к Индии было бы по меньшей мере безрассудством. Акцию такого масштаба можно было предпринять только тогда, когда уже были решены все проблемы с главными претендентами на престол. Таким образом, Мегасфен, если он был послан к маурийскому двору в связи с договором между Селевком и Чандрагуптой, отправился в Паталипутру уже в III в. до н.э., ибо должно было пройти несколько лет, чтобы Селевк мог покорить земли от Сирии до Индии.

Был ли связан Мегасфен с Сибиртием и, соответственно, когда мог состояться его визит в Индию, во многом становится ясным из десятилетиями обсуждаемой фразы «Индики» Арриана (5.3): «συγγενέσθαι γὰρ Σανδρόκοττω λέγει τῷ μεγίστῳ βασιλεῖ Ἰνδῶν καὶ Πῶρῳ ἔτι τοῦτον μεῖζονι». На наш взгляд, в предположении Е.Шванбеком исправлении на «Ἰνδῶν καὶ Πῶρου ἔτι τοῦτω μεῖζονι» нет никакой необходимости. Единственное объяснение тому, что оно утвердилось как совершенно необходимое — гипноз образа Сандракотта-Чандрагупты, который, как считает античная традиция, с помощью Александра заложил основы маурийской державы и потому своим величием должен был затмевать всех других индийских царей, а также стремление ряда исследователей исключить возможность визита Мегасфена в Индию во время правления Пора. Так, аргумент О.Штайна в пользу исправления⁶⁶, по которому Сандракотт для Арриана был фигурой гораздо более внушительной, чем Пор, не выглядит надежным. Ф.Ф.Шварц убедительно показал, что Арриан строил «Индику» только на тех фактах, которые относятся ко времени Александра, а информацию, не относящуюся к этой эпохе, сознательно пропускал⁶⁷. В описании индийского похода Александра — излюбленного героя Арриана — Пор был фигурой исключительного значения. В битве с ним были подорваны силы греко-македонского войска, и колоритная фигура индийского царя вызывала, согласно античной традиции, исключительное уважение македонского владыки. На поддержание мирных отношений с ним ориентировал своих сатрапов Александр и

⁶⁴ «...Когда Антигон пал в этой битве... постоянно устраивая ловушки соседним народам, способный и силой заставить их подчиниться, и уговорить убедительными речами, он [Селевк] захватил власть над Месопотамией, Арменией и Каппадокией, называемой Селевкидой, над Персией, Парфией и Бактрией, над арабами и тапирами, над Согдианой, Арахосией и Гирканией и над всеми другими соседними племенами до реки Инда» (пер. С.П.Кондратьева).

⁶⁵ «Традиционная» последовательность событий отстаивается также в работе Н.Дж.Крома «Селевк и Чандрагупта» (Krom 1909: 154).

⁶⁶ Stein O. 1931: 234.

⁶⁷ Schwarz 1975a: 194–195.

после ухода из Индии⁶⁸. Именно Пор благодаря связи с Александром был индийским героем Арриана⁶⁹; именно Пору были оставлены все индийские земли до р. Гифасис (Агг. Anab. V.29.2; VI.2.1); именно в битве с ним погиб конь Александра Букефал (Strabo. XV.1.29; Diod. XVII.95.5); именно он, будучи «варваром», явил истинно царское величие в беседе с Александром (Агг. Anab. V.19.1–3). О Сандракотте же ни Арриан, ни Диодор, ни Плутарх ничего подобного не сообщают. В конце жизни Александра была выпущена серия монет с изображением сражения великого македонца с индийским царем⁷⁰. Кроме того, в неисправленном виде обсуждаемая фраза выглядит более стройной и логичной, чем в варианте Шванбека, где слово Πόρου кажется совершенно лишним и неясно, с чем следует связывать «ἐτι τοῦτο μεῖζον».

С исторической точки зрения казалось бы весьма логичным исправление, предложенное А.А.Вигасиным. Действительно, Курций Руф (VIII.13.6; IX.2.3), Диодор Сицилийский (XVII.87.2; 93.2) и Плутарх (Alex. 62) сообщают, что царь прасиев и гандаридов имел армию в несколько раз большую, чем Пор. Но эти сообщения относятся не к Сандракотту-Чандрагупте, а к последнему царю династии Нандов, именовавшемуся в античной традиции Агrames. Такого рода преувеличение его военной мощи должно было отчасти «оправдать» отступление из Индии войска Александра, не пожелавшего идти за своим царем до восточных пределов ойкумены. Чандрагупта же во время индийского похода Александра еще не был царем и не имел своей армии. Кроме того, в неисправленном варианте четко видна логическая связь между «μεῖζον» и «μεῖζον», соотносящими качественные характеристики двух царей. В предложенном А.А.Вигасиным варианте такая связь нарушается. Если эта характеристика относится к Сандракотту, то почему Арриан избрал такой нелепый порядок слов?

Итак, наиболее логичным решением проблемы мы считаем отказ от бессмысленного исправления и возврат к первоначальному чтению, согласно которому Мегасфен встречался «с Сандракоттом, величайшим царем Индии, и с Пором, еще более великим, чем тот». Стремление Штайна показать, что неисправленный текст выглядит нелепо из-за того, что после одного «величайшего царя» упоминается и другой⁷¹, лишено смысла, так как ко времени встречи с Чандрагуптой-Сандракоттом — «просто» величайшим царем индов — еще более величайший царь был убит, при этом давно — в 317 г. до н.э. (Diod. XIX.14.8). Кроме того, оба царя правили в различных регионах Индии. И Сандракотт, не проверенный на прочность Александром, не мог считаться сильнее того, кто эту проверку выдержал достойно. Точку зрения К.Карттунена также принять нельзя, поскольку в его варианте получается, что сначала Мегасфен повстречался с Чандрагуптой, а уже потом с Пором. При этом Мегасфен должен был считать Сандракотта «величайшим царем индов», что трудно предположить — ведь именно Пор явил истинно царское величие в битве с Александром.

Существует еще один аргумент в пользу вероятности встречи Мегасфена с Пором. В период между смертью Александра Македонского (323 г. до н.э.) и изгнанием греческих гарнизонов из Индии (317 г. до н.э.) в долине Инда происходили многочисленные волнения, связанные с борьбой местных правителей

⁶⁸ Brown 1957: 14.

⁶⁹ См. также: Bosworth 1996: 113–114.

⁷⁰ Davis, Kraay, Purvey 1980: 29. Pl. 10–12; Stewart 1993: Pl. 68–69; Bernard 1985b: 76–79.

⁷¹ Stein O. 1931: 234.

как между собой, так и с греческими гарнизонами⁷². Пор, как известно, был оставлен владыкой всех земель вплоть до р. Гифасис (Arr. Anab. V.29.2; VI.2.1). Естественно, такого рода владычество подразумевало определенного рода подчинение, хотя бы формальное, ибо местных властителей Александр обычно оставлял в качестве сатрапов (Arr. Anab. I.17.1; III.5.2; IV.15.5; Curt. VIII.12.5–6 и др.). В 321 г. до н.э. произошло важнейшее для политической жизни Северо-Западной Индии событие: решением диадохов была признана власть местных индийских царей⁷³. Возможно, миссия Мегасфена к Пору и имела целью проведение в жизнь этого решения, если учесть, что на территории Индии к тому времени уже не осталось ни одного сатрапа, кроме Евдема⁷⁴. Такая трактовка представляется вполне логичной.

Особняком стоит позиция А.Б.Босворта. Нельзя не согласиться с его мнением, что с филологической точки зрения исправление в тексте «Индики» Арриана не выдерживает критики, и особенно с тем, что на сложение «Индики» Мегасфена существенное влияние оказали реалии Западной Индии. Однако серьезные возражения вызывает датировка «Индики» 310 г. до н.э. Во-первых, маурийская Индия и на пике своего могущества не была единым централизованным государством. Противопоставление Индии времен Пора Индии, «объединенной» Чандрагуптой, как рыхлого конгломерата царств централизованной монархии не соответствует материалам индийских источников: ни «Артхашастра» Каутильи, ни эдикты Ашоки не дают для этого заключения никаких оснований⁷⁵. Во-вторых, для того чтобы подозревать Мегасфена в скрытой усмешке над Селевком, нужно быть твердо уверенным в том, что, с одной стороны, последний действительно стремился встать на один уровень, прежде всего мифологический, с Александром, с другой — что его индийская кампания рассматривалась как неудачная. Первое остается в большей степени предположением, второе также может быть оспорено⁷⁶.

Остается только гадать, как часто ездил Мегасфен к Чандрагупте и как долго он там оставался. Следует отметить, что глагол «ἀφικνέομαι», употребленный Аррианом для обозначения визитов Мегасфена к Сандракотту (Arr. Anab. V.6.2), вряд ли уместно переводить вслед за Мак-Криндлом и Дикшитаром как «заводить разговоры»; он, безусловно, означает то же, что и «συνεγείναι» в параллельном тексте «Индики» (5.3). Трактовка этих глаголов как «разговаривать» довольно необычна. Более вероятным представляется, что Мегасфен неоднократно приезжал в Паталипутру, ибо в распоряжении исследователя нет данных, которые позволяли бы судить о наличии в древней Индии практики постоянных дипломатических посольств, да и особой причины находиться при индийском царе столь долго не было. Смена Мегасфена Деймахом могла произойти как из-за преклонного возраста первого, так и (что более вероятно) из-за вступления на престол нового индийского царя — Биндусары. Ссылка О.Штайна на неблагоприятный климат как на причину смены Мегасфена несостоятельна, так как, во-первых, климат в Кандагаре, где Мегасфен проживал до отправления в Индию, ничуть не мягче, а во-вторых, следуя рассуждениям самого Штайна,

⁷² Бонгард-Левин 1973а: 57.

⁷³ Бонгард-Левин 1973а: 57.

⁷⁴ Бонгард-Левин 1973а: 57.

⁷⁵ Fussman 1974: 369–389; Лелюхин 1993: 6–7; Лелюхин 1998: 115–116, 121–128; Вигасин 1998а: 25; Вигасин 1998b: 61–71.

⁷⁶ Stein O. 1921: 4–5; Scharfe 1971: 216–217; Karttunen 1997а: 25.

прожив в стране 10 лет, вряд ли можно покинуть ее только из-за климата. Не может быть принята и идея П.Эггермонта. Известно, что Мегасфен был именно в Паталипутре (во всяком случае, и там тоже): «ἐπέμφθησαν μὲν γὰρ εἰς τὰ Παλίμβοθρα ὁ μὲν Μεγασθένης πρὸς Σανδρόκοττον» (Strabo. II.1.9)⁷⁷. Этот отрывок из «Географии» Страбона он почему-то не упоминает.

Таким образом, в биографии Мегасфена наиболее достоверным можно считать следующее: около 324 г. до н.э. он был помощником македонского сатрапа Арахосии и Гедрозии Сибиртия, в промежутке, до 317 г. до н.э. (скорее всего, после 321 г. до н.э.), встречался с индийским царем Пором в Северо-Западной Индии, а в начале III в. до н.э., во всяком случае после битвы при Ипсе, был отправлен к Чандрагупте Маурья для заключения договора между соседними государствами. Вполне возможно, прав А.Б.Босворт, полагающий, что Мегасфен был послан для переговоров с Пором о помощи в борьбе против Пифона. Во всяком случае, принадлежащий этому исследователю анализ политической истории Северо-Западной Индии и прилегающих с запада регионов и сделанный вывод о вовлеченности в нее Сибиртия и Мегасфена следует признать исключительно интересным. Правильность такой последовательности событий подтверждается и фрагментом сочинения Солина, никем из специалистов не привлекавшимся для оценки возможности визита Мегасфена к Пору: «Megasthenes sane apud Indicos reges aliquantisper moratus res Indicas scripsit, ut fidem quam oculis subiecerat memoriae daret» (Solin. 52. 3)⁷⁸. Солин, который определенно имел возможность читать работу Арриана в оригинале, пишет именно о нескольких царях, которых посетил Мегасфен.

II

Фрагменты «Индики» Мегасфена и их авторство — подлинное и мнимое

В научной литературе неоднократно отмечалось, что подбор фрагментов сочинений античных авторов, относимых к Мегасфену, проводился некритически, без строгой текстологической работы⁷⁹. Поэтому необходимо хотя бы кратко остановиться на истории публикаций «Индики». Известно несколько полных⁸⁰ и ряд тематических изданий⁸¹. Перевод всех фрагментов, относимых к Мегасфену, был выполнен Дж.Мак-Криндлом очень давно и претерпел лишь ряд переизданий⁸², хотя тексты Арриана, Диодора, Страбона, содержащие в основном фрагменты «Индики», переводились и издавались неоднократно.

Первые два издателя — Е.А.Шванбек и К.Мюллер стремились не только воспроизвести сам текст, но и восстановить структуру сочинения Мегасфена. Шванбек разбил все фрагменты на четыре «книги»: география и топография Индии; обычаи индийцев; общественное устройство Индии; религия и история

⁷⁷ «...они были посланы в Палимботру: Мегасфен — к Сандрокотту...».

⁷⁸ «Мегасфен, который довольно долго пребывал при дворе индийских царей, написал „Индийские дела“, чтобы точно передать воспоминания о том, что он видел».

⁷⁹ Например: Bongard-Levin 1984: 22.

⁸⁰ Schwanbeck 1846; Jacobi 1969; Βελισσαροπουλος 1990 (см. рецензию — Кошеленко 1992: 201–205); Majumdar 1960.

⁸¹ Brelör, Bömer 1939; Dahlquist 1962: 46–67.

⁸² McCrindle 1877.

индийцев. Мюллер же следовал в своем издании иному принципу: так называемая «Эпитома», состоявшая из отрывка второй книги (главы 35–42) «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, предваряла собственно фрагменты Мегасфена. В первую книгу «Индики» по Мюллеру также вошли фрагменты, в которых речь идет о географии. Во вторую он включил сообщения об индийских древностях, описание походов Диониса и Геракла в Индию, а также обычаев индийцев; в третью книгу вошли фрагменты, описывающие общественную структуру Индии, четвертая же вообще была им исключена из структуры «Индики». К.Мюллер возражал Е.А.Шванбеку не только по структуре «Индики». Он поставил так называемую «Эпиту» особняком, считая, что Мегасфен не мог явиться автором рассказов о слонах (Diod. II.35.4), однако не снабдил свои положения аргументами. Полемика Мюллера со Шванбеком по структуре «Индики» представляется бессмысленной хотя бы потому, что нет никаких свидетельств, которые могли бы решить этот вопрос.

Феликс Якоби в своем издании был более осторожен, не решаясь на какие-либо общие выводы как о структуре «Индики», так и о принадлежности тех или иных фрагментов Мегасфену. Сначала он воспроизвел фрагменты, в которых речь идет о самом Мегасфене, а затем, уже без разделения на книги, тексты, относящиеся к географии (сюда же он включил полностью «Эпиту» Диодора), походам Диониса и Геракла, социальному устройству Индии, животному миру, чиновничеству, обычаям, философам. Никакого строгого порядка в расположении фрагментов Ф.Якоби не придерживался. Единственным принципиальным отличием в методах публикации явилось то, что Ф.Якоби давал «параллельные» места из нескольких авторов на один и тот же сюжет, что значительно облегчает работу с самим текстом. По составу фрагментов принципиальных отличий между изданиями Е.А.Шванбека, К.Мюллера и Ф.Якоби нет. Например, последний также не включил «Эпиту» Диодора (II.35–42) в число фрагментов, безусловно восходящих к Мегасфену, но оставил ее среди частей, к которым посол определенно мог иметь отношение, не выделяя, однако, те из них, которые явно не относятся к Мегасфену⁸³.

Сомневаясь в подлинности многих фрагментов, приписанных Мегасфену в издании Е.А.Шванбека, Р.Ч.Маджумдар не стал выделять фрагменты «Индики» Мегасфена в отдельный раздел, но оставил их в виде цитат конкретных античных авторов⁸⁴. Исходя из идеи Е.А.Шванбека об их делении на четыре части: фрагменты работ позднейших авторов, которые явно восходят к Мегасфену; те, которые их близко напоминают, но не обязательно восходят к самому Мегасфену; отрывки, которые предшествуют или следуют фрагментам из первых двух групп; пространные фрагменты, включающие те, которые входят в первые три группы, — Маджумдар полагал, что только о содержащихся в первых двух группах можно сказать, что они входили в «Индику» Мегасфена. Авторство тех фрагментов, которые были отнесены им к четвертой группе, вряд ли можно установить с определенностью.

Пересказ основных сведений об Индии, содержащихся в «Индики» Мегасфена, был представлен также Н.С.Калотой⁸⁵. Однако никаких собственных идей автор не выдвигает, а с другими исследователями предпочитает не спорить, ограничиваясь изложением источников.

⁸³ Jacoby 1969: 606–611.

⁸⁴ Majumdar 1960.

⁸⁵ Kalota 1978.

В 1990 г. вышло подготовленное Д.К.Велисаропулосом двухтомное издание фрагментов греческих авторов (эпизодически привлекаются также данные Плиния Старшего), в которых речь шла об Индии. Подробный анализ достоинств и недостатков этого труда был дан в рецензии Г.А.Кошеленко⁸⁶. К достоинствам этого издания можно отнести также то, что каждый тематический раздел завершается кратким, но довольно емким резюме, помогающим лучше ориентироваться в публикуемом источнике. Однако это издание не является полным, так как автор не приводит параллельные места из других античных авторов, касающихся одного и того же сюжета. Так, по большинству рассматриваемых сюжетов Д.К.Велисаропулос отдает предпочтение сведениям из «Географии» Страбона. В минимальной степени привлекаются сведения из сочинений Арриана, и совсем обойден вниманием столь важный автор, как Диодор Сицилийский.

Издание «Источники по истории религий Индии», подготовленное Б.Брелёром и Ф.Бемером, воспроизводит фрагменты античных авторов, где речь идет об индийских религиозно-философских сюжетах. Фрагменты «Индики» Мегасфена, относящиеся к данному сюжету, авторы выбрали из работ Шванбека и Мюллера, снабдив их параллельными указателями к изданиям своих предшественников. Тем же путем пошел и А.Далквист. Он лишь добавил текстовые расхождения в примечаниях к своему изданию и включил Ф.Якоби в число тех, на чьи издания он приводит параллельную нумерацию.

Никто из упомянутых издателей «Индики», кроме К.Мюллера, усомнившись в том, принадлежит ли Мегасфену описание слонов, не поставил вопроса о детальном рассмотрении авторства тех или иных ее фрагментов. Первым исследователем, подвергшим серьезному пересмотру утвердившийся набор этих фрагментов, явился Б.Брелёр. В статье «Мегасфен об индийском обществе»⁸⁷ он поставил под сомнение то, что именно к Мегасфену восходят фрагменты Плиния Старшего (VI.22.2–3), где приводится одна из версий структуры индийского общества. Он отметил принципиальное отличие описания индийского общества в римской традиции от его картины в трудах Диодора (II.40–41), Страбона (XV.1.39–49) и Арриана (Ind.11–12). Отсутствие класса ремесленников, обозначение как наиболее многочисленного класса воинов, а не земледельцев, совершенно иной порядок расположения классов, изменение характеристики класса так называемых царских советников — его представители «заседают» (*adsidunt*), в то время как в греческой традиции «заседают и советуют» (*σύνεδροι καὶ σύμβολοι*), привело Б.Брелёра к мысли, что эти фрагменты происходят из другого источника. Поскольку из Курция (Curt. VIII.12.12) известно, пишет Б.Брелёр, что отмеченное у Плиния Старшего и Солина соотношение воинов и земледельцев имело место в царстве Таксила, а из Страбона (XV.1.28) — что описывал эту область Онесикрит, то его и следует считать автором этих фрагментов. Однако топонимы и этнонимы, упомянутые Плинием (VI.22.1–4), — *gente Gangaridum Calingarum... Insula in Gange... gentem Modokalingam*, etc. — указывают на то, что государство, описанное им, располагалось в районе Ганга или вдоль восточного побережья Индии, т.е. там, где Онесикрит определенно не был. Возможно, эти сведения восходят к Дионисию, которого Плиний упоминает наряду с Мегасфеном среди своих источников (VI.21.4).

⁸⁶ Кошеленко 1992: 201–205.

⁸⁷ Brélör 1934a: 130–164.

В 1939 г. Б.Брелёр предложил включить в корпус фрагментов Мегасфена еще три, взятых из сочинений Флавия Филострата (два) и Порфирия⁸⁸. В первом (Philostr. Vita App. II.30) речь идет о процедуре отбора тех, кто хотел бы посвятить свою жизнь служению философии. Согласно Филострату, к этому может быть допущен далеко не каждый, а лишь не имеющий каких-либо пороков и тот, чьи родственники в трех поколениях ничем себя не запятнали. Лишь прошедший сложную процедуру отбора, состоящую из проверки кандидата городскими властями, а затем уже собственно философами, сможет присоединиться к их «ордену». Что касается первого фрагмента, то Б. Брелёр полагал, что Филострат прочитал у Мегасфена о необязательности наличия свидетелей при заключении контрактной сделки в Индии, но обязательности ее регистрации⁸⁹.

Не пояснив, почему первый фрагмент Филострата восходит именно к Мегасфену, Б.Брелёр адресует читателя к третьему фрагменту, взятому из Порфирия (De abst. IV.17), который, по его мнению, необходим для понимания контекста⁹⁰. Не рассмотрев еще самого фрагмента, Б.Брелёр заявляет, что он восходит к Мегасфену, а к Порфирию попал через Бар Дайсана (аргументы опять отсутствуют). Суть фрагмента состоит в описании вступления в шраманский «орден» в городе.

Содержание фрагмента № 1 Б.Брелёр относит к деревне, хотя Филострат прямо заявляет, что сведения о предках претендента на место философа проверяются по устным свидетельствам и городским записям (Philostr. Vita App. II.30)⁹¹. Единственным доказательством первоначального авторства этого фрагмента Мегасфена является ссылка на руководство процесса проверки кандидата в философы архонтами города⁹², которых посол Селевка Никатора подробно описал в своем сочинении (Strabo. XV.1.50–52).

Доказывая принадлежность Мегасфену фрагмента № 2, составляющего вторую половину рассматриваемого текста Филострата, немецкий ученый, как нам представляется, доходит до абсурда. Поясняя процедуру проверки безупречности кандидата, он пишет: «Содержание этого замечания Мегасфена ясно и позволяет понять причины, побудившие Филострата вставить его. Ему кажется само собой разумеющимся, что предки кандидата часто могли быть уже мертвы, и поэтому трудно было привести доказательства их безупречности и чистоты крови через свидетелей в суде. И хотя у Мегасфена ничего не сказано о таком сертификате⁹³, из его сообщения следует, что обстоятельства жизни записывались точно»⁹⁴. Таким образом, получается, что второй фрагмент следует относить к Мегасфену лишь на основании сертификата, упомянутого у Филострата и не упомянутого у Мегасфена.

Можно привести дополнительные аргументы против изначальной принадлежности Мегасфену всех трех фрагментов. Прежде всего, совершенно различен предмет описания: в первом фрагменте у Филострата говорится, что лишь немногие могут стать философами-аскетами, к тому же они должны пройти очень

⁸⁸ Brelör 1939: 254–293.

⁸⁹ Brelör 1939: 259.

⁹⁰ Brelör 1939: 260.

⁹¹ Brelör 1939: 270. Однако вторую часть этого отрывка Б.Брелёр почему-то выделяет в отдельный фрагмент.

⁹² Brelör 1939: 271.

⁹³ В русском переводе — «городские записи» (Флавий Филострат 1985: 44).

⁹⁴ Brelör 1939: 261.

сложную процедуру отбора. Согласно же Мегасфену (Агг. Ind. 12.9), любому индийцу разрешено становиться софистом, потому что жизнь его далеко не приятна и полна лишений. Кроме того, восстанавливая процесс проверки кандидата в философы, Б.Брелёр активно использует материалы афинской докимасии, ссылаясь на «Политику» Аристотеля⁹⁵, что не может быть признано методологически оправданным. Следует отметить, что аргумент такого рода отражает одну из особенностей исследовательского метода Б.Брелёра, свойственного целому направлению в германской историографии 30-х годов. Среди категорий, которыми оперирует германский историк, одно из важнейших мест занимает понятие «арийское». По его мнению, государства, основу которых составляли «арийские» племена (Рим, Греция, Индия), в принципе не могли развиваться разными путями, что и обуславливает схожесть общественных структур Греции и Индии, якобы засвидетельствованную Мегасфеном. Поэтому, например, греческие астиномы полностью соответствуют индийским⁹⁶, а для восполнения отсутствующего описания индийской докимасии можно привлечь греческий материал, не рискуя серьезно ошибиться.

Следует подчеркнуть исключительно вольное толкование фрагментов как Филострата, так и Мегасфена в работах Б.Брелёра. Например, объясняя, почему упоминание Филостратом официального сертификата, устанавливающего обстоятельства жизни предков будущего философа, противоречит утверждению Мегасфена (Strabo. XV.1.53) об отсутствии у индийцев судебного процесса с использованием письменных документов, он утверждает, что упомянутый сертификат является неким «общественным» документом, описывать который не входило в планы Мегасфена⁹⁷. «Не замечает» Б.Брелёр и другого противоречия: согласно «его» Мегасфену из второго фрагмента, чиновник-архонт, описывающий жизнь умершего индийца, не смеет ошибиться, так как знает, что, будучи уличенным во лжи, никогда не сможет занять государственный пост, в то время как исторический Мегасфен «определяет» индийцу гораздо более строгое наказание за ложь — отрубание рук и ног (Strabo. XV.1.34), да и вообще ни одному чиновнику не позволено сообщать ложь, и ни один из них никогда уличен во лжи не был (Агг. Ind. 12.5). Исходя из якобы доказанной принадлежности первых двух фрагментов Мегасфену, которую Б.Брелёр называет «очевидной»⁹⁸, он делает далеко идущие выводы о положении среднего чиновничества в Индии, полагая, что Страбон сократил текст исключительно подробного изложения Мегасфена. На основании этих фрагментов автор даже определяет область, где Мегасфен мог увидеть такие отношения⁹⁹.

Третий фрагмент также не может быть отнесен к Мегасфену, поскольку описание шраманского «ордена», предлагаемое Порфирием — Бар Дайсаном, принципиально отличается от такового у Мегасфена в пересказе Страбона (XV.1.60). Так, ни один из признаков шраманства у Филострата не зарегистрирован Страбоном — ни сама процедура проверки кандидата, ни коротко подстриженные волосы, ни белые одежды. В противоположность фрагменту Порфирия, говорящему о полном прекращении контактов с женщинами и детьми, Страбон говорит, что женщины тоже занимаются философией со шраманами.

⁹⁵ Brelör 1939: 257–258.

⁹⁶ Brelör 1935: 61; Brelör 1934a: 135, 142–143; Brelör 1934b: 135–136.

⁹⁷ Brelör 1939: 260.

⁹⁸ Brelör 1939: 262.

⁹⁹ Brelör 1939: 265.

То, что Мегасфен описывал шраманский «орден», лично им виденный, не вызывает никаких возражений: обширные описания религиозной жизни современной ему Индии, сохраненные у Страбона, Диодора, Арриана, подтверждают это. Но общее впечатление от этой работы Б.Брелёра таково, что он словно подгоняет сведения своего псевдо-Мегасфена под отстаиваемую им позицию по экономической истории древней Индии, развитую как в более ранних его работах¹⁰⁰, так и во второй части обсуждаемой статьи, озаглавленной «Официальное освобождение от экономической жизни».

Вкратце эта позиция может быть определена следующим образом: узость рынка рабочей силы, особенности семейного права в Индии привели к тому, что государство было вынуждено установить весьма жесткие правила участия в экономической жизни общества для каждого его члена. Поэтому на раннем этапе его развития (ведийско-брахманическом) господствовала трехступенчатая схема жизни человека, засвидетельствованная «Законами Ману»: «ученик — домохозяин — выход из цикла жертвоприношения для старого и неспособного к производительной деятельности человека».

Четвертая ступень жизни человека — «выход из общества по религиозным мотивам» — появилась лишь тогда, когда это стало возможным благодаря развившимся производительным силам, сделавшим реальным содержание аскетов общиной. Решающую роль в развитии этого процесса сыграл буддизм, поэтому данный этап в развитии индийского общества Б.Брелёр называет буддийским. Его, по мнению немецкого ученого, и отразил Мегасфен в пересказе Филострата и Порфирия. Однако, как мы видели, не представляется возможным считать эти фрагменты восходящими к «Индику» селевкидского посла.

С новой силой полемика вокруг авторства тех или иных фрагментов сочинений античных авторов об Индии разгорелась после второй мировой войны, когда был опубликован целый ряд работ, посвященных этой проблеме. Так, в статье «„Индику“ Мегасфена» Р.Ч.Маджумдар поднял вопрос о некритичности работы Е.А.Шванбека¹⁰¹. Он высказал ряд соображений, направленных против принципов работы немецкого ученого, приписывающего авторство ряда фрагментов именно Мегасфену. В фрагменте Мегасфена, озаглавленном Шванбеком «Эпитама Диодора» (Diod. II.35–42), он отмечает место, которое не могло восходить к селевкидскому послу, а именно то, что Александр Македонский дошел до Ганга (Diod. II.37.3). В этом фрагменте имя Мегасфена не упоминается ни разу, и Маджумдар склонен думать, что Диодор, возможно, использовал Мегасфена через какого-либо «посредника», и совершенно убежден в том, что он черпал информацию не только из Мегасфена, но и из каких-то других авторов¹⁰².

Те же соображения он высказывает и по отношению к фрагменту Страбона (XV.1.55–56), где подробно описываются обычаи индийцев. Шванбек и Мак-Криндл весь фрагмент относят к Мегасфену, тогда как Маджумдар считает, что с точностью к нему можно отнести лишь те фразы, где упомянуто его имя; исходя из того что Страбон использовал много источников, нельзя безапелляционно утверждать, что весь фрагмент восходит именно к Мегасфену¹⁰³. В подтверждение своей позиции он приводит слова Арриана о том, что несколько авторов, а не один Мегасфен, описывали Северо-Восточную Индию (Arr. Ind. 2.8). Кроме

¹⁰⁰ Brelör 1927; Brelör 1934b; Brelör 1934a; Brelör 1935.

¹⁰¹ Majumdar 1958: 273–276.

¹⁰² Majumdar 1958: 274.

¹⁰³ Majumdar 1958: 274.

того, Маджумдар, опять же на основании отсутствия ссылок на имя Мегасфена, предлагает исключить из приписываемых ему фрагментов описание военного и городского чиновничества, содержащееся у Страбона (XV.1.50–52)¹⁰⁴. В качестве общей характеристики Мегасфена-этнографа индийский историк выделяет его не критичность в различении реальных фактов и вымысла, непонимание индийских реалий, свойственное иностранцу, приводя в качестве примера семиклассовое деление общества (Diod. II.40–41; Strabo. XV.1.39–49; Arr. Ind. 11–12). В связи с этим Маджумдар призывает относиться к «Индике» Мегасфена с величайшей осторожностью¹⁰⁵.

Оппонентами Маджумдара по вышеуказанным вопросам выступили К.Д.Сетхна и, позднее, С.Р.Гойал. Первый предложил ряд объяснений, снимающих возражения против приписывания авторства так называемой «Эпитомы Диодора» селевкидскому послу. Так, он считает, что отсутствие упоминания имени Мегасфена — не аргумент для утверждения иного авторства, ибо «общее впечатление от этих фрагментов Диодора и сходных сюжетов у Арриана и Страбона, содержащих указание на Мегасфена, таково, будто их писал один и тот же человек»¹⁰⁶.

Появление у Диодора (II.37.3) сообщения о том, что Александр Македонский дошел до Ганга, Сетхна объясняет следующим образом. По его мнению, давая описание страны гандаритов (гандаридов) и прасиев, расположенной на восточном берегу Ганга (Plut. Alex. 62), Плутарх определенно намекает на то, что Александр уже стоял на западном берегу, и именно потому его войско отказалось переходить Ганг¹⁰⁷. Сетхна усматривает противоречие между этим утверждением и сведениями того же Диодора (XVII.95.1), а также Арриана (Anab. V.9.1) и Курция (IX.3.19), согласно которым Александр устанавливал алтари по р. Гифасис в качестве границы своих владений, и потому считает ссылку на Гифасис как на рубеж владений Александра редакторской выдумкой¹⁰⁸. В противоположность Маджумдару он заявляет, что нужно считать принадлежащими Мегасфену все те фрагменты, где не упомянуты имена других авторов¹⁰⁹. Относительно же упомянутого выше фрагмента Страбона (XV.1.50–52), содержащего описание индийского военного и городского чиновничества, Сетхна остроумно предположил, что этот сюжет лишь расшифровывает краткие описания представителей седьмого класса, содержащиеся у Мегасфена.

Похожей точки зрения придерживается С.Р.Гойал, также выступивший против излишне суровой критики Р.Ч.Маджумдара. Он отрицает правомерность аргумента последнего, отрицающего приписывание авторства «Эпитомы» Мегасфену ссылкой на то, что в ней не упоминается имя последнего. Сходство сюжетов, затронутых в этом фрагменте и имеющих у Арриана и Страбона, которые упоминают авторство Мегасфена, позволяет ему с определенностью заявить, что хотя бы частично «Эпитама» восходит к Мегасфену, и было бы бессмысленно ожидать, что каждый античный автор будет ссылаться на него по имени как на источник своей информации по Индии¹¹⁰.

¹⁰⁴ Majumdar 1958: 276.

¹⁰⁵ Majumdar 1958: 276. В более сжатом виде точка зрения Р.Ч.Маджумдара воспроизведена в подготовленном им собрании переводов античных авторов об Индии (Majumdar 1960a: 463–469).

¹⁰⁶ Sethna 1960: 244.

¹⁰⁷ Sethna 1960: 244–245.

¹⁰⁸ Sethna 1960: 247.

¹⁰⁹ Sethna 1960: 245.

¹¹⁰ Goyal 1985: 77.

Реакция со стороны Р.Маджумдара последовала незамедлительно. В том же номере журнала, в котором появилась статья К.Д.Сетхны, он опубликовал свои возражения¹¹¹. Возвращаясь к «Эпитоме Диодора», Маджумдар напомнил, что точку зрения, согласно которой Александр Македонский дошел до Ганга, разделяли и многие другие античные авторы, и, даже если прав Сетхна, совершенно необязательно приписывать авторство этого фрагмента Мегасфену¹¹². Да и разногласия у Диодора по вопросу о границе владений Александра, по его мнению, говорит о различии во мнениях тех источников, которые использовал сицилийский историк¹¹³. Далее Маджумдар приводит расхождения между Диодором и Мегасфеном в определении протяженности как Индии с запада на восток, так и самой большой индийской реки (Инд для Диодора — XVII.85.3, Ганг для Мегасфена — *Agg. Anab. V.6.7*), что еще раз говорит о многослойности источниковой базы Диодора в описании Индии.

По сути этой дискуссии хотелось бы отметить следующее. Маджумдар, безусловно, прав, отрицая монолитность и единое авторство «Эпитомы Диодора». Маршрут движения войска Александра Македонского в Индии был хорошо известен прежде всего из трудов Арриана и Курция Руфа. Поскольку западной границей Индии в античной географии считался Инд (*Agg. Ind. 2.1*; *Diod. II.35.1*), а расстояние от Инда до Паталипутры определено Эратосфеном в 10 000 стадий (*Agg. Ind. 3.2*), то очевидно, что Гифасис находится весьма далеко от Ганга. Реку Гифасис как границу владений Александра четко определяет Арриан (*Anab. V.24.8*) и Курций Руф (*IX.3.19*). В данном случае следует признать правоту Маджумдара. То, что Александр едва ли имел какие-либо четкие представления о Ганге, — вполне утвердившееся в историографии положение¹¹⁴; единственным, кто полагает возможным обратное, остается А.Б.Босворт¹¹⁵.

¹¹¹ Majumdar 1960b: 248–250.

¹¹² Majumdar 1960b: 248.

¹¹³ К.Карттунен также придерживается мнения, что Диодор в значительной степени использовал работу Мегасфена, но равным образом заимствовал данные и из других источников, например Онесикрита (*Karttunen 1997a: 7*). Далее он высказывает свою точку зрения: сообщения о том, что Александр дошел до Ганга, могли возникнуть во времена Менандра, царство которого, возможно, действительно простиралось до Ганга. Сопоставление свершений Менандра и Александра, давшее жизнь этой истории, могло быть проведено Аполлодором из Артемиды (*Karttunen 1997a: 37*). Однако, для того чтобы доказать правоту этой позиции, необходимо быть уверенным в том, что традиция «вульгаты» не возникла раньше. Думается, что информация Мегасфена о Ганге и развитие пропаганды в раннеэллинистических государствах могли составить основу для ее сложения по меньшей мере на век раньше.

¹¹⁴ Tarn 1923: 97–100; Tarn 1938: 154; Meyer 1927: 188; Kienast 1965: 185–188; Woodcock 1968: 30; Robinson 1993: 84–99.

¹¹⁵ Bosworth 1995: 27–44; Bosworth 1996: 120: «Крайне невероятно, что Александр мог провести в Пенджабе восемь месяцев или больше без того, чтобы получать доклады о политической ситуации на Востоке... Александр должен был знать о Ганге и царстве Нандов, и это знание, конечно, использовалось его последователями».

Совершенно неудачной выглядит предпринятая Д.В.Панченко попытка возродить идею Дж.Майерса о том, что Ганг был известен грекам еще со времени плавания Скилака, который прошел не по Инду, а по Гангу (*Myres 1896: 605–629*, особенно 623; *Panchenko 1998: 211–243*). Тематика нашей работы находится несколько в стороне от затронутой им проблемы, тем не менее нельзя не отметить, что все его доводы, кроме того что «индийская река» течет на восток, а это якобы не вписывается в историю античной картографии, выглядят лишь «подозрениями», не основанными даже на здравом смысле. Если следовать такой логике, то можно указать на то, что и Ганг впадает в Бенгальский залив в южном направлении. Особенно странными выглядят попытки «подпереть» данные Геродота по навигации сведениями Арриана и Плиния Старшего, когда уровень развития транспорта, и особенно морского, был принципиально иным, и отождествить *Kospláthros* с Паталипутрой

Что касается отрицания авторства Мегасфена в отношении третьего из обсуждаемых фрагментов, то здесь следует отметить гиперкритичность Маджумдара. То, что весь фрагмент Страбона, посвященный описанию военного и городского чиновничества, написан одним человеком, подтверждается законченностью и полным единством, как смысловым, так и стилистическим, этого сюжета. И прав Сетхна, полагающий, что если авторство Мегасфена при описании представителей седьмого «класса» индийского общества несомненно, то резонно предположить, что он же являлся автором соответствующих фрагментов Страбона. Эти сюжеты органически связаны между собой и информативно, и стилистически. Что касается описания обычаев индийцев (Strabo. XV.1.53–56), то следует указать на крайности в позиции обоих авторов. Неверно думать, вслед за Маджумдаром, что бесспорно восходящими к Мегасфену являются только те предложения в тексте, где упомянуто его имя. Так, в одном из фрагментов «Географии» Страбона (XV.1.53) имя Мегасфена упомянуто дважды, а предложений 11, но все они столь тесно взаимосвязаны, что предположить чье-либо еще участие в авторстве этого фрагмента не представляется возможным. А описание распорядка дня царя у Страбона (XV.1.55), также характеризующееся смысловым и стилистическим единством, где автор вообще не упомянут, вряд ли мог дать кто-либо другой, кроме Мегасфена, который был «своим» человеком при дворе Чандрагупты Маурья. То, что в этом сюжете отсутствует имя описываемого царя, нужно поставить «в вину» не Мегасфену, а самому Страбону. Надо думать, что все свои сведения из рассматриваемого фрагмента (XV.1.53–56), кроме специально оговоренного случая с отсутствием рабства в стране Мусикана по информации Онесикрита, Страбон взял из «Индики» Мегасфена. В пользу этого предположения говорит не только стилистическое и идейное единство рассматриваемого фрагмента, но и следующее заключение Страбона после описания обычаев индийцев: «Ἐχει μὲν οὖν καὶ ταῦτα πολλὴν ἀθήειαν πρὸς τὰ παρ' ἡμῖν, ἔτι μέντοι μᾶλλον τὰ τοιάδε»¹¹⁶ (XV.1.56). Логично предположить, что если в описании «очень диких» обычаев он пользуется только Мегасфеном, то и в описании «просто диких» Мегасфен играет главную роль в его рассказе. Однако не следует разделять и мнение Сетхны, согласно которому всякое высказывание, где не упомянуты другие авторы, кроме Мегасфена, нужно приписывать последнему¹¹⁷. Уязвимость такой точки зрения убедительно продемонстрирована Маджумдаром.

вместо очевидного с Kāśyapara. Для исследований по «Индике» Мегасфена важным является предположение Панченко о том, что Мегасфен и был тем «исследователем», который отождествил реку, по которой путешествовал Скилак, с Гангом. Основанием ему служит то, что Мегасфен сравнил Ганг с Меандром, «родной рекой Скилака», а поскольку «трудно предположить, что сравнение с Меандром было введено самим Мегасфеном», то он должен был взять его из труда Скилака. В чем заключается такая *трудность* остается неясным, как и то, почему Малая Азия не могла быть родной сего Мегасфена, а Меандр — хорошо известной ему рекой?

Стоит также отметить, что положения Ж.Дайтона, настаивавшего на существовании исключительно прочных и интенсивных морских связей между Индией и территорией Ближнего Востока, поддерживавшихся финикийцами, и на том, что бассейн Ганга не мог быть *terra incognita* для персов, несмотря на всю резкость формулировок, не выглядят доказанными. Эта недоказанность ведет его к таким невероятным утверждениям, как, например, тезис об «экспорте» железного века финикийцами в Индию около 600 г. до н.э. (Dayton 1984: 372).

¹¹⁶ «Конечно, эти обычаи представляются странными в сравнении с нашими, однако еще более странным представляется следующее...» (пер. Г.А.Стратановского).

¹¹⁷ Sethna 1960: 245.

Из числа фрагментов, авторство которых приписано Мегасфену, должен быть изъят отрывок «Эпитомы Диодора» (Diod. II.38.4), где речь идет о рождении индийского Диониса из бедра отца (№ 1, 56, 56В, по изданию Е.А.Шванбека; примечательно, что этот же сюжет описан и в «Анабасисе» Арриана, V.1.6, который явственно дает понять, что его авторами были спутники Александра), и те сюжеты у Страбона и Арриана, где речь идет о взятии Гераклом скалы Аорн (Strabo. XV.1.8; Arr. Ind. 5.10; № 41 и 46 по изданию Е.А.Шванбека). Авторство этих рассказов у Диодора не обозначено, а вот Страбон прямо называет их авторами «лестцов Александра» (Strabo. XV.1.9), с ним согласен и Арриан (Ind. 5.10). Весьма спорным представляется отнесение к фрагментам собственно Мегасфена отрывка из «Индики» Арриана (8.1; № 50 по изданию Е.А.Шванбека) и Полиена (Strateg. I.1.3; № 57 по изданию Е.А.Шванбека), где речь идет о возвращении Диониса из Индии. Материал «Анабасиса» Арриана (V.1.5–6) недвусмысленно свидетельствует, что авторами этого мотива также являлись спутники Александра. Безусловно, Мегасфен не остался в стороне от этих сюжетов; но достоверно лишь то, что он признавал их истинность (Strabo. XV.1.7), поэтому соответствующие абзацы, содержащие описание взятия Гераклом скалы Аорн, рождения «индийского» Диониса из бедра и его возвращения из Индии, должны быть исключены из списка фрагментов, принадлежащих собственно Мегасфену. И если они были составлены спутниками Александра, то опасность их использования при работе с фрагментами собственно Мегасфена заключается в том, что они относятся к иному региону, чем тот, в котором пребывал и который описывал селевкидский посол. Образы Диониса и Геракла, описанные в долине Инда, не обязательно должны совпадать с мифологическими героями, зафиксированными Мегасфеном в долине Ганга, хотя нельзя заранее утверждать, что эти легенды — вымысел биографов Александра от первого до последнего слова и что заключающаяся в них информация не содержит ничего собственно индийского. Но делать какие-либо выводы общего характера на их основании — рискованное занятие. В истории об индийском походе Диониса и Геракла нужно точно различать, что было составлено из рассказов спутников Александра, а что привнесено Мегасфеном¹¹⁸.

Феликс Якоби в своем издании фрагментов Мегасфена (XI. Indien. F. 19) разделяет на две части фрагмент «Индики» Арриана (11.7), где речь идет о представителях первого «класса» индийского общества: «οὗτοι γυμνοὶ διαιτῶνται οἱ σοφισταί, τοῦ μὲν χειμῶνος ὑπαίθριοι ἐν τῷ ἡλίῳ, τοῦ δὲ θέρεος, ἐπὶ τῷ ἡλίῳ κατέχῃ, ἐν τοῖς λειμῶσι καὶ τοῖσιν ἔλεσιν ὑπὸ δένδρεσι μέγαλοισιν, ὧν τὴν σκιὰν Νεάρχος λέγει ἐς πέντε πλέθρα ἐν κύκλῳ ἐξικνέεσθαι, καὶ ἂν καὶ μυρίους ἀνθρώπους ὑπὸ ἐνὶ δένδρεα σκιάζεσθαι», считая, что к Нearchу восходит только та часть этого отрывка, где речь идет о размерах тени деревьев, под которыми прячутся нагие аскеты. Однако описание нагих аскетов восходит именно к спутникам Александра Македонского, а Арриан, переименовав «философов» Мегасфена в «софистов», вероятно, отождествил их с теми софистами, которые были описаны в их трудах. Нearch и Мегасфен были одинаково важны для Арриана как источники информации об Индии (Ind. 17.6), поэтому Арриан вполне мог дополнить сведения Мегасфена теми данными Нearchа, которые показались ему сходными по тематике.

С определенной уверенностью к корпусу фрагментов, восходящих к перу посла Селевка Никатора, можно отнести отрывок «Мифологической библиоте-

¹¹⁸ Чем в данном случае пренебрег А.Далквист (Dahlquist 1962: 120–130; 193–194; 203–206).

ки» Аполлодора, где речь идет о походе Диониса в Индию: «Пройдя через Фракию и всю индийскую землю и поставив там стелы, Дионис пришел в Фивы» (Apollo-d. III.5.2). О том, что Дионис побывал в Индии, как указывалось ранее, писали еще спутники Александра Македонского (Arag. Anab. V.1.5–6; Strabo. XV.1.7–8); вместе с тем, говоря, что Дионис установил в Индии стелы, Аполлодор, вероятно, имеет в виду установление Дионисом в Индии «законов» (Arag. Ind. VII.5; Diod. II.38.5), а этот мотив в античной этнографии не имеет связи со спутниками Александра.

III

«Индика» Мегасфена в историографии нового и новейшего времени

Анализ всех работ, в которых используются данные «Индики» Мегасфена, в рамках одного очерка нереален, так как это потребует рассмотрения многих смежных отраслей индологии. Поэтому настоящий обзор посвящен лишь тем работам, которые имеют принципиальное значение для оценки степени достоверности данных Мегасфена, отражают определенные историографические направления, определяют место Мегасфена в истории древнегреческой литературной традиции, методы его работы, представляют оригинальные трактовки тех или иных собственно индологических вопросов, исходя из данных его «Индики». Оценки степени достоверности «Индики», возможности ее использования в качестве самостоятельного исторического источника среди индологов и антиковедов весьма неоднозначны. Такие корифеи мирового востоковедения, как А.Л.Бэшем¹¹⁹, Е.Ламотт¹²⁰ и Дж. де Йонг¹²¹, характеризовали это сочинение как в высшей степени заслуживающее доверия. В ряде других работ Мегасфену отказано в доверии даже в минимальной степени¹²². Такое различие в оценках и диктует необходимость остановиться на наиболее значительных работах, посвященных «Индике» Мегасфена. Кроме того, предлагаемая ниже история изучения «Индики» Мегасфена и анализ существующих точек зрения даст ответ на вопрос о степени достоверности этого источника и методе работы с ним.

«Мегасфеновский вопрос» — один из самых старых в индологии, поэтому литература, посвященная его решению, весьма обширна и неоднородна. В ее развитии можно выделить несколько этапов. Долгое время — с середины XIX в. до начала XX в. — основой исследовательского интереса к данным Мегасфена служила дискуссия о возможности влияния культа Кришны на формирование раннего христианства. Для этого сторонникам идеи индийского влияния на духовный мир народов Средиземноморья необходимо было доказать, что основы культа Кришны сложились в дохристианскую эпоху. И неожиданно главным авторитетом в этом вопросе стала «Индика» Мегасфена, прежде всего та ее

¹¹⁹ Basham 1954: 51. В качестве источника по истории Индии он постоянно привлекает данные Мегасфена (с. 101, 103–104, 107–108, 127–128, 132, 134, 184, 198–199).

¹²⁰ Lamotte 1953: 88–89. Этьенн Ламотт отмечал особенную точность Мегасфена в описании Паталипутры, подтвержденную археологическими раскопками, а также точность в описании обычаев индийцев, древнеиндийского общества, его институтов, что, в свою очередь, подтверждается данными «Артхашастры» Каутильи.

¹²¹ de Jong 1973: 120, 126–127, 129.

¹²² Stein O. 1931: 230–326; Dikshitar 1953: 34–36.

часть, где речь идет о культе Диониса и Геракла в Индии, за которыми исследователи, постулировавшие воздействие идей бхагаватизма на христианство, видели Шиву и Кришну. Первым «кандидатуру» Кришны в качестве прототипа на «роль» Геракла предложил Х.Лассен¹²³. Об этом также писали А.Барт¹²⁴ и Г.Гарбе¹²⁵. Наиболее полно эта идея была развита уже в середине XX в. в работе В.Рубена¹²⁶, который указал, что без данных Мегасфена было бы трудно поверить в то, что религиозная ситуация, характерная для времени «Махабхараты», сложилась в IV в. до н.э. Р.Ч.Маджумдар в «Истории и культуре индийского народа» прямо говорит о существовании культа Васудэвы-Кришны и бхагаватизма именно на основе информации Мегасфена¹²⁷.

Один из крупнейших индологов XIX в. Христиан Лассен, как мы уже отмечали, инициировал многолетнюю дискуссию о вероятности встречи Мегасфена с индийским царем Пором и, соответственно, о вероятности визита Мегасфена в Индию до 317 г. до н.э., когда Пор был убит. Лассен считал, что традиционные до появления его работы прочтение и интерпретация фразы из «Индики» Арриана: «συγγενέσθαι γὰρ Σανδρόκοττω λέγει τῷ μεγίστῳ βασιλεῖ Ἰνδῶν καὶ Πύρῳ ἔτι τοῦτου μέizon» (V.3) — неверны, и предложил исправление конца фразы на «καὶ Πύρου ἔτι τοῦτῳ μέizon», что якобы привносит в эту фразу недостающую ей ясность¹²⁸. Мы уже писали о том, что как с филологической, так и с исторической точки зрения это исправление выглядит некорректным¹²⁹.

В своем фундаментальном труде «Индийские древности» Х.Лассен активно привлекал данные «Индики» Мегасфена. Он полагал, что сведения этого автора имеют наибольшую ценность среди всех сочинений иноземных писателей об Индии¹³⁰. Лассен обнаруживает историческую основу в рассказе Мегасфена об «индийском» Геракле и царстве его дочери Пандайи (Diod. II.39.2; Plin. NH. VI.23.6; Arr. Ind. 8.6–7, 9.1–8)¹³¹; по мнению Лассена, хотя Мегасфен находился под влиянием греческих воззрений, у него сложились вполне точные представления об учении и этических основах жизни брахманов, их космологических воззрениях, знаниях о природе, и он хорошо представлял себе систему ашрам, каст, государственного управления, частную жизнь индийцев¹³². Финальный вывод Х.Лассена о содержательной ценности труда Мегасфена звучит следующим образом: с его сочинением ни одна из работ его соотечественников конкурировать не может¹³³.

Первый издатель фрагментов «Индики» Мегасфена Е.А.Шванбек сопроводил свою публикацию подробной статьей, в которой остановился на целом ряде проблем, актуальных и сегодня¹³⁴. Сначала он поднял вопрос о цели визита Мегасфена в Паталипутру и сопровождавших его обстоятельствах. Шванбек полагал, что главной задачей посольства было улаживание отношений Селевка I и

¹²³ Lassen 1844: 252; Lassen 1847: 647; Lassen 1852: 1107.

¹²⁴ Barth 1879: 100.

¹²⁵ Garbe 1914: 264.

¹²⁶ Ruben 1943: 278–281.

¹²⁷ Majumdar 1953: 432.

¹²⁸ Lassen 1827: 44.

¹²⁹ Об этом см.: Brown 1955: 13–15; Бухарин 1998с; Bongard-Levin, Bukharin 2000.

¹³⁰ Lassen 1847: 647.

¹³¹ Lassen 1847: 647–655.

¹³² Lassen 1847: 695–725.

¹³³ Lassen 1847: 727.

¹³⁴ Schwanbeck 1846: 11–81.

Чандрагупты Маурья после столкновения соседних государств; возможность встречи Мегасфена с царем Пором он вслед за Лассеном счел «абсурдом» (с. 11–22). Е.А.Шванбек уделил внимание такому вопросу, как предполагаемая структура «Индики», и отметил, что диалект, на котором писал Мегасфен, скорее всего не аттический; по его словам, Мегасфен дал точные сведения при описании границ Индии, населявших ее народов, металлов, верно отразил религиозную ситуацию (почитание Шивы и Кришны под именами Диониса и Геракла), когда культ Кришны получил всеиндийское распространение¹³⁵, имел определенные представления о доктрине брахманизма (с. 34–50). Далее Шванбек дал обзор сочинений тех авторов, которые более всего использовали данные «Индики» Мегасфена — Страбона, Диодора Сицилийского, Арриана.

Наиболее интересна та часть работы Шванбека, где он переходит к определению степени достоверности «Индики» Мегасфена (с. 59–77). Критерием в этом вопросе ему служат данные о сказочных народах и возможность найти их аналогии в индийской традиции. Как полагает Шванбек, практически все из них имеют под собой основу в местной мифологии. В заключение Е.А.Шванбек подвел своеобразный итог: та информация, которую Мегасфен записывал, основываясь на своих наблюдениях, заслуживает доверия. Однако в том, что он не наблюдал, а записывал с чьих-либо слов, можно обнаружить смешение его наблюдений с общегреческими представлениями. Завершается статья обзором сведений об Индии в античной литературе после Мегасфена.

Работа Дж.У.Мак-Криндла «Древняя Индия, как она описана Мегасфеном и Аррианом»¹³⁶ не имеет самостоятельной источниковедческой ценности. Автор перевел на английский язык латинское предисловие Е.А.Шванбека к изданию фрагментов Мегасфена и собственно их греческий текст. Необходимость выполнения такого рода работы он объясняет следующим образом: «Насколько я знаю, она (книга Шванбека. — *Авт.*) еще не переведена... и, таким образом, мало известна вне научных кругов»¹³⁷. Перу Мак-Криндла принадлежит и ряд изданий на смежные темы¹³⁸.

В начале XX в. появились статьи, в которых опять предпринимались попытки проследить возможность формирования античной мифологической традиции о «сказочных» народах в Индии на основе местной информации. Так, С.Дж.Хостен стремился показать, что сообщения Мегасфена о «безродных», питавшихся одними запахами, появились в результате переработки сообщений о жителях Гималаев, которые с давних времен предохранялись от «горной болезни» употреблением растений с сильным запахом, например лука¹³⁹.

Значительное внимание анализу «Индики» Мегасфена уделено в работе Х.Г.Роулинсона «Взаимоотношения между Индией и западным миром»¹⁴⁰. Он полагает, что данные «Индики» прекрасно согласуются с тем, что известно из независимых санскритских источников. Мегасфен, по мнению Роулинсона, точно передал те легенды, которые слышал в Индии, и даже сумел перевести основные понятия на древнегреческий язык, однако надежны его сведения лишь там,

¹³⁵ Об этом сюжете см. в настоящем томе очерк «Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции».

¹³⁶ Mc'Crindle 1877.

¹³⁷ Mc'Crindle 1877: iii.

¹³⁸ Mc'Crindle 1879; Mc'Crindle 1882; Mc'Crindle 1885; Mc'Crindle 1893; Mc'Crindle 1897; Mc'Crindle 1901.

¹³⁹ Hosten 1912: 291–301.

¹⁴⁰ Rawlinson 1916: 33–68. См. рецензию — Kennedy 1916: 847–853.

где он описывает увиденное собственными глазами. Так, Мегасфен не знал о существовании Великой Гангской равнины, ошибочно утверждая, что Ганг, как и Инд, имеет лишь одно устье (Strabo. XV.1.13). Описание дворцовых церемоний Чандрагупты, данное Мегасфеном, Х.Г.Роулинсон называет «очень ценным и интересным». В нем он видит подтверждение санскритской традиции о том, что народ не любил Чандрагупту, считал его тираном, поэтому и царь в изображении Мегасфена был окружен телохранителями и вынужден был жить в строгой изоляции. Исследователь пишет, что «об армии Чандрагупты, разгромившей Селевка, Мегасфен дал очень полный отчет», а о системе управления — «очень подробный». При трактовке сообщения Мегасфена о «семи классах индийского общества» (подробнее см. ниже) Х.Г.Роулинсон приводит интересное подтверждение тезису о достоверности Мегасфена: в сочинении Диодора Сицилийского содержится сообщение, вероятно принадлежащее Мегасфену, о том, что во время боевых действий земледельцы могут безопасно заниматься своим делом (Diod. II.36.6–7). «Так, во время осады Дели в 1857 г., — пишет Х.Г.Роулинсон, — земледельцы вышли на работу рядом... с городом, как и описывал Мегасфен. Так полно разделение труда, порожденное кастовой системой»¹⁴¹. Слова Мегасфена об отсутствии в Индии рабства Роулинсон объясняет тем, что его действительно не было. В «Приложении» исследователь приводит санскритские соответствия описанию «сказочных народов», населявших Индию, в сочинении Мегасфена.

Первой специализированной работой, в которой «Индика» Мегасфена анализировалась с точки зрения истории древнегреческой этнографии, была диссертация Карла Трюдингера «Исследования по истории греко-римской этнографии». Как полагает ученый, место Мегасфена в истории этой дисциплины определяется тем, что он первым дал целостное описание Индии, которого не смогли представить историки похода Александра. Сравнение сочинений Нearchа, Онесикрита, Аристобула с трудом Мегасфена показывает, что они полностью следуют канонам ионийской этнографии, особенно в естественно-научных аспектах, тогда как Мегасфен ввел в свою работу описание образа жизни царя, социального деления населения Индии. «В сравнении описаний обычаев индийцев, представленных Нearchом и Мегасфеном, видна полная свобода последнего от канонов ионийской этнографии», — полагает К.Трюдингер¹⁴².

* * *

В дискуссии, разгоревшейся в ходе условно второго этапа изучения «Индики» Мегасфена, центральным стал вопрос об описании им социального устройства Индии. Начало этому жаркому спору было положено открытием в 1909 г. «Артхашастры» Каутильи (далее КА), считающегося, по индийской традиции, советником Чандрагупты Маурья, к которому и был отправлен в качестве посла Мегасфен. На сравнение данных упомянутых источников были направлены усилия ученых, принимавших участие в обсуждении этого вопроса.

Первым опубликовал свое исследование немецкий ученый Отто Штайн¹⁴³. Методика его работы была очень простой: он сопоставил высказывания КА и Мегасфена по целому ряду вопросов и, проведя такой сравнительный анализ,

¹⁴¹ Анализ этого сюжета см.: Бухарин 1998а: 72–78.

¹⁴² Trüdingen 1918: 80.

¹⁴³ Stein O. 1921.

пришел к выводу, что количество расхождений между КА и «Индикой» значительно превосходит количество совпадений. На наш взгляд, следуя этой методике, необходимо всегда иметь в виду, что в отличие от работы Мегасфена КА не является описанием какой-либо отдельной местности в какое-либо конкретное время. Это руководство по управлению государством вообще, своего рода интеллектуальная игра. Кроме того, необходимо учитывать, что Мегасфен был иностранцем и малопонятные институты описывал такими, какими они ему казались.

К сожалению, О.Штайн не обратил внимания на эти источниковедческие сложности. Если сообщение Мегасфена не согласовывалось, по его мнению, с данными индийской традиции¹⁴⁴ и информация селевкидского посла рисовала образ жизни индийцев в благоприятном свете, то он, не задумываясь, объявлял эти фрагменты Мегасфена намеренной идеализацией: описание-де представлено с точки зрения философски образованного грека¹⁴⁵, поэтому идеализация выражалась в упорядочивании и упрощении. Так, по его мнению, Мегасфен идеализировал домашний быт индийцев¹⁴⁶, богатство недр Индии¹⁴⁷; факт «отсутствия» рабов в Индии тоже рассматривался как сознательная идеализация¹⁴⁸ равно как кастовая система¹⁴⁹, индийские законы¹⁵⁰, положение «философов»¹⁵¹. Главным выводом работы О.Штайна является утверждение о принадлежности КА к иной эпохе, нежели время Чандрагупты Маурья, исходя из ее несоответствия точно датируемому сочинению Мегасфена.

Дальнейшее развитие своих идей немецкий ученый продолжил в статье «Мегасфен», опубликованной в RE. По его мнению, появление самой «Индики» явилось для греческого читателя неким откровением. Необразованная толпа, естественно, не могла проверить истинность его показаний, поэтому в этот труд можно было «втиснуть» все что угодно. Безусловно, пишет Штайн, Мегасфен воспроизводил индийскую информацию, но при ее оценке необходимо принять во внимание сложности устного общения и полет фантазии информаторов¹⁵². Отношение Мегасфена к предшествующей литературной традиции, в частности к работам спутников Александра Македонского, может быть определено в лучшем случае как «расширительное»; самостоятелен он только в описании индийских чудес¹⁵³. На селевкидского посла существенное влияние оказала греческая мифологическая традиция, а он «присоединился к циклу мифов об Александре, к которым частично прибавил свои собственные наблюдения»¹⁵⁴.

По мнению Штайна, религиозно-философские течения современной ему Индии Мегасфен наделяет стоически-киническими чертами, в чем и проявилась их идеализация. Касаясь индийских философских учений, описанных у Мегасфена, Штайн пишет: «В том, что касается индийской философии, необходимо

¹⁴⁴ В своем исследовании Штайн использует данные не только КА, но и других шаштр, а также традиционные комментарии к ним.

¹⁴⁵ Stein O. 1921: 123. Позднее Штайн назовет Мегасфена последователем стоически-кинического направления в философии (Stein O. 1931: 261).

¹⁴⁶ Stein O. 1921: 42.

¹⁴⁷ Stein O. 1921: 63.

¹⁴⁸ Stein O. 1921: 110–115.

¹⁴⁹ Stein O. 1921: 123.

¹⁵⁰ Stein O. 1921: 201–205.

¹⁵¹ Stein O. 1921: 285.

¹⁵² Stein O. 1931: 254.

¹⁵³ Stein O. 1931: 240.

¹⁵⁴ Stein O. 1931: 257.

видеть только греческие черты...»¹⁵⁵. Таким образом, по мнению О.Штайна, Мегасфен описывал не то, что видел, а то, что хотел или был готов увидеть. Подобный подход к «Индике» необоснован. Конечно, доказать, что Мегасфен никоим образом не идеализировал, тем более сознательно, увиденную им Индию и не извращал данных собственных наблюдений или своих информаторов, невозможно только на основании текста фрагментов «Индики» без определения целей составления его труда, установления связи между фрагментами, влияния предшествующей литературной (и не только философской) традиции. Однако в симпатиях к киникам, в отличие от Онесикрита, Мегасфен замечен не был. Кроме того, если рассматривать метод его описания как сознательную идеализацию, остается открытым вопрос о целях составления такого труда. Ведь и сама идеализация должна была быть чем-то обусловлена. В построениях О.Штайна присутствует один пункт, который был вообще свойствен целому направлению в историографии (Б.Брелёр, Р.А.Джайразбхой), — о сходстве социально-экономических структур маурийской Индии и современных ей эллинистических государств, прежде всего птолемеевского Египта. И Мегасфен, по мнению О.Штайна, описал греческими терминами схожие с птолемеевскими индийские институты, что позволило облегчить их понимание греческому читателю¹⁵⁶. Что касается целенаправленности сбора информации, то Мегасфен записывал то, «что ему на сердце ложилось»¹⁵⁷. По мнению ученого, оценка Мегасфена современной наукой не отличается в принципе от оценки его древними авторами: там, где Мегасфен говорит о реальных фактах, — ценность его показаний несомненна, где о мифах — его нужно подвергнуть жесткой критике¹⁵⁸.

Вывод о сочетании вымысла и реальных фактов в «Индике» Мегасфена нашел поддержку и в докторской диссертации голландской исследовательницы Б.Тиммер «Мегасфен о государственном устройстве Индии»¹⁵⁹. Этот труд строился по тому же принципу, что и книга О.Штайна: сопоставление отдельных фрагментов греческой традиции с индийскими источниками. Целью работы Б.Тиммер явилась попытка установления, каким образом Мегасфен собирал свою информацию и насколько на нее можно положиться¹⁶⁰. В своей работе Б.Тиммер останавливается только на тех фрагментах, которые посвящены описанию древнеиндийского общества, опуская данные Мегасфена по гео- и этнографии, религии, мифологии, животному и растительному миру. Ее комментарий по большей части состоит из выяснения того, с какой степенью аккуратности античные авторы воспроизводили информацию Мегасфена и как ее надо оценивать в свете данных санскритской литературы.

Основополагающим тезисом Б.Тиммер является положение о смешении Мегасфеном индийской политической теории и фактического положения дел. Так, касаясь предложенной Мегасфеном семичленной структуры индийского общества (Diod. II.40–41; Strabo. XV.1.39–49; Arr. Ind. 11–12), она утверждает, что Мегасфен смешал сведения, относящиеся к кастам и варнам¹⁶¹. Сопоставление фрагментов Мегасфена и данных индийской традиции по вопросам последовательности ашрам, суда, титулатуры индийских чиновников, рабства приводит

¹⁵⁵ Stein O. 1931: 259.

¹⁵⁶ Stein O. 1931: 282–283.

¹⁵⁷ Stein O. 1931: 285.

¹⁵⁸ Stein O. 1931: 325.

¹⁵⁹ Timmer 1930.

¹⁶⁰ Timmer 1930: 304.

¹⁶¹ Timmer 1930: 305.

автора к выводу, что картина индийского общества, нарисованная Мегасфеном, в целом соответствует индийским источникам, несмотря на влияние на него греческих реалий, испытываемое Мегасфеном¹⁶²; даже там, где Мегасфен, как ей кажется, идеализировал древнеиндийское общество, она склонна видеть в этом скорее влияние местного брахманического окружения. Однако, невзирая на столь обнадеживающие результаты, Б.Тиммер делает совершенно противоположное заключение: «Из-за смешения теории и фактов, поверхностности сообщений Мегасфена его труд не может привнести никакой ясности в исследование истории Индии»¹⁶³.

По вопросам соответствия данных Мегасфена сведениям индийской литературы против О.Штайна и Б.Тиммер выступили Б.Брелёр и В.Дикшитар. Необходимо сразу же отметить, что далеко не все положения, содержащиеся в труде индийского историка, соответствуют идеям Б.Брелёра. Так, В.Дикшитар утверждает, что строить какие-либо теории на основании данных Мегасфена, а тем более привлекать их для подкрепления или опровержения данных КА бессмысленно, ибо сама природа этих сочинений совершенно различна¹⁶⁴. Фрагментарность труда Мегасфена, вырванность его цитат из контекста, сокращение их Страбоном и Аррианом, влияние на него стоической философии и предшествующей литературной традиции, в частности Геродота, погоня за чудесами, смешение выдумки и реальных фактов, произвольное приписывание индийскому государственному устройству иноземных политических институтов, содержащееся, по мнению В.Дикшитара, в «Индики», привело индийского историка к мысли, что Мегасфен не был непосредственно знаком с предметом описания, кроме системы управления столицей, где он находился¹⁶⁵. В.Дикшитар совершенно лишил «Индику» какой-либо самостоятельной ценности; он считал, что в качестве исторического источника ее можно привлекать лишь как подсобно-иллюстративный материал там, где он соответствует индийской традиции¹⁶⁶.

Вместе с тем, несмотря на собственные заявления об обреченности всяких попыток сравнения данных греческой этнографической традиции и индийских источников и желая показать, сколь неправы О.Штайн и Б.Тиммер (первый — в отнесении КА к послемаурийской эпохе, вторая — в отрицании за Мегасфеном даже вспомогательной ценности¹⁶⁷), В.Дикшитар все же предпринял такую попытку. Результаты его анализа неожиданно стали опровержением общей характеристики труда Мегасфена, данной им самим. Совпадений между «Индикой» и КА оказалось так много, а расхождения столь незначительными, что после прочтения его книги создается впечатление, что «зарвавшиеся европейцы» просто не знали древнеиндийских текстов или, что более вероятно, следовали неверной методике, просто сопоставляя данные обеих традиций¹⁶⁸. Сам Дикшитар проявил изрядную изобретательность в толковании ряда «темных» мест «Индики» Мегасфена, в частности по вопросам землевладения¹⁶⁹.

¹⁶² Timmer 1930: 112.

¹⁶³ Timmer 1930: 313.

¹⁶⁴ Dikshitar 1953: 28.

¹⁶⁵ Dikshitar 1953: 39.

¹⁶⁶ Dikshitar 1953: 346, 351, 373.

¹⁶⁷ Dikshitar 1953: 39.

¹⁶⁸ Близость данных «Индики» Мегасфена и КА отмечали также: Rawlinson 1916: 67–68; Renou, Filliozat 1947: 213.

¹⁶⁹ Dikshitar 1953: 354.

Близость «Индики» и данных индийских источников отстаивал и другой оппонент Б.Тиммер и О.Штайна — Б.Брелёр. Расхождения между этими исследователями заключаются в желании (или возможности) обосновать «странные» заявления Мегасфена на материале древнеиндийских источников. Б.Брелёр полагал, что составление «Индики» и было основной целью поездки Мегасфена в Паталипутру. В этом сухом дипломатическом документе он должен был, по мысли Б.Брелёра¹⁷⁰, представить сильные и слабые стороны соседнего государства, причем как-то извращать реальную картину общества или представлять ее в радужном свете у него не было причин. Так, тезис Мегасфена об отсутствии в Индии рабства Брелёр объяснял специфическими отличиями этого института в Маурийской империи и греческом мире¹⁷¹. Он категорически возражал О.Штайну в вопросе о переносе греческих идей на индийскую почву: «Можно думать по-гречески, и это все!» — заявлял он¹⁷².

Общий ход мысли Б.Брелёра заключается в том, что Мегасфену удалось очень точно воспроизвести детали самых разных сторон жизни древнеиндийского общества, и если исследователю этого вопроса что-то остается непонятным, то это проблема самого исследователя. Все сложности, связанные с несовпадением двух традиций, считал Брелёр, могут быть объяснены на материале индийских источников. По мнению ученого, Мегасфен довольствовался критикой уже имеющихся сообщений по Индии, т.е. в основном был занят перепроверкой сведений, оставленных писателями, сопровождавшими Александра Македонского¹⁷³. Мегасфен был вынужден пойти на это, так как понимал, что значительным расширением материала может лишь дискредитировать свои описания¹⁷⁴. Как и О.Штайн, Брелёр подчеркивал актуальность индийской темы для греческого читателя, однако считал необоснованным мнение О.Штайна о сенсационности «Индики» хотя бы потому, что в работах спутников Александра и в труде Мегасфена поднимаются схожие вопросы¹⁷⁵. И если Штайн считал, что содержание их трудов в принципе не отличается, то Брелёр старался показать, что Мегасфен, несмотря на ряд имеющихся совпадений, вел постоянную дискуссию со своими предшественниками и чаще изменял их суждения, чем следовал им¹⁷⁶. Кроме того, Брелёр прекрасно осознал все источниковедческие сложности, связанные с сопоставлением данных двух традиций¹⁷⁷. Он ясно выразил мысль о том, что необходимо следовать прежде всего духу, а не букве источников. Б.Брелёр был совершенно прав, выделяя описание чудес в отдельную главу истории греческой этнографии, считая, что, будучи ее составной частью, оно никоим образом не должно бросать тень на достоверность описания той или иной страны, в данном случае Индии¹⁷⁸. И свое монументальное исследование о КА, а также ряд упомянутых статей он посвятил исследованию общественных отношений в древней Индии, где материалы Мегасфена, использованные с учетом вышеуказанных предосторожностей, играют одну из главных ролей.

¹⁷⁰ Brelör 1935: 31.

¹⁷¹ Brelör 1928: 39–69; Brelör 1929: 210. Этот вывод повторен и Ш.П.Гойалом (Goyal 1985: 80).

¹⁷² Brelör 1934a: 158; Brelör 1935: 40.

¹⁷³ Brelör 1935: 66–67.

¹⁷⁴ Brelör 1935: 43.

¹⁷⁵ Brelör 1934a: 131.

¹⁷⁶ Brelör 1934a: 148–149.

¹⁷⁷ Brelör 1927: 5–13, 47; Brelör 1935: 40.

¹⁷⁸ Brelör 1927: 50.

Близость данных «Артхашастры» Каутильи и «Индики» Мегасфена подчеркивал Притхвис Чандра Чакраварти. Он полагал, что описанию в КА (II.28) *pāvādhyakṣa* (надзирателей за кораблями) — чиновников, отвечавших за условия навигации на море, реках, озерах, сбор таможенных пошлин в портах, надзор за самими портами, а также выполнявших многие другие функции, соответствует упоминание «наварха», данное Мегасфеном (Strabo. XV.1.46)¹⁷⁹. В текстах КА и «Индики» Мегасфена совпадает, по его мнению, и то, что чиновники, описанные ими, обладали наряду с собственно военными и определенными гражданскими функциями, например предоставлением кораблей в наём для транспортировки грузов и пассажиров. Стоит, однако, отметить, что индийский «наварх», по данным Каутильи, не занимается сдачей в наём кораблей — таких данных в тексте просто нет, как нет и упоминания о его «военных» функциях.

Семь «классов» древнеиндийского общества

По справедливому замечанию Б.Брелёра, «ядро и центральный пункт сохранившихся фрагментов работы селевкидского посла составляют описание и деление индийского населения на семь классов»¹⁸⁰. На работах, посвященных этому сюжету, необходимо остановиться более подробно.

То, что его автором является именно Мегасфен, явствует из «Географии» Страбона, ссылающегося при описании этого сюжета на Мегасфена (Strabo. XV.1.39–40). Эти «классы», сформированные по профессиональному признаку, таковы: философы (софисты у Арриана), земледельцы, пастухи и скотоводы, ремесленники, воины, эфоры и объединенные в одну группу царские советники и руководители высшего ранга. Кроме того, Мегасфен отдельно оговаривает запрет перехода из «класса» в «класс» (в тексте Арриана любому индийцу разрешается лишь стать философом), также запрещаются браки между представителями разных «классов» (Diod. II.40–41; Arr. Ind. 11–12; Strabo. XV.1.39–49).

Исследователи, предлагавшие свое толкование этого фрагмента «Индики», не только не пришли к единому мнению, но до сих пор не выработали даже общего подхода к решению вопросов, возникающих при рассмотрении сведений об этих «классах»: почему Мегасфен сформировал классы именно по профессиональному признаку, почему их именно семь, как объяснить запрет на их смену, позволенную только «философам», и запрет на межклассовые браки, как схема Мегасфена соотносится с материалом индийской традиции, предлагавшей деление общества на четыре варны (брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры с соответствующим понижением общественного статуса) или многочисленные касты — *jāti*; и, соответственно, на чем основывался Мегасфен при сборе информации об этих группах?

Работы, в которых предлагалось соотнести рассматриваемую семиклассовую схему с категориями индийской политико-философской мысли, можно разделить на две группы. В первую входят те, где утверждается, что схема Мегасфена отражает варново-кастовое деление общества. Так, А.Х.Л.Хеерен полагал,

¹⁷⁹ Chakravarti 1930: 648.

¹⁸⁰ Brölör 1935: 132. Анализ сообщений Мегасфена по этому сюжету см. также: Бухарин 1997: 138–149.

что Мегасфен в «классах» земледельцев и пастухов отразил информацию о кастах, в описании «софистов» можно видеть информацию о брахманах, но так как он едва ли провел много времени при дворе Чандрагупты Маурья, его описание индийского общества не могло сколь-нибудь точно соответствовать историческим реалиям. За касты Мегасфен принял «классы общественных работников» и пропускал действительно существовавшие слои торговцев и слуг¹⁸¹. Е.А.Шванбек считал, что «классы», описанные Мегасфеном, соответствуют делению индийского общества на варны, которых исследователь, включая неприкасаемых (третий «класс» — «пастухи» у Мегасфена), насчитывал пять¹⁸². По мнению Х.Лассена, определение происхождения количества «классов» — проблема второстепенная. Гораздо важнее, что Мегасфен точно отразил такие типично индийские обычаи, как эндогамия и профессиональная замкнутость. Этот ученый стремился найти соответствия перечисленным Мегасфеном профессиям в сообщениях дхармашастр о смешанных кастах. В целом же он считал, что Мегасфен на основе своих собственных наблюдений точно зафиксировал индийскую реальность¹⁸³. Э.Банбери полагал, что Мегасфен описывал варны, но ошибочно включил в свое описание и профессиональные классы¹⁸⁴. По мнению Рис-Дэвидса, Мегасфен не понял кастовую систему¹⁸⁵. Согласно О.Веккеру, Мегасфен (неизвестно, по какой причине) разделил некоторые варны на две группы, и таким образом возникло искомое число «семь»¹⁸⁶.

Отчасти эта точка зрения была развита Х.Г.Роулинсоном. Он полагал, что Мегасфен «смешал традиционные четыре касты индийского общества с официальными органами, созданными Чандрагуптой, и тем самым соединил субкасты с распределением функций в государстве. Возможно, на Мегасфена оказало влияние сообщение Геродота о существовании у египтян семи каст. Так как в античной традиции Индия и Египет часто смешивались греками, Мегасфен пришел к выводу, что в Индии тоже было семь каст. Он разделил касту брахманов на две части — философов и государственных деятелей, кшатрии... составили собственную касту, вайшьи и шудры были поделены Мегасфеном на три касты — земледельцев, пастухов и ремесленников. К ним он добавил седьмой класс инспекторов — тайных агентов Чандрагупты»¹⁸⁷.

Б.Тиммер считала, что «классы» «должны быть сравниваемы с варнами, но не с кастами или „цехами“». Теоретические требования эндогамии и ограничение на смену профессий действительны только для варн и поэтому неверно приписаны Мегасфеном тем группам, которые варны покрывают лишь частично»¹⁸⁸. Объясняя же причины появления подобной схемы, Б.Тиммер утверждает, что Мегасфен смешал элементы древнеиндийской политической теории и касты, существовавшие в реальности или сконструированные им самим¹⁸⁹. Эту позицию поддержала Т.Б.Путилова¹⁹⁰. Нилаканта Шастри полагал, что Мегасфен при описании индийского общества имел в виду варны, но, так как не был знаком

¹⁸¹ Heeren 1817: 342–343.

¹⁸² Schwanbeck 1846: 41f.

¹⁸³ Lassen 1852: 710ff; Lassen 1874: 715ff.

¹⁸⁴ Bunbary 1879: 561.

¹⁸⁵ Rhys-Davids 1903: 263ff.

¹⁸⁶ Wecker 1916: 1306f.

¹⁸⁷ Rawlinson 1916: 50–51.

¹⁸⁸ Timmer 1930: 305.

¹⁸⁹ Timmer 1930: 66.

¹⁹⁰ Путилова 1983: 110.

с индийской политической теорией, приспособил свои сведения к сообщениям Геродота о египетских «кастах»¹⁹¹.

В нескольких своих работах к интерпретации данных Мегасфена об индийском обществе обращалась Р.Тхапар. По ее мнению, Мегасфен смешал свои собственные наблюдения и информацию, полученную им от его брахманского окружения; классы, описанные в «Индики», изначально не были ограничены эндогамией и запретом на смену профессий, и эти сюжеты появились только тогда, когда Мегасфен взялся за написание книги, т.е. через несколько лет после возвращения из Индии, когда, возможно под влиянием сообщения Геродота о Египте, он и смешал воедино свои личные наблюдения и известную ему местную традицию¹⁹². Она указала также на то, что Мегасфен смешал касты и профессии, хотя кастовая система не существовала именно в том виде, в котором она описывалась в брахманической теории. Этим, очевидно, и могут объясняться расхождения между наблюдениями Мегасфена и тем, что известно о кастах из литературы шастр¹⁹³.

Позиция, высказанная Тхапар позднее, сводится к следующему: Мегасфен не мог ссылаться в своем сочинении на теорию варн по целому ряду причин — варн было четыре, возможно пять (в качестве дополнительной варны могли рассматриваться «неприкасаемые»), но никогда — семь; в описании Мегасфена использованы самые общие термины; наемные работники, ремесленники и торговцы не могли быть зачислены в одну варну. Исходя из этимологического родства слов *jāti* и *γένος*, последнее из которых в описании запрета на смену профессий и заключение браков между представителями разных классов она считает принадлежавшим самому Мегасфену, а также того, что концепция *jāti*, представленная, в частности, буддийскими сочинениями, выглядит более узнаваемой, нежели система варн, индийская исследовательница склонна видеть в этой схеме Мегасфена отражение кастовой организации¹⁹⁴.

В ряде своих работ к данной проблеме обращается и А.А.Вигасин. Он, как и Р.Тхапар, считает, что схема деления индийского общества, представленная Мегасфеном, отражает институт касты. В сообщении Мегасфена он видит «свидетельство об индийских кастах», устанавливаемое по сходству классов Мегасфена с кастой и в их замкнутости, и в принадлежности к ним по рождению¹⁹⁵; он полагает, что «слово, употребленное Мегасфеном, *γένος*, является лишь калькой санскритской *jāti*», что описание семи классов у Мегасфена может быть «едва ли не изложением того, что индийские источники говорят о кастах-джати», например в КА III.7.36¹⁹⁶. А.А.Вигасин полагает, что информацию, на основе которой Мегасфен представил структуру индийского общества как «классовую», он получил от своих индийских информаторов, однако, характеризуя конкретные ряды, опирался на собственные наблюдения, поэтому в его описании появляются такие из них, «которые мог увидеть образованный эллин: воины и земледельцы, пастухи и ремесленники. Следуя античной традиции, Мегасфен легко подменял индийские касты более привычными греку профессиями»¹⁹⁷.

¹⁹¹ Nilakanta Sastri, Aiyar 1952: 113–116.

¹⁹² Thapar 1963: 57.

¹⁹³ Thapar 1966: 79.

¹⁹⁴ Thapar 1987: 50–53.

¹⁹⁵ Вигасин 1987а: 572.

¹⁹⁶ Вигасин 1985b: 235.

¹⁹⁷ Вигасин 1995: 21.

Ко второй группе можно отнести работы тех ученых, которые считают, что при формировании «семичленной» схемы Мегасфен не опирался на кастово-варновую систему. Несколько раз к этой проблеме обращался Дж.У.Мак-Криндл. Вначале он отметил, что классы Мегасфена соответствуют делению египетского общества, предложенному Геродотом (II.164)¹⁹⁸; затем указал на то, что Мегасфен, описывая свои «классы», имел в виду гражданские институты типа варны¹⁹⁹; позднее он подчеркивал, что Мегасфен описывал те профессиональные классы, которые существовали на практике, не говоря о варнах²⁰⁰.

Канакасабхай Пиллай полагал, что сообщения Мегасфена соответствуют древнетамильскому принципу деления общества на семь классов, пять из которых точно соответствуют данным Мегасфена — философы, земледельцы, пастухи и охотники, ремесленники, воины. Остальные классы Мегасфен взял из собственных наблюдений, ошибочно добавив профессиональные группы²⁰¹. Э.Р.Биван и ссылающийся на него К.Д.Сетхна полагали, что Мегасфен мог зафиксировать профессии, которые предстали перед его глазами²⁰². О.Штайн считал, что Мегасфен не мог получить эти сведения от какого-либо индийца из-за несовпадения его схемы с политической теорией современной ему Индии и что они являются плодом его собственных наблюдений²⁰³. По его мнению, каста отвечает другим требованиям, нежели тем, что представлены у Мегасфена²⁰⁴.

Б.Брелёр, вообще отрицавший существование института касты у «арийских» племен в Индии, считал, что схема Мегасфена отражает лишь особенности экономического и семейного права в Индии: узость рынка рабочей силы привела к запрету на смену профессии, а требования равноправия для женщин — к возможности заключать брак только с представителем равного класса (по схеме Мегасфена). Семь составляющих ее частей Мегасфен разделил на три большие группы: философы, не платящие налоги и не получающие содержания; «классы» со второго по четвертый, выплачивающие подати; «классы» с пятого по седьмой, находящиеся на государственном содержании²⁰⁵. Этой схемы придерживается и Дж. ван Бейтенен, полагающий, что изучение налоговой системы Индии и было основной целью визита Мегасфена²⁰⁶.

А.Бэшем указывал, что «семиклассовое» деление общества не соответствовало действительности, но данные Мегасфена говорят о том, что в эпоху Маурьев уже существовали институты эндогамии и деления общества на классы²⁰⁷. Почти теми же словами об этом сюжете «Индики» Мегасфена пишет А.Б.Босворт, указывающий, что Мегасфен не описывал кастовую систему как таковую, но дал анализ «социальной специализации и наследственной исключительности с точки зрения греческого наблюдателя, думавшего греческими категориями и находившегося под влиянием греческой философской мысли»²⁰⁸.

¹⁹⁸ Mc'Crindle 1877: 44.

¹⁹⁹ Mc'Crindle 1877: 85.

²⁰⁰ Mc'Crindle 1901: 47 (№ 2).

²⁰¹ Kanakasabhai Pillai 1904: 113ff.

²⁰² Bevan 1922: 367–368; Sethna 1960: 246.

²⁰³ Stein O. 1921: 123.

²⁰⁴ Stein O. 1921: 222; Stein O. 1931: 323.

²⁰⁵ Brelör 1934a: 162; Brelör 1939: 266. В том, что классы, описанные Мегасфеном, не отражают индийской политической теории, с О.Штайном и Б.Брелёром согласен Ф.Ф.Шварц (Schwarz 1970: 293f).

²⁰⁶ van Beutenen 1969: 232.

²⁰⁷ Basham 1954: 147f.

²⁰⁸ Bosworth 1996: 124.

В своей гиперкритичной работе «„Индика“ Мегасфена» Р.Ч.Маджумдар настаивал на том, что схема, представленная Мегасфеном, неточна и не соответствует действительности, что селевкидский посол был слишком доверчив к местным рассказам и потому его труд не может считаться надежным источником²⁰⁹. В издании фрагментов он указывал на то, что Мегасфен вообще не видел никаких каст, а за «классы» он принял профессиональные организации²¹⁰. То, что «Индика» Мегасфена не отражает индийской политической теории, отмечал в своих работах и Д.Д.М.Дерретт. По его мнению, реальное положение представителей каждой из четырех варн не отражало требований политической теории. Каждый из них — в том или ином виде — утерял свой исконный статус²¹¹, и, таким образом, классы Мегасфена не соответствуют и кастовой системе²¹².

Хельмут Хумбах считал, что Мегасфен расположил свои «классы» по принципу возрастающего трудолюбия: от наиболее усердных философов до, если следовать его логике, полных бездельников — шпионов и царских советников. По его мнению, Мегасфен кое-что заимствовал из своих наблюдений (эндогамия и изолированность профессиональных состояний), но полностью зависел от греческой политической теории, не брезгуя прямыми заимствованиями и не гнушаясь выдумки. Он также полагал, что Мегасфен взял число «семь» для определения количества классов индийского общества у Геродота²¹³. Сходной точки зрения придерживается У.П.Анора, считающий, однако, что идею «класса» Мегасфен мог заимствовать из смешения теории варны с профессиональными состояниями²¹⁴.

И.Пушкаш считает, что Мегасфен следовал в своем описании сложившемуся делению общества в соответствии с «государственными делами». Институт варны не был прочен и не попал в поле зрения Мегасфена, хотя он и был внимательным наблюдателем. Анализ сообщения Мегасфена о семи «классах» индийского общества привел Пушкаш к следующим выводам. Сообщение о том, что в Индии самый многочисленный класс — земледельцы, отражает «социально-религиозную атмосферу, благоприятную вайшьям», иначе, на основе индийских источников, по ее мнению, нельзя объяснить второе после «философов» положение земледельцев. Третье место скотоводов и пастухов она склонна объяснять их долей в «государственном производстве». Вместе с четвертым «классом» — ремесленников и торговцев — земледельцы, пастухи и скотоводы, они принадлежали к варне вайшьев, и столь высокое место в обществе отражало их вес в экономической жизни. Так как вайшьи пользовались, по мнению И.Пушкаш, особенным расположением при Маурьях, они оттеснили на пятое место «класс» воинов, в описании которого нужно видеть передачу сведений о варне кшатриев. Почему «эфоры» и царские советники занимают два последних места, автор не объясняет²¹⁵.

Г.Фальк предлагает схему, которая устанавливает соотношение между организацией сбора налогов и системой шпионажа по КА²¹⁶. О. фон Хинюбер полагает, что схеме, представленной в «Индике» Мегасфена, могут отчасти соответ-

²⁰⁹ Majumdar 1958: 276; Majumdar 1960a: xxiv–xxv.

²¹⁰ Majumdar 1960a: xviii–xix.

²¹¹ Derrett 1968a: 172.

²¹² Derrett 1969: 1152f.

²¹³ Humbach 1980: 403.

²¹⁴ Arora 1982a: 138; Arora 1982b: 474; Arora 1991b: 164–172.

²¹⁵ Puskás 1987a: 23–29.

²¹⁶ Falk 1982: 67–68.

ствовать материалы буддийской литературы (Suttanipata), по которой семичастное деление общества отличается от варнового и отчасти совпадает с мегасфеновским. Он также считал возможным заимствование Мегасфеном идей, отраженных в «Артхашастре» Каутильи (II.35.2). По его мнению, некоторые сведения Мегасфен черпал из схемы Геродота²¹⁷. О влиянии на Мегасфена древнегреческой политической теории и сообщений греческих авторов о Египте писал и А.Замбрини. Он лишь полагал, что наиболее вероятным источником заимствования могло быть сочинение Гекатея Абдерского «Египтика»²¹⁸.

Вышеописанные версии страдают, однако, определенными недостатками. Так, отождествление «профессионального класса» Мегасфена с кастой (Р.Тхапар, А.А.Вигасин) представляется сомнительным, ибо такое восприятие касты характерно скорее для эпохи средневековья и нового времени. В эпоху же древности каста-jāti являлась «эндогамным объединением экзогамных родов, сохраняя более черты племенной, а не профессиональной организации»²¹⁹. Профессиональная замкнутость являлась лишь одним, но отнюдь не определяющим признаком касты. Кроме того, необходимо быть уверенным в том, что именно варна была основным институтом деления общества согласно древнеиндийской политической теории.

В более выигрышной позиции находятся те ученые, которые стремятся разглядеть за «классами» Мегасфена варны (Е.А.Шванбек, О.Веккер, Нилаканта Шастри). Но и им не удалось выявить механизм образования схемы индийского общества, представленной Мегасфеном. Исследователи, которые постулировали смешение варн и каст, или неких «профессиональных классов», подобных официальным органам у Х.Г.Роулинсона (Е.Банбери, Б.Тиммер, Т.Б.Путилова), так и не смогли объяснить, почему Мегасфен описал именно семь и именно эти профессиональные классы, а также чем было вызвано такое смешение. Кроме того, если Мегасфен знал о существовании каст, которые в маурийскую эпоху были уже сложившимся институтом, то почему при передаче этой информации множественность каст, ни одна из которых не имела общеиндийского статуса²²⁰, была заменена лишь семью группами? Обвинения Мегасфена в том, что он не понял сути кастовой системы, или голословны, как у Р.Ч.Маджумдара, или некорректны, как у Рис-Дэвидса, так как «Индика» была написана не знатоком шастр, а греком и для греков, а следовательно, так, как это ему было привычнее всего, т.е. в категориях, выработанных именно в греческом обществе. Этот же контраргумент можно противопоставить и тем, кто ожидал от Мегасфена понимания (и, надо думать, отражения — А.Х.Л.Хеерен, О.Штайн, А.Л.Бэшем, Ф.Ф.Шварц, Х.Хумбах, У.П.Анора) индийской политической теории. Не представлены объяснения, почему нельзя считать некие «профессиональные классы» наследственного характера варнами или кастами и почему Мегасфен не мог описать именно их — имеющих наибольшие «права» на тождество с этими «классами» (А.Б.Босворт).

Определение групп Мегасфена как классов налогоплательщиков (и неплательщиков), впервые предложенное Б.Брелёром, и содержательно и терминологически

²¹⁷ Wirth, von Hinüber 1985: 1115f.

²¹⁸ Zambrini 1985: 802f. Эта точка зрения была поддержана К.Карттуненом (Karttunen 1997: 87). Анализ работ А.Замбрини об «Индике» Мегасфена см.: Бухарин 2000а: 88–100.

²¹⁹ Бонгард-Левин, Вигасин 1981: 42; см. также: Вигасин, Самозванцев 1984: 132; Wigasin 1990: 121–122.

²²⁰ Вигасин, Самозванцев 1984: 133.

гически неудовлетворительно, ибо автор не привел ни одного аргумента в поддержку своего положения. Кроме того, Б.Брелёр и вторящий ему Д. ван Бейтенен не обратили внимания на то, что в сообщениях античных авторов по поводу налогообложения производящих классов наличествует определенная «разноголо-сица»: согласно Диодору (II.41.1), все ремесленники освобождаются от выплаты податей, согласно же Арриану и Страбону — только изготовители оружия, кото-рые содержатся за счет царской казны (Агг. Ind. 12.1; Strabo. XV.1.46). Делать основополагающие выводы, основываясь на столь противоречивой информа-ции, представляется неправомерным. К тому же и Страбон сообщает, что фило-софы освобождаются от уплаты податей только в том случае, если их пророчест-ва верны (XV.1.39). И если групп, имеющих отношение к составленному Б.Брелёром списку, было три, то почему же Мегасфен описывал именно семь, а не эти три класса? Обратившая на это внимание Ромила Тхапар²²¹ сама попа-дает в ту же ловушку, разделив семь классов Мегасфена также на три группы, но уже по другому признаку: составляющие первую группу философы якобы «отвечают» за религиозные вопросы, следующие три «класса» — за экономику, а «классы» с пятого по седьмой — за управление²²². Помимо совершенно не-обоснованного деления семи «классов» на три группы, вряд ли возможно отне-сти воинское сословие к разряду управляющих, поскольку из сообщений Мегас-фена известно, что воины заняты только своим воинским ремеслом (Strabo. XV.1.47).

Относительно работы Д. ван Бейтенена можно отметить, что он почти до-словно повторил положения старой статьи Б.Брелёра «Мегасфен о древнеиндий-ском обществе», о содержании которой, видимо, не знал, так как при очень схо-жих выводах ни разу на нее не ссылается. Единственным отличием является его мнение о том, что основной целью визита Мегасфена было ознакомление с сис-темой налогообложения в Индии. Эту идею ученый не подкрепил солидными аргументами; что касается его вывода о делении семи «классов» на три группы, то на его работу можно распространить критику, адресованную Б.Брелёру и Р.Тхапар.

Аргументы Х.Хумбаха также не убедительны. Мегасфен «вспоминает» о трудолюбии при описании только двух «классов» из семи (философов, говоря, что их жизнь самая трудная из всех, и воинов, считая их в мирное время совер-шенными бездельниками). Можно ли вообще ставить вопрос о том, были ли земледельцы усерднее пастухов, а ремесленники — «шпионов» или царских со-ветников? И если воины, предававшиеся, судя по Мегасфену, в мирное время попойкам и разного рода увеселениям (Strabo. XV.1.47), стоят пятыми в списке самых трудолюбивых, представленном Хумбахом, то что уж говорить о «выс-шем свете» маурийской Индии?

Мнения о влиянии на Мегасфена буддийской литературы, а тем более та-милской традиции совершенно неубедительны. Конечно, Северо-Восточная Индия была подвержена влиянию неортодоксальных течений, но, для того чтобы аргументировать влияние определенного небрахманического учения на базовые концепции «Индики», необходимо показать, как и в чем они влияли на этот труд, а никаких аргументов ни К.Пиллай, ни Х. фон Хинюбер не приводят, да и сде-лать это вряд ли возможно. Так же неприемлема точка зрения А.Замбрини о

²²¹ Thapar 1987: 35.

²²² Thapar 1987: 51.

влиянии на Мегасфена «Египтики» Гекатея Абдерского. Для того чтобы иметь основания говорить об этом, нужно доказать, что «Индика» Мегасфена написана после «Египтики», что в структуре египетского общества по «Египтике» и индийского по сочинению Мегасфена имеются совершенно определенные совпадения и что эти заимствования были с исторической и литературной точки зрения возможны.

И.Пушкаш не приняла во внимание вероятность того, что Мегасфен при описании Индии мог пользоваться привычными ему категориями, выработанными в греческом мире, и передавать наиболее характерные черты индийского общества привычными ему средствами, что и влекло за собой их мнимое искажение. Мнение о том, что Мегасфен расположил «классы» в соответствии с их ролью в «государственных делах» и наличием определенной «социально-религиозной атмосферы», выглядит неубедительным.

Против построений Г.Фалька также можно выдвинуть немало возражений: в предложенной им схеме отсутствуют представители седьмого «класса», произвольно объединенные с пятым (этого нет в тексте Мегасфена); при расстановке «классов» Мегасфена согласно схеме шпионажа по КА исследователь нарушает порядок расположения «классов» в тексте «Индики», а его аргумент о «перемешивании» системы шпионажа поздним редактором текста КА — Вишнугуптой, из-за чего потерялось соответствие системе налогообложения, не проиллюстрирован и выглядит явной натяжкой. Кроме того, Г.Фальк не показал, какая связь существовала между системами шпионажа и налогообложения и почему она вообще должна была существовать. Но самое главное — предложенная автором схема, даже если ее принять, подразумевает детальное знание Мегасфеном текста КА. Однако даже предположение такого рода нереально: допустимо ли, чтобы местные информаторы при дворе царя Чандрагупты могли вводить Мегасфена в курс дела по функционированию шпионского аппарата своего государства?

Нам представляется, что с учетом восприятия Мегасфеном описательных категорий, выработанных предшествующей историко-этнографической традицией, им точно передана теория варновой структуры древнеиндийского общества, которую он использовал при характеристике «классов» с первого по пятый, а также обобщены собственные наблюдения над административным аппаратом Маурьев, отраженные свидетельствами о шестом и седьмом «классах»²²³.

* * *

После второй мировой войны начался условно третий этап в исследовании рассматриваемого вопроса. Вопросам социально-экономического устройства Индии в освещении античной традиции стало уделяться значительно меньше внимания, утихла бурная дискуссия вокруг Мегасфена и Каутильи, и место объемных томов, посвященных этим историческим деятелям, заняли небольшие статьи, посвященные в основном методу работы греческих этнографов. Так, представляются весьма интересными рассуждения Ф.Ф.Шварца о передаче Мегасфеном индийских топонимов²²⁴. Продолжились работы по выявлению собственно индийской основы в сообщениях Мегасфена о разного рода «чудесных»

²²³ Бухарин 1997: 138–149.

²²⁴ Schwarz 1976: 255–258.

народностях²²⁵ (особенно интересно исследование Моник Мюнд-Допши²²⁶, в котором на примере «безротых» Мегасфена вскрывается механизм формирования мифа в античной традиции, основа которого коренится в местной традиции, в данном случае в сообщениях о гандхарвах — небесных духах, чье имя происходит от *gandha* — «запах»). Некоторые исследователи уделили «Индику» Мегасфена самое пристальное внимание, опубликовав либо книги, либо серии статей, и на рассмотрении их основных выводов имеет смысл остановиться максимально подробно.

«Индика» Мегасфена в работах Т.С.Брауна. Две «программные статьи» посвятил «Индику» Т.С.Браун. В первой из них — «Достоверность Мегасфена»²²⁷ — он предпринял попытку определить место Мегасфена в греческой литературе и охарактеризовать его метод сбора информации об Индии. Основопологающий тезис сформулирован в статье следующим образом: «Достоверность рассказов древних писателей об Индии обратно пропорциональна их зависимости от Ктесия». Анализ зависимости от книдского историка в связи с описанием похода Семирамиды на Индию служит для Т.С.Брауна, в частности, мерилom достоверности «Индики». В рассказе Мегасфена причиной, по которой Семирамида не смогла осуществить свой план по захвату Индии, была смерть великой царицы. И, как пишет Браун, «для того чтобы определить степень зависимости Мегасфена от Ктесия, нужно определить, умирала ли Семирамида в рассказе Ктесия». Исследование греческой литературы от Скилака до историков похода Александра позволило Брауну заключить, что Ктесий — единственный из греческих историков, кто мог сочинить историю о неудачном походе Семирамиды в Индию. По мнению Брауна, ничто лучше не иллюстрирует ограниченность Мегасфена как историка, нежели введение в эту легенду смерти как причины неудачи Семирамиды. Отвергая один миф, Мегасфен расчищал пространство для других, в данном случае — о походе в Индию Диониса и Геракла.

Такое же изменение претерпел в устах Мегасфена миф о добывающих золото муравьях, которых Мегасфен «заменял» на охраняющих его грифов, т.е. один миф был отвергнут в пользу другого. Браун полагает, что Мегасфен проявил скорее талант «журналиста», нежели историка, и утверждает, что там, где Мегасфен должен был опираться на показания предшественников, он не подходил к анализу тех или иных сюжетов с должной степенью критичности. В подтверждение этого тезиса Браун приводит следующий аргумент: согласно Онесикриту, в стране Мусикана нет рабства, а Мегасфен, мол, распространил эту особенность на всю Индию²²⁸.

По этому поводу можно заметить следующее. Замечание Арриана (Ind. 10.8–9), что в Индии не только среди индийцев, но и среди других жителей страны совсем нет рабов, ни илотов, ни других, им подобных, является усилением категоричности высказываний на эту же тему, которые имеют место в трудах Диодора и Страбона (Diod. II.39.5; Strabo. XV.1.54). Ни Диодор, ни Страбон, цитируя

²²⁵ West 1964: 242.

²²⁶ Mund-Dopchie 1995: 104. Библиографическая точность требует упомянуть давнее предположение Э.Х.Уормингтона о том, что сообщения о «безротых» отражают раннее развитие торговли Индии через территорию Ассама, к которой эта традиция и восходит, — Warmington 1928: 366 (№ 68).

²²⁷ Brown 1955: 18–33.

²²⁸ Тезис о заимствовании Мегасфеном определенных сюжетов из сочинения Онесикрита и последующем их развитии высказывался им и ранее, см.: Brown 1949: vii, 61.

Мегасфена, не были столь категоричны, как Арриан, и факт «отсутствия» рабства не распространяли на все население Индии. Если вспомнить о других изменениях в тексте Арриана (философы-софисты, разрешение менять профессиональный статус только на состояние философа вместо разрешения менять профессиональный статус только для философов и др.), то следует признать, что Диодор и Страбон более аккуратно использовали информацию Мегасфена. В данном случае убежденный стоик Арриан увидел в сообщении селевкидского посла некое соответствие своим идеалам, которое Мегасфен и не стремился отразить²²⁹.

Закljučая статью, Браун пишет: в том, что Мегасфен видел лично, например в описании животного мира Индии, он значительно улучшил показания своих предшественников. В целом, полагает исследователь, определить место Мегасфена в греческой историографии можно следующим образом: он исправляет данные предшествующей литературы на основе своего личного опыта, но там, где нужно было проявить критическое начало при сборе информации, ему доверять нельзя. Когда Мегасфен удаляется от Индии, которую он знал лично, ему можно доверять только в том случае, когда он точно передает данные своего источника, но никогда нельзя сказать с уверенностью, что источник, который он нашел, является наилучшим.

Положения первой статьи были развиты Т.С.Брауном во второй — «Достоинства и слабости Мегасфена»²³⁰. Как и раньше, автор почти сразу заявил о своем исходном тезисе: Мегасфен, хотя и не был одаренным историком, заслуживает определенного уважения хотя бы потому, что отверг большую часть выдумок Ктесия об Индии и точно записал то, что видел лично. Для определения степени осведомленности Мегасфена в индийских реалиях Браун анализирует данные античной традиции об индийской географии. Исследователь показывает, что Мегасфен бывал в Индии чаще, видел и знал гораздо больше, чем кто-либо из античных писателей, имея возможность делать свои заметки «не на бегу»; для обоснования этого ученый отстаивает, в частности, тот факт, что Мегасфен ездил в Индию до 318 г. до н.э. и встречался с царем Пором, пересекая север Индии несколько раз.

Для анализа античных источников об Индии в целом и «Индики» Мегасфена в частности весьма интересно и методологически важно наблюдение Брауна, что Индия Мегасфена состоит из четырех частей: 1) Индия, виденная только им (от Пенджаба до Ганга); 2) Индия, виденная им и предшествующими авторами (Пенджаб); 3) Индия, виденная только предыдущими авторами (Нижний Инд и побережье к западу от него); 4) Индия, не виденная никем из греческих авторов (остальная часть Индии и Цейлон). В том, что касается границ Индии, Мегасфен, по мнению Брауна, отражает традицию историков Александра. Независимость суждений селевкидского посла видна при описании протяженности Индии. Мегасфен не был профессиональным географом и мог удовлетвориться уже тем, что использовал знания предшественников, но там, где мог, заполнял лакуны, и за это достоин уважения. Подтверждением этому служит анализ информации Мегасфена об индийских реках. Браун показал, что эти сообщения заслуживают доверия, и то, что их не использует в своем сочинении Диодор Сицилийский, более всего обращавшийся в этом случае к данным Клитарха, показывает, что

²²⁹ Анализ сообщений об отсутствии рабства в Индии по данным античных авторов см.: Бухарин 1997: 138–149.

²³⁰ Brown 1957: 12–24.

сведения Мегасфена по этому вопросу вполне надежны. Итак, согласно Брауну, Мегасфен мог самостоятельно описать географический контекст даже там, где он не имел предшественников. Основной вывод Брауна таков: в том, что касается индийской географии, если уже существовали какие-либо работы античных писателей, Мегасфен выбирал именно то, что ему казалось наиболее правдоподобным, лишь слегка изменяя предшествующие сведения. В результате, когда Мегасфен описывает те же регионы, что Онесикрит, Неарх и Патрокл, его сообщения нельзя рассматривать как достаточно достоверные. Но по тем вопросам, по которым не существовало предшествующих работ, Мегасфен достоин доверия.

Этот тезис Т.С.Браун стремится проиллюстрировать на конкретном материале в заметке «Фрагмент Мегасфена об Александре и Мандании»²³¹. Он полагает, что история о встрече Александра Македонского с индийскими мудрецами Каланом и Манданием (Strabo. XV.1.68; Arr. Anab. VII.2.2–4) была описана Онесикритом под влиянием идей Диогена, учеником которого он считался, и была включена им в текст для того, чтобы польстить учителю. По мнению Брауна, Мегасфен мог знать эту легенду только из книги Онесикрита, но он столь разительно модифицировал эту историю, что она приняла даже критическую направленность против Александра. Манданий у Мегасфена перестал быть реальным мудрецом, но предстал персонажем, сильно напоминавшим Диогена при встрече с Александром. Понятно, что легенда о встрече Александра с индийскими мудрецами могла появиться на свет только после смерти македонского царя. Из рассказа Страбона становится ясным, что эту легенду он почерпнул именно из сочинения Мегасфена, а не из Арриана. Ответы Мандания Александру и характеристика, данная им царю при возврате к изначальному, не исправленному в позднейших изданиях тексту, выдают знание Мегасфеном факта отсутствия сыновей у Александра, а это, в свою очередь, выдает посмертное происхождение самой истории.

Далеко не все положения статьи Т.С.Брауна кажутся убедительными. Если образ Мандания по Мегасфену более всего напоминает Диогена, то не естественнее ли было бы видеть в этом «руку» не Мегасфена, а того же Онесикрита? В этом случае вряд ли вообще стоит искать второго автора этой истории. Не надо забывать, что Арриан сознательно строил текст своего «Анабасиса» на сочинениях спутников Александра, используя при этом и текст и название труда Мегасфена для своего одноименного произведения²³². Конечно, датировка сочинения Онесикрита не совсем ясна, но мы знаем, что его использовал Клитарх до 310 г. до н.э.²³³, и даже если его сочинение и было написано еще в 20-е годы IV в. до н.э., что мешало ему представить встречу Александра и Мандания в том виде, в каком Т.С.Браун находит ее у Мегасфена? Допустим, что Мегасфен по своему передавал эту историю, но что тогда мешает считать, что это был незаинтересованный пересказ Онесикрита, а не стремление выступить с критикой Александра?

«Индика» Мегасфена в исследовании А.Далквиста. Книга шведского индолога Алана Далквиста²³⁴ заслуживает специального анализа, более подробного, чем позволительно в рамках данной статьи. Мнения об этом труде часто проти-

²³¹ Brown 1960: 133–135.

²³² Schwarz 1975a: 195.

²³³ Pearson 1960: 85.

²³⁴ Dahlquist 162.

воположны. Д. Дерретт, например, полагал, что ее публикация ознаменовала собой новый этап в изучении мегасфеновской традиции, положительно оценивал ее и Ф.Ф.Шварц²³⁵. В то же время ни одну из специально подготовленных рецензий нельзя считать положительной²³⁶. Далквист следует прежней методике сравнения, но вместе с тем привлекает данные как «золотого века» индийской литературы (веды, литература шастр, буддийские сочинения), так и заметки этнографов и путешественников нового и новейшего времени. Хотя Далквист подробно рассуждает об истории индийских религий, общий вывод его работы представляется важным и для исследования многих других аспектов истории древнеиндийского общества, например общественных отношений. По его мнению, в Индии во времена Мегасфена продолжали господствовать ведийские культы (а следовательно, принципы социально-экономической организации не могли существенно измениться со времени оформления «Ригведы»), не произошло слияния ведийских ариев и местного доарийского субстрата. Говоря о достоверности сведений Мегасфена, Далквист считает передачу им материала ведийской мифологии настолько точной, что его рассказ проливает новый свет на некоторые ее сюжеты. Кроме того, селевкидский посол сумел точно воспроизвести социальное устройство Южной Индии, хотя там никогда не был²³⁷. В отношении упомянутой выше «Эпитомы» Диодора (II.35–42) позиция Далквиста избирательна: в одних случаях он строит на этих сведениях основополагающие выводы своей теории, в других — может заявить, что «Диодор взял свои сведения непонятно откуда»²³⁸, поэтому ими можно пренебречь.

«Индика» Мегасфена в трудах польских исследователей. Оригинальная школа изучения «Индики» Мегасфена сложилась в Польше. Статьи Юзефа Джиеха, положившие ей начало, носят в основном обзорный характер²³⁹. В них описываются наиболее яркие события, связанные с открытием греками Индии, намечаются наиболее общие вопросы, заслуживающие внимания исследователей, прежде всего принципы описания Индии в греческой историко-этнографической традиции. Джиех не поднимал дискуссионных вопросов, но его статьи вызвали к жизни своеобразное историографическое направление, представленное именами Людвига Скуржака и его ученицы Иоанны Захше. В своих работах они пытались показать, что сведения Мегасфена по самым разным сферам жизнедеятельности индийского общества отражают влияние Хараппской цивилизации на экономику, культуру, религию индийского общества в I тысячелетии до н.э.

Индийские «философы» Мегасфена, они же «софисты» в описании Арриана (Diod. II.40.1–3; Strabo. XV.1.39; Arr. Ind. 11.1), по мнению Л.Скуржака, являются не последователями учения вед или Будды, но жрецами аборигенного неарийского населения Магадхи, пришедшего на восток Индии вместе с переселившимся из Передней Азии дравидийским населением, основавшим Хараппскую цивилизацию²⁴⁰. Ход его рассуждений таков: брахманическое законодательство

²³⁵ Derrett 1969: 1151; Schwarz 1970: 295.

²³⁶ de Casparis 1963: 280–281; Buddruss 1965: 721–723; Hartman 1965: 55–64; Wilhelm 1966: 425–436; Kuiper 1969: 142–146.

²³⁷ Противоположную точку зрения см.: Foreign Notes 1979: 4. По данному вопросу наиболее взвешенной представляется позиция Ф.Ф.Шварца, выраженная им в одной из работ (Schwarz 1976: 251–255; 262–263).

²³⁸ Dahlquist 1962: 151.

²³⁹ Dziech 1949: 61–67; Dziech 1950: 5–16; Dziech 1951: 57–75; Dziech 1953: 57–75.

²⁴⁰ Skurzak 1954: 95–100. См. также более раннюю статью: Skurzak 1948.

запрещает бродячим аскетам заниматься врачеванием, гаданием, участвовать в погребальных обрядах; следовательно, было время, когда они в них участвовали и не были членами варновой системы. А раз это так, то и описанные Мегасфеном бродячие аскеты не кто иные, как представители местного доарийского населения²⁴¹. Буквально восприняв фразу Мегасфена, переданную Диодором Сицилийским, относительно обязанностей земледельцев: «τῆς δὲ χώρας μισθοὺς τελοῦσι τῷ βασιλεῖ διὰ τὸ πᾶσαν τὴν Ἰνδικὴν βασιλικὴν εἶναι» (Diod. II.40.5)²⁴², Л.Скуржак в одной из своих статей отождествил «Индию» с «индийской землей». Таким образом он попытался проследить влияние земельных отношений государств Передней Азии, в частности древнего Египта и Шумера, через Хараппскую цивилизацию на Магадху²⁴³. Речь здесь, конечно же, должна идти об отражении Мегасфеном концепции тождества «царя» и «царства» как его плоти, подробно разработанной в дхармашастрах²⁴⁴.

В другой работе, основные положения которой были поддержаны И.Захше, Л.Скуржак выступил с предположением, что под именем древнеиндийского Геракла, описанного Мегасфеном, мог скрываться доарийский хараппский «прото-Шива», так как, по его мнению, совпадений между образом этого героя и тем, что известно о деятельности аналогичных переднеазиатских персонажей, слишком много, чтобы объяснить это простой случайностью. Эти сообщения, считают Скуржак и Захше, отражают некий более древний, нежели собственно арийская культура, пласт истории индийской религии, восходящий еще к Месопотамии²⁴⁵. Но если это так, то остается неясным, как Мегасфену удалось собрать столь подробную информацию о своем Геракле; невозможно представить, что он мог получить столь подробные сведения от дравидийского населения Восточной Индии, ибо, во-первых, он не знал дравидийских языков, а во-вторых, его окружение было брахманическим²⁴⁶. В той же статье Скуржак продолжает начатую им ранее тему о древнеиндийских «философах» и возводит их к переднеазиатской традиции; к ней же он обращается, анализируя такой сюжет из «Индики» Мегасфена, как описание «философов» — представителей первого из семи «классов», на которые Мегасфен разделил индийское общество (Diod. II.40–41; Arr. Ind. 11–12; Strabo. XV.1.39–49)²⁴⁷, и в частности, описание «великой сходки», в которой участвуют «философы» на Новый год. Никаких исторических аргументов для того, чтобы обосновать свою точку зрения по вопросу о влиянии культуры народов Передней Азии на Восточную Индию, Л.Скуржак не представил. Он не упомянул даже работы Х.К.Деба²⁴⁸, в которых, несмотря на совершенную фантастичность рассуждений и выводов, также делается попытка проследить возможность отражения переднеазиатской (эламской) культуры в индийской традиции через некую эламскую династию в Магадхе в конце VIII в. до н.э.

²⁴¹ Skurzak 1954: 100. См. также и другие статьи (Skurzak 1960: 83–87; Skurzak 1974: 215–220).

²⁴² «Вносят же плату за землю, так как вся Индия принадлежит царю». В ХИДВ перевод дан следующим образом: «А плату за землю они доставляют царю, потому что вся земля Индии — царская» (ХИДВ. М., 1980. Т. 2. С. 127).

²⁴³ Skurzak 1963: 258–261.

²⁴⁴ Романов 1978: 26–34; Нара 1973: 97–113. Подробнее анализ данных Мегасфена по земельным отношениям в древней Индии см.: Бухарин 1998а: 72–78.

²⁴⁵ Skurzak 1979: 72; Sachse 1981: 49.

²⁴⁶ Бухарин 1997: 138–149.

²⁴⁷ Об этом см.: Бухарин 1998b: 146–147; Бухарин 2000b: 162–167.

²⁴⁸ Deb 1922: 194–197; Deb 1948: 121–137.

(так, по его мнению, Susinaka — не кто иной, как эламский принц Susinaq/Susunqa). Однако и в статьях Х.К.Деба не указан возможный механизм «физического» появления эламитов на востоке Индии²⁴⁹.

Влияние неарийской культуры на формирование мифа о р. Шила в пересказе Мегасфена прослеживает И.Захше²⁵⁰. По ее мнению, этот миф относится к преданиям о границе между миром живых и царством мертвых и отражает неарийскую традицию, родственную многим мифам культур Месопотамии и Египта. Захше считает, что Магадха находилась под сильным влиянием Хараппской цивилизации, и Мегасфен воспринял этот миф от своего доарийского окружения. Стоит отметить, что Мегасфен не был первым, кто пересказал этот миф. Он упоминался еще Ктесием (Plin. NH. 31.21) и уже затем был воспроизведен Мегасфеном (Diod. II.37.2; Strabo. XV.1.38; Arr. Ind. 6.2–3)²⁵¹.

И свою диссертацию И. Захше посвятила «Индики» Мегасфена²⁵². Ее структура и круг поднятых в ней вопросов весьма предсказуемы. Захше полагает, что Мегасфен составил «Индику» на рубеже IV–III вв. до н.э. и что, вероятно, его поездка была вызвана необходимостью заключения договора между Селевком Никатором и Чандрагуптой Маурья. Она поддерживает идею происхождения Мегасфена из Малой Азии, считает вполне возможной встречу Мегасфена с Пором. Описание природы и географии Индии Захше находит вполне точным и корректным, сравнение «Индики» Мегасфена и «Артахашстры» Каутильи приводит ее к выводу, что последнее произведение не является источником по истории Маурьев, а особенности религиозной жизни Индии в описании Мегасфена, полагает она, отражают прямое и значительное влияние Хараппской цивилизации. В связи с этим можно согласиться с мнением К.Карттунена о том, что попытки обнаружить «неортодоксальное» насыщение фрагментов Мегасфена о Магадхе методологически вполне оправданны, но практически неприемлемы по своим результатам²⁵³.

В другой своей работе Захше обратилась к анализу описания в «Индики» Мегасфена так называемых «древнейших философов» (Diod. II.39.5; Arr. Ind. 10.8–9; Strabo. XV.1.54), согласно учению которых никто из индийцев не является рабом, а будучи сами свободными, они признают равенство (τὴν ἰσότητά) всех. Лучшим же способом противостоять превратностям жизни провозглашается как невозвышение над другими, так и неунижение. Устанавливается равенство перед законом и в правах (Diod. II.39.5). Захше считает, что в данном случае речь должна вестись об идеях, которые определяли такое понятие, как *mokṣa*, а под древнейшими философами должны подразумеваться представители того

²⁴⁹ Вопрос о влиянии шумерской культуры на цивилизацию долины Инда сам по себе вполне правомерен (Puskás 1988: 15–22; Parpola 1996: 227–235).

²⁵⁰ Sachse 1982: 237–243.

²⁵¹ См. комментарий Ж.Андре и Ж.Филлиоза, возводящих этот сюжет к буддийской традиции, отраженной в джатаках (VI.100–101), как о горном источнике вне пределов Индии (André, Filliozat 1986: 365, 419–420). Таким источником вполне могла быть современная Сырдарья, которая была принята Александром за Танаис-Дон: о тождестве этих рек писал Аристотель (Arr. Anab. III.30.7). Плиний Старший также называл Танаис и Сырдарью «Сила»: «Tanaïm ipsum Scythae Silim uocant» (NH. VI.20); «flumine Iaxarte, quod Scythae Silim uocant» (NH. VI.49). Здесь же он указывает и свой источник информации — Демодам, полководец Селевка Никатора и Антиоха. О том, что этот сюжет в отражении Мегасфена должен восходить к индийской традиции, писал еще Х.Лассен (Lassen 1852: 653).

²⁵² Sachse 1981.

²⁵³ Karttunen 1997a: 92.

брахманского учения, которое отражено в «Бхагаватгите»²⁵⁴. Идея эта несомненно оригинальна, но принять ее не представляется возможным уже по той причине, что текст «Бхагаватгиты» сформировался довольно поздно — около VII в. н.э., хотя его древнейшая устная версия, возможно, восходит к IV–III вв. до н.э.²⁵⁵. Конечно, идеи бхагаватизма распространялись на всех верующих, но вряд ли можно было бы ожидать от брахманов времени Мегасфена мыслей о полном исключении рабства из общественной структуры. Описание же равенства в Индии удивительно точно соответствует тому, что в греческом мире называлось *ισονομία*, т.е. равенство перед законом и через закон.

Мегасфен отнюдь не был первым греческим писателем, который стремился обнаружить в государственной структуре негреческого народа состояния, соответствовавшие идеалам, выработанным греческой политической мыслью. В частности, его слова звучат в унисон описанию персидской исономии Ксенофонт (Суг. I.III.18): «ἐν Πέρσαις δὲ τὸ ἴσον ἔχειν δίκαιον νομίζεται»²⁵⁶. Ксенофонт, вкладывая в персидские формы спартанское содержание исономии, безусловно знал о существовании в Спарте илотов и других групп зависимого населения, без которых Лакедемон не мог бы существовать, т.е. «персидско-спартанская» исономия относилась только к политически полноправным гражданам. Более или менее сходные идеи в буквальном выражении имеют место в неортодоксальных религиозно-философских учениях: буддизме, джайнизме, адживикизме. Однако вряд ли их последователи могут претендовать на роль «древнейших философов» Мегасфена. Да и особенности семичленной структуры древнеиндийского общества в его описании (положение брахманов на первом месте, их роль как советников царя, наибольший почет, которым они пользуются) говорят о брахманическом окружении посла. Более вероятным выглядит истолкование в категориях греческой исономии такого важного для истории индийской политической мысли понятия, как *āyurghāṇa*, *āyabhāva*, выражавшего сословно-кастовую принадлежность, которое может быть переведено приблизительно как «арийство», «состояние ария»²⁵⁷. В случае, если это действительно так, принадлежность к системе четырех варн, выражавшаяся этими понятиями, могла обозначаться у Мегасфена термином *ἡ ἰσότης*. Однако невозможно с уверенностью сказать, пытался ли передать Мегасфен именно это понятие или только общую идею, хотя можно предположить, что оно означало равенство свободных членов чатурварны по отношению к свободе²⁵⁸.

Особенностью анализируемого этапа в изучении античных свидетельств об Индии стало не только появление новых тем, но и возвращение к старым, правда

²⁵⁴ Sachse 1983: 301–308. Мнение о знакомстве Мегасфена с идеями «Бхагаватгиты» до И.Захше высказывал С.К.Дикшит (Dikshit 1949: 298–315), который явно приписал Мегасфену преувеличенно глубокое знание индийской традиции, куда помимо традиционной «Артхашастры» Каутильи, «Бхагаватгиты» и упанишад он включил даже «Махабхашью» Патанджали. И даже авторство истории о встрече Александра Македонского с индийским мудрецом Манданием было приписано Мегасфену. Правильней было бы ставить вопрос о знании Мегасфеном не памятников индийской литературы, а той реальности, которая в них отразилась, или некоторых версий наиболее популярных мифов.

²⁵⁵ Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 107.

²⁵⁶ «...у персов же считается справедливым, когда все имеют равные права» (пер. В.Г.Баруховича).

²⁵⁷ Вигасин 1976: 6–7; Вигасин, Самозванцев 1984: 162; Bongard-Levin 1985–1986: 177.

²⁵⁸ Sachse 1975: 3–9; Sachse 1979: 393–405. И.Захше принадлежат и другие работы на эту тему.

с иными подходами. Так, некоторые «темные» места у Мегасфена получили оригинальное толкование Дж.Дерретта²⁵⁹ и Л.Рочера²⁶⁰.

«Индики» Мегасфена в работах Г.М.Бонгард-Левина. Значительное внимание «мегасфеновскому вопросу» уделит в своих работах Г.М.Бонгард-Левин²⁶¹. Он считает, что при сравнении сведений античных и древнеиндийских документов исследователи оперировали главным образом материалами «Артхашастры». Для многих исследований характерно механическое сопоставление данных Мегасфена и «Артхашастры», одностороннее объяснение многих явлений индийской жизни лишь в свете представлений образованного грека, чрезмерное подчеркивание идеализации Мегасфеном общественной жизни в древней Индии и т.д. Выбор «Артхашастры» в качестве синхронного документа, считает ученый, вряд ли можно признать удачным и оправданным, поскольку вопрос о датировке этого памятника еще окончательно не решен. Изучение маурийской эпохи, целиком построенное на материалах этого трактата о политике, может привести к воссозданию не реальной, а идеализированной картины маурийского общества.

Наиболее правильным представляется Г.М.Бонгард-Левину сравнение данных Мегасфена с близкими по времени эпиграфическими документами — надписями Ашоки. Оба источника — единственные датированные материалы эпохи Маурьев. В эдиктах — личных приказах Ашоки, — как и во фрагментах Мегасфена, содержится богатый материал именно по государственному управлению Маурийской империи.

Наилучшим мерилom достоверности сведений селевкидского посла является, по мнению Бонгард-Левина, сопоставление «Индики» с четко датруемыми эдиктами Ашоки, что обнаруживает значительное сходство в описании обществ, рисуемых Мегасфеном и эдиктами Ашоки; особенно ярко это проявляется в политической терминологии²⁶². Кроме того, Г.М.Бонгард-Левин установил, что античная традиция точно передала свидетельства индийской традиции о династии Нандов и даже некоторые детали в истории воцарения Чандрагупты Маурья²⁶³; он выступил в защиту Мегасфена, который в ряде случаев удивительно точно уловил особенности организации реально существовавших государственных институтов Маурийской империи и верно описал некоторые черты сис-

²⁵⁹ Derrett 1968b: 776–781.

²⁶⁰ Rocher 1957: 125–128.

²⁶¹ Бонгард-Левин 1959: 158–161; Бонгард-Левин 1960; Бонгард-Левин 1962b: 409.

²⁶² В сравнительно недавней статье (Агога 1992: 85–96) на широкой основе ставится вопрос о соответствии санскритской политической и правовой терминологии лексике нескольких греческих авторов, в том числе и Мегасфена. Не углубляясь в детальный разбор положений автора, следует признать все же, что большинство его положений по меньшей мере спорные. Вряд ли уместны, в частности, прямые типологические аналогии между такими понятиями, как «полис» и «джанапада», или перевод прилагательного καλόν, употребленного Онесикритом (Strabo. XV.1.30) при описании качеств кандидата на царский престол, как «прекраснейшего по добродетелям». Удивление греков вызвало именно то обстоятельство, что царь выбирается по внешнему виду. В противном случае, вероятнее всего, было бы употреблено прилагательное ἄριστοι. Не вызывает доверия и тот раздел в работе Ароры, где говорится о прямом переносе египетской и греческой политической терминологии на индийские реалии, являющиеся не более чем повторением старых положений работы О.Штайна «Мегасфен и Каутилья». Если Мегасфен называет надзирателей эфорами, а городских чиновников — агораномами, астиномами или стратегами, это совсем не означает какого-либо специального уподобления индийского чиновничества египетскому или греческому. Мегасфен подчеркивал лишь их функциональное сходство (Strabo. XV.1.50).

²⁶³ Бонгард-Левин 1962a: 4–21; Бонгард-Левин 1982: 15–26.

темы управления²⁶⁴. Этому Бонгард-Левин посвятил специальное исследование об индийских *gājā-sabhā* и *gājā-pariṣad* в передаче Мегасфена²⁶⁵. Его точка зрения сводится к следующему: обычно принятый в литературе перевод *σύμβουλοι καὶ σύμβεδροι τοῦ βασιλέως* как «советники и помощники царя», хотя и передает буквально значение греческих терминов, не вполне правилен с индологической точки зрения, так как не отражает особенностей государственного управления в маурийскую эпоху. Это относится и к переводам указанных терминов как «advisers and councilors of the king»²⁶⁶, «councilors and advisers of the king»²⁶⁷ и др. Аналогичным недостатком страдают и переводы терминов, обозначающих структуру государственного управления древней Индии, приведенных у Арриана и Диодора.

Естественно, задача состоит не только и не столько в том, чтобы правильно перевести греческий текст античного писателя, но главным образом в том, чтобы объяснить выбор им того или иного термина для характеристики явлений общественной жизни. В данном случае необходимо установить этимологию обоих терминов (*σύμβουλοι* и *σύμβεδροι*), их различие у Мегасфена, а также соответствие их определенным древнеиндийским государственным институтам.

По-видимому, Мегасфен, употребляя разные греческие термины, старался показать и различие описываемых им древнеиндийских государственных институтов. Так, *σύμβουλοι* связано с греч. *βουλῇ* и дословно значит «те, которые заседают в буле», «совместно заседающие в буле». Вероятно, употребляя этот термин для обозначения определенного разряда индийских чиновников, Мегасфен ассоциировал совет (собрание) этих чиновников с греческим буле. В Афинах со времен Клисфена буле состояло из 500 полноправных граждан и представляло собой орган государственного управления. Сравнение с данными индийских источников позволяет говорить Бонгард-Левину о том, что под *σύμβουλοι* Мегасфен подразумевал индийских чиновников — членов древнеиндийского *gājā-sabhā*. В маурийскую эпоху *gājā-sabhā* была важным органом государственного управления. Панини рассматривает *gājā-sabhā* как самостоятельный институт государственной власти, отличный от совета царских министров (*pariṣad*) и тайного царского совета (*mantrinah*)²⁶⁸. *Sabhā* была, по-видимому, собранием крупных чиновников государственного аппарата и советников царя. Интересно сообщение «Дивьяваданы» о том, что у маурийского царя «Биндусары — сына Чандрагупты — был совет из 500 человек (*Pañcāmātyaśatani*)»²⁶⁹, количественно, таким образом, равный греческому буле. Комментатор грамматики Панини Патанджали в качестве примера *gājā-sabhā* приводит совет при Чандрагупте²⁷⁰. В пользу предлагаемого им отождествления *σύμβουλοι* Мегасфена с членами *gājā-sabhā* говорят также данные древнеиндийских источников о функциях *gājā-sabhā*²⁷¹.

Насколько точно термины, употребляемые Мегасфеном, отражают структуру государственного аппарата Индии эпохи Маурьев, показывает и анализ слова

²⁶⁴ Бонгард-Левин 1963: 19.

²⁶⁵ Бонгард-Левин 1959: 158–161.

²⁶⁶ Jones 1930: 83.

²⁶⁷ Mc'Crindle 1877: 85.

²⁶⁸ Панини (II.4.23) указывает: *sabhā rājamanushya — pūrvā*. См.: Agrawala 1953: 21, 403–404.

²⁶⁹ См.: Cowell and, Neil 1886: 372.

²⁷⁰ Bhashya I.177. Цит. по: Agrawala 1953: 403.

²⁷¹ См.: Mookerji 1953: 9; Law 1921; Hopkins 1889: 148–151.

σύμβουροι. Интересно, что Мегасфен, различая два разряда высших чиновников, σύμβουλοι и σύμβεδροι, вторым термином обозначает «чиновников, находящихся при царе» (σύμβεδροι τοῦ βασιλέως). Бонгард-Левин считает возможным рассматривать σύμβεδροι Мегасфена как название членов паришада — древнеиндийского совета царских министров (pariṣa — надписей Ашоки). В пользу этого, согласно ему, говорят следующие данные: 1) совпадение значений обоих терминов и их этимология: συν + ἔδρα — сидение вместе, воедино и παρ + sad — сидеть вокруг, совместно; 2) различие Мегасфеном двух институтов, более широкого (σύμβουλοι) и более узкого (σύμβεδροι), что хорошо согласуется с материалами древнеиндийских источников о паришаде, сабхе и об их различиях.

По мнению Бонгард-Левина, ко времени правления Маурьев паришад превратился из демократического органа ведической эпохи в довольно узкий по своему составу институт государственной власти. Политический паришад как совет царских министров играл важную роль в системе государственного управления в эпоху Маурьев. Согласно эдиктам Ашоки, паришад мог обсуждать приказы монарха, разрабатывать основные обязанности для чиновников, контролировать местные власти. Данные «Артакшастры» свидетельствуют о том, что основными функциями мантрипаришада являлись «обсуждение еще не начатых работ», «завершение ведущихся работ» и «проверка исполнения приказов царя». Совет царских министров собирался также для обсуждения неотложных дел и приема послов.

Таким образом, сравнение данных Мегасфена о седьмом «классе» древнеиндийского общества с материалами древнеиндийских источников свидетельствует о точной передаче греческими терминами таких реально существовавших институтов государственного управления, как rājā-sabhā и pariṣad.

Интересно также указание Мегасфена на то, что из членов седьмого «класса» «назначаются чиновники на государственные должности, в суды, и им (поручается) управление всем». Действительно, чиновники, входившие в rājā-sabhā и pariṣad, составляли высший слой государственного аппарата, руководили различными департаментами и осуществляли управление в центре и на местах.

Ознакомление с данными Арриана и Диодора о седьмом «классе» древнеиндийского общества показывает, что они по точности передачи сведений Мегасфена значительно уступали труду Страбона. Это объясняется не только тем, что Арриан жил почти на 150 лет позже Страбона, но и тем, что, интересуясь главным образом военными успехами Александра, Арриан писал «Индику» как своего рода дополнение к соответствующим главам «Анабасиса». Вполне естественно, что он стремился передать лишь общее содержание данных Мегасфена, не придавая особого значения его терминологии. В еще большей степени это характерно для Диодора. Возможно, правда, что и Страбон, точно передавая терминологию автора «Индики», не видел за ней особенностей государственного управления Индии времени Маурьев. Отсюда, по-видимому, и некоторое различие между данными Страбона и сведениями Арриана и Диодора. Последние более вольно толковали текст Мегасфена. Так, Арриан пишет: «А седьмые — это обсуждающие общие дела совместно с царем (οἱ ὑπὲρ τῶν κοινῶν βουλευόμενοι ὁμοῦ τῷ βασιλεῖ — 13.6) и в каждом из автономных городов с их властями». Если Мегасфен правильно отметил различие σύμβουλοι (члены rājā-sabhā) и σύμβεδροι (члены pariṣad), характеризуя вторых как σύμβεδροι τοῦ βασιλέως, то Арриан берет у Мегасфена термин с более широким значением βουλευόμενοι для характеристики чиновников-советников при царе.

Диодор, повествуя о делении древних индийцев на семь групп, сообщает: седьмой «класс» тот, который советует (советующий — βουλευὼν) и заседает (вместе сидящий — σύνεδρευὼν) и с которыми (советующими — βουλευόμενοις) обсуждают общие дела... Из них (назначаются) советники σύμβουλοι царей (τοῖς βουλευέσιν), наблюдатели за общими делами, судьи по тяжбам и вообще из них (т.е. из седьмого «класса») имеют (выбирают, назначают) архонтов и гегемонов (II.41).

Знаменательно, что, почти точно передавая сведения Мегасфена, Диодор весьма вольно обращается с его терминологией. Так, подобно Мегасфену, Диодор справедливо различает два разряда чиновников (βουλευὼν и σύνεδρευὼν), но не отличает особенности чиновников σύνεδρευὼν как находящихся при царе. Кроме того, употребление Диодором σύμβουλοι τοῖς βουλευέσιν вместо мегасфеновского σύνεδροι τοῦ βασιλέως свидетельствует о том, что Диодор уже не видел за терминами Мегасфена реально существовавших государственных институтов древней Индии, да и не ставил, по-видимому, перед собой такой задачи. Поскольку оба термина по смыслу близки, Диодор не придавал значения их различиям в употреблении и заменил один из них (сύνεδροι) другим (σύμβουλοι).

Описание высшего слоя чиновников индийского государственного аппарата содержится и у Плиния в его известном труде «Естественная история» (VI.19). Говоря о делении древних индийцев на ряд групп, он указывает, что лучшие и самые богатые (optimi ditissimique) 1) управляют государственными делами (res publicas temperant); 2) производят судебные дела (indicia reddunt); 3) сидят при царях (regibus adsident). Интересно, что характеристика Мегасфеном одного из разрядов высших чинов — советников как «сидящих при царе» сохранилась не только у писателей, передавших их на греческом языке, но и у Плиния и Солина, труды которых написаны на латыни. Причем Плиний абсолютно точно передал латинскими словами смысл этих терминов, употребив, как и Мегасфен, глагол сидеть (sedeo) с приставкой ad- (подле, у, при; греч. συν).

Г.М.Бонгард-Левину принадлежит также несколько общих работ по отражению индийских реалий в античной литературе²⁷². Он подчеркивает большую значимость «Индики» для изучения маурийской эпохи как единственного синхронного документа. Большая ценность работы Мегасфена состоит в том, что ее автор, находясь в Паталипутре, имел возможность лично ознакомиться с государственным строем Маурийской империи. Тем не менее «Индика» не была в должной мере использована при исследовании раннемаурийской эпохи и не получила правильного критического анализа вследствие ряда присущих этому труду особенностей.

Описывая Индию, Мегасфен многие явления общественной жизни рассматривал через призму знакомых ему институтов и фиксировал свое внимание на тех моментах индийской жизни, которые были ему наиболее понятны или казались удивительными. Пользовался Мегасфен и данными устной индийской традиции, трактуя, однако, многое с эллинских позиций. Поэтому в «Индики» греческие представления часто переплетаются с индийскими, фантастическое — с реальным. Этим и объясняется скептическое отношение некоторых современных индологов к сведениям Мегасфена, которые еще в античную эпоху получа-

²⁷² Бонгард-Левин 1981: 107–111; Бонгард-Левин 1985a: 292–309; Бонгард-Левин 1985b: 66–72; Бонгард-Левин 1993: 304–318; Бонгард-Левин, Карпюк 1982: 42–52; Bongard-Levin 1980–1981: 50–62; Bongard-Levin 1985–1986: 169–185.

ли противоречивую оценку. Доказать достоверность «Индики», четко отделить реальное от вымышленного и неверного — значит получить в свое распоряжение ценный источник, относящийся к периоду ранних Маурьев. Сделать это возможно путем сопоставления сообщений Мегасфена с близкими по времени древнеиндийскими документами. Задача не ограничивается, однако, подбором сходных сведений, а состоит в установлении определенного соответствия между данными античных и древнеиндийских источников.

В сопоставляемых источниках («Индика» и надписи Ашоки) сохранились также данные и об основных разрядах государственных чиновников. Согласно Мегасфену (Strabo. XV.1.50), чиновники делятся на сельских (ἄγρονόμοι), городских (ἀστυνόμοι) и военных (οἱ ἐπὶ τῶν στρατιωτῶν). Схема Мегасфена совпадает с составом чиновников по Каутилье: *durga-rāṣṭra-daṇḍa-mukhyās* (XIII.3). Каким же древнеиндийским чиновникам соответствуют, в частности, ἄγρονόμοι Мегасфена?

Характеристика Мегасфеном агрономов как чиновников сельских и описание их функций хорошо согласуются с данными древнеиндийских источников, и в первую очередь надписей Ашоки, о раджуках. В индийских документах также постоянно подчеркивается связь раджуков с джанападой — сельской местностью (*jānapada*). Раджуки, согласно II Малому наскальному эдикту из Еттагиṇī, должны объявлять населению джанапады (*jānapada ānāpāyisati*) приказы императора; по IV Большому колонному эдикту, их цель — направлять народ джанапады (*janam jānapadam*) к благу и счастью. Мегасфен говорит об агрономах как о чиновниках с очень широким кругом обязанностей. Одна из функций агрономов состояла в обмере земли (ἀναμετροῦσι τὴν γῆν), что также совпадает с данными древнеиндийских источников о раджуках. *Rājūka* (*rajuko*) этимологически восходит к слову *raju* — веревка и соответствует *rajjugāhaka* и *rajjuka* палийских джатак. Данные раннебуддийской и джайнской литературы свидетельствуют о том, что первоначально функцией раджуков был обмер земли в сельской местности с помощью веревки.

Древнеиндийские источники подтверждают и свидетельство Мегасфена, согласно которому агрономы (φορολογοῦσι) собирают налоги. Так, среди доходов с сельской местности (*rāṣṭra*) Каутилья (II.6) упоминает и *soḡarajju*.

В надписях Ашоки находят параллели также указания Мегасфена о том, что агрономы «занимаются реками» (ποταμοὺς ἐξερχάζονται), наблюдают за каналами (τὰς διωρύχας ἐπισκοποῦσι), строят дороги (ὁδοποιοῦσι) и через каждые 10 стадий воздвигают столб, указывающий «отклонения» (τὰς ἐκτροπὰς) и расстояния. Так, IV Большой колонный эдикт Ашоки сообщает о том, что раджуки «знают (источник) счастья (*sukhīyana*)». «Я назначил раджуков, — говорит Ашока, — для блага и счастья (населения) джанапады» (*jānapadasa hitasukhāye*). В VI Большом колонном эдикте мы читаем: «На дорогах мною посажены смоковницы, через каждые полкосы я приказал вырыть колодцы, устроить места для отдыха, построить большое число помещений с водой для людей и животных. Но не в этом главная польза. Ведь различные мероприятия для того, чтобы сделать (людей) счастливыми (*sukhāyanāyā*), (предпринимались) также и прежними царями». Сопоставление обоих эдиктов позволяет думать, что под *sukhīyana* понимались организация общественных работ, рытье колодцев и водоемов, строительство дорог и т.д. Очевидно, что раджуки, которые «знают (источник) счастья» и «направляют население джанапады к благу и счастью», должны были принимать непосредственное участие в проведении указанных мероприятий.

Укажем, кстати, и на одно совпадение в деталях. Согласно Мегасфену, агрономы при строительстве дорог через каждые 10 стадий устанавливают столб, указывающий место для отдыха, привал у дороги, отклонения (ἐκτροπή). VII Большой колонный эдикт, говоря о благоустройстве дорог, также сообщает об устройстве через каждые полкосы мест для отдыха, привалов (nīmsidhiyā).

Достоверность сообщения Мегасфена о том, что агрономы наблюдают за реками и смотрят за каналами, подтверждается и сравнением эдиктов Ашоки с надписью Рудрадамана из Джунагада (Junāgaḍh). Согласно этой надписи, в период правления некий Чандрагупты Пушьягупта, названный gāṣṭriya, соорудил водохранилище, которое уже при Ашоке (следуя чтению Килхорна) было снабжено каналами (praṇālibhir alaṅkritaṃ). II Малый наскальный эдикт из Eṭṭagudī передает приказ Ашоки о том, что раджуки должны сообщать царские распоряжения не только населению джанапады (jānapada ānapayisati), но и чиновникам gaṭhikas. Если сопоставление gāṣṭrika (gaṭhika) с gāṣṭriya правильно, оно позволяет говорить о том, что и раджуки (в подчинении которых находились gaṭhikas) занимались ирригационными работами.

Согласно Бонгард-Левину, особенно ярко достоверность сведений Мегасфена проявляется при сравнении его данных о судебных функциях агрономов с материалами надписей Ашоки. По Мегасфену, агрономы были хозяевами (κύριοι) награждения (τιμῆς) и наказания (κολάσεως) «тех, кто этого заслуживает», т.е. обладали правом поощрения и наказания. Поразительно сходное свидетельство содержится и в надписях Ашоки. «Мною назначены раджуки с тем, чтобы они выполняли свои обязанности без страха, корысти и без препятствий для блага и счастья страны. Поэтому я предоставил раджукам право награждения (поощрения) (abhihāle) и наказания (daṇḍa)», т.е. раджуки были независимы (полномочны) (atapatiye, санскритское ātmapatyam) в присуждении награждений и наказаний. О судебных функциях раджуков говорят и другие эдикты Ашоки. Вместе с тем раджуки не являлись судебными чиновниками, а осуществляли судебные функции наряду с другими обязанностями. То же мы находим у Мегасфена, который различает агрономов и специальных судебных чиновников.

Обилие и разнообразие функций, выполняемых агрономами, приводили исследователей (например, Нилаканту Шастри) к мысли о том, что сведения Мегасфена представляют собой перечень обязанностей нескольких разрядов чиновников, однако материалы древнеиндийских источников о раджуках подтверждают правильность сообщений Мегасфена. Мегасфен сумел уловить основные функции ἀγρονόμοι и дать им правильное освещение. Вряд ли можно сомневаться в том, что перед нами достоверное описание очевидца.

Наряду с большим сходством данных Мегасфена об агрономах и надписей Ашоки о раджуках имеются и различия, связанные с характером обоих документов. Мегасфен описал лишь те функции агрономов-раджуков, которые выступали наиболее рельефно или напоминали уже знакомые ему явления. В то же время надписи Ашоки повествуют главным образом о дхарме и необходимости ее укрепления и распространения. При Ашоке в связи с политикой дхармавиджайи раджуки были наделены новыми обязанностями, функции раджуков по распространению дхармы и получили наиболее яркое отражение в надписях-эдиктах о дхарме, как называл их сам Ашока.

Особого рассмотрения в работах Бонгард-Левина заслуживали данные «Индики» о существовании в древней Индии автономных областей. Рассказывая о «наблюдателях» (ἐφοροί), включенных в шестой «класс», Арриан (Ind. 12.5)

отмечает, что они обо всем доносят царю — там, где индийцы живут под царской властью (ἱναπερ βασιλεύονται Ἴνδοι), или властям (τέλεσιν), где они (индийцы) автономны (αὐτονόμοι). У Диодора (II.41) это свидетельство Мегасфена звучит несколько иначе: «То, что происходит в Индии, они (ἑφοροί) обо всем доносят царям (τοῖσι βασιλεῦσι), а если город не имеет царской власти (ἀβασιλευτος πόλις) — то властям (τοῖς ἄρχουσιν)». Античные писатели, говоря об автономных полисах древней Индии, очевидно, имели в виду город-государство, как определенную географическую, политическую и общественную единицу. Об этом свидетельствуют, в частности, описания этих полисов у современников Александра и в источниках более позднего периода (например, у Диодора).

Сообщения античных авторов о существовании в Индии самостоятельных автономных областей с немонархической формой правления хорошо согласуются с древнеиндийскими материалами (эпос, Панини, раннебуддийская литература, «Артхашастра» и др.). Приведенные свидетельства Мегасфена, основанные на реальных фактах политической жизни, дополняют знания о структуре государственного управления Маурийской империи. Автономные объединения, входившие в империю Чандрагупты, продолжали существовать и при Ашоке. В его надписях упоминаются области, известные из других источников как государства с республиканской властью — Камбожа, Bhoja, Pitinika и др. XIII Большой наскальный эдикт перечисляет области в империи Ашоки (hida), имеющие республиканское устройство (arāja-viśaya), что точно соответствует указанию Диодора (II.41) — ἀβασιλευτος πόλις. V Большой наскальный эдикт, упоминая те же территории, называет их aparata, т.е. расположенные в aparāntā — Западной Индии. Мегасфен, хорошо знакомый с политической обстановкой в Западной и Северо-Западной Индии, вероятно, подразумевал республиканские (автономные) объединения этой части империи Чандрагупты, хотя древнеиндийские источники свидетельствуют о существовании таких объединений и в других частях страны. Очевидно, Мегасфен имел в виду не некоторую самостоятельность государственных провинций в управлении, а существование в составе империи небольших автономных республик. О существовании республиканских областей свидетельствуют и нумизматические данные.

Каковы же были причины, обусловившие вхождение в империю республиканских объединений и сохранение ими определенной автономии? Бонгард-Левин пришел к выводу, что перед Маурьями стояла задача соединения в единое целое различных по языку, государственному строю и уровню общественного развития племен и народностей. Маурьи не пошли по пути ломки и уничтожения местных традиционных форм управления, жизненность которых была проверена в течение многих сотен лет. Сохранение и приспособление к новым условиям старых форм, сочетание их с вновь созданными — вот что определяло политику Маурьев по созданию объединенного государства. Возможно, что Маурьи и не могли окончательно сломить мощь республиканских объединений, которые «в силу своей сплоченности неодолимы для других» («Артхашастра». XI.1).

Следует учитывать и конкретную обстановку создания Маурийской империи. Чандрагупте, которому пришлось бороться против греческих гарнизонов и династии Нанда, большую помощь, по-видимому, оказали республики Северо-Западной и Западной Индии, и это, очевидно, повлияло на их положение в составе его империи. Согласно Юстину (XV.4.18), Чандрагупта набрал «разбойников» (latrones) и склонил индийцев к смене правления. Любопытно, что древне-

индийская традиция, описывая области с немонархической формой правления в Пенджабе и Северо-Западной Индии, называет их разбойниками, варварами (dasyu). Так, «Махабхарата» (VIII.44) говорит об āgaṭṭa-vāhīkas, которых она помещает в Пенджабе (pañcanadya), как о народе, «достойном осуждения» (varjjanīya) и порвавшем с нормами дхармы (naṣṭadharma). Панини (V.3.114) локализовал в стране Vāhīka республики (saṅghas), характеризуя их как āyudhajīvi saṅghas, т.е. «республики, живущие оружием». Среди народов, достойных осуждения, «Карна-парва» называет также Madras, Vasātis, Khasas и др. У Панини (IV.1.173), например, Madrakaras упоминаются среди āyudhajīvi saṅghas. Madras упоминаются среди республиканских объединений и у Каутильи (XI.1). В Gaṇa-pāṭha (IV.2.53) Vasāti перечисляется среди республик (saṅghas) в группе Rājanyādi. Согласно Арриану (Anab. VI.15), ὁσάδιοι, которых можно идентифицировать с народом страны Vasāti, в период похода Александра в Индию сохраняли автономию. Довольно стойкая древнеиндийская традиция в характеристике вышеуказанных народов Северо-Западной Индии как «достойных осуждения» была связана, по-видимому, с тем, что они представляли собой республиканские объединения, власть в которых не сосредоточивалась в руках единого монарха. Юстин в данном случае, очевидно, лишь передал брахманскую традицию в оценке республиканских объединений.

Бонгард-Левин приводит еще ряд соответствий между данными Мегасфена и надписями Ашоки, которые не только свидетельствуют о правильности сведений «Индики», но и дополняют знания о Маурийской империи. Так, ἑφοροι Мегасфена можно сопоставить с pulisa, а Βραχμῶνας — Σαρμῶνας Мегасфена — с brāhmaṇa-sramaṇas надписей Ашоки. Последнее соответствие представляет особый интерес, так как религиозная жизнь в период ранних Маурьев из-за отсутствия документов этого времени исследована слабо.

«Индика» Мегасфена в интерпретации Шри Рама Гойала. В индийской историографии и в этот период продолжались попытки представить обобщающий труд, посвященный «Индики» Мегасфена. Работа Ш.Р.Гойала²⁷³ была написана под влиянием идей Р.Ч.Маджумдара, не воспринявшего подход Е.А.Шванбека к структуре «Индики» Мегасфена и принципам ее трактовки²⁷⁴. При этом уже в Предисловии автор заявляет о своей несогласии с выводами Маджумдара о неприменимости данных Мегасфена к маурийским реалиям.

Книга Гойала состоит из двух примерно равных частей, посвященных анализу основных проблем, связанных с «Артхашастрой» Каутильи и «Индикой» Мегасфена. Описание в этих текстах Паталипутры, городского чиновничества, наличие навыков письма по КА и его отсутствие по Мегасфену дает автору основание согласиться с мнением О.Штайна о возможности привлечения данных «Индики» для постулирования более поздней даты составления «Артхашастры». Ш.Р.Гойал подчеркивает особенности «Артхашастры» как «инструкции», а не «отчета» по управлению какой-то конкретной областью; он не забывает о том, что эти сочинения относятся к разным литературным жанрам: в отличие от Мегасфена, «нигде нельзя быть уверенным в том, что Каутилья говорит о фактах».

Ш.Р.Гойал призывает отказаться от «иллюстративного» использования данных «Индики» Мегасфена при реконструкции истории древней Индии. Он счи-

²⁷³ Goyal 1985.

²⁷⁴ Majumdar 1960a.

тает, что в значительной части научных работ этот источник используется только тогда, когда его материалы подходят под ту или иную концепцию. Если это не так, они или игнорируются, или объявляются ошибочными, так как Мегасфен якобы не был в состоянии понять окружающую его действительность. В частности, Гойал предлагает буквально понимать сообщение Мегасфена о том, что индийцы не знают искусства письма (так исследователь трактует «*ὑράσματος*» в Strabo. XV.1.53), утверждая, что между письменностью Индской цивилизации и эдиктами Ашоки в истории индийской письменности пролегает ни чем не заполненный бесписьменный период. Разбору этого сообщения Гойал посвящает целую главу (с. 82–100). Основной ее вывод состоит в том, что сообщения Непарха о существовании письменности на северо-западе Индии (Strabo. XV.1.67) не противоречат сведениям Мегасфена об отсутствии письменности в Магадхе. В долине Инда была распространена письменность кхароштии, выросшая из арамейского письма, шрифт брахми появился только при Ашоке фактически «на пустом месте»²⁷⁵.

По словам Ш.Р.Гойала, «проблема достоверности Мегасфена — проблема двусторонняя, для ее решения нужно определить: (а) нужно ли рассматривать все фрагменты, приписанные Шванбеком и Мак-Криндлом Мегасфену, как происходящие из „Индики“ (б) насколько Мегасфен должен рассматриваться как зависимый наблюдатель». Касаясь первого вопроса, он полагает, что издание «Индики» Мегасфена, выполненное Р.Ч.Маджумдаром, «сослужило большую службу», но скептицизм, выраженный этим ученым относительно принадлежности определенных фрагментов самому Мегасфену, в частности тех, где описывается семиклассовое деление индийского общества, завел Маджумдара слишком далеко. Касаясь второго вопроса, Ш.Р.Гойал пришел к выводу, что возможность приложения *Interpraetatio Graeca* к трактовке текста «Индики» Мегасфена должна быть совершенно отвергнута. Практически везде, утверждает Ш.Р.Гойал, Мегасфен представляет не греческую, а индийскую точку зрения. В качестве примера, иллюстрирующего это положение, он приводит легенду о походах Диониса и Геракла в Индию. Он считает, что природа обоих этих персонажей совершенно негреческая, а потому в них нужно искать отражение местной религиозно-мифологической традиции. По его мнению, Мегасфен соединил в Дионисе образы Притху, Индры, Сомы, Санкаршаны-Баларамы и Шивы, а в Геракле — Шивы, Кришны, Ману-Вивасваты.

В целом книга Ш.Р.Гойала «Мегасфен и Каутилья» не привнесла ничего нового в изучение «Индики». Восторженные заявления, высказанные в аннотации к книге относительно «numerous new and challenging ideas for the consideration of Indologists», остаются лишь самовосхвалением. Единственным достоинством книги является критический подход к трактовке «Индики» Мегасфена. Однако очень слабое знание европейской и американской историографии (постоянно цитируемыми работами и явно единственным источником знаний об остальных являются монография А.Далквиста и статья Р.Ч.Маджумдара), истории греческой литературы, неиспользование собственно исторического контекста при анализе «Индики» Мегасфена делают восторженные оценки этой книги²⁷⁶ беспочвенными.

²⁷⁵ Это же заключение в связи с сообщением Мегасфена было высказано и Л.Гопалом (Gopal 1976: 544–552).

²⁷⁶ Nirmala M. Upadhyaya 1992: 82.

«Индики» Мегасфена в работах К.Карттунена. Работа финского историка Клауса Карттунена «Индия в раннегреческой литературе»²⁷⁷, в основном посвященная данным об Индии в греческой этнографической литературе VI–IV вв. до н.э., представляет собой как прекрасное пособие по историографии проблемы, так и достаточно глубокое собственно источниковедческое издание. Если решение какой-либо «загадки», предложенной античными писателями современным читателям, не очевидно, а рамки публикации не позволяют погрузиться в подробный анализ данных по этому вопросу, автор весьма подробно сопоставляет все (редко можно найти какое-либо историографическое упущение) имеющиеся точки зрения, а затем критически выносит свой вердикт, какие суждения справедливы, а какие нет. Для историографии важным представляется один из основополагающих выводов, к которому приходит К.Карттунен: значительная часть информации античных авторов об Индии, вызывавшая у древних недоверие, имеет под собой реальную основу, которую следует искать в мифологической традиции народов Центральной Азии и северо-запада Индии. В том, что касается оценки собственно «Индики» Мегасфена, то К.Карттунен присоединяется к мнению А.Замбрини и О.Мюррея, подчеркивая, что Мегасфен находился под сильным влиянием предшествующей литературной традиции, в частности работы Гекатея Абдерского. Но при этом он полагает, что «Индика» содержит много аутентичных точных наблюдений²⁷⁸.

К.Карттунен также подготовил ряд историографических статей справочного характера по всему спектру проблем взаимоотношений Индии и античного мира,²⁷⁹ где проанализированы основные публикации за конкретный период времени.

Несколько статей К.Карттунен посвятил выделению пласта индийской мифологической традиции в сообщениях античных авторов о различного рода «сказочных» народах Индии и прочих чудесах. Так, он считает, что идеи Р.Шафера²⁸⁰ в трактовке сообщений Ктесия и Мегасфена о «собакоголовых» (Solin. 52.27) не выдерживают критики. Немецкий историк полагал, что «Καλύστριοι» могли появиться в результате ошибки переписчика и правильнее было бы читать «κυλυξेत्र», т.е. видеть в сообщении об этом народе жителей Курукшетры. К.Карттунен показывает, что исправлять текст без особой на то нужды нет смысла, а сообщения о «собакоголовых» должны восходить к данным индийской традиции о «śūnāmukhā»²⁸¹. В другой своей статье К.Карттунен обратился к такому давно обсуждаемому сюжету, как сообщения о р. Шила, в кото-

²⁷⁷ Karttunen 1986a. Книга вызвала довольно критичные рецензии — Fosse 1991: 204–207; Narain 1992: 515–517. У де Йонга наибольшие сомнения вызвала сама идея «Индии в раннегреческой литературе по Карттунену» (de Jong 1992: 63–66). Отметив значительное число заключений, которые он принимает, де Йонг углядел очевидное противоречие в выборе Карттуненом «адресата» для своей книги: с одной стороны, автор замечает, что она предназначена для владеющих греческим и санскритом, с другой — констатирует, что таких специалистов мало. Финальный вывод де Йонга следующий: книга К.Карттунена незаменима для специалистов по связям античной и древнеиндийской цивилизации. В том же ключе, что и работа Карттунена, начата серия статей Фернандо Толы и Кармен Драгонетти (Tola, Dragonetti 1998: 353–377; Tola, Dragonetti 1999: 247–258). Обе статьи представляют собой детальное перечисление всех ссылок на Индию в греческой доэллинистической литературе по нескольким разделам: география, растения, металлы, животные, «дикивинки».

²⁷⁸ Karttunen 1986a: 99.

²⁷⁹ Karttunen 1986a: 73–86. К сожалению, автор сознательно опустил в своем исследовании публикации на русском языке (Karttunen 1986b: 11–20).

²⁸⁰ Shafer 1964: 499–503.

²⁸¹ Karttunen 1984: 31–36.

рой ничто не тонет, но все держится на поверхности²⁸². По его мнению, эта история была передана еще Геллаником Лесбосским и затем воспроизведена Ктесием и Мегасфеном. Она отражает данные индийской эпической, пуранической и буддийской традиций, имеющих параллели в китайских источниках, о Средней Азии или Тибете, скорее всего о р. Яксарт²⁸³. Необходимо упомянуть еще несколько работ финского историка, в которых приводится трактовка данных античной традиции об Индии²⁸⁴.

Вышедшая недавно монография Карттунена «Индия и эллинистический мир»²⁸⁵ явилась своего рода продолжением его предыдущей книги — «Индия в раннегреческой литературе». В нескольких главах автор привлекает материал «Индики» Мегасфена — при анализе данных о религиозно-философских течениях (с. 55–64), географии, флоре и фауне (с. 95–233). Он полагает, что Мегасфен — наиболее ценный и заслуживающий доверия античный источник по Индии, который передавал свою информацию так, как это было бы интересно греческой публике, и при этом был наиболее важным источником информации по Индии для Арриана и Страбона. Поэтому личности Мегасфена и его сочинению К.Карттунен счел возможным уделить специальную главу «Древняя дипломатия. Мегасфен» (с. 69–94), состоящую из пяти небольших очерков.

Первый из них называется «Мегасфен: человек и его миссия» (с. 70–76). Как полагает К.Карттунен, ничего более определенного, чем грек по происхождению, сказать о «биографических» данных Мегасфена нельзя. Он отрицает возможность поиска его родины в Малой Азии (приведя все существующие точки зрения по этому вопросу, он упустил аргументы П.Бернара, которые представляются единственно убедительными²⁸⁶). Дискуссию о причинах смены Мегасфена Деймахом К.Карттунен, очевидно, не считает продуктивной и не склонен видеть в суровом климате основную причину, по которой тот был вынужден покинуть Индию. Мегасфен, по его мнению, мог нанести в Паталипутру как один длительный визит, так и несколько более кратких. Он также полагает, что в чтении пресловутой фразы из «Индики» Арриана (5.3) «συγγενέσθαι γὰρ Σανδρόκοττω λέγει τῷ μεγίστῳ βασιλεῖ Ἰνδῶν καὶ Πόρῳ ἔτι τοῦτου μείζονι (καὶ Πόρου ἔτι τοῦτῳ μείζονι)» с грамматической точки зрения возможны оба варианта — как встреча с Пором и Сандрокоттом, так и только с последним²⁸⁷. В качестве наиболее вероятной «рабочей» гипотезы К.Карттунен предлагает следующую последовательность событий: Мегасфен мог участвовать в индийском походе, встречаться с Пором после его битвы с Александром, служить на посту «младшего офицера» (поэтому о нем нет и упоминаний в источниках) в армии Александра, оставленной им в Индии, а после 305 г. до н.э. отправиться в Паталипутру к Чандрагупте Маурья. Завершая свою трактовку этого сюжета, К.Карттунен пишет: «Досадно, что о посольстве Мегасфена известно так мало. Это толкнуло целый ряд исследователей к выдвиганию тезисов, не подтвержденных реальными данными»²⁸⁸.

²⁸² Существует и прямо противоположная версия этой легенды, согласно которой на этой реке «все тонет и ничего не держится» (см.: André, Filliozat 1986: 365).

²⁸³ Karttunen 1985: 55–65. См. также: Karttunen 1986a: 186–190.

²⁸⁴ Karttunen 1988: 43–52; Karttunen 1990: 85–96.

²⁸⁵ Karttunen 1997a.

²⁸⁶ Bernard 1985a: 132.

²⁸⁷ Противоположную точку зрения см.: Бухарин 1998с; Bongard-Levin, Bukharin 2001.

²⁸⁸ Например, о том, что Мегасфен мог провести четыре месяца в монастыре Aravallī (Brelör 1939: 293).

Второй очерк озаглавлен «Литературные условности и традиции против наблюдений на месте». В нем К.Карттунен обращается к вопросу о тенденциях, оказавших на Мегасфена наибольшее влияние. Он справедливо полагает, что крайние позиции чистой индологии или чистого классического литературоведения не могут дать адекватного понимания «Индики» Мегасфена и что необходимо принимать во внимание как его возможности изучить на месте индийские реалии, так и давление греческой литературной традиции, в частности историков Александра — Неарха, Онесикрита, Аристобула, а также Гекатея Абдерского. К.Карттунен полагает, что влияние предыдущей традиции описания Северо-Западной Индии подтолкнуло Мегасфена на то, чтобы распространить идеализирующую тенденцию и на остальную Индию: при указаниях на отсутствие рабства, писаных законов, судебного процесса и залогов, при описании царских процессий и охоты, стремления индийцев к телесной красоте и страсти к украшениям. Он полагает, что многие вещи могли быть сказаны любопытному иностранцу просто в качестве шутки, и, в отличие от О.Штайна, не считает, что идеализация в «Индике» Мегасфена тождественна сочетанию реального и нереального и просто выдумке. Мегасфен в большинстве своих фрагментов оказывается вполне реалистичным писателем, а небольшое «преувеличение» вполне естественно. По мнению автора, влияние греческих реалий чувствуется в таких сюжетах, как индийские боги, городские чиновники, деление общества на семь «классов», т.е. при обращении к «Индике» как к историческому источнику необходимо проявлять осторожность и критицизм.

В третьем очерке — «Касты или что-то еще» — К.Карттунен (в который уже раз в историографии!) предпринимает попытку интерпретировать деление индийского общества на семь «классов», описанное Мегасфеном. По его мнению, «единственный путь рассмотреть этот вопрос снова — собрать и оценить все относящиеся к делу мнения и теории, предложенные исследователями». Проведя краткий, но достаточно глубокий обзор, он склонен считать, что нет новых гипотез, которые могли бы что-либо изменить в уже существующих представлениях. То, что «классов» было именно семь, не соответствует брахманической традиции, реальное содержание этого пассажа сделано на основе личных наблюдений, а форма передачи — типично греческая.

В следующем очерке — «Индия по Мегасфену» — автор обращается к легенде о походах в Индию Диониса и Геракла, выделяя в ней два пласта: то, что Мегасфен мог узнать от участников похода Александра (сам факт почитания определенных богов в Индии), и то, как он сам насытил эту информацию. Основная тональность этой части работы состоит в том, что окружение Мегасфена не было чисто брахманским или, наоборот, неортодоксальным, хотя Мегасфен, безусловно, встречал брахманов и получал от них информацию (например, по древней хронологии). Наконец, в завершающем главу кратком очерке «Туманные последователи Мегасфена» К.Карттунен привел некоторые данные о Деймахе.

«Индика» Мегасфена в работах А.Замбрини²⁸⁹. Одна из наиболее значительных работ, посвященная изучению «Индики» Мегасфена, принадлежит итальянскому историку Андреа Замбрини. Его исследование «Gli Indika di Megasthene» вышло двумя основными и двумя дополнительными статьями

²⁸⁹ Данный раздел воспроизводит основные положения статьи — Бухарин 2000а: 88–100.

общим объемом около 200 страниц²⁹⁰. К сожалению, до сих пор эти публикации не получили критического отзыва специалистов-индологов, а ссылки на них приводятся лишь тогда, когда нужно указать на современное исследование сочинения Мегасфена²⁹¹; во всяком случае, критический анализ их основных положений пока не предложен и содержащиеся в них выводы известны мало.

Вслед за О.Штайном А.Замбрини считает необходимым рассматривать «Индику» как продукт именно древнегреческой этнографической мысли. Он обращает внимание на то, что политический, исторический и литературный контексты, которые в значительной степени влияли на сложение этого произведения, как правило, не учитывались²⁹². В качестве литературно-исторического контекста исследователь указывает на сочинения Платона — «Государство», «Законы» и «Политик», «Политику» Аристотеля, труды Ксенофонта, Исократы, а политического — на те проблемы селевкидского государства, которые в первую очередь могли волновать Мегасфена (GIM, с. 80, 85; *Idealizzazione*, с. 1105–1106). При такой постановке вопроса соответствие данных «Индики» исторической реальности и ее реконструкция на основе сочинения Мегасфена должны быть сняты с повестки дня; во всяком случае, эта проблема для Замбрини носит второстепенный характер по отношению к течениям, влиявшим на Мегасфена, так как сам он, по мысли ученого, был не профессиональным литератором, но дипломатом (GIM, с. 85; GIM II, с. 797; *Idealizzazione*, с. 1106–1107). В отличие от Б.Брелёра и О.Штайна²⁹³, Замбрини полагает, что «Индика» Мегасфена не предназначалась для описания истинного положения дел в Индии, но должна была служить пропагандистским целям селевкидского государства, а потому индийское общество нужно было представить в идеализированном виде (GIM, с. 94, 101; GIM II, с. 830, 850). Сама праистория Индии должна была быть написана под влиянием факта образования селевкидской монархии, которая испытывала сходные с империей Маурьев проблемы по организации государственных институтов, «освоению новой географической и исторической реальности» (GIM II, с. 784–790, 798, 815). С этих положений начинается первая статья Замбрини, и на их обоснование направлены все четыре работы.

При оценке раннеселевкидской хорографии Замбрини в значительной степени опирается на положения, высказанные в работах О.Мюррея²⁹⁴. По мнению Мюррея, «Индика» Мегасфена явилась прямым ответом на «Египтику» Гекатея Абдерского, целью которой было проведение определенной пропагандистской кампании в раннептолемеевском Египте: Селевк, посетив Египет, должен был

²⁹⁰ Zambrini (далее GIM) 1982: 71–149; Zambrini 1983: (далее *Idealizzazione*): 1105–1118; Zambrini 1985 (далее GIM II): 781–853; Zambrini 1987 (далее *A proposito*): 139–154.

²⁹¹ de Romanis 1996a: 145 (№ 125).

²⁹² Таким образом, до этого вопрос пытался ставить А.Чаттопадхьяй (Chattopadhyay 1973: 344–350), однако выводы индийского историка носят совершенно неправдоподобный характер. В сообщении о том, что всякая индийская женщина готова за подаренного слона отдаться сделавшему этот подарок (Арт. Ind. 17.3), он видит, с одной стороны, пересказ сведений о царских куртизанках (по данным того же Мегасфена, слон был исключительно царским животным), а с другой — продукт влияния греческой действительности, где женщины не обладали свободой ни в малейшей степени: греческий жених не мог до свадьбы даже увидеть лицо своей невесты, в Индии же женщины «пользовались полной свободой в социальных движениях» (!), молодые пары могли свободно встречаться до заключения брака и предаваться любви. Так незавидное положение древнегреческих женщин повлияло, по словам Чаттопадхьяй, на Мегасфена при описании доступности индианок.

²⁹³ Stein O. 1931: 325–326; Brelör 1934a: 31.

²⁹⁴ Murray 1970: 166; Murray 1972: 207–208.

быть поражен размахом этой кампании и инициировать собственную. И практически во всем Мегасфен, как впоследствии и Беросс, следовал модели, составленной Гекатеем: в идейном плане, композиции, выборе сюжетов повествования и, в частности, в описании идеального общества с жесткой неподвижной структурой, разделенного на классы, возглавляемого царем-автократором. И хотя поддержка положений О.Мюррея со стороны Замбрини не была безусловной (GIM, с. 99–101), он не представил никаких новых аргументов, иллюстрирующих правоту и неправоту английского ученого, в чем и проявился один из главных недостатков его исследования — декларативность.

Вопрос о возможности взаимовлияния сочинений Мегасфена, Гекатея Абдерского и Беросса — трех наиболее ярких представителей раннеэллинистической хорографии — требует особого рассмотрения. Прежде всего, надо иметь основания утверждать, что «Индики» написана после «Египтики», что в структуре египетского общества по «Египтике» и индийского — по сочинению Мегасфена имеются совершенно определенные совпадения и что возможные заимствования с исторической и литературной точек зрения были возможны. К сожалению, этого в работе Замбрини не сделано. Если Мегасфен, как он полагает, не был «профессиональным литератором», то вряд ли уместно выводить на первый план сознательно проведенную идеализацию индийского общества на основе греческой литературной традиции и для решения проблем современного ему эллинистического общества. С той же уверенностью можно утверждать, что Геродот и Ксенофонт не были писателями, но, соответственно, путешественником и военным. От дипломата скорее можно ожидать сухого дипломатического отчета, чем грамотно выстроенного литературного произведения. В действительности влияние работы Гекатея на Мегасфена проследить довольно трудно: Египет по Гекатею — источник цивилизации, Индия по Мегасфену — ее воспреемница, индийского царя в изображении Мегасфена нельзя назвать не только автократором, но даже просто строгим правителем. Тезис о зависимости Мегасфена от Гекатея, по крайней мере в том виде, в каком он представлен в работах Замбрини, не может быть признан доказанным.

Итальянский историк полагает, что главная цель «Индики» заключалась в описании идеального государства, общественной и частной жизни на примере индийского общества (GIM, с. 810, 813, 816–817; *A proposito*, с. 143), а моделью для претворения в жизнь этой идеи Мегасфену должен был служить Египет (GIM II, с. 797). Возникает довольно сложная картина: для описания идеального эллинистического общества на основе опыта птолемеевского Египта Мегасфен должен был отправиться в Индию и составить свое идеализирующее описание в «индийских одеждах». Как в свое время О.Штайн²⁹⁵, Замбрини стремится истолковать каждое высказывание Мегасфена, исходя именно из греческого, но — ни разу — из индийского подтекста (GIM, с. 121, 139, GIM II, с. 801–802, 807–808, 826). В частности, упоминания о необычных «сказочных» народностях должны были, по мнению Замбрини, служить созданию еще более идеализированного образа Индии (GIM, с. 79; GIM II, с. 835), усилению «любования» ею (GIM, с. 94), и присутствие в «Индики» этих сюжетов нельзя рассматривать исходя только из индийских реалий (GIM, с. 80). В этом Замбрини видит зависимость Мегасфена от сочинения Ктесия, которое, по его мнению, не характеризуется ни цельностью, ни наличием общего замысла, но явилось основным

²⁹⁵ Stein O. 1921: 42, 63, 110–115, 123, 201–205, 285.

источником информации для последующих поколений античных авторов, писавших об Индии (GIM, с. 130, 138). Замбрини полагает, что «Индика» Мегасфена должна восходить к сочинению Гекатея Абдерского уже потому, что до него греческая литература якобы не знала цельного описания Индии, а содержала лишь набор диковинок и чудес (GIM, с. 102–103, 122, 125)²⁹⁶.

В своем стремлении видеть в «Индики» один лишь продукт греческой этнографической мысли Замбрини нередко проявляет чрезмерное усердие. Так, обращаясь к давно обсуждаемой проблеме семи «классов» индийского общества, представленных в «Индики» Мегасфена²⁹⁷, он поддерживает мысль Б.Брелёра о том, что здесь следует видеть не отражение сословно-кастовой системы²⁹⁸, а исключительно влияние древнегреческой этнографической традиции, постулировавшей желательность жесткого иерархизированного и неподвижного общества (GIM, с. 90; GIM II, с. 802). Это один из наиболее характерных примеров того, как сознательное игнорирование материалов индологии в угоду изначально принятому тезису может сослужить неблагодарную службу. Удивительно, но в своих работах Замбрини ни разу не обратился к материалам индийской традиции: так, разбирая вопрос о семи «классах» в «Индики» Мегасфена, он определил, что сословно-варновая система Индии представляла собой четыре «варны» с многочисленными подразделениями в виде «каст», что, конечно, не соответствует современным представлениям об этом институте²⁹⁹. Главными авторитетами в индологии, особенно в области индийских общественных институтов, для Замбрини являются вполне удовлетворительные для своего времени, но сегодня все же устаревшие работы О.Штайна и Б.Брелёра. При рассмотрении достоверности сообщений о мифических народах Замбрини, кроме трудов этих ученых, не использует ничего, что было написано по этой теме³⁰⁰. Конечно, с некоторыми положениями этих и более поздних работ³⁰¹ можно и не соглашаться, но все они ориентированы на анализ механизма отражения в античной мифологии индийской мифологической традиции, и их игнорирование — явное упущение автора. Слабость индологической базы при постоянном следовании одному и тому же заранее выбранному тезису проявляется в следующем принципиальном положении А.Замбрини: одной из насущных исторических задач Селевкидов, которые определили позицию Мегасфена в отношении Индии, пишет он, была необходимость объединения страны и жесткой централизации управления. Именно этот аспект в деятельности Маурьев и должен был привлечь внимание Мегасфена в первую очередь и повлиять на сложение образа Индии в его изложении (GIM, с. 93; GIM II, с. 843; *Idealizzazione*, с. 1109, 1117). Здесь Замбрини оказался в плену давно устаревших представлений об империи Маурьев как централизованном бюрократическом государстве, полностью контролируемом

²⁹⁶ Между тем в одной из недавних работ (Auberger 1995: 39–51) справедливо указывается на то, что такое описание было представлено уже Ктесием. Нельзя, впрочем, не признать, что многие положения этой работы выглядят весьма сомнительными. Хронологически между сочинениями Ктесия и Мегасфена располагаются еще труды Неарха, Аристубула и Птолемея, которым никак не свойственна фрагментарность.

²⁹⁷ Об этом см.: Бухарин 1997: 138–149.

²⁹⁸ Brelör 1934a: 162; Brelör 1939: 266.

²⁹⁹ Бонгард-Левин, Вигасин 1981: 42; Вигасин, Самозванцев 1984: 132; Wigasin 1990: 121–122.

³⁰⁰ Например: Hosten 1912: 291–301; Shafer 1964: 499–503; West 1964: 242.

³⁰¹ Karttunen 1984: 31–36; Karttunen 1985: 55–65; Karttunen 1988: 43–52. О «рассекречивании» сказочных народов, описанных в античной традиции на основе индийской, говорил и Ж.Дюмезиль (Dumézil 1983a: 46–47).

центральной властью. Вспоминая о наиболее характерных чертах государственного устройства птолемеевского Египта (централизованное управление, наличие царя-автократора, неподвижность и неизменность общественной структуры) должны были, по мысли Замбрини, подтолкнуть Мегасфена к поиску аналогичных институтов в маурийской Индии (GIM, с. 100). Нельзя не отметить, что точка зрения о жестко централизованной системе управления державы Маурьев — наследие историографии 30–40-х годов³⁰².

Замбрини пишет о том, что такие проблемы маурийского государства и общества, как управление отдаленными провинциями, наличие различных этнических групп местного населения, должны были обратить на себя внимание Мегасфена (GIM II, с. 798–799). Но единственным основанием для такой характеристики царской власти в Индии послужил следующий отрывок из «Индики»: «τῆς δὲ χώρας μισθοῦς τελοῦσι τῷ βασιλεῖ διὰ τὸ πᾶσαν τὴν Ἰνδικὴν βασιλικὴν εἶναι» (Diod. II.40.5)³⁰³. Для правильной трактовки этого утверждения необходимо установить, как определяется Индия у других античных авторов и как они описывают этот сюжет. Так, Арриан в «Индики» употребляет для обозначения Индии в целом только выражение ἡ Ἰνδῶν γῆ (2.1; 3.2; 3.7, 9, 10; 15.8). То же выражение употребляется им и в «Анабасисе» (V.3.4), один раз встречается ἡ Ἰνδῶν χώρα (V.6.6). А слово Ἰνδικὴ употребляется также один раз и в качестве прилагательного: ἡ γῆ ἡ Ἰνδικὴ (V.9.4). Также в «Анабасисе» (V.25.1) Арриан называет Индию просто χώρα. Это слово встречается один раз и у Диодора (II.37.3). Однако, за еще одним исключением (II.42.1 — ἡ τῶν Ἰνδῶν χώρα), Диодор везде подразумевает под словом Ἰνδικὴ только Индию в целом (II.35.2–3; II.36.4; II.37.6; II.38.1, 3, 6; XVII.85.3; XVII.89.5; XVII.93.1–2; XVII.108.4). Та же картина наблюдается и у Страбона (XV.1.1, 3, 6, 11–13, 15 и др.). Встречаются также χώρα (XV.1.19), ἡ γῆ ἡ Ἰνδικὴ (XV.1.22). Однако для обозначения пахотной земли и Диодор, и Страбон употребляют только ἡ γῆ (Diod. II.40.5; Strabo. XV.1.50). Более того, в рассматриваемой фразе Диодора Ἰνδικὴ и γῆ не отождествляются, а противопоставляются: приобретение земли частным лицом невозможно, так как вся Индия принадлежит царю³⁰⁴. Кроме того, та же фраза передана и Страбоном: ἔστι δ' ἡ χώρα βασιλικὴ πᾶσα (XV.1.40): словом χώρα Страбон не обозначает обрабатываемую землю в Индии. Таким образом, Ἰνδικὴ Диодора и χώρα Страбона могут быть сопоставимы с понятием gāya. Эта фраза Диодора точно передает одну из основных идей политической теории древней Индии: обладание царем своим царством³⁰⁵. Эта теория имеет определенные черты внешнего сходства со складывавшимися формами отношений земельной собственности в селевкидском государстве, при которых верховным собственником на землю считался царь, а полис был своего рода коллективным клерухом³⁰⁶: при описании структуры семичленного царства ни один из древнеиндийских текстов не использует термин gāja, которым обозначается «царь», «правитель», все они предпочитают термин svami, pati, имеющий значе-

³⁰² Например: Brelör 1935; Raychaudhury 1953: 348; Scheider 1978: 166, 169; Heestermann 1985: 140. Современную точку зрения см.: Fussman 1974: 369–389; подробно эта тема разбирается в работах: Лелюхин 1993: 6–7; Лелюхин 1998: 115–116, 121–128; Вигасин 1998a: 74; Вигасин 1998b: 61–71.

³⁰³ «Вносят же плату за землю, так как вся Индия принадлежит царю».

³⁰⁴ Индия в целом обозначалась словом Ἰνδικὴ, начиная с Геродота. См.: Karttunen 1995a: 157.

³⁰⁵ Романов 1978; Нара 1973.

³⁰⁶ Кошеленко 1979: 230–231.

ние «обладатель», «хозяин». Это и подчеркивает факт владения, обладания государем своего царства³⁰⁷. Теоретически царь как глава общины был владельцем всей земли, что развилось из ведийской традиции, согласно которой никакая земля не может быть отчуждена без согласия *viś* (общины)³⁰⁸. Властелином (*adhipati*) земли называют царя законы Ману (VIII.39).

По мнению Замбрини, влияние Гекатея на Мегасфена проявляется и в следующем: последний опирался на «философов» как авторитетных информаторов, что объясняется «отсутствием местной информации». Кроме того, Мегасфен стремился к научному объяснению чудес, увиденных им в Индии (GIM, с. 144). Хотя Замбрини не оперирует сообщениями индийских источников, он считает, что имеющихся данных достаточно, чтобы говорить о значительном влиянии Гекатея на Мегасфена в описании идеального государства: Мегасфен представил гармоничное, фиксированное по своей структуре, гомогенное, самодостаточное общество, возглавляемое царем-эвергетом, страну, естественно укрепленную и изолированную (GIM, с. 144–145; *Idealizzazione*, с. 1110–1111). Но при всем при этом «Индики» Мегасфена явилась «тонкой репликой» на «Египтику» Гекатея Абдерского, и описание похода фараона Сесостриса в Индию, представленное Мегасфеном, определенно носит «язвительный» характер (GIM II, с. 791). В таком случае остается предположить, что имена всех прочих завоевателей, упомянутых Мегасфеном, — Семирамиды, Набокодоросора, Теаркона и Иданфиса (Strabo. XV.1.6; *Arg. Ind.* 5.6–8), приведены лишь для того, чтобы встроить одного Сесостриса в череду традиционных для греческой этнографии владык-завоевателей. Но этот список настолько устойчив и традиционен, что выделить кого-либо одного не представляется возможным либо нужно признать, что эта «реплика» направлена также против Скифии, Ассирии, Вавилонии.

В диссертации Замбрини изложена настоящая детективная история о появлении «Индики»: во время своего пребывания в Египте Селевк Никатор был поражен новой идеологией Птолемея Сотера — обеспечением жесткой централизованной власти, идеологическим оправданием обращения к местному этническому компоненту, и для показа этого Мегасфен ввел фигуру Сесостриса. Для Селевка было важно пройти те же географические регионы, что прошел Александр, использовать его пример и извлечь из этого похода те же результаты: достичь положения вселенского правителя, стоящего выше регионального сепаратизма. Для этого Мегасфен вводит историю походов в Индию Диониса и Геракла, деяния которых должен был продолжить Александр, а затем Селевк. Однако основы этой легенды, согласно Замбрини, были заложены все тем же Гекатеем, в сочинении которого поход Осириса-Диониса появился на основе истории похода Александра — продолжателя их дела и наследника великих фараонов, поставленных Дионисом (GIM II, с. 785–800; *A proposito*, с. 145–152).

Но при такой трактовке совсем не обязательно Мегасфену было ездить в Индию. Подобного рода сочинение он мог составить в любом регионе государства Селевкидов. Кроме того, история о походах в Индию Диониса и Геракла, в том виде, как ее использует Замбрини, была составлена, как известно, еще до Мегасфена историками Александра (*Arg. Anab.* IV.28.1–2; V.1.5–6; *Curt.* VIII.10.11; VIII.11.2). Замбрини датирует поездку Мегасфена в Индию 303–292 гг. до н.э., когда Селевк решал куда более сложные проблемы: он вел борьбу с Антигоном

³⁰⁷ Sharma 1959: 15; Вигасин, Самозванцев 1984: 159.

³⁰⁸ Sharma 1959: 131.

Одноглазым на западе и должен был урегулировать отношения с Чандрагуптой Маурья на востоке. Поэтому появление «Индики» именно в это время выглядит куда более логичным в связи с установлением взаимоотношений Селевкидов с восточным соседом, чем с выполнением «пропагандистского антиптолемеевского заказа» Селевка Никатора. Кроме того, такой заказ должен был основываться на глубоком доверии между Селевком и Мегасфеном, а это, как убедительно показал Т.С.Браун, вряд ли было возможно³⁰⁹. Замбрини считает, что прославление царя-цивилизатора было частью пропагандистской политики Селевкидов, но образ индийского царя в сочинении Мегасфена скорее напоминает изнеженного «бонвивана», нежели строгого владыку. По мнению Замбрини, «Индику» Мегасфена нельзя использовать для реконструкции индийской истории из-за полной зависимости этого сочинения от древнегреческой литературной традиции и тотальной идеализации описываемого региона, что «проблема Мегасфена не в проникновении внутрь культуры для ее понимания, но в ее использовании для собственных целей» (GIM II, с. 787). Но эту же цель преследовали все греческие этнографы: ведь существование данной традиции заключалось в том, чтобы встроить все прочие традиции в свою, тем более что, по представлениям греков, все люди поклонялись одним и тем же богам, но под разными именами.

Суть «Индики» Мегасфена Замбрини видит в следующем: это было своего рода идеологическое послание, в котором был обрисован образ идеальной автаркичной страны. Идеалы политической, общественной и частной жизни представлены в «Индики» в литературно-творческом ключе. Главным, что привлекло внимание Мегасфена, была общественная жизнь, где наиболее ярко проявилось стремление к идеализации (ее кульминация — постулат об отсутствии рабства) и исконной простоте индийцев (GIM II, с. 831, 834; Idealizzazione, с. 1109), и идея государства как сдерживающего фактора против сепаратизма (GIM II, с. 826). «Индика» Мегасфена — великая утопия, построенная в рамках сухого дипломатического отчета, в которой смешались реальное, историческое и литературное начала, поэтому использовать ее для исторических реконструкций нельзя (GIM II, с. 827, 851–852). Личные наблюдения Мегасфена теряют свою ценность, так как они служат целям глобальной идеализации (GIM II, с. 807). Кульминацией процесса централизации державы Маурьев было правление Ашоки³¹⁰, но потребности борьбы с децентрализацией, проявлявшиеся и ранее, вызвали к жизни тотальный контроль государства над всеми проявлениями общественной жизни, что и привлекло в первую очередь внимание Мегасфена (GIM II, с. 812, 818–819). Но даже там, где Мегасфену не было необходимости прибегать к сознательной идеализации, он, по мнению Замбрини, оказался совершенно несамостоятельным писателем: в том, что касается географии и астрономии, он мог лишь следовать сведениям спутников Александра, дав небольшие уточнения по протяженности Индии (GIM II, с. 827–830, 850). Здесь Замбрини лишь повторил положения работ О.Штайна³¹¹ и отчасти Т.С.Брауна³¹². Остается сожалеть о том, что в работе Замбрини эти утверждения не проиллюстрированы на материале источников и, таким образом, выглядят необоснованными. Выводы о сильной зависимости «Индики» Мегасфена от «Египтики» Гекатея Абдерского и тем более о некоем заказе со стороны Селевка Никатора на идеализирован-

³⁰⁹ Brown 1957: 13–15.

³¹⁰ Zambrini 1976: 165–192.

³¹¹ Stein O. 1931: 284.

³¹² Brown 1949: 171.

ный образ Индии в противовес птолемеевскому Египту остаются совершенно недоказанными.

«Индика» Мегасфена в интерпретации Р.Тхапар. Необходимо отдельно остановиться и на работе Ромилы Тхапар «Мегасфен: текст и контекст»³¹³. Написанная в одном русле с сочинениями А.Замбрини и О.Мюррея, статья индийской исследовательницы выгодно отличается от них тем, что в ней привлечен материал античной и древнеиндийской традиций и «Индика» Мегасфена предстает, таким образом, продуктом влияния двух цивилизаций.

Касаясь вопроса о достоверности сочинения Мегасфена, Р.Тхапар специально оговаривает, что степень достоверности «Индики» не может быть сколь-нибудь определенной из-за фрагментарной сохранности сочинения Мегасфена, неаккуратности его цитирования в последующей литературе и «маргинальности» интереса Диодора, Страбона и Арриана к Индии. Проблема, по ее мнению, усугубляется и тем, что каждый из этих писателей адаптировал данные Мегасфена в соответствии со своими взглядами; например, Страбон, имевший опыт административной работы в Египте, — под влиянием своей практической деятельности, Арриан — под влиянием своих философских взглядов, т.е. вопрос можно ставить не о цитировании, а о приспособлении и адаптации. Вместе с тем она не склонна впадать в крайности, выраженные в работе Р.Ч.Маджумдара, который полагал, что Мегасфен совершенно не понимал индийской реальности³¹⁴. «Пробным камнем» для решения этого вопроса ей служат сообщения Мегасфена о семи «классах»³¹⁵. Р.Тхапар полагает, что предпринимавшиеся попытки трактовать текст Мегасфена исходя только из индийской традиции не являются вполне удовлетворительными, поэтому необходимо привлекать и данные античных источников по политической, социальной и культурной истории, чтобы определить контекст, влиявший на создание «Индики». Такая постановка вопроса и наличие прямых цитат выдают очевидное влияние работ А.Замбрини, но из них Р.Тхапар извлекла необходимое рациональное зерно.

На протяжении своей работы Р.Тхапар последовательно выясняет, какова была оригинальная терминология Мегасфена при описании семи «классов» индийского общества. Ее финальный вывод заключается в том, что Диодор и Страбон сохранили терминологию Мегасфена, в то время как Арриан ее существенно изменил. Она также полагает вполне возможным, что Мегасфен, проведя значительную часть жизни в Кандагаре по соседству с северо-востоком Индии, был в большей степени ориентирован на этот регион, чем на долину Ганга, поэтому «давление» селевкидских реалий на образ Индии у Мегасфена было столь сильным.

Часто Р.Тхапар не может объяснить механизм возникновения «темных мест» «Индики» Мегасфена, которые приводили в замешательство как читателей в древности, так и современных исследователей. Так, она не находит ответа на вопрос, почему Мегасфен называет представителей первого класса индийского общества «философами», а не «жрецами». Нам представляется, что на этот вопрос можно ответить следующим образом: жрецы в греческом мире занимались только собственно жреческими обязанностями, т.е. жертвоприношением и гаданием по внутренностям животных, но не прорицанием. Кроме того, греческий *iερεὺς* занимался жертвоприношением в храме, а индийский — «будучи при-

³¹³ Thapar 1987: 32–61.

³¹⁴ Majumdar 1960a: 273–276.

³¹⁵ Анализ точки зрения самой Р.Тхапар по интерпретации этих сообщений см. выше.

глашенным частным образом» (Diod. II.40.2), т.е. вне связи с τὸ ἱερόν. Таким же образом в греческой литературе строится описание так называемых магов, нигде не именующихся «ἱερεῖς», хотя имеется достаточно сведений об их жреческих функциях (Хен. Сур. VIII.I.73; VIII.III.11; Thuc. II.8.2; IV.133.2; VIII.1.1). Между тем Геродот, упоминая храмы в Финикии, именует их служителей именно «ἱερεῖς», как и египетских жрецов (II.164).

Столь же сложной остается для Тхапар и трактовка сообщения о принадлежности всей Индии царю (это сообщение также понимается ею как принадлежность царю пахотной земли), на что Мегасфена подтолкнуло наличие системы $\chi\omicron\rho\alpha$ βασιλική в селевкидском государстве и государственных земель silā, упомянутых в «Артхашастре» Каутильи. В сообщении о наличии отдельного воинского сословия, не занятого крестьянским трудом, и соответственно, крестьянского — не имеющего оружия и не нуждающегося в нем, — она видит влияние сообщения Аристотеля о том, что оружие должно быть сосредоточено в руках богатых. Но если это так, почему Мегасфен не наделил тогда оружием представителей шестого и седьмого «классов» — самых «представительных» из всех³¹⁶? Сообщения об отсутствии рабов в Индии, по мнению Тхапар, были составлены Мегасфеном исключительно под влиянием общественной структуры Спарты (об этом также см. выше).

Несмотря на отмеченные весьма спорные или недоказанные выводы, статья Р.Тхапар, значительно уступая по объему трудам А.Замбрини, в стремлении рассматривать «Индику» Мегасфена как продукт влияния двух цивилизаций является более современной и основательной.

«Индика» Мегасфена в работах И.Пушкаш. Выводы, к которым приходит Ильдико Пушкаш, прямо противоположны выводам А.Замбрини и Р.Тхапар. Венгерская исследовательница отмечает, что Мегасфен был избран Селевком Никатором в качестве посла к Чандрагупте, ибо обладал не только дипломатическими, но и научными способностями. Анализ сообщений Мегасфена о семи «классах» индийского общества дал ей основания сформулировать следующее: Мегасфен был внимательным наблюдателем, чьи сообщения подтверждаются данными «Артхашастры Каутильи»³¹⁷; «он не только инкорпорировал в свою „Индику“ всю прежнюю информацию об Индии, но и добавил много нового, внес значительные исправления, проявив себя прекрасным наблюдателем и честным дипломатом»³¹⁸.

Довольно подробно тема достоверности сообщений Мегасфена раскрыта И.Пушкаш в статье «Индийские религии в античных источниках»³¹⁹. Касаясь метода работы Мегасфена, она отмечает, что тот обращался к сообщениям своих предшественников и корректировал их. Доказательством этому может служить история индийского мудреца Калана, подвергшего себя самосожжению: спутники Александра были только в курсе существования определенных «небрахманических» течений, Мегасфен же дал довольно подробное их описание. Далее Пушкаш указывает, что достоверность «Индики» все более подтверждается с исследованием каждого сообщения, и при этом Мегасфен постарался сделать свой отчет доступным и привлекательным. По ее мнению, описание пребывания

³¹⁶ Трактовку этого сообщения в связи с интерпретацией варновых установлений см.: Бухарин 1998а.

³¹⁷ Puskás 1987a: 28.

³¹⁸ Puskás 1987b: 143.

³¹⁹ Puskás 1989: 61–66.

в Индии Диониса и Геракла, содержащееся у Мегасфена, говорит о том, что в Индии наряду с гимнософистами продолжали почитаться Индра, Кришна и Шива. Мегасфен также верно передал основы системы «упанаяна», философии санкхья. Обращаясь к описанию ὕλοβιοι, она полагает, что это слово необходимо исправить на ἄλλοβιοι, что даст возможность отождествить их с адживиками. Утверждение довольно спорное, так как сам текст не дает никаких оснований для такого исправления. Подводя итог, И.Пушкаш пишет, что «информация Геродота была основана на слухах, а спутники Александра собрали лишь поверхностную информацию об индийских религиях, но все это было полностью пересмотрено и расширено Мегасфеном, чья исключительная достоверность до сих пор заслуживает восхищения».

Этот вывод развит в ее работе, посвященной индийскому походу Диониса и Геракла. И.Пушкаш признает их традиционные отождествления (Геракл–Кришна; Дионис–Шива; вопрос об отождествлении этих персонажей разбирается в настоящей книге в очерке «Индийский поход Диониса и Геракла в античной литературной традиции») и полагает, что текст Мегасфена может быть понят наилучшим образом, если принять во внимание «метод передачи его обширного запаса знаний», что описание индийских богов может быть названо «честным и заслуживающим доверия», но что свое описание Мегасфен облек в ту форму, которая была бы наиболее близка греческому читателю его времени³²⁰.

* * *

Итак, мировая историография рассматриваемого вопроса прошла долгий путь от не критического собирания фрагментов «Индики» Мегасфена и прямолинейного сопоставления данных античной традиции к исследованию конкретных вопросов, в решении которых нельзя, по выражению Б.Брелёра, пользоваться «топором и мотыгой»³²¹, к признанию того, что каждое высказывание Мегасфена по той или иной проблеме необходимо анализировать абсолютно непредвзято, принимая во внимание как присущие этому труду индивидуальные авторские особенности, так и наиболее характерные черты древнегреческой этнографической литературы в целом.

IV

«Индика» Мегасфена в литературе древности

По словам Страбона (XV.1.6), Мегасфен в «Индики» призывает не верить древним рассказам об индийцах (имеются в виду сочинения об Индии предшествующих ему авторов). В качестве примера такого несогласия Страбон ссылается на сказания о походах в Индию легендарных правителей, среди которых только сообщения о завоевании Индии Дионисом и Гераклом, а впоследствии и Александром, могут претендовать на правдоподобие. Эта история лишь частный случай противоречий между «Индикой» Мегасфена и работами других древних писателей, но случай, заставляющий более подробно рассмотреть место «Индики» в литературе древности.

³²⁰ Puskás 1990: 47.

³²¹ Brelör 1927: 5.

Сам Геродот никогда в Индии не был и черпал свои сведения из сочинений Гекатея Милетского и Скилака. Но он был не только первым греческим писателем, труд которого содержит более или менее связанное повествование об Индии; в книге Геродота была выработана определенная схема, которой историк придерживался при описании варварских стран в целом и в которую в обязательном порядке входило четыре пункта: описание собственно страны, экскурс в историю с перечислением в генеалогическом порядке царей, обзор разного рода диких животных и описания законов, которых придерживались ее жители³²². В отношении Индии эта схема выглядит так: III.98 — замечание о золотодобывающих муравьях³²³ и расположении страны; III.98–102 — рассказ о народах, населяющих ее, и их обычаях (также нужно упомянуть и III.38, где описаны обычаи «каллатиев»; V.3, где утверждается, что индийцы — самый многочисленный народ на земле; VII.70, где говорится о том, что индийцы очень похожи на эфиопов); III.102–105 — описание муравьев, упомянутых в III.98 (Геродот подчеркивает, что эту информацию он получил от персов), верблюдов и климата Индии; III.106 — сообщение об окраине земли, занятой Индией, и о том, чем она в связи с этим примечательна — ее зверях, золоте, деревьях, а главное, о том, что в Индии все — большей величины, чем в других странах.

В целом можно отметить, что индийский логос Геродота в третьей книге выглядит следующим образом: страна — народы (обычаи + диких животных) — растительный и животный мир. Геродоту не доставало сведений по генеалогической истории Индии, и этот пункт отсутствует в его экскурсе. Геродот определил, что все, что растет и живет в Индии, — больше и лучше; это объясняется ее положением на краю ойкумены и особенностями жаркого климата. Именно Геродот заложил основы восприятия Индии в античном мире: наиболее удаленная страна, расположенная на восточном краю ойкумены; самая населенная страна; страна, где все больше, выше, пышнее, богаче. Все это было воспринято и развито на конкретных примерах в «Индики» Мегасфена, особенно при описании плодородия индийской земли (Diod. II.35–36). Однако то, с чем категорически не мог согласиться Мегасфен, это размеры Индии: он пересек страну с запада на восток и точно знал, сколь далеко она простирается за те пределы, которые были обозначены Геродотом.

³²² Jacoby 1909: 89.

³²³ Среди множества попыток «расшифровки» этого мифа упомянем лишь основные: сведения о золоте, добытом муравьями, имеющиеся в индийской литературе; влияние монгольской и тибетской традиций, сведения о монгольских племенах; выдумки для отпугивания конкурентов-золотоискателей; передача данных о лисах, леопардах, гиенах, шакалах, хомяках, сурках, мастифах, барсуках, варапах, ящерах, тибетских шахтерах; муравьи — образное описание песчинок золота (краткие обзоры выдвинутых гипотез см.: Puskás 1977–1978: 71–87; Karttunen 1986a: 171–176). Из неупомянутых в этих обзорах работ укажем лишь: Пессель 1989: 176–185 (горные сурки; старая гипотеза, принять ее мешает то, что сурки рыли свои норы в горах, тогда как муравьи Геродота — в пустыне); Henning 1930. Следует отметить, что эта легенда передает один из традиционных мифов индийской традиции о муравьях, связанных с подземным миром и золотом, содержащимся в нем (Топоров 1982: 327–341; Запорожченко, Черемисов 1997: 87). Возможно, именно последний мотив и сыграл определяющую роль в формировании этого мифа; во всяком случае, ни одна из предложенных «природных», «зоологических» гипотез не выглядит убедительной.

Краткая история изучения «Индики» Ктесия в новое и новейшее время и история использования его материалов предложена К.Карттуненом³²⁴, к труду которого мы и отсылаем читателя.

Мегасфен

и древнегреческая политическая философия IV века до н.э.

Ксенофонт, Платон, Аристотель

Можно считать вполне определенным тот факт, что «Индика» Мегасфена строилась не только по этно- и хорографическим принципам, которые соблюдались в описании индийских чудес (например, Strabo. XV.1.57) и далекого прошлого, но и по политико-философским: материал для описания индийского общества и образа жизни индийцев проходил строгий отбор, использовался только тот, который отвечал требованиям организации идеального государства, выдвинутой греческой политической философией V–IV вв. до н.э. Имеющиеся археологические материалы³²⁵ позволяют утверждать, что в греческой колонизации Востока принимали участие не только «низы» общества — крестьяне, ремесленники и т.д., но и интеллектуальная элита: упомянем, например, о находке на городище Ай-Ханум надписи перипатетика Клеарха из Сол, скопированной им с «максимы мудрецов» в Дельфах. При раскопках Ай-Ханума, на месте которого находилась не столица Бактрианы, а лишь рядовой полис, да к тому же чрезвычайно удаленный от метрополии, найдены гимназий, библиотека, театр, фрагменты философских и драматических сочинений³²⁶. И неудивительно, что Мегасфен, долгое время живший вместе с сатрапом Гедрозии и Арахосии Сибиртием, мог хорошо разбираться в тонкостях греческой этнографической и политико-философской традиции.

Античная традиция не восприняла «Индику» как отражение реального положения дел в далекой Индии. Об этом говорят едкие высказывания Диодора, называвшего обычаи индийцев «весьма своеобразными» и «достойными удивления» (II.39.5), и Страбона, для которого они «странные» и «поразительные» (XV.1.56) и который отказывается верить Мегасфену, описавшему походы Диониса и Геракла в Индию (XV.1.7); Арриан считает, что весь материал, касающийся обычаев Индии, невозможно проверить, поэтому его нужно собрать в отдельное сочинение, чтобы избавить «Анабасис» от лишних и малодостоверных, по его мнению, подробностей (Арг. Anab. V.6.8). Таким образом, сочинение Мегасфена воспринималось последующими поколениями как передача «дикивинок», в число которых помимо традиционных растений, животных, сказочных народностей попали и общественные отношения (притом что «индийские древности» были органично вплетены им в систему собственно греческих исторических представлений). Чтобы определить, с чем было связано такое отношение к «Индики», необходимо выяснить, как представлялось индийское государство в контексте категорий политической философии древней Греции, поставить описание его Мегасфеном в оценочные рамки государственного устройства, как вы-

³²⁴ Karttunen 1997b: 635–645.

³²⁵ См., например: Кошеленко 1979: 155.

³²⁶ Подробнее см.: Пичикян 1991: 221–222; 225–228; 272–274.

работанные греческой политической мыслью до него, прежде всего Платоном и Аристотелем, так и развитые впоследствии (например, Полибием).

Аристотель при рассмотрении разных видов государственного устройства исходит из того, соответствуют или не соответствуют характеризующие законоположения наилучшему государственному строю, не заключается ли в этих законоположениях что-либо противоречащее духу и основному характеру самого их строя (Pol. 1268a). Аристотель считает, что исследование государства как такового должно вестись при учете количественных и качественных характеристик населения: под первыми он понимает численное превосходство той или иной группы населения, под вторыми — свободу, богатство, образованность, благородство происхождения (Pol. 1296b). Государство для Аристотеля — это расписание в должностях, особенно высших (Pol. 1279a; 1289a; 1290a). В соответствии с тем, как они функционируют, государство может являться либо монархией, либо аристократией, либо политией, а при отклонении от этих «правильных» форм — тиранией, анархией, демократией (Pol. 1289a).

И Мегасфену, и его читателям было хорошо известно, что государство в Индии возглавляет царь. Между тем Аристотель провозглашает, что у варваров, к которым он относит и индийцев, царская власть носит характер тирании (Pol. 1285a). Различие между царской властью и тиранией состоит в том, что первая имеет в виду благо всех, а последняя лишь самого тирана. Основанием царской власти служит превосходство одного в добродетели, тирании — желание толпы (проще говоря, произвол), цель тирана — приятное, цель царя — прекрасное (Pol. 1311a). Та же мысль выражена и у Полибия (VI.4.2). Как будет показано на с. 168–169 настоящей книги, происхождение царской власти в Индии от Диониса и Геракла, представленное Мегасфеном, отвечало всем требованиям греческой политической философии по отношению к истинному царю. Помимо заседаний с седьмым «классом», заслушивания докладов от индийских эфоров царь в описании Мегасфена является и верховным судьей (Strabo. XV.1.55), что также отвечает требованиям идеального царя у Аристотеля (Pol. 1312b). При рассмотрении высших должностей Мегасфен определяет, что они могут быть заняты только представителями седьмого «класса», на которых селевкидский посол распространял требования эндогамии и запрета на смену профессии. С одной стороны, такой порядок замещения должностей означал бы крайнюю олигархию (Arist. Pol. 1298a), с другой — этот класс выделялся бы из всех других благородством происхождения и рассудительностью (Diod. II.41.4), справедливостью и мудростью (Arist. Ind. 7.7), а это, по Аристотелю и Платону, необходимый элемент при определении добродетелей правителей (Arist. Pol. 1278b; 1279b; 1281b; Plato. Rep. 338C; 342E), а занятие должностей на основе добродетели является для Аристотеля характерным признаком аристократии (Pol. 1278a). Так же впоследствии утверждал и Полибий (VI.4.3; VI.8.1).

Строй, где власть находится в руках наилучших, и является для Аристотеля наилучшим (Pol. 1288a); он провозглашает желательность постоянного правления наиболее превосходящих в добродетели людей (Pol. 1332b), т.е. порядок занятия должностей на основе «наследственной добродетели» в Индии можно назвать крайней формой аристократии. Некоторое умаление роли царя на фоне «должностей» в картине индийского общества, нарисованной Мегасфеном, вполне отвечает одной из черт наиболее устойчивой царской власти — не рваться к обладанию роли абсолютного властителя и ограничивать свою власть теми или иными способами (Plato Rep. 520D; Arist. Pol. 1313a). Монархию, скреплен-

ную писаными законами, Платон называет наилучшей формой правления (Politic 302E).

Третьей «правильной» формой государственного устройства, по Аристотелю, является полития (по Полибию — демократия³²⁷). Она представляет собой смешение начал демократии и олигархии, т.е. такую власть, когда управление государством осуществляется большинством свободных богатых граждан (Pol. 1265b; 1281a; 1283a). Категория «полития» неупотребима для характеристики индийского государственного устройства. Однако она содержит в себе все три обязательных основания государства: свобода, богатство, добродетель (Arist. Pol. 1294a), наличие которых можно проследить в Индии. И действительно, среди индийцев, согласно Мегасфену, нет рабов (Diod. II.39.5; Strabo. XV.1.54), все почитают друг в друге равное достоинство (Diod. II.39.5), равенство равных является справедливостью на государственном уровне (Arist. Pol. 1279b; 1282b), что и определяет наличие в государстве добродетели (Arist. Pol. 1253a).

Уже Эратосфен решительно отверг теорию Аристотеля, разделившего людей по природным качествам на эллинов и варваров, и призывал различать всех людей только по степени нравственного и гражданского воспитания (Strabo. I.4.5), т.е. мысль о добродетели как одной из основ государственного устройства Индии не должна была шокировать читателя эллинистической эпохи. Богатство Индии всегда подчеркивалось в греческой этнографии еще до похода Александра (Herod. III.116; Curt. VIII.5.3). Полибий выделял еще два начала, которые определяют сущность государственного устройства, — обычаи и законы: «ἐὺ ὅ γὰρ οἶμαι δ' ἀρχὰς εἶναι πάσης πολιτείας, δι' ὧν αἰρετὰς ἢ φευκτὰς συμβαίνει γίνεσθαι τὰς τε δυνάμεις αὐτῶν καὶ τὰς συστάσεις· αὗται δ' εἰσὶν ἔθνη καὶ νόμοι»³²⁸. Страбон и Диодор также неоднократно акцентируют свое внимание именно на тех «обычаях и законах», которые действуют в обозначенном Полибием направлении (Diod. II.36.6; II.35; Strabo. XV.1.53).

К описанию индийского государства Мегасфен применяет категории, употреблявшиеся в древнегреческом мире для характеристики исономии (Diod. II.39.5; Arr. Ind. 10.8–9; Strabo. XV.1.54), которая как политическая категория противопоставлялась тирании и олигархии. Исономия понималась как состояние, при котором среди граждан устанавливается равенство, определенное законом и противопоставляемое любой насильственной форме правления³²⁹. Исономия является характернейшей чертой проектов идеальных государств практически для всех, кто брался за их составление структуры: Фукидида, Платона, Аристотеля, Ксенофонта (последний считал исономию основанием персидской конституционной монархии³³⁰, воплощая в ней и свои чаяния о наилучшем устройстве греческого общества), а также многих других уже после эпохи Мегасфена, несмотря на все различия в оценке государственного управления у этих писателей.

³²⁷ Вопрос об изменении ряда «полития–демократия», представленного Аристотелем, на «демократия–охлакратия» подробно рассмотрен С.Г.Карпюком (Карпюк 1995: 47–49; Карпюк 1996: 44–47).

³²⁸ «Подражания заслуживают те из них, которые вносят благонравие и умеренность в частную жизнь людей, в государстве же водворяют кротость и справедливость; нравы и обычаи противоположные достойны осуждения», — утверждает Полибий (VI.47.1–3. Пер. Ф.Г.Мищенко).

³²⁹ Borechy 1971: 8.

³³⁰ Borechy 1971: 15–16, 23.

Исономия означала не только «равенство перед законом», но и «равенство, устанавливаемое через закон»³³¹. Она определялась греческими писателями IV–III вв. до н.э. как связанная с понятием νόμος, а не ἴσα νόμειν, являвшаяся синонимом понятия «праведность» и определявшая единство населения полиса, как реального, так и воображаемого³³², тогда как тема праведности индийцев была очень заметна в греческой этнографической литературе (Хеп. Суг. VI.11.1–9; Strabo. XV.1.53). Именно такого рода «исономия» была основой индийской праведности. Причиной же, определяющей существование исономии в том или ином обществе, считалось единство происхождения составляющих его граждан (Thuc. I.2.5; Plat. Menex. 238C–239A), а поскольку благодаря Мегасфену в греческом мире было известно, что индийцы автохтонны (Diod. II.38.1), то исономия среди них не выглядела для греков чем-то чужеродным.

Одной из главных проблем, стоявших перед греческой политической теорией, были достижение стабильности в полисе, преодоление опасности внутренних конфликтов. Законодательные реформы V в. до н.э., общий пересмотр законов, принятие специальных мер по их защите инициировали широкое распространение в IV в. до н.э. идеи «власти закона», которая, согласно, например, Аристотелю, подразумевает принудительные меры, регламентацию не только общественной, но и частной жизни³³³. Вероятно, с этим связан и тот факт, что античные авторы часто апеллируют к «законам», благодаря которым в Индии нет голода и страна ни в чем не знает нужды, земледельцы не подвергаются никакой опасности во время боевых действий, а воины не причиняют сельской местности никакого вреда (Diod. II.36.4–7); благодаря «законам», четко регламентирующим структуру общества и запрещающим переход из одного класса в другой (Diod. II.40–41; Arr. Ind.11–12; Strabo. XV.1.39–49), предотвращалась возможность конфликтов между социальными группами, на чем особенно акцентировал внимание Платон в «Законах»³³⁴; согласно учению «древнейших философов в Индии, никто не должен возвышаться или унижаться, но всякий обязан почитать равное достоинство друг в друге, соблюдается равенство перед законом и в правах» (Diod. II.39.5). Таким образом, появление понятия νόμος применительно к частной и общественной жизни индийцев в труде Мегасфена выглядит вполне обоснованным и закономерным в русле античной традиции.

Итак, индийское государство, по Мегасфену, заключало в себе те черты, которые греческая философская мысль считала присущими трем наилучшим формам государственного устройства: царскую власть, аристократию, основы политии (демократии). Согласно же общему определению Аристотеля, самым лучшим и наиболее устойчивым является то государство, устройство которого несет в себе черты нескольких систем (Pol. 1266a). В дальнейшем идеи Аристотеля были развиты и дополнены Полибием, идеи которого о принципах наилучшего государственного устройства стали исключительно важными для всей истории античной политической философии. Он также считал, что наилучшей формой государственного устройства является та, которая соединяет в себе черты трех «правильных» начал — монархии, аристократии и демократии (VI.3.7–8). Полибий утверждал, что такое сочетание даст государству возможность противостоять закону смены «простых» форм государственного устройства их извра-

³³¹ Borechy 1971: 12.

³³² Borechy 1971: 18.

³³³ Суриков 1996: 240–241.

³³⁴ Суриков 1996: 240–241.

ценными противоположностями (VI.10.7). Важно отметить, что в государственном устройстве Индии, которое он рисует, отсутствуют противоположные «правильным» формам государственной структуры черты (Polyb. VI.10.4).

Для Полибия воплощением его идеала являлось государственное устройство Рима, при котором три «правильные» формы правления олицетворялись консулами, сенатом и народом (VI.10.11–13). Полибий выражал опасение относительно того, что ветви власти могут вступать между собой в конфликт, стремясь перетянуть на себя большую часть полномочий (VI.18.1–7). И большинство проектов реформ, предлагавшихся идеологами IV в. («Государство» Платона, «Политика» Аристотеля, «О доходах» Ксенофонта), исходили из положения о серьезной напряженности между различными группировками внутри полиса. Их авторы стремились к некоему согласию, которое обеспечило бы равновесие между политическими и социальными функциями отдельных сословий либо между различными имущественными группировками или властными полномочиями³³⁵. Но индийское государство, описанное Мегасфеном, не оставляет составляющим его частям возможностей для конфликта: и царь, и окружающее его высшее чиновничество управляют страной на основе личной добродетели, в дошедших до современного читателя фрагментах «Индики» нет даже намека на возможность какого-либо конфликта в руководящем сословии Индии. Греческому читателю последующих поколений, знакомому с основами политической философии, индийское государство, о котором рассказал Мегасфен, представлялось именно неким идеалом, в котором отсутствуют недостатки, отмеченные Аристотелем, Платоном, Ксенофонтом, Полибием, но присутствуют все необходимые для идеального государства черты.

В «Политике» Аристотель выступает как сторонник существующего, хотя и редко встречающегося в действительности государственного строя — политики, и в то же время он проектирует некий «наилучший» строй. А.И.Доватур предложил назвать первый условно «образцовым», а второй — условно «идеальным» государственным устройством³³⁶. К тому же Аристотель, критикуя своих предшественников, пытавшихся сконструировать последнее, утверждал, что не следует предлагать ничего заведомо не осуществимого (Pol. 1265a), каковыми ему представлялись их проекты. В двух заключительных книгах «Политики» Аристотель предложил ряд признаков, наличие которых он считал совершенно необходимым в идеальном (не реализуемом на практике) государстве: торговцы и ремесленники должны быть исключены из числа полноправных граждан, так как их образ жизни несовместим с добродетелью; организация земледелия должна предоставлять гражданам возможность как иметь пропитание, так и сдавать часть своей земельной собственности в аренду другим гражданам; все гражданское население должно участвовать в сисситиях; вся общественная земля должна быть поделена на две части: доходы с одной из них должны идти на отправление религиозных культов, другой — на организацию сисситии; также на две части должна быть поделена и частная земля: один участок предоставляется владельцу у границы, другой — у города; брачные законы должны способствовать рождению физически здорового молодого поколения³³⁷. Эти критерии неприменимы к описанию какого-либо негреческого общества, но свое идеальное государство

³³⁵ Суриков 1996: 241.

³³⁶ Доватур 1983: 44.

³³⁷ Доватур 1983: 47–48.

Аристотель, как и Платон, конструировал только для греков. А надежду на практическую реализацию так называемого образцового общества — политики Аристотель возлагал на Александра Македонского³³⁸. При этом, по мысли философа, гражданам политики не нужна была добродетель, превышающая обыкновенную, и воспитание, соответствовавшее самым блестящим идеалам. Такое положение складывалось там, где средний слой количественно превышал богачей и бедняков или хотя бы один из этих слоев³³⁹. Тем самым обсуждение Аристотелем «образцового» государственного устройства было ориентировано как на поиск его среди существующих полисов, так и на практическую реализацию. Оценочные рамки, предложенные для него самим Аристотелем, а также Платоном, наиболее отчетливо видны при описании Мегасфеном общества современной ему Индии.

Целями государственного общежития Аристотель называет «самодовлеющее существование государства» (Pol. 1275b; 1277a; 1326b) и «прекрасную жизнь» (Pol. 1275b; 1324a). Самодовлеющее существование заключается в возможности обеспечить государство продовольствием за счет внутренних ресурсов, недопущении голода или какой-либо недостачи (Arist. Pol. 1326b). Наиболее ярко картина процветания Индии за счет плодородия ее земли, как того хотел Аристотель, представлена у Диодора (II.36.1–6). И надо думать, что, несмотря на фрагментарную сохранность «Индики», описание климата носило не просто зарисовочный характер. Климат, по мнению античных авторов, определяет внутреннюю организацию общества (например, Arist. Pol. 1327a; Curt. VIII.9.20), его описание представляет собой несомненную важность для анализа древнегреческой политической теории.

Кроме того, древнегреческая этнография делает акцент на том, что вплоть до Александра Македонского в Индию приходили с войсками только Дионис и Геракл, а сами индийцы никуда не посылали военных экспедиций (Diod. II.36.3; II.38–39; Strabo. XV.1.6–9; Arr. Ind. 7–9). Происходящее из этого впечатление полной изолированности от внешнего мира, а следовательно, самодовлеющего существования усиливалось и скепсисом Страбона и Арриана относительно правдивости историй об индийских походах Диониса и Геракла (Strabo. XV.1.9; Arr. Anab. IV.28.1–2). Интересно, что Аристотель отмечал несовместимость наличия рабства и самодовлеющего существования (Pol. 1278a), что и засвидетельствовал Мегасфен (Diod. II.39.5; Strabo. XV.1.54; Arr. Ind. 10.8).

«Прекрасная жизнь» заключалась в достижении некоего «среднего» существования (Arist. Pol. 1278a). Государство, основу которого составляли «средние» граждане, имеет наилучшее устройство (Arist. Pol. 1295b). Оно стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, что свойственно людям «средним» (Arist. Pol. 1296a). Им присуща уверенность в жизни, у них средних размеров, но достаточная собственность (Arist. Pol. 1295a-b). В этом же направлении развивается описание обычаев индийцев у Мегасфена: они отличаются скромным образом жизни и не склонны к воровству и сутяжничеству (Strabo. XV.1.53), соблюдают простоту в похоронах и «вообще во всем обиходе» (Strabo. XV.1.54), ни один индеец никогда не был уличен во лжи (Arr. Ind. 12.5). При этом картина «срединного» образа жизни дополнялась необычайным плодородием, гарантировавшим достаток в стране и отсутствие какой-либо нужды.

³³⁸ Доватур 1983: 48–49.

³³⁹ Доватур 1983: 45.

Наиболее многочисленной частью населения наилучшего государства, согласно Аристотелю, должны являться земледельцы (Pol. 1318b, 1338b), как и было в Индии, согласно Мегасфену (Diod. II.40.4; Arr. Ind. 11.9). Но если общая схема построения государства в Индии прослеживается по данным местной традиции, то картина индийского самодовлеющего существования и умеренного образа жизни является исключительно продуктом творчества Мегасфена. И можно с уверенностью сказать, что эти сюжеты Мегасфен, с одной стороны, был «готов» увидеть под влиянием предшествующей литературной традиции, а с другой — искал их сам, стремясь ответить на «проклятые» для современной ему греческой жизни вопросы. Две эти причины и были, как нам представляется, движущей силой, которая определила характер «Индики».

Описанию общественных отношений Индии в греческой литературе до Мегасфена уделялось мало внимания. Если у Геродота они напоминают больше обычаи дикарей, то уже у Ксенофонта индийцы — воплощение добродетели и честности, которым доверяют решение споров между самыми грозными державами эпохи Кира Старшего (Хеп. Суг. VI.II.1–9). «Индика» Мегасфена не стоит в ряду таких произведений, как «Киропедия» Ксенофонта или «География» Страбона. От первого ее отличает наличие явственно выделяемой реальной исторической основы, от второго — цель составления самого труда, которая все же была частичной схожа с замыслом труда Ксенофонта о воспитании Кира Старшего — дать отчет о наилучшей форме государства. Для этого Мегасфен использовал данные местной политической теории, выбрав из нее то, что, на его взгляд, отвечало требованиям, выдвинутой политической теорией греческого мира, а не установками кинической философии, как думал О.Штайн. Античная историко-этнографическая литература развивалась в тесной связи с литературой политико-философского жанра.

Исходя из изложенного, и следует отвечать на вопрос о сознательной или неосознанной идеализации индийской реальности селевкидским послом. «Индика» Мегасфена отразила прежде всего борьбу идей в собственно греческом мире. Практически каждому положению в описании Мегасфеном общественных отношений в Индии соответствует «оптативное состояние» как в греческой политической теории, так и в местной традиции. Мегасфен воспроизводил и реальное положение вещей³⁴⁰, и мир индийских идей в греческих одеждах. Дошедшие до нас фрагменты труда Мегасфена предстают перед исследователем соединенными совершенно определенной системой, внутренней идеей, а не разобщенными. Именно это позволяет сделать вывод о том, что при описании Индии Мегасфен не имел целью идеализировать описываемое, а тем более извратить индийскую реальность. Он был ориентирован на воспроизведение той ее части, тех положений местной мифологической и философско-политической традиции, которые отвечали на вопросы, поставленные в собственно греческом мире. Итак, «Индика», с одной стороны, является произведением историко-этнографического жанра, с другой — сочинением, составленным в рамках дискуссии о наилучшем государственном устройстве, активно протекавшей в греческой литературе, особенно в IV в. до н.э. Обе эти жанровые линии были тесно переплетены между

³⁴⁰ Анализ сообщений Мегасфена о разного рода индийских «чудесах», в том числе о диких народах (Strabo. XV.1.57), показывает, что за ними стоит не только следование сложившимся этнографическим стереотипам, но и отражение подтверждаемых данными санскритских источников местных мифологических сюжетов, интерпретируемых Мегасфеном в русле греческой литературной традиции. Подробно об этом см.: Karttunen 1986a: 130–134; 138–139; 157–190.

собой. Эта особенность «Индики» определила недоверие к ней как в древности, так и среди многих современных исследователей.

Историки Александра и Мегасфен

Индийские «нагомудрецы». Вопрос об отражении индийской философской традиции в сочинениях античных авторов ставится в основном в связи со встречей Александра Македонского с «нагомудрецами»; сообщения Мегасфена о философах вне связи с представленной им «семиклассовой» структурой индийского общества, а просто как о «профессиональных» мудрецах и их доктрине, практически не анализировался³⁴¹. Особенностью данного сюжета является то, что сведения об индийской философии и ее наиболее ярких представителях переносились из одного сочинения в другое, и Мегасфен, конечно, был хорошо осведомлен об опыте общения с индийскими мудрецами своих предшественников из окружения Александра, что проявилось, например, при описании похода Диониса и Геракла в Индию (Diod. II.38–39; Strabo. XI.5.5; XV.1.7–9; Arr. Ind. 7–9; Anab. IV.28.1–2, V.1.5–6; Plin. NH. VI.59, 76, 79; Curt. VIII.10.11, VIII.11.2). Между индийским походом Александра и визитами Мегасфена к Пору и Чандрагупте Маурья прошло не так много времени, чтобы в самом философском процессе Индии произошли какие-то принципиальные изменения. Однако, рассматривая этот материал, необходимо всякий раз оговаривать, какие данные происходят из долины Инда, где побывали спутники Александра, а какие относятся к иному региону — бассейну Ганга. Учение многочисленных индийских философских школ сильно отличалось в зависимости от региона. Поэтому, прежде чем провести анализ данных античной традиции об индийских гимнософистах, представляется необходимым дать краткий обзор состояния индийских религиозно-философских течений к концу III в. до н.э.

Ко времени посещения Мегасфеном Индии шраманские течения еще не размежевались настолько далеко, чтобы по отдельности привлечь внимание непосвященного иностранца. Это хорошо согласуется с данными самих индийских источников³⁴². На северо-востоке Индии было сильно брахманское влияние, что было хорошо известно как Мегасфену, так и тем авторам, которые участвовали в кампании Александра³⁴³. Однако есть данные и о том, что уже в раннемаурийское время в северо-восточных регионах Индии значительно усилилось влияние буддизма и что этот регион служил своего рода отправной точкой буддийских миссий в южные регионы Индии³⁴⁴.

Рассмотрение того, кто же были эти новые учителя, по данным буддийских источников позволяет провести четкую разграничительную линию между сторонниками строгого аскетизма, так называемыми тапасинами³⁴⁵, жившими милостыней и поддержкой мирян под руководством своего лидера, и более умеренным, но весьма аморфным направлением «паривраджаков»³⁴⁶ — членов довольно свободных общин как брахманской, так и «оппозиционной» направ-

³⁴¹ Можно упомянуть использование материалов «Индики» Мегасфена в связи с рассмотрением доктрины Упанишад (Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 51–53).

³⁴² Bongard-Levin 1980–1981: 54.

³⁴³ Bongard-Levin 1980–1981: 54.

³⁴⁴ Gen'ichi Yamazaki 1982: 13–15.

³⁴⁵ От санскритского *tapah* — «жар» умерщвления плоти.

³⁴⁶ От санскритского *parivraj* — ходить вокруг, путешествовать.

ленности, собиравшихся в основном в период дождей и проводивших время в групповых передвижениях по североиндийским областям³⁴⁷. Интересно, что четверо из шести знаменитых «еретических» учителей эпохи Будды принадлежали к суровым аскетам — адживикам, отличавшимся помимо отсутствия одежды культивированием трудных положений тела, игнорированием любых проявлений цивилизации, вплоть до миски, строгим вегетарианством и приверженностью ахимсе³⁴⁸. «Каноническим» набором проблем, обсуждавшихся паривраджиками, были вопросы о вечности и конечности мира, посмертное существование, идентичность одушевляющего принципа и тела³⁴⁹. Наиболее приближенными к царям Северо-Восточной Индии в поздневедийскую эпоху советниками были те, кто придерживался небрахманской ориентации³⁵⁰.

Среди сообщений античных авторов об индийских философах наибольший интерес в историографии (как антиковедческой, так и индологической) вызывали гимнософисты — «нагие мудрецы», описание которых содержится практически у всех авторов, так или иначе затрагивавших историю Индии. Тема эта изучена достаточно хорошо, особенно в том, что касается более поздних источников: Климента Александрийского, Порфирия, Бардесана³⁵¹. Практически все древние авторы недвусмысленно связывают описание гимнософистов с северо-западом Индии, так как оно дано сподвижниками Александра в истории его индийского похода³⁵². Относительно реальности встречи Александра Македонского около Таксилы с индийскими мудрецами есть разные точки зрения: одни ученые признают, что в этом нет ничего не возможного³⁵³, другие придерживаются противоположного мнения³⁵⁴. При этом современные исследователи согласны между собой в том, что Онесикрит, давший наиболее подробную информацию по этой теме, сильно преувеличил свою роль. В его функции входило не ведение споров с философами, а лишь установление с ними контакта для Александра. Тем не менее Г. Хансен утверждает, что без Онесикрита наши знания о кинизме времен Александра были бы существенно уже, а высказывания Дандамиса в передаче Онесикрита содержат не жемчужины индийской мудрости, но ходячие темы популярной греческой стоически-кинической философии³⁵⁵; точно так же в ответах гимнософистов на вопросы Александра нет никакой глубокой философии, но лишь одно острословие³⁵⁶. В историографии встречаются еще более категоричные высказывания о том, что Онесикрит представил индийских аскетов как живой пример кинической мысли³⁵⁷.

³⁴⁷ Шохин 1993: 78, 86.

³⁴⁸ Шохин 1993: 80.

³⁴⁹ Шохин 1993: 118–119.

³⁵⁰ Шохин 1993: 72.

³⁵¹ Основную литературу см.: Бонгард-Левин 1985b: 66–72.

³⁵² Г.М.Бонгард-Левин считает, что Мегасфен также мог быть причастен к описанию «наго-мудрецов» (Бонгард-Левин 1973a: 246). В источниках, однако, нет никакой информации о том, что Мегасфен встречался с ними.

³⁵³ Derrett 1961: 65; Hansen 1965: 356.

³⁵⁴ Sedlar 1980: 69. См. резко критичную рецензию: Karttunen 1987: 211–213.

³⁵⁵ Hansen 1965: 354–357. В том, что касается собственно коротких ответов на вопросы Александра Македонского, такой же точки зрения придерживался П. Ле Вале (Le Valey 1992: 63); вместе с тем он справедливо критиковал исследователей, которые принимают тезис об исключительно киническом содержании всего, что было передано Онесикритом (Le Valey 1992: 69–70), в частности, относительно краткого экскурса в историю человечества и стремления укрепить духовные силы приучением тела к труду, высказанного Манданием (Strabo. XV.1.65).

³⁵⁶ Le Valey 1992: 61.

³⁵⁷ Brown 1949: 39–45; Sedlar 1980: 71.

Образ жизни индийских аскетов — одна из главных достопримечательностей, встреченных в Индии Александром Македонским. Это явление не имело аналогов в греческом мире, поэтому неудивительно, что греки этим очень интересовались. Вероятно, правильнее было бы поставить вопрос об интересе греческих писателей не столько к образу жизни аскетов в целом, сколько к двум его проявлениям: наготы и йогической практике, ведь именно эти два аспекта наиболее часто попадают в их поле зрения.

Современная индология допускает отождествление индийских «нагомудрецов» с адептами каждого из основных религиозных направлений древней Индии³⁵⁸. Нельзя не согласиться с мнением В.К.Шохина, согласно которому всякого исследователя, стремящегося идентифицировать гимнософистов на основании данных Мегасфена, разделившего индийских философов на брахманов и гарманов (Strabo. XV.1.59), постигнет разочарование: и «брахманы», и «гарманы» наделяются сходными атрибутами, и «неортодоксальным» аскетам приписываются черты «ортодоксальных». Средневековые описания доктрины нагих аскетов не содержат ничего специфически индийского и поэтому вряд ли могут помочь в определении их принадлежности³⁵⁹. Однако нельзя вслед за В.К.Шохиным *a priori* отвергать возможность того, что в число гимнософистов могли быть зачислены и последователи буддизма, на том основании, что среди отличительных признаков нагих философов нет ничего специфически буддийского: почитание учителя, каких-либо культовых объектов (типа ступы), монашеских собраний, желтой одежды³⁶⁰. Думается, что вопрос должен стоять в другой плоскости: можно ли найти среди отличительных признаков гимнософистов те, что могут быть отнесены именно к буддистам. Ведь внимание греческих авторов, которые описывали индийских мудрецов, было привлечено, прежде всего, их наготой, аскетическим подвижничеством и уже во вторую очередь — их доктриной.

Г.М.Бонгард-Левин полагает, что данные Страбона о гарманах (XV.1.60) напоминают описание бродячих аскетов-джайнов, ходивших из деревни в деревню в поисках милостыни³⁶¹; нагих мудрецов он связывает с джайнскими монахами, оговаривая, что общий колорит больше напоминает брахманских аскетов³⁶². Описание прамнов, по его мнению, может являться отражением образа буддистов, которые оспаривали, как и прамны Страбона, истинность брахманической традиции, считая, что у брахманов нет никаких прав на то, чтобы претендовать на обладание истиной³⁶³.

Оригинальную точку зрения по вопросу об отождествлении индийских аскетов с тем или иным направлением религиозно-философской мысли высказала американская исследовательница Дж.Седлар. Она считает возможным определять описанных греческими авторами аскетов как представителей брахманских учений. По ее мнению, греки могли полагать, что брахманы ведут только аскетический образ жизни, а Мегасфен словом «гарманы», т.е. шраманы, мог обозначить любого аскета, вне зависимости от его идейных установок, верно передав

³⁵⁸ Шохин 1988: 238.

³⁵⁹ Шохин 1988: 240.

³⁶⁰ Шохин 1988: 241. Противоположную точку зрения см.: Бонгард-Левин 1973а: 246–247. Однако, кроме того что последователи буддизма могли входить в число гимнософистов, ничего более определенного сказать нельзя.

³⁶¹ Bongard-Levin 1980–1981: 52

³⁶² Бонгард-Левин, Карпюк 1982: 42.

³⁶³ Bongard-Levin 1980–1981: 52–53.

основное значение термина śramaṇa — «аскет». Таким образом, отождествление гарманов с буддизмом или джайнизмом не имеет, по ее мнению, никаких оснований³⁶⁴. На наш взгляд, среди аскетов как таковых могли быть, конечно, и представители брахманских учений. Однако Седлар упускает из виду то, что Мегасфен совершенно определенно разделил индийских философов на брахманов и гарманов (Strabo. XV.1.59), и потому они не могли быть отнесены к одной группе. Понятие «аскет» не может быть названо основным значением термина śramaṇa, скорее, это «старающийся», «прилагающий усилия», «стремящийся». Да и Непарх говорит, что часть брахманов ведаёт государственными делами (Strabo. XV.1.66), что вряд ли сочетается с аскетическим образом жизни.

Рассматривая вопрос об отождествлении гимнософистов с определенным религиозно-философским направлением, В.К.Шохин провел анализ данных античной и средневековой традиций о нагих аскетах в индийской и неиндийской традиции и пришел к выводу, что они более всего напоминают бродячие «узкие группы» адживиков и близких к ним течений во главе с учителем. На это указывает и их нагота. Вместе с тем джайны-дигамбары также давали обет отказа от ношения одежды. Самоограничение в собственности является непереносимым условием образа жизни брахманских лесных отшельников, адживиков и джайнов-дигамбаров, вегетарианство и сыроедение может быть отнесено к последователям этих же трех направлений, равно как и непричинение вреда всем живым существам — ahimsā (последнее является отличительным признаком всех религиозных направлений Индии). Описание брачных отношений индийских философов, тренировки тела также не дают точного ответа на вопрос об их доктринальной принадлежности: женщины могли участвовать в жизни всех рассматриваемых религиозных общностей, йогическая практика также была свойственна им всем. Молитвенная практика и жертвоприношения указывают на аскетов-брахманов, прорицания и гадания могут быть отнесены к отличительным признакам любого из упомянутых выше направлений. Большинство же отмеченных черт может быть отнесено к адживикам и джайнам, с которыми Шохин и предпочитает соотносить индийских «нагомудрецов»³⁶⁵.

Одной из наиболее значительных работ последнего времени, посвященных отражению индийской философии в античной традиции, является статья Поля Ле Вале «Во что верили гимнософисты?»³⁶⁶. На обширном материале античных и индийских источников автор стремится проследить параллели между учением «нагомудрецов» и греческим скептицизмом, намечая пути проникновения идей этого учения из Индии в античный мир. Ход мысли П.Ле Вале таков: идеи Пиррона Элидского — основателя скептицизма и идеи Санджаи — одного из основных шести шраманских учителей времени Будды совпадали в их логическом учении, а именно в применении в ходе дискуссии «квадрилеммы», которую Пиррон мог опосредованно заимствовать из учения Санджаи, а также в определении конечной цели философствования: атараксия у Пиррона и избавление от радостей и печалей у гимнософистов. Поскольку известно, что Пиррон принимал участие в индийской кампании Александра Македонского и имел с ними контакты, то исходя из «доказанного» типологического сходства учений Санджаи и Пиррона можно сделать вывод о сходстве учений Санджаи и гимнософистов³⁶⁷.

³⁶⁴ Sedlar 1980: 258.

³⁶⁵ Шохин 1988: 242–249.

³⁶⁶ Le Valey 1992: 61–84.

³⁶⁷ Le Valey 1992: 64–68.

П.Ле Вале утверждает, что только через гимнософистов тянется нить от Санджаи к Пиррону. Отождествив учение Пиррона и Санджаи на основании единственного признака — сходства их логики (второй признак — конечная цель философии — был взят уже у самих гимнософистов, а не у Санджаи) и базируясь на одном лишь упоминании у Диогена Лаэртского (IX.61) встречи Пиррона с гимнософистами, автор приравнивает его учение о логике к идеям Санджаи в передаче гимнософистов.

Развивая эту тему, П.Ле Вале стремится проследить влияние Санджаи на гимнософистов и в их стремлении к наготе. Последовательность предложенных аргументов в целом такова: и Пиррон, и Санджая — скептики, в их логике, а также в цели практической философии есть черты сходства. Пиррон был в Индии и встречался с «нагомудрецами», от которых он мог позаимствовать свое учение. Есть косвенные данные, что Санджая, пропагандируя свое учение, делал это, будучи нагим. А так как гимнософисты были его последователями, что уже и не оспаривается, то и их нагота позаимствована от Санджаи. Следовательно, гимнософисты, которых можно вслед за Санджаей также назвать агһаикас (агностиками), в главном являлись его последователями³⁶⁸.

Что касается последнего принципиального определения, то в качестве аргумента исследователь предложил лишь общее описание индийских агностиков в джайнской и буддийской традиции как изворотливых спорщиков, отстаивавших противоречащие одна другой идеи³⁶⁹. Если применительно к гимнософистам автор имеет в виду афористические ответы десяти пленных мудрецов Александру Македонскому, то он сам признает, что в этих ответах нет ничего от индийской мудрости³⁷⁰. Образ сосредоточенных и малообщительных гимнософистов, которые самостоятельно не искали встречи с кем-либо, никак не согласуется с образом болтливых спорщиков, «изворачивающихся, словно угри», представленным в буддийской традиции. Лучше всего он подходит к посвящавшим себя в основном спорам и дискуссиям так называемым прамнам, описанным у Страбона (XV.1.70), которых античная традиция отличала от гимнософистов.

По сути, вопрос сводится лишь к появлению «квадрилеммы» в системе Пиррона, которая могла быть заимствована им от Санджаи. Вероятность того, что сходная схема логического рассуждения могла принадлежать нескольким философским школам в Индии, автором во внимание не принимается, однако известно, что индийский аналог квадрилеммы — чатушкотика является достижением буддийской мысли, и эта схема использовалась многими группами шраманов, а нововведением скептиков — последователей Санджаи — может считаться пятичленная схема негативной предикации в отношении каждой из альтернатив тетралеммы³⁷¹, что является прямой ей противоположностью. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что это сходство, во-первых, неполно, т.е. не может считаться заимствованием, а во-вторых, не только последователи Санджаи, но и последователи джайнизма могут претендовать на то, что их идеи были переданы Пиррону. Так, сам П.Ле Вале говорит, что джайнизм заимствовал свою схему логического рассуждения от Санджаи³⁷², а эта схема включает в себя не

³⁶⁸ Le Valey 1992: 68.

³⁶⁹ Le Valey 1992: 68.

³⁷⁰ Le Valey 1992: 61.

³⁷¹ Лысенко, Терентьев, Шохин 1994: 158.

³⁷² Le Valey 1992: 72–73.

четыре, а семь элементов, и только два пункта совпадают у Пиррона и Санджай в передаче джайнов: «может быть, да» и «может быть, нет». Следуя П.Ле Вале, необходимо будет признать, что если Пиррон и заимствовал что-либо, то только скептическое отношение к возможности человеческого познания: в обыденной жизни он не вполне придерживался своих философских установок, и тот же Диоген Лаэртский говорит, что Пиррон следовал закону и обычаю, а это совершенно неприемлемо для гимнософистов (Strabo. XV.1.65). К тому же в цитируемом отрывке сочинения Диогена Лаэртского (IX.61–63) приводятся данные, не позволяющие постулировать прямое влияние учения гимнософистов на Пиррона: он лишь сопровождал Анаксарха во время встреч последнего с ними, а толчком к развитию его скептицизма послужило не влияние гимнософистов, а реплика одного из индийцев, упрекнувшего Анаксарха в том, что он пляшет под царскую дудку, но при этом позволяет себе упрекать других.

П.Ле Вале стремится показать, что гимнософизм вобрал в себя черты, свойственные таким религиозно-философским течениям, как джайнизм, адживикизм, локаята. С джайнизмом его могут роднить «прикладная» этика, параллель которой американский исследователь видит в явственном акценте джайнизма на ахимсу, а также уже упоминавшееся сходство логических систем джайнов и гимнософистов, взятое у Санджай³⁷³; с последователями локаяты — отрицание реинкарнации или по крайней мере тот факт, что лидеры гимнософистов не придавали идее перерождения большого значения³⁷⁴. Между тем о взглядах нагих мудрецов на происходящее после смерти ничего не известно. Даже ответ одного из них Александру Македонскому на вопрос о том, кого больше, живых или мертвых: живых больше, чем мертвых, так как мертвых уже нет (Plut. Alex. 64), — не служит аргументом: речь идет только о том, что умерших нет среди живых, но ни слова не говорится о форме их посмертного существования и наличии или отсутствии такового. Приписывать же гимнософистам отрицание идеи перерождения или невнимание к ней только потому, что сегодняшнему исследователю ничего не известно об этом, или потому, что Санджая был к ней склонен, вряд ли методологически оправданно.

То же может быть сказано и относительно того, что Аристобул якобы «перепутал» гимнософистов с брахманами, описывая двух из них в лагере Александра (Strabo. XV.1.61). Этот факт не вписывается в схему, предложенную автором. Среди «современных исследователей», на которых ссылается Ле Вале, придерживающихся такой же точки зрения, отмечен только Т.С.Браун. Между тем один из фрагментов «Индики» Арриана (11.7) можно рассматривать как свидетельство в пользу того, что значительную часть нагих мудрецов составляли именно брахманические аскеты: «οὗτοι γυμνοὶ διαιτῶνται οἱ σοφισταί, τοῦ μὲν χειμῶνος ὑπαίθριοι ἐν τῷ ἡλίῳ, τοῦ δὲ θέρεος, ἐπὶ ὃ ἡλιος κατέχη, ἐν τοῖς λειμῶσι καὶ τοῖσιν ἔλεσιν ὑπὸ δένδροις μεγάλοισιν, ὧν τὴν σκίην Νέαρχος λέγει ἐς πέντε πλέθρα ἐν κύκλῳ ἐξικνέεσθαι, καὶ ἂν καὶ μυρίους ἀνθρώπους ὑπὸ ἐνὶ δένδρεα σκιάζεσθαι»³⁷⁵. Этот отрывок, вероятнее всего, полностью восходит к Неоарху, и включение его Аррианом в описание «софистов», представлявших первый «класс» индийского общества, может говорить о том, что софис-

³⁷³ Le Valey 1992: 71.

³⁷⁴ Le Valey 1992: 74–75.

³⁷⁵ «Эти софисты жизнь проводят нагими, зимой — под открытым небом на солнце, летом же, когда солнце печет, на лугах и в низинах под огромными деревьями, тень вокруг которых, как говорит Неоарх, достигает 5 плетров, и в тени одного дерева может укрыться 10 000 человек».

ты Неоарха, во всяком случае в значительной своей части, имели схожие черты с софистами (философами в передаче Диодора и Страбона) Мегасфена по варново-религиозной принадлежности.

Согласно П.Ле Вале, гимнософисты в целом являлись растущей, изменяющейся философской группой, открытой для новых идей и занимающей положение между джайнами и последователями локаяты с небольшим влиянием идей адживикизма и буддизма³⁷⁶. Автор претендует на то, что открыл неизвестное по индийским источникам отдельное философское течение. По его мнению, последователи гимнософизма впоследствии растворились среди сторонников локаяты и адживикизма³⁷⁷, что и может объяснять отсутствие какой-либо информации о них как отдельно взятом направлении. Однако реальных оснований для такого оптимистичного заключения немного: с джайнами гимнософистов роднит лишь приверженность нагоде³⁷⁸, хотя даже не все направления джайнизма следовали этому принципу. То, что гимнософисты разделяли логическое учение джайнизма, так и осталось *argumentum ex silentio*.

Вместе с тем у нас нет оснований впадать в чрезмерную подозрительность и видеть в гимнософистах киников, представленных Онесикритом в индийских одеждах. В данных античной литературы о «нагомудрецах» можно рассмотреть свидетельства собственно индийских источников, однако попытки однозначно определять гимнософистов как приверженцев того или иного религиозно-философского направления, достоверно известного на основе местной традиции, не ведут к успеху, ибо авторов сочинений об Индии, пришедших с армией Александра Македонского, как и приехавшего с дипломатическим поручением Мегасфена, интересовали совершенно другие сюжеты.

В сочинениях античных авторов сохранилось немного сведений об учении гимнософистов. Практически вся имеющаяся информация касается их необычного образа жизни и организации их сообществ. Это может быть связано с тем, что спутники Александра Македонского мало интересовались их доктриной. В то же время Мегасфен сообщает довольно подробные сведения об учении «философов», а его информация относительно «гарманов» касается только форм их организации и деятельности. Из его «Индики» об учении гарманов известно лишь то, что это направление философов не удерживается «от обычных рассказов об Аиде, поскольку... эти рассказы способствуют благочестию и святости» (Strabo. XV.1.60).

При описании индийских философов Страбон помимо разделения на брахманов и гарманов упоминает разделение на брахманов и прамнов, не называя прямо автора этого сообщения. Описывая образ жизни последних, он отмечает, что они занимаются аскетическим подвижничеством, «упражняясь в выносливости до 37 лет, как я [т.е. Страбон] уже говорил выше» (Strabo. XV.1.70). Последние его слова могут указывать только на отрывок из «Индики» Мегасфена, цитированный Страбоном при описании образа жизни философов-брахманов, где говорится, что последние ведут аскетический образ жизни в течение 37 лет (Strabo. XV.1.59). Вероятно, Страбон, относясь к информации об индийских философах и их учениях с большим недоверием (XV.1.58–59), не различил, кто живет таким образом 37 лет, а кто до 37. Вместе с тем это может указывать на то,

³⁷⁶ Le Valey 1992: 68, 72, 78.

³⁷⁷ Le Valey 1992: 78.

³⁷⁸ Такого же мнения придерживается и Г.М.Бонгард-Левин (Bongard-Levin 1980–1981: 53).

что источником сообщения об образе жизни и учении философов-брахманов и прамнах был один и тот же текст — «Индика» Мегасфена.

По вопросу об отождествлении так называемых прамнов существуют различные точки зрения: «прамны» — испорченная форма «гарманов», притом что правильная — «сарманы» (от śramaṇa), как у Климента Александрийского³⁷⁹. В.Хальбфасс, ссылаясь на Г. де Любака, высказывает остроумное предположение о возможной связи греческого πρᾶμνοι с санскритским grāmāṇa/grāmāṇika, т.е. с дискурсистами, философами-рационалистами³⁸⁰. Однако еще в 1931 г. эта этимология, предложенная в свое время Э.Р.Биваном в «Кембриджской истории Индии» (т. 1, с. 421), оспаривалась в работе Л.Д.Барнетта «Прамны». Против нее говорят следующие соображения: палеографически трудно представить, как из grāmāṇa/grāmāṇika получились πρᾶμνοι; у ведийских брахманов также были свои grāmāṇa; значение этого слова не может быть определено как «противник брахманов», но — «имеющий авторитет», «достоверный»; сам отрывок «Географии» Страбона, где идет речь о прамнах, никаким образом не подразумевает какой-либо оппозиции внутри брахманского течения. Однако искажение «śramaṇa» как источник происхождения слова πρᾶμνοι также маловероятно. Барнетт полагает, что πρᾶμνοι произошло от санскритского prajñāḥ в значении «носители практической мудрости», «хитрецы». Происходили они из небрахманских школ, растворившихся со временем в джайнизме и буддизме. Этимологическое толкование, предложенное автором, таково: корень -jñ в пракрите давал — jñ, -jñ или -jj, и prajñāḥ таким образом превратилось бы в πρᾶμνοι/ πρᾶμναι³⁸¹, а затем и в πρᾶμνοι.

Г.М.Бонгард-Левин находит определенные параллели между описанием прамнов в античной традиции и отношением к брахманам и их учению, зафиксированном в ряде буддийских текстов³⁸². Следует отметить, что само слово πρᾶμνοι никак не связано с чем-либо, указывающим на принадлежность прамнов к буддизму. Известно, что Будда игнорировал публичные дебаты и любил вести свои беседы в укромных местах, сформулировав свое отношение к этому следующим образом: «Когда спор начался, мудрец не должен вступать в него»³⁸³. Таким образом в повседневной жизни вне общины буддистам предписывалось избегать выяснения отношений с кем бы то ни было. Интересно, что сама буддийская комментаторская традиция четко ассоциирует понятие lokāyata с деятельностью полемистов, специализировавшихся в словесных ухищрениях для опровержения любой точки зрения оппонента без раскрытия своей собственной³⁸⁴. Эта информация хорошо согласуется с предложением В.Хальбфаса. В «Законах Ману» упоминается некий знаток «науки аргументации» (hetuśāstra), который в случае, если эта наука заставляет его пренебрегать Ведами и дхармашастрами, должен быть изгнан из общества «дваждырожденных» как отрицатель (nāstika) и «хулитель Вед»³⁸⁵. Впрочем, существовало несколько групп «спорящих», описание которых похоже на прамнов в пересказе Страбона. Например, ветантавадины — «расщепители волос» — искушали своими «двурогими

³⁷⁹ Hansen 1965: 361.

³⁸⁰ Halbfass 1991: 204.

³⁸¹ Barnett 1931: 285–290.

³⁸² Бонгард-Левин 1973а: 246.

³⁸³ Цит. по: Лысенко, Терентьев, Шохин 1994: 168; см. там же, с. 175.

³⁸⁴ Васильев 1869: 8–10.

³⁸⁵ Шохин 1993: 162.

вопросами», любой ответ на которые приводил к поражению оппонента, не брахманов, а Будду³⁸⁶. Буддийские и джайнские тексты представляют четыре группы скептиков, отделяя, таким образом, себя от них и давая им общее название — *amaṛāvikkharīka* — «приверженные искусству высказываться, как угри»³⁸⁷. Адживики не упоминаются и не могут упоминаться в связи с этим направлением: их доктрина подразумевала абсолютную неэффективность всякого действия, тогда как, следуя данным буддийских и джайнских источников, скептики исповедовали идеалы умиротворенности и моральной чистоты³⁸⁸, что может соответствовать активной этической позиции гимнософистов.

Следует предположить, что прототипами прамнов могли стать последователи локайаты или учения, близкого к нему: среди тех, кого именовали *nāstika*, локайатики занимали одно из ведущих мест, так как отрицали не только авторитет Вед, но и возможность существования богов, а способы их аргументации были основаны исключительно на дискурсе и рациональном обосновании. Можно с определенной долей уверенности говорить о влиянии локайаты при маурийском дворе, ведь это учение занимало особо почетное место в числе наук, рассматриваемых в «Артхашастре» Каутильи, которого традиция определенно связывает с первым из Маурьев³⁸⁹. Активная полемика локайатиков с последователями учения Вед по наиболее важным мировоззренческим вопросам, переходящая в насмешки, наблюдается уже в «Чхандогья-упанишаде» и проходит как одна из наиболее заметных тем через всю историю брахманизма вплоть до XIV в.³⁹⁰ Как и последователи Санджаи, локайатики были профессиональными спорщиками, логически опровергавшими доводы своих оппонентов. Как и прамны в описании Мегасфена, последователи локайаты осмеивали брахманические толкования явлений окружающей природы³⁹¹. Есть косвенные данные относительно того, что локайатики выступали против каких-либо форм аскетизма и умерщвления плоти³⁹², что, казалось бы, не согласуется с сообщением Мегасфена об упражнениях нагих прамнов в выносливости (Strabo. XV.1.70). Однако, как уже указывалось выше, это место из «Географии» Страбона не может рассматриваться как передающее точную информацию Мегасфена: мы видели, что Страбон смешал нагих прамнов, занимавшихся аскетическим подвижничеством до 37 лет, с философиями-брахманами, которые ведут аскетический образ жизни в течение 37 лет.

По этическим вопросам локайатики противостояли не только брахманизму, но и последователям основных шраманских учений — буддизма и джайнизма³⁹³; вероятно, поэтому прамны и выделены в отдельную от гарманов, т.е. шраманов, группу индийских философов. Нагота последователей Санджаи может находиться в связи не с наготой гимнософистов, а с «нагими прамнами», упоминаемыми Мегасфеном (Strabo. XV.1.70). Хотя Санджая — единственный из последователей скептицизма, чье существование достоверно устанавливается по данным индийской традиции³⁹⁴, кажется, можно говорить о том, что под прамнами Мегасфена скрываются последователи того направления индийской философии

³⁸⁶ Лысенко, Терентьев, Шохин 1994: 302.

³⁸⁷ Лысенко, Терентьев, Шохин 1994: 155.

³⁸⁸ Лысенко, Терентьев, Шохин 1994: 155.

³⁸⁹ Бонгард-Левин 1993: 286.

³⁹⁰ Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 200–203.

³⁹¹ Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 204–206.

³⁹² Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 210.

³⁹³ Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 211.

³⁹⁴ Лысенко, Терентьев, Шохин 1994: 157.

(в него могли входить и приверженцы скептицизма, и локаятики), которых называли носителями *ргаджа*: эта этимология подходит лучше всего и исторически, и фонетически, ведь разговорным языком был один из пракритских диалектов, и анализировать нужно не санскритские, а пракритские формы. И если ставить вопрос о возможности заимствования ряда идей Пиррона из Индии, то уместнее было бы привлекать материал о прамнах-скептиках, хотя высказанные соображения об идентификации последних могут рассматриваться лишь как одна из гипотез.

Мегасфен, Гекатей Абдерский и Беросс

«Египтика» Гекатея Абдерского и «Индики» Мегасфена. Критика построений Замбрини, выработка взвешенного взгляда на сочинение Мегасфена требуют рассмотрения возможной взаимозависимости трех упомянутых итальянским историком писателей — Гекатея Абдерского, Мегасфена и Беросса. Действительно, в «Индики» Мегасфена и «Египтике» Гекатея Абдерского³⁹⁵ прослеживаются одни и те же сюжеты. В частности, через все сочинение Гекатея проходит тема установления царской власти в Египте. Этот сюжет описан, настолько близко «Индики» Мегасфена, вплоть до дословного совпадения, что вопрос о зависимости одного автора от другого вполне уместен.

О.Мюррей, А.Замбрини и поддерживавший их К.Карттунен решили этот вопрос в пользу зависимости Мегасфена от Гекатея Абдерского³⁹⁶, однако приведенные ими аргументы не позволяют согласиться с такой точкой зрения. Ответ на вопрос о путях заимствования должно дать сопоставление рассказа Гекатея об установлении царской власти в Египте с аналогичным сюжетом Мегасфена. Но прежде чем обратиться к такому сопоставлению, необходимо еще раз вспомнить, что задолго до появления рассматриваемых произведений именно Индия заняла в античной литературе место «страны чудес», расположенной на краю Земли и тем самым отгороженной самой природой от остальной части ойкумены, где все было не так, как везде, где размеры самой страны, ее растений и животных, плодородие почв превосходили все известное людям.

Рассмотрим теперь рассказ Диодора, передающего данные «Египтики» Гекатея Абдерского. В отличие от индийцев, которые «узнали» богов только тогда, когда те пришли к ним сами, египтяне с ними познакомились, подняв глаза к небу, опознав в Солнце и Луне Осириса и Исиду (Diod. I.11.1). Дионис был известен египтянам, по мнению эллинов, под именем Осириса (Diod. I.11.3): и те и другие согласны в том, что эти божества управляют всем миром, дают рост всему живому и являются отправным пунктом генеалогического древа всех живых существ (Diod. I.11.5). Итак, египтяне узнали первого бога, а потом и царя индийцев раньше их самих. Согласно Мегасфену, Дионис основал в Индии «много» городов, в том числе Нису (Arr. Anab. V.1.3–2.2, Ind. 7.5; Diod. II.38.5; Strabo. XV.1.8; Plin. NH. VI.23.9; Solin. 52.16; Curt. VIII.10.7, 11–12). Гекатей же пишет, что Египет во всей обитаемой земле — единственная страна, где много-

³⁹⁵ А.Замбрини не выражает ни малейших сомнений в том, что в основе соответствующих глав «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского лежит именно «Египтика» Гекатея Абдерского. Оставляя данный вопрос вне рамок настоящей статьи, стоит отметить, что это положение не выглядит абсолютно бесспорным.

³⁹⁶ Murray 1970: 166; Murray 1972: 207–208; Zambrini 1982: 73, 96–99; Zambrini 1983: 1115; Karttunen 1997a: 87.

численные города были основаны древними богами: Зевсом, Гелиосом, Гермесом, Аполлоном, Паном, Илифией и др. (Diod. I.12.6). В рассказе Гекатея можно обнаружить и другие точные параллели «Индики» Мегасфена: «египетский» Дионис был рожден в Нисе в Счастливой Аравии, недалеко от границы с Египтом (Diod. I.15.6); именно около Нисы, как и в случае с Индией, он обнаружил виноград, научил людей выращивать его, использовать и хранить вино, сеять пшеницу и ячмень. Затем Дионис собирался с огромным войском покорить весь мир, с тем чтобы сослужить людям добрую службу: он полагал, что, выведя человечество из состояния дикости и дав начала цивилизации, он благодаря значимости этих деяний сумеет получить почести бессмертных (Diod. I.17.1). Именно так все и произошло. Уладив дела в Египте, он доверил верховную власть Исиде, дав ей в советники Гермеса, которого из всех своих друзей считал самым мудрым (Diod. I.17.1–3). Интересно, что в Индии был оставлен самый буйный (βακχωδέστατος) его товарищ (Arr. Ind. 8.1), что должно было говорить «не в пользу» Индии.

Затем Дионис побывал в Эфиопии, где научил людей сельскому хозяйству и основал несколько важных городов (Diod. I.18.6). Дойдя до границы Эфиопии, он отправлялся через Аравию к Эритрейскому морю, потом добрался до Индии (Diod. I.19.6). Там он также основал много крупных городов и назвал один из них Ниса в память о городе, где был взращен. Он насадил там лавр — это единственное место, где тот растет (Diod. I.19.7). Дионис оставил и много других знаков своего пребывания в этом регионе, которые привели индийцев к мысли о его индийском происхождении (Diod. I.19.8). В последней фразе Гекатея полемика с теми, кто не признает первенство Египта в данном вопросе, выражена уже совершенно открыто. Естественно, что Гекатей, пусть и со ссылкой на неких мифографов (Diod. I.11.3), при рассказе о происхождении царской власти использовал то же имя, что Мегасфен. И повествование о том, как Дионис стал царем благодаря своим благодеяниям, повторяется практически во всех деталях. Но не Мегасфен зависел от Гекатея, а наоборот: в труде Гекатея идет полемика с историей о пребывании Диониса в Индии, причем в той ее форме, в какой она стала известна именно благодаря Мегасфену.

Далее Диодор сообщает о существовании стелы на могиле Диониса, где говорится, что он прошел весь мир, в том числе и Индию, и нет места во всей ойкумене, которое бы он не посетил (Diod. I.27.5). То, что его могила находится в Нисе в Счастливой Аравии, явно указывает на несогласие Гекатея в этом принципиальном вопросе с историками Александра и Мегасфеном. Потом он посетил остальные страны Азии и ушел в Европу (Diod. I.20.1), что вполне укладывается в сообщения о том, что из Индии он ушел на Запад (Arr. Anab. V.1.5; Polyae. Strateg. I.1.3). Он обошел всю землю и устроил жизнь рода человеческого, введя употребление плодов, которые легко возделывать. Затем, перейдя из мира людей в мир богов, он получил от Исиды и Гермеса жертвоприношения и все остальные почести. Они же установили для него религиозные церемонии и многочисленные тайные ритуалы (Diod. I.20.6). Египтяне говорят, что именно благодаря этим событиям египетские колонии распространились по всей земле, например в Вавилонии (Diod. I.28.1); очевидно, что эта информация противопоставлена сообщениям об Индии, согласно которым индийцы не посылали экспедиций за пределы своей страны (Diod. II.36.3; Strabo. XV.1.6; Arr. Ind. 5.6–8; 9.12).

Таким образом, Гекатей поднимает те темы, которые не могли появиться в его работе иначе, как из работ историков Александра и «Индики» Мегасфена:

поход Диониса в Индию, его возвращение на Запад, проблема расположения Нисы — места рождения Диониса, приписывание подробностей цивилизаторской деятельности «индийского» Диониса (тема, разработанная именно Мегасфеном) Дионису египетскому. «Количественные» данные о древности царской власти в Египте также говорят о том, что если полемика и велась, то ее вел Гекатей с Мегасфеном, но не наоборот. Египетские мифографы, указывает Гекатей, насчитывают от времени правления Диониса до прихода Александра в Египет 10 000 или 23 000 лет (Diod. I.23.1 — от Гелиоса до Александра — 23 000), т.е. значительно больше, чем 6042 года от Диониса до Александра, насчитываемые в Индии (Агг. Ind. 9.9); древнеегипетские боги правили в самой глубокой древности по 1200 лет, а их наследники — минимум по 300. Царская власть в Египте передается тем, кто оказал народу самые многочисленные и великие услуги (Diod. I.43.6), — такова точка зрения местных жрецов (совершенно совпадающая с тем, что известно из рассказа Мегасфена об Индии); некоторые еще рассказывают, что первые 18 000 лет над Египтом правили боги и герои (как и в Индии, согласно Мегасфену). Потом Египет управлялся людьми 5000 лет вплоть до Птолемея — «Нового Диониса» (Diod. I.44.1). В результате получается гораздо больше, чем весь период существования царской власти в Индии. Ясно, что если бы Мегасфен хотел спорить с Гекатеем, именно он приписывал бы и большее число лет, т.е. очевидно, что полемика велась в обратном направлении в пользу упомянутого Птолемея — «Нового Диониса»³⁹⁷.

Рассказывая о деяниях Геракла, Гекатей также противоречит традиции, говорящей, что этот герой был рожден в Индии, где и совершил многие свои подвиги. Согласно Гекатею, Геракл родился в Египте (Diod. I.24.1), а то, что он очистил землю от чудовищ (тема, поднятая Мегасфеном) — египетская традиция, сохраненная греками (Diod. I.24.5). Итак, и здесь налицо полное переписывание устойчивой этнографической традиции об Индии в пользу Египта.

То, что Гекатей брал темы и форму описания из материала об Индии, но полностью изменял их направленность, видно также из рассказов о египетском обществе и Ниле. Так, характеризуя структуру египетского общества, Гекатей сообщает, что египтяне делятся на три «класса» — *μέρη* (слово, аналогичное использованному Мегасфеном), но при описании второго «класса», которым, как и у Мегасфена, у него являются земледельцы, отмечает, что земельные собственники должны обладать оружием, чтобы защитить город (Diod. I.28.4–5), что полностью противоречит информации Мегасфена, согласно которой земледельцы в Индии совершенно свободны от воинской службы (Diod. II.36.6–7; Strabo. XV.1.40; Агг. Ind. 11.10). Верхняя ступень общественной структуры в Египте отводится наиболее «благородному» классу — евпатридам, наделяемым, как и философы Мегасфена, наибольшим почетом (Diod. I.28.4). Все «классы» индийского общества, упомянутые Мегасфеном, кроме административных шестого и седьмого, названы и Гекатеем, причем также подчеркивается наследственный характер профессиональных состояний (Diod. I.74.9) и дается объяснение в полном соответствии с учениями Платона и Аристотеля: каждое сословие египетского общества характеризуется как знающее свое дело наилучшим образом: (Diod. I.74.2–7). Гекатей подчеркивает, что в Египте не бывает так, чтобы один ремесленник занимался сразу несколькими делами, этот факт он противопостав-

³⁹⁷ В некоторых работах доказывается, что данные Мегасфена по этим вопросам абсолютно точно совпадают с материалом индийской традиции (Benfey 1844: 218–231; Mankand 1951: 67). Такого рода изысканий о «Египтике» Гекатея Абдерского не проводилось.

ляет демократическим городам и «другим странам»; если же ремесленник вмешивается в политику или практикует несколько занятий, его сурово наказывают (Diod. I.74.7). Этот пассаж почти дословно повторяет сообщение Арриана, пересказывавшего Мегасфена (Агг. Ind. 12.8–9).

Величие и необыкновенные черты Нила — один из древнейших и наиболее устойчивых сюжетов при описании Египта в древнегреческой этнографии (например, Herod. II.15–35). Тем не менее в представленном выше контексте описание Гекатеом Нила также можно рассматривать как стремление к изменению в пользу Египта сложившегося еще со времени Геродота и усиленного под влиянием историков Александра и «Индики» Мегасфена стереотипа восприятия Индии как страны чудес. Все, что было сказано ими об Инде и Ганге, Гекатей переносит на Нил: необыкновенное плодородие, размеры реки и населяющих ее животных, количество рыбы, важность для окрестного населения. Сам пассаж, посвященный Нилу, занимает очень большое место в его сочинении (Diod. I.32.1–40.10). В нем содержится описание отличий Нила от других рек, особенно в размерах (Diod. I.32.2, 5; 37.2) и в отношении плодородия (Diod. I.37.8). Так как Нил — самая большая река, то она единственная, чьи воды текут спокойно и размеренно (следовательно, Инд и Ганг не такие «солидные» реки). Описание же дельты Нила (Diod. I.33.4–34.2), ее размеров, числа островов в ней вполне может быть «противопоставлено» описанию Паталы — дельты Инда в сочинениях историков похода Александра Македонского. Размеры нильских животных и обилие рыбы, обитающей в нем, также должны были усиливать «нужное» впечатление (Diod. I.35.2, 8; 36.1). Нил совсем не похож на все другие реки (Diod. I.36.7–8): он начинает наводнять почти весь Египет тогда, когда вода во всех остальных реках, начиная с «летнего тропика», идет на убыль. Географическое обоснование первенства Египта перед Индией дополняется описанием тех природных особенностей, которые в других сочинениях прилагались к Индии: Египет — страна, прекрасно расположенная, естественно укрепленная со всех сторон (Diod. I.30.1–4); она с трех сторон защищена землей (Diod. I.31.1) и превосходит населением все остальные страны (Diod. I.31.5).

Мифическая история подчинения Индии Египту содержится в рассказе о деяниях «идеального» египетского царя Сесоосиса (Diod. I.53.1–58.5)³⁹⁸. Большая часть этих деяний носит откровенно «антииндийский» характер. Сначала флот Сесоосиса занял острова в Эритрейском море вплоть до Индии, а затем он прошел с армией по суше (почему-то непременно через селевкидскую Сирию) и покорил всю Азию (Diod. I.55.2). Египетский царь захватил не только территории, «позднее» завоеванные Александром Македонским и полученные Селевком, но и те, которые Александр так и не сумел завоевать (т.е. земли прасиев), поскольку перешел Ганг и прошел всю Индию до океана (Diod. I.55.3–4). Несомненно, это написано «в пику» историкам Александра и Мегасфену: ведь Александр едва ли имел какие-либо представления о Ганге³⁹⁹, который был фактически открыт для греческого мира именно Мегасфеном (Иеронимом и Клитархом, по мнению

³⁹⁸ О мифе в целом см.: Gunderson 1980: 22–23; Lloyd 1982: 33–55, особенно с. 37–40. О мифических завоевателях Индии в целом см. также: Borzsák 1976: 51–62.

³⁹⁹ Tarn 1923: 97–100; Tarn 1938: 154; Meyer 1927: 188; Kienast 1965: 185–188; Woodcock 1968: 30; Robinson 1993: 84–99. С этим не согласен А.Б.Босворт (Bosworth 1995: 27–44; Bosworth 1996: 120: «Крайне невероятно, что Александр мог провести в Пенджабе восемь месяцев или больше без того, чтобы получать доклады о политической ситуации на Востоке... Александр должен был знать о Ганге и царстве Нандов, и это знание, конечно, использовалось его последователями»).

Э.Мейера и Д.Кинаста, через неких торговцев из Пенджаба или Верхнего Ганга⁴⁰⁰). Наконец, Сесоосис приказал собрать со всех стран, покоренных им за девять лет похода, в том числе, вероятно, и Индии, подарки, после чего с огромной толпой пленных и множеством дани триумфально вернулся в Египет (Diod. I.55.10).

«Антииндийская», «антиалександровская» и «антимегасфеновская» направленность этой истории очевидна. Если бы Мегасфен писал после Гекатея Абдерского, и знал о труде последнего, он не смог бы так явственно акцентировать внимание на том, что Индия никем не была покорена до Александра Македонского (Strabo. XV.1.6; Arr. Ind. 5.6–8; 9.12). Сесоосис, по Гекатею, превзошел всех, кто когда-либо получал власть (читай: и Александра), военными подвигами, величием, обилием памятников и размахом работ, проведенных в Египте (Diod. I.57.3). Образ идеального царя развивается Гекатеем и далее. Он характеризует носителя верховной власти в Египте как само воплощение закона, что, по его мнению, совсем не характерно для других государей, которые предаются тому, что им нравится, никому не отдавая отчета (здесь также можно увидеть неприкрытый упрек индийским царям, описание беззаботного распорядка дня которых было дано Мегасфеном, — Strabo. XV.1.55). Вся же деятельность египетских царей контролируется законом — не только управление страной, но и ежедневный распорядок и образ жизни (Diod. I.70.1). Царь не может никого осудить по своему капризу, но только по закону (Diod. I.71.1). Египтяне утверждают, что именно у них появились письменность (согласно Мегасфену, индийцы не знали искусства письма — Strabo. XV.1.53), астрономия, основы геометрии, другие науки, и были установлены наилучшие законы (Diod. I.69.5). Доказательством служит то, что Египет почти 4700 лет управлялся царями, большая часть которых происходила из Египта же (в отличие от Индии, где царская власть была установлена извне), и что это самая процветающая страна во всей ойкумене. А древность такого положения вещей должны были подтвердить визиты Орфея, Гомера, Пифагора, Солона, которые приезжали учиться у египтян, в том числе и наилучшим законам (Diod. I.69.4). Ведь судебный процесс египтян позволяет вынести самое справедливое решение (Diod. I.75–76), а правосудие у них равно для всех (Diod. I.76.3). Таким образом, Гекатей полностью меняет сложившийся в греческой литературе стереотип, будто именно Индия — страна, где обычаи наиболее всего способствуют процветанию, о чем писал, в частности, Мегасфен (Diod. II.36.4).

Еще целый ряд сюжетов, затронутых Мегасфеном, представлен у Гекатея «в пользу» Египта. Мегасфен писал, что в Индии много городов (историки Александра насчитывали их 5000, каждый из которых не меньше, чем Кос, — Plin. NH. VI.59); он также сообщал среди разного рода диковинок, что народ пандов имеет 300 поселений (Plin. NH. VI.76; VII.29), а всего в Индии насчитывается 118 народностей (Arr. Ind. 7.1; Plin. NH. VI.60), но нигде не говорил о том, что у них развита городская жизнь. Гекатей же пишет, что с древности в Египте насчитывалось 18 000 важных деревень и городов (Diod. I.31.7), а при Птолемеях Лаге их стало 30 000, число, существующее и до наших дней (Diod. I.31.7); таким образом и в этом отношении Египет Гекатея значительно опережает в развитии Индию Мегасфена, и вряд ли так могло получиться, если бы Мегасфен писал после и под влиянием Гекатея. В Египте, согласно последнему, деревья плодо-

⁴⁰⁰ Meyer 1927: 187–188; Kienast 1965: 185.

носят в течение всего года (Diod. I.34.8), и это также могло быть противопоставлено описанию двух годовых урожаев в Индии по Мегасфену (Diod. II.35.3; Strabo. XV.1.13; XV.1.20).

«Индика» Мегасфена и «Вавилоника» Беросса. Если сравнивать сочинения Беросса и Мегасфена под тем же углом зрения, выяснится, что тенденции, намеченные Гекатеем, в «Вавилонике»⁴⁰¹ еще более усиливаются, но уже в пользу Вавилона. Эта работа, состоящая из трех книг, посвящена сыну Селевка Никатора — Антиоху I Сотеру (Tat. Oratio ad Graecos. 37), правившему в 280–261 гг. до н.э. Беросс родился между 350 и 340 гг. до н.э. и был современником событий, произошедших во время правления и сразу после смерти Александра Македонского⁴⁰². «Вавилоника» была составлена в 293/292–261/260 гг. до н.э., скорее всего в конце царствования Селевка — начале правления Антиоха Сотера: 293–280 гг. до н.э.⁴⁰³; в это время Бероссу было бы уже лет 50–60. Во всяком случае, есть все основания предполагать, что «Вавилоника» Беросса была использована Клитархом⁴⁰⁴. Таким образом, его сочинение было написано самое позднее через 10–15 лет после «Индики» Мегасфена, и предположение о влиянии сочинения Мегасфена на работу Беросса не лишено оснований.

Заслуживают внимания некоторые совпадения между «Вавилоникой» Беросса и «Индикой» Мегасфена. Как и в Индии, представленной в сочинении посла Селевка Никатора, первые люди жили в Вавилоне, словно звери («ἀτάκτως ὥσπερ τὰ θηρία»); все главные навыки цивилизованной жизни они получили от Оанна, некоего первопредка, сочетавшего в себе черты рыбы и человека: он научил их искусству письма (а его первым «сочинением» было описание государственного устройства) и вычислений, основанию городов и храмов (Дионис в изображении Мегасфена был известен как основатель первых индийских городов и религиозных культов); ввел законы (которые были введены в Индии опять же Дионисом) и провел разделение земли (здесь напрашивается аналогия с деяниями индийского Геракла, который разделил землю между своими сыновьями), дал семена, плоды и все, что было необходимо для повседневной жизни (F 8.25–37; F. 12), — все это опять же было, по Мегасфену, введено в Индии Дионисом. Описание Бероссом деяний Оанна на заре истории Вавилона (притом что аналоги самому персонажу в местной традиции имеются) П.Шнабель называет «absolut sterile Phantasie»⁴⁰⁵. Однако ближайшей параллелью этой истории может быть «Индика» Мегасфена — та ее часть, где повествуется о закладке основ индийской цивилизации Дионисом.

Династийная история, начинающаяся этим персонажем, как и у Мегасфена, доводится до Александра Македонского (F. 29b. 35). В то же время первый вавилонский царь, Алор, правил, согласно Бероссу, 3600 лет (F. 19.19–20; F. 30a.26–30) — гораздо дольше, чем индийские цари в труде Мегасфена. Да и вся протя-

⁴⁰¹ Возможны другие варианты названия этой работы: «Халдейские истории» (Χαλδαϊκαὶ ἱστορίαι/Χαλδαϊκὴ ἱστορία), как ее называет Иосиф Флавий (F. 54), и «Древнейшее историописание» (ἡ τῆς ἀρχαιότατος ἱστοριογραφία), как сообщают Юстин, Татиан и Климент Александрийский (F. 65). Ссылки на текст «Вавилоники» Беросса приводятся по изданию: Schnabel 1923: 249–275. См. также: Burstain 1978 и новейшее исследование греческой традиции о Египте и Месопотамии с переводом сохранившихся источников, в частности «Вавилоники» Беросса: Verbrugge, Wickersham 1996.

⁴⁰² Schnabel 1923: 6.

⁴⁰³ Schnabel 1923: 9–10.

⁴⁰⁴ Schnabel 1923: 43–65.

⁴⁰⁵ Schnabel 1923: 27.

женность вавилонской истории — десять царей до потопа, правивших вместе 120 саров (432 000 лет)⁴⁰⁶, 86 царей после потопа, правивших вместе 33 091 или 34 090 лет, и исторические династии⁴⁰⁷, правившие, по Бероссу, 36 000 лет (по современной хронологии с 2232/1 по 732/1 г. до н.э.)⁴⁰⁸ — в сравнении с 6042 годами индийской истории до Александра Македонского должна была впечатлить читателя. Здесь перед нами — обработка местной легенды на греческий лад с явным пропагандистским уклоном. Ее появление тем более симптоматично, что Беросс хорошо знал сочинения Ктесия Книдского, использовал их, полемизировал с ними в «Вавилонике»⁴⁰⁹. Впрочем, в этом не было бы ничего особенно примечательного, если бы автор «Вавилоники» не посвятил ее Антиоху Сотеру — сыну Селевка Никатора, которому была посвящена «Индика» Мегасфена, и если бы тема сроков правления первых и вполне исторических царей не поднималась в каждом из рассматриваемых сочинений, притом что цифры, приводимые их авторами для обоснования престижа и «древности» Индии, Египта и Вавилонии, постоянно возрастают. Очевидно, что Беросс не только использовал вавилонские «ἀναγραφαὶ περὶ τοῦ οὐρανοῦ καὶ θαλάσσης καὶ πρωτογονίας» и «ἀναγραφαὶ περὶ βασιλέων καὶ τῶν κατ' αὐτοὺς πράξεων», им явно двигали и пропагандистские мотивы, диктовавшиеся насущной политической конъюнктурой.

Очевидно, что после появления «Египтики» Гекатея Абдерского, с одной стороны, и утраты Селевкидами реальной власти над своими восточными владениями — с другой, Индия перестала быть единственным претендентом на роль «самой древней» и «идеально» организованной страны. Восходившим на престол эллинистическим правителям нужно было искать новые мифологические сюжеты для обоснования «исторического первенства» своих государств. В этом контексте появление «Вавилоники» — совершенно закономерное явление в ряду таких произведений, как «Индика» Мегасфена и «Египтика» Гекатея Абдерского, тем более что все три автора были практически современниками. Служба правителям разных соперничавших между собой и современных друг другу эллинистических династий и объясняет движущие мотивы появления сочинений Гекатея Абдерского и Беросса как ответ на «Индику» Мегасфена.

* * *

Итак, обзор древних источников, содержащих сведения о Мегасфене и его «Индики», и основных направлений в историографии этого вопроса, выработанных за более чем полуторавековую историю его изучения, позволяет сформулировать следующие основные выводы. Мегасфен, посол Селевка Никатора ко двору индийских царей Пора и Чандрагупты Маурья, на основании древнеиндийской литературной и мифологической традиции составил произведение,

⁴⁰⁶ О хронологической системе, использованной Бероссом, см.: Meyer 1903: 131–134.

⁴⁰⁷ Анализ данных об исторических династиях в сочинении Беросса см.: Lehmann 1903: 135–163.

⁴⁰⁸ Необходимо еще принять во внимание 1 680 000 лет, прошедших в вавилонской истории от сотворения мира до правления первых «допотопных» царей. Если прибавить 12 000 лет, «отпущенных» историей после смерти Александра, то вся вавилонская история занимает в «Вавилонике» 2 160 000 лет (Schnabel 1923: 176, 188, 194).

⁴⁰⁹ Schnabel 1923: 41.

в котором стремился показать принципы наилучшего государственного устройства. С этой целью он обработал информацию, сообщенную ему его индийским окружением, продолжив таким образом дискуссию, начатую Ксенофонтом, Платоном, Аристотелем. Именно с ними, а не с Гекатеем или Бероссом, Мегасфен и мог вести полемику. Историческая же часть его произведения отвечает требованиям жанра античной хорографии и составлена по ее канонам.

ИНДИЙСКИЕ ПОХОДЫ ДИОНИСА И ГЕРАКЛА В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Сообщения о походах Диониса и Геракла в Индию содержатся в трудах Диодора Сицилийского, Страбона, Арриана и Курция Руфа, которые, в свою очередь, черпали информацию из сочинений биографов Александра и «Индики» Мегасфена (Diod. II.38–39; Strabo. XI.5.5; XV.1.7–9; Arr. Ind. 7–9, Anab. IV.28.1–2, V.1.5–6; Plin. N.H. 6. 59, 76, 79; Curt. VIII.10.11, VIII.11.2). Вот краткое изложение этих легенд.

В доисторические времена в Индию с войском, в котором было много женщин, с запада пришел Дионис. В его армии началась моровая болезнь, которую он вылечил на горе Мерос. Придя в Индию, он нашел ее совершенно дикой и ввел основы цивилизованного образа жизни: основал множество городов, ввел законы, установил суды, научил жителей Индии выращивать, собирать и хранить различные виды продовольствия, ввел основы земледелия. За совершенные благодеяния был избран царем. Он ввел богопочитание, установил собственный культ, включавший танцы под музыку и ношение длинных волос, и основал царскую династию; после него правили Спатемба, Будия и Крадэва. Дионис особенно почитался «философами», жившими в горах.

Геракл завоевал Индию через 15 поколений после Диониса, неудачно пытался штурмовать скалу Аорн, совершил много подвигов, очистив Индию от разного рода нечисти. Разделил всю Индию среди сыновей, а единственной дочери по имени Пандайя даровал царство «на юге». В этой стране женщины рожали в семь лет, а в 40 достигали старости. Обойдя всю землю и море, Геракл нашел жемчужину, которую подарил Пандайе в качестве украшения. В конце жизни для продолжения мужской линии династии совершил с ней инцест. За совершенные блага почитался жителями равнин, в городах Метора и Клейсобора, в племенах сурасенов и сибов, считавших себя потомками его войска. Геракл основал много городов, носил львиную шкуру и дубину, отличался необыкновенной силой и отвагой.

В исследовательской литературе этот сюжет рассматривается исключительно с точки зрения возможности прояснить религиозную ситуацию в Индии в конце IV — начале III в. до н.э. Особенности индийской литературы — ее текучесть, отсутствие четких датировок, предпочтение желательной картины мира фактической — выдвинули античные источники на первый план при решении вопроса о доминирующих культах в поздне- и послеведийскую эпоху, а данные «Индики» Мегасфена, первого более или менее четко датированного источника,

стали едва ли не самыми авторитетными в решении этого вопроса. Неполнота уже имеющихся историографических обзоров¹, отсутствие единства мнений среди исследователей, разнообразие подходов², наличие ошибок при передаче положений опубликованных исследований и появление все новых работ по этой теме заставляют коротко остановиться на проблемах историографии.

I

Историографический обзор

Рождение легенды об индийском походе. Отождествления Диониса

Еще до появления индологии как научной дисциплины легенда о походах в Индию Диониса и Геракла привлекла внимание мыслителей раннего нового времени. Г.Воссиус считал, что за фигурой Диониса нужно видеть библейского героя Ноя, давшего начало сельскохозяйственной деятельности человека³. Следующую попытку — сравнить Диониса с Рамой — предпринял В.Джонс⁴. Такой же точки зрения придерживался А.Х.Л.Хеерен, который полагал, что образ Диониса-Рамы происходит из плохо понятого индийского эпоса и что он может указывать также на развитие культа Шивы, земной реинкарнацией которого и являлся Рама⁵.

В 1844 г. Т.Бенфей и Х.Лассен выступили со своими интерпретациями сообщений Мегасфена, касающихся родословной первых индийских царей⁶. Т.Бенфей попытался показать, что все цифровые данные Мегасфена — количество индийских царей от Диониса до Сандракотта и время их правления — абсолютно точно соответствуют данным индийского эпоса и традиции пуран⁷. Х.Лассен подверг положения Бенфея суровой критике и выступил со своим видением проблемы. По его мнению, сказания о культурогенной деятельности Диониса могут восходить к рассказам о деяниях первого легендарного царя Притху. Однако вся история о введении Дионисом цивилизованной жизни в Индии и сама фигура Диониса — выдумка Мегасфена. В преемнике Диониса — Спатембе — Лассен увидел первого царя Лунной династии, к которой принадлежал Чандрагупта Маурья — Ману Сваямбхува. Его прозвище, по мнению

¹ Dahlquist 1962: 73–88, 180–190; Karttunen 1986a: 210–212.

² Наиболее экстравагантная точка зрения изложена в сочинении полковника сэра Томаса Холдича, который на основе рассмотрения этой легенды «открыл» новую страницу в истории древнего мира. По его мнению, существование легенды о завоевании Индии Дионисом говорит ни много ни мало о захвате Индии «западной расой (которая могла быть греческого происхождения) до вторжения ассирийцев, мидян, персов... на многие века раньше VI в. до н.э.» (Holdich 1910: 128). Ситуация, современная полковнику британской армии, расквартированной в Индии, и дала основу для такого радикального и прямолинейного заключения.

³ Vossius 1700: 69.

⁴ Jones 1788: 256–257.

⁵ Heeren 1817: 421 (№ 1).

⁶ Benfey 1844: 218–231; Lassen 1844: 232–259; Lassen 1847: 509–510; Lassen 1852: 696–698.

⁷ Почти через сто лет индийский историк Д.Р.Манканд представил поражающий своей скрупулезностью труд, в котором, проанализировав колоссальный материал практически всех (!) пуран, пришел к аналогичному выводу. Однако огромное количество приведенных математических вычислений делает серьезный анализ этой работы практически нереальным (Mankand 1951: 67).

Лассена, точно соответствует имени «товарища-вакханта» Диониса — Спатембы. В следующем царстве, Будии, он видит Будху — сына Ману, а в Крадэве — искаженное имя Пурурваса — следующего индийского правителя по пуранической традиции⁸. Из этого следует вывод, что последняя, как и эпос, во времена Мегасфена была уже вполне сформировавшейся⁹.

Идея Лассена по привлечению генеалогических данных как центрального пункта исследования представляется весьма плодотворной, но в их интерпретации имеют место определенные противоречия, требующие дополнительного разъяснения. В частности, не проиллюстрировано аргументами утверждение, что сама фигура Диониса — выдумка Мегасфена. Ее может оправдать предположение, что за Спатембой действительно скрывается Ману Сваямбхува. Однако Будха считался не сыном Ману¹⁰, а именно Сомы (BrP. 9.31–32; 108.56)¹¹. Таким образом, остался нераскрытым механизм сложения генеалогической части «Индики».

Дионис и Шива

К.Мюллер в своей статье о Мегасфене, предваряющей издание фрагментов его «Индики», не приводя каких-либо аргументов, отождествил Диониса с Шивой, что было впоследствии повторено Е.Шванбеком и Дж.Мак-Криндлом¹². Независимо от них с подобной гипотезой выступил В.С.Соловьев¹³. Позднее эта идея была высказана Х.Хумбахом¹⁴, а совсем недавно воспроизведена В.К.Шохиным, который привлек в поддержку данной точки зрения локализацию культа индийского Диониса в горах северо-запада Индии, что, по мнению исследователя, и должно указывать на его прототип¹⁵.

Помимо того что в поддержку этой точки зрения привлечен всего один из имеющихся признаков, необходимо различать почитание Диониса в горах, через которые пролегал путь армии Александра Македонского, и сообщения Мегасфена о почитании Диониса ««горными философами» (например, Strabo. XV.1.58). Однако эта идея получила развитие в работах Ж.Шарпантье¹⁶, полагавшего, что в сообщениях о культе Диониса отражены данные о почитании Шивы, воспринявшего определенные черты Рудры, и продолживших эту линию А.Фуше¹⁷, Г.Будрусса¹⁸, Ж.Дюмезиля¹⁹, Дж.Б.Лонга²⁰, И.Пушкаш²¹ и К.Карттунена²².

А.Фуше полагал, что возникновение легенды о походе Диониса в Индию — естественная реакция греков на пронесшийся по армии слух о том, что горные

⁸ Эта же последовательность царей приводится и в работах О.Веккера и Ж.Дюмезиля (Wecker 1916: 1305; Dumézil 1983a: 50; 1983b: 61).

⁹ Lassen 1844: 251–254.

¹⁰ См. генеалогические таблицы, представленные Ф.Э.Парджитером (Pargiter 1922: 88, 144).

¹¹ См. также: Thapar 1984: 332.

¹² Müller 1847: 401; Schwanbeck 1846: 43, 45; McCrindle 1877: 111. Во втором томе «Индийских древностей» Х.Лассен вскользь говорит о том, что за Дионисом, почитавшимся в горах, нужно видеть Шиву (Lassen 1852: 698).

¹³ См.: Соловьев 1991: 21.

¹⁴ Humbach 1980: 398.

¹⁵ Шохин 1993: 128, 332.

¹⁶ Charpentier 1933: 41.

¹⁷ Foucher, Bazin-Foucher 1947: 256.

¹⁸ Buddrus 1965: 721.

¹⁹ Dumézil 1983a: 48–49, 59.

²⁰ Long 1971: 180–209.

²¹ Puskás 1990: 39–47.

²² Karttunen 1986a: 212–219.

индийцы почитают Диониса. Слух этот был спровоцирован местными культами, в частности культом «Великого повелителя гор», который Ф.Фуше назвал «дионисийской религией Шивы», и использован Александром Македонским в собственных интересах. Примечателен призыв А.Фуше внимательно перечитать сообщения Арриана, Страбона и Курция Руфа, в которых говорится лишь о том, что эта легенда явилась своего рода отзвуком на увиденное и услышанное при вступлении армии Александра Македонского в Индию.

Г.Будрусс и К.Карттунен полагают, что в рассказе о Дионисе отражена информация о почитании в ираноязычной среде Северо-Западной Индии неких местных божеств (или божества), культ которых носил оргиастический характер и которые впоследствии слились или развились в собственно шиваитский культ. Авторы, особенно К.Карттунен, приводят достаточное количество информации, взятой из материалов индийской мифологической традиции, эпоса, данных археологических раскопок, подтверждающих существование в Северо-Западной Индии в середине IV в. до н.э. религиозных культов, основанных на употреблении вина, на танцах, песнях, носивших, судя по санскритским источникам, экстатический характер. Г.Будрусс обращает внимание на то, что в горах Гиндукуша до сих пор живут индоевропейские по происхождению племена, почитающие культурного героя, эпитеты которого восходят к Шиве.

Ж.Дюмезиль предложил интересную интерпретацию легенды об исцелении армии Александра на горе Мерос от моровой болезни. По его мнению, эта история восходит к мифу о том, как боги, собравшиеся на горе Меру, добывали амриту и поднявшийся при этом смертоносный пар впитал в себя именно Шива. Мегасфен, таким образом, «историоизировал» этот миф.

По поводу этой теории необходимо сказать следующее: действительно, этнографические и мифологические данные индийской традиции указывают на почитание на северо-западе Индии Шивы; определенную связь между индийским мифом о добывании амриты на горе Меру и греческим — об исцелении армии Диониса на горе Мерос — проследить действительно можно. Но сторонники этой гипотезы ограничивают себя «описательной» информацией, восходящей к армии Александра, не используя данные «Индики» Мегасфена, в частности, по индийской генеалогии.

Дионис и Рудра-Шива

Как в своей отдельной работе²³, так и в соответствующей главе совместного с Г.Ф.Ильным труда Г.М.Бонгард-Левин видит в образе Диониса описание Рудры-Шивы²⁴. Им предложено 13 пунктов их соответствия. Однако некоторые из них носят черты лишь сходства, но не тождества рассматриваемых персонажей. Так, если Дионис познакомил индийцев с различными деревьями, то Рудра-Шива был их властелином, что не одно и то же. Дионис научил индийцев земледелию, в то время как Рудра-Шива считался богом плодородия. На несходство этих функций указывает и Арриан, который считает, что это деяние Диониса соответствует миссии Триптолема (Ind. 7.6), никогда не считавшегося богом плодородия. Кроме того, в том, что Дионис впервые впряг быков в плуг, совсем необязательно видеть роль Шивы как повелителя скота. Во всех этих случаях роль Шивы не совпадает с функциями «культурного героя» Диониса. К Рудре-Шиве не относятся и многие другие атрибуты индийского Диониса: приход с запада

²³ Bongard-Levin 1980–1981: 59–62.

²⁴ Бонгард-Левин, Ильин 1985: 374–375.

с армией и завоевание всей Индии, связь излечения армии от моровой болезни с горой Мерос, введение религиозного культа и судов, переход из человеческого состояния в божественное (Diod. II.38.5) и др. Таким образом, и Рудра-Шива не отвечает всем требованиям, предъявляемым к отождествлению персонажей индийской мифологии с Дионисом, описанным в античной традиции. Интересно, что еще в 1953 г. В.Кирфель, сопоставляя фигуры Шивы и Диониса на основе других источников, пришел к выводу, что «индийский» Дионис Мегасфена не соответствует образу как своего греческого «собрата», так и индийского Шивы, с которым он традиционно связывался по нумизматическим и иконографическим данным более позднего времени, являясь в данном случае своего рода исключением²⁵. Между тем попытки обнаружить в Дионисе черты Шивы продолжают. Последнюю по времени попытку предпринял П.Левек²⁶. Он полагает, что в Дионисе проявляются две черты одного архаического божества, чей культ восходит к эпохе неолита, воплотившиеся, по его мнению, на северо-западе Индии в Шиве: разрушение и дарование процветания в сельскохозяйственной сфере. Однако автор не учитывает сведений Мегасфена по индийской генеалогии, принимая во внимание лишь «экстатические» и «сельскохозяйственные» черты Диониса.

Дионис и Сурьядэва

А.Каннингхем в работе «Монеты древней Индии» отождествляет Диониса Мегасфена с Сурьядэвой²⁷. Основанием для этого послужила передача Харесом Митиленским имени индийского Диониса как «Σοροῦδαιος», что исследователь переводит как «οἰνότομος», т.е. «делатель вина», что в смысловом и фонетическом отношении и должно, по его мысли, отражать связь Диониса с данным божеством. Быть может, версия Хареса и восходит к Сурьядэве, однако Мегасфен не употреблял подобных эпитетов. Да и многочисленные подробности, относящиеся к деятельности Диониса в Индии, не имеют никакого соответствия с деяниями бога Солнца.

По мнению Ф.Граузе, культ Диониса в Индии напоминает индуистский праздник весны Холи²⁸. Автора интересовал прежде всего культ, но не возможность его идентификации.

Дионис и Кришна

Дж.Кеннеди приводит ряд культурно-исторических и археологических свидетельств, которые позволили ему ассоциировать Диониса с Кришной²⁹. Однако и он не привлекает генеалогический материал «Индики» Мегасфена. Идеи Дж.Кеннеди дополняет по тексту Мегасфена А.Далквист, приводя следующие возможные аналогии, которые он далее сам же и критикует: индийский Дионис упоминается под тремя разными именами, что является отражением трех аватар Вишну, а Кришна — одно из важнейших воплощений Вишну; длинные волосы почитателей Диониса и прозвища Кришны — «keśava» и «hrīṣikeśa» — «волосатый»; имя Кришны «damodara» могло отражать факт ношения почитателями Диониса поясов вокруг талии; Кришна, как и Дионис, основал свой культ и был почитаем при жизни; он умер в возрасте 125 лет, Дионис — также в очень пре-

²⁵ Kirfel 1953: 90.

²⁶ Lévêque 1995: 125–137. См. также: O'Flaherty W. Doniger 1980: 81–111.

²⁷ Cunningham 1963: vii–viii.

²⁸ Growse 1880: 94.

²⁹ Kennedy 1907: 967.

клонном возрасте; оба божества строили города; сохранились свидетельства о месте рождения Диониса в Индии.

Анализируя эти данные, Далквист приходит к следующим выводам: Дионис первым научил индийцев обрабатывать землю, а Кришна был известен как пастушеское божество. Дионис первым стал строить города, а Кришна уже родился в городе. Кришна построил всего один город, в то время как Дионис, согласно Мегасфену, — множество. Музыкальными инструментами Диониса были кимвалы и тимпан, а Кришны — флейта. Диониса почитали в горах, а Кришну — на равнине. Нет информации о том, что Кришна пришел в Индию во главе армии с запада. Сходство ограничивается лишь длинными волосами почитателей Диониса и прозвищами Кришны — «keśava» или «hṛisikeśa» — «волосатый»³⁰, наличием информации о культе Кришны при жизни и тем, что оба умерли в весьма почтенном возрасте³¹. Таким образом, Дионис не мог быть Кришной, ибо отличий в их образах слишком много, а сходства почти нет. Неполон набор соответствий Диониса и таким отдельно предлагавшимся персонажам индийской мифологии, как Скандха³² и Баларама³³.

Дионис и Сомы

По мнению К.Чаттопадхьяя, в «индийском» Дионисе нужно видеть бога галлюциногенного напитка Сому. Об этом, с одной стороны, говорит «вакхический» характер культа «индийского» Диониса, с другой — правильная интерпретация одного из фрагментов «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского: «...καὶ φασὶ τὸν μὲν ἀρχαϊότατον Ἴνδὸν γεγονέναι» (III.63.3)³⁴. Исследователь полагает, что «Ἴνδὸν» — не этническая принадлежность³⁵, а имя собственное, отражающее один из эпитетов Сомы — «Indu»³⁶. Между тем, как бы привлекательно ни выглядело это предположение, следует признать, что «Ἴνδὸν» в данном случае действительно не может быть именем собственным: в рассматриваемом отрывке Диодор ведет речь о различных Дионисах, родившихся в разных частях ойкумены (например, фиванском), в том числе и об индийском. А далее он прямо поясняет, что говорит о месте рождения, но не об имени собственном (Diod. III.63.5). В том, что армия Диониса пришла с запада, индийский ученый видит как уверенность Мегасфена в приходе Диониса из Греции в Индию, так и «историческую память» пивших Сому индоариев о приходе в Индию через Пенджаб или приход более поздних волн индоарийской миграции, не отдавая предпочтения какой-либо точке зрения. Касаясь генеалогических данных «Индики» Мегасфена, он пишет, что пураническая традиция считает Будху сыном Сомы, уже отождествленного им с Дионисом, а по данным Арриана (Ind. 8.2), Будха был сыном Спатембы — наследника Диониса. Следовательно, Дионис, Сомы и Спатемба — один и тот же персонаж. Такая очевидная натяжка лишь подтверждает, что отождествление Диониса с Сомой на основании только двух признаков — неверно.

³⁰ Но отличительные черты почитателей Диониса — ношение пояса или длинные волосы — совсем необязательно должны означать наличие прямой связи с одним из прозвищ Кришны.

³¹ Dahlquist 1962: 181–183.

³² Kerbaker 1905: 139–196.

³³ Chaudhari 1983: 119–133.

³⁴ «...и говорят, что самый древний был индийцем».

³⁵ Это положение было отвергнуто О.Штайном, не приведшим, правда, никаких аргументов для этого (Stein O. 1931: 303).

³⁶ Chattopadhyaya 1925: 262–265.

Дионис и Ману

Рассматривая положения, выдвинутые О.Штайном об идентификации Диониса, А.Далквист пишет: «Штайн отождествляет Диониса и Ману на основании трех черт схожести: оба дали начало царским династиям, оба были законодателями, оба были „культурными героями“»³⁷. Фигуру Ману как прообраз Диониса, выдвинутую Штайном, Далквист отвергает, так как, по его мнению, Ману, хотя и основал царскую династию и был «культурным героем», не являлся богом³⁸. Но шведский индолог не дает точной ссылки на цитируемое им место из работы Штайна. Между тем, обратившись к ее тексту, можно обнаружить, что мнение Штайна значительно отличается от представленного впоследствии³⁹. Так, отождествления Диониса с Вишну, Шивой, Кришной, Сомой-Скандхой, предлагавшиеся ранее, немецкий индолог отвергает, считая, что эти конструкции⁴⁰ носят искусственный характер⁴¹. Мнение же самого Штайна выглядит следующим образом: «Мегасфен не сделал ничего другого по сравнению с тем, что было сделано историками Александра, которые в походе македонского царя видели воспроизведение мифических походов Диониса, разве что, может быть, он сопоставил культовую деятельность индийцев с культом Диониса»⁴². Таким образом, история с походом Диониса выглядит неким переложением истории похода в Индию Александра Македонского, шедшего, по мнению его биографов, по стопам Диониса, пользовавшегося особым почитанием македонского царя. До тех пор, пока не найдено никакого другого объяснения происхождению легенды об индийском Дионисе, эта версия имеет полное право на существование. Далее Штайн обращается к рассмотрению генеалогии первых индийских царей, представленной Мегасфеном. Он полагает, что Спатембе — второму индийскому царю — может соответствовать Sudyumna, который был сыном Ману Вивасвата. Следовательно, последний и послужил для Мегасфена прототипом для воспроизведения в качестве первого царя в генеалогической части «Индики»⁴³. Следует заметить, что Судьумна, хотя и был сыном Ману (BrP. 2.17–18), не являлся отцом Будхи, и именно этот факт не может служить аргументом для отражения у Мегасфена пуранической генеалогии, с которой он, по мысли Штайна, был знаком⁴⁴.

Дионис и дравидийская мифология

Одной из наиболее значимых работ по рассматриваемому вопросу явилась монография А.Далквиста «Мегасфен и индийская религия», как обобщившая

³⁷ Dahlquist 1962: 184.

³⁸ Там же.

³⁹ Интересно, что именно такая «исправленная» и неполная точка зрения Штайна утвердилась в последующей исследовательской литературе, например, она подвергается критике К.Карттуненом (Karttunen 1986a: 212). Настоящее мнение Штайна по отождествлению индийского Геракла Далквистом не рассматривается вовсе. Упоминания этой статьи, как и книги А.Каннингхема «Монеты древней Индии», которую он также активно цитирует, нет и в списке использованной литературы. Вероятно, текста этой интереснейшей словарной статьи, по объему больше напоминающей солидную монографию, или по крайней мере ее материала, относящегося к рассмотрению индийского похода Диониса и Геракла, Далквист не знал.

⁴⁰ Особенно много критики досталось как раз последней (Stein O. 1931: 303).

⁴¹ Stein O. 1931: 302–303.

⁴² Stein O. 1931: 303.

⁴³ Stein O. 1931: 310. Тожество Диониса и Ману как первого царя в пуранических сказаниях постулировал также Д.Р.Манканд (Mankand 1951: 3).

⁴⁴ Stein O. 1931: 310.

предшествующий опыт в этом направлении, так и предложившая новые оригинальные, хотя и не нашедшие поддержки пути в исследовании этого вопроса⁴⁵. Однако цель автора осталась прежней: на основании опыта предшественников и еще более тщательного рассмотрения свидетельств как античной⁴⁶, так и индийской литературы, найти тех персонажей, которые подошли бы под описание Диониса и Геракла. Избрав в качестве основополагающего тезиса своего рассуждения разделение Диодором (II.39.1) и Страбоном (XV.1.58) почитателей Диониса и Геракла как жителей горной местности и равнин, Далквист считает, что это отражает противопоставление ариев, почитавших Геракла-Индру, и млеччхов — местных варваров, живших в горах и чтивших своего неарийского бога⁴⁷. Затем, погружаясь в безбрежное море легенд различных доарийских народностей, собранных путешественниками нового и новейшего времени, шведский индолог находит в них все необходимые сведения для иллюстрации соответствия индийскому Дионису мундского народного героя Маранг-Буру.

Анализируя аргументы и метод работы Далквиста, можно сказать следующее. Во-первых, мунды не заселяли горы — носители археологической культуры «медных кладов и желтой керамики», отождествляемые современной наукой с народом мунда, жили в долине Ганга (но не в горах), где занимались оседлым земледелием⁴⁸. Во-вторых, Дионис пришел в Индию с запада, а развитие этой культуры показывает, что ее носители продвигались из восточных областей Индии в западные⁴⁹. Кроме того, материалы самой античной традиции не дают причин для такого жесткого разделения населения Индии на этнические группы по типу заселяемого ими ландшафта: из «Индики» Арриана известно, что пастухи и охотники, входившие в число семи классов индийского общества, отражавших варновое деление общества⁵⁰, населяли горы (Arr. Ind. 11.11). Таким образом, население горных районов Индии, согласно античной традиции, было по меньшей мере смешанным. Кроме того, у Мегасфена речь идет о разделении не всего общества, а только среди «философов» (Strabo. XV.1.58), но этот нюанс остался без должного внимания Далквиста. Согласно же тексту Арриана население Индии делилось на равнинное и горное не по профессиональному признаку, а по отношению к земледелию и виду употребляемой пищи (Ind. 17.5). Так, жители равнин употребляли в пищу хлеб, «горцы» же ели мясо. Эта информация полностью согласуется с тем, что Мегасфен сообщал о пастухах при описании всей структуры индийского общества (Arr. Ind. 11.11).

В-третьих, Диодор называет рассказавших эту историю о Дионисе «самыми сведущими» (λογιότατοι) среди индийцев (II.38.3). Вряд ли Мегасфен или любой другой информатор Диодора мог назвать «самыми сведущими» варваров, вступ-

⁴⁵ См. рецензии: de Casparis 1963: 280–281; Buddruss 1965: 718–723; Hartman 1965: 55–64; Wilhelm 1966: 425–436; Kuiper 1969: 142–146.

⁴⁶ Никто до Далквиста, по его мнению, не использовал всех фрагментов, посвященных Дионису и Гераклу в Индии (Dahlquist 1962: 38). Вместе с тем нельзя не согласиться с Ф. Вильгельмом, указавшим, что для идентификации Диониса и Геракла Мегасфена может оказаться одинаково важным не весь набор характерных черт того или иного персонажа местной традиции, а какой-нибудь один самый характерный признак (Wilhelm 1966: 425).

⁴⁷ Dahlquist 1962: 181–184.

⁴⁸ Бонгард-Левин, Ильин 1985: 84.

⁴⁹ Бонгард-Левин, Ильин 1985: 84.

⁵⁰ Бухарин 1997: 138–149.

ление в контакт с которыми строго осуждалось ортодоксальными учениями⁵¹. В-четвертых, если общение между Мегасфеном и его индийским окружением в Паталипутре было возможным, ведь связи греческого мира с Индией со времен Александра были довольно тесными, то контакты с мундами выглядят совершенно невероятными хотя бы из-за языкового барьера. В-пятых, представляется методологически не оправданным построение работы на этнографических материалах нового и новейшего времени. Нет никакой гарантии в том, что легенды, на которые опирается Далквист, имели хождение и во времена Мегасфена и что какой-нибудь материал, который мог бы иметь решающее значение в решении этого вопроса, не затерялся с течением времени. В-шестых, Арриан недвусмысленно помещает Диониса и Геракла в один царский род (Ind. 9.9), определяя разницу между ними в 15 поколений, т.е. тогда или Дионис должен принадлежать к кругу арийских богов, если считать Геракла Индрой, как думает Далквист, или Геракл должен быть мундским божеством. Кроме того, текст Арриана явственно дает понять, что индийский Дионис был куда более почитаемым и популярным божеством, чем индийский Геракл: «...καὶ πρὸ Ἀλεξάνδρου Διονύσου μὲν πέρι πολλὸς λόγος κατέχει... Ἡρακλέος δὲ πέρι οὐ πολλός... Ἡρακλέος δὲ οὐ πολλὰ ὑπομνήματα...»⁵² (Ind. 5.8–10). Ни при каких условиях не представляется возможным, что мундский народный герой Маранг-Буру был более значительным героем, чем Индра или любой другой персонаж индоарийской мифологии, имевший общеиндийское значение, что следует из текста Арриана. Очевидно, что отождествление Диониса с мундским народным героем Маранг-Буру является неверным.

Дионис как синтез образов различных божеств

К.Д.Сетхна полагал, что религиозным аналогом Дионису был «бог вина» Сом. Но его культ не был широко распространен в Индии. В качестве бога, имевшего общеиндийское культовое значение и обладавшего чертами Сомы, он видит Шиву, почитавшегося, как и «индийский» Дионис, некоторыми горными племенами (Strabo. XV.1.58). На роль основателя царской династии в Индии он рассматривает трех кандидатов: Ману Вивасвата, Ману Сваямбхуву и Притху. К.Д.Сетхна анализирует лишь один генеалогический аспект — хронологическое первенство в династии, и приходит к выводу, что информация индийской традиции лучше всего здесь согласуется именно с Притху⁵³.

Ш.Р.Гойал считает, что «индийский» Дионис Мегасфена сочетает черты «сельскохозяйственного» героя Притху, Индры, Шивы, Санкаршаны-Баларама — еще одного сельскохозяйственного героя, любителя вина и музыки, и Шивы, наделяемого такими же характеристиками⁵⁴.

П.Гуковски не выводит отдельные черты Диониса из образов разных персонажей индийской мифологии, но стремится показать, что «культовые герои» различных племен или разных мифологических традиций слились для историков

⁵¹ Л.Скуржак, на работы которого в данном случае мог бы опереться А.Далквист, стремился показать, что «философы» были жрецами среди дравидийского населения Восточной Индии, пережившего Хараппскую цивилизацию (Skurzak 1954: 95–100; см. также и более позднюю работу — Skurzak 1979: 69–74). Идеи польского историка не более чем чрезмерно смелые предположения, не подкрепленные аргументами. Об этом см.: Бухарин 2000b.

⁵² «...Есть много сказаний о Дионисе до Александра... о Геракле же не много, о Геракле немного осталось воспоминаний...».

⁵³ Sethna 1966a: 16–29.

⁵⁴ Goyal 1985: 104–113.

Александра в одном Дионисе или Геракле. Так, в Дионисе слились Индра, Рудра и Шива разных племенных традиций, а в Геракле — Васудэва-Кришна, Санкаршана, Шива, Веретрагна⁵⁵. Нельзя не признать, что по данному вопросу автор предложил немало интереснейших замечаний. О. фон Хинюбер, поддерживая идею смешения нескольких богов в образе Диониса, все же оставляет вопрос открытым⁵⁶.

Дионис и «льстецы Александра»

Ряд исследователей стремились показать, что появление фигуры Диониса в Индии связано лишь с политическими выгодами, которые преследовали Александр и его окружение. В частности, об этом пишут Ж.Нуавиль⁵⁷ и А.Замбрини⁵⁸. А.Замбрини ни в одной из своих работ не говорит об индийском подтексте легенды о пребывании Диониса и Геракла в Индии. Ее появление он выводит из целого комплекса причин чисто греческого характера: фигура Александра Македонского как царя-завоевателя и цивилизатора служила центральной осью в развертывании Селевком Никатором пропагандистской кампании в селевкидском государстве, причем литература и монетная чеканка должны были стать главным орудием влияния на общественное мнение в условиях нестабильности военной и политической власти⁵⁹, в основном в противовес птолемеевскому Египту. Вообще он рассматривает «Индику» Мегасфена как «заказное» полемическое произведение, выпущенное «по следам» «Египтики» Гекатея Абдерского⁶⁰. Фигура Диониса-Александра должна была помочь осмыслить новые географические, исторические и идеологические реалии, в частности сложение институтов нового государства, а эти задачи и решал в Индии Дионис⁶¹. А.Д.Нок считал, что рождение легенды о походе Диониса в Индию в связи с прославлением Александра — дело рук Клитарха и, как ни странно, Мегасфена⁶². По его мнению, современных Александру данных о его почитании в образе Диониса — нет. Уже при Птолемах, скорее всего в Египте, и, вероятно, Клитархом, между 310 и 300 гг. до н.э. была составлена пропагандистская легенда о походе Диониса в Индию, которая через Аристобула (!) была развита Мегасфеном. В работе А.Д.Нок много интересных замечаний по развитию раннеэллинистической пропаганды, но остается неясным, кому служил тогда Мегасфен — Птолемаем или Селевком (в случае, если прав Нок — первым, однако как посол Селевка Мегасфен должен был работать на него).

⁵⁵ Goukowski 1981: 17, 25–28, 32, 37–38.

⁵⁶ Wirth, von Hinüber 1985: 1105.

⁵⁷ Noiville 1929: 245–270.

⁵⁸ Противоположную точку зрения — о независимом от фигуры Александра формировании образа Диониса отстаивал П.Гуковский (Goukowski 1981: 13–14).

⁵⁹ По данному аспекту он повторяет положения работ Р.А.Хадли (Hadley 1965; Hadley 1974a: 9–13; Hadley 1974b: 51–54, 56–59, 64). См. в поддержку А.Замбрини (Karttunen 1997a: 26–27).

⁶⁰ Здесь А.Замбрини явно следует положениям работ О.Мюррея (см., например: Миттау 1970: 166; Миттау 1972: 208). Точку зрения О.Мюррея нельзя назвать заслуживающей доверия. По его мнению, «Индику» Мегасфена наряду с «Вавилоникой» Беросса была прямой репликой на «Египтику» Гекатея Абдерского, воплощая платоновский идеал государственного устройства с философами во главе и жесткой неподвижной структурой. Между тем Индия в изображении Мегасфена не конкурирует с Египтом — она не источник, но восприимчив к цивилизации. Во всяком случае, нужно ставить вопрос не о зависимости «Индики» и «Вавилоники» от сочинения Гекатея, но о том, что они могут восходить к одним общим для греческой этнографической традиции принципам. О том, что «Египтика» Гекатея Абдерского могла явиться откликом на «Индику» Мегасфена, см.: Бухарин 2000a.

⁶¹ Zambrini 1983: 1115; Zambrini 1985: 782–785, 790–791; Zambrini 1987: 145–148, 150–152.

⁶² Nock 1928: 25–30.

Рождение легенды о завоевании Дионисом Индии ко времени после индийского похода Александра относит и Р.Гиршман. Он не говорит о том, могли ли какие-либо местные божества подтолкнуть греков к мысли о пребывании на северо-западе Индии Диониса, по его мнению, эту роль исполнил ландшафт в регионе между Индом и Гиндукушем — горы, источники, равнины, покрытые плющом. И Ниса — место рождения Диониса — была помещена в долине Кабула на месте древней Нагары (совр. Джелалабад). Тогда-то и возникла эта легенда, которую римская иконография снабдила образом бородатого индийского Вакха⁶³.

А.Диле считает, что сама легенда о походе Диониса в Индию могла возникнуть только в связи с индийской кампанией Александра, так как до ее осуществления функции «культурного героя» были свойственны Гераклу. Вместе с тем он полагает, что реально существовавшие культы Шивы и Кришны, со своей стороны, способствовали рождению этой истории⁶⁴. Сочетание «политического» и «религиозного» подходов выглядит наиболее продуктивным из представленных точек зрения, но, как уже было показано ранее, Шива и Кришна не обладают необходимой полнотой черт «индийского» Диониса.

Оригинальная точка зрения представлена в работах Ж.Тондрё. Он полагал, что во время индийского похода Александр «имитировал» Диониса, «играл» в него, руководствуясь одной лишь прагматичной целью — вдохновить таким образом своих солдат на новые ратные подвиги⁶⁵.

Отождествления Геракла

Геракл и Кришна

Первая серьезная⁶⁶ попытка определить персонаж индийской традиции, который скрывался под образом «индийского» Геракла, была предпринята в 1844 г. Х.Лассеном, который предложил фигуру Кришны⁶⁷. Эту идею восприняли Е.Шванбек⁶⁸, Дж.Мак-Криндл⁶⁹, А.Барт⁷⁰, Г.Гарбе⁷¹, Л.Шредер⁷², К.Чаттопадхья⁷³, В.Рубен⁷⁴, Р.Маджумдар⁷⁵, Р.Гусенс⁷⁶, П.Эггермонт⁷⁷,

⁶³ Ghirshman 1946: 46.

⁶⁴ Dihle 1987: 48–49.

⁶⁵ Noiville 1929: 247–249. Tondriaу 1949: 45; Tondriaу 1952: 455. Противоположную точку зрения — об искренности Александра Македонского в почитании Диониса и отсутствии в его «дионисийстве» прагматизма — см.: Vallois 1932: 81–82.

⁶⁶ На основании мнимого этимологического сходства имен Heracles и Hari это отождествление предлагалось еще Ф.Уилфордом (Wilford 1799: 46–259). О том, что в образе Геракла нужно видеть Кришну и что это свидетельствовало о распространении культа Вишну, говорил и А.Х.Л.Хеерен: Heeren 1817: 421 (№ 1).

⁶⁷ Но имя дочери Геракла он относит к династии Пандавов (Lassen 1844: 252; Lassen 1847: 647–655; 795–799; Lassen 1852: 465, 698; Lassen 1874: 1107).

⁶⁸ Schwanbeck 1846: 43–44.

⁶⁹ Mc'Crindle 1877: 111; 1901: 108. В другой своей работе он полагал, что в «индийском» Геракле нужно видеть Балараму (Mc'Crindle 1896: 70).

⁷⁰ Barth 1879: 100.

⁷¹ Garbe 1914: 264.

⁷² von Schröder 1914: 22.

⁷³ Chattopadhyaya 1925: 263.

⁷⁴ Ruben 1943: 278–281.

⁷⁵ Majumdar 1953: 432.

⁷⁶ Goosens 1930: 38–47.

⁷⁷ Eggermont 1966: 257–296.

Х.Хумбах⁷⁸, И.Пушкаш⁷⁹. К.Карттунен также считает Кришну наиболее правдоподобной фигурой индийской мифологии для отождествления с Гераклом⁸⁰.

В пользу Кришны, по мнению Лассена, говорят следующие признаки: почитание в племени сурасенов в городах Меторе и Клейсобоге (в последнем он видит испорченную форму Кришнапуры, т.е. «города Кришны», предположительно Вриндаван); наличие большого числа жен и одной дочери; путешествия по Индии, во время которых Кришна уничтожал разную нечисть и попутно нашел раковину, напоминающую жемчужину, найденную индийским Гераклом. Однако можно привести ряд аргументов, не позволяющих отождествлять Геракла с Кришной: львиная шкура первого не упоминается индийской традицией, Гераклом был основан город Паталипутра, в то время как Кришной — Дварака, а город Кришнапура вообще не упоминается в санскритских источниках (тем более что среднеиндийской формой от Kṛṣṇa было бы Kaṭṭha, а вовсе не Kleiso или Klisa). Ключ к разгадке тайны этого топонима дает текст Плиния Старшего, который именует этот город Chariso/Chriso/Chrysobora (NH. VI.69). Попытки издателей исправить Chariso на Chriso вызваны исключительно влиянием Арриана и гипотезы о «городе Кришны». Топоним Charisobora должен восходить к пракритскому Karisapura, санск. Kaṛuṣapura, т.е. «город Карушей», а он, вероятнее всего, находился у слияния Ямуны (Джамны) с Гангом⁸¹.

В источниках отсутствуют какие-либо упоминания о сверхъестественной силе Кришны, являющейся неотъемлемым признаком Геракла, зато прослеживается коренное отличие образа эпического Кришны, заключавшего в себе самые разные качества — от хитрости обычного пастуха до наставника царя в морали, от образа Геракла — могущественного царя. В отличие от Геракла, Кришна не помазал ни одного своего сына на престол, ношение дубины не является прерогативой исключительно Кришны — Вишну, Рудра и Индра также имели обыкновение носить с собой дубинообразные предметы (например, ваджру), более того, наиболее привычное оружие Кришны, связанное с ним индийской традицией, — диск, но не дубина.

Лассену пришлось пуститься на слишком очевидные ухищрения, чтобы подкрепить свою теорию, например представить дочь Геракла сестрой Кришны. Но даже если это и было так⁸², никаких сведений об incestуальных связях Кришны индийская традиция не дает; в отличие от Геракла, нашедшего в море жемчужину и давшего ее дочери в качестве украшения, Кришна из костей побежденного им на море врага соорудил себе раковину, ставшую символом его, а не его дочери. Пураническая традиция содержит историю о поиске Кришной жемчужины (BrP. 16.12–17), но она не связана с морем и прочие ее обстоятельства совершенно расходятся с рассказом Мегасфена. Возможно, между легендой, рассказанной «Брахма-пураной», и его «Индикой» определенная связь и существует, но она, очевидно, не была прямой. Можно привести еще возражение Э.Хопкинса, полагавшего, что если бы Геракл был Кришной, то его культ был бы непременно засвидетельствован раннебуддийской литературой. Раз этого не произошло, то такое отождествление нуждается в дополнительных аргументах⁸³.

⁷⁸ Humbach 1980: 398.

⁷⁹ Puskás 1990: 39–47.

⁸⁰ Karttunen 1986a: 211. Эта идея жива до сих пор: Шохин 1993: 128, 332.

⁸¹ Вигасин 1999: 26–28.

⁸² Критику см.: Dahlquist 1962: 84.

⁸³ Hopkins 1901: 158.

А.Далквист приводит еще ряд соображений против отождествления Геракла с Кришной⁸⁴, и хотя не все из них одинаково приемлемы, можно смело заключить, что Кришна лишь в малой степени подходит на роль индийского Геракла.

Ряд отличных от представленных Лассеном и Шванбеком аргументов в пользу отождествления Геракла с Кришной предложил О.Штайн: дедушкой Кришны был Śura, а одно из его прозвищ было «Śauri», следовательно, сведения Мегасфена о почитании Кришны среди сурашенов и в их главном городе Клейсобора могут считаться аргументом в пользу отождествления индийского Геракла с Кришной; кроме того, одного из коней Кришны звали Śaibya, который дал имя народу Шиби, среди которого, согласно Мегасфену (Strabo. XV.1.33), был развит культ Геракла. По поводу тезисов О.Штайна в поддержку отождествления индийского Геракла с Кришной можно заметить, что они все равно не заполняют всех пустот: остается слишком много несоответствий между фигурами этих божеств для того, чтобы считать это тождество доказанным.

Геракл и Васудэва-Кришна

В ряде своих работ к данному сюжету обратился Г.М.Бонгард-Левин. Так, в статье «Греко-римская традиция и религиозно-философский процесс в маурийской Индии» он выступил против отождествления «индийского» Геракла, представленного Мегасфеном, с образом собственно Кришны⁸⁵. И действительно, как мы отмечали, характер воинственного Геракла-царя, наделенного колоссальной физической силой, плохо согласуется с пастушеским образом Кришны. По мнению Г.М.Бонгард-Левина, Мегасфен отразил в рассказе об «индийском» Геракле ту стадию формирования вишнуизма, на которой одной из центральных фигур был Васудэва, сохранивший черты характера воина-кшатрия, а последовательное сближение двух мифологических традиций привело к слиянию образов Кришны и Васудэвы при преобладании черт первого. Автор утверждает, что Геракл Мегасфена был не кем иным, как Васудэвой Северо-Западной Индии, мифологическая традиция которого сохраняла независимость от образа собственно Кришны. Для подкрепления этой точки зрения им привлекаются данные Панини и эпиграфический материал II в. до н.э. Исследователь полагает, что географическую локализацию культа Геракла в городах Метора и Клейсобора, в которых он видит известные центры почитания Васудэвы Матхуру и Кришнапуру, также можно считать аргументом в пользу Васудэвы. Далее он предлагает следующие доказательства своей точки зрения.

Двойственность имени «индийского» Геракла — Васудэва-Кришна происходит от слияния двух племенных традиций почитания этих божеств. Сравнение образов героя древнейшей индийской мифологической традиции Васудэвы и Геракла Мегасфена, по мнению Г.М.Бонгард-Левина, показывает, что их объединяет целый ряд признаков: древность происхождения, почитание в качестве героя, сверхъестественная сила при отсутствии «прижизненного» статуса божества. Кроме того, совпадает географический ареал почитания, притом что племя Vṛṣṇi, почитавшее Васудэву, было известно своей синкретической активностью. Позднее же этот образ слился с образом Кришны, с которым первоначально не был связан. Наконец, автор привлекает известную Беснагскую надпись Гелиодора, свидетельствующую о наличии культа Васудэвы среди греческого населения во II в. до н.э.

⁸⁴ Dahlquist 1962: 98.

⁸⁵ Bongard-Levin 1980–1981: 56–59.

Представленные Г.М.Бонгард-Левиным аргументы все же не выглядят убедительными. Если следовать методу сопоставления набора характеристик героев Мегасфена и «претендентов» на роль их прототипов из числа персонажей местной мифологической традиции, то получится, что, кроме воинственного характера Васудэвы, длинных волос Кришны и совпадения ареалов их почитания, в распоряжении исследователя других позитивных аргументов нет. Привлекать же для характеристики событий, относящихся к рубежу IV–III вв. до н.э., эпиграфический материал, датируемый II в. до н.э., вряд ли имеет смысл: более чем столетний временной разрыв — достаточный срок для того, чтобы произошли значительные изменения в религиозной жизни общества, тем более что в Беснагской надписи речь идет о почитании Васудэвы греками, но не индийцами. На Васудэву отчасти может указать сообщение Цицерона, назвавшего «индийского Геракла» «Balus» (*De natura deorum*. 3.42), в чем можно увидеть передачу имени брата Кришны и Васудэвы — Баларама⁸⁶. Но этот источник — еще более поздний, к тому же имя «Balus» не встречается в «Индики» Мегасфена.

В другой своей работе Г.М.Бонгард-Левин, опираясь на совпадения ареалов почитания Кришны и Геракла, полагает, что именно Кришна явился прототипом последнего⁸⁷. Это лишний раз доказывает, что строить какие-либо выводы по отождествлению Геракла с тем или иным персонажем индийской мифологии на основании одного только признака весьма небезопасно, ибо совпадений в характеристиках рассматриваемых персонажей явно недостаточно для их отождествления.

Р.Одуэн и П.Бернар также полагают, что «Индики» Мегасфена представляет собой древнейшее свидетельство культа Васудэвы-Кришны в Матхуре⁸⁸. Следует отметить, что их анализ относится только к той части повествования Мегасфена, которая связана с регионом Матхуры, и не охватывает всего спектра подробностей, сообщенных Мегасфеном.

Геракл и Панду-Баларама

Ряд исследователей полагали, что исторические пандавы и южноиндийское царство Пандья тесно связаны: пандавы явились одной из поздних волн индо-арийского вторжения в Индию и, пройдя в IX–V вв. до н.э. весь субконтинент, дошли до крайнего юга и передали одной из его областей свое наименование⁸⁹. Как пишет А.Парпола, «Рамаяна могла отражать завоевание Шри-Ланки принцем Панду по имени Виджая... Мегасфен в „Индики“ Арриана (9.3) упоминает Минакши — богиню предков тамильских царей Пандья, под именем Пандайя... что означает „дочь Панду“. Панду — „бледный“ предок династии Панду — изначально обозначал „белого бога“ Бала-Раму»⁹⁰. Слабость этой гипотезы состоит в том, что она относит «место действия» этой легенды на дравидийский юг Индии, что крайне сомнительно (см. ниже).

⁸⁶ André, Filliozat 1986: 340.

⁸⁷ Бонгард-Левин 1973а: 288. То, что образы Васудэвы-Кришны и Геракла все же сливались в индо-греческой религиозной традиции, следует из того, что в индо-греческом храме, расположенном в Таксиле, роль хранителя дверей, отведенную Гераклу, исполнял именно Васудэва-Кришна (Rapin 1991–1992: 290). Однако в данном случае налицо обратный процесс — индианизация греческого божества.

⁸⁸ Audouin, Bernard 1974: 18–20.

⁸⁹ Parpola 1984: 455; Parpola 1998: 167–312; Karttunen 1986a: 203; de Romanis 1988: 52–53 (de Romanis 1996b: 198); de Romanis 1982–1987: 185–189 (de Romanis 1996a: 110–112).

⁹⁰ Parpola 2000: 109. Нельзя не отметить, что эта гипотеза была предложена еще в XIX в. Дж.У.Мак-Криндлом (McCrindle 1885: 60).

Геракл и Индра

В статье о Мегасфене К.Мюллер не обошел вниманием и упоминание в «Индике» факта почитания Геракла в Индии. Не утруждая себя поиском аргументов, он попросту объявил Геракла Индрой⁹¹. Эта точка зрения была развита в уже упомянутой книге А.Далквиста⁹². Не вдаваясь в подробный разбор построений шведского индолога, что значило бы повторить обстоятельные рецензии на эту книгу, можно отметить ряд не отмеченных в них слабостей.

Так, рассуждая об инцесте Геракла со своей дочерью, Далквист видит соответствие ему в том гимне Ригведы (X.61.5–10), где говорится о связи безымянного бога со своей дочерью. Этот сюжет в индийской мифологии традиционен, связан с Сурьей и Ушас, но сама богиня утренней зари конфликтовала с Индрой⁹³, что исключает их инцестозную связь. Сам же Далквист считает, что в этом гимне может иметься в виду Дьяус Питар, а Индра (Геракл) мог перенять какие-то его функции⁹⁴. Однако мотив инцеста между Дьяусом Питаром и Ушас в индийской мифологии не прослеживается. Указание Ригведы (III.31.15) на отцовство Ушас со стороны Индры, которое использует для реконструкции сюжета об инцесте Далквист, нельзя считать абсолютно достаточным, так как имеются данные о рождении ее Сурьей (RV. II.23.2)⁹⁵. Но и сам Далквист признает, что Индра «лишь мог иметь отношение к сюжету об инцесте» и что его связь с Ушас не может считаться доказанной⁹⁶.

Недостаточно убедительно выглядит и предположение о том, что Мегасфен мог принять этого безымянного бога за Индру, так как последний чаще всего среди богов появляется в Ригведе в одиночестве. Это подразумевало бы самостоятельное понимание текста и хорошее знание Мегасфеном крайне запутанной ведийской мифологии. Весьма слаб аргумент и в пользу того, что Мегасфен, считая почитателей Геракла монотеистами, полагал, что именно Индра являл собой в индийской религии тенденцию к монотеизму⁹⁷. На это можно возразить, что само понятие монотеизма было чуждо греческой религии в конце IV — начале III в. до н.э. К тому же положение об олицетворении в Индре идеи монотеизма Далквист никак не проиллюстрировал.

Что касается реконструкции Далквистом на основе ведийских гимнов сюжета о взятии Гераклом скалы Аорн⁹⁸, шведский индолог не учитывает одну простую вещь: этот сюжет был известен в античной традиции еще до Мегасфена (Агг. Anab. IV.28.1; Strabo. XV.1.8). Поэтому если реконструкция Далквиста все же правильна, то следует признать, что детальным знанием ведийской мифологии обладали уже спутники Александра, а Мегасфен мог лишь ввести этот мотив в свое повествование. Вполне возможно, что в основе данного сюжета и лежит ведийская легенда о битве Индры и демона Аурнавабхи, но в любом случае к определению прототипа Геракла, описанного Мегасфеном, эта история прямого отношения не имеет⁹⁹. Главное же, в отличие от Индры, победившего в своем

⁹¹ Müllerus 1847: 401.

⁹² Dahlquist 1962.

⁹³ Топоров 1990с: 552.

⁹⁴ Dahlquist 1962: 102.

⁹⁵ Дополнительные аргументы против метода и результатов интерпретации ведийской традиции А.Далквистом см.: Kuiper 1969: 143–145.

⁹⁶ Dahlquist 1962: 107.

⁹⁷ Dahlquist 1962: 102–104.

⁹⁸ Dahlquist 1962: 126–130.

⁹⁹ А следовательно, и к заявленной в книге Далквиста теме «Мегасфен и индийская религия». Название книги должно было быть другим — не «Мегасфен и индийская религия», а «Поход

сражении, «индийский» Геракл, штурмующая скалу Аорн, потерпел неудачу (Strabo. XV.1.8; Curt. VIII.11.2). Таким образом, сходства в данном случае не может быть никакого. Постановка вопроса, при которой все черты индийского Геракла (или Диониса) притягиваются к какому-либо одному персонажу местной мифологии, подразумевает единство культа и этой самой мифологической традиции в разных частях Индии: скала, которую не смог взять местный Геракл, находилась в районе Пятиречья (Агг. Anab. IV.28.30), сам же культ «Геракла» в рассматриваемое время в наибольшей степени процветал в Меторе (Матхуре). Культ гераклообразных героев в разных частях Индии не гарантирует их единства в местной традиции.

Весьма сомнительно и положение Далквиста о том, что под названием города Клейсобора может скрываться Индрапрастха (один из центров почитания Индры), что могло быть передано Мегасфеном как *Heraclapura* и одновременно *Sakrasapurra*, если считать, что Индра отождествлялся им с Гераклом только потому, что других претендентов на эту роль он просто не видит¹⁰⁰. Это является развитием безнадёжно устаревшей точки зрения Х.Лассена, критика которой приведена выше.

Далквист считает, что лучшим соответствием между Индрой и Гераклом является рассказ о подвигах последнего в Индии: многочисленных путешествиях и очищении земли от разных чудовищ¹⁰¹. Но и здесь меньшие заслуги имеют братья Пандавы, из которых Бхима чаще всего вступал в сражения с ракшасами и выходил из них победителем (например, Мбх. VII.157), т.е. данный аргумент нельзя признать достаточным. Кроме того, сам Далквист признает, что сюжет, играющий столь важную роль в его построениях, — основание Гераклом царской династии в Индии — не находит аналогии в связи с Индрой¹⁰². Таким образом, отождествление Геракла с Индрой, как и с Кришной, нельзя в конечном счете признать достаточно аргументированным.

Геракл и Шива

А.Каннингхем предложил идентифицировать Геракла с Шивой по следующим аналогиям: связь с племенем Шиби¹⁰³, использование Шивой в качестве одежды тигриной шкуры и в качестве оружия — палицы из слоновой кости, наличие двойной функции Шакти — жены и дочери Шивы¹⁰⁴. Однако первый и

в Индию Диониса и Геракла по данным античной традиции», частью которой и было сочинение Мегасфена. Примечательно, что А.Далквист не привел фрагментов сочинений историков индийского похода Александра, относящихся к пребыванию Диониса и Геракла в Индии (см.: Dahlquist 1962: 41–69). Дж.Туччи признавал, что невозможно совершенно отрицать идеи Далквиста, так как гора Илам (Аорн в его представлении) с древнейших времен считалась священной и ее штурм, возможно, отражает местную мифологическую традицию (Tucci 1977: 55). Л.Эдельберг полагал, что бог Indr, почитавшийся кафирами, мог подтолкнуть спутников Александра к мысли о почитании Диониса в этом регионе. Культ Индра включал употребление вина, вытеснившего сому (Edelberg 1965: 194–195).

¹⁰⁰ Dahlquist 1962: 131–133. Впрочем, рассмотрение возможной связи между «Kleisobora» и «Heraclapura» он завершает заключением о том, что эта связь не верифицируема и поэтому не будет включена в число аргументов, которые безусловно говорят в пользу отождествления Индры и Геракла.

¹⁰¹ Dahlquist 1962: 146.

¹⁰² Dahlquist 1962: 164.

¹⁰³ О племени Шиби см.: Bimala Churn Law 1943: 82–85; Dani 1964: 13–17.

¹⁰⁴ Cunningham 1963: vii–viii. Кроме того, эти положения были поддержаны Дж.Кеннеди (Kennedy 1907: 951–991), Х.Г.Роулинсоном (Rawlinson 1916: 61), а позднее — Дж.Г. де Каспарисом (de Casparis 1963: 280).

четвертый пункты вообще не могут быть применены к Шиве, ибо имена Шиб и Шива связаны лишь фонетическим сходством¹⁰⁵, а Шакти не являлась ни женой, ни дочерью Шивы, но любовницей. Что касается второго и третьего пунктов, то дубина была довольно распространенным атрибутом персонажей индийской мифологии, например Рудры¹⁰⁶, а шкура у Шивы была тигриная, в то время как у индийского Геракла — львиная. А.Далквист предложил еще ряд тезисов против отождествления Геракла с Шивой: Геракл Мегасфена почитался на равнине, а Шива — в горах; у Геракла было много жен, у Шивы же одна, к тому же у него, в отличие от Геракла, не было большого количества сыновей; индийская традиция не связывает сюжет с инцестозной связью с Шивой; нет никаких упоминаний того, что Шива пришел в Индию во главе армии; Шива не был царем, как Геракл, не был он и воином; у Геракла отсутствуют наиболее важные характеристики Шивы: медитативная сущность йогина, функция разрушителя и третий глаз¹⁰⁷. Образы Шивы и Геракла действительно сливаются в одно целое, но в гораздо более позднюю эпоху — наличие синкретического образа Геракла-Шивы прослеживается начиная с I в. н.э.¹⁰⁸. Таким образом, то, что рассказано Мегасфеном и его предшественниками о Геракле, рассказано не о Шиве, и наоборот.

Геракл и Вишну

В.С.Соловьев был склонен видеть в индийском Геракле Вишну, так как последнего наиболее почитают на севере Индии — в долинах, где, согласно Страбону (XV.1.58), живут последователи Геракла, в которых русский философ видел «северных вишнуитов»¹⁰⁹. Следует отметить, что города Метора и Клейсобра античные авторы помещали не на севере, а в центре страны; кроме того, «северные вишнуиты» конца XIX в. совсем не обязательно должны соответствовать жителям севера Индии времен Мегасфена.

Геракл и дравидийская мифология

Польский историк Л.Скуржак, поддержанный своей ученицей И.Захше, выступил с предположением, что под именем Геракла мог скрываться доарийский хараппский «прото-Шива»¹¹⁰. Но если так, остается неясным, как Мегасфену удалось собрать столь полную информацию о своем Геракле, ибо вряд ли он мог получить подробные сведения от дравидийского населения Восточной Индии как потому, что он не знал дравидийских языков, так и потому, что его окружение, что явствует из анализа его информации о структуре индийского общества¹¹¹, было брахманическим. Здесь можно было бы повторить критические замечания, высказанные в адрес А.Далквиста. Следует тем не менее отметить, что попытки «вывести» из мифологии народов древнего Ближнего Востока основные мотивы ведийской традиции, связанные с Индрой, не прекращаются¹¹², хотя удачными их назвать нельзя. Также не выглядит убедительной идея

¹⁰⁵ Об этом писал еще Х.Лассен: Lassen 1840: 193–194.

¹⁰⁶ Подробнее об изображении дубины Геракла в связи с отождествлением с индийскими богами см.: Mariottini Spagnoli 1967: 248–250, 257–261; Mariottini Spagnoli 1970: 460–463.

¹⁰⁷ Dahlquist 1962: 76.

¹⁰⁸ Пугаченкова 1977: 83–86, 90; см. также: Mitchiner 1973: 63, Pl. XIII.

¹⁰⁹ Соловьев 1991: 19.

¹¹⁰ Skurzak 1979: 72; Sachse 1981: 49.

¹¹¹ Бухарин 1997.

¹¹² Lahiri 1974: 236–259.

П.Эггермонта о том, что образ Геракла «списан» с Якши¹¹³. Индийская традиция не говорит о том, что Якша был земным царем, основавшим царскую династию, из которой вышел Чандрагупта, что он завоевал всю Индию, а также проводил культурогенную деятельность. Не хватает ему и многих других атрибутов, необходимых для того, чтобы быть достойным претендентом на роль индийского Геракла.

Геракл как синтез различных божеств

Оригинальностью в трактовке этого вопроса отличается позиция тех исследователей, которые считали, что в образе Диониса и(или) Геракла Мегасфен и(или) его предшественники смешали информацию о разных местных богах. Не считая возможным найти какого-либо одного героя индийской мифологической традиции на роль прототипа «индийского» Геракла, Ш.Р.Гойал утверждает, что, как и в случае с Дионисом, Мегасфен смешал образы разных индийских богов: Шиву (почитание племенем Шиби), Кришну (изображение в армии Пора)¹¹⁴, Ману-Вивасвату (культ в Меторе, герой рассказа Мегасфена о приходе Геракла в Индию, о Пандайе, о разделе страны между его сыновьями). Различия же между несколькими индийскими версиями историй о местных прототипах Геракла он объясняет тем, что сами эти легенды во время пребывания Мегасфена в Индии находились на переходной от ведийской к пуранической стадии своего формирования¹¹⁵. С одной стороны, такая позиция имеет куда меньше слабых сторон, чем приведенные ранее: всякую «нехватку» характеристик того или иного героя можно восполнить привлечением черт других героев. С другой стороны, эта версия не проясняет целей собирания сведений об индийских Геракле и Дионисе, во многих случаях разбивает цельность образов героев повествования Мегасфена, заставляя предположить, что длинные волосы Диониса он взял, например, от Кришны, любовь к вину и танцам — от Баларамы или Индры, страсти к кимвалам и тимпану — от кого-нибудь еще и так далее, с тем чтобы одним именем охватить различные божества, почитавшиеся в ту пору в Индии в разных регионах. Конечно, при описании различных мелочей (связь с деревом тала и др.) в его описание могли попасть черты и других персонажей местной традиции. Но, как и другие исследователи, касавшиеся этого вопроса, Ш.Р.Гойал не попытался выделить структурообразующую канву этой легенды, отделить главное от малозначительного. Совершенно противоречат сведениям Мегасфена об индийском Геракле истории о Ману — первом царе и родоначальнике цивилизации: сам Гойал называет Ману первым царем после потопа, тогда как Геракл продолжал династию Диониса, а для того чтобы как-то оправдать отсутствие культа Ману-бога, Гойал утверждает, что Мегасфен в связи с культом Геракла в Матхуре «нигде не ссылается на его почитание как бога»¹¹⁶. В каком еще качестве можно было его почитать, автор этих утверждений умалчивает. Называть подход Гойала к решению данной проблемы «совершенно новым» и «проливающим новый свет на состояние индийской цивилизации ко времени визита Мегасфена»¹¹⁷ было бы крайним преувеличением. В этом же направлении идет мысль Р.Вофчук, которая полагала, что Мегасфен смешал в образе Геракла сви-

¹¹³ Eggermont 1986: 165.

¹¹⁴ А.М.Шастри полагает, что этим персонажем был Кубера (Shastri 1991: 80–90).

¹¹⁵ Goyal 1985: 113–124.

¹¹⁶ Goyal 1985: 119, 121.

¹¹⁷ Nirmala M. Upadhyaya 1992: 78–82.

детельства о культе нескольких богов, в том числе Шивы и Кришны, и И.Пушкаш, для которой в образе обоих богов — Диониса и Геракла — смешались черты Индры, Шивы и Кришны¹¹⁸.

«Индика» Мегасфена и южноиндийская
религиозно-мифологическая традиция

Ж.Филлиоза считал, что южноиндийские источники — тамильские и санскритские — имеют достаточно параллелей с рассказом об индийском Геракле и его дочери Пандайе, за которым можно усмотреть образ Шивы, давшего начало местной династии, и Кришны, так как Мегасфен не сумел различить образы двух местных богов и смешал их в одном Геракле¹¹⁹. Несколько по-иному представлена его точка зрения в совместной с Л.Рену работе: данные тамильских источников, содержащие источник легенды о Геракле в пересказе Мегасфена, восходят не к Кришне, а только к Шиве, покровителю столицы царства Пандья — Мадурай. Царь Пандья не имел детей, Шива даровал ему дочь, на которой сам же и женился, с тем чтобы она вступила на престол под именем *Sundarapāṇḍya*¹²⁰. Эти положения были позднее отчасти повторены и развиты в двух пространственных статьях: по его мнению, часть легенды об индийском Геракле находит совершенно точные параллели в тамильской литературной традиции о стране *Pāṇḍya* и ее столице *Madurai*, в частности в сочинении *Tiruvilayātāpūrānam*¹²¹, передающем следующую легенду. Царь Мадурай и его жена, происходящая из племени *Cūrasēna* (вспомним о почитании Геракла в племени сураसेнов), были бездетными. Небесный покровитель Мадурай — Сундарешвара, соответствующий Шиве и являющийся земным воплощением Вишну в форме юного героя, даровал им дочь. Она завоевала всю страну, но у нее не было детей. Тогда Сундарешвара сам взял ее в жены. Как видим, главным при формировании этой легенды были звуковые соответствия в мифах «классической» и южной Индии, отмеченные Мегасфеном: *Mathura-Madurai*, *Surasena-Cūrasēna*. На это и на то, что в царстве дочери Геракла нужно видеть *Pāṇṭiyanāṭu* тамильской традиции, Ж.Филлиоза указал и в других своих работах¹²².

Наблюдения над тамильской поэтической традицией в связи с легендой о дочери Геракла Пандайе и ее жемчужине продолжил Ф. де Романис. В тамильском поэтическом сочинении «Чилаппатикарам» повествуется о правительнице царства Пандья (отсюда и имя Пандайя), которая обладала роскошной жемчужиной, отождествляемой с «*kula mutal*» или «*Maturapati*» — «богиней-основательницей династии» или «той, которая охраняет Матурай» — столицу царства Пандья¹²³. В таком случае под Гераклом — действующим лицом именно этого эпизода — может скрываться Панду — легендарный основатель тамильской

¹¹⁸ Vofchuk 1985: 19 (справедливую, хотя исключительно суровую критику см.: Karttunen 1986b: 85); Puskás 1989: 64–66.

¹¹⁹ Filliozat 1943–1945: 420.

¹²⁰ Renou, Filliozat 1947: 245.

¹²¹ Filliozat 1969: 76–77; Filliozat 1981: 111–112.

¹²² Filliozat 1974: 128; André, Filliozat 1980: 105 (в данном случае авторы выдвинули довольно противоречивую гипотезу: упоминание Плиния Старшего о пандавах — NH. VI.76 — восходит к пандавам, а о Пандайе — к южноиндийской традиции), 156–158.

¹²³ de Romanis 1982–1987: 185–189 (de Romanis 1996a: 110–112). На царство Пандья как исторический прообраз царства дочери Геракла также ссылались: Kanakasabhai Pillai 1904: 54–55; Smith 1908: 407; Schoff 1912: 238; Kuiper 1969: 144; Dessigane, Pattabiramin, Filliozat 1960: xiii; Filliozat 1974: 128; André, Filliozat 1980: 156–157; Casson 1989: 218.

царской династии¹²⁴. Сами эти наблюдения весьма интересны, но они относятся лишь к одному эпизоду легенды.

Геракл и Пандавы

Охарактеризованные в предыдущем разделе гипотезы вызвали резкую критику со стороны Ж.Дюмезиля. По его мнению, эта история восходит к легенде о царе Яяти и его дочери Мадхави, описанной в «Махабхарате», которую Мегасфен передал с некоторыми вполне объяснимыми искажениями¹²⁵, но при этом история с поиском Гераклом жемчужины для своей дочери может восходить к деяниям Кришны, описанным в «Вишну-пуране». И соответственно, имя Pandaia восходит не к Pāṇḍya, а к Pāṇḍava. В другой статье он совершенно отвергает саму возможность связи этой легенды с югом Индии: фонетически Pandaia не ближе к Pāṇḍya, чем к Pāṇḍava; в своем рассказе Мегасфен не уточнил, что именно на юге Индии Геракл обнаружил свою жемчужину для дочери, а Полиен (I.3.4) — единственный автор, у которого такая ссылка присутствует, — сделал этот вывод много позднее, когда жемчуг стал предметом торговли с югом Индии; брачный возраст в 7 лет для любого региона Индии выглядит нереальным, а тамильские литературные параллели, по его мнению, не являются очевидными. Все это дало ему возможность заключить, что вся легенда восходит к Яяти и его дочери¹²⁶. Но из «Индики» Арриана известно, что Геракл нашел свою жемчужину в море (Arr. Ind. 8–12), в то время как Кришна искал ее только на суше (Bh.P. 16.12–45; 17.1–27).

Таким образом, ни одна из попыток подобрать сколько-нибудь подходящий персонаж местной литературной традиции на роль Диониса или Геракла для истолкования их похода в Индию и последующей там деятельности и раскрыть механизм сложения этой легенды не увенчалась успехом¹²⁷. Для исследователей этот сюжет представлялся набором деталей, связанных с культом и мифами о каком-то определенном боге, которые и записал Мегасфен. Порочность такой методики очевидна из ее безрезультатности.

II

Сопоставление данных античной и индийской традиции

Реальное существование культов Диониса и Геракла прослеживается на основании нумизматических данных начиная с середины III в. до н.э. на территории Греко-Бактрийского и во II–I вв. до н.э. — Индо-Парфянского царства¹²⁸. Эпиграфические и собственно археологические данные городищ Ай-Ханум и Тахт-и-Сангин свидетельствуют, что с начала III в. до н.э. Геракл почитался на

¹²⁴ de Romanis 1988: 52–53 (de Romanis 1996b: 198).

¹²⁵ Dumézil 1983a: 51–59.

¹²⁶ Dumézil 1983b: 60–65; Dumézil 1971: 258–259, 262, 264.

¹²⁷ Интересно, что практически отсутствуют работы, в которых бы ставился вопрос о происхождении легенды о завоевании Индии Гераклом в связи с культом Александра Македонского. О скульптурном воплощении идеи происхождения Александра от Геракла см.: Fischer 1957: 431; Taddei 1984: 169 (pl. 3, 44–46).

¹²⁸ Пугаченкова 1977: 81–82.

территории Бактрианы¹²⁹. В Таксиле и Беграме первое место среди всех найденных изображений «западных» божеств занимают именно образы Диониса¹³⁰. В большом количестве изображения Диониса и Геракла присутствуют на монетах Антиоха I, Евтидема I, Деметрия I, найденных при раскопках городища Ай-Ханум¹³¹; батальная сцена с изображением Диониса была найдена и в Беграме¹³². Изображения Диониса и Геракла были широко известны в искусстве Гандхары¹³³ и на территории Таксилы¹³⁴ и Хадды¹³⁵. Культ этих богов был настолько распространен, что чаша с изображением Диониса была найдена даже в Китае, куда она, очевидно, попала по Великому шелковому пути¹³⁶. Из сочинения Флавия Филострата (II.43) известно, что Александр, достигнув долины Инда, установил алтари и посвятил их 12 эллинским богам, в том числе «своему брату Гераклу». В нашем распоряжении нет данных, которые позволяли бы ставить вопрос о введении этой легенды в греческую мифологию спутниками Александра вне связи с индийской традицией. Весьма часто античные авторы прямо апеллируют именно к индийским информаторам как к своему источнику сведений о Дионисе и Геракле, не имеющему отношения к прославлению Александра (например, Curt. II.39.1), да и деталей пребывания Диониса в Индии, явно восходящих к индийской традиции, слишком много, для того чтобы списать всю легенду на воспаленное воображение окружения Александра. Вместе с тем почва для рождения истории об «индийском» походе Диониса и Геракла готовилась, конечно, не в Индии. Ведь и представление у участников похода Александра о территории, которую обошли во время своих странствий Дионис и Геракл, менялось с тем, как его армия все дальше продвигалась на восток. Так, сначала ее границей был назван Танаис (Curt. VII.9.15), а уже в Индии — область оксидраков (Curt. IX.4.21). Геракл к середине IV в. до н.э. уже был известен как герой-странник, обошедший Среднюю Азию (особенно в «Вакханках» Еврипида), а Александру, тщеславие которого подогревалось его ближайшим окружением, очень хотелось превзойти своим величием всех земных владык (например, Curt. VI.12.18; VIII.5.8; IX.2.29). Увиденные армией Александра особенности религиозной жизни Северо-Западной Индии, восходящие к культу Шивы или других местных «дионисийских» божеств, устанавливаемые на основе археологических, этнографических и мифологических исследований¹³⁷, легли на эту почву, дав рождение истории о походе в Индию этих греческих божеств, развитой затем Мегасфеном. Таким образом, содержательную основу информации, переданной греческими авторами об индийском походе Диониса и Геракла,

¹²⁹ Кошеленко 1979: 154; Пичикин 1991: 183–189, 253–254, 262–263.

¹³⁰ Ghirshman 1946: 64–65. О распространении образов Диониса по различным областям Средней Азии — Бактрии, Согду, Хорезму, начиная с III в. до н.э. см.: Пугаченкова 1967: 423–428; Рапопорт 1978: 275–284.

¹³¹ Bernard 1985a: 43, 58, 61, 65, 112. Следует упомянуть и о том, что гимнасий Ай-Ханума (середина II в. до н.э., но первые археологические слои самого города относятся уже к раннеселевкидской эпохе — Bernard 1982: 135) был посвящен Гераклу и Гермесу: Bernard 1973: 208ff. См. также: Chaudhari 1983.

¹³² Hackin 1954: 12.

¹³³ Francfort 1979: 20–22 (pl. VII), 23 (pl. VIII), 31 (pl. XIII).

¹³⁴ Marshall 1975: 159 (pl. 209a), 614, 694 — Дионис; 2–3, 35–37, 50, 54, 131, 169, 182, 187, 645, 648, 800–802, 805, 807, 810, 817 — Геракл.

¹³⁵ Раскопки в Хадде показали, что образы Геракла и Александра Македонского сливались: Mustamandy 1984: 178 (fig. 4).

¹³⁶ Baratte 1996: 142–144.

¹³⁷ Foucher, Bazin-Foucher 1947, Buddruss 1965, Dumézil 1983a: 48–49, 59.

нужно искать в местной мифологической традиции, рассмотрение которой в связи с данным сюжетом и предлагается ниже.

Страбон и Арриан 2000 лет назад усомнились в достоверности истории об индийских походах Диониса и Геракла, поведенной Мегасфеном и другими писателями (Strabo. XV.1.9; *Агг. Anab.* IV.28.1–2). Негативный опыт исследователей середины XIX–XX вв., казалось бы, должен подтверждать их оценку. Необходимо, однако, взглянуть на эту проблему с другой точки зрения и внести в стратегию исследовательских трудов коррективы: четко определить, какой сюжет стоял в центре внимания его авторов, отделить данные Мегасфена от информации, сообщенной соратниками Александра, выявить систему стереотипов и категорий, которыми оперировали рассказчики этой и типологически родственных легенд. Надо отказаться от стремления найти соответствия непременно всем характеристикам индийских Диониса и Геракла: в этих фигурах отразились впечатления многих людей, живших в разное время, описывавших разные территории, культура которых оставалась для них чуждой; исследование данного сюжета не должно переходить границы возможного. Наконец, необходимо установить авторство тех или иных сюжетов о походе Диониса и Геракла в Индию, что сделает возможным рассмотрение этой легенды в развитии.

Подобному рассмотрению должна помочь составленная нами таблица, в которой обобщены основные мифологические сюжеты относительно пребывания и деятельности Диониса в Индии по «первичным» и «вторичным» источникам. Как видно из нее, во всем объеме информации, относящейся к этому сюжету, нужно четко различать два пласта: то, что было увидено и описано историками Александра, с одной стороны, и Мегасфеном — с другой. Различен и регион описания, и время их пребывания в Индии. На Мегасфена, как на автора этой легенды, ссылаются Арриан (*Ind.* 8.6) и Страбон (XV.1.7). Именно Мегасфен ввел и генеалогические данные (*Агг. Ind.* 8.1–2; *Plin. NH.* VI.59). Армия Александра не встретила «общеиндийского» царя, который вошел бы в традиционные генеалогии, поэтому историки, описывавшие поход, не могли, в отличие от Мегасфена, представить такого рода сведений. Само различие целей пребывания в Индии историков военной экспедиции и Мегасфена обусловило особенности представленной ими информации. Вопрос о собственно религиозных культах Индии разбирается, например, у Страбона в соответствующем месте (Strabo. XV.1.69).

Очевидно, что эта история имеет несколько пластов: более ранний, относящийся ко времени индийского похода Александра по Северо-Западной Индии, и более поздние, относящиеся ко времени визита Мегасфена и всем последующим добавлениям. Справедливости ради надо сразу отметить, что некоторые сюжеты Геродота и Ктесия Книдского также могли иметь отношение к ее формированию. Мегасфена можно считать автором своего рода расширенной версии легенды о Дионисе и Геракле, в отличие от простой, предложенной историками Александра. На смешении всех этих течений и строится рассказ о Дионисе и Геракле у Диодора, в «Индике» Арриана и Страбона. Подобные обстоятельства должны привлекать во внимание при анализе этого сюжета. Рассмотрим теперь по порядку данные источников, учитывая все обозначенные источниковедческие трудности.

Индийский Дионис

Сюжет	Первичный источник	Вторичный источник
В доисторические времена пришел с армией с запада, завоевал всю Азию и Индию	Историки Александра; Мегасфен	Diod. II.38.3; Strabo. XV.1.6; Arr. Ind. 5.8; 7.5; Curt. VIII.10.1–2
Излечил в армии моровую болезнь на горе Мерос, поэтому греки говорят, что родился из бедра отца (родился в Нисе, возвращен в одном из гротов горы Мерос)	Историки Александра; Мегасфен	Diod. II.38.4; Plin. NH. VI.23.9; Solin. 52.16; Poluaenus. Strat. I.1.2; Arr. Anab. V.1.6; Curt. VIII.10.12–13 (Mela. De Chorogr. 3.66)
Придя в Индию, нашел ее совершенно дикой, ввел основы цивилизации, в том числе:	Мегасфен	Diod. II.38.5; Arr. Ind. 7.2–3
научил индийцев пользоваться оружием;	Мегасфен	Arr. Ind. 7.7
основал города, которых в Индии до него не было, в том числе Нису;	Историки Александра (основание Нисы); Мегасфен	Arr. Anab. V.1.3–2.2, Ind. 7.5; Diod. II.38.5; Strabo. XV.1.8; Plin. NH. VI.23.9; Solin. 52.16; Curt. VIII. 10.7, 11–12
ввел законы и установил суды;	Мегасфен	Diod. II.38.5; Arr. Ind. 7.5
ввел оседлый образ жизни, научил пользоваться плугом;	Мегасфен	Arr. Ind. 7.2, 7
дал семена растений, научил собирать и хранить продукты питания, разводить виноград.	Мегасфен	Diod. II.38.5; Strabo. XV.1.8, 58; Arr. Ind. 7.6
Правил в Индии 52 года, основал царскую династию: Дионис-Спатемба-Будия-Крадэва	Мегасфен	Diod. II.38.7; Arr. Ind. 8.1–3; Plin. NH. VI.21.4–5; Solin. 52.5
Научил индийцев почитать богов и себя в том числе; за многие благодеяния почитался богом, в том числе «философами» в горах	Мегасфен от «индийцев, живущих в горах»	Diod. II.38.5, 39.1; Arr. Ind. 7.3, 8; Strabo XV.1.58; Curt. VIII.5.11, 17
Культ включал в себя ношение длинных волос, танцы, музыку	Мегасфен	Strabo. XV.1.58; Arr. Anab. 6.3.5, Ind. 7.8
От него произошло племя оксидраков, разводившее виноград	Историки Александра; Мегасфен (?)	Strabo. XV.1.8

Авторство фрагментов и развитие легенды

У Страбона можно обнаружить недвусмысленную ссылку на авторство истории о завоевании Дионисом Индии: «καὶ Μεγασθένης τῷ λόγῳ τούτῳ... οὐτ' ἐπελθεῖν ἔξωθεν καὶ κρατῆσαι πλὴν τῆς μεθ' Ἡρακλέους καὶ Διονύσου...» (Strabo. XV.1.6)¹³⁸. Арриан упоминает «многие рассказы» (πολλὸς λόγος

¹³⁸ «И Мегасфен [согласен] с этим рассказом... что никогда не покоряли их из-за границы, кроме пришедших вместе с Гераклом и Дионисом».

(Ind. 5.8) на этот сюжет, называя важным свидетельством присутствия Диониса в Индии наличие там города Нисы, горы Мерос и плюща, который на ней произрастает (Ind. 5.9). Впервые ссылки на гору Мерос и город Нису появляются у историков, сопровождавших в индийском походе Александра (Агг. Anab. V.1.3–6; Curt. VIII.10.7–13), но Страбон прямо называет Мегасфена источником своей информации о том, что виноград, растущий лишь в одном месте, у «горных» философов, является доказательством пребывания Диониса в Индии (XV.1.58): «ὁ Μεγασθένης... περὶ δὲ τῶν φιλοσόφων λέγων τοὺς μὲν ὀρεινοὺς αὐτῶν φησὶν ὑμνητὰς εἶναι τοῦ Διωνύσου, δεικνύοντας τεκμήρια τὴν ἀγρίαν ἄμπελον, παρὰ μόνοις φυομένην... ταῦτα μὲν οὖν μυθώδη καὶ ὑπὸ πολλῶν ἐλεγχόμενα καὶ μάλιστα [τὰ] περὶ τῆς ἀμπέλου καὶ τοῦ οἴνου»¹³⁹. В другом месте Страбон таким местом называет именно гору Мерос (XV.1.8). Из этого следует, что и сюжет с исцелением армии Диониса от моровой болезни, а также история происхождения Диониса из бедра отца в связи с этим исцелением, во всяком случае, Мегасфену была знакома¹⁴⁰.

Еще одним, правда косвенным, доказательством может служить следующее: рассказывая эту историю, Диодор Сицилийский говорит об одном из лечебных средств: «διδῶν τόπων εἰς τὴν ὀρεινὴν ἐν ταύτῃ δὲ πνεόντων ψυχρῶν ἀνέμων καὶ τῶν ναματιαίων ὑδάτων καθαρῶν ῥεόντων πρὸς αὐταῖς ταῖς πηγαῖς ἀπαλλαγῆναι τῆς νόσου τὸ στρατόπεδον» (II.38.4)¹⁴¹. Чуть ранее (II.36.1) Диодор также говорит о «чистом воздухе» (ἄερα μὲν καθαρὸν) и «прозрачной воде» (ὕδωρ δὲ λεπτομερέςτατον). В этом параграфе Диодор, повествуя об устройстве сельского хозяйства индийцев, определенно ссылается на Мегасфена¹⁴². Информация о двух урожаях, которые приносит индийская земля (Strabo. XV.1.20), почерпнутая из сочинения Мегасфена, также имеется и в этом параграфе (Diod. II.36.4). Мегасфен являлся информатором Арриана и о горной реке Силе, вода которой обладала свойством необыкновенной легкости (Ind. 6.2), т.е. он был вполне квалифицированным знатоком горных потоков, которые могли исцелить армию Диониса, и утверждение о том, что Мегасфен побывал в тех же местах, что были описаны участниками индийской кампании Александра, выказанное на основе текстологического анализа¹⁴³, обретает дополнительное обоснование.

Окончательную ясность в этот вопрос привносит замечание Солина, до сих пор не привлекавшееся в исследованиях по «Индике» Мегасфена: «Megasthenes sane apud *Indicos reges* (курсив мой. — М.Б.) aliquantisper moratus res Indicas scripsit, ut fidem quam oculis subiecerat memoriae daret» (Solin. 52.3)¹⁴⁴. Сам факт упоминания индийских *царей* в связи с пребыванием Мегасфена в Индии делает дальнейшие дискуссии о том, был ли Мегасфен в Северо-Западной Индии во

¹³⁹ «Мегасфен, говоря о философах, сообщает, что горные из них воспевают Диониса, приводя в доказательство дикую виноградную лозу, только у них произрастающую... это, конечно, сказки, и многие их отвергают, и в особенности рассказы о виноградной лозе и вине».

¹⁴⁰ К.Карттунен также полагает, что этот миф был составлен Мегасфеном (Karttunen 1997a: 28). Однако он не привел для этого каких-либо аргументов.

¹⁴¹ «Там дуновение прохладных ветров и чистые проточные воды, протекающие возле самых источников, избавили лагерь от болезни» (пер. В.В.Вертоградовой).

¹⁴² См. об этом: Бухарин 1998a: 72–78.

¹⁴³ Бухарин 1998c: 103–113; Bongard-Levin, Bukharin 2000: 69–79.

¹⁴⁴ «Мегасфен, который довольно долго пребывал при дворе индийских царей, написал „Индийские дела“, чтобы точно передать воспоминания о том, что он видел».

время правления Пора, бессмысленными¹⁴⁵. Следовательно, и факт существования города Ниса на северо-западе Индии (Arr. Anab. V.1.3–2. 2, Ind. 7.5; Diod. II.38.5; Strabo. XV.1.8; Plin. NH. VI.23.9; Solin. 52.16; Curt. VIII.10.7, 11–12), а возможно, и племен маллов и оксидраков (санскр. — mālavakṣudraka) должен был быть ему знаком¹⁴⁶. Очевидно, что легенда о завоевании Индии Дионисом была по меньшей мере известна Мегасфену, а во всей ее полноте — им развита. В таком случае необходимо иметь в виду еще одно принципиально важное обстоятельство: армия Александра до того, как войти в Пенджаб, проходила по территориям, занятым племенами, не входившими в круг традиционной индийской культуры: дардами, кафирами и т.д. Следовательно, прежде всего, в их мифологической традиции и нужно искать корни тех историй, что были рассказаны о пребывании Диониса и Геракла в Северо-Западной Индии.

Обратимся к рассмотрению обстоятельств пребывания Диониса в Индии, выделяя по возможности греческий и индийский контексты.

Завоевание Дионисом Индии и ее праистория

Греческий контекст

Расхождение в описании Индии времени походов Диониса и Геракла с собственно индийскими представлениями о глубокой древности очевидны: для грека праистория индийцев до прихода туда Диониса и Геракла — время варварства, для индийца «начало истории» (время Критаюги), наоборот, «золотой век». Одно из многочисленных его описаний, в основном дублирующих друг друга, содержится в «Адипарве» (Мбх. I.58.3–24): в ту пору люди были свободны от забот и болезней (ср. болезнь в армии Диониса — Diod. II.38.4), никто не сходился с женщинами до совершеннолетнего возраста (ср. инцест Геракла со своей семилетней дочерью и вообще ранний брачный возраст в стране, где она правила, — Arr. Ind. 9.1). Во времена Критаюги при вспашке земли индийцы не впрягали быков в ярмо, в отличие от введшего эту практику Диониса (Arr. Ind. 7.7). На земле уже господствовал закон (который был введен опять же Дионисом — Diod. II.38.5), а собственно период варварства, с которого в античной традиции начинается индийская история, наступает в «конце истории» (время Калиюги). Таким образом, с точки зрения формы предыстории Индии в изложении антич-

¹⁴⁵ Необходимо упомянуть интереснейшую статью А.Б.Босворта, показывающую, что исторический контекст «Индики» Мегасфена восходит к реалиям Северо-Западной Индии (Bosworth 1996: 113–127). Правда, нельзя согласиться с тем, что Мегасфен мог ездить к Чандрагупте до 316 г. и что исключительно к этому же времени относится само сложение легенды о походе Диониса и Геракла в Индию. Мегасфен ее сложит только после того, как побывает в Паталипутре, упомянутой в связи с походом Геракла. С некоторой неуверенностью склонен согласиться с тем, что Мегасфен мог повстречать Пора в Северо-Западной Индии и К.Карттунен (Karttunen 1997a: 71).

¹⁴⁶ Еще А.Д.Нок писал о том, что Мегасфен сделал Нису не просто городом, Дионисом основанным, но — местом его рождения (Nock 1928: 27). Однако он не указал, собственная ли это информация Мегасфена или он трансформировал данные историков Александра, полагая, что в любом случае — это плод идеологической кампании. Все же в описании встречи предводителем нисийцев войска Александра и утверждении об их происхождении от участников похода Диониса можно найти рациональное зерно. Дарды — представители местного населения Пятиречья — сами считают себя «неместными». Это хорошо согласуется с утверждением Арриана о «неиндийском» происхождении нисийцев. Интересно, что до сих пор жива традиция, возводящая «белых кафилов» к армии Александра Македонского (Tam 1938: 170).

ных авторов — время до прихода туда Диониса и Геракла — отражает неиндийскую точку зрения. Логично предположить, что при детальном рассмотрении она окажется греческой. Об этом говорят как общие указания авторов о схожести праистории Греции и Индии (Diod. II.38.2) или вообще варваров (Thuc. I.6.6), так и конкретные детали описания. Арриан сообщает, что в древности индийцы вели кочевой образ жизни (Ind. 7.1). Согласно Фукидиду, постоянные перемещения были свойственны и древнейшим племенам Эллады (I.2.1). Диодор сообщает, что в древности в Индии не было больших городов (II.38.3). На эту же деталь применительно к древнейшей истории Эллады указывает Фукидид (I.2.2). Диодор говорит, что в стародавние времена люди в Индии жили «отдельными селениями» (κωμῆδόν). Смысл этого термина далеко не столь прозрачен, как кажется на первый взгляд. Его смысл вполне определенно разъяснен у Аристотеля при характеристике древнейшего периода в истории Эллады и человечества вообще (Pol. 1252b). А обозначает он не просто сам факт жизни людей в отдельных селениях, но отсутствие у них государственного общения и общества как такового, что и означает отсутствие государственности (1280b). Этот термин было бы удачнее перевести не дословно «отдельными селениями», а иносказательно, передав его истинный смысл — «вне государственного общения». В древности жители Эллады крайне страдали от отсутствия материального достатка (Thuc. I.2.2–3). То же отмечает в индийской истории Арриан (Ind. 7.2–3), что совершенно не согласуется с абсолютным материальным достатком в «начале истории» по индийским представлениям.

Таким образом, бессмысленно искать прямое влияние местной индийской традиции о «золотом веке» на описание начала индийской истории в античной литературе. Форма этой легенды была греческой, и этот вполне стандартный набор деталей перечислялся греческими этнографами тогда, когда речь шла о начале истории, установлении власти первых правителей, следовательно, именно этот сюжет находился в центре внимания Мегасфена. Логично предположить, что если легенда об индийском походе Диониса и Геракла передана в категориях, употреблявшихся в греческом мире при описании праистории Эллады и начала царской власти, то именно правление первых индийских царей, начало индийской истории, а не религиозные культы, как полагают исследователи этого вопроса, интересовало Мегасфена в этом сюжете прежде всего. В его рассказе нужно видеть не просто бессвязный набор подробностей о двух каких-то местных богах, а сложную конструкцию, состоящую из этнографических и политических мотивов: описание древнейшего этапа истории Индии, переданное определенными именно для этого сюжета выразительными средствами древнегреческой этнографической и политической литературы, вокруг которого уже и размещаются многочисленные второстепенные подробности. «Дионис» и «Геракл» являются в данном случае своего рода техническими терминами, когда речь заходит о начале царской власти¹⁴⁷. Вероятно, если бы речь шла о каком-либо ином регионе, прародители его государственности вообще и царской власти в частности также носили бы имена Диониса и Геракла.

¹⁴⁷ У К.Д.Сетхны по этому поводу имеется свое оригинальное мнение. Он считает, что «винный» характер культа Диониса-Притху объясняется слуховой ошибкой: имя Притху по отцу Вене — Вайнья могло быть воспринято как греческое οἴνη — «виноградная лоза», а само имя «Дионис» произошло от санскритского deva (бог) Нисы. Под эпитетом «deva» мог скрываться как Шива, так и Притху. См.: Sethna 1966a: 29–30.

Индийский контекст

Если в истории о завоевании Индии Дионисом Мегасфена интересовало прежде всего начало царской власти, то, вероятно, единственным источником, к которому могла бы восходить такого рода информация, было описание обряда посвящения на царство первого индийского царя — *раджасуя*, во время которого совершающий его царь символически завоевывает всю землю. Совершение первого обряда раджасуи может означать первое (символическое) завоевание Индии кем-либо, в данном случае ее первым царем. Завоевание Индии, описанное античными авторами, является лишь *Interpaetatio Graeca* информации, так или иначе (скорее всего не напрямую) восходящей к сведениям, касающимся совершения обряда раджасуи и передающим смысл одного из основных понятий деятельности царя — *vijaya* (завоевание). В том, что данные Мегасфена могут восходить к древнеиндийской царской обрядности, нет ничего невозможного. Как показал Р.Гусенс¹⁴⁸, Флавий Филострат (Аврр. 2.19.5) весьма точно передал описание обряда Ашвамедхи в его древней и малоизвестной форме, находящей наилучшие соответствия в «Шатапатхабрахмане». Если проанализировать материал пуранической традиции, содержащий данные о раджасуе, то внимательное прочтение соответствующих эпизодов о начале земной истории вообще и царской власти в частности дает почти, а иногда и совершенно точные параллели к рассказу (или пересказу) сообщений историков Александра Македонского) Мегасфена о династии первых индийских царей, основанной Дионисом. Так, «Брахма-пурана» сообщает, что первым царем в начале новой эры Ману Вивасваты был Притху, он же первым и совершил обряд посвящения на царство — раджасуя, символически завоевав всю землю, а соответственно и всю Индию:

rājasūyābhiṣiktas tu pṛthur atair narādhipaiḥ |
vedadr̥ṣṭena vidhinā rājā rāje narādhipaḥ ||
tato manvantare 'tīte cākṣuṣe 'mitatejasi |
vaivasvatāya manave pṛthivyāṃ rājyaṃ ādiśat (4.16–17)¹⁴⁹.

Собственно сам обряд раджасуи не имеет прямого отношения к описанию начала индийской истории. Его суть состоит в жертвоприношениях Сомы, направленных на поддержание годового цикла, в конце которого совершалось повторяющееся помазание царя для сохранения продолжаемости процесса¹⁵⁰. Однако для грека, следующего своей этнографической традицией, было важным не выяснить суть того или иного ритуала, а собрать необходимый материал, который в том, что касается царской власти как таковой, ее происхождения, содержался в описании обряда посвящения на царство. Сам обряд подразумевает символическое ведение «боевых действий» совершающим его царем, а традиция, сложившаяся вокруг этого ритуала, наполнена «реальными» войнами, которые ведутся как жителями земли, так и небес. Так, Сомы был выбран царем богов, и с его помощью были завоеваны все четыре четверти неба¹⁵¹. Совершение

¹⁴⁸ В античной литературе известны примеры весьма точного описания индийских царских обрядов (Goosens 1930: 280–285).

¹⁴⁹ «В церемонии раджасуя Притху был посвящен этими царями (имеются в виду боги, назначенные Брахмой покровителями тех или иных сфер растительного, животного и т.д. миров. — М.Б.) на царство / По ведийскому ритуалу царь на царство царями [посвящен], / Так как прошла эра Ману Чакшуши, / Он (Брахма. — М.Б.) передал земное царство Ману Вивасвате».

¹⁵⁰ Heestermann 1957: 45, 48. См. рецензию: van Beutenen 1960: 252–253.

¹⁵¹ Gonda 1969: 48.

обряда раджасуи определенно приводит ко всеобщей войне¹⁵². Пересказом такого рода мифологического события и могло явиться повествование Мегасфена о покорении Дионисом и Гераклом всей Индии. Хотя завоевательные экспедиции и вторжения, включенные в обряд раджасуи, имели лишь символическое значение¹⁵³, покорение всего мира являлось как исходным пунктом, так и целью (пусть лишь ритуальной, но всегда через ритуал декларируемой) правления любого индийского царя. Этим и должны объясняться сообщения некоторых источников (например, Arr. Ind. 5.8) о том, что Дионис, прежде чем вторгнуться в Индию, прошел походом через всю Азию, т.е. известный тогда мир. В обряде раджасуи царь получал все виды земной власти¹⁵⁴; обретя силу и мужество, он в ходе обряда совершал всеохватывающее завоевание земли, обеспечивал безопасность от врагов¹⁵⁵. Стремление к завоеванию, к расширению жизненного пространства подразумевается самим образом царя; понятия «завоевание» и «процветание» в обряде раджасуи неразрывно связаны¹⁵⁶. Между завоеванием Индии Дионисом, вакхическим характером его культа и покорением земли царем в обряде раджасуи можно проследить определенную связь: царь «расширяется», «наполняется», т.е. становится могущественным, выпив напиток Сомы, обладавший галлюциногенным свойством и способствовавший завоеванию царем земли. Источники прямо называют Сому «царской властью»¹⁵⁷.

Собственно завоевательная деятельность в ходе обряда раджасуи происходит во время эпизода¹⁵⁸ подношения так называемым *ratnin* — царским сановникам, хранителям казны, членам царского дома. Это — один из немногих эпизодов в ходе раджасуи, прямо и непосредственно связанный с царской властью; это — единственный эпизод, когда царь именуется именно царем, а не просто «совершающим жертвоприношение»¹⁵⁹. Суть ритуала в том, что 12 ратнинов, располагаясь с юга на север или с запада на восток, что повторяет направление движения армии Диониса в ходе его индийского похода, символизировали «части», «члены» владения, которое царь должен был сконцентрировать, собрать воедино, интегрировать в собственной персоне¹⁶⁰. Совершив жертвоприношение в доме каждого ратнина, царь таким образом завоевывает и крепко удерживает свое владение. Интересно, что в ходе жертвоприношения восьми богам, именуемого *devasuvah havimṣi*, царь совершает три шага Вишну, символизировавших завоевание «трех миров» с запада на восток¹⁶¹. Это же направление прослеживается и в ритуальной игре в кости, одной из важнейших составляющих раджасуи¹⁶², и в описании (данном в брахманах) сходного с раджасуей обряда, принятого в племени куру-панчала и предназначенного также для встречи Нового года: символическое завоевание мира проходит с запада на восток, а затем армия «завоевателей» возвращается в западном направлении¹⁶³ (ср. мотив воз-

¹⁵² Thite 1972: 47–48.

¹⁵³ Thite 1972: 54–57.

¹⁵⁴ Gonda 1969: 80.

¹⁵⁵ Gonda 1969: 81.

¹⁵⁶ Gonda 1969: 101–102, 122.

¹⁵⁷ Heestermann 1957: 88.

¹⁵⁸ Анализ ритуала см.: Sharma 1959: 103–118.

¹⁵⁹ Heestermann 1957: 50.

¹⁶⁰ Heestermann 1957: 50–52, 61.

¹⁶¹ Heestermann 1957: 71.

¹⁶² Heestermann 1957: 152–153.

¹⁶³ Heestermann 1957: 211.

вращения Диониса из Индии — Arr. Anab. V.1.5; Polyaen. Strateg. I.1.3). Уместно отметить, что указание на то, что Дионис пришел именно «ἐκ τῶν πρὸς ἑσπέρῳ τόπων» (Diod. II.38.3) — «из мест, лежащих к западу», передано не самими греками, а их индийскими информаторами (ср. ниже о рождении Диониса из бедра). Rātnīṣaṃ havīṃṣī, совершаемое царем, — эпизод, имеющий наибольшее сходство с описанием завоевания Индии Дионисом. Именно в обряде раджасуи царь получал все виды земной власти и становился бессмертным¹⁶⁴. Многочисленные описания обряда посвящения на царство содержит «Махабхарата». Согласно Сабхапарве (Мбх. II.12.9–15; II.32.31–38), царь, совершивший обряд раджасуи, является всепобеждающим, а владение каждым новым царем всей землей является чрезвычайно популярным эпитетом (Мбх. II.5.115; II.9.12; II.11.52–61; II.12.9–15; III.34.45–55; V.112.1–8; V.147.1–10 и др.).

Что касается наличия своей армии у царя во время обряда раджасуи, то в качестве таковой можно рассматривать сто человек, пьющих Сому во время ритуала daśareya. Присутствие женщин в армии Диониса (Diod. II.38.6) — эпизод, хорошо согласующийся с материалом греческой мифологической традиции, по которой женщины составляли ближайшее окружение Диониса. Об этом свидетельствуют данные изобразительного искусства. Так, при раскопках в Беграме было найдено большое количество барельефов, на которых он изображался в окружении менад¹⁶⁵. Хариты также входили в число его ближайших соратников¹⁶⁶. Анализ обряда ratnahavīṃṣī показывает, что из 12 мест ратнинов два или три отдавались женщинам¹⁶⁷, что явственно перекликается с сообщением Мегасфена.

Рождение Диониса. Гора Мерос

В историографии было предпринято немало попыток отождествить гору Мерос. Вопрос не считается окончательно решенным и по сей день. Дж.Маркварт полагал, что Мерос — это гора Mañjavanta¹⁶⁸. Г.Моргенштерн считал, что под Мерос понимается гора Tirič Mir в Читрале¹⁶⁹. Д.Туччи указывал, что каждое племя в Северо-Западной Индии имело свою гору Мерос, а Мерос жителей долины Свата — это гора Илам, культ покровителя которой восходит к почитанию Шивы¹⁷⁰. На то, что до сих пор «meros» является частью названий некоторых гор на северо-западе Индии, обращал внимание и О. фон Хинюбер¹⁷¹.

Писатели позднеэллинистического и римского времени, которые сохранили в своих трудах сведения соратников Александра и Мегасфена, выразили им недоверие относительно рождения Диониса из бедра Зевса: «Διόνυσος ἐξέτρεψε τὰς δυνάμεις ἐκ τῆς νόσου· ἐφ' οὗ δὲ καὶ τοὺς Ἕλληνας περὶ τοῦ θεοῦ τοῦτου παραδεσκέσθαι τοῖς μεταγενεστέροις τεθρέφθαι τὸν Διόνυσον ἐν μηρῷ»

¹⁶⁴ Gonda 1969: 80.

¹⁶⁵ Hackin 1954: Fig. 251–251 bis, 261–263 bis, 274, 275, 277, 279, 280, 292, 370, 384, 391, 393, 395.

¹⁶⁶ Otto 1965: 171–181.

¹⁶⁷ Sharma 1959: 117.

¹⁶⁸ Marquart 1901: 86, 137.

¹⁶⁹ Morgenstierne 1931: 443.

¹⁷⁰ Tucci 1977: 27. См. также: Jettmar 1975: 53–54. На то, что гора Илам почитается как священная жителями долины Свата, обратил внимание еще Аурел Стайн (Stein A. 1929: 33–34).

¹⁷¹ Wirth, von Hinüber 1985: 1083.

(Diod. II. 38. 4)¹⁷²; «Sita est (urbs) sub radicibus montis quem Meron incolae appellant, inde Graeci mentiendi traxere licentiam Iouis femine Liberum Paterem esse coelatum» (Curt. VIII.10.12)¹⁷³, т.е., по их мнению, не индийцы, а сами участники похода Александра создали этот сюжет, довольно грубо подогнав исцеление армии Диониса под его рождение. Курций Руф и Диодор Сицилийский под «греками» подразумевали, конечно, не столько участников похода Александра в Индию (Curt. VIII.10.11–12) и Мегасфена (который, безусловно, был в курсе всего того, что было связано с горой Мерос в работах спутников Александра), сколько эллинскую мифологическую традицию в целом. Однако близость их сведений материалам индийской традиции заставляет усомниться в этом выводе.

Прежде всего эта история имеет довольно точные параллели в «Брахма-пуране». Из бедра Вены — отца первого царя Притху — родился повелитель племени нишадов и других племен, обитавших в горах Виндхья (4.42–47), а после него из правой руки Вены на свет появился сам Притху (4.47–49), который стал повелителем всех существ, включая горы, растения и животных (4.42–47). Так же говорит и «Вишну-пурана» (I.13.8–10). Факт рождения Притху из правой руки своего отца пусть не идентичен, но весьма близок сообщению Диодора о появлении Диониса из бедра своего отца (Diod. II.38.4; Strabo. XV.1.8; Arr. Anab. V.1.6). Встретив сюжет, столь схожий с греческим, его первый пересказчик¹⁷⁴ вполне мог его «подогнать» под нечто более знакомое, изменив руку на бедро как источник рождения Диониса¹⁷⁵. Но это значит, что армия Александра должна была встретить информацию, восходящую к классическим санскритским пуранам. Нельзя сказать, что это предположение совершенно правдоподобно.

Можно было бы предположить, что на сложение данного сюжета в армии Александра Македонского определяющее влияние могла оказать местная небрахманическая традиция: так, в преданиях кафиров сохранилась история о боге Gish/Givish, которая несет в себе черты сходства с тем, что было рассказано о Дионисе и его армии. Gish/Givish был своего рода Марсом кафиров. Отправившись в поход со своей армией, он дал ее участникам плоды чудесного дерева, с тем чтобы они набрались сил. Затем он повел их против демона Сами¹⁷⁶. Интересно наблюдение, сделанное упомянутым ранее полковником британской армии сэром Томасом Холдичем: в лагере для военнопленных два находившихся там кафира спели ему гимн, посвященный этому богу. И сам полковник определил, что это божество, хотя и не главное в кафирском пантеоне, более других напоминает Диониса, притом что традиции виноделия и винопочитание у кафиров исключительно сильны¹⁷⁷.

Однако эти сообщения отстоят значительно дальше по точности от материала санскритских пуран. Можно было бы предположить, что изначально появилась на свет история о походе какого-то местного божества типа Gish/Givish.

¹⁷² «Дионис исцелил армию от болезни, поэтому эллины передают последующим поколениям, что Дионис был взращен в бедре».

¹⁷³ «Город расположен у подножия горы, которую местные жители называют Мерос, поэтому и греки выдумали басню, что Либера Патер был заключен в бедро Юпитера».

¹⁷⁴ А им, кстати, не мог быть Мегасфен, что явственно следует из «Географии» Страбона (XV.1.9), где его авторство приписано «лгвльцам Александра», и Арриана (Anab. V.1.6), что вполне объяснило бы причину изменения сюжета «в пользу» Александра.

¹⁷⁵ В этом ключе дается анализ этого эпизода Р.М.Хантингтоном. Также он утверждает, что во всех источниках вместо «руки» фигурирует «бедро» (Huntington 1960: 190, № 8).

¹⁷⁶ Jettmar 1975: 91.

¹⁷⁷ Holdich 1910: 131–133.

Местные легенды о горе Меру могли дать пищу для рождения истории о появлении там на свет Диониса. Мегасфен, будучи в Паталипутре, в поиске информации о первом царе не мог пропустить сюжет о его рождении, тем более что он уже был обозначен в трудах биографов Александра. Найдя его аналог в истории о рождении Притху, Мегасфен оставил его в своем повествовании. И уже у более поздних писателей оба сюжета обрели причинно-следственную связь.

Ниса

Обратимся к анализу сообщений о городе Ниса, основанном Дионисом и встреченном армией Александра. В исследовательской литературе предлагалось несколько вариантов его отождествления: так, тот же Т.Холдич считал, что информация о Нисе попала в армию Александра из какого-то местного источника, поскольку сама Ниса находилась на склонах горы Меру¹⁷⁸. Р.Гиршман отождествлял Нису с древней Нагарой (Nagarahāra), расположенной в долине реки Кабул (древний Кофен), рядом с современным Джелалабадом¹⁷⁹.

Думается, что и в сообщениях об основании Нисы, встрече предводителем нисийцев войска Александра и их происхождении от участников похода Диониса можно найти отголосок реальных исторических событий. Известно, что еще при Дарии I греческие гарнизоны были перемещены в Бактрию¹⁸⁰. Однако вряд ли возможно, что именно эти колонисты и образовали увиденное армией Александра в долине Кабула поселение. Речь в сообщении античных авторов идет о потомках местного божества, поэтому искать «нисийцев» нужно среди племен, населявших Гиндукуш, долину Кабула. Например, нуристанцы уверены в том, что они мигрировали в нынешние долины с юга¹⁸¹.

Рождение царской власти

Греческий контекст

Легенда об основании правящей династии Дионисом могла быть передана только Мегасфеном, ведь последним царем в ней упомянут Сандракотт (Чандрагупта Маурья) (Агг. Ind. 9.9), к которому Мегасфен ездил с посольством¹⁸².

Диодор говорит, что благодаря многим прекрасным делам, совершенным в Индии, Дионис удостоился почестей бессмертных (II.38.5), т.е., будучи выдающимся человеком, стал богом. Этот же путь описывает и Курций Руф (VIII.5.11, 17). Согласно Аристотелю, человек, намного превосходящий всех остальных добродетелью и политическими способностями, не является состав-

¹⁷⁸ Holdich 1910: 124, 132.

¹⁷⁹ Ghirshman 1946: 64.

¹⁸⁰ См.: de Jong 1973: 117; Briant 1996: 521–522.

¹⁸¹ Jettmar 1975: 55.

¹⁸² П.Эггермонт считает вполне возможным, что Мегасфен не был в Паталипутре. Известно, что Мегасфен бывал в военном лагере Чандрагупты (Str. XV.1.54), где он и мог встретить первого Маурья. Лагерь этот, возможно, находился недалеко от Матхуры, так как Мегасфен проявляет неплохую осведомленность об этом регионе (Eggermont 1986: 160). Но в другом месте своей книги Страбон сообщает, что Мегасфен был именно в Паталипутре (во всяком случае, и там тоже): «ἐλέμφθησαν μὲν γὰρ εἰς τὰ Παλίμθορα ὁ μὲν Μεγασθένης πρὸς Σανδράκωτον» (Strabo. II.1.9). Этот отрывок из «Географии» П.Эггермонт не упоминает.

ной частью государства (Pol. 1284a) и, как и в случае с индийскими Дионисом и Гераклом, введшими государственное общение и облагодетельствовавшими своих подданных, должен считаться божеством (Pol. 1253a). В отличие от любого индийского прототипа на роль «культурного героя» и царя, ставшего таковым по праву силы, первый индийский царь Дионис в полном соответствии с требованиями политической теории древней Греции занимает это место вследствие неоспоримого превосходства над окружающими в добродетели и оказания им множества услуг, определивших на века вперед их последующую жизнь. Необходимо принять во внимание, что Дионис при завоевании Индии не встретил никакого сопротивления (Diod. II.38.3). Согласно Диодору (II.38–39), Дионис научил индийцев хранить и собирать плоды, изготавливать вина, основал первые города, ввел религиозную и судебную практику, установил законы и только вследствие этого стал почитаться богом и смог основать в Индии первую царскую династию. Интересно, что и один из гимнософистов, взятых в плен Александром Македонским, на вопрос, как человек может стать богом, ответил: «εἴ τι πράξειεν εἴπεν ὁ πρῶτος δύνατον ἀνθρώπῳ μὴ εἶναι» (Plut. Alex. 64)¹⁸³. Теоретическую основу для подобного рода описания предложил все тот же Аристотель: «φύσει μὲν οὖν ἡ ὁρμή ἐν πᾶσιν ἐπὶ τὴν τοιαύτην κοινωνίαν· ὁ δὲ πρῶτος συστήσας μεγίστων ἀγαθῶν αἴτιος»¹⁸⁴ (Pol. 1253a; см. также 1284a) — в рассматриваемом случае Дионис. В другом месте Аристотель приводит настоящую схему рождения царской власти: ее родоначальник должен был быть благодетелем народной массы, руководить ею благодаря изобретению тех или иных ремесел, предводительству на войне, основанию государственных объединений (Pol. 1325b), что в точности соответствует деятельности Диониса в Индии. И только добродетель, а не сила являются истинным основанием царской власти. Вполне возможно, что и утверждение, будто в древнейшие времена индийцы не посылали военных экспедиций в соседние страны (Strabo. XV.1.6; Arr. Ind. 5.4), появилось на свет именно благодаря представлениям самих греков о том, что в глубокой древности люди вообще не вели боевых действий вне пределов своего государства (Thuc. I.15.2).

Индийский контекст

Дионис был избран царем не по праву силы, но потому, что превосходил всех своих подданных в добродетели (Diod. II.38–39). Принимая во внимание то, что этот сюжет описан в греческих категориях мысли, в «Брахма-пуране» можно обнаружить явную ему параллель, которую можно рассматривать как источник развития данной темы: Притху был избран царем «anurāgāt», т.е. «от любви», «от привязанности», что вполне точно передает идею воцарения благодаря превосходству не в силе, а в добродетели:

anurāgāt tatas tasya nāma rājābhyajāyata (4.57)¹⁸⁵.

В данном контексте «anurāga» вполне точно передает, что любовь Притху к живым существам, которым он «anurāgāt» даровал множество благ, и была причиной избрания его земным царем.

¹⁸³ «[человек может превратиться в бога,] если совершит нечто такое, что невозможно совершить человеку» (пер. М.Н.Ботвинника, И.А.Перельмута).

¹⁸⁴ «Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо» (пер. С.А.Жебелёва).

¹⁸⁵ «Именно благодаря любви он был рожден царем». То же говорит и «Вишну-пурана» (I.13.48).

Династия Диониса

Среди всех имеющихся в источниках деталей описания нужно выделить как те, которые могут быть отнесены сразу ко многим героям индийской мифологии, и те, которые однозначно указывают на кого-либо одного. К неоспоримым свидетельствам античной традиции, позволяющим идентифицировать те или иные черты древнеиндийского прототипа этой истории, можно отнести следующее: им был вполне земной смертный правитель, стоящий в одном ряду с Сесострисом, Семирамидой, Набокодросором, Теарконом и Иданфирсом (Strabo. XV.1.6; Arr. Ind. 5.6–8), ибо только после смерти он удостоился божеских почестей, — пришедший в Индию с запада со своей армией с целью завоевания, он был первым царем, затем стал почитаться как бог за свою эвергетическую деятельность. Тем самым собственно боги, не проделавшие путь с земли на небо — например, Шива, Вишну, Индра — не могут считаться имеющими прямое отношение к сложению этой легенды в труде Мегасфена.

Перейдем к данным индийской генеалогии, переданной Мегасфеном: «καταστήσαι βασιλέα τῆς χώρας Σπατέμβαν τῶν ἐταίρων ἓνα τῶν βακχῶδέστατον τελευτήσαντος δὲ Σπατέμβα τὴν βασιλῆην ἐκδέξασθαι Βουδύαν τὸν τοῦτου παῖδα... ἐκδέξασθαι τὴν βασιλῆην Κραδεύαν» (Arr. Ind. 8.1–2)¹⁸⁶. В распоряжении исследователя имеется информация, неоспоримо указывающая на тот персонаж индийской мифологии, который стоял в центре аналогичного сюжета: Сандракотт (Чандрагупта Маурья) и Дионис принадлежали к одному царскому роду (Arr. Ind. 9.9). Известно, что первый Маурья принадлежал к царям Лунной династии («Матсья-пурана». 272.22). Следовательно, Дионис, положивший начало роду Чандрагупты, и первый царь Лунной династии — одно и то же лицо. А им мог быть только Притху — первый земной царь по пуранической традиции. Притху не был собственно основателем Лунной династии, но он — первый царь по ее «списку», стоявший перед ее традиционным основателем — Сомой. «Изначальным» (adhirājendra, adhirāja), «первым» (prathamō) из царей величает Притху текст «Брахма-пураны» (4.1, 117–118):

pārthivaiś ca mahābhāgaiḥ pārthivatvam ihecchubhiḥ || ...
ādirājo namaskāryo yodhānām prathamō nṛpaḥ || (4.117–118)¹⁸⁷

Притху занимает в списке «первых царей» особенное место — ведь именно от него Земля получила свое имя «Pṛthivī» (4.113), к тому же Притху в одном из центральных эпизодов мироустройства обращается в Ману Свамбхуву (4.26). Таким же образом Притху воспевается и в «Ваю-пуране» (Cf. VP. I.13.92)¹⁸⁸.

Следующим после Диониса царем был некий Спатемба, а после него — Будия. В последнем легко угадывается Будха, также третий царь в рассказе «Брахма-пураны». Между Притху и Будхой текст помещает царствование Сомы. Он не был сыном Притху, и текст Мегасфена в пересказе Арриана также не утверждает родственной связи между Дионисом и Спатембой, тогда как Будха

¹⁸⁶ «поставил царем страны Спатембу — одного из своих товарищей, наиболее посвященного Вахху, когда же Спатемба умер, царская власть перешла к его сыну Будии, [который] передал царскую власть Крадэве».

¹⁸⁷ «И достославными царями, и теми, кто желает обрести царское достоинство в этом мире... / Среди воинов да будет почитаться как изначальный царь, как первый владыка».

¹⁸⁸ Patil 1946: 28, 163.

назван именно сыном (τὸν τοῦτου παῖδα) Спатембы¹⁸⁹. Это точно соответствует связям между царями, описанным в «Брахма-пуране» (9.31–32; 108.56)¹⁹⁰. Происхождение имени «Спатемба» пока не прояснено: предлагавшийся ранее эпитет «śvetāmbu»¹⁹¹ («белое пятно») в источниках не засвидетельствован. К.Д.Сетхна возводил имя Спатембы к «saptāmbāḥ» («семиводный»: RV. VII.42.1)¹⁹². Данный фрагмент «Ригведы» действительно обращен к Соме, но такого эпитета там нет. Этот вопрос пока остается открытым. Можно было бы предположить, что первая часть имени Спатембы отражает санскритское «sva-» (само-).

Дионис — «культурный герой»

Греческий контекст

Теперь имеет смысл перейти к анализу той информации, которая содержит описание деятельности Диониса как «культурного героя». То, что Дионис дал первым жителям Индии различные виды продовольствия, научил их выращивать, собирать и хранить плоды и зерно, также хорошо согласуется с образом Диониса-кормильца в греческой мифологии. Особенно четко этот образ представлен в «Вакханках» Еврипида (416ss, 426). В голодные годы Дионис поддерживает людей, он не призывает добывать хлеб насущный тяжелым трудом, как у Гесиода, но безвозмездно (на первый взгляд) раздает людям все, что им необходимо для беззаботной жизни¹⁹³.

Интересно, что описание эвергетической деятельности Диониса в Индии представлено у Мегасфена практически теми же словами, как и описание Аристотелем благодеяний, совершенных для древних жителей Италии царем Италией: «φασὶ γὰρ οἱ λόγιοι τῶν ἐκεῖ κατοικοῦντων Ἰταλὸν τινα γενέσθαι βασιλέα τῆς Οἰνωτρίας... τοῦτον δὴ λέγουσι τὸν Ἰταλὸν νομάδας τοὺς Οἰνωτροὺς ὄντας ποιῆσαι γεωργοὺς καὶ νόμους ἄλλους τε αὐτοῖς θέσθαι καὶ τὰ συσσίτια καταστήσαι πρῶτον» (Arist. Pol. 1329b)¹⁹⁴. Примерно теми же словами описывается культурная деятельность Александра Македонского в Персии (Arr. Ind. 40.8). Введение «индийским» Дионисом законов и судов, дарование индийцам ремесел, связанных с земледелием, выделяет Диодор (II.38.5); обращение их из кочевников в земледельцев, введение законов подчеркивает Арриан (Ind. 7.1–8). Очевидно, что и в этом вопросе Мегасфен имел греческий литературный прецедент, которому он, в свою очередь, старался следовать.

Индийский контекст

Мифологическая традиция содержит сведения об эвергетической деятельности первого индийского царя по данным пуран — Притху, которая также может

¹⁸⁹ Легенда о рождении Будхи подробно рассмотрена В.Кирфелем (Kierfel 1976: 72–90). Он же приводит данные о том, что «Брахма-пурана» содержит наиболее древнюю и самую полную версию этого мифа (Kierfel 1976: 72).

¹⁹⁰ Несмотря на усилия К.Чаттопадхья (Chattopadhyaya 1925: 265–266) доказать, что в тексте Tāṇḍyamahābrāhmaṇa термин saṃtaṇaṇaḥ нельзя рассматривать как «сын Сомы», «Брахма-пурана», пересказывая сложные перипетии рождения Будхи, недвусмысленно говорит именно об этом.

¹⁹¹ Chattopadhyaya 1925: 265.

¹⁹² Sethna 1966b: 277.

¹⁹³ Об этом см. главу «Дионис-кормилец» в работе М.Дараки (Daraki 1985: 45–71).

¹⁹⁴ «Ученые из тамошних жителей рассказывают, что был некто Итали, царь Энотрии... Передают, что Итали сделал энотров, которые вели кочевой образ жизни, земледельцами, дал им новые законы и впервые установил сисситии» (пер. С.А.Жебелёва).

стать предметом рассмотрения с точки зрения теории и практики царской власти в ходе совершения раджасуи. Обладая созидательной энергией, щедростью, будучи хозяином богатств, царь распределяет ценности среди тех, кто подчиняется ему (AV. III.4.2–7). Царская власть и функции царя — сама основа человеческого существования¹⁹⁵. Функция вселенского завоевателя подразумевала и производство продовольствия¹⁹⁶. В ходе раджасуи царь выступает как источник блага, которое он распределяет среди людей¹⁹⁷. Брахманическая традиция содержит сведения о том, что первый царь среди людей — Притху обрел «всю еду»¹⁹⁸. Известно, что он не только «выдоил» из земли (представленной в образе коровы) навыки сельскохозяйственной деятельности вообще и различные плоды в частности, но и пожелал «сохранить» все продовольствие, чем прославился и индийский Дионис (Diod. II.38.5). Образ разоренной, неплодородной земли, которую нашел Дионис, придя в Индию, хорошо согласуется с тем, что земля при отце Притху тиране (но не царе) Вену была совершенно невозделанной, дикой. И сам обряд раджасуи нацелен на то, чтобы восстановить истощенные мировые силы плодородия, когда они в конце каждого календарного года пребывают в упадке. В Индии, какой ее нашел Дионис, также ничего не возделывалось, люди жили в дикости, земля оставалась необработанной, не дававшей плодов. Индийская земля до прихода туда Диониса существовала без царя и напоминала незамужнюю женщину, которая без мужа не могла приносить никакого потомства, т.е. никаких плодов¹⁹⁹. Данные индийских источников о Притху хорошо согласуются с тем, что известно о Дионисе из сочинений греческих авторов: покорив всю землю, он побудил ее дать плоды, им были установлены справедливые законы²⁰⁰.

«Вишну-пурана» говорит о том, что до Притху все растения были истреблены и люди гибли от голода (I.13.67–68, 86). «Брахма-пурана» описывает, как благодаря Притху земля начала давать плоды (правда, без вспашки плугом), коровы — молоко, появилась еда:

akṣṛtapasyā prthivī sidhyanty annāni cintanāt |
sarvakāmadughā gāvaḥ puṭake puṭake madhu (4.59)²⁰¹.

Плодоношение земли (akṣṛtapasyā) стоит отнести на счет восхваления сверхъестественных способностей Притху как царя-благодетеля и на сочность эпитетов, выражавших их, но не на реальный интерес сказителя к отсутствию навыков вспашки в эпоху Притху, тем более что прямо противоположное говорится далее. Основание городов, введение торговли, скотоводства и вспашки земли, накопление средств существования, появление «правды» и «неправды», что можно воспринимать как начало «законов» и «суда», оседлого образа жизни — все эти нововведения «индийского» Диониса появились при Притху:

¹⁹⁵ Gonda 1969: 19.

¹⁹⁶ Gonda 1969: 118.

¹⁹⁷ Heestermann 1957: 52.

¹⁹⁸ Ссылки на источники указаны в: Heestermann 1957: 67.

¹⁹⁹ Hara 1973: 108–111.

²⁰⁰ Интересно, что среди прочих его провозгласили царем горы и деревья, тогда как Дионис, согласно античным авторам, почитался именно в горах, а Сомы являлся богом деревьев.

²⁰¹ «Земля не знала вспашки, еда появлялась без хлопот. Все коровы, подобные Камадугхе, давали молоко, мед был в каждой чашке».

nahi pūrvavisarge vai viṣame pṛthivītale |
 samvibhāgaḥ purāṇām vā grāmānām vābhavat tadā ||
 na sasyāni na gorakṣyaṃ na kṛṣiṃ na vaṇikpathaḥ |
 naiva satyānṛtaṃ cāsin na lobho na ca matsaraḥ ||
 vaivasvate 'ntare tasmin sāmpratam samupasthite | ...
 tatra tatra prajāḥ sarvā nivāsaṃ samarocayan ||
 āhāraḥ phalamūlāni prajānām abhavat tadā...
 sasyajātāni sarvāṇi pṛthur vaiṇyaḥ pratāpavān... (4.91–97)²⁰².

То, что Дионис научил, согласно Арриану (Ind. 7.7), индийцев запрягать волов в плуг, также находит свое объяснение на материале раджасуи. Есть гипотеза, согласно которой первоначально это был ритуал царской пахоты²⁰³.

Принимая во внимание тот факт, что Мегасфен мог заимствовать определенный пласт информации от спутников Александра Македонского, в особенности в том, что касается почитания в Индии Диониса и Геракла, и то, что сам Мегасфен, несомненно, побывал в Северо-Западной Индии, где вполне мог получать информацию от представителей «неортодоксальной» индийской культуры²⁰⁴, следует отметить, что частично можно найти параллели к этому рассказу и в мифологии кафиров. Imra/Mara, считающийся их верховным богом, привнес в жизнь людей много важных культурных начинаний, в частности, распределил пшеницу, научил людей пахать землю и использовать плуг. После того как он привил людям навыки культурной жизни, он перешел на небеса²⁰⁵. Вполне возможно, что основы этой истории были записаны Мегасфеном не при дворе Чандрагупты, а в горах на северо-западе Индии, в Паталипутре же лишь развиты.

Установление законов и судов

То, что царь является воплощением закона и норм праведности, что он — главный судья в своей стране, вообще *locus communis* индийской литературы. Его основная функция на государственном уровне — следовать дхарме, делать все в соответствии с нормами праведности и принуждать к этому всех жителей. «Чьей силой мир установлен на вечном пути, тот бог (имеется в виду царь) побуждает, процветает, славен, отправляет правосудие, владыка земли» («Камандака-нитисара»). Истинный царь — воплощение закона²⁰⁶. Царь именно в обряде раджасуи являлся воплощением Варуны — бога-законодателя; а сам обряд еще именовался *Varunasava*²⁰⁷. В ходе ритуальной игры в кости, одной из его важнейших составляющих, царь провозглашает: «Да будет закон править в моей стране»²⁰⁸.

²⁰² «В прежнем творении на грубой поверхности земли / Не было разделения на город и деревню, / Не было ни земледелия, ни скотоводства, ни вспашки, ни торговых путей, / Не было правды и неправды, не было жадности, не было ревности. / Когда при этом Вивасвате наступило настоящее... / Тогда все живые существа обрели оседлость, / У них появилась еда, плоды и корни для потомков, / Зерно всякого вида Притху Вайнья даровал...». Тот же текст приведен и в «Вишну-пуране» (I.13.83–84); «Бхагавата-пурана» также восхваляет Притху — родоначальника цивилизации (IV.15–18).

²⁰³ Heestermann 1957.

²⁰⁴ Бухарин 1998с: 103–113.

²⁰⁵ Jettmar 1975: 68–69.

²⁰⁶ Gonda 1969: 18.

²⁰⁷ Heestermann 1957: 85.

²⁰⁸ Heestermann 1957: 155.

Установление культа Диониса и его особенности

В источниках имеются сообщения о том, что Дионис научил индийцев почитать богов, и прежде всего самого себя (Diod. II.38.5; Arr. Ind. 7.3, 8). Наилучшим и, наверное, единственным соответствием введению богочитания в индийской традиции является легенда о восстановлении Притху ведийского жертвоприношения, уничтоженного его отцом тираном Веной:

maryādāṃ bhedayāṃ āsa dharmopetāṃ sa pārthivaḥ |
vedadharmān atikramya so 'dharmanirato 'bhavat ||
niḥsvādhyāyavaśatkārah prajāś tasmin prajāpatau |
pravṛttam na papuḥ somaṃ hutam yajñeṣu devatāḥ ||
na yaṣṭavyam na hotavyam iti tasya prajāpateḥ |
āsit pratijñā krūreyam vināśe pratyupasthite ||
aham iyaś ca yaṣṭā ca yajñāś ceti bhṛgūdvaha |
mayi yajño vidhātavyo mayi hotavyam ity api || (4.31–34)²⁰⁹.

Так в «Брахма-пуране» (4.31–34) описываются злодеяния Вены. Этот рассказ повторяется и в «Вишну-пуране» (I.13.14, 20–24). А стихи 14 и 23 передают прямой запрет Вены на совершение жертвоприношений. После этого Пураны рассказывают, как небесные риши свергли Вену, а затем из его правой руки родился Притху, который и восстановил почитание богов (VP. I.13.26–38). Так как Притху был первым царем в эру Ману Вивасваты, слушателями этой истории, т.е. Мегасфеном, он справедливо мог быть расценен как установивший богочитание. Вена не рассматривается в Пуранах как «истинный царь», так как не отличался добродетельным поведением, поэтому возможно, что именно этот сюжет скрывается за установлением первым индийским царем культа богов.

И другая сторона введения в Индии религиозных культов Дионисом — установление почитания самого себя (Arr. Ind. 7.8) — отчетливо видна при анализе обряда раджасуи. В ходе жертвоприношения с царем Сомой, царем брахманов, идентифицируется и сам совершающий жертвоприношение будущий царь; совершающий жертвоприношение рассматривается как жертвуемое, он тождествен жертве, в данном случае напитку Соме. Тем самым приносящий в жертву Сому — а fortiori совершающий царское жертвоприношение — становится идентичным царю Соме²¹⁰. Царь, совершающий обряд раджасуи, по определению самого обряда становится идентичным Соме; пьющий Сому, он пьет сам себя, Сома становится тождествен самой царской власти²¹¹. Жертвующий, жертвуемый и принимающий жертву соединяются в фигуре царя. Таким образом получается, что царь в данном случае участвует в собственной культовой практике,

²⁰⁹ «Этот царь перешел границы и пределы праведности, / Переступил через законы Вед, он предавался беззаконию. / При этом правителе подданные не изучали священное писание и не занимались жертвоприношением. / Боги в жертвоприношениях не получали ни сомы, ни возлияний / „Ни жертвоприношений, ни возлияний“ — так приказал этот владыка... / „Я должен почитаться, мне должно приносить в жертву“, — так [он сказал], о сын Бхригу, — „для меня должно совершаться жертвоприношение и возлияние“».

²¹⁰ Heestermann 1957: 75–77. Далее (с. 161) Хейстерман называет тождество жертвователя с жертвуемым «хорошо установленным фактом». Аналогичная взаимосвязь прослеживается на материале культа прото-Диониса в минойско-микенской религии (см.: Отто 1996: 103–119). Эта же черта культа Диониса прослеживается и в классическое время (Daraki 1985: 63).

²¹¹ Heestermann 1957: 192–193.

а совершивший возлияние Сомы в ходе впервые совершенного обряда посвящения на царство — установил ее²¹². Предложенное объяснение слишком громоздко для того, чтобы поверить, что Мегасфен мог усвоить все эти подробности. Но способ его общения с местным окружением определенно подразумевал значительное упрощение передаваемой информации, и такого рода понимание пуранического сюжета о восстановлении жертвоприношения совершенно возможно.

Если считать, что индийскую основу образа Диониса, по крайней мере в «Индики» Мегасфена, составил Притху — первый царь, то, исходя из экстатического действия самого напитка Сомы в ходе раджасуи (например, RV. I.91.17; IV.27.5), можно предположить и «вакхический» характер культа индийского Диониса (например, Ag. Ind. 7.8), на основании этого признака ассоциируемого обычно с Шивой. Неспроста анализ санскритской терминологии, относящейся к винограду, показывает, что часть сортов была выведена именно на севере²¹³.

Длинные волосы «последователей Диониса» также наталкивали греческих авторов на мысль о вакхическом характере его культа. Между тем, обратившись к обряду раджасуи, можно выяснить, что длинные волосы в данном случае имеют большой ритуальный смысл. Согласно индийским представлениям, волосы заключают в себе мужскую силу. Сила воды²¹⁴, которой царь посвящался на царство, переходила в его волосы. Царь мог лишь укоротить, но не остричь их, чтобы не утратить царской силы²¹⁵. В ходе обряда раджасуи по этой причине даже царским подданным не разрешалось брить волосы, бороду или стричь ногти²¹⁶.

Некоторые параллели этому сюжету прослеживаются опять же на мифологическом материале кафиров. Их верховный бог Imra/Mara считался изобретателем танца и создателем первой фигуры бога, которую он выстрогал самостоятельно. То, что Imra/Mara мог иметь определенное отношение к созданию легенды об индийском Дионисе — «культурном герое», отмечалось выше. Эти данные дополняют уже вполне явственный информационный пласт, позволяющий говорить о возможном влиянии мифологической традиции кафиров на формирование основ истории об индийском походе Диониса и Геракла.

Вывод

На основе проведенного анализа античной традиции можно считать вполне установленным тот факт, что история о завоевании Дионисом Индии, будучи построена по классическим канонам древнегреческой этнографии, в своей содержательной части базируется на материале индийской традиции, восходящей к описанию обряда раджасуи. Она имеет несколько слоев: армия Александра Македонского во время индийского похода встретила следы культа местных божеств, возможно кафирских, шивоподобных, которые подкрепили их ожидания увидеть следы Диониса в Индии; Мегасфен, восприняв эту легенду, насытил ее «историческим» содержанием.

²¹² Об этом аспекте теории и практики жертвоприношения подробнее см.: Malamoud 1996: 5.

²¹³ Tucci 1977: 33.

²¹⁴ Не стоит забывать, что Сомы и Варуна, два наиболее значительных божества, «задействованных» в ходе раджасуи, олицетворяли собой водное начало.

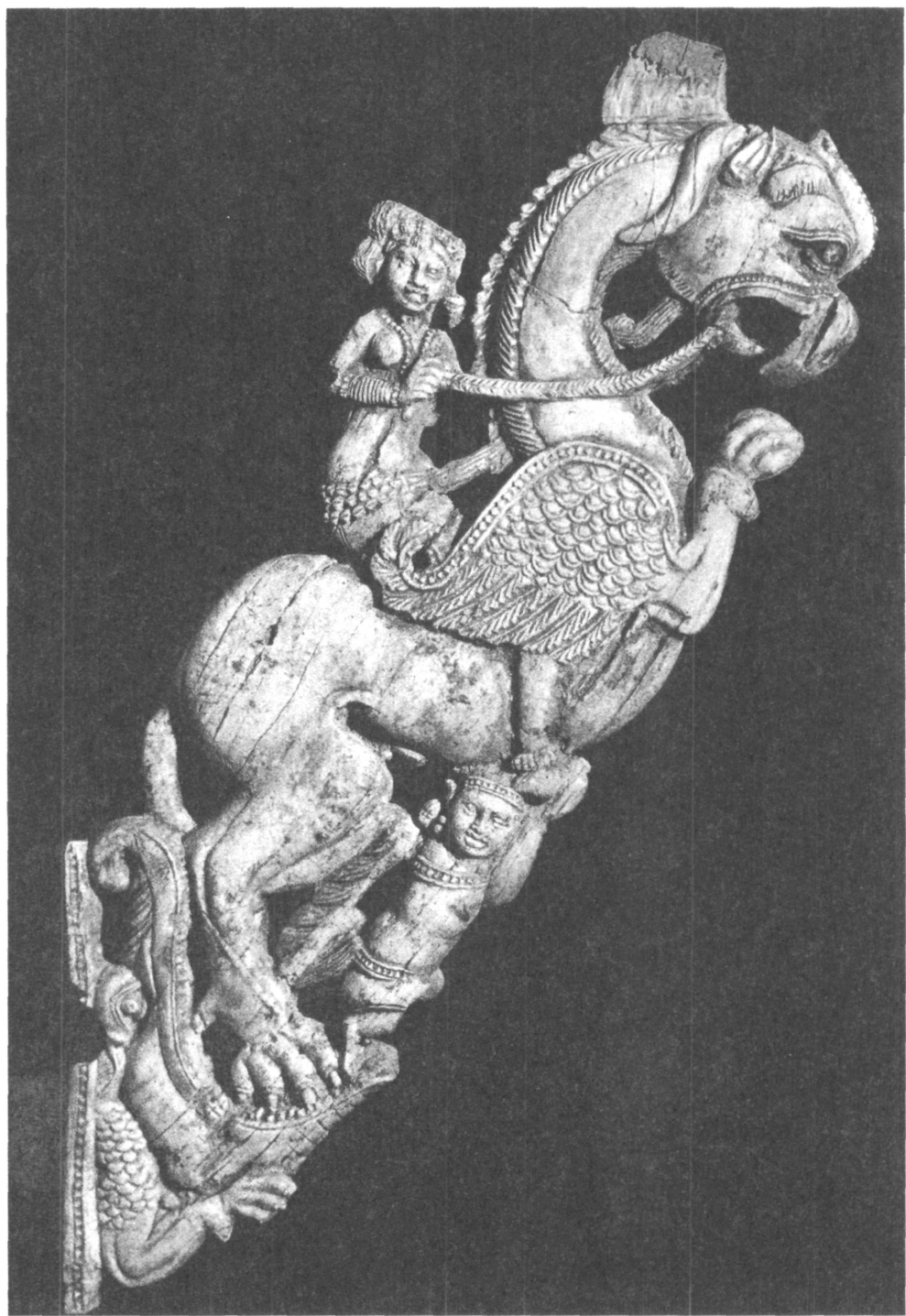
²¹⁵ Gonda 1969: 21. См. также: Heestermann 1957: 216–217.

²¹⁶ Heestermann 1957: 213.

Рассмотрение легенды о походе в Индию Геракла мы будем вести также с помощью таблицы, содержащей обобщение основных мифологических сюжетов по «первичным» и «вторичным» источникам.

Индийский Геракл

Сюжет	Первичный источник	Вторичный источник
Родился (как и Дионис) в Индии, завоевал Индию, правил через 15 поколений после Диониса	Мегасфен	Strabo. XV.1.6–7; Diod. II.39.1; Arr. Anab. V.3.4, Ind. 8.4; IX.9; Jos. Flav. Contra Apion. I.20.144
Совершил много подвигов, неудачно пытался взять скалу Аорн	Историки Александра	Arr. IV.28.1–4, Ind.5.10; Diod. XVII.85.2; Strabo. XV.1.8; Curt. VIII.11.2
Совершил в конце жизни инцест с единственной дочерью Пандаей, даровал ей царство на юге у моря, где (у народа пандов) возраст замужества наступает в 6 (7) лет, а люди живут 40 лет	Мегасфен	Diod. II. 39.2; Plin. NH. VI.23.6; Arr. Ind. 8.6–7, IX.1–8; Phlegon, Mirab. 33.2; Solin. 52.15; Polyae. Strateg. I.3.4
Обошел всю землю и море, очистив их от чудовищ (обойдя сушу и море и очищая все от зла), нашел жемчужину для дочери. Среди жемчужин-маргарит, которые ценятся дороже золота, имеются царь и царица	«Некоторые» индийцы, богатые эллины, римляне; Мегасфен	Diod. II.39.2 = Arr. Ind. 8.6–13
Разделил Индию среди многих сыновей, продолжил царскую династию, начатую Дионисом	Мегасфен	Diod. II.39.2; Arr. Ind. 8.6
За совершенные блага почитался жителями равнин		Strabo. XV.1.58
Почитался в племенах сурасенов (в городах Метора и Клейсобора) и сибов, считавших себя остатком войска, штурмовавшего Аорн	Мегасфен	Strabo. XV.1.8; Diod. XVII.96.2; Arr. Ind. 5.10; VIII.5; Curt. IX.4.2
Основал много городов, в том числе Паталипутру, которую хорошо укрепил	Мегасфен	Diod. II.39.3
О нем осталось немного воспоминаний	Мегасфен	Arr. Ind. 5.10
Отличался необыкновенной отвагой и силой, носил дубину и львиную шкуру (одевался подобно Гераклу Фиванскому)	Мегасфен	Diod. II.39.1–2; Curt. IX.4.2; Strabo. XV.1.8; Arr. Ind. 8.6

Деталь кресла. Слоновая кость. Индийская работа начала н.э. Беграм

Надпись Канишки. Начало н.э. Сурх-Котал

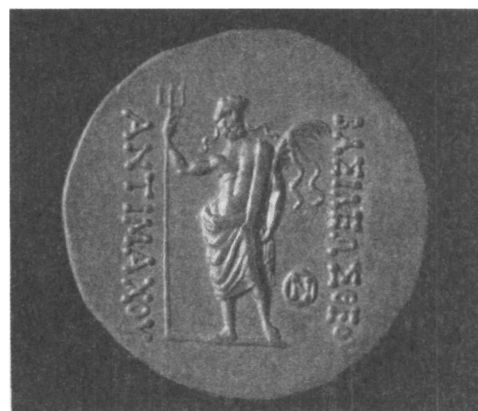
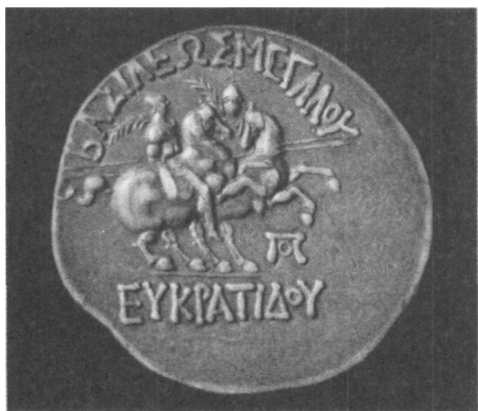
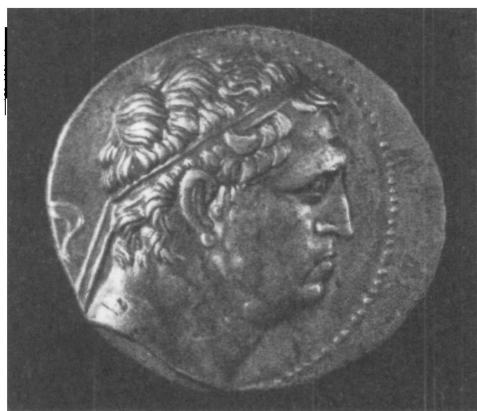
Греческая надпись Ашоки. Середина III в. до н.э. Кандагар

Спящая менада. Гипсовая модель. Александрийская работа начала н.э. Беграм

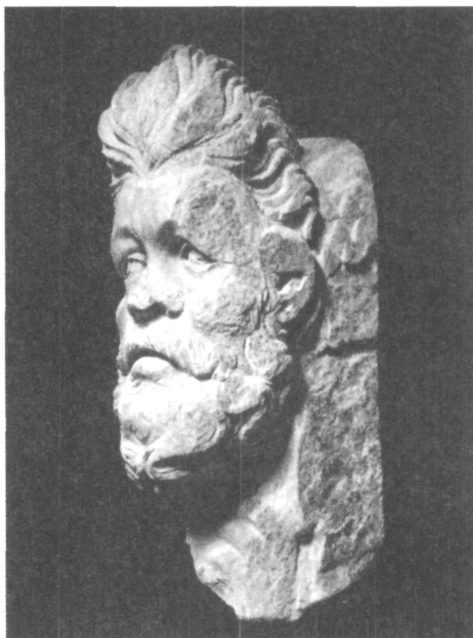
Сиддхартхе представляют его невесту. Гандхарский рельеф. Тахт-и-Бахи

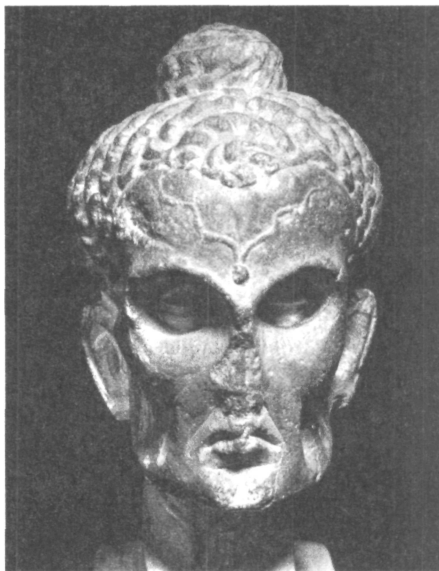
Греко-бактрийские монеты II в. до н.э.: Евкратид (об.: Диоскуры), Евтидем (об.: Геракл на скале), Антиммах (об.: Посейдон)

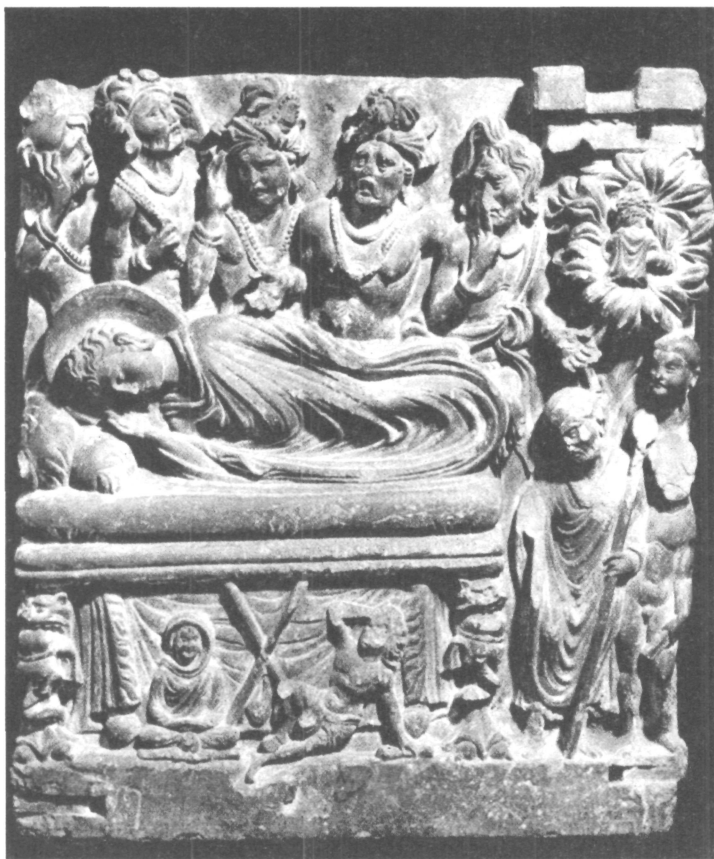
Маска Силена. Часть бронзового
канделябра. Беграм

Голова бодхисаттвы Ваджрапани. Гандхарская
школа. Долина Свата

Будда в образе аскета. Гандхарская школа

Паринирвана. Сцена оплакивания. Кашьяпа и божества деревьев. Гандхарская школа

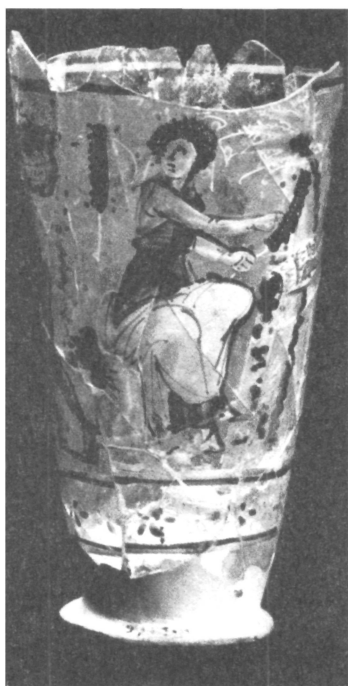
Паринирвана. Сцена оплакивания. Ваджрапани, теряющий сознание. Гандхарская школа

Буддийские монахи. Гипс. Гандхарская школа. Хадда

Резная слоновая кость. Начало н.э. Беграм

Кубок из цветного стекла. Похищение Европы Юпитером. Александрийская работа начала н.э. Беграм

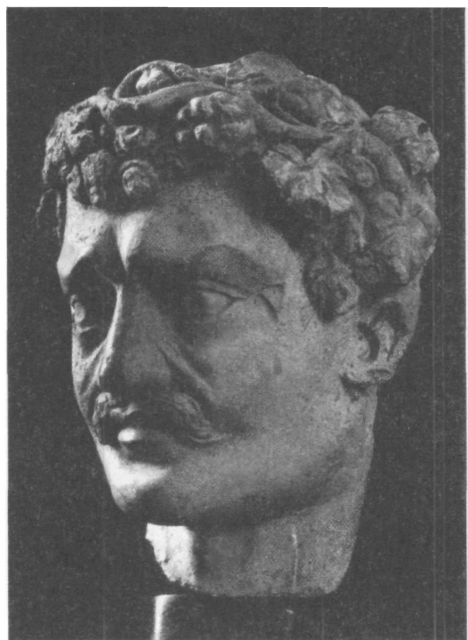
Серapis-Геракл. Бронза. Начало н.э. Беграм

Ганимед и орел. Гипсовая модель. Начало н.э. Беграм

Индийская золотая монета с надписями буддийского содержания на кхароштни.
Некрополь Тилля-тепе (Афганистан)

Голова мужчины. Гандхарская школа

Голова мужчины. Гандхарская школа

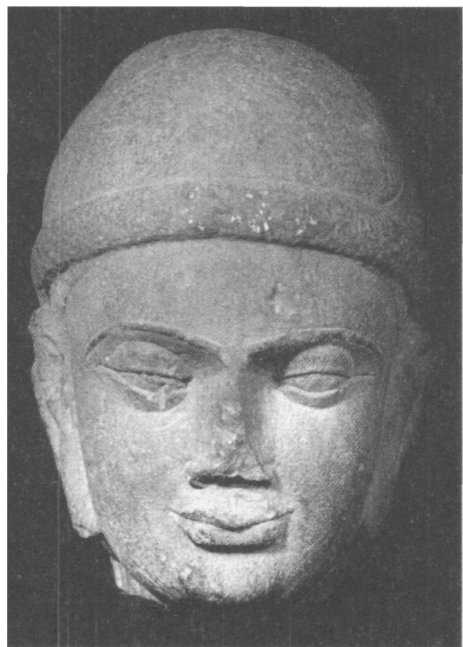
Иноземный воин, так называемый грек (явана). Рельеф ступы. Начало н.э. Нагарджунаконда (Декан)

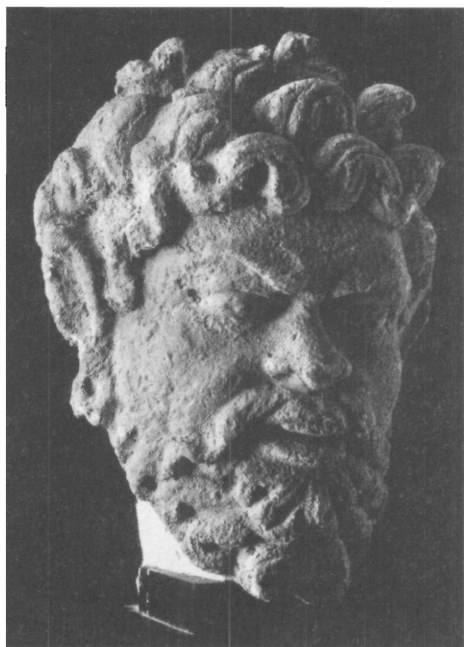
Римский портрет. Прическа в «индийском» стиле. Начало н.э.

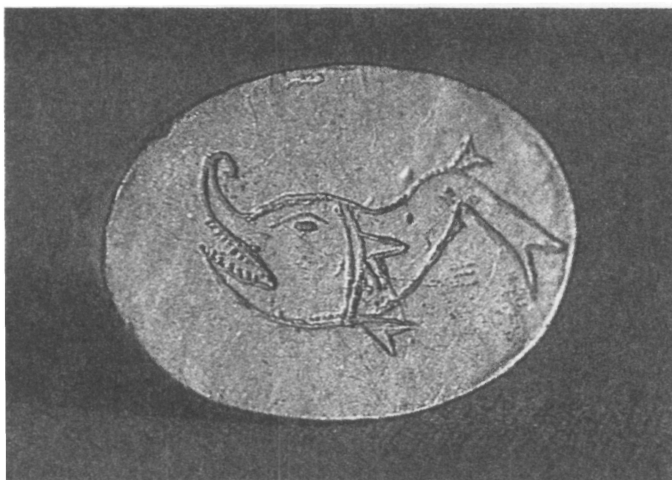
Голова юноши. Гандхарская школа

Голова воина. I в. до н.э.

Голова сатира

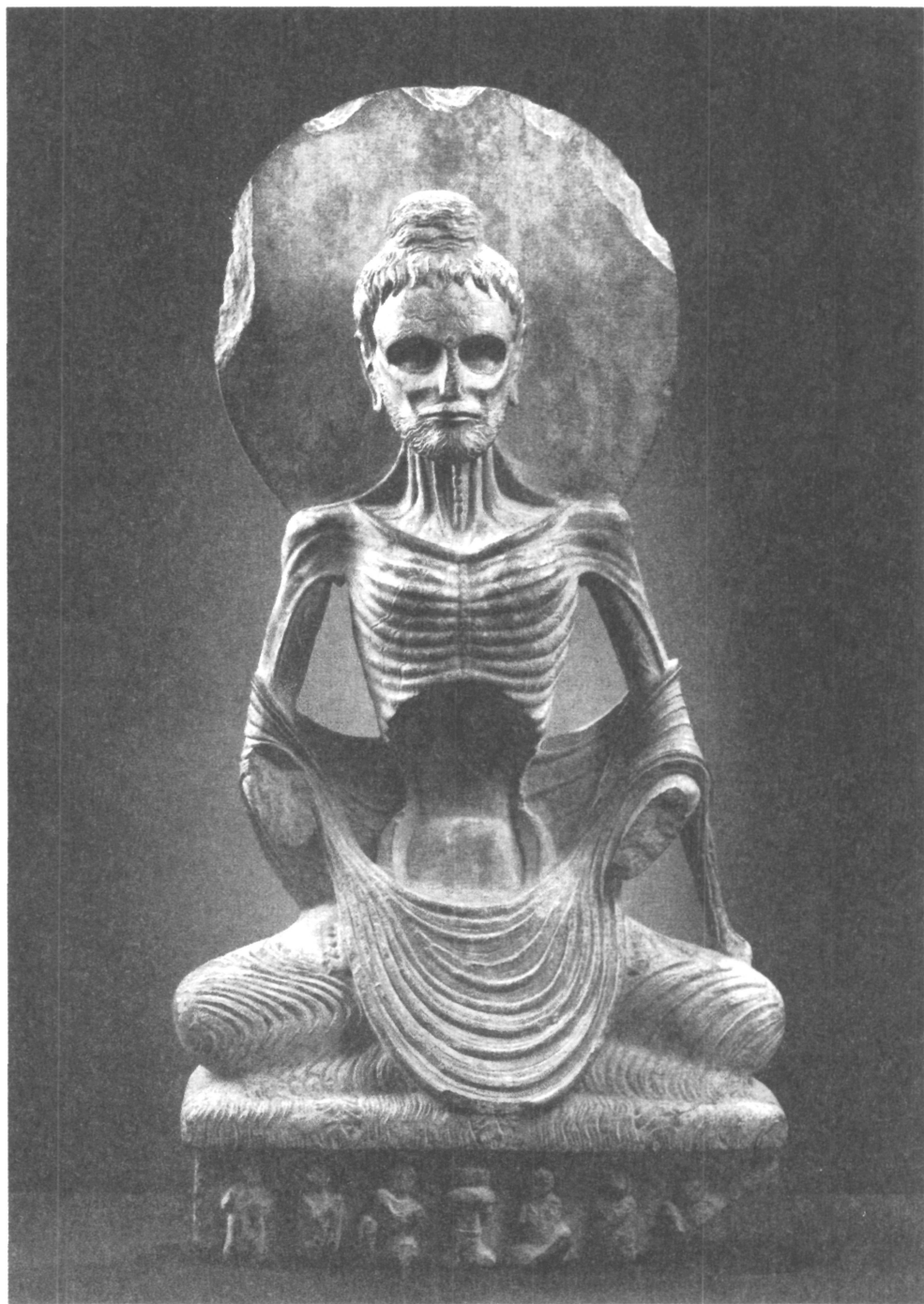
Золотой римский перстень-печать. Начало н.э. Район Коимбатора.

Тетрадрахма индо-греческого царя Менандра. Середина II в. до н.э.

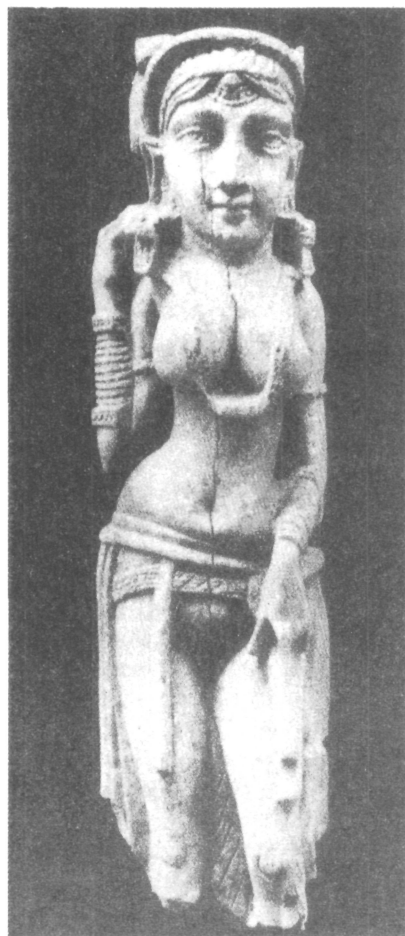
Драхма индо-греческого царя Аполлодота. II в. до н.э.

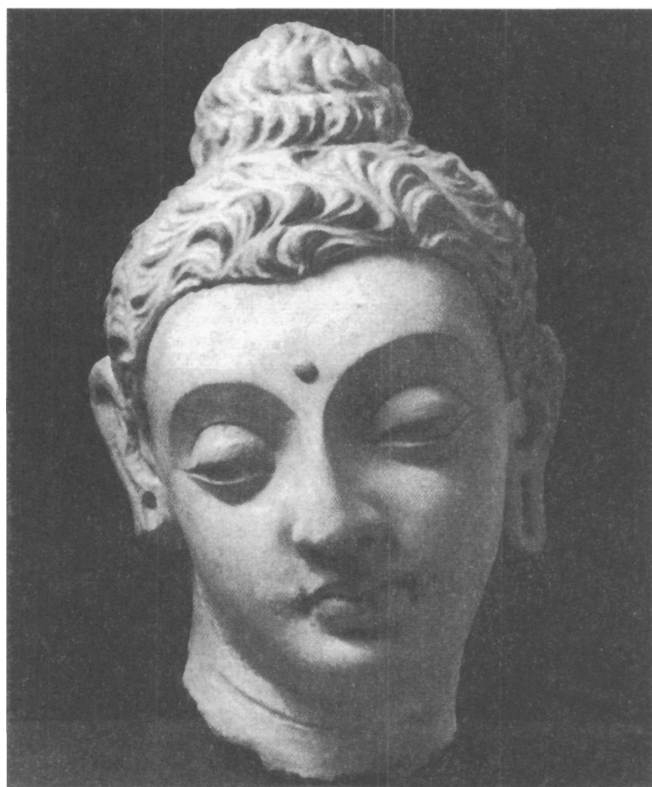
Аскеза Гаутамы. Гандхарская школа. III в.

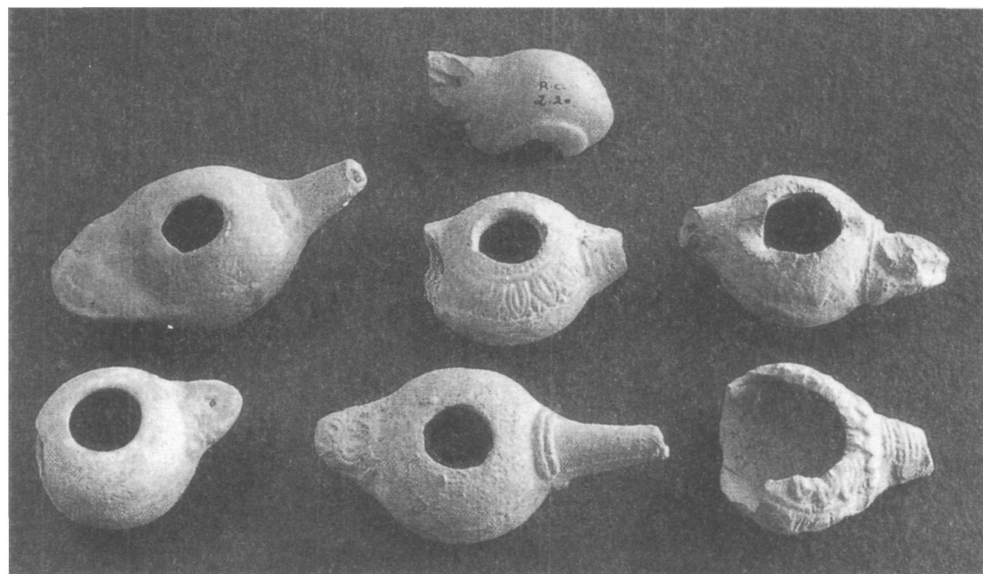
Эллинистическая статуэтка Геракла. Афганистан

Статуэтка, сходная с помпейской.
Слоновая кость. Начало н.э. Тагара (Тер)

Голова Будды. Гандхарская школа. IV—V вв.

Римские светильники. Терракота. Начало н.э. Тагара (Тер)

Греческий папирус. Середина II в. Музирис (Южная Индия)

Диодор упоминает основание Гераклом города Паталипутра (II.39.3), в котором и побывал Мегасфен. Селевкидский посол ввел целый пласт новой информации о Геракле, которой не могли обладать спутники Александра Македонского, — основание Гераклом Паталипутры (Diod. II.39.3).

Геракл в классической греческой мифологии

Информации об индийском Геракле в трудах историков Александра и «Индике» Мегасфена не так много, как о Дионисе, поэтому греческий контекст этой истории можно рассмотреть в целом, не подразделяя на отдельные эпизоды. Завоевание Индии Гераклом и его деятельность как индийского царя, как и в случае с индийским Дионисом, вписана в общий контекст развития истории с точки зрения образованного грека, т.е. передана так, как это принято в традиции греческой этнографии.

В греческом мире Геракл был известен как неутомимый путешественник²¹⁷, который приводил людей в новые, неисследованные земли, к островам блаженных, стране Гесперид²¹⁸, считался основателем многих городов в Лаконии, Фессалии, Фракии, Лидии, Испании, Галлии, Италии, Сирии, Сицилии²¹⁹. Он также почитался благодетелем и источником цивилизованного образа жизни. Многие из его подвигов были направлены на избавление людей от разного рода чудовищ: нимфейского льва (Paus. VIII.22.4; Diod. IV.13.2), лернейской гидры (Appollod. II.77), эримантийского вепря (Appollod. II.83), стимфальских птиц (Paus. VIII.22.4; Diod. IV.13.2). В этом же ключе надо рассматривать и очищение авгиевых конюшен (Paus. V.1.10; Diod. V.13.2). Геракл выкапывал для людей озера (Diod. IV.23.3), прокладывал реки (Diod. V.35.3; Paus. VIII.14.2), дороги (Diod. V.22.2). Борьба Геракла с разного рода жестокими владыками и целыми народами также носит характер очищения земли: встреча с дриодами (Paus. IV.34.9; Appollod. II.155), царем Диомедом во Фракии (Diod. IV.15.3), Антеем в Ливии (Pind. Isthm. IV.52ff; Appollod. II.115; Diod. IV.17.4, 27.3), царем Бусирисом в Египте (Appollod. II.116; Diod. I.67.11, 88.5; IV.27.3, 28.1). Роль Геракла как защитника богов и людей определилась уже в VI в. до н.э. Эта тема активно разрабатывалась в трудах Пиндара, Эсхила, Софокла, Эврипида²²⁰.

В каком бы регионе ни появлялся Геракл, он выступает как носитель культуры и ее защитник. Он обеспечивает плодородие земли (Diod. IV.17.3–4), сражается с разбойниками (Diod. IV.27.4), обеспечивает безопасность путешественников (Diod. IV.19.4)²²¹. Для определения сути его деятельности античные авторы использовали понятия «καθαίρω» (Soph. Thrac. 1012, 1061; Eur. Her. 225; Arist. Осы. 1043), «εὐεργέτης» (Eur. Her. 1252), что прямо соответствует описанию деятельности Геракла индийского. Такую же доблесть, как на суше, Геракл проявил и на море (Pind. Nem. I.64, III.23). Эта тема активно разрабатывалась в греческом искусстве²²².

²¹⁷ Pinney, Ridgway 1981: 141–144.

²¹⁸ Bayet 1923: 44–45.

²¹⁹ Список городов см.: Lacroix 1979: 37–39.

²²⁰ Lacroix 1979: 43–44; Zambrini 1985: 787.

²²¹ См. также: Hartwig 1902: 107ff. Pl. V; Haspers 1936: 197 (n. 15), Pl. 17.

²²² Luce 1922: 174ff; Escher 1890: 116ff.

Таким образом, к моменту прихода в Индию армии Александра Македонского и приезда Мегасфена в греческой историко-географической традиции сложились прочные основы рассмотрения истории любого региона. Дионис и Геракл — главные боги путешественники, открыватели новых земель — также имели стандартный набор характеристик. И когда реальное открытие Индии и ее этнографическое узнавание стало насущной необходимостью, материал местной традиции надо было лишь вписать в уже готовые рамки. Но это не означает, что информация античных авторов об Индии носит характер искажения местной традиции или даже вымысла. Анализ данных о походе в Индию Диониса показал, насколько их содержание богато данными местной историко-мифологической традиции. Обратимся к рассмотрению информации о походе и деятельности Геракла.

Завоевание Индии. Утверждение новой династии

То, что потомки Геракла воцарились над всей Индией, где уже правили потомки Диониса (Агт. Ind. 8.4), что для греческого читателя должно было означать еще одну всеиндийскую военную кампанию, — для современного исследователя должно означать лишь факт символического завоевания всей земли в обряде раджасуи, совершаемого каждым новым царем. Для идентификации этого события, описанного Мегасфеном, ключевыми моментами являются принадлежность Геракла к династии Диониса, завоевание Индии, основание своей династии, имя дочери — Пандайя. Все эти признаки могут быть совмещены лишь в том случае, если предположить, что информация Мегасфена передает центральный сюжет индийского эпоса «Махабхарата» — победу братьев Пандавов над Кауравами, принадлежавшими к одной Лунной династии. И в пересказе античных авторов данного сюжета мы имеем приход к власти другого рода в рамках одной династии. Если это так, то, возможно, пресловутый Крадэва — вовсе не испорченная форма имени Пурурваса, как полагали Х.Лассен и Ж.Дюмезиль²²³, ведь вторая часть его имени определенно отражает санскритское deva (бог), а первая восходит к kuru. Тогда носителя этого имени можно было бы рассматривать как Kurudeva — обобщенный персонаж, который мог бы отразить в рассказе Мегасфена завершение правления Кауравов. Установление власти Пандавов сопровождалось боевыми действиями, скитаниями по Индии, битвами с разного рода чудовищами и, наконец, совершением старшим из Пандавов, Юдхиштхирой, раджасуи — ритуала посвящения на царство. И раздел земли между сыновьями, что упомянул Мегасфен в отношении индийского Геракла, является необходимым атрибутом ритуала раджасуи²²⁴. Имя дочери Геракла, Пандайя, также должно указывать на то, что этот сюжет восходит к описанию деяний Пандавов. В таком случае отпадает необходимость искать какой-либо один персонаж индийской традиции, полностью соответствующий образу индийского Геракла, описанного историками индийского похода Александра Македонского и Мегасфеном. Последний, безусловно, знал о том, что Геракл был в Индии, из работ своих предшественников. И то, что он узнавал об истории Индии, а эта часть в соответствии с принятыми канонами обязательно должна была

²²³ Lassen 1844: 253; Dumézil 1983a: 50.

²²⁴ Dumézil 1976: 556–559.

присутствовать в этнографическом сочинении, он вписывал в уже сложившуюся канву.

Что касается Геракла, то и начало его династии, и обожествление также ставятся в прямую связь с его эвергетической деятельностью. Об этом же говорит и Арриан (Ind. 7–9).

Взятие Аорна

Точки зрения на отождествление горы Аорн весьма разнятся. А.Каннигхэм предположил, что сообщения античных авторов о горе Аорн относятся к горе Ранигат (Ranigat). Он полагал, что этимологически этот топоним восходит к Rāja Vaga. Это отождествление было воспринято Х.Лассеном, который, со ссылкой на Н.Дж.Уилсона²²⁵, указывал, что этимологически *Аорвоϝ восходит к санскритскому āvaṛaḥ, иранскому āvaṛəna («укрепление»)²²⁶. Эта точка зрения нашла поддержку и у Ж.Шарпантье²²⁷.

Дж.Абботт считал, что Аорну соответствует гора Mahabunn²²⁸. Его точка зрения была подвергнута критике со стороны И.Лёвенталья, писавшего, что Аорн — греческая транскрипция местного топонима, корни которого нужно искать в местных языках. В качестве такового наилучшим соответствием ему представлялся топоним Atok Benares²²⁹, напротив которого расположен холм Raja Hodi²³⁰. Полемика двух военных интересна с точки зрения оценки действий Александра Македонского с позиции стратегии и тактики XIX в., по существу же Д.Абботт представил достаточно контраргументов для того, чтобы мнение его оппонента было признано совершенно ошибочным.

А.Стайн на основе расспросов населения долины Свата и личных исследований предположил, что наиболее правдоподобное отождествление возможно с горой Pīr-sar, расположенной рядом с горой Ūḍa/Uḍḡa sar, с которой они образуют один горный комплекс, а само слово *Аорвоϝ является прямой фонетической производной от Ūḍa / Uḍḡa sar — самой высокой точки от прохода Упал до Инда, и восходит к санскритскому *avaṛa (санскр. «бесцветный»), а то, что название горы Ūḍa/Uḍḡa sar приобрело форму *Аорвоϝ, связано с тем, что, как обычно, местный топоним напомнил грекам их родное слово, в данном случае — «гора, где нет птиц»²³¹. Отождествление Аорна с Ūḍa/Uḍḡa sar было поддержано П.Х.Л.Эггермонтом²³² и О. фон Хинюбером²³³. Позднее П.Х.Л.Эггермонт высказался в пользу горы Илам, расположенной к юго-востоку от Бир-Кота, Гвандаи и Пирсара²³⁴.

²²⁵ Wilson 1841: 192.

²²⁶ Lassen 1844: 148 (№ 3).

²²⁷ Charpentier 1933: 42.

²²⁸ Abbott 1863: 409–420. Мнение Д.Аббота было поддержано Дж.Мак-Криндлом (Mc'Crinde 1896: 335ff).

²²⁹ Еще раньше эта точка зрения была высказана А.Куртом (Court 1836: 395).

²³⁰ Loewental 1863: 1–19.

²³¹ Stein A. 1927: 432, 515–540; Stein A. 1929: 115, 143–152. В отчете об исследовании долины Свата он упомянул, что в 1892 г. его друг полковник Уоухуоп обратил его внимание на то, что решение проблемы идентификации Аорна может быть найдено, если принять во внимание расположение горы Thākōt. Изыскания, проведенные по поручению самого А.Стайна полковником Джеймсом, указали на восточное продолжение этого горного хребта Pīr-sar (Stein A. 1929: 104).

²³² Eggermont 1970: 90ff.

²³³ Wirth, von Hinüber 1985: 1102f.

²³⁴ Eggermont 1984b: 73–123; Eggermont 1984c: 191ff.

Д.Туччи полагал, что форма *Аорвоϝ восходит к пракритскому авагга, означавшему любое укрепленное место. По его мнению, что в том, что касается истории Свата, всегда возможны альтернативные решения. По поводу возможной идентификации горы Аорн он считал, что отождествление Аорна с Pīr-sar не выдерживает критики при соединении данных Страбона (Strabo. XV.1.8), Арриана (Anab. IV.28.1) и Курция Руфа (8.11), но вполне возможно сопоставление Аорна с Un'a sar, однако и версию о связи Аорна с горой Илам исключить нельзя, так как последняя считалась у местного населения священной, а именно в священных местах в древности, как правило, искали убежище в случае опасности²³⁵. Он также отверг как несостоятельное предположение об отождествлении Аорна с горой Dir, ибо она не может быть локализована на пути следования армии Александра, да и укрепленного места на ней нет²³⁶.

П.Бернар отмечает, что форма *Аорвоϝ является греческой адаптацией местного топонима. Речь идет о продолжении горы Илам, именуемой Pīr-sar↔ Un'a-sar↔ Un'a-sar, локализуемой в долине Свата. По его мнению, сложение этого топонима отражает процесс, отличный от эллинизации местного топонима. Точной фонетической кальке предпочтена свободная транскрипция, смысл которой наиболее привычен для грека, напоминая ему гору, высотой недоступную для птиц. В греческом мире аорнами назывались сакральные места, известные в Малой Азии и на афинском Акрополе, из которых выходили подземные газы. Современные исследования установили, что никаких разломов, через которые могли бы выходить газы, ни на Пир-саре, ни на Иламе нет²³⁷. Аорн, таким образом, является прекрасным примером Interpretatio Graeca, и его описание точно соответствует методу работы греческих этнографов в целом и Мегасфена в частности.

А.Далквист полагал, что история взятия Аорна отражает мифологическую традицию о битве Индры с демоном Аурнавабхой²³⁸. Главный аргумент против его точки зрения в том, что по ведийской традиции Индра оказался победителем в этом сражении, в то время как Геракл не смог эту гору взять. Анализ точки зрения А.Далквиста см. выше.

Слабость отождествления Аорна с Un'a sar в том, что эта гора расположена довольно далеко от поселений в долине Свата и совсем не так высока и недоступна, как указано в классических источниках. Илам также не вполне удовлетворяет всем данным античной традиции: он расположен довольно далеко от Инда, в то время как Аорн должен находиться на его берегах²³⁹.

Дочь Геракла Пандайя. Царство Пандайи

То, что Мегасфен «поместил» царство Пандайи «на юге», не должно автоматически означать, что оно находилось на крайнем юге Индии в привычном современном исследователю смысле; тем более нет необходимости заранее обви-

²³⁵ Tucci 1977: 52–53.

²³⁶ Tucci 1977: 55.

²³⁷ Bernard 1996: 475–477, 485, 488. Гора Илам отождествлена с Аорном на карте, представленной в работе Э.Бадияна «Александр в Певкелаотиде» (Badian 1987: 119).

²³⁸ Dahlquist 1962: 120.

²³⁹ Karttunen 1997a: 49.

нять Полиена, как это сделал Ж.Дюмезиль, в том, что сообщение о расположении царства Пандайи на юге Индии и на море (Strabo. I.3.4) — его собственный вывод из того, что торговля жемчугом (а ведь Геракл подарил своей дочери именно жемчужину) была особенно распространена на юге Индии²⁴⁰. Думается, что и здесь порочно само стремление унифицировать всю информацию, не пытаясь выделить составляющие ее слои.

С одной стороны, южноиндийское царство Пандья прямо упоминается в XIII наскальном эдикте Ашоки, но информацией о южноиндийских областях, в частности, Шри-Ланке, обладал уже Онесикрит (Strabo. XV.1.15), а ссылка на богатых римлян и индийских купцов, приведенная Аррианом (Ind. 8.8–13), делает невозможной гипотезу Ж.Дюмезиля²⁴¹ об исключительности связи имени Пандайя с родом Панду и вполне реальными дополнения, внесенные Полиеном в эту историю. Мегасфен говорит, что царь в Индии носит имя по наименованию города, где он царствует (Strabo. XV.1.36). Но приводимые далее Страбоном аналогии с династией Аршакидов говорят о том, что речь в данном случае идет только о династийном имени Маурья, так что всякие аллюзии с южноиндийскими царями Пандья в данном случае невозможны. Этот обычай наблюдается именно у царей южноиндийского царства Пандья, которые носили имена, содержавшие слово «Pāṇḍya». «Чулавамса» (XXXVIII.11–12, 29–34) упоминает тамильского царя Панду, вторгшегося на Шри Ланку во второй половине V в., что говорит о чрезвычайной устойчивости этого эпитета. Царя второго поколения династии Пандья звали Pasumpum Pāṇḍya, что означает «владеющий жемчужиной». Его имя — исключительно распространенный эпитет в устах ранне-тамильских поэтов²⁴². Думается, что в происхождении этого имени и нужно искать следы легенды о находке Гераклом жемчужины для Пандайи. Вместе с тем определенные параллели к истории об инцестуальных связях Геракла со своей дочерью и дорогим подарком, добытым в воде, имеет мифологическая традиция кафилов, верховный бог которых Imra/Mara подозревался в инцестуальных связях со своей дочерью²⁴³. Для нее из озера, являвшегося границей в мир иной, он раздобыл красивые одежды в подарок. Кроме того, как и «индийский» Геракл, он совершил множество героических деяний, убив, например, змея-дракона. Можно еще раз привести мнение А.Далквиста и Д.Туччи²⁴⁴, считавших, что битва с драконом (пусть и другого персонажа) вполне могла иметь отношение в сложение истории о штурме Гераклом Аорна.

С другой стороны, Мегасфен воспринимал, конечно, передаваемую ему информацию на слух, следовательно, само понятие «юг» должно было быть передано ему не иначе, как «dakṣiṇā». А в «dakṣiṇā» совсем необязательно видеть крайний юг Индии, где располагалось «историческое» южноиндийское царство Пандья. Это понятие обозначало территорию Декана, противопоставлявшуюся «Срединной земле» — «madhyadeśa», в которой, соответственно, и могло располагаться царство Геракла. И нет ничего невозможного в том, что Полиен развил имевшуюся в его распоряжении информацию на основе новых данных. Но в любом случае исследователи, принимавшиеся за решение этой проблемы, рассматривали не все относящиеся к делу фрагменты. Приведем полностью те, которые

²⁴⁰ Dumézil 1983b: 60–61.

²⁴¹ Dumézil 1983a; Dumézil 1983b.

²⁴² Sivaraja Pillai 1932: 102.

²⁴³ Snoy 1962: 75–76; Edelberg 1965: 63, 72.

²⁴⁴ Dahlquist 1962; Tucci 1977: 55.

имеют принципиальное значение для локализации царства Геракла и его дочери Пандайи.

«Собакоголовые»

Уточнить расположение царства Пандайи поможет решение вопроса о «собакоголовых» — одном из сказочных народов, населявших, по данным античной традиции, Индию. Вопрос об их происхождении уже давно обсуждается в научной литературе, где оно, как правило, объясняется простым заимствованием из санскритской литературы преданий о «śunāmukha»²⁴⁵. Особняком стоит позиция Р.Шафера, который полагал, что речь идет об ошибке переписчика Ктесия, который вместо изначального «κλυῦξετρ-» вставил «κλυῦστρ-», и речь, таким образом, должна здесь идти о Кауравах — доминирующей политической силе Индии того времени²⁴⁶. Эти объяснения не выглядят, однако, полностью убедительными, и можно предложить следующую версию.

Основными источниками сведений об этом народе являются данные Плиния Старшего и Солина: «Ab his gens Pandae, sola Indorum regnata feminis» (Plin. NH. 6.76)²⁴⁷; «Aristoteles in cauernis uiueve Pygmaeos tradit, cetera de his ut reliqui. Cynos Indorum genus Isigonus annis centenis quadragenis uiuere... Onesicritus quibus locis Indiae umbrae non sint corpora hominum cubitorum quinum et binorum palmorum existere, et uiuere annos CXXX necsenescere, sed ut medio aeuo mori. Crates Pergamenus Indos, qui centenos annos excedant, Gymnetas appellat, non pauci Macrobios. Ctesias gentem ex his, quae appellatur Pandae, in conuallibus sitam annos ducenos uiuere, in iuuenta candido capillo qui in senectute nigrescat; contra alios quadragenos non excedere annos, iunctos Macrobiis, quorum feminae semel pariant. Idque et Agatharchides tradit, praeterea locustis eos ali et esse pernices. Mandorum nomen iis dedit Clitarchus, et Megasthenes trecentos quoque eorum uicos adnumerat. Feminas septimo aetatis anno parere, senectam quadragesimo accidere. Artemidorus in Taprobane insula longissimam uitam sine ullo corporis languore traduci. Duris Indorum quosdam cum feris coire mixtosque et semiferos esse partus. In Calingis eiusdem Indiae gente quinquennis concipere feminas, octauum uitae annum non excedere» (Plin. NH. 7.27–30)²⁴⁸ (см. также — Is. Hisp. Ethym. 11.3.26–27);

²⁴⁵ Попытки идентифицировать «собакоголовых» см.: Lassen 1852: 654–656; Reese 1914: 71–92; Rawlinson 1916: 66 (Svamukha); Wecker 1925: 25–26; Sircar 1971: 69; Sircar 1976: 233; Schwarz 1975b: 400; Lindegger 1982: 69–70; Karttunen 1984: 31–36.

²⁴⁶ Shafer 1964: 499–503. Его позиция названа К.Карттуненом «untenable» (Karttunen 1984: 33). То, что о «собакоголовых» ничего не сообщают историки Александра, Карттунен объясняет тем, что они «жили в более отдаленном месте» (Karttunen 1997a: 27). Но тут он явно противоречит сам себе: по его же мнению, информация о такого рода племенах восходит именно к северо-западу Индии (Karttunen 1986a: 185).

²⁴⁷ «Затем следуют панды, единственный народ из индийских, управляемый женщинами».

²⁴⁸ «Аристотель сообщает, что пигмеи живут в пещерах, и остальные с ним согласны. Изигон полагает, что кирны — народ индов — живут 140 лет... Онесикрит говорит, что в тех регионах Индии, где нет тени, живут люди высотой в пять локтей и две ладони и живут 130 лет, не старея, но умирают в зрелом возрасте. Кратес Пергамский индов, которые переходят возраст 100 лет, называет гимнетами, немало [авторов] — макробиями. Ктесий говорит, что из них народ, называемый панды, живет в равнинах по 200 лет, имеет в юности белые волосы, которые в старости чернеют, зато другие — соседи макробиев, женщины которых рожают лишь раз, не живут более 40 лет. Это сообщает и Агатархид, который добавляет, что они питаются кузнечиками и очень подвижны. Клитарх им дает имя мандов, а Мегасфен у них насчитывает 300 поселений. Женщины рожают в возрасте семи лет и достигают старости к сорока. Артемидор говорит, что на острове Тапробана — самая долгая жизнь без телесной слабости... Дурис говорит, что некоторые индийцы соединяются с дикими животными, и рождаются существа смешанные и наполовину животные. У калингов — народа из того же региона Индии, зачатие происходит в пять лет и не переходят возраста восьми лет...».

«Montana Pygmaei tenent. At hi quibus est uicinus Oceanus sine regibus degunt. Pandaea gens a feminis regitur, cui reginam primam adsignant Herculis filiam. Et Nysa urbs regioni isti datur, mons etiam Ioui sacer, Meros nomine, in cuius specu nutritum Liberum patrem ueteres Indi adfirmant; ex cuius uocabuli argumento lasciuenti fame creditur Liberum femine natum» (Solin. 52.15–16)²⁴⁹; «Ad montem qui Nulo dicitur habitant quibus auersae plantae sunt et octoni digiti in plantis singulis. Megasthenes per diuersos Indiae montes esse scribit nationes capitibus caninis, armatas unguibus, amictas uestitu tegrorum, ad sermonem humanum nulla uoce, sed latratibus tantum sonantes rictibusque. Apud Ctesiam legitur quasdam feminas ibi semel parere natosque canos ilico fieri; esse rursum gentem alteram quae in iuuenta cana sit, nigrescat in senectute, ultra aeui nostri terminos perennantem» (Solin. 52.27–28)²⁵⁰; «Perhibent esse et gentem feminarum, quae quinquennes concipiant, sed ultra octauum annum uiuendi spatium protrahant» (Solin. 52.31)²⁵¹.

Из всего этого принципиально важным для рассматриваемого сюжета является то, что информацией о пандах обладал уже Ктесий и что он локализовал пандов на равнинах. Эта информация была впоследствии развита другими авторами, указавшими на то, что жители равнин почитают Геракла в отличие от населявших горы почитателей Диониса и что равнины эти находятся вдоль реки Ямуна с городами Метора/Матхура и Клейсобора, что этот народ живет в той же части Индии, где расположены гора Мерос и город Ниса, т.е. на северо-востоке, что этот народ может называться еще гимнетами или макробиями. Недоумение вызывает само стремление искать соответствие «собакоголовым» именно в «*śunā-mukha*»: ведь это название было приведено еще Геродотом по отношению к Ливии. Обращает на себя внимание и значительное количество совпадений в характеристиках между пандами и «собакоголовыми». При анализе этих сведений, приведенных в таблице, получается следующая картина: 1) часть народа макробиев составляют панды, живущие по 200 лет, дети которых в детстве имеют волосы белые, чернеющие к старости; 2) у макробиев есть соседи-манды, женщины которых рожают один раз и живут только до 40 лет, дети имеют ту же особенность, что и панды, и ее же имеют дети «собакоголовых», чья продолжительность жизни превосходит известные нам пределы. Если согласиться с тем, что панды и манды — один и тот же народ (а скорее всего, это так), то из общей картины соответствия пандов «собакоголовым» выбивается только сообщение о малой продолжительности жизни мандов, которая соответствует данным о калингах. Некоторая путаница в сведениях происходит от того, что их сообщали несколько авторов, жившие в разные эпохи, поэтому «панды» могли получить иное написание — «манды» и как бы отделиться от них, а на мандов могли быть распространены характеристики калингов.

²⁴⁹ «Горы занимают пигмеи. Те, чьими соседями является Океан, живут без царей. Народ пандов управляется женщинами, и первая их царица была, как говорят, дочерью Геракла. К этому региону также приписывают город Нису с горой Мерос, посвященной Юпитеру, где, как говорят древние индийцы, Дионис был взращен в гроте, от чего пошла молва, что Отец Либер вышел из бедра».

²⁵⁰ «На горе, которая называется Нуло, живут те, у которых ступни развернуты и имеют по восемь пальцев на каждой. Мегасфен говорит, что на разных индийских горах живут народы с собачьими головами, имеющие когти, носящие одежду из шкур, для человеческого общения не используют голоса, но — лай из открытой пасти. Ктесий же говорит, что некоторые женщины там рожают детей лишь один раз, и дети сразу имеют белые волосы. А другой народ с белыми волосами в юности и черными в старости превосходит наши пределы жизни».

²⁵¹ «Сообщают еще, что есть род женщин, которые беременеют в пять лет и не живут больше восьми».

Соотношение характеристик пандов и «собакоголовых»

Панды	«Собакоголовые»
Управляются женщинами (Plin. NH. 6.76)	
Составляют часть макробиев — должителей (Plin. NH. 7.28: со ссылкой на Ктесия)	Другой народ... превосходит «наши» пределы жизни (Solin. 52.28)
В юности имеют белые волосы, которые к старости чернеют (Plin. NH. 7.28 со ссылкой на Ктесия)	Дети имеют белые волосы, которые к старости чернеют (Solin. 52.28)
У мандов — соседей макробиев — женщины рожают лишь раз в возрасте 7 лет и к 40 годам достигают старости (Plin. NH. 7.29: со ссылкой на Ктесия и Клитарха)	Женщины рожают лишь раз (Solin. 52.28)
Первая царица пандов — дочь Геракла (Solin. 52.15)	
Имеют 300 поселений (Plin. NH. 7.29: со ссылкой на Мегасфена)	Насчитывают 12 000 человек (Ctes. F. 45.30)
В их районе расположены гора Мерос и город Ниса, живут на равнинах по 200 лет (Solin. 52.16)	Живут в разных горах (Solin. 52.27)

Как мы уже отмечали, сама идея о существовании «собакоголовых» могла быть заимствована из сочинения Геродота, который их помещал во Внутреннюю Ливию (IV.191); он же был первым, кто сообщил о наличии в Индии народа «падеев», отличавшихся склонностью к каннибализму (III.99). Постоянное смешение индийских и африканских (эфиопских) реалий, наблюдавшиеся у античных авторов, позволяет предположить, что эта идея могла быть легко перенесена Ктесием на индийскую почву и воспринята последующими авторами. Такое объяснение тем более вероятно, что Ктесий, описывая «собакоголовых» говорит: «καλοῦνται δὲ ὑπὸ τῶν Ἰνδῶν Καλύστριοι, ἅπερ Ἑλληνιστὶ κυνοκέφαλοι· τὸ δὲ ἔθνος ἐστὶν ἕως δώδεκα μυριάδων» (F. 45.30)²⁵². В происхождении «индийского» слова «Καλύστριοι» и нужно искать ключ к разгадке данного вопроса.

Первая его часть — Καλύ(σ) — явно восходит к названию народа карушей: kārūṣā. Вторая часть — στριοι — могла бы восходить к санскритскому gāṣṭra, и тогда этноним «Καλύστριοι» мог означать «происходящие из царства карушей», это их наименование тогда было бы близкородственно названию города Клейсобра — «kārūṣarūga» — «город карушей»²⁵³, в котором, как и в Матхуре, особенно прославлялся Геракл (Агр. Ind. 8.5), и напрямую сблизило бы калюстров-«собакоголовых» с пандами. Вместе с тем, учитывая, что панды управлялись женщинами, στριοι могло бы восходить к санскритскому strī — «женщина» и означать «каруши, управляемые женщинами». Даже если с этим не соглашаться, то принципиально важным остается этимология первой части «Καλύστριοι» как восходящей к названию народа карушей. В обоих случаях, однако, пришлось бы согласиться с тем, что при устной передаче информации (при которой возможны

²⁵² «Инды же называют их „калюстрами“, тогда как эллины — „собакоголовыми“: сам же народ насчитывает 12 000».

²⁵³ Вигасин 1999: 26–28.

самые дикие искажения) из «*kārūṣārāśtrāḥ*» или «*kārūṣāstriyaḥ*» выпали слоги -*gāṣ* и -*ṣā*. Примеры подобного рода потерь при передаче санскритских имен собственных на греческом хорошо известны — например, имя сакского сатрапа *Naharāṇa*, упомянутого в «Перипле Эритрейского моря» (41.14.2), перешло в *Μαυράνος*, а столица Магадхи *Pāṭaliputra* превратилась в *Παλιμπούτρα* (Arr. Ind. 2.9). А название «*κυνοκέφαλοι*» является не чем иным, как обидным прозвищем: эллины не понимали языка карушей, он им представлялся набором грубых звуков, о чем они не преминули упомянуть, потому и дали им такое наименование.

Вероятно, каруши и были пандами античной традиции, первой царицей которых была дочь Геракла. Стремясь как-то обозначить неизвестный народ, говоривший на неизвестном «грубом» языке, Ктесий, а за ним Мегасфен и все остальные естественно прибегли к такому «удачному» прозвищу, синониму «варваров». Таким образом, речь идет о том, что греки определенным образом интерпретировали собственно индийское название этого народа, и о том, что он был весьма многочисленным и должен был занимать огромную территорию. Это хорошо согласуется с утверждением Мегасфена о том, что у пандов насчитывается 300 поселений (Plin. NH. VI.76; VII.29). Возможно, и сообщение Дуриса о «полузверях», получающихся в результате соединения людей с животными, имеет отношение к теме «собакоголовых».

То, что панды управляются женщинами, из которых первая была дочь Геракла, и живут на юге, — вывод, сделанный Плинием (VI.76) и Солином из предыдущей информации: изначально у Ктесия не говорилось, что царство, управляемое женщинами, находится именно к югу от макробиев (пандов), отмечалось только, что они соседи. Вслед за Полиеном, отнесшим «царство женщин» на юг и назвавшим его по имени Пандайи, Плиний и Солин могли смешать два пласта информации. Этот сюжет мог отразиться в названии «Женской гавани», расположенной к западу от устья Инда, по имени женщины, первой властвовавшей в этой местности (Arr. Ind. 22.5; Ptol. 6.21.2), и «страны Пандоуй», упомянутой у Клавдия Птолемея (7.1.46), вдоль реки Бидасп (Гидасп — приток Инда, ныне Джелум). Плиний Старший также передает, что «*oppidum Panda*» расположен «за Согдианой» (VI.49), т.е. опять же на северо-западе.

То, что женщины у пандов и «собакоголовых»²⁵⁴ рожают всего лишь раз и не живут дольше сорока (или восьми) лет, что дети у обоих народов рождаются с белыми волосами (что отражает смысловое значение санскритского «*paṇḍu*» — бледный), говорит о том, что информация о пандах и «собакоголовых» вполне может восходить к одному народу.

Таким образом, информация о пандах появилась в литературе задолго до Мегасфена. Она была зафиксирована Ктесием, Онесикритом и Клитархом, под мандами которого нужно видеть, конечно же, пандов. Из сочинения Ктесия, а еще ранее — Геродота был известен сам факт существования такого народа; Онесикрит описал индийских долгожителей, живших на крайнем юге; Кратес Пергамский назвал их гимнетами, а другие писатели — макробиями²⁵⁵; часть их составили панды, описанные Ктесием, которые, как и макробии, имеют необыкновенную продолжительность жизни, и по этому признаку они и были ошибочно

²⁵⁴ В обычном значении — «обезьяны»: τὰς δὲ κλήρεις ὑπάρχειν ὄφεων καὶ κυνοκεφάλων καὶ ἄλλων θηρίων παντοδαπῶν... (Diod. I.33.4).

²⁵⁵ Ж.Андре и Ж.Филлиоза относят макробиев к тамильской мифологической традиции о мудреце по имени Агатья, который жил на горе *Patyamalai* (André, Filliozat 1980: 410).

отнесены к одному географическому ареалу. Итак, Мегасфен был «готов» к тому, что предшествующая традиция (после Ктесия и, как выясняется, ошибочно) помещает пандов на юге. А те панды, которых описывал Ктесий, помещались в одном регионе с горой Мерос и городом Ниса.

И.Пушкаш полагает, что еще Геродоту факт существования пандов как самостоятельного народа был известен, правда как относящийся к крайнему югу Индии²⁵⁶. Сам Ктесий не мог не знать о том, что народ Παδάιοι упоминался уже у Геродота (III.98), помещавшего их к востоку от Инда. Обилие новых подробностей говорит о том, что Ктесий собирал о них информацию и самостоятельно. Во всяком случае, идеи И.Пушкаш выглядят недоказанными: весьма трудно поместить на крайний юг народ, локализуемый самим Геродотом к востоку от Инда.

Итак, домегасфеновская традиция смешала сообщения Геродота, Ктесия, Онесикрита, Кратеса и Клитарха. Мегасфен, уже осведомленный о существовании такого народа, собирая дополнительную информацию о нем и проверяя имеющуюся, внес много нового, в частности о Геракле и его дочери. Так что эта часть рассказа Мегасфена (и Ктесия, но не Онесикрита) определенно не относится к царству Пандья и не восходит к данным тамильской литературной традиции.

Атрибуты Геракла

Если под «завоеванием» Индии Гераклом в передаче античных авторов видеть пересказ символического обретения земли в ходе совершения обряда помазания на царство, то с этой точки зрения будет любопытно рассмотреть такой атрибут индийского Геракла, как дубина (Diod. II.39.1; Strabo. XV.1.8; Agt. Ind. 5.12). Трудно представить, чтобы земной царь носил именно дубину. Вероятнее всего, под дубиной Геракла следует подразумевать данду — символ царского достоинства и величия, своего рода скипетр (само слово *daṇḍa* на санскрите имеет значение «палка», «дубина»). Ее функции — защищать правителя и дать ему возможность защищать других²⁵⁷. Царь в ходе совершения раджасуи в разные ее моменты наделялся не дубиной, а луком со стрелами или мечом. Однако и лук, и меч назывались *vajra*²⁵⁸, которую со слов можно было принять и за дубину, и за царские знаки достоинства. И то, что Геракл в ходе своих странствий по Индии убил множество разного рода нечисти (Diod. II.38.1; Agt. Ind. 8.8), хорошо укладывается в ход раджасуи, совершаемой любым земным царем, как первым, так и всеми последующими: борьба с ракшасами — представителями сил зла являлась одной из главнейших задач посвящаемого царя, в его функции входила их нейтрализация, охрана от них вновь возрождающихся природных сил²⁵⁹. К тому же в распоряжении исследователя есть археологические данные, свидетельствующие о том, что Геракл, сливаясь с божествами индийского пантеона, например Ваджрапани, мог наделяться вместо дубины ваджрой²⁶⁰.

²⁵⁶ Puskás 1979: 257–262; Puskás 1983: 204–205. Интересно, что и К.Карттунен отказывается связывать пандов Ктесия с сообщениями о дочери Геракла и ее народом на основании того, что «Ктесий принадлежит к гораздо более раннему времени, чем Мегасфен» (Karttunen 1986a: 206). Но неясно, в чем здесь противоречие. Мегасфен как раз и был подготовлен Ктесием к сообщениям о пандах, которые он впоследствии развил.

²⁵⁷ Gonda 1969: 23.

²⁵⁸ Heestermann 1957: 136, 151.

²⁵⁹ Heestermann 1957: 117, 156.

²⁶⁰ Пугаченкова 1977: 90. Подробнее об изображении дубины Геракла в связи с отождествлением с индийскими богами см.: Mariottini Spagnoli 1967: 248–250, 257–261; Mariottini Spagnoli 1970: 460–463.

Заключение

Рассмотрение образов Диониса и Геракла в их отношении к обряду раджасуя показывает, что речь в данном случае должна идти не о двух различных божествах, но о земном царе как таковом, в котором могли в большей или меньшей степени проявляться черты того или иного бога. Например, в индийской традиции считалось, что царь — Индра в видимой форме²⁶¹. Всякий царь, совершавший обряд раджасуи, осуществлял символическое убийство Вритры²⁶², т.е. в ходе раджасуи этот эпизод из подвигов Индры повторялся в фигуре каждого вновь помазанного царя. Таким образом, если верны положения А.Далквиста о том, что во взятии Гераклом скалы Аорн можно проследить миф об убийстве Индрой демона Вритры²⁶³, то в пересказе Мегасфена он относится не к собственно Индре, а ко всякому совершавшему обряд раджасуи царю.

Однако вряд ли было бы разумным пытаться отыскать все признаки Диониса или Геракла, упомянутые в античной традиции, в каком-либо одном персонаже. Мегасфен мог использовать материал о начале какого-либо царского рода, к которому относился современный ему царь, пересказав некоторые сведения о деятельности его основателя. Что касается остальных подробностей, то скудость и традиционность источниковой базы по индийской мифологии не позволяют, с одной стороны, их четко атрибутировать, с другой — отвергнуть как не принадлежащие тому или иному персонажу. Некоторые признаки, относящиеся к Дионису или Гераклу, соответствуют двум или даже трем персонажам местной традиции, и Мегасфен, не сумев различить второстепенную информацию о каких-то других богах, имевших отношение к данному сюжету, мог смешать ее в образах Диониса и Геракла, сделав акцент на главном в этом сюжете — начале индийской государственности.

Соединение характеристик Диониса и Геракла может не только дать образ идеального царя (для этого достаточен и образ отдельно взятого Диониса), но и показать соответствие многих положений античной традиции данным индийской царской ритуалистики и мифологии. Если теперь поставить вопрос так, как он стоял до сих пор, а именно — какие же индийские божества были описаны Мегасфеном под именами Диониса и Геракла, то ответ будет следующий: в этих историях в главном, т.е. в повествовании о завоевательном походе и событиях, его сопровождавших, получила отражение фигура царя, совершавшего обряд помазания на царство — раджасуя. В частности, в образе Диониса можно увидеть первого царя по данным пуран — Притху.

Индийская литература знает немало примеров, когда фигура благочестивого царя заключает в себе несколько божеств, например Агни, Индру, Сому, Яму и Варуну²⁶⁴. Кшатрий (царь) почитает Индру своим божеством, но является Сомой по отношению к царской власти²⁶⁵. В ходе обряда раджасуи различные боги наделяют посвящаемого царя различными качествами, в том числе Индра — способностью управлять, Варуна — защищать дхарму²⁶⁶. На разных этапах совершения раджасуи различные боги выдвигались на первый план, воплощая цар-

²⁶¹ Gonda 1969: 30.

²⁶² Heestermann 1957: 50.

²⁶³ Dahlquist 1962: 120–130.

²⁶⁴ Подробнее см.: Gonda 1969: 30–32.

²⁶⁵ Gonda 1969: 52.

²⁶⁶ Gonda 1969: 53.

скую власть. В основном таковым являлся Сомы, «председательствовавший» на ритуалах с возлиянием напитка Сомы. В некоторых случаях царь мог быть даже тождествен Соме. Значительную роль играли также Индра и Варуна. Хотя в ведийской мифологии их образы тесно переплетены, культы их не могут быть объединены в единый сюжет, в котором различные детали могут быть взаимозаменяемы²⁶⁷. Однако можно ли требовать от Мегасфена, получавшего, очевидно, информацию такого рода на слух, тонкого различения всех мифологических и ритуальных дефиниций? Он следовал собственной литературно-этнографической традиции, заставлявшей дать описание начала истории, в данном случае — происхождение царской власти в описываемом регионе. В результате в истории о походе Диониса и Геракла в Индию, пересказанной античными авторами, отразились собственно древнеиндийские традиции о начале царской власти и образе идеального царя, представленные привычными греческому писателю и читателю выразительными средствами. Вряд ли возможно проследить, как протянулась цепочка от описания обряда раджасуи в индийской традиции до рассказа о завоевании всей Индии Дионисом и Гераклом, однако характер общения Мегасфена и его индийского окружения наверняка подразумевал значительное упрощение передаваемой информации, и в самом факте такой связи нет ничего невозможного.

Само появление истории о Дионисе и Геракле в античной традиции может объясняться следующим образом. Отражение древнейшего периода истории какого-либо народа, начала его государственности, объяснение родословной его царей, как мы сказали, составляли неотъемлемую часть греческой этнографической традиции. Таким образом строится описание Персии (Herod. I.96–107), Египта (Herod. II.99–142), собственно Эллады (Apollod. I.7.2; II.1.1). В истории об индийских Дионисе и Геракле главным для Мегасфена, именующего родоначальников царской власти в Индии греческими именами, было не внешнее, а функциональное сходство — основание царского рода. Некоторое внешнее сходство (например, вакхический характер культа, выжигание на коровах клейма в виде палицы и т.п.), безусловно, имело значение, но в первую очередь для спутников Александра (Arr. Anab. V.1.5–6; Curt. VIII.10.11–15). Мегасфен же в данном случае следовал обычной для греческого мира традиции возведения к Дионису и Гераклу царских родов — как греческих (Thuc. II.99.2; Xen. Ages. I.2.1. 4; Plut. Ages. II), так и иноземных (Herod. II.43; II.144). К Дионису возводил свой род сам Александр. Еще с гомеровских времен царь считался происходящим от Зевса (I.279; II.204–207; V.637–638 и др.), а Дионис и Геракл были сыновьями Зевса.

Вместе с тем совершенно необходимо различать два этапа формирования истории об индийском походе Диониса и Геракла. Первый из них — упоминание в трудах спутников Александра Македонского самого факта почитания этих богов в Индии, описание некоторых подробностей их деятельности, например сюжеты со взятием скалы Аорн (Curt. VIII.10.1; Arr. Anab. IV.28.1–2; Strabo. XV.1.8) и рождением Диониса из бедра уже собственно в Индии (Diod. II.38.4; Strabo. XV.1.8; Arr. Anab. V.1.6); второй этап — насыщение этих сообщений в труде Мегасфена «историческими» подробностями о происхождении царской власти в Индии и ее древнейшей истории. Принимая во внимание тот факт, что Мегасфен, как и спутники Александра, должен был находиться под определенным

²⁶⁷ Heestermann 1957: 225.

влиянием традиции народов, населявших северо-запад Индии, следует отметить, что определенное влияние на формирование образов Диониса и Геракла могла иметь мифологическая традиция кафиров, несущая в себе значительные черты сходства с тем, что известно из античных источников. Думается, что ожидание чудес в Индии и стремление к прославлению Александра, «наложившись» на реальную культовую практику, хотя бы отдаленно напоминающую дионисийскую, и обусловили рождение истории о походе Диониса и Геракла в Индию в трудах спутников Александра. Мегасфен развил эту легенду, сохранив имена богов, так как, во-первых, именно от Диониса и Геракла в греческой этнографической традиции ведут свой род земные цари, во-вторых, почитание в Индии Диониса и Геракла уже было описано историками Александра, в-третьих, греки считали, что все люди поклоняются одинаковым богам, но под разными именами (например, Herod. I.131; I.181; I.183; II.42; II.83; Strabo. XV.1.69; XV.3.13; Arr. Anab. II.16.1–7; II.24.5–6; Curt. IV.2.3–4; IV.3.22 и др.)²⁶⁸, а именно эти боги были известны в греческой мифологии как наиболее склонные к странствованиям.

Таким образом, формальную основу рассказа о предыстории Индии и воцарении там Диониса и Геракла бессмысленно искать в материалах местной традиции. Это — «общее место» древнегреческой литературы, которому следовал и составитель истории о Дионисе и Геракле. Существовал некий вопросник, своего рода анкета, заполнение которой и должно было составить описание истории той или иной местности. Если материала местной традиции для такой анкеты не было или его не удавалось получить (а современные исследователи, оперирующие материалом всей индийской литературы, а priori полагают, что она должна была быть известна Мегасфену в неменьшем объеме), то по каким-либо косвенным признакам, чаще всего по аналогии с историей Эллады, «домысливалась» история того или иного региона. Влияние этого вопросника явственно прослеживается уже у Фукидида при описании древнейшего периода истории Эллады, ее первых царей и правителей соседних регионов (например, I. 2. 2; I. 4. 1; I. 8. 2; I. 10. 2; I. 15. 2). Это связано с тем, что *тотол* играли исключительно важную роль в развитии греческой историко-этнографической литературы. История была дисциплиной, где греки относились с наибольшим скепсисом к традиции других народов. И если рассказы о чем-либо могли легко усваиваться в греческом мире, то традиции каких-либо народов об их собственном происхождении «признавались» только в том случае, если они соответствовали уже устоявшемуся стереотипу. «Варварские» (в том числе персидская, ассирийская, римская) традиции рассматривались как явная выдумка, и задачей историка было исправить их и интегрировать в греческую мифологическую праисторию²⁶⁹. Именно поэтому часто бессмысленно искать прямые соответствия в информации о том или ином регионе между греческой и местной традицией.

Легенда об индийских походах Диониса и Геракла была неотъемлемой составляющей «исторической» части «Индики» Мегасфена, где он привычными ему выразительными средствами, выработанными предшествующей греческой литературной традицией, описал начало индийской истории вообще и царской власти в частности. Основой для его информации на эту тему могли послужить данные местной ритуальной и мифологической традиции относительно ритуала

²⁶⁸ Подробнее см. об этом: Linforth 1926.

²⁶⁹ Karttunen 1986a: 126.

раджасуи — посвящения на царство, а применительно к Дионису — посвящения первого царя, по данным пуран, Притху. Сама история имеет несколько основ: биографы Александра, подготовленные предшествующей литературной традицией, с одной стороны, и особенностями религиозной жизни Северо-Западной Индии, где, прежде всего в горных регионах, были распространены шиваистские культы, напоминавшие культ Диониса — с другой, стремившиеся восхвалить царя, были готовы в реальной религиозной жизни Индии увидеть следы пребывания в ней Диониса и Геракла. «Индика» Мегасфена, построенная по канонам древнегреческой этнографии, в своей исторической части воспроизводит индийскую традицию установления царской власти, начала истории и главное событие индийского эпоса «Махабхарата»: установление власти новой династии — Пандавов.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ТЕЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ И АНТИЧНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Середина I тысячелетия до н.э. была для Индии временем поисков и реформ в религиозно-философской сфере. Ведизм как религия в известной мере утратил свой авторитет. Примитивный характер его мифологических представлений, запутанный и архаичный ритуал, грубо материальные призывания жрецов — все это совершенно не соответствовало духу новой эпохи. Первой попыткой преодолеть выявившийся кризис было учение, зафиксированное в Упанишадах, но поначалу оно имело только частичный успех. Распространяемое в качестве «тайного учения» среди узкого круга адептов, оно оставалось малоизвестным даже образованному слою индийцев. В конечном счете эта ветвь индийской культуры одержала решительную победу над всеми иными направлениями, но ей понадобилась тысяча лет соперничества с системами, выражавшими реформаторский принцип более решительно и последовательно.

Традиция называла такие системы неортодоксальными (т.е. не признававшими авторитета Вед) и включала в их число две новые религии — джайнизм и буддизм, а также все школы, представлявшие рационалистическую тенденцию в индийской философской мысли.

Между временем ранних Упанишад и эпохой появления принципиально независимых от брахманизма философских и религиозно-философских систем лежал важный период, заполненный интенсивными духовными исканиями. Носителями новых идей явились люди, ушедшие от мира и порвавшие со старыми традициями. Их называли «паривраджаками» (букв. «странник», «бродяга») и «шраманами» (позднее к ним начали относить представителей неортодоксальных течений и школ)¹. Постепенно вокруг наиболее известных «скитальцев» стали складываться группы верных последователей, затем возникли разнообразные течения и школы. Многие их положения были позже восприняты и разработаны творцами крупнейших реформаторских учений.

Для изучения духовной (в том числе религиозной) жизни Индии в раннемаурийскую эпоху важный материал дают фрагменты Мегасфена, позволяющие к тому же проверить свидетельства местных источников. Селевкидский посол и

¹ Под паривраджаками в буддийских сочинениях понимались различные группы аскетов, брахманские и неортодоксальные. Так, в Ang. — N. (IV.35) — это brahmana и annatitthiya. В «Удане» (VI.4–5) в разряд аскетов (paribbajaka) включены самые разные группы шраманов и брахманов (Udana. Ed. P.Steinthal. L., 1948, с. 66–67).

опиравшиеся на него античные писатели сумели уловить некоторые черты идеологического развития страны — существование двух основных направлений: ортодоксального течения и реформаторского движения, — подразделив древнеиндийских философов на брахманов и шраманов (Βραχμῶναι, Σαρμῶναι)². Согласно более поздней традиции, те и другие составляют αἵρεσις — «направление, секта, учение» («философы делятся на два направления»)³. Здесь же сохранилось весьма интересное объяснение оппозиции «брахманы—шраматы». Если первые связаны общим происхождением и наследуют профессию жрецов одного и того же религиозного учения, то вторые образуют другую группу (γένος) и включают представителей самых разных племен (разрядов, сословий — ἔθνος)⁴. Это свидетельство, в котором довольно точно подмечены принципы формирования ортодоксальных и шраманических школ, находит аналогии в индийских источниках. Близкие параллели обнаруживают сведения Страбона (XV.1.60) о шраманах. Он подчеркивает, что к ним обращаются цари, когда желают уяснить причины происходящих событий (ср. индийские данные о шраманах при царях). В сообщении, приписываемом монаху Бар Дайсану, или Бардесану (II — начало III в.), который будто бы встретился с индийцами, направлявшимися к римскому императору, и узнал от них об их религиях⁵, говорится, что обители и священные места шраманов созданы для них царем⁶ и что последние проводят весь день в рассуждениях о богах⁷. Страбон рассказывает об особой группе шраманов — прорицателях и заклинателях, странствующих по селениям и городам и выпрашивающих подаяние (эти сведения можно сравнить с данными о странствующих аскетах — адживиках, пользовавшихся большой популярностью в качестве прорицателей).

Очевидно, с шраманами связано и повествование Страбона (XV.1.70) о прамнах: «Писатели противопоставляют брахманам прамнов как некий особый вид философов, склонных к диспутам и опровержениям. Эти философы осмеивают брахманов, занимающихся изучением явлений природы и астрономией, как кичливых и неразумных»⁸. Здесь с удивительной точностью передана обстановка в период появления шраманических школ. «Еретики» действительно противопоставляли себя брахманам, осмеивали их, боролись с представлениями об их исключительности, божественных заслугах и достоинствах. Они выступали против

² Большинство античных писателей и индийские источники на первое место ставят брахманов, однако у некоторых авторов, например Климента Александрийского (Strom. I.305), и иногда у писателей, следовавших за Бар Дайсаном (его записки сохранились в труде Порфирия, использованном затем более поздними авторами), впереди идут шраматы, т.е. как бы повторяется формула буддийских сочинений (Majumdar 1960: 425).

³ Porphyrii. De Abstinencia. IV.17. Согласно Порфирию, философы («теософы»), которых греки называли гимнософистами, составляли особый разряд (γένος) гражданского общества (πολιτεία) индийцев, разряд, который подразделялся на два направления-секты (αἵρεσις) — брахманов и шраманов.

⁴ Порфирий считал, что брахманы принадлежат к одному роду (γένος) и ведут свое происхождение от одного отца и матери. Шраматы же являются «избранными» (Σαρμαναῖοι δὲ λογιῶδες εἰσίν), т.е. «пополняются из числа желающих [постичь] религиозное учение» и объединяют представителей разных племен (ἀλλ' ἐκ παντὸς τοῦ Ἰνδῶν ἔθνους).

⁵ Стобей (VI в.) в своем трактате «Физика» рассказывает об индийском посольстве в Сирию в III в.

⁶ ἔχουσι δὲ οἴκους καὶ τεμένη ὑπο τοῦ βασιλέως οἰκοδομηθέντα (De Abstinencia. IV.17).

⁷ διημερεύοντες ἐν τοῖς περὶ τοῦ θεοῦ λόγοις.

⁸ φιλοσόφους τε τοῖς βραχμῶσιν ἀντιδιακρούνται πράμνας ἐριστικούς τινας καὶ ἐλεγκτικούς. τοὺς δὲ βραχμῶνας φυσιολόγους καὶ ἀστρονομίαν ἀσκεῖν, γελωμένους ὅτι ἐκείνων ὡς ἀλαξήνας καὶ ἀνοήτους.

кичливости брахманов, и их уверенности в праве поучать общество, наставлять всех на истинный путь. В буддийских текстах, в частности в «Дигха-никае» (III.84), эти притязания называются необоснованными, вводящими в заблуждение, лживыми (*musā*). В «Тевиджа-сутте» (XIII.15) Будда сравнивает брахманов со слепцами, которые проповедуют то, чего не видят и не знают: «Слова этих брахманов нелепы (*hassaka*), пусты (бессмысленны, *ritṭaka*) и никчемны (*tucchaka*), становятся болтовней (*paṃaka*)».

Античные авторы донесли до нас упоминание, восходящее, очевидно, к Мегасфену, о существовании у шраманов группы голых аскетов (ср. эти сведения с данными о дигамбарах — джайнских аскетах, которые ходили нагими).

Во фрагментах, надежно соотносимых с селевкидским послом, нет прямых данных о буддистах, хотя в число шраманов, по всей вероятности, включались и последователи этого вероучения. Вероятно, в период пребывания Мегасфена в Индии брахманизм сохранял большое влияние и выступавшие против него школы еще воспринимались как нечто целое: ни одно из неортодоксальных течений не было столь сильным, чтобы заслужить особое внимание чужестранца.

«Стволовое» движение индийской религиозной мысли ни в коей мере не было прервано возникновением реформаторских учений. Оно продолжалось и в итоге уже в измененном виде вновь стало основным в развитии духовной культуры страны.

Античные писатели рисуют брахманов ведущим направлением. По словам Страбона (XV.1.59), они по сравнению со шраманами окружены особым почетом. Их отличает и большее единства взглядов. Согласно Порфирию⁹, опиравшемуся на древнюю традицию, брахманы составляют разряд жрецов одного и того же религиозного толка (*ἄλλοι μὲν βραχμῖνες ἐκ γένους διαδέχονται ὡς τὴν ἱερατείαν τὴν τοιαύτην θεοσοφίαν*). Они связаны с одним родом и ведут свое происхождение от одной матери и одного отца. Из античных сочинений известно и о брахманских аскетах, которые соблюдали нормы поведения, предписанные для брахмачарьи. Страбон, например, сообщает, что брахманы на 37 лет становились аскетами, проводившими время в изучении священных текстов; по «Законам Ману», (III.1) самый длительный срок для брахмачарьи также был равен 37 годам.

Брахманские аскеты имели немало сторонников. Это объяснялось тем, что, несмотря на появление реформаторских течений, основная масса населения продолжала придерживаться древних обрядов и в своей повседневной жизни постоянно обращалась к брахманам, сохранявшим свою власть над культом. Даже в буддийских текстах рассказывается о поклонении различных групп населения ведийским и послеведийским богам.

Данные Панини указывают на то, что роль брахманов в ритуале была весьма заметной. В надписях Ашоки они именуются «прочно утвердившимися» (*suvihitā*), очевидно в вере; во время своих поездок по священным местам буддизма царь, как явствует из IX Большого наскального эдикта, посещал брахманов и одаривал их подарками.

В период Маурьев и в дальнейшем основным течением, наиболее полно воплотившим в себе элементы ведийско-брахманистской традиции, был вишнуизм. Своеобразный синтез различных мифологических традиций, он составил затем ядро той комплексной и разнородной религии, которая получила название

⁹ De Abstinencia. IV.17.

индуизма. В собственно мифологической (а также культовой) сфере вишнуизм опирался на множество древних и относительно новых религиозных верований, вышедших непосредственно из народной среды. Он вобрал в себя также сложные и подлинно новаторские религиозно-философские идеи. Более того, без этого идеологического фундамента отдельные, зачастую не связанные между собой культы не могли бы слиться в единую систему и она лишилась бы своего объединяющего стержня.

Ценнейший материал об ортодоксальных и народных культах в маурийскую эпоху сохранился в сочинениях античных авторов, в первую очередь у Мегасфена. Он упоминает, например, о поклонении в Индии Гераклу¹⁰, под которым, несомненно, понимается местное божество, хотя текст не дает его подлинного имени¹¹. Вопрос о том, какой именно мифологический образ скрывался здесь, представляет значительный интерес. Большинство исследователей считают, что описание относится к Кришне¹². Любопытно, однако, что основной особенностью божества, названного античными писателями, оказывается его сверхъестественная физическая сила и поистине безграничная воинственность (Diod. II.39). Это мало соответствует традиционному образу Кришны, связанному с темой любви и пастушеских игр (лишь много позднее, уже в Пуранах, он приобрел и другие черты). Вероятнее всего, Мегасфен отразил тот этап формирования вишнуизма, когда одним из центральных его божеств (во всяком случае, для северо-запада страны) был Васудэва, наделенный чертами воинственного и бесстрашно-го кшатрия¹³.

На правомерность такого объяснения указывают данные Панини и эпиграфический материал, содержащий сведения о почитании Васудэвы в этой части Индии по крайней мере во II в. до н.э. (Как отмечалось, слияние двух мифологических традиций привело к совмещению образов Васудэвы и Кришны, причем черты последнего постепенно становятся преобладающими.) Поэтому Геракл Мегасфена, возможно, не кто иной, как североиндийский Васудэва, еще независимый от собственно кришнаитской традиции¹⁴.

В «Индики» Мегасфена (VIII.4) имеется весьма важное сообщение о том, что Геракл особым почетом пользовался у индийского племени Σουρασῆνοι (sūrasena), главными городами которого были Μέθορα (Mathura) и Κλειοσόβορα (очевидно, Kṛṣṇapura). Свидетельство Мегасфена о Магхуре как центре почитания Геракла-Васудэвы соответствует материалам древнеиндийских источников.

¹⁰ Сообщения о Геракле и Дионисе в Индии, увязываемые с Мегасфеном, могли относиться еще к писателям — участникам похода Александра. Следует помнить об особом месте этих богов в религиозной жизни Греции периода Александра и личном отношении самого полководца к их культам (см.: Dahlquist 1962: 29–31). Критику взглядов Далквиста см.: Hartman 1965.

¹¹ Показательны слова Арриана (Ind. 8.4) о том, что Геракл в действительности был жителем Индии (ἀπὸ τοῦ Ἰνδοῦ γῆγενεῖα) хотя его обычно считают чужеземцем, прибывшим в страну.

¹² Впервые этот взгляд был выражен Х.Лассеном еще в 1844 г., затем подробно его развивал В.Рубен (Ruben 1943). Точка зрения А.Далквиста, согласно которой имелся в виду Индра, представляется неубедительной (Dahlquist 1962). А.Каннингхэм и Дж.Кеннеди предлагали отождествлять Геракла с Шивой (Cunningham 1963: VII; Kennedy 1907: 967).

¹³ Данные Патанджали свидетельствуют также о поклонении Кришне во II в. до н.э.; он упоминает о выюхе Кришны, о Кришне и Санкаршане как о главах армии — явное указание на существование определенного цикла легенд о Кришне; о том же сообщает «Артхашастра» (XIV.3) материалы которой говорят о начале процесса слияния культа Васудэвы и Кришны (см.: Agrawala 1953: 359–360).

¹⁴ Я.Гонда справедливо сомневается в том, что в период Панини происходило слияние культов (Gonda 1969b: 160).

В целом сообщения селевкидского посла о народных культах, которые он отделяет от брахманизированной религии, являются иногда единственным источником для изучения этого течения в духовной жизни индийцев в маурийскую эпоху. (Правда, некоторые античные авторы считали рассказы о Геракле и Дионисе вымышленными¹⁵.)

Собственно о Васудэве и его первоначальной роли известно немного. Выходец из кшатриев, он стал во главе религиозной школы и затем был обожествлен. Позднее за ним закрепилось имя Бхагават¹⁶. Точно датировать отождествление Васудэвы с другими вишнуитскими богами пока не представляется возможным. С.Чаттопадхья думает, что уже «ко времени первого маурийского царя идентификация Нараяны, Вишну и Васудэвы была свершившимся фактом, по крайней мере, для какой-то части страны»¹⁷.

От Мегасфена идет традиция считать, что индийцы, живущие в горах, поклонялись Дионису¹⁸. Это сообщение указывает, по мнению ряда ученых, на шиваитские культы¹⁹, поскольку Шива почитался многими из горных племен и получил даже эпитет «повелитель гор». Экстатические обряды его поклонников могли быть истолкованы как дионисийские культы. Процесии «дионисийцев» в Северо-Западной Индии, описанные Аррианом (Инд. V.4) и Страбоном (XV.1.8.), тоже, возможно, связаны с шиваизмом.

Античные свидетельства об индийском Дионисе во многом совпадают с местной традицией о Шиве (Рудре-Шиве)²⁰. Дионис рисуется длинноволосым и длиннородым и называется потому *κατὰ πύων* (Diod. III.63); в «Ригведе» и «Ваджасанейи-самхите» Рудра носит эпитет *kapardin*, т.е. «имеющий спутанные волосы» (любопытно и фонетическое сходство обоих терминов)²¹. Отправляющие культ Диониса умащивают себя благовониями (Strabo. XV.1.58; Arr. Ind. 7.9); о том же говорится в «Ваджасанейи-самхите» (III.61, 58) применительно к Шиве. Поклонники Диониса, согласно Страбону (XV.1.58), носят митру; при описании Рудры упоминается особый головной убор типа тюрбана²². Во время дионисийских празднеств используются барабаны и колокольчики (Strabo. XV.1.58); индийская традиция сообщает, что Шива любил музыку, в том числе звон колокольчиков²³.

Греческие авторы особенно подчеркивают связь Диониса с танцами: по утверждению Арриана, он научил индийцев пляскам сатиров (Ind. VI.1.8); обряды в честь Шивы также сопровождаются танцами. Сам он поет и танцует в своем обиталище на горе Кайласа. Образ танцующего бога (Шива-натараджа) — один

¹⁵ См.: Strabo. XV.1.7: «Что касается рассказов о Геракле и Дионисе, то Мегасфен с немногими другими писателями признает их достоверность, но большинство — и среди них Эратосфен — считают их лживыми и баснословными».

¹⁶ Majumdar 1953: 432.

¹⁷ Chattopadhyaya 1970: 35.

¹⁸ Например, Diod. II.39; Strabo. XV.1.58. Все свидетельства античных писателей о Дионисе в Индии собраны А.Далквистом. Он отмечает, что «во всей огромной по размеру санскритской литературе нет бога, который мог бы быть с уверенностью сопоставлен с индийским Дионисом» (Dahlquist 1962: 38). Ученый предлагает искать прототип Диониса в различных образах мундских племен.

¹⁹ Сопоставление Диониса с Шивой было предложено еще Х.Лассеном, а в настоящее время принимается большинством исследователей.

²⁰ См.: Sukumari Bhattacharji 1970.

²¹ Jaiswal 1967: 55.

²² Sukumari Bhattacharji 1970: 118.

²³ Sukumari Bhattacharji 1970: 144.

из наиболее популярных. После танца он нередко впадает в экстаз. (Шиву называют даже главой безумных, т.е. находящихся в состоянии аффекта.)

Придя в Индию, Дионис дал индийцам вино, научил выращивать виноградную лозу (Strabo. XV.1.8; Ind. 7.5) и считался богом виноделия (Ληναῖος); Шива тоже имеет отношение к опьяняющим напиткам. Дионис познакомил индийцев с различными растениями — лавром, плющом, миртом, буком, с фиговым деревом (σῦκον; Diod. III.63); в древнеиндийских источниках Рудра выступает властелином деревьев, ему придавали имена различных деревьев и особо связывали с деревом ашваттха — *Ficus religiosa*²⁴, священным фиговым деревом; Шива иногда изображается в форме баньяна.

Античные писатели приписывают Дионису заслугу знакомства индийцев с земледелием (Дионис дал им семена. — Arr. Ind. 7.5); в индийской традиции Шива и Рудра являлись богами плодородия (судя по некоторым текстам, Рудра — господин полей, Шива — владелец семян)²⁵. Дионис впервые впряг быков в плуг (Arr. Ind. 7.7), Шива восседает на быке²⁶, носит эмблему — изображение быка²⁷, его величают «владыкой скота» (paśupati).

Диодор сообщает, что Дионис вылечил заболевших воинов; Шива еще в «Ригведе» (I.114.5) рисуется исцелителем, нередко называется защитником от всех болезней. Дионис, согласно Арриану (Ind. 7.7), дал индийцам оружие; Шива снабдил особым оружием Арджуну и научил его пользоваться им²⁸. Таким образом, большинство античных свидетельств о Дионисе соответствуют материалам индийских памятников (особенно ведийских и эпоса) о Шиве.

Разумеется, Мегасфен и опиравшиеся на него писатели не случайно придали индийским богам черты и атрибуты наиболее популярных античных божеств — Геракла и Диониса. Поражает, однако, значительное число совпадений двух традиций, что еще раз доказывает достоверность сведений селевкидского посла и необходимость более глубокого их изучения.

Мегасфен, как известно, подразделял древнеиндийских философов на два разряда — брахманов (Βραχμῶναι) и шраманов (Σαρμῶναι) (FgH 715 F 33), что точно соответствует данным местных источников и правильно отражает реальную обстановку в духовной жизни раннемаурийского периода²⁹. У большинства античных авторов, которые следуют за Мегасфеном, в этом подразделении, как и в брахманских источниках, на первом месте идут «брахманы», но у некоторых писателей сначала говорится о «шраманах», что как бы повторяет устойчивую форму буддийских сочинений³⁰. В некоторых ранних древнеиндийских источниках в число шраманов включались все «еретические», неортодоксальные течения, в том числе и буддизм, который в раннемаурийскую эпоху (не говоря уже о более раннем времени) еще не стал основным религиозным направлением, противостоящим ортодоксальной брахманской традиции. В период правления Ашоки буддизм резко усилил свои позиции, этому в немалой степени способствовала и политика маурийского царя. В его эдиктах встречается деление на

²⁴ Mbh. XIII.95.

²⁵ Sukumari Bhattacharji 1970: 148.

²⁶ Mbh. VIII.24.

²⁷ Mbh. II.25.

²⁸ Mbh. III.40.

²⁹ Подробнее см.: Бонгард-Левин 1973с.

³⁰ Например, у Климента Александрийского (Strom. I.15.71). Такое различие можно было бы считать случайным, но обращает на себя внимание тот факт, что «шраманский колорит» соединяется у Климента с сообщением о Будде (там же).

брахманов и шраманов (причем это сочетание строго не фиксировано)³¹, но буддисты упоминаются уже независимо от адживиков и джайнов (например, VII Большой колонный эдикт). Судя по надписям Ашоки, а также согласно буддийской традиции Индии и Цейлона, буддизм в эпоху Маурьев перешел границы Индостана и получил распространение в ряде районов к западу от него³². В эдиктах упоминаются некоторые эллинистические цари, в страны которых по указанию царя посылались буддийские миссии (в частности, было обнаружено несколько греческих версий надписей Ашоки в Афганистане³³). После Ашоки буддизм стал одним из самых влиятельных религиозных направлений в древней Индии, но свидетельств о Будде и буддистах мы не встретим у языческих авторов эллинистического времени и периода ранней Римской империи. Их интерес к Индии, к ее религии ограничивался «брахманской мудростью».

Греческий историк Александр Полигистор, живший в Риме в I в. до н.э., описал наряду с обычаями брахманов обычаи других аскетов — семнов (Σεμνοί): «Те из индийцев, которые называются семнами, проводят всю жизнь нагими. Они стремятся к истине (ἀσκοῦσι τὴν ἀληθείαν), предсказывают будущее и поклоняются какой-то пирамиде, под которой, как они считают, покоятся мощи (ὄσσεα) некоего бога. Ни гимнософисты, ни те, которые называются семнами, не живут с женщинами, полагая, что это противно природе и противозаконно. По этой причине все они остаются непорочными, а семны сохраняют девственную чистоту. Они ведут наблюдения за небом и посредством этого знака (σημείωσις) грядущего делают предсказания будущего» (FgH 273 F 18).

В процитированном отрывке «пирамиду» можно условно соотнести с буддийской ступой, но некоторые другие реалии напоминают скорее джайнские, чем буддийские обычаи. А. Диле высказал предположение, что в данном случае источником Александра Полигистора был труд Мегасфена³⁴, но такое предположение спорно (ведь Мегасфен в «Индике» говорит о «сарманах»). С тем же основанием источником Александра Полигистора можно считать и Деймаха. Однако, кто бы ни был источником труда Александра Полигистора, ни этот неизвестный автор, ни сам Александр не имели четкого представления о буддизме, объединяя последователей всех неортодоксальных индийских религий в одну группу («семны»).

Может показаться довольно странным, что буддизм, несмотря на широкое распространение в Индии и вне ее, оказался не замеченным античными языческими авторами во второй половине I тысячелетия до н.э. — первых веках нашей эры. В течение длительного времени основными источниками по Индии для античного мира (в том числе для Страбона, Диодора, Курция Руфа, Плиния, Арриана) были сочинения сподвижников Александра Македонского, а также «Индика» Мегасфена, которые отражали индийскую действительность конца IV в. до н.э. Несмотря на то что уже в эллинистическое время были налажены постоянные торговые контакты между Индией и Египтом, продолжавшиеся и в римское время (что подтверждает «Перипл Эритрейского моря»), несмотря на то что в I в. до н.э. Аполлодор из Артемиды написал историю парфян и бактрийских греков, Страбон и Арриан пользовались при описании Индии только (за

³¹ См.: Bloch 1950.

³² Lamotte 1958.

³³ См.: Benveniste 1964: 137–157.

³⁴ Dihle 1964a: 21.

некоторыми ничтожными исключениями) источниками раннеэллинистического времени³⁵.

Конечно, сила античной литературной традиции была очень велика, и заимствование материала у своих предшественников было тогда нормальным явлением. Поэтому объяснение А. Диле умолчания о буддизме особенностями античной литературной традиции можно считать верным, но явно недостаточным. Есть основание полагать, что традиционные сведения об Индии, восходящие к Мегасфену и сподвижникам Александра, вполне удовлетворяли «духовным запросам» античного мира в эллинистическое и раннеримское время. Античным писателям этого периода было достаточно описать гимнософистов (которым они вольно или невольно придавали черты сходства с киниками), указать на поклонение индийцев Гераклу и Дионису и перечислить наиболее занимательные детали некоторых индийских религиозных обрядов. Специально интересоваться буддизмом еще не было причин.

Но в первые века нашей эры, когда наметился кризис античной (языческой) идеологии, различные восточные культы (в том числе и индийские) приобрели для античных мыслителей особую значимость³⁶. В античный мир приходят новые сведения об «индийской мудрости». Идеологический кризис по-иному расставил акценты в отношении к различным восточным верованиям; неодинаковой была позиция тех, кто пытался сохранить, хотя и в измененном виде, старые представления, и тех, кто принял догматы христианства. Уже в конце I в. н.э. известный оратор Дион Хрисостом отразил новые веяния в духовном климате римской эпохи, связанные с волной пессимизма, стремлением уйти от мира, разочарованием в ценностях античной цивилизации. В своих речах он, упрекая своих соотечественников, всячески превозносит обычаи индийцев как самого счастливого на земле народа (Orat. 35.18). Индийские брахманы, по его словам, полны справедливости и любви к божественному (Orat. 49.7), они владеют «источником истины» (Orat. 35.22).

Еще более хвалебными высказываниями об индийской мудрости насыщено жизнеописание Аполлония Тианского, созданное в начале III в. н.э. Филостратом³⁷. Филострат не дает какого-либо деления индийских философов, а называет их всех «брахманами» (Vita Apol. II.27, 33; III.15; VI.11) или просто «мудрецами» (III.10 и сл., 27, 34–35 и др.)³⁸. Мудрость брахманов всячески превозносится (III.15), но лишь для того, чтобы показать, что брахманы считают Аполлония Тианского более мудрым, чем даже они сами. Вместе с тем такое сопоставление вряд ли было случайным: в период духовного кризиса взоры античных мыслителей невольно обращались к Индии. В «брахманской мудрости» пытались найти поддержку своим новым взглядам, ее авторитетом стремились поддержать свои искания высшей мудрости и свои сомнения в земном благополучии. Некоторые описания, приводимые Филостратом, как будто напоминают и буддийских монахов, например характеристика одежды — белая шапка («митра»), ноги обнажены, накидка оставляет открытой одну руку и плечо (Vita Apol. III.15); однако прямых данных, указывающих на знакомство Филострата с буддизмом, в труде не встре-

³⁵ Dihle 1964a: 16 и сл.

³⁶ См.: Штаерман 1975.

³⁷ См.: Кнабе 1972. № 3; Charpentier 1933.

³⁸ Интересно, что с «нагими мудрецами» (γυμνοί) Аполлоний столкнулся не в Индии, а в Эфиопии (Philostr. Vita Apol. VI.6).

чается³⁹, скорее наоборот: брахманы выступают в качестве некоего духовного идеала.

Своеобразнейшей фигурой среди мыслителей периода поздней Римской империи был Плотин (205–270) — основатель учения неоплатоников. Его ученик и биограф Порфирий писал, что Плотин «достиг в философии таких успехов, что захотел познакомиться и с тем, чем занимаются у персов, и с тем, в чем преуспели индийцы». Вместе с войсками императора Гордиана Плотин отправился на Восток, но император был убит, и мечта философа осталась неосуществленной. Некоторые из приписываемых Плотину идей удивительно сходны с брахманистскими концепциями⁴⁰; можно полагать, эти совпадения не были случайными. В созданном им идеале человека — «боговдохновенного, чуждого земному мудреца, приобщившегося к стоящей за разумом первопричине всего сущего, которая дает ему силу вырваться из необходимости и подняться с земли в царство истинной, божественной свободы»⁴¹, — невольно проглядывают черты брахманизма.

Совершенно иную картину мы наблюдаем у христианских авторов. Климент Александрийский⁴² очень высоко оценивал брахманов: «Брахмамы, которые живут в горах, дышат чистейшим воздухом и из всех людей ведут жизнь наиболее совершенную и насыщенную» (FHRl: 107), но вместе с тем самосожжения гимнософистов он считал бесполезными: они, по его мнению, не познали настоящего Бога, и поэтому их самоубийства не имеют характер мученичества за веру (Clem. Strom. IV.4.17). Его точка зрения, таким образом, уже значительно отличается от позиции языческих авторов, безусловно одобрявших брахманов и восторгавшихся их мудростью⁴³. Современник Климента, пресвитер Карфагена знаменитый христианский богослов Тертуллиан (около 160 — после 220) счел нужным прямо отмежеваться и от брахманов, и от гимнософистов: «Но мы (христиане. — Г.Б.-Л.) не брахманы и не индийские гимнософисты, которые обитают в лесах и отрекаются от жизни» (Tert. Apologet. 42). В другой своей работе он счел нужным развенчать мудрость и персидских магов, и египетских жрецов, и индийских гимнософистов (Adv. Mag. I.13). Епископ италийского города Порто Ипполит (ум. в 236 г.) также не прошел мимо брахманской философии в своем труде «Опровержение всех ересей» (I.24)⁴⁴.

Именно у христианских авторов впервые в античном мире появляются первые более или менее подробные сведения о буддизме, самые ранние из них — в трудах Климента Александрийского⁴⁵. Наибольший интерес в этой связи пред-

³⁹ Charpentier 1933: 61.

⁴⁰ Armstrong 1936; Pistorius 1952.

⁴¹ Штаерман 1985: 165.

⁴² Климент Александрийский (Titus Flavius Clemens) родился ок. 150 г. в Афинах. Его родители были язычниками, но сам он принял христианство и много путешествовал по восточным провинциям Римской империи, слушая христианских проповедников. Самое большое впечатление на него произвел Пантен, глава александрийской богословской школы. Климент остался в Александрии, а в конце II в. возглавил школу. Во время гонений на христиан при Септимии Севере (ок. 202) он покинул Александрию; умер между 211 и 216 гг. Климент написал много апологетических и полемических сочинений, из которых видно, что он прекрасно ориентировался не только в христианском учении, но и в античной философии. См.: Benz 1951: 180–184.

⁴³ Ср.: Dio Crys. Orat. 49.7; Philostr. Vita Apol. III.15.

⁴⁴ Filliozat 1956: 31–60.

⁴⁵ Остается спорным вопрос о том, можно ли рассматривать как доказательство влияния буддизма в античном мире оксиринхский папирус II в. н.э. (Pap. Oxy. XI.1380), содержащий гимн богине Исида. В нем сказано (V.13), что Исида — «у индийцев Майя» (ἐν Ἰνδοῖς Μαΐαν). Имеется ли здесь в виду мать Будды или это просто случайное совпадение (у греков также была богиня Майя, мать Гермеса), сказать трудно.

ставляет его сочинение «Ковры», написанное в 200–202 гг., целью которого было доказательство превосходства христианской религии над греческой философией. Для дискредитации греческой философии Климент старался показать, что мудрость греков не оригинальна, что задолго до них в странах Востока существовали философские системы, не уступавшие греческим. Вот что он писал:

«(1) Итак, философия, весьма полезное достояние, с давних пор процветала среди варваров, освещая [своим блеском] народы, а потом уже пришла к эллинам. Представляли ее среди египтян пророки, среди ассирийцев — халдеи, среди галлов — друиды, среди бактрийцев — саманеи (Σαμεναῖοι), среди кельтов — философствующие, среди персов — маги, среди индийцев — гимнософисты, а также другие философы варваров.

(2) Их (гимнософистов. — Г.Б.-Л.) племя (γένος) состоит из двух частей, и одни из них называются сарманами (Σαρμᾶνοι), а другие — брахманами. А те из сарманов, которые называются гилогии (ὕλοβιοι — «живущие в лесах»)⁴⁶, ни в городах не живут, ни крыши над головой не имеют. Они изготовляют себе одежду из коры деревьев, питаются желудями и пьют воду из пригоршни...

(3) Есть среди индийцев и такие, которые верят наставлениям (παράγγελματᾶ) Будды (Βούττα), которого они за его наивысшую благочестивость (δὲ ὑπερβολὴν σεμνότητος) почитают как бога» (Clem. Strom. I.15.71).

Приведенный отрывок не случайно «разбит» на три части, поскольку они отличаются одна от другой по своим источникам. Первая часть — довольно тривиальное перечисление «философов-варваров», которое часто встречается в трудах как античных языческих, так и христианских авторов⁴⁷. В тексте Климента есть и одно важное отличие: «среди бактрийцев [философы] — саманеи». Бактрией в I–II вв. античные авторы называли могущественное Кушанское царство, восточного соседа Парфии, где получил распространение буддизм. Термином śramaṇa (пал. samana) там стали обозначать буддийских монахов. А. Диле не без основания полагал, что термин śramaṇa через среднеперсидский ssamaṇa и арамейский samanaja трансформировался в греческом языке в samanaioi⁴⁸. Таким образом, Климент (сам того, очевидно, не подозревая) указал на распространение буддизма в Кушанском царстве. Каков был источник его сведений, сказать трудно, но вероятно, что эти сведения попали к нему через Иран и Месопотамию.

Вторая часть отрывка имеет своим источником труд Мегасфена (FgH 715 F 33). В данном случае Климент следует традиции и не замечает сходства между «сарманами» и «саманеями», которые восходят к одному и тому же термину (и здесь он тоже в некотором смысле оказался, как это ни парадоксально, прав: сарманы Мегасфена — небрахманские отшельники, а саманеи Бактрии — это уже буддийские монахи).

Третья часть текста Климента никак не связана с Мегасфеном, к «Индике» которого этот отрывок не относят ни Шванбек, ни Мак-Криндл, включившие в корпус фрагментов Мегасфена отрывки, имеющие очень сомнительное отношение к данному автору⁴⁹.

⁴⁶ В рукописи — ἄλλοβιοι. Исправлено по Страбону (XV.1.60).

⁴⁷ Dihle 1964b.

⁴⁸ Dihle 1964a: 22.

⁴⁹ Schwanbeck 1846: 139; McCrindle 1901: 105; ср.: Бонгард-Левин 1973а: 367, примеч. 25. Э. Бенц (Benz 1951: 184) также считает невозможным упоминание о Будде у Мегасфена из-за того, что буддизм около 300 г. до н.э. не был еще широко распространен в Индии.

Откуда же мог Климент узнать о Будде? Можно полагать, что эти сведения он получил от своего учителя Пантена, который, согласно Евсевию, в конце II в. н.э. совершил с миссионерской целью путешествие в Индию (Euseb. Hist. eccl. V.10). Пантен, проживший в Индии довольно долго, мог достаточно хорошо ознакомиться с культурой и религиозными верованиями индийцев.

Таким образом, в приведенном отрывке из «Ковров» Климента Александрийского буддисты упоминаются два раза: в первой части — как бактрийские саманеи и в третьей части — прямо как последователи Будды; однако Климент, получивший эти сведения из разных источников, не смог соотнести одно с другим. Приведенный отрывок не является единственным доказательством того, что Климент проявлял интерес к религиям Индии. Фрагмент Александра Полигистора (FgH 273 F 18) также дошел до нас благодаря «Коврам» Климента (Strom. III.7.60), как и фрагмент Мегасфена (FgH 715 F 3), в котором сопоставляются представления брахманов и античных мыслителей (Strom. I.15.72). Более поздние христианские писатели (Евсевий Кесарийский, Кирилл Александрийский) воспроизвели в своих трудах некоторые отрывки из «Ковров» Климента, содержащие сведения о буддизме и других индийских религиях⁵⁰.

Другим важным районом, где в первые века нашей эры осуществлялся контакт греко-римского мира с Востоком, была Сирия. Младшим современником Климента был уроженец Эдессы Бар Дайсан (Бардесан, 154–222). Он известен как один из основоположников сирийской литературы, а также как христианский богослов (еретического направления)⁵¹. Бар Дайсан написал труд об Индии, который до нас не дошел, но который цитировал в своих сочинениях ученик Плотина Порфирий (ок. 232 — ок. 301). Бар Дайсан не пересказывал идущую от Мегасфена традицию, а использовал совершенно новый источник сведений: он записал рассказы индийских послов, которые прибыли в Сирию в царствование императора Элагабала (Марка Аврелия Антонина, 218–222)⁵². В одном из фрагментов Бар Дайсан описывает пещерный храм в Индии (FgH 719 F 1)⁵³, в другом касается, казалось бы, традиционной темы — описания обычаев брахманов и саманеев (Σαμαναῖοι), т.е. шраманов. В целом описание саманеев не дает достаточных оснований, чтобы с определенностью отождествлять их с буддистами. В саманеях скорее всего соединены черты приверженцев всех небрахманских учений⁵⁴, однако можно выделить некоторые черты, характерные и для образа жизни буддийских монахов.

«Жизнь же саманеев, — пишет Бар Дайсан, — проходит следующим образом. Они живут вне города, проводя весь день в беседах о божественном. У них есть обители и храмы, построенные царем, в которых назначены управители, получающие от царя для содержания собирающихся продукты, состоящие из риса, пшеничного хлеба, плодов и зелени. По звуку колокола саманеи удаляют всех [посторонних], пришедших в их обитель, а сами приступают к молитвам. После того как они помолятся, вновь раздастся колокольный звон, и слуги, поставив перед каждым блюдо (ибо двое саманеев не едят из одной посуды), дают им рис» (FgH 719 F 2).

⁵⁰ Euseb. Praep. evang. IX.6.5; Cyrill. Alex. Contra Julian. IV.133–134.

⁵¹ Аверинцев 1977: 297; Пигулевская 1979: 117–125; Jülicher 1899.

⁵² Saletore 1958: 250–251.

⁵³ См.: Rawlinson 1916: 146.

⁵⁴ Бонгард-Левин 1973а: 245–246.

Дальнейшее распространение в античном мире сведений о Будде и буддизме (правда, весьма немногочисленных и искаженных) было связано с влиянием манихейства: основатель этого религиозного учения Мани (216–277) рассматривал Будду (наряду с Христом и Заратуштрой) как своего предтечу⁵⁵. Манихейство было в II–IV вв. довольно опасным конкурентом христианства, и поэтому христианские богословы уделяли особое внимание полемике с ним⁵⁶. Самый ранний пример такой полемики — так называемая *Acta Archelai*. Архелай, епископ г. Кашар (Карры) в Месопотамии, составил около 28 г. запись своего диспута с Мани на сирийском языке, которая не сохранилась, но была переведена на греческий, а затем на латынь христианским автором V в. Гегемонием (*Hegemonius*)⁵⁷. В ней отразились фантастические сведения о Будде, восходящие к манихейским источникам. В повествовании о манихейском проповеднике Терebinте говорится: «Приходя куда-либо, этот самый Терebinт столь великую молву о себе распространял, утверждая, что постиг всю мудрость египтян, и стал называть себя не Терebinтом, но именем Будды, возложив на себя это имя. Он к тому же притворился (*simulavit*), что рожден некой девой и воспитан ангелом в горах» (FHRI: 176)⁵⁸.

В связи с Мани упоминается Будда и латинским христианским автором IV в. Викторинем (FHRI: 159), который знает, что Будда — индеец, а Мани — перс (правда, в действительности Мани был сирийцем из Вавилона). Но уже в византийском анонимном словаре-энциклопедии конца X в. «Суда», вобравшем в себя остатки античной традиции, все эти сведения причудливо перемешаны: «И этот Мани, и упомянутый Скифиан были брахманами по происхождению, а их учителем был Будда (*Βούδδα*), который до этого звался Терebinтом» (*Suda*, s.v. *Μάνης*).

Уже в самом конце существования Римской империи религии Индии привлекают внимание Иеронима (ок. 340–420), известного христианского богослова, переводчика Библии на латинский язык. У него ясно проступает различное отношение к буддистам и брахманам. Если в описании буддизма подчеркиваются некоторые черты, сближающие его с христианством, в том числе непорочное зачатие Будды (*Hieron. Adv. Iov.* I.42), то учение брахманов рассматривается в связи с деятельностью Аполлония Тианского, которого христиане считали шарлатаном и магом, и потому он получает отрицательную оценку (*Hieron. Epist.* 53.1). У Иеронима заимствовал сведения о чудесном рождении Будды и малоизвестный латинский автор IX в. Ратрамн (FHRI: 204). Позднее христианский мир узнает о Будде по легенде о Варлааме и Иосафе, где Гаутама был причислен к христианским святым.

Подводя итог рассмотренным материалам, необходимо отметить, что античные языческие авторы эллинистического и раннеримского времени никаких конкретных сведений о буддизме не имели, но отмечали вслед за Мегасфеном суще-

⁵⁵ Ort 1967: 128, 150–155, 239.

⁵⁶ Derrett 1974.

⁵⁷ Jülicher 1896. Об Архелае см.: Hieronim. *Vir. ill.* 72; Socrat. *Shol. Hist. eccl.* I.22.

⁵⁸ Терebinт (теревинф, *τερεβίνθος*) — скипидарное дерево, которое часто упоминается в Ветхом Завете. Так, именно под теревинтами Иаковом были спрятаны «боги чуждые» (Быт. 35.4), под теревинтами древние евреи воздвигали алтари и совершали жертвоприношения местным богам, когда они отступались от веры в Яхве (Ос. IV.13; VI.13). См.: Березкин 1914: 54–55 (этой ссылкой мы обязаны И.М.Стеблин-Каменскому). Возможно, христианский автор не случайно дал манихейскому проповеднику такое «значимое» имя, ассоциируемое с отступлением от истинной веры.

ствование двух основных направлений в религиозной жизни Индии: ортодоксального (брахманы) и реформаторского (саманеи, сарманы, т.е. шраманы)⁵⁹. Буддисты не выделялись ими из шраманов, в их сочинениях нет также упоминаний и о Будде. Античные авторы римского времени (Диодор, Страбон, Арриан) продолжали описывать Индию такой, какой ее видели спутники Александра и Мегасфен, практически не привлекая более поздних источников.

Но во II–III вв., в период кризиса античной идеологии, в Индии стали видеть не только страну, где путешествовали Геракл и Дионис и которую пытался завоевать Александр Македонский. Для христианских авторов, равно как и для неоплатоников (ведь фрагменты из труда Бар Дайсана сохранились благодаря Порфирию) и манихеев, Индия была страной весьма привлекательных религиозных верований. Изучение индийской культуры пошло вглубь, и первым описал жизнь буддистов и упомянул имя Будды Климент Александрийский на рубеже II–III вв. Он, вероятно, получил сведения о Будде из рук своего учителя Пантена, побывавшего в Индии.

Независимо от Климента сведения о буддизме проникали в Римскую империю через Месопотамию и Сирию⁶⁰. В основном христианские авторы упоминали о Будде в ходе полемики с манихеями (например, Викторин) или в связи со сходством преданий о рождении основателей христианства и буддизма (Иероним и др.).

За исключением тех случаев, когда буддизм связывался с манихейством, христианские авторы с сочувствием описывали учение буддистов — возможно, потому, что хотели противопоставить его язычеству, считая буддизм приближением к абсолютной истине христианства. Об этом писал в своем знаменитом труде «О граде божьем» (XV.20) Августин, имея в виду всех индийских аскетов: «И индийские гимнософисты, которые, как говорят, нагими занимаются философией в пустынях Индии, являются его (града божьего. — Г.Б.-Л.) гражданами».

Можно высказать предположение, что в период идеологического кризиса античные языческие мыслители не случайно обращали свои взоры к брахманизму с его многобожием и идеей «вселенской души», христиане же в своей борьбе с язычниками находили поддержку в буддизме — традиционном противнике ортодоксального брахманизма, буддизме, в котором всеединый Будда представлялся аналогом Христа.

В целом буддизм не оказал сколько-нибудь заметного влияния на античный мир. Интерес, проявленный к нему раннехристианскими авторами, не дает оснований говорить о воздействии буддизма на христианство, но христианские писатели, несмотря на явную тенденциозность своей позиции, более объемно изучили религиозные представления древних индийцев и тем самым познакомили античный мир с буддизмом⁶¹.

⁵⁹ Бонгард-Левин 1973а: 245–246.

⁶⁰ То, что они были независимы, подтверждает написание имени Будды: у Климента — Βοῦττα, а у тех, кто использовал сирийскую традицию, — Βοῦδδα, Будда.

⁶¹ Выражаю искреннюю признательность за помощь С.Г.Карпюку, с которым работал над темой «Буддизм и античная традиция».

ИНДИЯ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МИР

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО НА ЗАПАД

В историографии бытует мнение, будто в середине III в. до н.э. Индия поддерживала «тесные контакты»¹ со всем эллинистическим миром вплоть до Эпира и Кирены. Аргументируется этот тезис тем, что в Больших наскальных эдиктах (БНЭ) царя Ашоки из династии Маурья упоминаются правители далеких государств Средиземноморья. Кажется целесообразным еще раз вернуться к указанным надписям и разобрать те пассажи, где говорится о «царях греков».

II БНЭ начинается такими словами: «Повсюду в державе царя Пиядаси, наперсника богов, а также в окраинных землях, как то: Чолы, Пандьи, Сатьяпутра, Кералапутра, вплоть до Тамбапанни, царь греков по имени Антийока, а также другие цари, соседи того Антийоки (*aṃtiyoke nāma yonalājā ye sa aṃne tasa aṃtiyokasa sāmamṭā lājāne*)², — повсюду царем Пиядаси, наперсником богов, два вида врачеваний устроено: врачевание людей и врачевание скота». В соответствующей части XIII БНЭ говорится: «И эту победу считает главной наперсник богов, а именно победу дхармы. Она же одержана наперсником богов и здесь и во всех окраинных землях, даже до шести сотен йоджан, где царь греков по имени Антийока и за тем Антийокой четыре царя (*aṃtiyoke nāma yonalājā palam sa tena aṃtiyokena cātāli lājāne*): по имени Туламая, по имени Антикини, по имени Мака, по имени Аликасудара — и... Чолы, Пандьи, вплоть до Тамбапанни, и также здесь... повсюду следуют наставлению о дхарме наперсника богов».

Фразеология надписей идентична — речь идет о державе (*vijīta*) царя Ашоки (Пиядаси) и окружающих ее «окраинных землях» (*anta*). В число последних попадают, с одной стороны, тамильские княжества или племенные союзы крайнего юга Индостана, с другой — эллинистические монархии, владения «царей греков» (*yopa*, санскр. *yavapa*, первоначально обозначение ионийцев). Перечисленные в XIII БНЭ четыре правителя, конечно, и есть те самые «другие цари», о которых во II БНЭ говорится как о «соседях того Антийоки», — *sāmanta* употребляется в широком смысле, означая не только ближайших, но и более далеких «соседей». Само содержание обеих надписей сходно — несомненно, имеются в виду одни и те же лица и события.

Обращает на себя внимание то, что «царь по имени Антийока» явственно противопоставлен «другим царям». Последние, хотя и названы в XIII БНЭ по

¹ Sen 1956: 24.

² Schneider 1978.

именам, фигурируют лишь в качестве «соседей», глав государств, расположенных «за тем Антиокой». Следовательно, и мы не вправе предполагать такие же непосредственные и «тесные» связи Ашоки с Макой или Аликасударой, как с Антиокой. Речь, очевидно, идет не о пяти различных миссиях к эллинистическим царям, а об одном Великом посольстве на Запад. Основным адресатом его, безусловно, был Антиока, и лишь после визита в Антиохию индийцы могли посетить дворы других «царей греков».

Имена, приведенные в XIII БНЭ, позволяют идентифицировать этих монархов. Антиока — Антиох II Теос, вступивший на престол державы Селевкидов после смерти своего отца, Антиоха I Сотера, в 261 г. до н.э. Почти все годы правления он вел так называемую II Сирийскую войну с царем Египта Птолемеем II Филадельфом. Заключив с ним мир в 253 г. до н.э., Антиох изгнал свою жену Лаодику, чтобы вступить в брак с дочерью Птолемея Береникой. Однако через некоторое время Лаодика была возвращена ко двору. После смерти Антиоха в 247/246 г. до н.э. она отомстила сопернице, умертвив ее вместе с сыном. Это послужило поводом к новой — III Сирийской, или Лаодиковой, войне, которую Птолемей III Эвергет вел против Селевка II Каллиника.

Туламая, без сомнения, тот самый Птолемей Филадельф, о котором только что говорилось. Он был соправителем отца, Птолемея I Сотера, с 285 г. до н.э., а с 283 по 247/246 г. до н.э. царствовал единолично. Бесконечные войны с Селевкидами (280–279 гг. до н.э. — война за сирийское наследство, 274–271 гг. до н.э. — I Сирийская война, 267/266–261 гг. до н.э. — Хремонидова война, 260–253 гг. до н.э. — II Сирийская война) не мешали его энергичной административно-хозяйственной деятельности, а также служению музам. Под его покровительством творили знаменитые поэты и ученые Александрийского музея.

Антикины — Антигон Гонат, сын Деметрия Полиоркета, ученик стоика Зенона, вступивший на македонский престол в 277 г. до н.э., а в 60-е годы, после Хремонидовой войны, добившийся гегемонии в Балканской Греции. Во II Сирийской войне принял сторону Антиоха против Птолемея, но уже в 255 г. до н.э. заключил с последним сепаратный мир. В III Сирийской войне (246–241 гг. до н.э.) вновь стал союзником Селевкидов в борьбе с птолемеевским Египтом.

Мака — Магас, царь Кирены, небольшого государства в Северной Африке. Сосед и сводный брат Птолемея Филадельфа, удержавший власть, несмотря на военное противостояние с Египтом, он правил необычайно долго и скончался около 250 г. до н.э.

Все эти идентификации бесспорны. Сложнее обстоит дело с Аликасударой. Имя, несомненно, соответствует греческому «Александр», но современниками упомянутых выше правителей были два царя Александра. Первый из них — сын знаменитого Пирра, унаследовавший эпирский трон в 273 г. до н.э. и скончавшийся не позднее 255 г. до н.э. Второй — сын коринфского тирана Кратера, ставленника Антигона Гоната. Вскоре после окончания II Сирийской войны, во всяком случае до освобождения Сикиона стратегом Ахейского союза Аратом в 251 г. до н.э. (Ромп. Трог. 26), Коринф отложился от Македонии. Видимо, тогда же Александр принял царский титул³. На короткое время «царь Коринфа и Эвбеи» (слова Суды, s.v. Εὐβόριον) смог стать значительной политической фигурой в Греции и Эгееде. Скончался он около 244 г. до н.э.

³ Will 1979: 317.

Локализация всех четырех «царей греков» в восточной части Средиземноморья делает вполне понятным их противопоставление «Антийоке». В середине III в. до н.э. из Индии в Средиземное море можно было попасть только через территории, контролируемые Антиохом, — либо по сухопутным дорогам, либо посредством каботажного плавания с заходом в гавани на берегу Аравийского моря. Лишь после того как в конце II в. до н.э. стали использоваться муссонные ветры, появилась возможность проложить маршрут через открытый океан⁴.

Итак, мы приходим к заключению, что говорить об активной дипломатии маурийского царя на Балканах или в Северной Африке нет никаких оснований. Посольство Ашоки прежде всего направлялось в Антиохию. Между Маурьями и Селевкидами поддерживались регулярные дипломатические отношения, поскольку эти две великие державы древности имели общие границы. Как известно, военное противоборство между ними в конце IV в. до н.э. завершилось династическим браком и мирным договором, связавшим Селевка Никатора и Чандрагупту. От имени Селевка переговоры с «Сандрокоттом» вел Мегасфен.

Позднее к сыну Сандрокотта был отправлен в качестве посла некий Даимах (или Деймах). Даимах прибыл ко двору индийского царя, имя которого Страбон (II.1.9) передает в форме Аллитрохад (с очевидной опiskeй в греческом тексте: λλ вместо μ). Амитрохад — эпитет царя, соответствующий скр. «амитрагхата», т.е. «уничтожающий недругов» (ср. amitrahan в «Ригведе» X.83.3 и др., amitraghata в «Махабхашье» III.2.88, amitraghātin в эпосе — «Махабхарата» II.30.19, 62.8, VII.22.16 и др., «Рамаяна» V.80.23; появление d вместо t объясняется, видимо, обычным для праkritов озвончением интервокального согласного). По данным Афиней (XIV.67.652–653), в переписке с «Амитрохадом» состоял Антиох — надо думать, Антиох I Сотер, сын Селевка. Если доверять сообщению Страбона о том, что «Амитрохад» — сын Чандрагупты, то имеется в виду Биндусара, отец Ашоки. Посольство Ашоки в столицу Селевкидов было, таким образом, лишь продолжением дипломатических контактов, существовавших при его отце и деде. Из Антиохии же участники последней миссии могли проследовать далее, чтобы нанести визит и «соседям того Антийоки».

Обычно полагают, будто в XIII БНЭ упомянут царь Эпира, скончавшийся, как уже было сказано, не позднее 255 г. до н.э. Между тем хронология Маурьев не позволяет отнести посольство к более раннему времени, чем 256 г. до н.э. Поэтому после специальных исследований П.Эггермонта⁵ установилась датировка — 256/255 г. до н.э. Однако сопоставление маршрута посольства с событиями в Средиземноморье заставляет считать указанную дату абсолютно невероятной. В разгар II Сирийской войны, в которую были втянуты все государства эллинистического мира, Антиох не мог пропустить дипломатическую миссию с Востока к своим заклятым врагам на Западе. Остается предполагать, что посольство состоялось лишь после завершения войны в 253 г. до н.э., и «Аликудара» в таком случае — не эфирский царь, а коринфский тиран. На возможность подобного отождествления давно уже указывал известный знаток эллинистической истории и античной хронологии Ю.Белох⁶.

Александр Коринфский правил недолго и в последние годы его пребывания на престоле не было в живых ни Птолемея II, ни Антиоха II, ни Магаса Кирен-

⁴ Thiel 1966.

⁵ Eggermont 1940: 103–123; 1956.

⁶ Beloch 1904: 105: unter dem Alexander der Asoka-Inschriften kann ebenso gut und besser der Sohn des Kraterus verstanden werden.

ского. Поэтому индийское посольство может быть отнесено лишь к очень короткому периоду, когда уже завершилась II Сирийская война и Александр, отложившись от Антигона, принял царский титул, но остальные «цари греков» еще были живы (или, во всяком случае, в Индию не дошли известия о смерти кого-либо из них) — примерно между 252 и 250 гг. до н.э.

Никогда не обращалось внимание на порядок перечисления имен в XIII БНЭ. Антиох занимает особое место по той очевидной причине, о которой сказано выше. Далее следуют: Птолемей (Египет), Антигон (Македония), Магас (Кирена) и Александр (Коринф). Список не имеет никакого отношения к предполагаемому маршруту посольства: нелепо ехать из Египта в Кирену через Македонию, а из Македонии в Коринф — через Кирену. Последовательность диктуется отнюдь не географией, а иерархией эллинистических государств. И если в таком контексте трудно было бы объяснить появление Эпира, то Коринф здесь вполне уместен. Отраженная в индийской надписи политическая ситуация очень точно соответствует недолгому периоду вскоре после окончания II Сирийской войны. Это значит, что в распоряжении царя Магадхи имелась вполне достоверная и весьма свежая информация о том, что происходило в восточной части Средиземноморья.

После того как Селевк уступил Чандрагупте обширные области Арахосии, под властью маурийских царей оказалось грекоязычное население. К потомкам ветеранов Александра Македонского сам Ашока обращался в надписях на греческом языке, найденных на территории современного Афганистана. Его греческие подданные (υοπα) могли, конечно, поддерживать прочные связи со своими соотечественниками на Западе и своевременно передавать информацию индийскому повелителю. Но возможно и другое объяснение: Антиох, обеспокоенный ситуацией на Востоке своей державы накануне отпадения Греко-Бактрийского царства, сам мог уведомить восточного соседа о том, что с соседями на западе заключил «всеобщий мир». В любом случае, подтверждения самостоятельных контактов Кирены, Коринфа или Македонии с Индией в нашем распоряжении нет. Очевидно, официальные (или не совсем официальные) гости, появившиеся в Паталипутре, сообщили магадхскому радже о том, какие «цари греков» соседствуют с Антиохом. Отправляя письмо в столицу Селевкидов, Ашока Маурья повелел послам нанести визит и самым отдаленным правителям Запада, о которых ему таким образом стало известно. А удалось ли индийцам достичь всех поставленных перед ними целей, мы не знаем.

Датировка XIII БНЭ является одним из краеугольных камней хронологии Маурьев, и потому полезно в связи с вопросом о посольстве на Запад заново рассмотреть комплекс материалов по данной проблеме. Согласно индийским преданиям, сохранившимся в «Паришиштапарване» Хемачандры, «Мудраакшасе» Вишакхатадатты⁷ и других литературных памятниках, в ранней юности Чандрагупта боролся с царем Нандой и, потерпев неудачу, долгие годы был вынужден жить в изгнании. Вполне возможно, что эти годы изгнания приходятся на время индийского похода Александра Македонского. Во всяком случае, есть сообщения античных авторов о том, что Сандрокотт (Plut. Alex. 62), будучи еще совсем молодым человеком, встречался с Александром и уговаривал его вести войска в долину Ганга. Он будто бы утверждал при этом, что македонцам не составит труда свергнуть с престола правившего там царя «прасиев» (Diod. XVII.93),

⁷ Trautmann 1971b: Ch. 2. Cāṇakya-Candragupta-Kathā.

ибо последний является лишь узурпатором магадхского престола (Curt. IX.2). Позднее Сандрокотт возглавил вспыхнувшие в Пенджабе мятежи, добиваясь своих честолюбивых целей уже не вместе с греками, а против них (Just. XV.4).

Успеха это движение не могло иметь до тех пор, пока в одной части Пенджаба находились греческие гарнизоны, а в другой доминировал ставленник Александра — знаменитый царь Пор. Однако на Западе разгоралась борьба между диадохами — наследниками великого завоевателя, и претенденты на престол нуждались в мобилизации своих сторонников. Зимой 318/317 г. до н.э.⁸ Евдем увел остатки греко-македонских войск из Пенджаба на помощь своему другу Евмену. Тогда же был умерщвлен сатрап восточной части Пенджаба Пор (Diod. XIX.4). Ранее этой даты Чандрагупта не только не мог быть помазан на царство в Магадхе⁹, но не владел даже отдельным районом Северо-Западной Индии.

Согласно индийской традиции, возвышение Чандрагупты связано с тем, что ему удалось заключить союз с неким «горным» царем (Парватака), или «царем горцев» (Парватешвара), жившим где-то в Гималаях («Паришиштапарван». VIII.298). На наш взгляд, эти «горцы» могут быть локализованы только к северу от Пенджаба. Участники похода Александра Македонского утверждали, что наряду с Пором наиболее сильным царем индийцев в этом районе был его северный сосед, владевший горным царством (Curt. VIII.12.13; 13.1; 14.14; Diod. XVII.89). Греки называли его Абисаром, воспринимая как личное имя название кашмирского племени абхисаров, к которому царь принадлежал (абиссарей у Арриана и Плиния, ср. «Падма-пурана». I.6).

Тот «царь горных индийцев» (Arr. Anab. V.8), «Абисар», который соперничал с Пором и расширил свои владения после поражения последнего (Curt. IX.1.7), к 317 г. до н.э. уже скончался (Curt. X.1.20; Arr. Anab. V.29). Но вполне возможно, что роль его наследника, такого же царя горцев-абхисаров, могла резко возрасти после убийства Пора и ухода греко-македонских войск.

Во всяком случае, сопоставление «царя горцев» (Parvateśvara в индийских источниках) с «царем горных индийцев» (τὸν ὄρεϊὼν Ἰνδῶν βασιλεὺς в греческих источниках) кажется допустимым. Напротив, предлагавшееся отождествление Парватаки с Пором не имеет ни малейших оснований — между этими именами нет даже простого созвучия. Πῶρος точно соответствует родовому имени потомков Пуру (скр. Paurava), героев индийского эпоса — именно поэтому у античных авторов появляются и другие цари с тем же именем (Diod. XVII.91; Arr. Anab. V.20). Локализация владений Парватаки не совпадает с государством Пора, ибо «горным» не может именоваться царь страны, где нет гор. Из этого следует, что, вопреки Б.Брелёру¹⁰, нельзя думать, будто в индийской традиции отражается некий союз Чандрагупты и Пора, заключенный еще в 20-е годы IV в. до н.э.

Коронация Чандрагупты в качестве царя Магадхи, конечно, не могла состояться до взятия столицы этого государства. Хронология событий выглядит следующим образом: убийство Пора и уход Евдема, затем успехи Чандрагупты в Пенджабе, далее — его союз с «царем горных индийцев» (предположительно, с вождем кашмирского племени абхисаров), совместный поход в долину Ганга,

⁸ Весною 317 г. до н.э. оба сатрапа уже действовали совместно в Сузиане, см.: Stein O. 1985: 201.

⁹ Вопреки: Schwarz 1968: 225.

¹⁰ Brelör 1941: 154 f.

разгром огромного войска Нанды, осада и захват Паталипутры и, наконец, коронация. Нам кажется, не будет слишком смелым предположение, что между уходом Евдема из Пенджаба и воцарением первого Маурьи должно было пройти какое-то время, может быть скорее годы, чем месяцы. К такой хронологической схеме склоняет и указание Юстина (XV.4), что, захватив престол, Чандрагупта владел Индией в то самое время, когда Селевк закладывал основы своей будущей державы (*adquisito regno Sandrocottus ea tempestasate, qua Seleucus futurae magnitudinis fundamenta iaciebat, Indiam possidebat*). Вероятно, речь идет о времени, непосредственно предшествующем 312 г. до н.э., когда Селевк стал сатрапом Вавилонии.

В генеалогических списках Пуран (например, «Матсья-пурана». 272.22) говорится, что Чандрагупта правил 24 года (следовательно, примерно до 292–288 гг. до н.э.), его сын Биндусара — 25 лет (т.е. до 267–263 гг. до н.э.). Если же доверять палийской хронике «Махавамса» (V.18) о 28 годах правления Биндусары, смерть царя придется отнести ко времени не ранее 264/263 гг. до н.э.

Вернемся, однако, к Большим наскальным эдиктам Ашоки. Некоторые из них имеют датировку по годам правления — двенадцатый или тринадцатый. Вопрос заключается в том, должны ли мы воспринимать это как указание на завершённый срок — «спустя двенадцать лет после помазания» или же на длящийся период — «на двенадцатом году после помазания». В эпиграфических памятниках Ашоки формулировки противоречивы, в том числе и в греческих: «δέκα ἔτῳ πληρῇ[...]ῶν» в греко-арамейской билингве свидетельствует, пожалуй, в пользу первого варианта истолкования, но «ὀγδόῳ ἔτει βασιλεύοντος» в другой надписи говорит в пользу второго. В V колонном эдикте, датированном двадцать шестым годом, говорится о ежегодных амнистиях, которые проводились 25 раз — следовательно, ко времени издания эдикта двадцать шестой год еще не был завершён.

Хотелось бы отметить одно важное обстоятельство. В надписях Ашоки (II БНЭ, I Особый наскальный эдикт — ОНЭ) говорится, что даже на региональном уровне объезды территории с провозглашением «эдиктов о дхарме» проводились не чаще, чем раз в три-пять лет. Поэтому вряд ли можно предполагать, что царские посланцы путешествовали по всему Индостану с каждым текстом четырнадцати Больших эдиктов по отдельности. Очевидно, они везли с собою полный набор наставлений о дхарме. Хотя одни из эдиктов датированы двенадцатым, а другие — тринадцатым годом после коронации, составлены они были приблизительно одновременно. Если Великое посольство на Запад было отправлено незадолго до публикации эдиктов в конце двенадцатого — начале тринадцатого года правления, то помазание Ашоки на царство может быть датировано примерно 263/262 гг. до н.э. (но, вопреки П.Эггермонту, никак не 268 г. до н.э.). Такая дата наилучшим образом соответствует приведенным выше сведениям о времени правления его отца и деда.

Для определения хронологии Маурьев порой используется¹¹ еще одно свидетельство, содержащееся в позднейших буддийских аваданах. Согласно легенде «Ашокаваданы», почтенный монах (тхера) Яса закрыл рукою солнце, чтобы царь мог построить в один и тот же день и час 84 тысячи буддийских культовых сооружений-ступ по всей Земле. Есть также другое буддийское предание, будто вскоре некие сверхъестественные существа — якши подняли царя в воздух и

¹¹ Eggermont 1956: 123f.

помогли ему совершить паломничество по всей Индии всего за одну неделю. Сохранилась надпись Ашоки из Лумбини, где говорится о паломничестве царя и его приказе соорудить колонну на месте рождения Будды.

Возможно, тогда же была сооружена колонна и возле другой ступы, воздвигнутой в честь Будды-Конакамани, — эта надпись датируется двадцатым годом после коронации. П.Эггермонт полагал, что в легенде о тхере Ясе отразилось воспоминание о солнечном затмении, произошедшем в 249 г. до н.э. (на двадцатом году правления, если принять 268 г. до н.э. за дату коронации). Сюжеты такого типа, как изложены выше, не очень надежная основа для хронологических реконструкций. Но даже если согласиться с тем, что в легенде сохранилось воспоминание о реальном астрономическом явлении, то почему им не могло быть крупное солнечное затмение 15 июня 242 г. до н.э.?

Об актуальных задачах индийской политики в середине III в. до н.э. мы знаем мало, но те мотивы, по которым Великое посольство на Запад упомянуто в маурийской эпиграфике, вполне очевидны. Для того чтобы их понять, необходимо представить сам характер наскальных эдиктов. Магадхский раджа отправил гонцов по градам и весям, чтобы те объявили «местному люду» (*jāna jānapada* — VIII БНЭ), что Пиядаси, наперсник богов, заботится о них как о родных детях (I, II ОНЭ). Городские и племенные органы самоуправления (паришады — «советы»)¹² должны были озаботиться обнаружением этих манифестов. Надлежало записать их на скалах и каменных плитах, запечатлев на веки веков: Пиядаси — царь дхармы, истинный благодетель всех живых существ. Ритмические тексты указов о бесконечном милосердии царя зачитывали народу под барабанный бой (IV БНЭ, I, II ОНЭ). Надписи располагали в тех местах, которые были особо почитаемы, — на скалах у места слияния рек, на перекрестках дорог и т.п., а провозглашали их по календарным праздникам — с наступлением каждого сезона (I, II ОНЭ). Правление Ашоки рассматривалось как отправная точка космического периода (кальпы), своего рода новой эры (IV, V БНЭ).

В надписях Ашоки вся традиционная царская деятельность была переосмыслена в терминологии дхармы — религиозно-этических норм. Царь выступает в них в роли наставника дхармы, Вселенского учителя. Надписи о дхарме он рассылает по четырем сторонам света и распространение дхармы рассматривает как свою «победу».

Ашока был царем лишь одной из индийских народностей — магадхов. Реальная власть правителей Магадхи к III в. до н.э. распространялась на всю долину Ганга, которая была непосредственно «царским владением» (*gājavisaṃsāra* — XIII БНЭ). Но Ашока объявлял своей «завоеванной» (*vijita*) территорией, своей «державой» любые земли, где размещены были «эдикты о дхарме»: Гирнар на западе и Шахбазгархи на севере, Дхаули на востоке и Суварнагири на юге.

Более того, его «завоевание» (*vijaya*), заключавшееся в распространении дхармы, не ограничивалось территорией этой «державы» (*vijita*). Магадхский царь оповещал «соседей», весь известный ему мир, о том, что именно он — Мiroдержец, от которого зависит благо живых существ. И там, куда доходила эта слава (*kīrti* — X БНЭ) «царя дхармы», как он полагал, им тоже была одержана «победа дхармы» (*dhamtavijaya*). Посланцы Ашоки привозили с собой не только царские манифесты, но и «лекарства для людей и скота» или семена по-

¹² См.: Вигасин 1998b.

лезных растений (II БНЭ), тем самым они демонстрировали «благодетения» другим царям и народам. Все, принимавшие от раджи благодетения, уподоблялись его «подданным» — «детям» (*praṇā*), о которых неустанно заботился царь.

Конечно, между Ашокой и Антиохом могли быть вопросы, требовавшие практических решений. Но миссии к «соседям того Антийоки» — в Коринф, Кирену, Македонию, — очевидно, имели чисто ритуальный смысл. Индийцу нужно было продемонстрировать «завоевание мира» (*digvijaya*) до самых его пределов — «до шести сотен йоджан». И эллинистические монархи, принимавшие маурийских гонцов, участвовали в этом «завоевании», вряд ли до конца осознавая уготованную им роль.

Впрочем, у нас нет никаких подтверждений того, что индийцы действительно сумели добраться до Коринфа, Кирены и Македонии. Лишь в отношении Египта это можно утверждать с большей долей уверенности. В «Естественной истории» Плиния Старшего (VI.58) содержится драгоценное свидетельство о том, что некий Дионисий составил описание Индии после того, как побывал там по поручению Филадельфа. То же самое сообщение повторено и позднейшим латинским писателем Солином (52.3). Вероятнее всего, упомянутый здесь Дионисий — александрийский астроном, на труд которого неоднократно ссылался Клавдий Птолемей (Synt. IX.168, 169, 170, 187; X.236; XI.263). Свои наблюдения за светилами Дионисий датировал по нескольким эрам, и благодаря этому хронологию его научной деятельности можно определить довольно точно — приводимые у Клавдия Птолемея даты находятся между 272 и 240 гг. до н.э. Опубликовал он свой труд, очевидно, в 30-е годы III в. до н.э., а начал наблюдения за звездным небом в конце 70-х годов этого столетия. Следовательно, астроном был младшим современником царя Птолемея Филадельфа.

Плиний не сообщает, к кому из индийских правителей был отправлен посол Филадельфа — к Ашоке или к отцу его Биндусаре. Но астроном Дионисий (если это действительно то же самое лицо) при Биндусаре, скорее всего, был еще молод для столь ответственного поручения. А посольство к Ашоке из Египта, как говорилось выше, не могло состояться до окончания II Сирийской войны. Поэтому наиболее вероятным кажется промежуток между 253 и 247 гг. до н.э. (год смерти Птолемея Филадельфа). В таком случае, не исключено, что миссия к «Туламая», о которой сообщает Ашока в своих наскальных эдиктах, не только добралась до Александрии, но и вернулась с ответным посольством египетского царя.

Все это лишь предположения. Полной уверенности в том, что астроном и царский посланник — одно и то же лицо, быть не может¹³. О дипломате мы не знаем ничего. Об астрономе же можно кое-что добавить. У Клавдия Птолемея наряду с эрами Набонида и Александра приводится эра κατὰ Διονύσιον — «по Дионисию», т.е. введенная именно им. По контексту ясно, что за первый год этой новой эры Дионисий принял 285 г. до н.э. — год вступления Филадельфа на престол. Очевидно, ученый был придворным астрономом — и это повышает вероятность того, что именно ему царь дал дипломатическое поручение. День же, с которого Дионисий начинает год, — 26 июня, т.е. время летнего солнцестояния, когда солнце входит в созвездие Рака — Каркинон. Очевидно, здесь отражается та же идея, которую мы находим и в Индии.

¹³ Составители *Prosopographia Ptolemaica*, 1653, считают, что оба Дионисия, «без сомнения, идентичны». Другие высказываются более осторожно: «возможно, идентичны», см.: Olshausen 1974: 33–34; Neue Pauly 1997: 641.

Упоминания «царей греков» в эдиктах Ашоки переносят нас в ту эпоху, когда судьбы Индии причудливо сплелись с историей эллинистических монархий. Контакты эти прервались вскоре после описываемых событий. Образование Парфянского царства в начале 40-х годов III в. до н.э. резко изменило политическую карту и характер международных связей.

Выше уже цитировалось замечание Юстина о том, что государства Селевка и Чандрагупты возникли почти одновременно. Они и распались одно за другим. После появления Парфянского и Греко-Бактрийского царств держава Селевкидов превратилась всего лишь в Сирийское царство. Нечто сходное произошло и в Индии: к концу своего долгого правления магадхский царь вряд ли мог претендовать даже на символическую власть в тех областях, что находились за пределами долины Ганга: «держава» (*vijīta*) сжалась до размеров «царских владений» (*rājaviṣaya*).

ГРЕКО-ИНДИЙСКИЙ ДИАЛОГ В СЕРЕДИНЕ III в. до н.э.

В конце IV и первой половине III в. до н.э. эллинистический мир простирался от Балкан до Инда. По договору, заключенному около 305 г. до н.э. Селевком Никатором и Чандрагуптой, города, основанные Александром Македонским в Арахосии, отошли к империи Маурьев; таким образом, греки стали не только соседями, но и подданными индийских царей. Появились условия для общения народов и взаимодействия культур.

Расцвет Маурийской державы приходится на время правления Ашоки, внука Чандрагупты. О дипломатических контактах Ашоки с эллинистическими монархами сохранились свидетельства в индийской эпиграфике и античной литературе. Знаменитые «эдикты Ашоки» были переведены на греческий, дабы ознакомить с ними население северо-западных провинций — потомков тех, кто пришел в Индию с Александром. Благодаря этим источникам мы имеем возможность следить за диалогом древних цивилизаций.

Античные сочинения о походе Александра и последующих событиях датируются преимущественно римской эпохой, однако в основе их лежат значительно более древние тексты. Так, Плиний Старший говорит, что при составлении рассказа об Индии он отдавал предпочтение трудам греков, побывавших в этой стране. Среди таких очевидцев он называет помимо соратников Александра двух эллинистических послов к индийским царям — Мегасфена и Дионисия (VI.58). Первый, как известно, был отправлен в Индию Селевком Никатором на исходе IV в. до н.э., второй — Птолемеем Филадельфом в середине III в. до н.э. Соответствующая часть «Естественной истории», построенная на источниках раннеэллинистического времени¹, дает ясное представление о том, как могло выглядеть греческое описание Индии.

Со времен Александра проводились измерения дорог, по которым шли греко-македонские войска. Дипломатам давались поручения определять расстояния между пунктами в странах их пребывания. Полученные сведения подвергались тщательной проверке, и на их основе составлялось общее «землеописание» — география. Геометрия помогала вычертить схему обитаемой части Земли — ойкумены.

По всей видимости, в официальном отчете Дионисия, использованном при написании «Естественной истории», была сделана попытка представить этнопо-

¹ Dihle 1984: 176.

литическую карту Индии². Автор целенаправленно собирал информацию о племенном составе и военных силах местных государств. При этом особое внимание уделялось достоинствам или недостаткам боевых слонов в каждой части страны. Ко времени Плиния эти данные потеряли всякую актуальность, а слоны давно перестали быть основной ударной силой войска. Но римский ученый так дорожил свидетельствами очевидцев, что включил их в свой труд, не замечая явных анахронизмов. А для середины III в. до н.э. подобная направленность интересов кажется вполне понятной. Птолемей Филадельф вел неустанную борьбу с Антиохом Теосом, и ему необходимо было знать, какая военно-политическая ситуация складывалась на восточных рубежах державы Селевкидов. Антиох обладал значительным контингентом боевых слонов, и египетский царь также стремился создать у себя этот род войск³. Перед посольством Дионисия, направленным к Ашоке, очевидно, были поставлены вполне практические цели.

О дипломатических миссиях Ашоки к эллинистическим царям известно благодаря его двум Большим наскальным эдиктам, БНЭ (II и XIII). Декларируемая в них цель миссий на Запад и на Юг вполне очевидна: речь идет о «победе повсюду», «на всей Земле». Таким образом, Ашока высказывает ту идею, которая нередко встречается в санскритских текстах, где конечной целью царя объявляется «завоевание всей Земли». В ведийском ритуале раджа воплощает центр Вселенной, ось мира, он овладевает пространством — четырьмя сторонами света (*digvijaya*). Маурийские дипломаты должны были сообщить эллинистическим монархам о том, что далекий правитель Магадхи — «царь дхармы». И для последнего этого оказывалось достаточно, чтобы говорить о своей «победе», одержанной на всей Земле. Ашока говорит о том, что он милостивец и благодетель всех живых существ. Отсюда «врачевание людей и скота», устройство колодцев и тенистых рощ вдоль дорог. Все, кто принимают от царя благодеяния, тем самым уподобляются его подданным (букв. «детям» — *grajā*). Результатом этой эвергетической деятельности царя становится символическое превращение его во вселенского владыку.

Исторический контекст и последовательность дипломатических контактов Ашоки с «царями греков» могут быть представлены примерно так.

В 253 г. до н.э. закончилась многолетняя II Сирийская война. В нее были втянуты правители всех крупных государств эллинистического мира: Селевкиды и Птолемей, Антигониды и царь Кирены. Вскоре после войны ставленник Антигона, коринфский тиран Александр, объявив о независимости, принял царский титул. Для Селевкидов противоборство с Птолемеем было довольно успешным. Однако в восточных областях державы начались сепаратистские движения, в результате которых спустя несколько лет образовались самостоятельные царства — Греко-Бактрийское и Парфянское. Возможно, в этой обстановке Антиох («Антийока» эдиктов) отправил посольство в Индию и сообщил своему восточному соседу, что на западных рубежах уже заключен «всеобщий мир».

Между тем в 252 г. до н.э. завершился 12-летний цикл правления Ашоки. По случаю юбилея царь повелел начертать на скалах 14 Больших эдиктов, посвященных дхарме. Дхарма — то, на чем держится (*dhar* — «держатель») мир, и царь, который предан дхарме, тем самым является Мировладельцем. Об этом и

² Вигасин 1999.

³ Raschke 1978: 656.

должны были свидетельствовать «эдикты Ашоки». Индеец воспользовался случаем заявить о себе как о Вселенском правителе. Отправляя посольство к Антиоху, он передал с ним письма и для четырех соседей «того Антийоки»: в Египет Птолемею («Туламая»), в Македонию Антигону («Антикини»), в Кирену Магасу («Мака») и в Коринф Александру («Аликасудара»). Об этих посланиях царь приказал высечь надписи на камне, ибо он рассматривал их как свидетельство своей «победы на всей Земле».

Миссия Дионисия, о которой уже упоминалось, датируется концом 50-х годов III в. до н.э. Возможно, это был ответ Птолемея Филадельфа на письмо индийского царя. Александрийский астроном Дионисий должен был собрать географическую и стратегическую информацию о соседях Селевкидов на востоке. Дальнейшего развития эти связи не получили. Образование Парфянского царства вскоре изменило политическую ситуацию в Азии, надолго отрезав Индию от Средиземноморья. Прямые контакты возобновились лишь через полтора века — при Птолемее Эвергете, когда капитан Эвдокс прибыл из Египта в Индию, пользуясь попутным муссонным ветром.

Вполне возможно, что посольство Ашоки к Антиоху решало некие дипломатические задачи. Вместе с тем очевидно, что идея символического овладения Вселенной отнюдь не была чужда эллинистическому сознанию — достаточно вспомнить дионисийское шествие, устроенное самим Александром. Тот же Птолемей Филадельф демонстрировал на «великой процессии»⁴ экзотических животных Востока как некий символ всемирного могущества, а один из его преемников именовался Эвергетом — Благодетелем человечества. И все же стоит отметить, что мотивы посольств — индийского и греческого — в сохранившихся источниках выглядят по-разному. Птолемей готовит модернизацию армии для борьбы с Антиохом, а его посланник составляет политическую карту Индии. Ашока же торопится оповестить далеких царей Коринфа и Кирены, о которых только что узнал, что именно он и есть истинный «царь дхармы»; само посольство он рассматривает как ритуальную церемонию «завоевания всей Земли».

Отметим любопытную деталь в приведенном выше фрагменте из XIII эдикта: говоря о своем посольстве к «царям греков», Ашока добавляет, что до них — целых 600 йоджан (*ā sasu yojanasatesu*). В отличие от греческой литературы, в индийских текстах не бывает сведений об измерениях расстояний между странами — не случайно подобная информация отсутствует и в данном эдикте по отношению к государствам крайнего юга Индостана (Чолы, Пандьи, Керала и т.д.). Между тем приведенное число выглядит как вполне правдоподобное, почти точное. Йоджана — дневной переход армии с боевыми слонами; судя по запискам китайских паломников в Индию, он равнялся примерно 12–14 км⁵. 600 йоджан, таким образом, приблизительно соответствуют 45 тысячам стадий или расстоянию от Восточной Индии до Нила и Родосского меридиана согласно данным Эратосфена (Strabo. I.4.5). Можно думать, что именно греки сообщили индийцу результаты своих измерений. Но в сознании последнего число перестало быть элементом научной картографии. В соответствии с мифологической картиной мира оно приобрело значение символа — 600 йоджан означали, что слава и власть маурийского царя достигли самых отдаленных пределов Вселенной.

⁴ Rice 1983.

⁵ Srinivasan 1979: 27.

Отношение греков к числу было иным, чем у индийцев, и при передаче сведений, полученных от местных жителей, античные авторы невольно дают им иное истолкование. К каким-то мифическим повествованиям (типа позднейших пуран) восходит известное свидетельство Мегасфена (Арт. Ind. 9.9), что от «первого царя» (в греческой трактовке — «Диониса») до Сандрокотта (т.е. Чандрагупты) прошло 6042 года. Воспроизводя это сообщение, Плиний (NH. VI.59) добавляет «и еще три месяца» (количество лет у него — 6402). Известно, что большие отрезки времени индийцы измеряли 12-летними и 60-летними циклами планеты Юпитер (др.-инд. Брихаспати)⁶. В пуранических генеалогиях царей поворотным пунктом истории считалось уничтожение местных кшатрийских династий и основание первой Магадхской «империи» Нандов. Согласно рукописной традиции «Ваю-пураны»⁷, первый из Нандов — Махападама правил 28 лет, а его наследники — 12 (после чего к власти пришел Чандрагупта Маурья). Вероятно, Мегасфену было сказано, что «сто» (символ множества) 60-летних циклов Брихаспати отделяет коронацию Нанды от мифического «первого царя». Селевкидский посол отнесся к этой цифре со всей серьезностью, прибавив к неисчислимому множеству годы и месяцы, прошедшие от коронации Нанды до прихода к власти Чандрагупты. Грек с трогательной наивностью усматривает историческую реальность в индийской символике и условностях.

Помимо серии эдиктов Ашоки на среднеиндийских языках (пракритах) историк располагает также фрагментами их греческих переводов⁸, и сравнение текстов кажется весьма плодотворным. К середине III в. до н.э., когда были высечены «надписи о дхарме», уже три поколения греков жили на индийской земле. При этом они оставались носителями своей собственной культуры и обращаться к ним надлежало по-гречески. Местный переводчик эдиктов достаточно свободно читал по-индийски, чтобы правильно воспроизводить на родном языке слова царя. Но проблемой для него оставалась передача терминологии.

Знаменитая надпись, найденная в Кандагаре, начинается такими словами: εὐσέβεια καὶ ἐγκράτεια κατὰ πάσας τὰς διατριβάς — видимо, это почти дословная передача пракритского текста, полученного из Паталипутры. Εὐσέβεια соответствует dhamma (скр. dharma), ἐγκράτεια — saṃyama (скр. saṃyama), διατριβή — rāsaṃḍa (скр. rāṣaṇḍa). Но διατριβή — философская школа, а rāṣaṇḍa — религиозная секта. Греческое слово заставляет вспомнить учеников Платона или Аристотеля, предающихся «любомудрию», а индийское — последователей Джины Махавиры или Макхали Госалы, ищущих спасения. Εὐσέβεια соответствует латинскому pietas — это прежде всего «почтительность», «почитание отеческих богов». Индийская же дхарма есть некая субстанция, накопление которой обеспечивает лучшее перерождение. Переводчик дает чисто греческую интерпретацию терминов.

Может быть, особенно интересно сравнение saṃyama с греч. ἐγκράτεια. Грек не ошибся в переводе: и то и другое слово означают «самообладание», но их смысл совершенно разный из-за несходства культурного контекста. В греческой политической философии понятие ἐγκράτεια занимает немаловажное место — его особенно часто употребляют Платон и Ксенофонт. Тот, кто властвует, обязан

⁶ Dikshit 1888: 169f.

⁷ Pargiter 1913: 25.

⁸ См.: Benveniste 1964.

быть ἑγκρατής — «владеющим собою». Это значит, что он, несмотря на властные полномочия, ведет себя так, как подобает свободному человеку и гражданину (см., к примеру: Хен. Мет. II.1.1). Ἑγκράτεια есть некая умеренность, приличествующая истинному философу.

Круг ассоциаций, связанных с индийским samyama, совершенно иной. Когда человек полностью контролирует органы чувств (samyatendriya), он перестает ощущать грань между собою и внешним миром, сливаясь с Космосом. Такое «самообладание» близко йогической практике (dhyāna, dhāraṇa, samādhi). В «политической» литературе древней Индии царь уподобляется аскету, который овладевает миром, манипулируя им как частями собственного тела (см., например, «Артхашастра» I.6.3; I.5.16; «Махабхарата» XII.63.29)⁹.

Для грека «владеть собою» — значит прежде всего не выделяться из среды сограждан, для индийца — скорее, Вселенную вобрать в себя. Переводя не слова, а смысл сказанного, мы так воспроизвели бы содержание царского послания: «каждая секта стремится к аскезе и накоплению религиозной заслуги с целью лучшего перерождения». В обращении к греческим колонистам то же самое приобрело примерно следующий вид: «каждая философская школа стремится к тому, чтобы воспитать гражданские добродетели — знание меры во всем и почитание отеческих богов».

Со времен Александра и до Ашоки почти столетие индийцы и греки вели диалог, но при этом каждый продолжал говорить на языке своей культуры. И часто им только казалось, будто они понимают друг друга.

⁹ Романов 1978.

ИНДИЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРИОДА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

КАРТА ИНДИИ В «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ» ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

В индологической литературе редко можно встретить ссылки на Плиния. Между тем соответствующая часть «Естественной истории» (VI.56–106) отнюдь не мала по объему, а содержащиеся в ней сведения, как правило, уникальны. У Плиния нет живых зарисовок природы страны, быта и нравов ее обитателей, вместо этого он предлагает сухие списки — названия мест (*locorum nuda nomina* — III.1), племен и народностей. Но если приводимые им наименования достоверны, а в перечислении их обнаружится некая система, то в нашем распоряжении окажется бесценный источник по этнополитической карте Древней Индии. Как известно, именно такого рода материалов остро недостает современной науке.

Ж.Филлиоза, комментируя Плиния, пытался найти соответствия этническим и географическим названиям в санскритской литературе, но большинство их идентификации не поддается. На этом основании можно было бы заключить, что индийская лексика в «Естественной истории» искажена до неузнаваемости. Приводимые французским индологом сопоставления порою основаны только на внешнем созвучии с такими санскритскими словами, которые никогда не употреблялись как обозначение народа: *śākhā*¹ — «ветви», *preta* — «усопшие»² и т.д. Из локализации среднеазиатских скифов (саков, шаков) где-то на вершинах Гималаев³, а пенджабского⁴ племени мадров поблизости от устья Ганга должно было бы следовать, что географ не имел ни малейшего представления о действительном соотношении различных регионов.

Значит, перед нами некий винегрет из имен собственных, заимствованных из самых разных источников, безнадежно испорченных и расположенных в произвольном порядке. Примерно так и определял когда-то труд Плиния известный специалист по древней географии Г.Киперт⁵: «Хаотическая, некритически

¹ André, Filliozat 1980: 92.

² André, Filliozat 1980: 97.

³ André, Filliozat 1980: 92.

⁴ André, Filliozat 1980: карта 3.

⁵ Kiepert 1878.

составленная компиляция». С ним согласны Д.Детлефсен⁶ и П.Эггермонт⁷, утверждающий, что мы имеем дело с «псевдогеографией». Если данные оценки верны, мы имели бы право и впредь игнорировать «Естественную историю» как источник по географии Древней Индии. Однако я постараюсь показать, что отмеченные нелепости принадлежат вовсе не древнему писателю, а его современным интерпретаторам.

Пытаясь идентифицировать этнические названия, мы должны учитывать два основных обстоятельства. Первое: Плиний, согласно его собственным словам, пользовался преимущественно трудами греческих авторов (*auctoribus graecis* — VI.58) эллинистической эпохи. Стало быть, за латинской формой имени необходимо угадать греческую. И второе: сами греки получали информацию, расспрашивая индийцев. А следовательно, привлечения санскритской топонимики недостаточно — надлежит принимать во внимание особенности фонетики местных разговорных языков.

Структура фрагмента, посвященного Индии, выглядит следующим образом:

1. Введение, содержащее общие сведения о стране и ссылки на использованную литературу (VI. 56–60).

2. Маршрут от Каспийских ворот до устья Ганга (VI.61–63).

3. Перечисление народов и царств Индии (VI.64–78), включающее краткие экскурсы:

а) о реке Ганг и ее притоках (VI.65),

б) о сословной структуре индийцев (VI.66),

в) об особенностях карты звездного неба, наблюдаемого в Индии (VI.69),

г) о реке Инд и расстояниях от Ганга до Инда (VI.71–72).

4. Заключение со ссылкой на другие книги «Естественной истории» (VI.79), где будет сказано о чудесах животного мира этой страны, о плодородии земли и растениях.

Далее идут:

5. Рассказ об островах в Индийском океане, главным образом о Тапробане (VI.80–91).

6. Описание земель, лежащих к западу от Инда, а также морского пути, соединяющего Индию с Египтом (VI.92–106).

Перечисленные фрагменты часто несходны по стилю, характеру сообщаемых сведений и ссылкам на источники информации, но композиция выглядит отнюдь не хаотической, а напротив — весьма продуманной и стройной.

Маршрут от Каспийских ворот до р. Гипасис (Гифасис, санскр. Випаша, совр. Биас) с точным указанием расстояний между пунктами (VI.61–62) приведен по данным Диогнета и Бэтона, современников Александра, «измерявших его пути» (*Diognetus et Baeton, itinerum eius mensores* — VI.61). В остальной части Индии — вплоть до устья Ганга — аналогичная работа была проведена по поручению Селевка Никатора (*reliqua inde Seleuco Nicatori peragrata sunt* — VI.63) в начале III в. до н.э.⁸

Расстояние между реками Гипасис и Сатледж (*Sydrus*, санскр. Шатадру) автор оценивает в 169 миль. Столько же, по его словам, — от Сатледжа до

⁶ Detlefsen 1909: 16.

⁷ Eggermont 1975: 164.

⁸ Полагают, что измерения «для Селевка Никатора» проводил Мегасфен, см.: Detlefsen 1909: 129.

Ямуны (Джамны), но «в некоторых списках на пять миль больше». «Оттуда до Ганга — 112,5 миль, до Родафан — 569 (варианты рукописей: *godafan*, *godasan*), «иные же говорят, что это пространство занимает 325 миль»; до города Каллинипаза — 167,5 миль, а другие (говорят) — 265... Оттуда до слияния Ямуны и Ганга — 625 миль (а многие добавляют еще 13,5), до города Палиботра — 425 миль, до устья Ганга — 635,5 мили».

Различий во мнениях относительно расстояний между городами Праяга (где происходит слияние Ямуны и Ганга) и Паталипутра, а также между последним и устьем Ганга — нет. Путешествие здесь возможно лишь по одному маршруту — по реке, и дистанции довольно точно определяются по времени плавания и скорости течения (ср.: Strabo. XI.1.11). Приведенные числа примерно соответствуют действительности. Оценить расстояния по суше, между реками, значительно сложнее — расхождения могут возникнуть вследствие выбора разных дорог. В любом случае, 5 миль на 169 и 13,5 на 625 — допустимая погрешность при вычислениях.

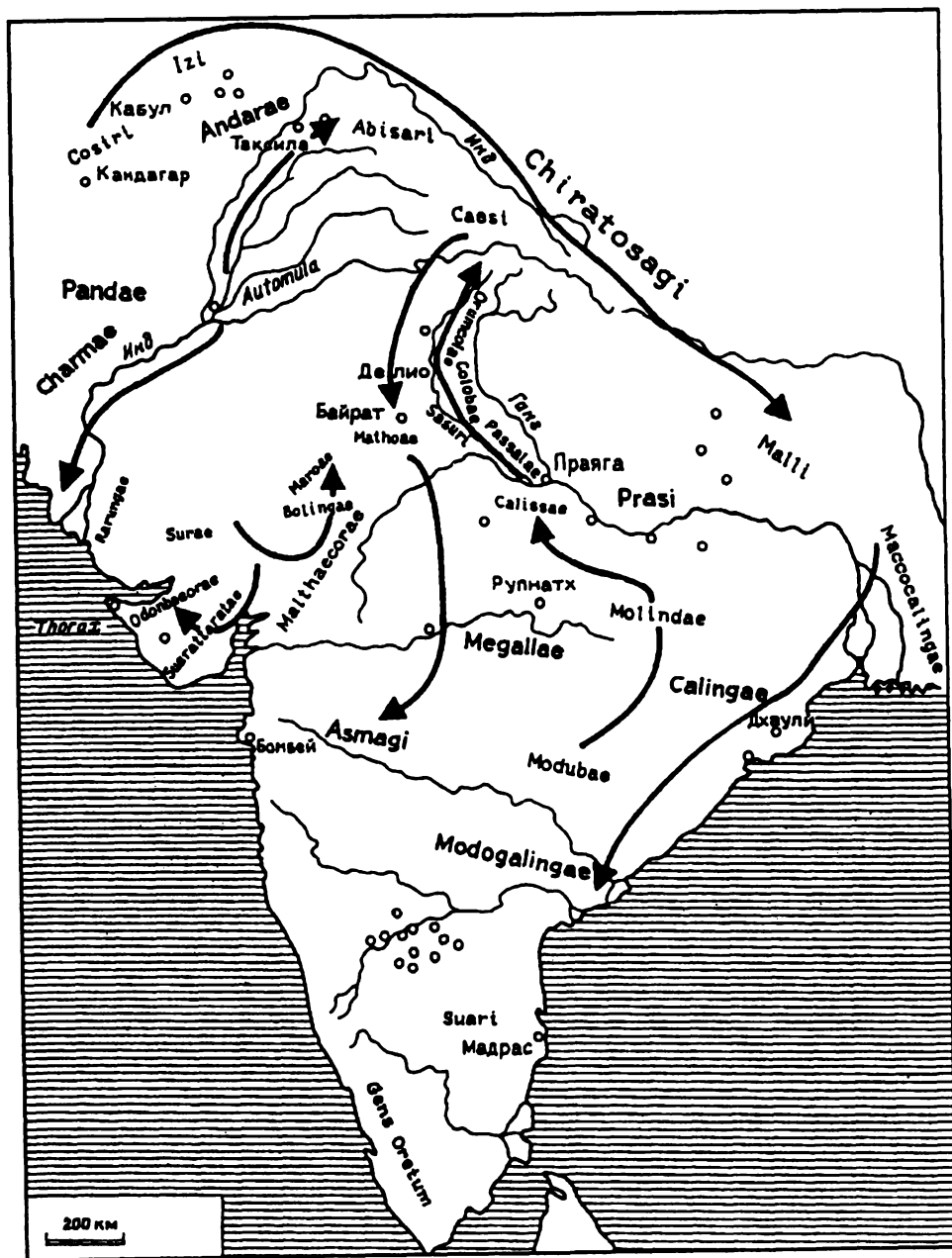
Сведения о дистанциях между реками Биас, Сатледж, Ямуна и Ганг кажутся более или менее правдоподобными, исходя из маршрута, обычного для средних веков, — через Лудхияну, Амбалу, Карнал, Дели⁹. Однако между выходом к Гангу и Праягой происходит нечто странное. Если путешественник добрался до Ямуны или Ганга и собирается попасть к месту их слияния, он, очевидно, плывет по реке. Но тогда не может быть столь существенных различий в оценке расстояний между пунктами (569 и 325 миль, 167,5 и 265 миль). Ни Родафан, ни «город Каллинипаза» не упоминаются у других античных авторов, и локализация их затруднительна. Однако если мы отсчитаем указанные 625 (или 638,5) миль в обратную сторону от Праяги, то окажемся севернее Дели. Добавить еще 500–800 миль в тот же самый маршрут нет никакой возможности. Автор, видимо, не утверждает, будто путь по Ямуне (или по Гангу) проходит через Родафан и город Каллинипаза. «Оттуда до слияния Ямуны и Ганга» может означать: от места выхода к Ямуне (или к Гангу), а не от упомянутой ранее Каллинипазы. Дорога на Каллинипазу в этом случае будет ответвлением от основной. Расстояния (вероятно, по суше) приводятся на основе устно-расспросных сведений, а потому в существенно различающихся между собою вариантах.

Добравшись наконец до устья Ганга (VI.63), автор спустя какое-то время продолжит прерванное путешествие, на сей раз *ab ostio Gangis* (VI.72). Он заставит нас плыть на запад вдоль морского побережья до устья Инда. При этом, как и ранее, указываются расстояния между пунктами. Чертеж внешних контуров субконтинента, таким образом, получит завершение. Трудно согласиться с мнением А. Диле¹⁰, будто этот неизвестный по другим источникам «перипл» у географа появляется «немотивированно» и «неуместно». Как мы вскоре увидим, Плиний сначала (до VI.70) предлагает описание р. Ганг и племен Восточной Индии. Далее он указывает расстояние между Индом и Гангом по суше и начинает говорить о р. Инд. В таком контексте «перипл», повествующий о плавании вокруг Индии с востока на запад, выглядит вполне уместно. Он предваряет описание народов бассейна Инда и всей Западной Индии.

После приведенного выше списка дистанций от Гипасиса до устья Ганга Плиний возвращается к исходному пункту на северо-западе, чтобы перечислить

⁹ Verma 1978.

¹⁰ Dihle 1984: 179.

Реконструкция карты Индии по данным «Естественной истории» Плиния

основные индийские племена (*gentes* — VI.64). Первую их группу составляют народности Гиндукуша и Гималаев (*a montibus Hemodis quorum promunturium Imaus vocatur*). Указаны три племени Гиндукуша, а именно *Isari*, *Cosiri*, *Izi*.

Прежде всего можно сделать попытку определить местоположение племени *Cosiri*. Ранее, при описании Восточного Туркестана, Плиний (VI.55) назвал обитающие там племена: *Thuni* и *Phocari*. Рядом были упомянуты и *Casiri*, несомненно тождественные с *Cosiri* (VI.64). Рукописное *Phocari* (*focari*) давно — и вполне убедительно — отождествлено с *Tochari* (τόχαροι). *Thuni* у Плиния соответствует *Θῖναι* греческих географов (Птолемей, Перипл Эритрейского моря и др.). В индийских источниках это *Cīna*, т.е. китайцы (Цинь). «Ману-смрити» (X.44) перечисляет «чина» рядом с греками, шаками, парфянами, киратами и дарадами/дардами. Иногда в аналогичных контекстах речь идет еще о кашмирцах, гандхарцах и бактрийцах/бахлика («Брихат-самхита» V.77–78; XIV.30 и др.). В пуранах («Матсья» 114.34; «Маркандея» 57.34 и др.) есть случаи совместного упоминания чина и тукхара/тушара (*cīnāścaiva tuṣarāśca bahulā bāhyato narāḥ* — «многочисленные китайцы и тохары за пределами (индийского мира)»¹¹).

Плиний говорит, что касиры в отличие от китайцев и тохаров принадлежат уже к индийским народам (*iam indorum* — недаром они в качестве косиров упоминаются далее среди племен Индии!), хотя и обитают в приграничной области Центральной Азии. В описываемый район Туркестана проникают также индийские кочевники (*nomades quoque Indiae vagantur huc*). Следовательно, касиры/косиры живут в Восточном Гиндукуше с обеих сторон прохода, соединяющего Индию с Туркестаном. Речь должна идти о территории современного Нуристана. Племя «касиров» считалось более примитивным и диким, чем другие «индийцы»: Плиний говорит, что они едят человечину (ср. каннибальские мотивы в кафирском фольклоре)¹². Возможно, употребляемое им выражение *introrsus ad Scythas versi (humanis corporibus vescuntur)* нужно понимать как сравнение со скифами — незадолго перед тем географ говорил о скифах как о северных дикарях, которые питаются человеческим мясом (VI.53: *anthropophagi Scythae insident humanis corporibus vescentes*). Район возле Хайберского перевала являлся той зоной, где можно говорить об «уже индийцах», но еще не цивилизованных племенах. Этнографические детали, приведенные римским писателем, напоминают описания путешественников конца XIX в.: о том, как кочевники со своими семьями ежегодно проходят в Индию и обратно по дороге между Лунди Котлом и Джелалабадом.

Сравнение слова *Casiri* с санскритским *Khaśīra* выглядит правдоподобно, ибо племя кхаширов помещено в «Махабхарате» (Вульгата VI.10.66 — *khaśīrāśca tukharāśca*) рядом с тохарами, дардами и кашмирцами.

Следующий этноним в разбираемом списке населения Гиндукуша у Плиния (VI.64) — *Izi* (варианты рукописей: *Izzi*, *Izigi*). Кажется вполне вероятным, что речь идет о народности йидга, обитающей в районе Читрала (Мунджан). Как и следовало ожидать, движение идет по Гиндукушу на северо-восток, к Гималаям: к «горе, называемой Имаем, что на языке местных жителей значит Снежная» (VI.64).

Раз это так, то предшествующее косирам племя *Isari* надлежит искать в противоположной стороне — к юго-западу от Кафиристана. Неудачной представ-

¹¹ Sircar 1971: 25.

¹² Йеттмар 1986: 62, 252.

ляется попытка¹³ отождествить район, где жили исары, с Исамом, который Страбон (XI.11.1) считал пределом завоеваний Менандра в Индии. В противном случае пришлось бы констатировать, что знаменитый поход греко-бактрийского царя был остановлен еще у рубежей Индии. Ведь Плиний прямо говорит, что Isari живут в горах Эмода, т.е. Гиндукуша — с них, как пограничных, он начинает свой перечень индийских племен.

Далее по горному хребту (per iuga) Гималаев живут Chirotsagi. Несомненно, первый элемент в этом названии составляют кираты, которые часто упоминаются в индийской литературе как горцы и жители Гималаев. Сложнее дело обстоит с sagi. Ж.Филлиоза¹⁴ склонен усматривать в них саков (шаков). Но непонятно, каким образом среднеазиатские кочевники-скифы могут быть локализованы на вершинах Гималаев. Между тем к востоку от киратов, на территории современного Непала, обитало известное племя шакья (палийское Śākīyo, пракритское Sakkia). Очевидно, родина Будды-Шакьямуни здесь и имеется в виду.

Далее маршрут явно спускается с гор к Гангу в районе его устья, ибо речь идет о народах, «ближайших к морю» (marī proximī). Здесь обитает племя Massocalingae (рукописный вариант — Mastocalingae). Наименование это получило различные толкования в научной литературе. Ж.Филлиоза¹⁵ находил в нем дравидийское слово, но непонятно, каким образом лексика крайнего юга Индостана могла появиться на крайнем севере — у предгорий Гималаев. Б.Ч.Лоу¹⁶ и Б.Н.Мукерджи¹⁷ сравнивали Массо с Mekala — одной из областей Декана. Однако мы увидим, что этот этноним Плиний называет позднее и совсем в иной форме. У Плиния постоянно встречаются чередования с и g: brastapae/bragmapae, Calingae/Galingae и т.д. Не следует ли предполагать, что в греческом оригинале стояло μάγγοι?

Греческое «γγ» читается, как известно, «нг». А чуть ниже мы увидим, что индийский информатор автора, использованного Плинием, произносил губные звуки «п, б» как «м» (вместо «пулинда» у него получалось «молинда»). В среднеиндийских языках, прежде всего в ардхамагадхи, «м» появляется вместо «п», «б» и «в»¹⁸. Это не индивидуальная особенность артикуляции, а диалектная черта, свидетельствующая о том, что информация собиралась где-то в Восточной Индии (очевидно, в Паталипутре). Допустимо предполагать, что в основе разбираемого этнонима Массо (Maggo?) лежит Vaṅgo/Vaṅga, т.е. древнее название Бенгалии (по преимуществу Восточной). Тогда в качестве отправной точки для Massocalingae появляется этноним Vaṅgakaliṅga, хорошо засвидетельствованный санскритскими текстами, а именно «Махабхаратой» (VII.10.15; VI.10.46, ср.: Kaliṅgavaṅga — VIII.12.59; 49.79). Во всяком случае, согласно Плинию, загадочные «маккокалиниги» населяли отнюдь не дравидоязычные районы и не Мекалу, а низовья Ганга по левому берегу реки — Восточную Бенгалию. Древнейшая локализация страны Ванга/Банго очень точно соответствует данному определению¹⁹.

Где-то поблизости следует искать и «две судоходные реки Принас и Каиннас, что впадает в Ганг» (flumina Prinās et Cainnas, quod in Gangem influit, ambo

¹³ Пьянков 1997: 71.

¹⁴ André, Filliozat 1980: 92.

¹⁵ André, Filliozat 1980: 97.

¹⁶ Law 1984: 157.

¹⁷ Mukherjee 1960: 320.

¹⁸ Pischel 1981: 248, 250.

¹⁹ Law 1973: 263.

navigabilia). Судя по контексту, речь должна идти о двух рукавах Брахмапутры. Нет ни малейших оснований полагать вслед за О.Штайном²⁰, будто автор из Восточной Бенгалии внезапно переносит нас на запад Индии, в Раджастан, к реке Банас (древнее название которой — Парнаша — почему-то ученому кажется созвучным с Prinas).

«Калинговые племена, — говорит Плиний, — ближайшие к морю». А далее (et supra), т.е. вдали от побережья, на востоке Гималаев обитают Mandaei и Malli. Согласно буддийским источникам, Малла — одна из шестнадцати «великих стран» (махаджанапад). В палийских текстах маллы локализуются на востоке Гималаев, неподалеку от шакьев, личчавов и ваджи/вриджи. В джатаках (IV.438, 439) встречается и Mallagiri — та самая «гора Малла»²¹, о которой говорит Плиний (quorum mons Mallus). Последняя фраза разбираемого фрагмента (VI.64) гласит: «А граница этого региона — Ганг» (finisque tractus eius Ganges).

Закончив с левобережьем Ганга, Плиний рассказывает о самой реке, ее 19 притоках, быстроте течения и многоводности (VI.65). Он утверждает, что «самым последним из гангских народов» (novissima gente Gangaridum), т.е. ближайшим к устью реки, являются калинги. Речь идет уже о правобережье (ибо Ганг как «границу этого региона» мы только что миновали). Аналогичную картину мы встречаем в «Рагхуванше» (IV.35–41): Рагху, разгромив вангов и воздвигнув триумфальную колонну на островах в устье Ганга, ведет войска на юг — против царя калингов. Собственно калинги в древности населяли территории Уткала, совр. штат Орисса. О них и идет речь.

В связи с калингами Плиний впервые сообщает о военных силах местного правителя — черта, которая вскоре становится типичной для всех его описаний Индии: 60 тыс. пеших воинов, 1 тыс. конников и 700 боевых слонов. Видимо, тема состава армии провоцирует его на особый экскурс (VI.66) о социальной структуре индийцев. Основу ее, по Плинию, составляют четыре разряда (genus): земледельцев, воинов, торговцев и царских советников. Первые «возделывают землю» (tellurem exercent), вторые «несут военную службу» (militiam capessunt), третьи «свои товары вывозят, а иноземные ввозят» (merces... suas evehunt, externas invehunt), а последние — «знатнейшие и богатейшие» (optimi ditissimique) — «управляют, судят и помогают царям» (res publicas temperant, iudicia reddunt, regibus adsident). Это не что иное, как традиционная схема четырех варн. Безусловно, автор излагает не результаты собственных наблюдений, а информацию, полученную от образованного индийца.

Некоторые особенности нарисованной им картины кажутся в высшей степени любопытными. Обратим внимание прежде всего на то, что в качестве занятия вайшьев фигурирует именно торговля (притом «международная»), а шудры, соответственно, представлены как земледельцы. Такое положение многие современные исследователи²² считают характерным лишь для средневековья. Однако мы видим, что оно отражено уже в эллинистическом источнике, использованном Плинием. О шудрах как основном земледельческом и податном населении говорят и некоторые древнеиндийские тексты, прежде всего «Артхашастра»²³. Второй интересный момент заключается в своеобразной оценке статуса брахманов как судей, царских советников и политических деятелей, отличающихся

²⁰ Stein O. 1931: 291.

²¹ Law 1984: 21.

²² См., например: Шарма 1987: 406.

²³ Вигасин 1993: 73.

знатностью и богатством. В санскритских памятниках брахманы нередко фигурируют и в таком качестве, но еще чаще о них идет речь как о жрецах и учителях, далеких от царского двора. Возможно, индийский информатор был именно придворным брахманом и потому указанным образом определил статус своей варны.

Перечисление варн начинается с наиболее многочисленного социального слоя, а заканчивается избранным меньшинством. В тексте присутствует некая иерархия, не совсем совпадающая с индийскими представлениями, отраженными в брахманских шастрах. Состоятельные купцы-вайшьи оказались рядом с «царскими советниками и судьями», оттеснив массу рядовых воинов. В основу иерархии социальных групп положены богатство, профессия, многочисленность, но не степень ритуальной чистоты.

Помимо четырех варн Плиний упоминает еще тех, кто «предан мудрости, которая у них прославлена и почти обращена в религию» (*celebratae illis et prope in religionem versae sapientiae deditum*). Последнее выражение очень точно соответствует индийскому понятию «дхарма». Речь идет о святых отшельниках, переставших соблюдать обязанности «домохозяев». Варновые различия для них становились неактуальными, и греки, безусловно, должны были воспринимать этих «любителей мудрости» как особый «пятый разряд» (*quintum genus*). Слова же о том, что подобный мудрец «всегда добровольно завершает свою жизнь на костре» (*voluntaria semper morte vitam accenso prius rogo finit*), вызываются, конечно, живым воспоминанием о знаменитом спутнике Александра — Калане.

Вместе с тем, продолжает Плиний, «есть еще один род полудикарей (*unum super haec est semiferum*), занятых тяжким трудом (*ac plenum laboris immensi*), которыми люди иных разрядов гнушаются (*a quo supra dicta continentur*)», как, например, «ловить и укрощать слонов (*venandi elephantos domandique*)». Понятно, что в данном случае имеются в виду те низкокастовые, которых варновые индийцы сторонились как «неприкасаемых». Слоновщики (*hastipa*) и в санскритских памятниках выступают в качестве отверженных. Например, в «Дхармашастре Нараяды» (XV–XVI.12–15) говорится о том, что чандалу, швапаку или же слоновщика за провинность можно наказать самостоятельно, не обращаясь в суд — ведь они «грязь среди людей» (*malā hyete manuṣyeṣu*).

После этого замечательного социологического экскурса географическое описание Восточной Индии продолжается: «Есть остров на Ганге огромного размера, где живет одно (лишь) племя, называемое Модогалинга». Маршрут до сих пор пролегал вдоль Бенгальского залива в южном направлении. Поэтому следует думать, что «Модогалинга» находится южнее собственно Калинги/Ориссы. *Galinga*, естественно, соответствует *Calinga*, т.е. *Kalinga*. Мы увидим чуть ниже, что в латинском тексте нередко «o» соответствует греческому «ou», а в конечном счете восходит к санскритскому «u». Например, санскр. *Pulinda* в греческом дает *ποῦλινδοι* (Ptol. VII.1.64), а у Плиния преобразуется в *Molindae*. Поэтому можно предполагать, что этноним (Modogalinga) начинался на *mudu*. Но давно уже было указано²⁴, что *muḍu* на языке телугу значит «три» и потому санскритским эквивалентом для Модогалинги является *Trikaḷiṅga*. Последнее название хорошо известно по эпиграфическим источникам как обозначение территории Андхра-Прадеш²⁵, языком которой и является телугу.

²⁴ André, Filliozat 1980: 97; Campbell 1820.

²⁵ Sircar 1971: 85.

Мы можем предполагать наличие некоего информатора, использовавшего местную разговорную форму географического названия. На индийский источник, возможно, указывает и то, что Плиний говорит об «острове» (*insula*). На санскрите слово *dvīpa* (букв. «остров») нередко употреблялось для обозначения страны, области (например, Курудвипа — «страна Куру» в междуречье Ганга и Ямуны). В «Брахманда-пуране» (53.140) говорится: *dvīrapastvāt smṛto dvīpaḥ* — «словом двипа называется междуречье»²⁶. Трикалинга (Телингана) располагалась между реками Годавари и Кришна. Грек, очевидно, просто не понял собеседника, истолковав *tuḍukaliṅgadvīpa* как некий «остров». Плиний же добавляет еще *in Gange* в прямом противоречии с предшествующим текстом, согласно которому маршрут давно уже миновал долину Ганга. Нелепое *in Gange* демонстрирует отсутствие ориентации на местности автора «Естественной истории». Напротив, выражение «огромного размера, где живет один народ» хорошо соответствует историко-географической реальности — обширности земли андхров.

Плиний говорит (VI.67), что «далее располагаются» (*ultra siti sunt*) такие народности, как *Modubae, Molindae... Modressae, Praeti, Calissae, Sasuri, Passalae, Colobae, Ogmocolae, Abali, Thalutae*. Первая пара в этом перечне, несомненно, соответствует санскритским наименованиям *Mutiba* и *Pulinda*. Локализация племен не вызывает особых затруднений — они жили неподалеку от андхров и потому упоминаются вместе с последними уже в брахманической прозе — «Айтарея-брахмана» (VII.18: *andhrāḥ... pulindā mutibāḥ*). Андхры ассоциируются с пулиндами и в эдиктах Ашоки (XIII БНЭ: *aṃdhra-palidesu*). Пулинды обитали несколько севернее андхров, и таким образом, своим *ultra* автор обозначает вектор движения на север.

Modressae вызывает ассоциации с инд. Мадра (Мадрака). Если Плиний имел в виду мадров Пенджаба, то с географией Индии дела у него обстояли совсем плохо. Однако в санскритских текстах мы встречаем и другое племя — мадраков, которые жили в Декане неподалеку от андхров и пулиндов. Достаточно указать на рукописи «Махабхараты» (XII.200.39), где племена Декана перечислены следующим образом: «Все обитатели Дакшинапатхи: ...Андхры... Пулинды... вместе с Мадраками» (*dakṣiṇāpathajanmānaḥ sarve... andhrakāḥ... pulindāḥ... madrakaiḥ saha*). В надписи Киртивармана I из династии Чалукьев²⁷, очевидно, именно эти мадраки, а не пенджабские мадры, указаны рядом с племенами Восточной Индии (такими, как калинга и ванга, магадха и анга).

Следующая пара — *Calissae, Sasuri*. Если информация в конечном счете восходит к какому-то уроженцу Восточной Индии (откуда начинается маршрут), нам следует учитывать диалектные особенности фонетики данного региона, в частности появление «l» вместо «g». Так как в калингских эдиктах Ашоки *pulisa* соответствует санскритскому *puṇḍra* (*purisa* в надписях из Западной Индии), мы вправе реконструировать на основе пракритского *Kalisa* (*Calissae*) санскритское *Karuṣa*. Племенное название *Karuṣa*, или *Kāruṣa*, часто упоминается в «Махабхарате».

Можно пойти и несколько далее. Арриан (Ind. 8.5) вслед за Мегасфеном говорит о том, что в области Сурасена на берегах р. Иоманес находятся два крупных города — Метора и Клейсобора. Почти все эти названия легко иден-

²⁶ Sircar 1967: 37.

²⁷ Comprehensive History of India 1981: 415; см. также: Law 1973: 164.

тифицируются: Сурасена — санскр. Шурасена, Иоманес — р. Ямуна (Джамна), Метора — знаменитый город Матхура. Остается лишь одна проблема — с Клей-соборой. Еще в прошлом веке указывалось на то, что *borga* соответствует санскритскому *pura*, «город», и это кажется вполне очевидным (ср.: *παλιβοθρα* от санскр. *Pāṭaliputra*). Но многочисленные попытки истолковать²⁸ *Kleisoborga* как *Kṛṣṇapura* («город Кришны», предположительно Вриндаван или Гокула) не выдерживают критики. Среднеиндийской формой от *Kṛṣṇa* было бы *Καῖηνα*, а не *Kleiso*. Новейшая гипотеза А.Далквиста²⁹ о том, что это вариант от названий *Heraclespura* (!?) или *Śakrasayapura* (!?) — не засвидетельствованных в текстах, а придуманных самим исследователем — вовсе не имеет права на существование.

Именно Плиний проливает свет на эту давно дискутируемую проблему. Его текст (VI.69) выглядит следующим образом: *amnis Iomanes in Gangem per Palibothros decurrit inter oppida Methora et Charisobora*. *Charisobora* должно восходить к пракритскому *Karisapura*, санскр. *Karuṣapura*, т.е. «город Карушей». Плиний, пользуясь двумя разными источниками, употребляет обе диалектные формы: когда говорит о городе, то западную — *Charisobora* (от *Karisa*), когда о племени — восточную: *Calissae/Kalisa*. Вариант же, избранный Аррианом, очевидно, восходит к восточному диалекту: *Κλεισόβορα* из *Kalisapura/Karuṣapura*. Название *Karuṣapura* не засвидетельствовано санскритскими источниками, однако оно полностью соответствует обычной для Древней Индии практике, ср. «город Пулиндов», «город Калингов» и т.п.

Благодаря Плинию мы можем определить местонахождение города. Слова «река Иоманес несет свои воды в Ганг по земле Палиботров между городами Метора и Карисобора» достаточно определены. Матхура не находится у места слияния Ганга и Ямуны, поэтому истолкование «впадает в Ганг между двумя городами» невозможно. Выражение «по земле Палиботров»³⁰ кажется лишним и совершенно бессмысленным, если речь идет просто о том, что города находятся на противоположных берегах реки. Следовательно, возможна лишь одна интерпретация данного пассажа: та область вдоль Ямуны по направлению к Гангу, которая находится между городами Матхура и Карисапуре, принадлежит «Палиботрам», т.е. тому народу, чьей столицей является г. Паталипутра.

Очевидно, Матхура — один из последних, пограничных городов, принадлежащих магадхскому царю Паталипутры. И понадобилась эта фраза именно для того, чтобы очертить границы царства палиботров=прасиев. Следовательно, Карисапуре должна быть расположена восточнее, ниже по течению Ямуны. И если Плиний говорит, что Ямуна течет по земле Магадхского царства («через Палиботров») на пространстве между этими двумя городами, значит, «город Карушей» находился возле впадения ее в Ганг (район Праяги и Каушамби). Эти построения находятся в полном соответствии с локализацией карушей по санскритским источникам. Данное племя обычно ассоциируется с чеди, каушамба и магадха, а порою также с ядава и бходжа (последнее заставляет думать о правобережье Ямуны). Б.Ч.Лоу³¹ полагал, что каруши занимали приблизительно дистрикт Рива (южнее Праяги). Здесь и следует поместить *Calissae* Плиния с их столицей — *Charisobora*.

²⁸ André, Filliozat 1980: 100.

²⁹ Dahlquist 1977: 131–133.

³⁰ *Per Palibothros*, вопреки А.Далквисту, отнюдь не значит *through Pataliputra*.

³¹ Law 1973: 88.

Близкими соседями карушей к северу, как известно, были шурасены/сурасены с центром в Матхуре. По всей видимости, они и представлены у Плиния под именем Sasuri (вместо Surasa=Surasena, перестановка слогов типа Garganidum/Gangaridum в рукописях Плиния — VI.65).

Следующая пара: Passalae, Colobae (рукописный вариант — Colebae). Первое без труда идентифицируется как известная народность Pañcāla в междуречье Ганга и Ямуны — ср.: παζάλαι у Арриана (Ind. 4), Πασσάλα у Птолемея (VII.1.50). Таким образом, закончив с описанием правобережья Ямуны, автор переходит к левобережью, вновь начиная от места впадения ее в Ганг. Панчалы обычно ассоциируются с их соседями — куру. Потомки рода Куру — Кауравы, пракритский вариант имени — Kogabbo. Так как мы уже убедились, что все названия приводятся в восточной диалектной форме (очевидно, передавая речь одного и того же информанта), последнее должно приобрести вид Kolabbo. Конечно, они и имеются в виду под Colobae Плиния.

Далее следуют Oṛumcolae. Если Colobae соответствуют Kaurava, то Colae, очевидно, не кто иные как Kuru. Есть все основания полагать, что Oṛumcolae Плиния — санскр. Uttarakuru («Северные Куру»). В этом слове произошли, видимо, такие же изменения как в санскр. Pātāliputra, превратившемся в Παλιμπόθρα (Agt. Ind. 2) — выпадение «ta» и назализация гласного. В самих древнеиндийских источниках употребление термина уттара-куру двойственно: в одних случаях это северная ветвь племени куру, в других — мифологизируемая народность где-то на севере за Гималаями³². Интересно отметить, что Плиний уже упоминал (VI.55) последних уттара-куру как народ, сходный с гипербореями греческих преданий. Используя иные источники (а именно труд Амомета), чем те, на которых строится разбираемый фрагмент, он называл их Attacori. В данном же случае имеется в виду конкретная историческая область — крайний север страны Куру-Панчала, междуречья Ганга и Ямуны.

Последние два племени в этом списке: Abali и Thalutae. Если вновь вспомнить о том, что «l» часто заменяет собою «r», Abali сопоставимы с Ambara. Последние упоминаются в географических главах «Брихат-самхиты» (XIV.27) где-то между Пенджабом (Таксила, Пушкалавати), с одной стороны, и Раджастханом — с другой (очевидно, совр. округ Амбала). Я не решаюсь идентифицировать Thalutae вовсе. Ясно лишь, что вектор движения на север сохраняется, а стало быть, их следует искать в предгорьях Гималаев (может быть, в районе страны Кулута/Каулута, т.е. долины Кулу).

После этого длинного списка народов — от Андхры до предгорий Гималаев — Плиний говорит о военных силах «их царя» (rex horum). Совершенно ясно, что речь не может идти о царе всех перечисленных выше племен — от пулиндов Декана до панчалов, куру, уттара-куру и проч. Автор просто возвращается к царству Андхры, которое он называет «Модогалинга». Если верить его информации, оно действительно было обширным (magnae amplitudinis), имея сильную армию: 50 тыс. пехотинцев, 4 тыс. всадников и 4 тыс. слонов.

А продолжение этого пассажа таково: «Но еще сильнее (validior deinde) народ Андары (gens Andarae), с многочисленными селениями и 30 городами, окруженными стенами с башнями. Царю [он] поставляет 100 тыс. пехотинцев, 2 тыс. всадников, 1 тыс. слонов. Дарды очень богаты золотом, а Сеты — и серебром». Андара, как правило, отождествляется индологами с Андхрой. Но, во-первых,

³² Law 1973: 21.

мы видели, что Андхра уже упомянута под именем «Модогалинга» (и это отождествление подтверждается приведенным выше списком племен, который начинается именно с района севернее Андхры). Во-вторых, совсем не просто вывести латинское Andara из Andhra. В-третьих, нет никаких сомнений в том, что названные здесь же дарды — жители Дардистана (инд. Darada). Сам Плиний в другой книге (XI.111) упоминает: «золото... в области северных индийцев, которые именуются Дардами» (ср.: Strabo. XV.1.44; Arr. Ind. 15). По мнению Дж.Туччи и П.Эггермонта³³, сеты могут быть идентифицированы с обитателями долины Сват (Σουάτος у Ptol. VII.1.26, Σοάτος у Arr. Ind. 4). Это кажется вполне вероятным, во всяком случае, спутники Александра рассказывали о множестве серебра в государстве Таксила, расположенном в этом регионе (Arr. Anab. V.3.5; Curt. VIII.12.15).

Но упоминание Дардистана и, предположительно, долины Сват в связи с Андхра-Прадешем было бы совершенно бессмысленным. Плиний явно возвращается на северо-запад Индии, сравнивая Андхру-Модогалингу с другим царством — (Г)андара, т.е. с Гандхарой. Описание страны, покрытой множеством деревень и укрепленных городов, типично для образа Гандхары у античных писателей (ср.: Strabo. XV.1.29). Обратим внимание и на то, что если Андару не считать Гандхарой, то вся Северо-Западная Индия у Плиния не получит никакой политической характеристики. Он говорит (VI.70) о том, что бассейн Инда не принадлежит «Прасиям», но никакого другого государства в районе Таксилы не называет.

Если же мы примем отождествление с Гандхарой, то следующее затем сравнение ее с царством прасиев окажется просто общим местом в античной исторической традиции. Ведь еще современники Александра писали, что царь далекой Паталипутры — самый могущественный из правителей Индии (Arr. Ind. 5), а войск у него намного больше, чем у Пора. В «Естественной истории» (VI.68) говорится: «Прасии превосходят по могуществу и славе почти все народы в Индии, а не только в этой области, обладая крупнейшим и богатейшим городом Палиботрой, по которому и сам народ иногда называют палиботрами, и даже целую страну начиная от Ганга. У царя их на содержании пехотинцев 600 тыс., всадников 30 тыс., слонов 9 тыс., из чего можно сделать заключение, что средства его бесчисленны». Как известно, слово «прасии» воспроизводит санскритское Prāsya, т.е. «восточные». К «восточным» народам причислялись прежде всего магадхи, столицей которых являлась Паталипутра. О политическом положении Магадхи мы скажем позднее.

Плиний продолжает: «За ними в глубине страны (ab his in interiore situ) находятся Monaedes и Suari, у которых есть гора Maleus, где тени зимою падают на север, а летом на юг — по шесть месяцев». Последнее указание весьма ценно для локализации региона. Тени падают на юг в течение какого-то времени повсюду южнее Северного тропика (23°21'). Период этот тем продолжительнее, чем ближе пункт к экватору. Лишь на самом экваторе он длится действительно ровно полгода. Так как вся Индия расположена севернее экватора, сведения о шести месяцах ошибочны. Однако они близки к действительности для крайнего юга Индостана (совр. штаты Керала и Тамилнад).

«По свидетельству Бэтона, в той стране, — продолжает Плиний, — Большая Медведица показывается один раз в год, и то лишь на 15 дней. По словам

³³ Eggermont 1975: 181; Tucci 1977.

Мегасфена, то же самое свойственно многим районам Индии. Южный полюс индийцы называют Дамаса». Ссылки на Бэтона и Мегасфена показывают, что информация восходит к концу IV в. до н.э. Вопрос этот горячо обсуждался в географической литературе раннего эллинизма. Деймах оспаривал утверждение Мегасфена, будучи человеком «несведущим в астрономии» (Strabo. II.1.19). И напротив, Эратосфен склонен был доверять свидетельствам «Неарха и его последователей» (Strabo. II.1.20) о том, что «в Индии обе Медведицы заходят».

Для греческих ученых проблема заключалась в определении широты южной оконечности Индостана. Полемика, в частности, разгоралась по вопросу о том, находятся ли южные области Индии ближе к экватору, нежели Мероэ (Strabo. II.1.20). Сообщение Страбона позволяет уточнить слова Плиния о Мегасфене — последний говорил о «многих районах» не вообще в Индии, а именно в южной ее части. Однако все авторы, на которых даются ссылки по этому вопросу (Бэтон, Неарх, Мегасфен), сами не плавали вокруг Индии. Информацию они могли получить только от индийцев. Неарх и Бэтон должны были расспрашивать моряков где-то в районе Синда. Мегасфен же, видимо, проверял достоверность этих сведений, беседуя с индийцами в Паталипутре. Именно поэтому у Плиния о народах Юга говорится в соотношении с прасиями (*ab his in interiore situ*). Индийское слово, означающее Южный полюс, появляется, очевидно, в связи с определением широты местности на крайнем юге по звездному небу. Заключительная фраза приведенного фрагмента, несомненно, указывает на индийский источник.

Название *mons Maleus* (рукописный вариант — *Malaeus*) напоминает гору *Malaya* санскритских источников, т.е. Кардамоновы горы в Керале (см. в «Рагхуванше». IV.46 о горе Малая, покрытой зарослями перца и кардамона). Д.Ч.Сиркар³⁴ пишет: «Нет ни малейших сомнений, что *Malaya* — это Кулапарвата, южные отроги Западных Гхатов» (ср.: «Махамаюри», 40: «в Малае... среди Кералов» — *malaye keralesu*)³⁵. *Malai* — слово, по-тамилски означающее гору. Бессмысленно вслед за П.Эггермонтом³⁶ искать эту гору где-то в Белуджистане. По мнению бельгийского индолога, Плиний имел в виду мыс Малан на северном побережье Аравийского моря и отождествлял его с упомянутой прежде «горой Малла» в Бенгалии. Однако вся эта «псевдогеография» не имеет ни малейшей опоры в тексте римского писателя — она целиком принадлежит современному исследователю!

В другой книге «Естественной истории» (II.184), цитируя тот же источник, Плиний говорит: «У индийского народа *Oretum* есть гора, называемая *Maleus*, подле которой тени ложатся летом на юг, а зимою — на север». Племя «Оретов» не находит соответствия в индийских источниках. Предположение А.Клотца³⁷, что некие переписчики превратили «Монедов» в «Оретов», ничем не может быть аргументировано. Между тем еще Х.Лассен³⁸ понимал, что в греческом источнике Плиния стояло *ορείων*, т.е. «горцев». Латинский же автор дал транслитерацию греческого слова, приняв его за имя собственное — *Oretum*. Мы можем сделать и следующий шаг в их отождествлении: *малаялам*, этноним населения Кералы, и значит «горцы».

³⁴ Sircar 1971: 189.

³⁵ Levi 1918: 41.

³⁶ Eggermont 1975: 160.

³⁷ Klotz 1906: 189.

³⁸ Lassen 1852: 667.

Не представляют загадки и Suarī. Они соответствуют Σῶραι у Птолемея (VII.1.68; ср. Plin. NH. VI.75 = Suaratta как передача пракр. Soraṭṭha). «Σ» в данном случае воспроизводит индийское «с» (так же, как в словах: Pañcāla — Πανσάλλα, Cina — Σίνα, Prācya — Πράσιος, Candragupta — Σανδρόκοττος и т.д.). Σῶραι Птолемея — несомненно, Чолы, населявшие Коромандельский берег (Coramandala — «страна Чолов»).

На этом экскурс о крайнем юге завершается, и Плиний возвращается к прасиям. Здесь-то и появляется рассмотренный прежде пассаж о Ямуне, которая от Матхуры до Charisobora течет по земле прасиев=палиботров. От Ямуны автор ведет нас к Инду, замечая при этом (VI.70), что на широтах южнее Ганга народы — смуглые от солнца, иногда даже темные, хотя и не такие «обугленные», как эфиопы. Но чем ближе к Инду, тем народ светлее. Инд находится сразу же за границами «народа Прасиев». Следовательно, царство прасиев/палиботров занимает лишь Гангскую долину. Это соответствует предшествующим утверждениям, что палиботры владеют «всей страной, начиная от Ганга (tractum universum a Gange)», и что Матхура расположена на ее рубежах.

Изложение становится образочным и конспективным. По словам Плиния, «говорят, что в горах их живут Пигмеи (quorum in montanis Pygmaei traduntur)». По всей видимости, traduntur — глухая отсылка на Мегасфена. Страбон (XV.1.57) ссылается именно на Мегасфена, рассказывая о диковинных людях ростом в 3 или 5 пядей. Некоторые из этих дикарей были доставлены к Чандрагупте из мест их обитания — откуда-то с Гималаев, «от истоков Ганга». Сообщение античного автора находит соответствие в санскритских источниках. По свидетельству «Архашастры» (I.21.1), при царском дворе держали «киратов — горбунов и карликов» (parigrhyeta... kubjavāmanakīrataiḥ). Об индийских пигмеях, живущих далеко в горах (extrema in parte montium Trispithami Pygmaei que narrantur), Плиний говорит еще раз в другой книге (VII.25), не только пересказывая Мегасфена, но и прямо ссылаясь на него.

Очертив горы как северные пределы страны прасиев, автор со ссылкой на Артемидора сообщает о расстоянии между Индом и Гангом в 2100 миль. Дистанции от Инда до Гипасиса, Ямуны и Ганга уже были даны (VI.62–63), и здесь эта информация кажется лишней. Кроме того, приводимое число намного больше суммы указанных выше интервалов. Оно появилось в результате какой-то математической операции. Речь идет, по-видимому, не о кратчайшем расстоянии между реками по торговым дорогам (о чем речь шла ранее), а о конфигурации всего субконтинента.

После экскурса о бассейне р. Инд (VI.71) Плиний вычерчивает внешний контур страны: «От устья Ганга до мыса Калингов и города Дандагуда — 625 миль, до Тропина — 1225 миль, до мыса Перимула, где находится знаменитый порт Индии, — 750 миль, до города на острове Патала, о котором мы уже говорили — 625 миль». Таким образом, вдоль морского побережья, между устьями Инда и Ганга, он насчитывает всего 3225 миль. Названные прежде 2100 миль могут быть расстоянием между теми же точками (устьями рек) по суше и по прямой линии. Действительно, 2100 миль соответствуют примерно 19–20 тыс. стадий — именно так греческие географы определяли протяженность Индии с запада на восток (Strabo. XI.1.11; II.1.2).

Затем описание этнополитической карты продолжается, причем автор возвращается примерно в тот район, где он прежде остановился, — предгорья между Индом и Ямуной (VI.73 — gentes montanae inter eum — [т.е. Индом] et

Iomanem). Но теперь он направляется на юг, перечисляя следующие народы: Caesi, Caetriboni, Siluestres, dein Megallae — и далее: Chrysei, Parasangae, Asmagi. Можно с большой долей уверенности утверждать, что Caesi соответствуют Khaśa/Khasa (ae в латинском тексте — через посредство греческого — видимо, передает долгий гласный «а» в санскритском слове). Никакого отношения к слову «волосы» (keśa) этноним, вопреки В.Томашеку³⁹, конечно, не имеет. Khaśa действительно «горные народы» (gentes montanae, т.е. parvatāśrayiṇaḥ). Они жили на севере Индии, поблизости от киратов и даравов, судя по указаниям в «Сабхапарве» (48.3), «Удьягопарве» (158.20), «Дронапарве» (97.36), «Брихат-самхита» перечисляет кхасов между долиной Кулу и Кашмиром.

Caetri сопоставимо с Catriei в латинских рукописях Птолемея (VII.1.64)⁴⁰. Греческий оригинал последнего дает Χατρίῳι (вероятно, связано с kṣatriya). Речь должна идти примерно о районе Курукшетры. Siluestres у Плиния — видимо, не эпитет к предшествующему, а отдельное племенное наименование («лесные племена» — jāṅgala в «Бхишмапарве» 10.3, aṭavi или vanarāṣṭra в «Брихат-самхите» XIV.29, отсюда, может быть, и boni = санскр. vana).

На твердую почву мы встаем, лишь переходя к следующему названию. Megallae точно соответствует санскритскому Mekala. Последнее надежно локализуется благодаря тому, что р. Нармада именуется «дочерью Мекала» (Mekalasutā — «Падма-пурана»). 6). Следовательно, страна Мекала находилась у верховьев Нармады. Согласно Плинию, местный царь имеет 500 слонов, число же пехотинцев и всадников неизвестно.

После загадочных хрисеев (может быть просто перевод местного этнонима — «золотые») и парасангов следуют асмаги, которых нетрудно отождествить с санскр. Ашмака. Как и в слове Megallae, происходит озвончение: k — g. Из буддийских источников известно, что страна эта (палийское Assaka — одна из махаджанапад) располагалась на берегах р. Годавари⁴¹ и столицей имела г. Пратиштхана (Пайтхан, Потана). Плиний утверждает, что у местного царя — 30 тыс. пехотинцев, 300 слонов и 800 всадников. Об асмагах/ашмаках у Плиния имеется добавление, что страна их изобилует тиграми. Это хорошо согласуется с эпико-пуранической традицией. Адипарва «Махабхараты» (ср. «Вишну-пурана», «Брихан-Нарадия-пурана» и др.) содержит предание, согласно которому отцом эпонима народа ашмаков был Калмашапада (букв. «Пятнистоногий»). Этот Калмашапада, одолеваемый злым демоном-ракшасом, как тигр бродил по джунглям в поисках человечины (vyaghraḥ raśumiva — «Махабхарата» I.166.36). Очевидно, ашмаки возводили свою родословную к тигру.

Ашмака — крайняя южная область в данном списке стран, и это не случайно. То же самое мы наблюдаем и в грамматике Панини, датируемой примерно маурийским временем. Как замечает В.Агравала⁴², Ашмака — предел его географического горизонта на юге.

Отсюда Плиний начинает движение на север и северо-запад: из Махараштры в Раджастан и Гуджарат. «Для тех (народов), окруженных цепью гор и пустынями, границей является Инд (hos Indus includit montium corona circumdatos et solitudinibus)». Это, конечно, определение Западной Индии (того, что называлось термином Апаранта) — между р. Инд, обширной пустыней Тар и отрогами гор

³⁹ André, Filliozat 1980: 103.

⁴⁰ Renou 1925.

⁴¹ Malalasekera 1960: I, 222.

⁴² Agrawala 1953: 38.

Аравалли, Виндхья и Сатпура. «625 миль ниже по пустыням — Dari и Surae, и снова через пустыни — 187 миль, (где) большею частью пески обнимают (оазисы), наподобие островов в море (DCXXV *infra solitudines Dari, Surae, iterumque solitudines per CLXXXVII, plerumque harenis ambientibus haud alio modo quam insulas mari*)». Речь, несомненно, идет о некоем караванном пути, дистанции на котором были измерены.

Surae могут быть отождествлены с народностью Śūra, которая в Пуранах перечисляется среди «западных народов» наряду с саураштра, абхира, арбуда, марука, малава и обитателями гор Париятра («Брахма-пурана». XIX.17: *tathā-parāntyāḥ surāśtrāḥ śūrābhirāstathārbudāḥ mārūkā mālavāścaiva pāriyātranivāsināḥ*). В рукописях Śūra часто смешивали с более знакомым śūdra⁴³. В «Махабхарате» (IX.36.1), несомненно, śūdra следует исправить на Śūra: *tato vinaśanam rājannā jagāma halāyudhaḥ śūrābhirān prati dveṣād yatra naṣṭā sarasvatī* — «Река Сарасвати в районе Винашаны исчезает в песках из-за ненависти к Шура и Абхира». Абхиры жили в районе Качского Ранна — Ἀβερία в «Перипле Эритрейского моря» (41), Ἀβηρία у Птолемея (VII.1.55); шура, очевидно, чуть севернее — в районе Винашаны.

Расстояние в 625 миль до Surae настолько велико, что заставляет предполагать в качестве отправной точки некий пункт в Пенджабе. Отсчет, видимо, идет от р. Инд, упомянутой в предшествующей фразе. Об этом же может говорить и употребляемое Плинием слово *infra* (в отличие от обычно используемого при поступательном движении вперед *ultra*). Маршрут до Dari и Surae мог идти вдоль русла р. Сарасвати.

«Ниже этих пустынь (*infra deserta haec*) — Malthaecorae, Singae, Maroae, Rarugae (вариант: Rarungae), Masugae (вариант: Morum). Они населяют горы, которые тянутся непрерывною чредою до берега океана; свободные и не имеющие царей, они занимают холмы своими многочисленными крепостями». Это красочное описание вызывает в памяти картины раджпутской Индии раннего средневековья. Несомненно, имеются в виду предгорья Аравалли и район Малвы.

Известно, что значительную часть Раджастанхана позднее занимали племена малавов. И если информация Плиния восходит в конечном счете к уроженцу Западной Индии (о которой идет речь), в его произношении «l» могло превращаться в «g» — как в XIII Большом наскальном эдикте Ашоки гирнарская версия дает *raḡiṃda* вместо *palida*. Тогда Maroae сопоставимо с Malava — тем племенем, о котором только что шла речь как о соседях Śūra). Малавы действительно «не имели царей» — они составляли немонархическое государственное образование Mālavagaṇa. Монеты этого объединения находят преимущественно в районе г. Джайпур⁴⁴.

Загадочное Masugae (вариант: Morum), вероятно, соответствует Maruka — племени, которое, согласно пуранам, соседствовало с малавами (исходной формой в латинском тексте было, видимо, Marugae с озвончением «k» как в Aśmaka и Mekala). Упомянутые здесь же Rarugae можно сопоставить с Roruka — столицей саувирав⁴⁵. Правда, в этом случае придется думать, что автор описывает не только восточную границу пустыни Тар, но и юго-западную, где жили саувиры.

Значительной этнической группой Раджастанхана являлись шалвы, упоминаемые в «Рамаяне» (Кишкиндха 42.23) и «Махабхарате» (V.54.18 и др.). В Кашике

⁴³ Law 1973: 79.

⁴⁴ Law 1973: 62–63.

⁴⁵ Malalasekera 1960: II, 758.

на Панини (IV.1.173) говорится, что союз шалвов состоял из шести племен: удумбара, тилакхала, мадракара, югандхара, бхулинга и сарадатта. По меньшей мере два из них Плиний называет здесь же (VI.75 и VI.77) — *Bolingae* (Бхулинга) и *Odonbeorae* (Удумбара). Вероятно, и только что упомянутые *Malthaesorae* соответствуют мадракарам.

Ряд племен не удастся найти в индийских источниках. Но вряд ли следует ожидать, что обо всех — даже самых мелких — группах могли сохраниться сведения в санскритской литературе. А сложная этническая история региона не позволяет надеяться, что соответствующие имена продолжали употребляться спустя много веков после Плиния.

Далее (VI.74) речь идет о народе *Nareae*, обитающем вплоть до «самой высокой горы у индийцев — *Capitalia*; на противоположном ее склоне жители устраивают многочисленные рудники для добычи золота и серебра». Несомненно, имеется в виду гора Абу (т.е. Арбуда, ср. ранее о племени арбуда по соседству с *Mālava*), совр. название Гуру. Любопытна ее характеристика как «самой высокой из индийских» гор. На крайнем юге Индостана есть горы и выше, но древние не всегда рассматривали дравидийские земли (Лимирику) как часть Индии.

Отсюда маршрут пролегает на запад — к царствам *Oratae* (у местного правителя всего 10 слонов, но множество пехотинцев) и *Suarattaratae*. Последнее легко сопоставляется с Сураштрой — речь идет о п-ове Катхиявар. По сведениям римского географа, местные цари не используют боевых слонов, ограничиваясь пешим и конным войском (VI.75). На память приходит утверждение «Артхашастры» (II.5.15–16), что слоны в Сураштре очень плохи.

Северная часть полуострова в индийских источниках называется *Ānarta* — сравнимо ли это с латинским *Oratae*, сказать трудно. Рядом находятся *Odonbeorae* (т.е. удумбары) и *Sarabastreae*. Особенно интересно в этой связи упоминание «прекрасного города», в который можно попасть лишь по мосту над ровом, кишущим крокодилами (VI.75). Название этого города у Плиния — *Thorax*, что может соответствовать санскр. *Dvārakā*, часто упоминаемому в эпосе. Полагают, что город *Dvārakā* (*Dwarka*) находился в северо-западной части Сураштры, т.е. поблизости от удумбаров. Плиний же выражается так: «*Suarattaratae... Odonbeorae, Sarabastreae Thorace* (вариант: *Torace*) *urbe pulchra*».

Дварака известна как столица сатватов, или ядавов, резиденция Кришны. В «Махабхарате» (III.16) она описывается как славный город, защищенный глубокими рвами, заполненными водой, так что попасть в него можно лишь по мосту. Богатство исторической Двараки, вероятно, связано с торговлей, ибо она находилась на морском побережье и могла быть важным портом на пути из Южной Аравии.

Описание этого «прекрасного города» заставляет Плиния вспомнить еще об одном процветавшем торговом центре. В «Естественной истории» его название воспроизводится как *Automula* (VI.75). Однако сообщаемые о нем сведения не оставляют сомнения в том, что он не может быть локализован в Гуджарате-Сураштре: «И другой у них город пользуется славой — *Automula* — со знаменитым рынком, расположенный там, где пять рек сливаются воедино (*Et aliud apud illos laudatur oppidum Automula, impositum litori quinque amnium in unum confluente concursu, emporio nobili*)». Никакого «слияния пяти рек» на п-ове Катхиявар нет (да и просто судоходных рек не имеется). Речь, безусловно, идет о

Пенджабе (санскр. *Pañcanadya*, т.е. «Страна пяти рек»). В том районе, где эти реки соединяются, действительно находится знаменитый центр международной торговли — Мултан, древнее название которого Муластхана (*sthāna*, как известно, значит «место»). Следует думать, что в греческом оригинале Плиния было два слова, из которых лишь последнее — название города. В латинском тексте в результате ошибки они срослись в одно — *Automula*.

Плиний и здесь, как обычно, называет военные силы царя: 1600 слонов, 150 тыс. пехотинцев и 5 тыс. всадников. У соседнего мелкого князька племени хармов, или кармов (*pauperior Charmorum* — вариант: *Carmarum* — гех), всего 60 слонов и немного иных войск (*paruasque reliquas vires habet*). Рядом он помещает известное по Мегасфену царство *Pandae*, управляемое женщинами (ср.: *Arr. Ind.* 8). У них 300 городов, 150 тыс. пехотинцев и 500 боевых слонов. Речь, видимо, идет о Восточном Белуджистане, ибо чуть позже (VI.94), описывая правобережье Инда, Плиний говорит, что судоходная река *Romanus* находится в Гедросии, «на границах Пандов». В санскритских источниках упоминается *Pañdudeśa* к югу от Камбоджи (район Кандагара) и к западу от Индрапрастхи (на широте Дели)⁴⁶.

Затем следует (VI.76) длинный перечень названий племен: *Derangae*, *Posingae*, *Butae*, *Gogoraei*, *Umbræ*, *Nereae*, *Brangosi*, *Nobundae*, *Cocondæ*, *Nesei*, *Palatitæ*, *Salobriasæ*, *Orostræ*. Так как этот список завершается упоминанием о-ва Патала в устье Инда, следует предполагать, что и порядок их перечисления — от Мултана вниз по течению реки до океана. Вероятно, речь идет о каких-то мелких народностях Синда. Вряд ли все их когда-либо удастся полностью идентифицировать.

Более прозрачна ситуация в следующем фрагменте, где также присутствует длинный список: *Mathoae*, *Bolingæ*, *Gallitalutæ*, *Dimuri*, *Megari*, *Ardabæ*, *Mesæ*, *Abisari*, *Silæ*. Во-первых, здесь Плиний сам указывает направление — «отсюда же вдоль Инда против течения обитают» (VI.77 — *hinc deinde accolunt Indum, aduerso eo scandente demonstratione*). Во-вторых, некоторые из имен вполне узнаваемы. *Mathoae*, очевидно, соответствуют *Μάθαι* у Арриана (*Ind.* 4). Последнее же не что иное, как санскритское *Matsya*, пракритское *Maccha*. Племя матсья локализуется в районе «города Вираты» (Берат, к западу от Матхуры и Дели). Следовательно, римский географ начинает свое перечисление, вернувшись к исходному пункту — примерно границе Раджастхана и Харианы, на широте Мултана. По-видимому, *Bolingæ* жили где-то поблизости, ибо это название соответствует *Bhuliṅga*, одному из племен Раджастхана (*Βωλίγγαι* у Птолемея — VII.1.69).

В конце списка находятся *Abisari*, локализация которых в Западном Кашмире не вызывает сомнения (ср. «горный народ абиссареев» у Арриана — *Ind.* 4). Санскритская форма этого племенного названия — *Abhisāra* — встречается в ряде древних и средневековых источников, например в «Махабхарате» (II.24.18). Царь «горных индов» Абисар во времена Александра был северным соседом Таксила и Пора. По всей видимости, его наследник послужил прототипом Парватаки («горного владыки») в сказаниях о Чанакье и Чандрагупте. Стало быть, и остальные народности следует искать в Пенджабе — между Мултаном и Кашмиром. Не все они могут быть надежно идентифицированы, как и следующие далее *Organagæ* (санскр. *Uraganāga*?), *Abortæ*, *Brasuertæ*, *Sorofages*, *Arbæ*,

⁴⁶ Sircar 1971: 94 (со ссылкой на «Шактисангаматантру»).

Marogomatrae, Umbritae, Ceae и т.д. Однако мы без труда можем ориентироваться на карте региона, ибо время от времени встречаются вполне знакомые имена: Asini с их столицей — городом Букефала, основанным Александром Македонским, таксилы со знаменитым городом, «четыре народности», начиная с певколитов (т.е. Пушкалавати — совр. Чарсада) и т.д. (ср.: «Брихат-самхита». XVI.26: takṣaśīla... gāndhārapuṣkalavatakāḥ).

Завершая свое описание Индии, Плиний, таким образом, вернулся в тот район, с которого начал, в области, пройденные спутниками Александра. В этой связи упоминаются и Ниса, и священная гора Меру, и всякие чудеса растительного и животного мира Индии. Пообещав рассказать о последних в иных книгах «Естественной истории», он переходит к о-ву Тапробане (т.е. Ланке/Цейлону).

Фрагмент о Тапробане у Плиния строится следующим образом. Сначала (VI.81) автор передает сведения, сохранившиеся у Онесикрита и Мегасфена, а затем подводит итог: «До сих пор — то, что сказано древними» (*hactenus a priscis memorata*). А далее воспроизводится информация, полученная неким вольноотпущенником Анния Плокама, корабль которого «недавно, во времена принципата Клавдия», прибило к цейлонскому берегу. Знания «древних» не исправляются по новейшим данным, сообщенным этим мореходом, и не смешиваются с ними. Это очень характерно для античного географа: основой его труда служит старинная традиция, а сведения современников — купцов и путешественников — фигурируют лишь в качестве некоего добавления к устоявшемуся литературному канону⁴⁷.

То же самое мы наблюдаем и в описании Индии. В конце рассматриваемого раздела (VI.104–105) Плиний рассказывает о плаваниях в Индийском океане — до знаменитого портового города Музирис, областей Бекара и Коттонара. Он упоминает царей государств *Caelobothras* (Кералапутра) и *Pandion* (Пандья) со столицей в *Modura* (Мадураи). Эти данные легко сопоставимы с теми, что содержатся в «Перипле Эритрейского моря», они относятся к той же эпохе — I в. н.э. Но в разобранный прежде основной очерк об Индии они включены не были — там ученый использовал совершенно иные источники.

Время от времени уже приходилось называть эти источники: Бэтон и Диогнет (VI.61), еще раз Бэтон (VI.69), посланцы Селевка Никатора и читавшие их труды эллинистические географы III — начала I в. до н.э. Эратосфен (VI.56; VI.81), Артемидор (VI.70), Посидоний (VI.57). Их сочинения упоминаются исключительно в связи с измерениями расстояний и определением географического положения Индостана — подавляющее большинство данных о народностях Индии к ним восходить не может.

Автор порою пересказывает (VI.59) сообщения спутников Александра о северо-западном регионе. Именно у них содержалось, например, утверждение, будто в этой части Индии 5 тыс. городов — и каждый не менее Коса (ср.: Strabo. XV.1.3). Однако, во-первых, македонские войска зашли не далее Гипасиса. Во-вторых, даже повествуя о северо-западе, Плиний не ограничивается записками этих *Comites Alexandri* — географические названия в центральных главах фрагмента воспроизведены в иной форме, нежели там, где говорилось о знаменитом походе: ср.: *Taxilla*, *Peucolatis* (VI.62) и *Taxilae*, *Peucolitae* (VI.78).

В заключение данного очерка следует констатировать, что подробно рассмотренный нами фрагмент «Естественной истории» (VI.64–78) кажется очень

⁴⁷ Dihle 1984: 176.

цельным. Его отличительной особенностью является обилие племенных названий, указанных в определенной последовательности по всем регионам Индии. Каждый раз, когда заходит речь о государствах, перечисляются военные силы местных царей. Приводимая «военно-разведывательная» информация имеет односторонний характер — автора не интересуют ни вооружение, ни тактика, ни даже крепостные сооружения. Он говорит только о численности войск: пехоты, конницы и боевых слонов. Перечни племен можно найти и в других главах «Естественной истории», но данная черта присуща исключительно описанию Индии. Это заставляет предполагать, что в основу последнего положен единый источник.

Такой вообще была манера работы знаменитого естествоиспытателя. Начиная раздел о географии, Плиний (III.1) говорит, что никто из людей не обладает всеведением, а потому нельзя следовать какому-либо одному авторитету во всех книгах своего труда. Для каждого предмета приходится выбирать того автора, который кажется именно для этого наиболее надежным. Данные последнего сопровождаются лишь отдельными добавлениями, заимствованными из других книг.

География Индии в «Естественной истории» нарисована с поразительной точностью. Немецкие филологи первой половины XX в. пытались расчлнить текст Плиния на мелкие фрагменты, заимствованные из разных источников (Варрон, Агриппа, Сенека, Муциан и т.д.⁴⁸). При этом оказывалось, что автор основывался, вопреки своим собственным утверждениям, не на греческих, а на латинских трудах. У нас нет ни малейших оснований полагать, будто естествоиспытатель сам отчетливо представлял карту страны и мог умело соединить информацию, заимствованную из разных сочинений. Цельность и достоверность нарисованной картины, скорее, объясняются тем, что Плиний удачно выбрал основной источник и воспроизвел его достаточно близко к тексту.

Высказывалось предположение, будто важнейшим источником Плиния являлся Сенека, который написал (NH. VI.60), что в Индии 118 народов. Но нет никаких оснований полагать, что Сенека самостоятельно собрал названия индийских племен и насчитал их именно 118. Данное утверждение является всего лишь повторением аналогичного сообщения Мегасфена (Агг. Anab. VII.1). У самого же Мегасфена, безусловно, воспроизводятся слова какого-то индийца: 100 и 18 — не точные числа, а некие символы (ср. в хронологии палийских хроник: 100 лет от первого до второго буддийского собора, 118 — от второго собора до коронации Ашоки, 18 — от коронации до третьего собора). Составитель «Естественной истории» называет греческие источники, а затем лишь добавляет: «...также и у нас предпринято сочинение об Индии, в котором Сенека...». Это скорее долг вежливости по отношению к соотечественнику, чем ссылка на основной источник информации.

Плиний (VI.58) очень четко говорит о том, что именно лежит в основе данного раздела: труды «греческих авторов, которые пребывали у индийских царей, — как Мегасфен и Дионисий, посланный Филадельфом, — и по этой причине рассказали о множестве народов» (*auctoribus Graecis, qui cum regibus Indicis morati sicut Megasthenes et Dionysius a Philadelpho missus, ex ea causa vires quoque gentium prodidere*). Мы принимаем пунктуацию критического издания Д.Детлефсена⁴⁹. Перевод Ж.Андре и Ж.Филлиоза — «посланный Филадельфом

⁴⁸ Kroll 1951: 307.

⁴⁹ Detlefsen 1904.

по этой (то есть по той же самой, что и Мегасфен — *А.В.*) причине» — не кажется удачным, так как никакой общей причины для обоих посольств быть не могло. В приведенном выше переводе мы следуем также за Д.Детлефсеном: *vires gentium = populorum multitudinem innumeram*. Интерпретация «и рассказали о силах (*vires*) народов», возможна (ср. VI.75: *amplae vires peditum, paruasque reliquas vires* и т.д.), но сама тема «военных сил» в данном контексте не кажется уместной.

Итак, в основе описания Индии, по словам самого автора, лежат два труда — Мегасфена и Дионисия. Когда-то значительные фрагменты «Естественной истории» помещали в изданиях Мегасфена (Шванбек, К.Мюллер, Мак-Криндл). Д.Детлефсен⁵⁰ утверждал, что соответствующая часть труда Плиния может рассматриваться как выдержка из сочинения Мегасфена (*als Auszug aus seiner Schrift anzusehen sein*). Однако сейчас к этой проблеме относятся гораздо осторожнее: Ф.Якоби, например, почти не включает в свою подборку «Фрагменты греческих историков» цитаты из римского географа. Очевидно, он не видит достаточных оснований для того, чтобы приписывать их Мегасфену. У Плиния есть несколько ссылок на Мегасфена (VI.58; VI.69; VI.81); кроме того, отдельные его утверждения близки к сохранившимся фрагментам последнего (о темнокожих пигмеях, живущих в горах; о дочери Геркулеса и родоначальнице народа Пандов). Но все это не более чем попутные замечания; даже сами ссылки показывают, что речь идет о дополнениях к основному тексту.

Сочинение посла Селевка Никатора ко двору Чандрагупты (конец IV в. до н.э.), хотя и не сохранилось, неплохо известно по цитатам из Диодора, Страбона, Арриана и иных авторов. Там, где Плиний упоминает Мегасфена, соответствующие пассажи у этих авторов отыскиваются без труда. Значительную часть «Индики» составляло знаменитое перечисление семи разрядов населения Индии. Но разряды эти совершенно иные, чем те, о которых говорит Плиний⁵¹. Источник, использованный Плинием, значительно точнее воспроизводит индийские представления о варнах, он не смешивает разного рода святых отшельников с брахманами как варной и т.д. Этот источник помогает правильно оценивать Мегасфена и увидеть в труде последнего чисто греческий подход к чуждой социальной действительности (а не точное воспроизведение индийского социального строя в конце IV в. до н.э.).

Мегасфен писал о народностях Индии, смешивая этнографию с мифологией. Со слов индийцев он рассказывал о людях безротых, безносых, одноглазых, с ушами до пят и т.д., за что и заслужил у Страбона (II.1.9) прозвище «лжеца». Эта черта абсолютно чужда рассмотренному выше описанию Индии, сохранившемуся у Плиния. Автор «Естественной истории» избегает всяческих баснословий, зато дает длинные перечни реальных народов. Подавляющее большинство племен, очевидно, не упоминались у Мегасфена; во всяком случае, никто из тех, кто несомненно пересказывал его, таких названий не приводил.

Реки Индии, города и народы, которые имеются у Арриана (следующего за Мегасфеном), как правило, также отсутствуют у Плиния. Список их, составленный О.Штайном для статьи «Мегасфен» в энциклопедии Паули-Виссова, весьма показателен: совпадений названий у Плиния с другими авторами практически

⁵⁰ Detlefsen 1909: 126, 131.

⁵¹ Это давно показано в работе: Brelör 1934: 163. Но мнение Б.Брелёра о том, что источником Плиния было описание «конституции Таксилы» Онесикритом, не обосновано серьезными аргументами.

нет. А в редких случаях, когда говорится об одном и том же, несходна форма передачи имен собственных. Плиний, например, говорит о пигмеях, живущих в горах. Этих карликов Мегасфен видел при дворе Чандрагупты. Пересказывая труд селевкидского посла, автор «Естественной истории» называет (VII.25) пигмеев скиритами (Sciritas, ср.: Aelian. Nat. Anim. 16.23). Имелась в виду гималайская народность — кираты. Рисуя карту Индии, Плиний также называет киратов, но он явно пользуется иным источником, предлагая форму Chirato и не замечая тождества их с пигмеями-скиритами, взятыми у Мегасфена.

Таким образом, есть основания полагать, что основным источником Плиния являлась отнюдь не «Индика» Мегасфена, а по-видимому, второй упомянутый им труд — Дионисия. Если же мы будем предполагать нечто третье, то должны объяснить две загадки: почему Плиний не использовал автора, которого назвал, и почему не назвал автора, которым активно пользовался.

Официальный характер дипломатической миссии Дионисия как нельзя лучше соответствует сухому и деловому стилю разбираемого фрагмента. Содержащаяся в нем информация не похожа на чисто научное сочинение. Автора интересуют главным образом взаимное расположение племен и военные силы государств. Лишь попутно он отмечает торговые города или судоходные реки. Физическая география занимает его значительно меньше, чем политическая, что было отмечено еще О.Штайном. А отсюда следует, что самый жанр использованного источника — скорее деловой отчет, чем ученый трактат.

В научной литературе можно встретить утверждение, будто об этом Дионисии мы ничего не знаем, кроме того, что сказано Плинием⁵². Однако ситуация не кажется столь безнадежной. Клавдий Птолемей ссылаясь на те наблюдения за планетами, которые проводились неким Дионисием в 272–241/240 гг. до н.э. (Ptol. Synt. IX.168.169.170.187; X.236; XI.263). Деятельность последнего, таким образом, относится ко времени правления Птолемея Филадельфа и его наследника. Дионисий ввел новую эру, начальной точкой которой была дата 26 июня 285 г. до н.э. Именно в том году Филадельф вступил на престол (сначала как соправитель отца); а 26 июня — день не случайный, начало летнего солнцеворота. Кажется весьма вероятным, что посол в далекую Индию и придворный астроном — одно и то же лицо⁵³.

В таком случае мы можем попытаться определить дату посольства. Самое последнее наблюдение за планетами, которое упоминает Клавдий Птолемей, относится к 241/240 г. до н.э. Это значит, что Дионисий выпустил свой труд не ранее 30-х годов III в. до н.э. Так как этому предшествовали 30 с лишним лет научной деятельности, годы жизни ученого должны быть приблизительно 300–230 гг. до н.э. Птолемей Филадельф мог отправить посольство к одному из двух маурийских царей — к Биндусаре или к Ашоке. Первый из них правил в 90–60-х годах III в. до н.э., когда Дионисий был еще молод. Поездка к Ашоке представляется более вероятной.

Более ранних дипломатических контактов с птолемеевским Египтом у Маурьев не было — во всяком случае, свидетельств о таких связях у нас нет. Однако известно, что энергичный Птолемей Филадельф настойчиво искал возможности для участия в восточной торговле и с этой целью строил портовые города на Красном море. Кроме того, царь был крайне заинтересован в импорте

⁵² Detlefsen 1909: 126: sonst völlig unbekannt.

⁵³ Составители «Prosopographia Ptolemaica» (№ 1653) считают, что оба Дионисия «без сомнения» идентичны.

слонов — основной ударной силы в битвах середины III в. до н.э.⁵⁴. По его приказу, в частности, была отправлена экспедиция за слонами в Эфиопию⁵⁵. Несмотря на только что заключенный «всеобщий мир», он должен был со всей серьезностью отнестись к перспективе налаживания отношений с соседом своего вечного врага Антиоха. Дипломатическая миссия неизбежно приобретала черты военной разведки.

Такая канва событий представляется наиболее правдоподобной, хотя уверены мы можем быть только в одном: посольство Дионисия посетило Индию до смерти Птолемея Филадельфа в 246 г. до н.э. и, очевидно, до образования Парфянского царства в 247 г. до н.э. — события, коренным образом изменившего расстановку сил на Востоке. После того как Парфия отрезала греческие государства Средиземноморья от Индии, сообщения о военных контингентах и количестве слонов у индийских правителей должны были потерять всякую актуальность.

Итак, мы приходим к выводу, что посольство Птолемея Филадельфа посетило Индию около 250 г. до н.э. Официальный отчет Дионисия содержал политическую карту страны, сохраненную для нас Плинием. Труд этот остался не замеченным другими писателями — совпадения с Плинием имеются лишь у Солина (III в. н.э.), но тот сам использовал «Естественную историю».

Сочинение Дионисия, видимо, резко отличалось от предшествующих. Мегасфен имел весьма смутные представления о географии Индии. Он посетил незначительную часть страны, а индийцы не могли рассказать ему ничего, кроме мифов и эпических преданий. Возможности получения достоверной информации об Индии у автора середины III в. до н.э. были несравненно шире. После мира, подписанного Чандрагуптой и Селевком, к маурийскому царю отошли территории, где находились города, основанные Александром. Греки стали подданными индийского царя. Так как был заключен династический брак, они должны были появиться даже при магадхском дворе. Эдикты Ашоки переводились на греческий язык, а культура его времени явно испытала эллинистическое влияние. Дионисий мог общаться не только с брахманами, рассказывавшими небылицы о безротых людях, спящих на своих огромных ушах, но и с греческими купцами, представлявшими реальную географию страны.

Перечни народов, воспроизводимые Плинием, иногда напоминают итинерарии и могут служить основой для реконструкции торговых путей. Однако было бы неосторожно сделать вывод, будто речь всегда идет о реальных маршрутах. В ряде случаев видно, что это не так — например, когда после правобережья Ямуны, где обитают каруши и шурасены, последовательно описывается левобережье (панчалы, кауравы и утгара-куру). Такой зигзаг можно сделать, водя пальцем по карте, а не в реальном путешествии по местности.

Общий вывод, согласно которому источник Плиния относится к эпохе, на несколько веков более ранней, чем составление «Естественной истории», отнюдь нельзя назвать сенсационным. Напротив, в историографии давно установилось мнение, что писатель опирался главным образом на традицию, сложившуюся в период раннего эллинизма⁵⁶. Главная задача заключается в том, чтобы пра-

⁵⁴ Raschke 1978: 656.

⁵⁵ Dihle 1984: 109.

⁵⁶ Dihle 1984: 178–188; Raschke 1978: 556 («То, что в главах об Индии у Плиния не восходит к раннеэллинистическому времени и композиционно выглядит как дополнение»), ср.: Detlefsen 1909: 126.

вильно оценить значение этого факта для индологии. Политическая карта страны в середине III в. до н.э. оказывается существенно иной, чем рисуется в современных исследованиях по истории «империи Маурьев». В то же время на ней неожиданно обнаруживаются детали, хорошо известные по текстам и надписям позднейшего времени.

Самым крупным государством Индии в середине III в. до н.э. было царство со столицей в г. Паталипутра, т.е. Магадха. Оно охватывало весь бассейн Ганга — от Матхуры до Бенгалии. Здесь жили различные племена, но все они — куру, панчалы, шурасены и проч. — подчинялись «Палиботрам» и могли быть названы единым «народом Прасиев» (VI.70). Ближайшие соседи магадхов — кошалы и анги — даже не упомянуты Плинием. Очевидно, они полностью растворились вместе с магадхами в понятии «Прасии». Выражение (VI.68), согласно которому прасии «по силам превосходят почти все остальные народы Индии», означает сравнение не с каждым племенем по отдельности, а со всеми вместе взятыми. Об этом свидетельствуют приводимые автором размеры воинских контингентов, заимствованные, очевидно, из единого источника. Магадха в эпоху расцвета являлась единственной великой державой Индии.

Бассейн Инда магадхскому царю не принадлежал — здесь располагались самостоятельные царства: Гандхара на севере, Мултан в центре, царство пандов в Восточном Белуджистане. Судя по упоминаниям многочисленных народностей Северо-Западной Индии, этнический состав крупных государств был весьма пестрым, а политические структуры, очевидно, сочетались с племенными. На территории Гуджарата находились два небольших княжества — Сураштра и Оратае (Анарта?). В Раджастхане обитали «свободные» племена, «не имеющие царей», в частности воинственные кланы малавов и шалвов. В центральной части Декана располагались государства Мекала (юг штата Мадхья-Прадеш) и Ашмака (Махараштра), на побережье Бенгальского залива — два крупных царства: Калинга (Орисса) и Трикалинга (Андхра-Прадеш).

На крайнем юге жили чолы и «горцы»-малаялам. О монархической власти у тамильских племен не упоминается. Ситуация изменилась лишь на рубеже нашей эры, когда с развитием римско-индийской торговли у того же Плиния появились сведения о царях государств Пандья (Пандион) и Кералапутра (Келоботрас). Последовательно перечисляя области Индии с севера на юг, автор заходит не далее Андхры. Это точно соответствует району распространения Больших наскальных эдиктов Ашоки. Четыре страны юга: Чола, Пандья, Сатьяпутра, Кералапутра — находились в ином, пограничном для Маурьев мире.

Империи в привычном для нас смысле слова автор источника, использованного Плинием, не обнаружил. Дионисий рисует многоплеменную Индию, наиболее крупными народностями которой управляли собственные цари. Им иногда удавалось подчинить соседей и создать обширные объединения в географически определенной зоне — между реками, в долине или на полуострове. На обширных пространствах сохранялась племенная периферия — как внешняя, так и внутренняя.

Наиболее богатым и густонаселенным районом была долина Ганга, подвластная правителю Паталипутры. Границы этого царства, очерченные Плинием, примерно совпадают с той территорией, где найдены колонные эдикты Ашоки, высеченные на 26/27-м году его правления. Более или менее реальный контроль «царь Магадхи» (как называл себя Ашока) осуществлял только здесь. Для всей остальной «земли от Западного до Восточного океана» он являлся лишь гегемо-

ном, но отнюдь не единственным законным монархом. Можно предполагать, конечно, что местные царьки и племенные вожди временами соглашались признать безусловное превосходство его военной мощи. Но имперской административной системы не было.

Образованный грек, посетивший Индию в середине III в. до н.э., не заметил той «общеиндийской державы», о которой говорится в современных учебниках. Очевидно, этот факт следует учитывать при реконструкции древней истории страны.

«ПЕРИПЛ ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ИНДИИ

Историческая география Древней Индии и хронология политических событий, происходивших в этой стране, известны плохо. Памятники классической индийской литературы демонстрируют такое равнодушие к обстоятельствам места и времени, что их использование в качестве исторических источников весьма затруднительно. Исследователям приходится снова и снова перечитывать античных авторов, пытаясь интерпретировать их скудные сообщения об Индии в свете последних данных археологии, нумизматики, эпиграфики.

Среди греческих сочинений об Индии особое место занимает «Перипл Эритрейского моря»¹. Маршрут, который описывает безымянный автор «Перипла», начинается в гавани Миос Гормос на египетском побережье Красного моря. Далее следуют Береника (Берника), Птолемаида, Адулис и города Африканского Рога. Вернувшись в Беренику, повествователь переходит к Восточному Красному морью, огибает Аравию и движется к Персидскому заливу. Он предлагает обстоятельный рассказ о Западной Индии от устья р. Инд до мыса Коморин, а в заключение упоминает морские пути, соединяющие крайний юг Индостана с устьем Ганга и Юго-Восточной Азией, а также сухопутную дорогу из «Тины» (Китая) в Бактрию.

На некоторых участках маршрута составитель «Перипла» ограничивается перечислением гаваней, но иногда его изложение становится более подробным: он сообщает о расстояниях между пунктами — по количеству стадий или дней пути, упоминает царские резиденции, в которые поступают товары из портовых городов. В связи с этим затрагивается местная политическая ситуация — благоприятная или неблагоприятная для международной торговли. Характерной чертой повествования являются перечни предметов импорта и экспорта.

Как и другие специальные сочинения, периплы не имели широкой популярности и редко переписывались в средние века. Сохранились лишь две рукописи «Перипла Эритрейского моря», причем доказано, что лондонский манускрипт XIV в. является копией гейдельбергского X (или IX) в. Таким образом, в тех случаях, когда текст испорчен, мы лишены возможности проверить чтение по другим спискам.

Известно, что ученые древности, активно пользуясь трудами предшественников, смешивали информацию, восходящую к разным эпохам. Слишком часто

¹ Casson 1989.

мы имеем дело с устойчивым литературным образом страны, нежели с достоверными свидетельствами современников. И с этой точки зрения «Перипл Эритрейского моря» заслуживает особого внимания историков — он совсем не похож на компиляцию. Нет даже уверенности в том, что его составитель был хорошо знаком с книжной традицией о тех странах, которые описывает.

Х.Фриск², подготовивший в 20-е годы критическое издание памятника, указал на своеобразие его языка и стиля. По этим признакам можно говорить о «Перипле» как об авторском сочинении — каких-либо дополнений, сделанных другой рукой, обнаружить не удастся. Нет оснований и для того, чтобы выделять в тексте цитаты, принадлежащие иным источникам. Конечно, составитель «Перипла» не был вовсе чужд литературному творчеству — об этом говорит и сам замысел, и некоторые обороты, претендующие на изысканность. Однако он, безусловно, не был образованным писателем и свой предмет знал по опыту, а не из книг. Автор «Перипла» свободно владел специальной терминологией как в области мореходства, так и коммерции. Его язык напоминает язык деловых папирусов из Египта эллинистическо-римского времени.

Вполне очевидно, что «Перипл» не описывает какую-то конкретную экспедицию. В нем приводятся разные маршруты морских путешествий в Красном море и Индийском океане, от Африки до Индокитая. И характер изложения неоднократно меняется по ходу повествования. Путь из Египта в Индию, а также побережье Индостана, в особенности между Баригазой и Музирисом, представлены подробно и с такими красочными деталями, которые выдают очевидца (см., например, 46 — о шуме моря во время прилива в гавани Баригазы, 55 — о черных змеях, подплывающих к кораблю возле Бакары, и т.п.). Скорее всего, безымянный александрийский капитан сам странствовал именно в этих местах. Напротив, ответвления от основного маршрута — на юг, вдоль африканского берега, на север, к Персидскому заливу, на восток, в Бенгалию, — обрисованы бегло, порою невнятно, с пропусками и неточностями. Здесь автор мог пользоваться слухами.

Поскольку составитель «Перипла» пытается дать общую панораму торговли в Индийском океане, а не рассказ о своем путешествии, постановка вопроса о дате плавания кажется некорректной. Приводимая информация может не полностью совпадать по времени. Вместе с тем внимание читателя привлекает историческая конкретность повествования. Постоянно употребляя слова и обороты «теперь», «незадолго до нашего времени» и т.п., автор явно ориентируется на современность.

Ценность источника состоит не только в богатстве сведений практического характера о торговле и мореплавании. «Перипл Эритрейского моря» дает уникальную возможность синхронизировать историю отдельных регионов древнего мира. Вопрос лишь в хронологии!

Датировке текста посвящена огромная литература³. Основные выводы по этому вопросу сводятся к следующему.

1. Без сомнения, автор жил после Птолемея, хотя эпоха ἐπὶ Πτολεμαίων (3) могла не быть для него слишком глубокой древностью.

2. Об одном из правителей Южной Аравии, Харибаэле (Харибаиле), говорится (23) как о «друге императоров» (φίλος τῶν αὐτοκρατόρων). Употребление

² Frisk 1927.

³ Raunig 1970: 231 f.

множественного числа позволяет предполагать, что римских императоров было уже не менее двух (Октавиан Август и Тиберий). Но весомость этого аргумента несколько ослабляется тем, что, судя по «Иудейским древностям» Иосифа Флавия (XVIII.2.2), счет императоров могли начинать и с Юлия Цезаря.

Гипотеза о том, что множественное число указывает на одновременность правления (а институт соправителей в Риме отмечен лишь со II в.), не кажется убедительной. Выражение $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma\ \tau\acute{\omega}\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\rho\alpha\tau\omicron\rho\omega\nu$ для александрийского грека должно было ассоциироваться с известным эллинистическим титулом $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma\ \tau\acute{\omega}\nu\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\nu$ (ср. Страбон XVII.1.6), употреблявшимся безотносительно к тому, сколько было носителей высшей власти.

3. В «Перипле» отражена та же стадия в развитии римско-индийской торговли, что и в «Естественной истории» Плиния (VI.101–106), написанной в 70-е годы I в. н.э. Торговля с крайним югом Индостана сосредоточивалась на Малабарском берегу — согласно «Периплу», в Музирисе и Нелькинде (53). Между тем археологический материал свидетельствует о том, что уже во II в. ведущую роль играли те гавани Коромандельского берега, о которых автор «Перипла» имел смутное представление.

4. Для абсолютной датировки текста особенно существенным кажется упоминание (19) «дороги в Петру к царю набатеев Малиху». Как известно, Nabatea стала римской провинцией в 105/106 г.⁴ и после этой даты в Пётре уже не могло быть собственных царей. Названный Μαλίχας может быть идентифицирован как Малих II, сын Ареты, брат первой жены Ирода Антипы, тетрарха Галилеи. Он правил в Пётре после 40 г., а в 71 г. на престол вошел его сын, носивший другое имя. Следовательно, сведения «Перипла» относятся ко времени до 71 г. Не противоречит такой дате и упоминание в тексте других царей Аравии⁵, таких, как Χαριβαήλ «законный царь двух племен — гомеритов и сабеитов» (23), правивший в г. <Σ>αφάρ (он отождествляется с царем Сабы и *dhū-Raidān*, т.е. Химьяра, *Karib'il Watar II*); Χόλαιβος в Σαυή , тиран страны Μαφαρ<ι>τις (22), т.е. *Kulayb* из *Ma'afir*; Ἐλεάζος в «стране благовоний» со столицей в г. Σαυβαθά (*Iliazz Yalut*, царь Хадрамаута). Приблизительно в это же время (судя по эфиопским хроникам, в 70-е годы по Р.Х.⁶) в Аксуме правил *Za Nakale*, который в «Перипле» (5) упомянут как Ζωσκάλης , царь «благородный и сведущий в эллинских книгах».

Итак, мы можем реконструировать отраженную в «Перипле» политическую историю (в частности, Индии), исходя из датировки источника примерно 60-ми годами I в. н.э.

Говоря о плаваниях через океан в Южную Азию, автор «Перипла» (57) делит последнюю на три основных региона: корабли плывут либо в «Скифию», либо в Баригаду, либо в Лимирику.

«Скифия» представлена прежде всего устьем р. Синд, т.е. Инда (38). Она приблизительно соответствует современному штату Синд (возможно, захватывая также часть Раджастанхана). Главная гавань «Скифии» — Барбарикон, а столица — Миннагар. Правят в «Скифии» парфяне. Как далеко на север простираются их владения — неизвестно. Противопоставление путей, идущих через «Скифию» и через «Проклаис» (т.е. через г. Пушкалавати в Пенджабе), свидетельствует о

⁴ Ср.: Шифман 1976: 27.

⁵ Robin 1991: 1–30.

⁶ Rodinson 1974–1975.

том, что эта часть Пенджаба, видимо, не включалась в «Скифию» и была независима от парфянских царьков Синда.

Собственно индийская земля начинается южнее «Скифии», после залива Эйрин (40 — Εἰρινόν), который в «Географии» Клавдия Птолемея называется Κανθικός (VII.21.2;55;94). Имеются в виду Кач и Качский Ранн на севере Гуджарата. Прибрежная полуостровная территория Катхиявара в «Перипле» (41,44) названа Συραστρήνη — инд. Сураштра. Чуть далее, в глубине материка, располагается Ἀβηρία (инд. Абхира). Последняя граничит со «Скифией» (в индийских источниках абхиры соседствуют с малавами Южного Раджастхана — см.: «Камасутра» II.5.24).

«Вся Индийская земля» (45 — πᾶσα μὲν ἡ Ἰνδικὴ χώρα, 41 — ὅλη Ἰνδική) делится на Ариаку (41) и Лимирику (47, 53 и др.). Первая ассоциируется главным образом с областью Баригады и царством Манбана, который владеет этим портовым городом (41). «Ариака» — область с обширными «внутренними районами» (6, 14), крупнейший город ее — Озене (48), современный Удджайн.

Границы Лимирики обозначены вполне определенно: к югу от гавани Наура, за которой следуют Тиндис (Тюндис), Музирис, Нелькинда (53–54). Τύνδις и Μουζίρις принадлежат царству Кепробота (в «Перипле» — Κηπροβότου), а Нелькинда — царству Пандиона в районе Κομόρ, Κομορεῖ (58–59). Комар, несомненно, Каньякумари, т.е. мыс Коморин, Кепробота — Кералапутра, а Пандион — Пандья. Речь идет, таким образом, о Керале и, частично, Южном Тамилнаде.

Очень похожую картину рисует Клавдий Птолемей⁷ (VII.1.8–9): город Τύνδις, порт Μουζίρις, затем Μελκύδα, «мыс и город Κομορία», страна Пандиона и далее — города и селения Коромандельского берега. Кералапутра и Пандья упоминаются в эдиктах Ашоки за 300 лет до «Перипла» и в качестве названий династий не могут дать точной хронологии. Но стоит обратить внимание на то, что автор «Перипла» значительно хуже Птолемея ориентируется в географии Тамилнада. Видимо, в его время римская торговля с Южной Индией еще ориентировалась преимущественно на Музирис.

Название «Лимирика» (Димирика на Певтингеровой карте) связано с индийским этнонимом «дравиды» (draviḍa/ḍamila), от которого происходит современное «тамил». В санскритских источниках «страна дравидов» (draviḍaviṣaya) локализуется «южнее области Карната» (karṇāṭaviṣayād dakṣiṇena — «Jayamañgalā» II.5.31), что очень точно соответствует границе Лимирики у греческих географов. Любопытно, впрочем, что автор «Перипла» (60) говорит о плаваниях из Лимирики в гавани Коромандельского берега. Это значит, что основную часть современного Тамилнада он не причисляет к Лимирике.

У Птолемея (VII.1.4) Западная Индия фигурирует как Ларика (Λαρίκη, вариант Ἀρίκη, лат. Larichae), что часто⁸ пытались связать с областью Лата, известной по средневековым надписям. Ларика начинается за Сураштрой (VII.1.2) и Индо-Скифией (VII.1.62). Судя по VII.1.62, г. Баригаза принадлежит этой же области. Исходя из этого, я полагаю, что описание Ларики не заканчивается параграфом VII.1.4, оно продолжено в следующем: после устья р. Махи речь идет о заливе Баригады (ср. параллелизм фразеологии: «в Сураштре у залива Кача» — VII.1.2 и «в Ларике... у залива Баригады» — VII.1.4–5). Следова-

⁷ Renou 1925.

⁸ Bhattacharya 1991: 202.

но, границей Ларики оказывается г. Супара, а фрагмент, где перечисляются такие города, как Удджайн и Насик, тоже описывает часть территории Ларики. В таком случае совпадение последней со страной Лата исчезает, зато появляется замечательное совпадение с Ариакой «Перипла».

Очевидно, именно Ἀριακὴ (варианты рукописной традиции у Птолемея VII.1.6: Ἀρεῖακὴ, лат. *Agiacha, Agica*) и является правильной передачей названия, которое последовательно искажается в рукописной традиции: Ἀριακὴ—Α'(α)ρικὴ—Λαρικὴ. Ариака же естественным образом ассоциируется с санскритским словом *āṛya* (в среднеиндийском варианте: *āriya*). Имеется в виду та территория, которую населяют арии — народности, говорящие на индоарийских языках (в противоположность южноиндийским дравидам Лимирики). Подобного рода географическая терминология не чужда древнеиндийской литературе — достаточно вспомнить знаменитую Арьяварту. В «Перипле» Махараштра безусловно причисляется к Ариаке, в отношении же Южного Декана полной ясности нет.

Наряду с этнополитическим членением страны в «Перипле» отражена индийская номенклатура физической географии. Автор говорит (50): южнее Баригазы простирается «Дахинабад», называемый так потому, что *δάχναος* по-индийски значит «юг». Вполне очевидно, что речь идет о Декане — инд. *Dakṣiṇapatha* от *dakṣiṇa* «юг» (в разговорной, пракритской, форме — *dakhiṇa*). Дакшинапатха (*dakhiṇavadha*, *dakhiṇapaṇa*⁹) в индийских источниках определяется как страна, лежащая к югу от р. Нармады, на которой и находится Баригаза.

Согласно Птолемею (VII.1.6–7), между Лимирикой и Баригазой находятся две страны: «Ариака Саденов» (Ἀριακὴ Σαδηνῶν — уточнение относительно того, кому принадлежит эта Ариака, может быть, понадобилось именно для того, чтобы противопоставить страну другой «Ариаке», Саденам не принадлежащей, т.е. упомянутой выше «Ларики») и «пиратская» (ἄνδρῶν Πειρατῶν).

На территории последней располагаются такие гавани, как Мандагара, Византион, Херсонес, Армагара. В «Перипле» (53) соответствующий перечень выглядит так: «За Каллиеной следуют другие местные торговые пункты: Семилла, Мандагора, Палайпатмы, Мелизейгара, Византион... а далее так называемые Сесекрейнские острова и остров Айгидиев, и остров Кайнейтов, и так называемый Херсонес — в этих местах пираты; а за ним остров Левка». Сходство приведенных списков позволяет использовать «Географию» для интерпретации «Перипла Эритрейского моря». Информация того и другого источника относится приблизительно к одной и той же эпохе.

Птолемей не оставляет сомнения в том, что под «пиратами» имеются в виду не разрозненные шайки морских разбойников, а целое государство. Столицей «страны пиратов» (VII.1.84) он называет город Μουσὸπαλλίς. Локализуется эта страна в Южном Конкане и в Карнатаке. У берегов Карнатака нет сколько-нибудь крупных островов, и потому остается думать, что в «Перипле» речь идет о группе Лаккадивских островов к югу от Конкана и к западу от Малабара. Греческое Λευκὴ νῆσος («Белый остров» — название для греков привычное), вероятно, и является попыткой передать индийское «остров Лакка» (*Lakkadīpa*, санскр. *Lakṣadvīpa*)¹⁰. Пример переосмысления индийского топонима мы видим

⁹ Prakrit Proper Names 1970: 353.

¹⁰ Не соответствует ли и греческое название «остров Αἰγιδίων» современному Agatti?

и чуть ранее: Византион соответствует индийскому. Виджаядург («крепость Виджая» — название одной из лучших гаваней западного побережья)¹¹.

Особый интерес вызывает та часть Ариаки, которой, по Птолемию, владели Садены. Здесь располагается портовый город Σεμόλα (в «Перипле» Σήμουλλα). Он легко идентифицируется как Semula, упоминаемый в индийских надписях начала нашей эры¹² (индийское «с» регулярно воспроизводится в греческом как σ: Чандрагупта — Сандрокотт и т.д.). Город этот соответствует современному Чаулу, расположенному к югу от Бомбея. Чаул и в средние века был известным морским портом — именно сюда (Чевиль, Чювиль) приплыл Афанасий Никитин.

К северу от Бомбея находится другой крупный портовый город — Σούπλαρα (пракр. Sopāraa, пали Suppāraka, санскр. Sūrpāraka). У историка не может быть никаких сомнений в том, какое именно государство в начале нашей эры имело выход к морю в городах Суппар и Чаул. Садены Клавдия Птолемея, несомненно, тождественны Сатаваханам¹³.

Представляется, что и с лингвистической точки зрения мы можем прийти к тому же выводу. Эпиграфические памятники Сатаваханов регулярно демонстрируют озвончение интервокального t, в том числе и в названии самой династии — Sādavāhana¹⁴. Тексты на махараштри, т.е. именно на местном диалекте (см.: Грамматика Хемачандры. I.8.211), передают название династии как Sālāhana. L, конечно, представляет зубной t/d¹⁵, и кроме того, как нередко в махараштри¹⁶, происходит выпадение интервокального v (ср.: lāvaṇya — lāṇṇa). При передаче же индийских слов по-гречески, как правило, исчезает h, в том числе и в «Перипле»: Μάις из Mahi, γράαι из graha и т.д.¹⁷. Таким образом, не только локализация страны, но и передача ее названия на греческом языке позволяет отождествить Саденов (варианты у Птолемея: Σαδανῶν, Σαδηνῶν, лат. Sandanorum) с Сатаваханами. В надписи из Нанагхата¹⁸ сатаваханский царь именновал себя «владыкой Декана» (dakṣiṇapāṭhapatī) — согласно Птолемию, по крайней мере западный «Дахинабад» действительно находился под властью Саденов.

В «Перипле» (52) говорится, что г. Каллиена (Καλλιέινα), находящийся южнее Σούπλαρα, прежде был законным портом международной торговли (ἐμπόριον ἐνθεςμον). Однако появились серьезные препятствия (ἐκωλύθη ἐπὶ πολὺ) с тех пор, как город оказался под контролем Сандана (μετὰ γάρ τὸ κατασχεῖν αὐτὴν Σανδάνην). И теперь эллинские корабли, которые случайно заходят в эти края, приходится под охраной отводить в Баригазу (καὶ γάρ τὰ ἐκ τύχης εἰς τοὺτους τοὺς τόπους ἐσβάλλοντα πλοῖα Ἑλληνικά μετὰ φυλακῆς εἰς Βαρύγασαν εἰσάγεται).

Ситуация может быть реконструирована следующим образом:

Эллинские корабли лишь «случайно» могут зайти в районы Суппары и Каллиены — купцы ориентируются на торговлю с царем Баригазы. В прежние времена можно было вести торг с этим государством как в самой Баригазе, так и

¹¹ Schoff 1995: 201.

¹² Gokhale 1991: 66, 77, 152.

¹³ Sircar 1967.

¹⁴ Sircar 1991: 189.

¹⁵ Pischel 1981: 244.

¹⁶ Pischel 1981: 186.

¹⁷ Bloch 1911: 1–16.

¹⁸ Sircar 1991: 193.

южнее — в г. Каллиене. Но сейчас это стало затруднительно из-за действий некоего Сандана. Именно в результате его вмешательства Каллиена перестала функционировать как «законный порт». Невозможно согласиться с мнением М.Рашке¹⁹, будто мы имеем дело с обычной практикой сосредоточения международной торговли в одном из портовых городов. Пока не появился Сандан, необходимости в подобном сосредоточении царь Баригазы не видел. Далее, вопреки Л.Кассону²⁰, Сандан, препятствующий торговле г. Каллиены, никак не мог быть наместником царя Баригазы — он выступает в качестве его противника. Флот царя Баригазы господствует на море, но эллинским кораблям приходится обеспечивать охрану — видимо, из опасения, что они могут быть перехвачены тем же Санданом.

Обычный перевод *κατασχεῖν* в приведенной выше фразе как «захват» не является единственно возможным. Основное значение *κατέχω* — «крепко держать, контролировать, содержать под арестом». Возможно, речь идет о блокаде города. Но даже если Каллиена была полностью оккупирована Санданом, то о находящейся поблизости Суппаре ничего подобного не говорится — вполне возможно, там и находились сторожевые корабли. В любом случае, царь Баригазы располагал достаточными силами «в этих краях», чтобы обеспечить охрану заблудившимся грекам и проводить их в безопасную гавань²¹. Однако такой гаванью не могла стать Суппара — корабли приходилось вести намного дальше, в Баригазу. Значит, дело не столько в оккупации одного из городов, сколько в том, что торговля через «эти края» стала невозможной или небезопасной.

Город Каллиена соответствует современному Кальяну (санскр. *Kalyāṇa*, в эпиграфике — *Kaliyāṇa*). В древности и средние века торговые пути вели из Кальяна в Джуннар и Насик (Нашик), а оттуда далее на восток — в Пратиштхану. Однако в «Перипле» говорится, что во внутренние области Декана, в города *Παίθανα* (пракр. *Paīṭhāna*, санскр. *Pratiṣṭhāna*) и *Ταγάρα* (пракр. *Tagarā*), купцам приходится везти товары из далекой Баригазы — и притом по страшному бездорожью (*πορείαις... καὶ ἀνοδῖαις μεγίσταις*). Очевидно, обычные пути в Пайтану из Кальяна и Суппара перерезаны²² — и виною тому мог быть лишь тот же Сандан.

Вполне естественным кажется предположение, что *Σανδάνης* принадлежал к одноименной династии — *Σανδανῶν*, *Σανδηνῶν* (*Sandanorum*), о которой говорит Птолемей. Появление носового призвуча хорошо известно в фонетике индоарийских языков. И совпадение имен в данном случае дает лишь дополнительный аргумент в пользу предлагаемой реконструкции событий.

Следовательно, в «Перипле Эритрейского моря» речь идет об экспансии Сатаваханов в Северной Махараштре. Клавдий Птолемей относит Суппару к царству Сатаваханов — очевидно, захват этого морского порта ко времени составления его источника был уже свершившимся фактом. При этом знаменитый географ вовсе не упоминает Кальян в перечне городов Западной Индии — вполне возможно, что в результате военных действий торговые пути сместились и этот город пришел в упадок²³.

¹⁹ Raschke 1978: 673–674, 984.

²⁰ Casson 1989: 215.

²¹ Casson 1983: 164–177.

²² Palmer 1947: 137–140.

²³ Johnston 1941: 208f.; Palmer 1946: 172–173.

Соседом Сатаваханов, у которого они, собственно, и отобрали области Северной Махараштры, был царь Баригазы. Его резиденция располагалась в глубине страны, в г. Μίνναγύρα (41), а в прежние времена столицей был г. Ὀζήνη — Удджайн (48). Βαρυγάζα, как известно, соответствует санскр. Bhṛgukaccha, пракр. Bharukaccha (совр. Бхаруч). Предложенная в «Перипле» локализация страны (Гуджарат, север Махараштры) соответствует государству Западных Кшатрапов. Имя местного царя звучит как Μανβάνος, и давно уже доказано²⁴, что оно соответствует индийскому Нахапана (Nahapāna). Происходит озвончение интервокального согласного р-b, назализация, исчезновение h в греческом — все те явления, которые были отмечены выше в связи с превращением Sātavāhana в Σανδάνης.

Заметим, что завоевание Сатаваханами районов вокруг Суппары и Кальяна произошло незадолго до составления «Перипла». Автор последнего утверждает, что «во времена старшего Сарагана» (52 — ἐπὶ τῶν Σαρχαγάνου τοῦ πρεσβυτέρου χρόνων) Кальян еще был «законным портом международной торговли». Видимо, тогда между Западными Кшатрапами и Сатаваханами поддерживались мирные отношения. Имя Σαρχαγάνης соответствует санскритскому Шатакарни. В среднеиндийской форме оно должно передаваться как Sadagaṇṇi (где d может произноситься как ḍ, фонетически сходное с ḡ, — ср. передачу ḍ через ρ в слове Λιτυρική из draviḍa).

К сожалению, это имя не дает нам хронологической определенности. «Шатакарни» называли себя многие (если не все) цари из династии Сатаваханов. Эпиграфика свидетельствует о том, что даже в тех случаях, когда, согласно генеалогическим спискам Пуран, царь носил другое имя, он называл себя также и Шатакарни. Поэтому мы не можем идентифицировать того царя Сатаваханов, который был предшественником Сандана — современника автора «Перипла».

Однако в нашем распоряжении имеются эпиграфические памятники, свидетельствующие о том, что южные области государства Западных Кшатрапов были захвачены Сатаваханами. Речь идет о знаменитых надписях из Насика царя Готамипуты Сири Сатакани (Гаутамипутры Шри Шатакарни), в которых говорится о дарениях земель, принадлежавших ранее Ушабхадате²⁵. Там же найдены и надписи этого Ушабхадаты, который именует себя зятем царя Нахапаны, Кшатрапа из династии Кшахаратов²⁶. Эпиграфика, таким образом, показывает, что область Говардхана, где расположен г. Насик, находилась под властью Нахапаны и Ушабхадаты, а затем была завоевана Сатаваханами при Шри Шатакарни Гаутамипутре. В Насике обнаружено множество монет Нахапаны с надпечатками от имени Гаутамипутры Шатакарни — свидетельство тех же самых событий.

После войны порт Шорпарака/Сопарака (Суппар), о котором Ушабхадата говорит как о городе, входящем в ту же страну, что и Бхарукачча (Баригаза)²⁷, был по меньшей мере отрезан от торговых путей, шедших через Насик. Не лучше оказалось и положение Кальяна, который располагался еще южнее. Несомненно, об этих событиях и говорится в «Перипле Эритрейского моря» — ведь после завоеваний Гаутамипутры Говардхана уже не находилась в зависимости от «царя Баригазы».

²⁴ Boyer 1897: 120–151.

²⁵ Sircar 1991: 197f.

²⁶ Sircar 1991: 164f.

²⁷ Sircar 1991: 168.

В таком случае мы можем идентифицировать «Сандана» как царя из династии Сатаваханов по имени Гаутамипутра. В качестве его предшественника Пураны называют Шивасвати²⁸ — возможно, он и был «старшим Сараганом». Мать Гаутамипутры, царица Готами Баласири, приказала высечь надпись на 19-м году правления своего внука Сири Пулумави²⁹. Так как к этому времени прошло более 40 лет после коронации Гаутамипутры, последний к моменту восшествия на престол был, видимо, еще совсем молодым человеком. Уж не этим ли мотивируется обозначение его предшественника как «старшего»? Согласно генеалогическим спискам Пуран, Шивасвати правил 28 лет, а Гаутамипутра — 21 год. Впрочем, Пураны не вполне надежны: упомянутые выше надписи Гаутамипутры датированы 18-м и 24-м годами — следовательно, он был на престоле не менее 24 лет.

Абсолютная хронология правления Нахапаны еще недавно реконструировалась исходя из допущения, будто все его документы датированы по эре Шака (78 г. н.э.). В таком случае царствование Нахапаны приходилось относить к первой четверти II в., ибо в надписи Ушабхадаты имеется дата — «на 42-м году» (самая поздняя из известных надписей Нахапаны датирована даже 46-м годом). Однако сейчас в нашем распоряжении есть датированная 11-м годом (по эре Шака) надпись³⁰ Чаштаны — кшатрапа, царствовавшего заведомо позднее, чем Нахапана. Это значит, что точкой отсчета у Нахапаны никак не может быть эра Шака. Вполне возможно, что он датировал надписи по годам своего собственного правления (или той династии Кшахаратов, к которой принадлежал). Более того, если через несколько лет после 78 г. на престоле кшатрапов уже находился Чаштана, значит, долгое царствование Нахапаны предшествует 78 году н.э. Война с Сатаваханами, о которой сообщает Гаутамипутра, происходила после 42 г., указанного в надписи Ушабхадаты из Насика — следовательно, в конце правления Нахапаны, незадолго до 78 г. н.э.

Отметим попутно одно важное обстоятельство: если верить пураническим спискам, первые цари династии Андхры (т.е. Сатаваханов) правили за 300 лет до Гаутамипутры. И если последний жил в I в. н.э. (а в этом теперь не может быть сомнений), то сама династия ведет начало с середины III в. до н.э. Иначе говоря, царство Андхра сосуществовало с «общеиндийской державой» Маурья. В эдиктах Ашоки упоминается народ Андхра, входивший в состав его державы, — вероятно, он находился под властью своих собственных царей.

Ключ к идентификации и датировке упомянутых в «Перипле» безымянных царей может дать нумизматика. Междоусобная борьба парфянских правителей Синда, о которой сообщает наш источник (38: «парфян, которые все время друг друга изгоняют»), происходила после смерти Гондофара. Последний датировал одну из своих надписей (в Тахт-и-бахи) 103 г. по эре Викрама (начало которой относится к 57 г. до н.э.) и указал при этом, что она составлена на 26-м году его правления. Таким образом, хронология Гондофара устанавливается достаточно надежно: начало правления — 20 г. н.э., конец — не ранее 45 г. (что, заметим, не противоречит известной легенде о пребывании при его дворе апостола Фомы).

²⁸ Pargiter 1913: 42. Ср. там же, с. 37: имена Свати(карна), Свати(варна) и т.п. кажутся лишь вариантами санскритизации пракритского имени Сатакани (Шатакарни).

²⁹ Sircar 1991: 203f.

³⁰ Pauli 1986.

За Гондофаром следуют мелкие индо-парфянские царьки, в частности Сасан³¹ и Сатавастр, которых сменяют Кушаны. Дж.Крибб³² указал, что встречаются монеты Нахапаны с надпечатками Сасана и Сатавастра, а также надпечатка Нахапаны на монете Сатавастра³³. Это является надежным доказательством синхронности их правления и свидетельством того, что в «Перипле» отражена эпоха примерно третьей четверти I в.

Политическая ситуация в Индии этого времени характеризуется следующими чертами.

Сатаваханы с юга и востока теснят Западных Кшатрапов (Нахапану), добиваясь контроля над всей Дакшинапатхой. В низовьях Инда парфянские царьки, наследники Гондофара, ведут бесконечную борьбу друг с другом, следствием чего является их взаимное ослабление и потеря власти над народностями Пенджаба. Последние в «Перипле» перечислены безотносительно к «Скифии» и парфянам — лишь в связи с торговым путем, идущим в глубине материка (47) из Баригазы в Центральную Азию.

Среди племен Северо-Западной Индии грек называет жителей Гандхары (Γανδάρων) и Арахосии (<Α>ραχουσ<ι>ων), область Προκλαῖς (Pukhalavai, санскр. Puṣkalavati), где находится город Βουκέφαλος Ἀλεξάνδρεια, а также аратриев (Ἀρατρίων), т.е. народ āraṣṭra/āraṭṭa, который в индийском эпосе ассоциируется с Пенджабом и Балхом и рассматривается как чуждый арийским обычаям³⁴. Крайняя политическая раздробленность региона делала его легкой добычей для завоевателя.

И завоеватель этот тоже указан автором «Перипла». Последний говорит (47), что к северу от тех племен, которые только что были названы, находится «очень воинственный народ бактрийцев во главе с царем» (καὶ τούτων ἑπ' αὐτῷ μαχηώτατον ἔθνος Βακτριανῶν ὑπὸ βασιλέα). Под царем может иметься в виду лишь правитель Кушан. Речь, несомненно, идет о том времени, когда бактрийские племена только что объединились под его властью. А в следующий момент этот «очень воинственный народ» начал завоевания в Северной Индии.

Образование Кушанской державы обрисовано в китайской хронике «Хоу-ханьшу», которая воспроизводит сведения, полученные от полководца Бань Чао, посетившего Западный край в конце I в. н.э. Согласно его информации, один из пяти уделов племени, которое китайцы называли «Большие юэцжи», а именно Гуйшуан, стал ядром объединения. Князь этого удела по имени Киодзюкю принял царский титул («объявил себя государем под названием Гуйшуанского», как переводит Н.Я.Бичурин³⁵). Он начал завоевания окружающих стран, а его сын Яньгаочжень покорил Индию. Объединение бактрийских племен и воинственная политика царя уже известны автору «Перипла Эритрейского моря». А та обстановка в Северной Индии, которую он рисует, делает вполне понятными успехи сына Киодзюкю.

³¹ Сасан был племянником Аспавармана, сына Индравармана, правление которого относится ко второй декаде I в. Следовательно, его собственное царствование должно относиться к началу второй половины I в.

³² Cribb 1992: 131–145; Bopearachchi 1998: 402–403.

³³ Есть также надпечатки Куджулы Кадфиза на монетах Гондофара, показывающие, что основатель Кушанской державы был младшим современником индо-парфянского царя.

³⁴ См.: «Карнапарва», 30: в стране пяти рек (т.е. в Пенджабе), где уничтожена дхарма, бахлики, зовущиеся араттами, и т.д.

³⁵ Бичурин 1950.

Китайское «Киодзюкю» передает имя первого из кушанских царей — Кудзулаки (Куджула Кадфиз). Иногда он именовал себя и просто «Кушан» (например, в надписях, датированных 122-м и 136-м годами³⁶ — видимо, по эре Шака). Обозначение отдельного удела (Гуйшуан в китайской передаче) стало чем-то вроде тронного имени, после того как местный князь (ябгу, Kuṣāṇayavagu) превратился в государя всех «Больших юэжжи». Сын Куджулы Кадфиза, Вима, называл себя Kuṣāṇaputra («сын Кушана»)³⁷.

В этом контексте следует понимать и приведенный выше пассаж из «Перипла Эритрейского моря» (47). Истолкование его концовки ἰδιὸν τόπων давно вызывает споры. Нет сомнений в том, что текст не-исправлен, — греческое οἷσσαν здесь вовсе неуместно. Однако предлагаемое издателями (в том числе и Х.Фриском) исправление οἷσσαν на δυνῶν кажется совершенно произвольным. Объяснить подобную опisku невозможно, а правка содержит переосмысление текста (подбирается наиболее подходящая форма от того же корня, что и οἷσσαν).

К тому же эта правка не решает проблему, ибо ἰδιὸν τόπων трудно увязать с предыдущим. Поэтому некоторые исследователи (тот же Х.Фриск) просто вычеркивают лишнее, по их мнению, слово τόπων, переводя ἔθνος Βακτριανῶν ὑπὸ βασιλέα δυνῶν ἰδιὸν как «народ бактрийцев, находящихся под началом собственного царя». Но в таком случае фраза остается странной: какая необходимость в разъяснении, что бактрийский царь — их собственный, а не чужой?

Другие, начиная с К.Мюллера, пытались сконструировать слово ἰδιότητος и даже вносили его в словари (Liddel-Scott-Jones, s.v.: of their own district). Но и это решение трудно признать удовлетворительным, ибо указанный царь правил всеми бактрийцами, а не только отдельным районом (дистриктом). Если же под district понимать всю Бактрию, то ἰδιότητος становится синонимом ἰδιὸν и таким же тавтологическим утверждением, что бактрийцы управляемы царем, который является местным (а не чужеземным) правителем.

Некоторые исследователи, освободившись от τόπων, шли еще дальше и пытались угадать имя собственное царя бактрийцев, исправляя ἰδιὸν (или ἰδιότητος) на Диодота³⁸ или Герая³⁹.

Наиболее простой вариант исправления текста давно уже был предложен Дж.Кеннеди⁴⁰: <Κ>οῦσσαν — пропуск буквы часто встречается в рукописи, особенно в именах собственных (ср. чуть выше: <Α>ραχοῦσσι<ι>ων). Категорическое возражение Ж.Фюссмана⁴¹, согласно которому винительный падеж имени должен был бы выглядеть как Κοῦσσανον или Κοῦσσανν, не кажется убедительным. Во-первых, отнюдь не всегда восточные имена собственные в греческом склоняются (в том числе и в «Перипле»). Во-вторых, значительно проще понять возможную ошибку переписчика: <Κ>οῦσσαν вместо <Κ>οῦσσανν⁴², чем исправлять, как предлагалось в историографии, οἷσσαν на δυνῶν, δν, δντα, ἦσαν, ἔχον, οἰκοῦν и т.д. Под единым бактрийским царем, во всяком случае, может подразумеваться

³⁶ Konow 1929: 67–77.

³⁷ Lüders 1961: 136.

³⁸ Palmer 1949: 61f.

³⁹ Macdowall, Wilson 1970; Macdowall 1974: 246.

⁴⁰ Kennedy 1913: 127.

⁴¹ Fussman 1974: 48.

⁴² Явление, хорошо известное текстологам. См.: Лихачев 1983: 77 — «Особенно часты пропуски повторяющихся слогов».

только Куджула Кадфиз. И поскольку известно, что он именовал себя просто Кушаном (Kuṣāṇa, Guṣāṇa), наличие <K>ούσων в тексте «Перипла» кажется вполне правдоподобным.

За исключением дополнения в виде <K>, текст не требует каких-либо исправлений (разве что, соглашаясь с Ж.Фюссманом, добавить окончание винительного падежа). Но, как справедливо заметил Б.Палмер⁴³, основная проблема заключается в понимании выражения ἰδίων τόπων. На наш взгляд, оно вполне может быть интерпретировано в качестве accusativus relationis. В этом случае ὑπὸ βασιλέα <K>ούσων ἰδίων τόπων приобретает следующий смысл: «во главе с царем, (который именуется) Кусан по собственному его уделу». Добавление, предлагавшееся Дж.Кеннеди <ἄρχοντα> ἰδίων τόπων, оказывается не только лишним, но и искажающим смысл: τόπος — не вся территория Бактрии, а Гуйшуанский удел. В подобном значении слово τόπος встречается в «Перипле» (см., например, 16: в каждом τόπος есть свой тиран, но все они подчиняются царю, — или 14: каждый τόπος управляется собственным тираном, а общего царя они не имеют, и т.д.).

При данном истолковании ἰδίων τόπων оказывается и понятным, и необходимым. Автор, назвав бактрийского царя Кушаном, должен был объяснить, почему тот носит это имя: как и в китайской хронике, правитель всех «Больших юэчжей» именуется Гуйшуанским по своему собственному уделу (одному из пяти уделов юэчжей).

Несколько лет назад в Афганистане была сделана сенсационная находка, проливающая свет на ряд дискуссионных проблем кушанской истории. Большая бактрийская надпись из Рабатака, датированная первым годом правления Канишки⁴⁴, содержит генеалогию кушанских царей. Сын Куджулы Кадфиза носил имя Вима, видимо соответствующее Янь в тексте «Хоуханьшу». Этот Вима (второе его имя плохо читается — Такту, Такаду?) изображен на монументальной статуе в Матхуре⁴⁵, и поэтому можно думать, что он владел данным городом. Тем самым подтверждаются сведения Бань Чао о том, что сын Киодзюкю завоевал Индию. Этому Виме наследовал внук Куджулы — Вима Кадфиз, а затем сын последнего — Канишка, который претендовал на власть над всей Северной Индией вплоть до устья Ганга.

По данным «Хоуханьшу», Киодзюкю умер 80 лет от роду. Вполне возможно, что сын его вступил на престол уже в преклонном возрасте и царствование его не было продолжительным. Но в любом случае между концом правления прадеда (эпоха накануне завоевания Индии, отраженная в «Перипле») и коронацией правнука должно было пройти несколько десятилетий. И если составление «Перипла» относится примерно к 70 г. н.э. (судя по ситуации в Аравии и Индии — война с Гаутамипутрой в конце правления Нахапаны и т.п.), то «дату Канишки», о которой так долго ведутся дискуссии, необходимо относить к самому началу II в.

Данная хронологическая схема получает дополнительное подтверждение после обращения к «Географии» Клавдия Птолемея. По сведениям последнего, резиденция Западных Кшатрапов находится не в Миннагаре, как при Нахапане, а там, где она была когда-то, — в Уджаине (Удджайне). Здесь правил царь Τίαστανής (VII.1.63), то есть Чаштана, представитель династии Кардамака, сме-

⁴³ Palmer 1949: 61.

⁴⁴ Sims-Williams 1995–1996.

⁴⁵ Lüders 1961: 134f.

нившей Кшахаратов (к которым принадлежал Нахапана). В Пайтхане же (Βαίθῆνα) власть принадлежала Σίρι Πολεμῆσις (VII.1.82) — царю из династии Сатаваханов Шри Пулумави (в эпиграфике — Siri Pulumayi). Согласно Пуранам, этот Puloma/Pulomavi являлся сыном того самого Гаутамипутры, который воевал с Нахапаной. На троне он находился 28 лет.

В надписи, датированной 19-м годом правления Сири Пулумайи, его отец Сири Сатакани Готамипута назван «царем царей, сокрушившим род Кшахаратов и восстановившим славу рода Сатаваханов». Военные успехи Гаутамипутры в Западном Декане, очевидно, способствовали тому, что династия Кшахаратов пришла в упадок и уступила гегемонию Кардамакам Уджаина. Чаштана правил очень долго. Наиболее ранняя его надпись датирована 11-м годом, а самая поздняя — 52-м годом (когда соправителем его был внук — кшатрап Рудрадаман). Отсчет, несомненно, шел по эре Шака, которая, скорее всего, и обязана Чаштане своим возникновением.

Указание на правление в Уджаине Чаштаны, а в Пайтхане Шри Пулумави показывает, что источник Клавдия Птолемея отражает ситуацию ровно на поколение позже, чем «Перипл Эритрейского моря». Политическая карта Индии у Птолемея соответствует самому концу I в.

Ж.Фюссман⁴⁶ датирует «Перипл» значительно более ранним временем — около 40 г. н.э. Но единственным мотивом этого является желание французского индолога спасти предлагавшееся когда-то отождествление «даты Канишки» с «эрой Шака» (78 г.). Конечно, если бы коронация Канишки относилась к 78 г., то время правления его прадеда Куджулы Кадфиза не могло быть позднее 40 г. н.э. Однако, если принять подобную датировку «Перипла», появится столько явных несообразностей, что сама идея об отождествлении обеих эр выглядит теперь столь же странно, как всерьез предлагавшееся еще недавно отнесение даты Канишки к 278 г. н.э.

⁴⁶ Fussman 1991: 34.

«ВОИНСТВЕННЫЕ БАКТРИАНЕ» В «ПЕРИПЛЕ ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ»

Н иже предлагается историко-филологический комментарий к следующему фрагменту «Перипла Эритрейского моря» (ПЭМ): «καὶ τούτων ἐπάνω μαχιμώτατον ἔθνος Βακτριανῶν, ὑπὸ βασιλέα ὄντων ἴδιον τόπον» (47.16.6). Основной вопрос, возникающий при его анализе, заключается в идентификации упомянутых в нем «воинственных бактриан» и в восстановлении исходного текста, поскольку практически все исследователи, обращающиеся к этому тексту, считают его испорченным средневековыми переписчиками. Важность решения этого вопроса объясняется тем, что трактовка данной фразы является важнейшим аргументом при анализе политической истории Северо-Западной Индии в I в. н.э.

В рукописи после «ὑπὸ βασιλέα» стоит «οὖσαν ἴδιον τόπον»¹. Эта не вполне складная фраза вызвала к жизни бурную дискуссию и множество поправок. Среди предложенных вариантов нужно отметить прежде всего не претендующие на изменение текста: «(gente) sottoposta à Re proprio»²; «welche einem eigenen Könige unterworfen ist»³. Х.Фриск приводит следующее чтение: «ἔθνος Βακτριανῶν, ὑπὸ βασιλέα ὄντων ἴδιον»⁴. Это же чтение сохранено в издании Л.Кассона с указанием на необходимость удаления из рукописи слова «τόπον»⁵. Впервые такое предложение появилось в издании Й.В.Штука, где был дан такой же перевод, как в издании Дж.Б.Рамузио: «quae proprio regi est subjecta»⁶. К.Мюллер предложил чтение: «ὑπὸ βασιλέα ὄντων ἰδιότοπον» с возможными вариантами: «ὑπὸ βασιλέα οἰκοῦν ἴδιον τόπον», «ὑπὸ βασιλέα εἶναι», «ὑπὸ βασιλεῦσιν ὃν ἰδιότοποις»⁷. Чтение К.Мюллера было подвергнуто критике Х.Фриском: слово «ἰδιότοπον» является вымышленным, и его нужно из текста вычеркнуть⁸. В пользу своей точки зрения он справедливо приводит следующий аналогичный фрагмент ПЭМ: «Ὁὐ βασιλεύεται δὲ ὁ τόπος, ἀλλὰ τυράννοισι ἰδιοῖς καθ'ἑκάστον ἐμπόροις διοικεῖται» («Этим местом правит не царь, но каждый рынок находится под контролем собственного тирана» (14.5.14–16)). Дж.У.Мак-Криндл переводит этот отрывок как «Beyond these are the Baktrianoï,

¹ Müller 1855: 293.

² Ramusio 1550: Fol. 286b; Ramusio 1979: 530.

³ Streubel 1861: 27.

⁴ Frisk 1927: 117.

⁵ Casson 1989a: 80.

⁶ Stuckius 1577: Schol. 75.

⁷ Müller 1855: 293.

⁸ Frisk 1927: 117.

a most warlike race, governed by their own independent sovereign»⁹. Б.Фабрициус полагал, что текст рукописи нужно изменить на «ὕπὸ βασιλέα ἔχον ἴδιον τόπον»; этот вариант был воспринят Х.Фриском¹⁰: В.Х.Шофф трактует этот отрывок как «who are under their own king»¹¹.

Дж.А.Б.Палмер, отвергнув обе версии, предположил, что так как речь в этом параграфе идет о правивших после Александра царях, то последние слова рассматриваемого отрывка также должны относиться к имени собственному какого-либо правителя. По его мнению, им был Диодот, а схема «порчи» рукописного текста ПЭМ была такова: ΔΙΟΔΟΤΟΝ > ΙΔΟΔΟΤΟΝ > ΙΔΟΤΟΤΟΝ. После того как таким образом фраза окончательно потеряла свой смысл, она была исправлена на ΙΔΙΟΝ ΤΟΠΟΝ. Он полагает, что в таком виде фраза очень хорошо проясняет смысл контекста, так как не обязательно относится к описанию нации бактрийцев в 110 г. н.э. (которым он датирует текст ПЭМ): «ссылка, более общая, на бактрийскую нацию, которая больше не существует, но подвластна Диодоту и его преемникам»¹². Если продолжить мысль Палмера, то перевод этого фрагмента должен быть такой: «За Баригазами, в глубине материка проживают многие народы: Аратрии, и <А>рахуз<ии>, и Гандарайи, и народ Прокл<а>иды, где расположена Александрия Букефалия. А за ними очень воинственный народ бактрианов, живущий под царем Диодотом. И Александр, отправившись из этих мест...». Эта трактовка настолько противоречит смыслу текста, что вызывает удивление, сколь сильно обманчивое фонетическое сходство может влиять на желание представить собственную интерпретацию. В рассматриваемом фрагменте речь идет о нации бактрийцев в числе прочих именно как о современных автору ПЭМ: «Ἐτίκεται... μαχιμώτατον ἔθνος Βακτριανῶν», — но никак не при Диодоте (I и II, 250–230 гг. до н.э.), а ссылки на Аполлодота и Менаандра приведены после.

Интересна поправка, которую предлагал внести в рассматриваемый фрагмент ПЭМ Дж.Кеннеди: он предположил, что речь в нем идет о том времени, когда бактрийцы пребывали под управлением кушан при Виме Кадфизе; следуя чтению К.Мюллера («οὐσαν» вместо «ὄντων»), он изменил чтение «οὐσαν» на «Κούσαν» и добавил еще одно поясняющее слово: «<ἄρχοντα > ἴδιον τόπον»¹³.

Идеи Палмера и Кеннеди (упоминание кушан и имени царя, не современного автору ПЭМ, удаление слова «τόπον» как неуместного добавления) развиты Д.У.МакДауэллом и Н.Дж.Уилсоном¹⁴. Вся фраза, по их мнению, должна быть восстановлена следующим образом: «ἔθνος Βακτριανῶν, ὑπὸ βασιλέα Κούσαν Ἰδιον ὄν». Ход рассуждений авторов вкратце можно передать так: традиционные трактовки, исходящие из того, что автор ПЭМ стремился таким образом сказать, что бактрийцы живут на своей собственной территории или что они мало связаны с окружающим миром, — действительно выглядят странными. ΙΔΙΟΝ, по их мнению, является не чем иным, как испорченным написанием имени одного из кушанских царей по имени НΡΑΙΟС, правившего в Бактрии

⁹ Mc'Crindle 1879: 142.

¹⁰ Fabricius 1849: 23; в примечании он указывает на чтение рукописи «οὐσαν», но в издании 1883 г. слово «τόπον» он вычеркнул и в результате предложил чтение «ὕπὸ βασιλέα ὄντων ἴδιον» — Fabricius 1883: 9 (включив «οὐσαν» в число описок), 88–89; Frisk 1927: 16.

¹¹ Schoff 1912: 41 (= Schoff 1995: 41).

¹² Palmer 1949: 62.

¹³ Kennedy 1913: 127; 1916: 831.

¹⁴ MacDowall, Wilson 1970: 222–230.

в I в. н.э. Это имя в форме IDIOY встречается на некоторых выпусках оболлов, а его носителя авторы идентифицируют с безымянным кушанским царем, известным как «Великий спаситель» (Σωτήρ μέγας), предшественником Вимы Кадфиза (ныне возможна его идентификация с Вимой I Такто¹⁵). Авторы вообще склонны в отличие от Ж.Фюссмана, относить все упоминания о кушанах не ко времени правления Куджулы Кадфиза, а к концу правления этого «Великого спасителя», к тому времени, когда он покорил Западную Индию, а Вимой Кадфизом уже была введена золотая чеканка на востоке Индии. Данные ПЭМ и нумизматики также хорошо согласуются в том, что единовременного уничтожения власти индо-парфян в Северо-Западной Индии не было, а имели место периоды их со-существования и со-правления с кушанами в разных регионах и жестоких войн между ними¹⁶. Сам Д.У.МакДауэлл в личном письме автору от 24 августа 1999 г. отказался от отождествления Герая с Сотером Мегасом, в котором он склонен видеть титул Куджулы Кадфиза после объединения им пяти кланов юэчжей. Герай, по его предположению, — правитель одного из этих пяти кланов. Одним из его потомков был Куджула Кадфиз. Такая точка зрения должна значительно изменить датировку ПЭМ, в которой данные истории кушан играют для Д.У.МакДауэлла одну из главнейших ролей, и приблизить ее к дате, представленной в работах Ж.Фюссмана.

В более поздней работе Д.У.МакДауэлл представил новый вариант исправления этой фразы: «καὶ ἐπάνω τούτων μαχιμώτατον ἔθνος Βακτριανῶν, ὑπὸ βασιλέα <Κ>ουσᾶν Ἰδιον ὄντα πάντα» — «and above them the most warlike race of the Bactrians all under a Kusan king Idios»¹⁷.

Поправка, предложенная Дж.Кеннеди, была развита А.А.Вигасиным, который предложил убрать <ἄρχοντα> и трактовать «Ἰδιον [τόπον]» как accusativus relationis. Тогда перевод этой лакуны будет выглядеть следующим образом: «...под царем Кусан, [зовущимся так] по собственному уделу». В таком случае этот фрагмент должен обрести и смысловое и историческое обоснование. В пользу своей трактовки А.А.Вигасин, возражая Ж.Фюссману¹⁸, приводит еще один дополнительный аргумент: восточные имена собственные, как правило, не склоняются, и форма <Κ>ουσᾶν была бы более естественной, чем <Κ>ουσᾶναν¹⁹. Однако и у этой трактовки есть существенные недостатки: именно в ПЭМ, за исключением Χαριβαήλ (27.7.23, 31.10.19), остальные имена собственные склоняются: Μαλίχαν (однотипное <Κ>ουσᾶναν: 19.6.29), Ζωσκάλης (5.2.20), Μαφαρίτη (31.10.19), Χόλαιβος (22.7.26), Ἐλεάζου (27.9.4), все индийские: Μανβάνου (41.14.2), Σανδάνην (52.17.19), Σαραγάνου (52.17.18). Для того чтобы рассматривать «Ἰδιον [τόπον]» как accusativus relationis, необходимо внести еще одну поправку в текст и перед «Ἰδιον τόπον» добавить «κατὰ τὸν». Схожий оборот («ὑπὸ τὸν Βασιλέα Πανδίουα») встречается в ПЭМ еще дважды (58.19.15²⁰; 59.19.24). Оба раза при упоминании имени царя Пандиона стоит артикль «τὸν», отсутствующий в рассматриваемом фрагменте. Слишком значительные изменения, вносимые в текст для придания ему желае-

¹⁵ Sims-Williams, Cribb 1995–1996: 98.

¹⁶ MacDowall, Wilson 1970: 231–234.

¹⁷ MacDowall 1974: 255 (автор поменял местами также «τούτων» и «ἐπάνω»). См. также: Huntingford 1980: 46, 69, где в целом отвергнуты какие-либо поправки.

¹⁸ Fussman 1974: 48.

¹⁹ Вигасин 2001: 11–12.

²⁰ Этот фрагмент, однако, Л.Кассон вычеркивает из текста (Casson 1989: 86).

мого смысла, заставляют предположить, что трактовка этой фразы должна быть иной.

Есть все основания считать, что в данном случае речь не идет о каком-либо реальном народе. Этих самых «бактриан» описывает еще Геродот практически теми же словами, что и автор ПЭМ: «Ἄλλοι δὲ τῶν Ἰνδῶν Κασπατέρῳ τε πόλι καὶ τῇ Πακτυϊκῇ χώρῃ εἰσὶ πρόσοικοι, πρὸς ἄρκτου τε καὶ βορέῳ ἀνέμου κατοικημένοι τῶν ἄλλων Ἰνδῶν, οἱ Βακτρίοισι παραπλησίην ἔχουσι δίαιταν. Οὗτοι καὶ μαχιμώτατοί εἰσι Ἰνδῶν...» (III.102: «Другие же индийцы обитают вблизи области Пактики и города Каспатира севернее прочих индийцев. По образу жизни они приближаются к бактрийцам. Эти и самые воинственные из индийцев...»). Для Геродота «самыми воинственными» и были «другие индийцы». Но так как они по образу жизни приближались к бактрийцам, то читатель Геродота или любой, к кому попала такого рода информация (например, автор ПЭМ), мог с полным основанием заключить, что «бактрийцы» также μαχιμώτατοί εἰσι.

Вполне вероятно, что информация ПЭМ о наличии такого народа, удивившись еще со времен Геродота, так и не претерпела никакого изменения смысловой нагрузки, так что это сообщение ПЭМ — воспроизведение некоего стереотипного восприятия населения этой территории, но никак не продукт личного наблюдения или передачи чьей-либо аутентичной информации. Соответственно, использование текста ПЭМ для анализа истории кушан, в частности даты их появления в Северо-Западной Индии²¹, представляется сомнительным.

Можно предположить, что «ὄντων ἰδίου τόπον» в данном контексте должно указывать на независимость описываемых бактриан, на то, что они сами составляют свое собственное царство, не являются подчиненными иным народам. Удаление «τόπον» из рассматриваемой фразы ничем не мотивировано. Значение «удел» для «τόπος» хорошо прослеживается как в ПЭМ (14. 5. 9; 16. 6. 13), так и по другим источникам, например в Новом Завете: «...λαβεῖν τὸν τόπον τῆς διακονίας ταύτης καὶ ἀποστολῆς, ἀφ' ἧς παρέβη Ἰούδας πορευθῆναι εἰς τὸν τόπον τὸν ἰδίον» («...принять удел сего служения и апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свой удел». Деян. 1.25); «...ἐλεύσονται οἱ Ῥωμαῖοι καὶ ἀροῦσιν ἡμῶν καὶ τὸν τόπον καὶ ἔθνος»: «...и придут римляне и овладеют и местом нашим, и народом...» (Ин. 11.48). «εἶναι ἰδίον» — также вполне употребимое выражение со значением «быть собственным, своим»: «καὶ οὐδὲ... ἔλεγεν ἰδίον εἶναι» («и ничего... не называли своим»: Деян. 4.32). Если согласиться с тем, что в исходном тексте значилось именно «ὄντων ἰδίου τόπον» и что «бессмысленное» «οὖσαν» — ошибка переписчика, эта фраза и в таком виде без каких-либо исправлений имеет вполне четкий смысл: «καὶ τούτων ἐπάνω μαχιμώτατον ἔθνος Βακτριανῶν, ὑπὸ βασιλέα ὄντων ἰδίου τόπον»: «А за ними очень воинственный народ бактрианов, [живущих] под управлением царя, владеющих собственной территорией» (досл.: «являющихся собственным уделом»).

Собственно, и форма «οὖσαν» не является бессмысленной, даже если предположить ошибку переписчика, поставившего это слово вместо «ὄντων». Оба этих причастия являются производными от одного и того же глагола «εἶναι». То, что в рассматриваемой фразе стоит «οὖσαν» — форма единственного числа женского рода винительного падежа, — может быть объяснено тем, что эта «ошибка» была сделана под влиянием предыдущего слова «βασιλέα», стоящего

²¹ Как, например: Fussman 1991: 31–38.

также в винительном падеже единственного числа; конечный -α мог повлиять на механическое, в процессе переписки, восприятие предшествующего причастия в женском роде. А в том, что переписчик далеко не всегда понимал, о чем идет речь в рукописи, не может быть сомнений: так велико количество ошибок и описок в манускрипте. Некоторая корявость рассматриваемого фрагмента, явно смутившая большинство интерпретаторов, тем не менее хорошо вписывается в общий языковой контекст ПЭМ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Флавий Арриан

ИНДИКА

Полный перевод на русский язык «Индики» — одного из основных источников сведений об Индии в античном мире, составленной римским писателем и чиновником II в. н.э. Флавием Аррианом, — был выполнен О.В.Кудрявцевым и опубликован в «Вестнике древней истории» в 1940 г. (№ 2. С. 230–263). Перевод оказался неудачным, он содержит множество ошибок, поэтому возникла необходимость выполнить новый. Первые 17 глав «Индики» были также опубликованы в гораздо более качественном переводе О.В.Смыки с примечаниями А.А.Вигасина в хрестоматии «История и культура древней Индии» (М., 1990. С. 270–290). Эти примечания частично используются ниже.

Первая часть «Индики» (гл. 1–17) основана главным образом на сочинениях хорографа и дипломата Мегасфена и географа Эратосфена и посвящена описанию индийского общества и природы страны. Главы 18–43 описывают возвращение флота Александра Македонского под руководством Непарха. Перевод выполнен по изданию: *Arrian. Alexanderzug. Indische Geschichte. Griechisch und Deutsch herausgegeben und übersetzt von Gerhard Wirth und Oscar von Hinüber. München und Zürich, 1985.* Комментарии к переводу охватывают преимущественно топонимику, так как описание индийского общества античными авторами, чьи сведения переданы в том числе и в «Индики» Флавия Арриана, подробно проанализировано в очерках, включенных в настоящий том. В квадратных скобках даны слова, добавленные для придания переводу большей стройности.

Глава 1

(1) Области до реки Инд, те, что лежат к западу от нее до реки Кофен¹, населяют индийские народы Астакены² и Ассакены³; (2) они не велики телом, подобно живущим во внутренних областях Инда, не так отважны духом и не черны так, как многие инды. (3) Некогда они подчинялись ассирийцам, после мидян повиновались персам и со своей земли платили дань Киру — сыну Камбиза, которому Кир установил. (4) Нисийцы же — неиндийского происхождения, они произошли от пришедших вместе с Дионисом в землю индов: частью из эллинов, потерявших годность к воинской службе в войнах, которые вел Дионис против индов, частью от местных жителей, которых по их желанию он поселил вместе с эллинами; (5) землю же назвал нисийской, а столицу ее — Нисой по имени кормилицы Диониса Нисы. (6) Гора же, лежащая перед городом — в ее подножии и основан город, — называется Мерос в связи с историей, случившейся как раз при рождении [Диониса]. (7) Все эти истории о Дионисе были воспеты поэтами, и пусть их толкуют те, кто красноречив у эллинов или варваров.

(8) У Ассакаенов есть большой город Массака⁴, где власти земли ассакийской и расположены; и недалеко от Инда другой город Певкелаитис⁵, и он также большой. Таковы области, лежащие к западу от реки Инда до реки Кофен.

Глава 2

(1) Области же, лежащие к востоку от Инда, и будут для меня землей индов, а их жители — индами. Границей индийской земли на севере является гора Тавр⁶. (2) В той земле, однако, Тавром уже не называется, но начинается Тавр от моря у Памфилии, Ликий и Киликий и тянется до Восточного моря, разрезая всю Азию; (3) в разных же местах эта гора зовется по-разному: где Парапамис⁷, где Эмод⁸, в других же областях называют Имай⁹, возможно, что имеет и много других названий. (4) Македонцы же, которые участвовали в походе Александра, называли ее Кавказом, но другим Кавказом, не Скифским, чтобы поддержать молву, будто Александр ходил по ту сторону Кавказа. (5) С запада же землю индов отделяет река Инд вплоть до Великого моря¹⁰, куда и сама впадает двумя руслами; русла эти расположены не рядом друг с другом, подобно тому как пять рукавов Истра¹¹ лежат рядом, (6) но как устья Нила, из которых состоит Египетская Дельта, так что и река Инд образует в земле индов дельту, не меньше египетской, и на языке индов зовется она Патала. (7) С юга же само Великое море является границей земли индов, и на востоке то же самое море ее ограничивает. (8) Южные области вдоль Пталы и устья Инда видели и Александр, и македонцы, и многие эллины: на восток же, дальше реки Гифасис¹², Александр не прошел; (9) немногие же описали области до реки Ганг и где расположены устье Ганга и Палимботра¹³ — самый большой город индов на Ганге.

Глава 3

(1) Для меня наиболее достоверным автором будет Эратосфен Киренец¹⁴, так как Эратосфен позаботился об описании земли. (2) Он говорит, что сторона земли индов, идущая от горы Тавр, где лежат истоки Инда, вдоль самого Инда вплоть до Великого моря и устья Инда составляет 1300 стадий¹⁵. (3) Противоположную же сторону он образует от той же горы вдоль Восточного моря, но не равной той стороне, а с выдающимся на 3000 стадий мысом, уходящим далеко в море: по его сведениям, восточная сторона земли индов тянется якобы на 16 000 стадий. (4) Такой у него выходит в итоге ширина земли индов, длину же с запада на восток до города Палимботра, говорит, что записал измеренную в схенах¹⁶, так как это царская дорога; равна же она 10 000 стадий; противоположная же сторона не так достоверно измерена, (5) те же, кто писал, основываясь на слухах, говорят, что выдается в море вместе с мысом на 10 000 стадий; и равняется длина земли индов 20 000 стадий. (6) Ктесий Книдиец¹⁷, говоря чепуху, сообщает, что земля индов равна остальной Азии, так же как и Онесикрит, [приравнявший ее] к третьей части всей земли. Неарх говорит, что совершил путь в четыре месяца, чтобы пересечь равнину земли индов. (7) Для Мегасфена же с востока на запад земля индов идет в ширину, тогда как другие полагают,

что в длину. И говорит Мегасфен, что она равна 16 000 стадий на своем самом коротком участке. (8) Сторона же, идущая с севера на юг, является для него длинной и составляет 22 300 стадий в самом узком месте. (9) Рек же в земле индов столько, сколько нет во всей Азии. Самыми крупными являются Ганг и Инд, по которому и страна названа. Обе они больше и египетского Нила, и скифского Истра, даже если те соединят свои воды воедино. (10) Мне же кажется, что и Акесин больше Истра и Нила там, где, вобрав воды Гидаспа¹⁸, Гидраота¹⁹ и Гифасиса, он вливается в Инд, имея 30 стадий в ширину; быть может, и многие другие еще большие реки текут в земле индов.

Глава 4

(1) Однако ничего определенного об областях за Гифасисом я сообщить не могу, так как Александр за Гифасис не ходил. (2) То, что из тех двух величайших рек — Инда и Ганга — Ганг значительно превосходит величиной Инд, писал Мегасфен и другие, упоминавшие Ганг; (3) огромным выходит он уже из ключей, принимает в себя реку Каин²⁰, и Эраннобоас²¹, и Коссоан²² — все они судоходны, и еще реку Сон²³, и Ситтокатис²⁴, и Соломатис²⁵ и эти — судоходны, (4) затем — Кондохат²⁶, и Самб²⁷, и Магон²⁸, и Агоранис²⁹, и Омалис³⁰. В него же впадает и большая река Коминас³¹, и Какутис³², и Андоматис³³, текущая из области индийского народа мандиандинов³⁴, (5) и после них — Амистис³⁵ возле города Катаду³⁶, и Оксиматис³⁷ у так называемых пазалов³⁸, и Эреннесис³⁹ в области матов⁴⁰, индийского племени, сливается с Гангом. (6) Из них, как говорит Мегасфен, ни одна не уступает Меандру⁴¹ там, где Меандр судоходен. (7) В ширину же имеет Ганг там, где он наиболее узок, до 100 стадий; во многих местах он разливается так, что противоположного берега и не видно, где он низок и не возвышаются никакие холмы. (8) С Индом случается то же самое. Гидраот же, вобрав в себя воды Гифасиса в области астрибов⁴², и Саранга⁴³ в области кекаев⁴⁴, и Сидра из области аттакенов⁴⁵, в краю камбистолов⁴⁶ впадает в Акесин⁴⁷. (9) Гидасп же, протекая по земле сидраков⁴⁸, слившись с Синаром⁴⁹ у ариспов⁵⁰, — и он впадает в Акесин. (10) Акесин же в области маллов⁵¹ сливается с Индом; и Тутап⁵² — большая река — также впадает в Акесин. Акесин же, наполнившись ими и сохранив название, сам под своим же именем впадает в Инд. (11) Кофен же, неся с собой воды Маламанта⁵³, и Соаста⁵⁴, и Гаройи⁵⁵, в Певкелаитиде впадает в Инд. (12) Помимо них Паренн⁵⁶ и Сапарр⁵⁷, недалеко отстоящие друг от друга, впадают в Инд. В него впадает и Соан⁵⁸, вытекающая из гористой области абиссареев⁵⁹ без единого притока. Мегасфен же говорит, что многие из них судоходны. (13) Относительно Инда и Ганга не нужно сомневаться в том, что ни Истр, ни воды Нила не сравнимы с ними. (14) Мы не знаем ни одной реки, впадающей в Нил, но — прорытые от него по египетской земле каналы. (15) Истр же у истоков мал, он вбирает в себя воды многих рек, но по величине они не равны индийским рекам, которые впадают в Инд и Ганг, судоходны же совсем немногие, из таковых я знаю Эн и Сава⁶⁰. (16) Эн смешивается с Истром на границе Норика⁶¹ и Реция, а Сава — у пеонов. Место же, где реки сливаются, называется Таврун. Если кто-либо знает и другую судоходную реку из впадающих в Истр, то знает он их немного⁶².

(1) Если же кто-то захочет объяснить причину многочисленности и величия рек индов, пусть толкует; мною же и это будет описано со слухов. (2) Действительно, Мегасфен сообщает названия и многих других рек, которые за Гангом и Индом впадают в Восточное и Южное моря, говорит, что всего в Индии 58 рек, все из которых судоходны. (3) Но, как мне кажется, Мегасфен не обошел и большей части земли индов, однако же больше, чем ходившие с Александром, сыном Филиппа; говорит, что бывал у Сандракотта⁶³, величайшего царя индов, и Пора⁶⁴, еще более великого, чем тот. (4) Этот самый Мегасфен говорит, что ни на одного человека инды не ходили войной, ни другие люди на индов; (5) даже Сесострис⁶⁵, египтянин, покоривший большую часть Азии, проведший войско вплоть до Европы, повернул назад; (6) и скиф Иданфирс, выйдя из Скифии, покорил большую часть народов Азии и покорил землю египтян. (7) Ассириянка Сеимримада⁶⁶ собиралась отправиться на индов, однако умерла до того, как осуществить свои желания. Один только Александр ходил походом на индов. (8) Ходит много рассказов о том, что до Александра Дионис ходил на индов и покорил их; о Геракле же немного рассказов. (9) Значительным свидетельством о походе Диониса является город Ниса, и гора Мерос, и плющ, который на этой горе растет, да и сами инды, идущие в бой под тимпаны и кимвалы, и пестрая их одежда, как у дионисийских вакхантов. (10) О Геракле же немного напомним. То, что Геракл оказался неспособен взять скалу Аорн, которую силой покорил Александр, мне кажется македонским бахвальством, как и то, что македоняне называли Кавказом Парапамис, хотя тот никакого отношения к Кавказу не имеет. (11) Придумав какую-то пещеру в Парапамисадах, они объявили ее пещерой титана Прометея, в которой он был подвешен за кражу огня. (12) Когда же у сибов⁶⁷, индийского племени, увидели, что сибы носят шкуры, они заявили, что сибы являются остатками войска Геракла: сибы и дубины носят, и на быках палицу выжигают: и наносили их в память о палице Геракла. (13) Если все это верно, то этот Геракл должен быть другим, не фиванским: или тирийским, или египетским, или каким-то великим царем из областей, лежащих недалеко к северу от земли индов.

(1) Все это да будет в моем рассказе отступлением в область недостоверного, рассказанного некоторыми о землях за рекой индов Гифасисом. Рассказы же принимавших участие в походе Александра об областях до Гифасиса не внушают доверия. (2) Ведь то же самое говорит и Мегасфен об индийской реке, Сила ей имя, течет она из одноименного реке источника через страну силеев, названных так по имени реки и источника; (3) вода в ней такова, что нет ничего, что бы на ней держалось, оставалось на поверхности и плыло, но все идет ко дну: вода эта самая легкая из всех и самая прозрачная. (4) Летом земля индов орошается дождями, особенно горные области, Парапамис, Эмод и Имай, и с них текут большие мутные реки; орошается дождями летом и долина индов, так что большая часть заболачивается⁶⁸. (5) Войско Александра пустилось в бегство, когда в середине лета воды Акесина вышли из берегов на равнину. (6) Так

что от этого можно доказать, что подобное явление на Ниле возможно, когда летом в горах Эфиопии идут дожди и переполненный от них Нил изливается через берега на египетскую землю. (7) И он течет мутным в это время года, каковым бы он не тек ни от таяния снега, ни если бы летней порой дующие сезонные ветры подняли в нем воду. Впрочем, из-за жары горы в Эфиопии не покрыты снегом. (8) Так что сравнение с тем, как дожди идут в Индии, вполне допустимо, да и в остальном земля индов похожа на Эфиопию: реки индийские, подобно Нилу эфиопскому и египетскому, рожают крокодилов, есть же в них и рыбы, и другие чудовища, что и в Ниле, кроме «речной лошади», Онесикрит же говорит, что и «речных лошадей» рожают. (9) Внешний вид людей — индов и эфиопов — также несильно отличается. Живущие к югу инды более всего похожи на эфиопов: они черны на вид, и волосы у них черные, кроме того, что не так курносы и кучерявы, как эфиопы. Те же, кто живет севернее, весьма похожи телом на египтян.

Глава 7

(1) Мегасфен говорит, что всего в Индии 118 народов. В том, что в Индии много народов, я и сам соглашаюсь с Мегасфеном, но точно не могу представить, как он мог узнать то, что написал: он не обошел большей части земли индов, да и общения друг с другом между всеми народами нет. (2) Некогда инды были кочевниками, как те из скифов, которые не занимаются земледелием, но, странствуя в своих повозках по Скифии, живут то здесь то там, не живя в городах и не воздавая почести богам. (3) Так же и у индов — ни городов не было, ни жертвы богам не приносились, но одевались в шкуры зверей, которых убивали, и питались древесной корой. Называются же деревья эти на языке индов «тала»⁶⁹, и растут на них, как на верхушках финиковых пальм, плоды, похожие на комки свалянной шерсти. (4) Питались также зверьем, какое удавалось поймать, поедая мясо сырым, до тех пор пока в землю индов не пришел Дионис. (5) Когда же пришел Дионис, он стал правителем индов, основал города и установил городам законы, даровал индам вино также, как эллинам, научил засевать землю, дав семена; (6) или Триптолем до нее не дошел, когда Деметра послала его засеять всю землю, или до Триптолема этот некий Дионис, обойдя землю индов, дал им семена культурных растений. (7) Дионис первым запряг в плуг быков, и сделал многих индов из кочевников земледельцами, и снабдил их воинскими доспехами. (8) И научил Дионис почитать других богов, а более всего — самого себя, ударяя в кимвалы и тимпаны, и обучил сатирической пляске, называемой у эллинов «кордакс», (9) и показал, что в честь бога нужно отращивать волосы и носить тюрбан, научил пользоваться благовонными маслами; так что еще против Александра инды шли в бой под кимвалы и тимпаны.

Глава 8

(1) Уйдя же из земли индов, когда в ней все было приведено в порядок, поставил царем страны Спатембу, одного из своих товарищей, самого буйного; когда же умер Спатемба, царская власть перешла к Будии, его сыну. (2) Отец

царствовал над индами 52 года, сын — 20. И перешла царская власть его сыну Крадэве; (3) и с той поры переходит царская власть по большей части по наследству, передаваясь от отца сыну; если же род прерывался, то вручалась царская власть над индами по благородству. (4) Есть предание о том, что Геракл, который приходил к индам, у самих же индов и был рожден. (5) Этого Геракла более всего почитают у сурасенов⁷⁰, индийского народа, где есть два крупных города: Метора⁷¹ и Клейсобора⁷², и судоходная река Иоманес⁷³ течет через их землю; (6) Мегасфен говорит, что, как рассказывают сами инды, одежда, которую носил тот Геракл, была похожа на [одежду] Геракла Фиванского. И родилось у него множество детей мужского пола в земле индов, ведь и этот Геракл вступал в брак со многими женщинами, дочку же родил всего одну. (7) Имя девочки было Пандайя, и страна, в которой она родилась и править которой ей поручил Геракл, называется Пандайя по имени девочки. Ей также досталось от отца 500 слонов, 4000 лошадей и 13 000 пехотинцев. (8) Вот еще что некоторые из индов рассказывают о Геракле: он, обойдя всю землю и море и вычищая от всякого зла, нашел в море новый вид женского украшения, (9) который те, что доставляют нам товары из страны индов, до сего дня охотно покупают и вывозят. И наиболее богатые и удачливые — раньше из эллинов, а теперь из римлян — с еще большей охотой покупают «морские маргариты», как это называется на языке индов⁷⁴. (10) Геракл же, так как ему понравилось это украшение, собрал со всего моря эти маргариты в землю индов, чтобы служили его дочери украшением. (11) И говорит Мегасфен, что за их раковинами охотятся сетями, живет же в море по многу раковин вместе, как пчелы. И есть у этих маргарит царь и царица, как у пчел. (12) И если кто-либо его [царя] случайно поймает, то и весь рой маргарит легко изловит, если же царь от него ускользнет, то не поймать ему и остальных. Поймавшим нужно подождать, пока у маргарит не сгниет мякоть, а костяшкой пользоваться как украшением. (13) У индов маргариты стоят в три раза дороже, чем чистое золото; и оно в земле индов добывается.

Глава 9

(1) В той стране, где царствовала дочь Геракла, женщины в семь лет вступают в брачный возраст, мужчины же живут самое большее до 40 лет. (2) И об этом передают у индийцев следующий рассказ: так как дочь Геракла родилась, когда он был уже старый, и не было достойного мужа, которому он отдал бы свою дочь, почувствовав приближение смерти, он сам соединился с дочерью, которой было 7 лет, чтобы оставить от себя и нее род, царствующий над индами. (3) Сделал ее Геракл готовой к браку; и с той поры весь этот род, который основала Пандайя, имел это право от Геракла. (4) Мне же кажется, что если Геракл был способен сотворить такие удивительные вещи, то мог бы пожить и подольше, чтобы сойтись с более взрослой дочерью. (5) Если же то, что говорят о возрасте тамошних девочек, достоверно, то, как мне кажется, это согласуется с тем, что говорят о возрасте мужчин, что самые старые из них умирают сорокалетними. (6) Так как старость у них приходит настолько быстрее и смерть вслед за старостью, то и расцвет в соответствии с концом наступает быстрее. (7) Так что 30-летние мужчины у них вступают в старость, те же, кому исполнилось 20, выходят из юношеского возраста, самая цветущая пора падает на 15-летний воз-

раст; соответственно и брачный возраст их женщин падает на 7 лет. (8) Ведь, как написал этот самый Мегасфен, и плоды в этой стране созревают и портятся быстрее, чем где бы то ни было. (9) От Диониса до Сандрокотта инды насчитывают 153 царя, лет же 6042; за это время всего трижды они становились свободными... другой раз 300 лет, третий — 120. (10) Инды говорят, что Дионис старше Геракла на 15 поколений; никто другой не вторгался в землю индов с войной, ни Кир, сын Камбиза, хотя он и ходил на скифов, и вообще Кир стал самым предприимчивым царем во всей Азии. (11) Но пришел Александр и покорил силой оружия все те народы, которые прошел, и покорил бы всех, если бы пожелало войско. (12) И ведь никогда ни один из индов из чувства справедливости не ходил за пределы родины войной.

Глава 10

(1) Рассказывают еще вот что: что инды никогда не ставят памятников умершим, но полагают достойными памяти умерших великие доблести мужей и в честь них слагают гимны. (2) Невозможно указать точного числа индийских городов из-за их многочисленности, но те, которые стоят на берегах рек или моря, те строят из дерева, (3) так как иногда постройки из кирпича не выдерживают воды, идущей с неба, и от того что реки у них, выходя из берегов, заполняют водой равнины. (4) Те же, кто живет в возвышенных или гористых местах, к тому же лишенных растительности, строят дома из кирпича и глины. (5) Самый же крупный город у индов называется Палимботра, [он находится] в земле прасиев⁷⁵, у слияния рек Эраннобоаса и Ганга; так как Ганг — крупнейшая из рек, Эраннобоас — третья из индийских рек, но и он больше, чем где бы то ни было, но сам уступает Гангу, когда вливает в него свои воды. (6) Мегасфен говорит, что город имеет длину с каждой из двух сторон, где она выстроена длиннее всего, до 80 стадий, ширину же до 50. (7) Город окружает ров шириной в 6 плевров⁷⁶, его глубина — 30 локтей; имеется башен — 570 на стене и ворот — 64. (8) И что еще замечательного есть в земле индов, так это то, что все инды свободны и нет ни одного инда-раба. (9) В этом лакедемоняне и инды похожи. Для лакедемонян рабами являются илоты, и они выполняют все рабские работы, у индов же ни кто-либо чужой не является рабом, ни кто-либо из индов.

Глава 11

(1) Делятся же все инды по большей части на семь разрядов. Первым из них являются софисты, числом из всех наименьший, славой и почетом наиболее выдающийся; (2) у них нет необходимости ни заниматься телесным трудом, ни вносить от своих трудов в общину; и нет у софистов вообще никакой другой обязанности, кроме как приносить жертвы богам за общину индов; (3) если же кто-либо приносит жертву частным образом, кто-либо из софистов руководит его жертвоприношением, чтобы, принося в жертву, не ублажил богов не так, как следует. (4) Одни они из индов сведущи в гадании, никому не позволено гадать, разве только ученому мужу. (5) Гадают же они о временах года, и не ожидает ли общину что-нибудь дурное; давать частные предсказания у них не

полагается, чтобы не опускалось гадание до мелких или если недостойно за них браться. (6) Тот же, кто трижды ошибется в гадании, ничего дурного с ним не случается, кроме того что в дальнейшем должен хранить молчание; и ничто не заставит такого мужа, осужденного на молчание, произнести звук. (7) Эти софисты жизнь проводят нагими, зимой — под открытым небом на солнце, летом же, когда солнце печет, на лугах и в низинах под огромными деревьями, тень вокруг которых, как говорит Неарх, достигает 5 плетров, и в тени одного дерева может укрыться 10 000 человек: таковы эти деревья. (8) Питаются же спелыми плодами и корой деревьев, так как кора сладка и питательна не меньше, чем плоды финиковой пальмы. (9) Вторыми же у них являются земледельцы, эти числом — наибольшие из индов. У них нет ни воинского оружия, ни военными делами им заниматься не положено, но они возделывают землю и вносят налоги царям и городам, которые самоуправляемы. (10) И если у индов случается война между собой, закон у них не позволяет захватывать землю возделывающих ее, ни делить эту землю, но одни ведут войну и убивают друг друга, как придется, другие же рядом с ними в безопасности пашут, или собирают плоды, или подрезают побеги, или жнут. (11) Третьими у индов являются овчары, пастухи и волопасы; и они не живут ни в городах, ни в деревнях, но являются кочевниками и живут по горам. От своих стад они вносят налог и охотятся по стране на птиц и диких зверей.

Глава 12

(1) Четвертый разряд — ремесленный и торговый. Они работают на общину и вносят налог от трудов своих, кроме тех, что изготавливают воинское вооружение: эти еще и из казны получают плату. В этом классе есть кораблестроители и моряки, которые плавают по рекам. (2) Пятый разряд у индов — воины, по численности второй после земледельцев, пользующийся большой свободой и приятной жизнью. И занимаются они только военными делами; (3) оружие им делают одни, коней предоставляют другие, а прислуживают в лагере третьи, иные же заботятся о лошадях, и начищают оружие, и водят слонов, и приводят в порядок колесницы, и правят ими. (4) Сами же они, если нужно воевать, воюют, в мирное же время наслаждаются приятной жизнью; а им поступает из казны такая плата, что и других от нее с легкостью кормят. (5) Шестыми у индов являются так называемые надзиратели. Они наблюдают за тем, что происходит в сельской местности и в городах, и докладывают это царю, где инды управляют царями, или властям, где существует самоуправление. Закон им не позволяет сообщать никакие ложные сведения, да и никто из индов не был обвинен во лжи. (6) Седьмыми являются те, кто вместе с царем или властями городов, которые являются самоуправляемыми, советуется по общим делам. (7) Этот разряд числом небольшой, но мудростью и справедливостью из всех считается наивысшим. Оттуда выбираются у них начальники и поставляются наместники, коневоды, казначеи, интенданты, флотоводцы, а также хозяйственные руководители и управители земледельческих работ. (8) Закон не позволяет брать в жены из другого разряда, например земледельцу из ремесленного и наоборот. Ни двумя ремеслами одному и тому же [человеку] этот закон заниматься не позволяет, ни переходить из одного разряда в другой, например стать земледельцем из

овчаров или овчаром из ремесленного. (9) Из любого разряда у них можно стать только софистом, так как не легки труды у софистов, но тяжелее всех.

Глава 13

(1) Охотятся же инды на всяких диких зверей, подобно эллинам, но охота на слонов у них не похожа ни на что, так как и само это животное ни на каких других зверей не похоже. (2) Выбрав ровное место на самом солнцепеке, окапывают по кругу ров так, чтобы можно было разместиться большому лагерю. В ширину делают ров в пять оргий⁷⁷, глубиной же в четыре. (3) Выкопанной землей из канавы, насыпав ее на каждой из сторон рва пользуются вместо стен, (4) сами же на краю под насыпью с внешней стороны рва делают себе выкопанные укрытия и в них оставляют щели, через которые к ним проникает свет, и они наблюдают за приближающимся и входящим в ограду зверем. (5) Затем, поместив внутри ограды трех-четырех самок, которые лучше всего приручены, оставляют один вход через ров, перекрыв его мостом; и кладут на него побольше земли и травы, чтобы для зверей мост был невидим и чтобы они не заподозрили никакого подвоха. (6) Сами же они держатся в стороне, разойдясь по укрытиям подо рвом. Дикие же слоны днем не приближаются к домашним, а ночью они бродят повсюду, пасутся стадом, следуя самому крупному и сильному, как коровы за быками. (7) Когда они приблизятся к ограде, слыша голос самок и чувствуя запах, несутся бегом в огороженное место; обойдя ров по краю и наткнувшись на мост, по нему бросаются в загон. (8) Люди же, поняв, что дикие слоны вошли в загон, одни быстро разбирают мост, другие отправляются бегом в близлежащие деревни сообщить, что в загоне имеются слоны; (9) они же, услышав об этом, седлают самых смелых и послушных слонов, оседлав же их, направляются в загон; прибыв, не сразу ввязываются в битву, но выжидают, пока дикие слоны страдают от голода и жажды и поработятся. (10) Когда им покажется, что они уже слабы, то, снова положив мост, гонят их в загон, и там сначала разгорается жаркая битва между домашними слонами и пойманными, а затем те, сломленные страхом и голодом, естественно, покоряются. (11) Люди же, спешившись, связывают нижнюю часть ног оставшимся в живых диким слонам, затем приказывают домашним умирять их многими ударами, до тех пор пока те, обессилив, не упадут на землю. Встав рядом, набрасывают им на шею петли, а сами седлают их лежащими. (12) Чтобы он не сбросил седока и не причинил ему какого-нибудь еще вреда, им по кругу подрезают острым мечом шею, и петлю обвязывают по ране, чтобы голову и шею из-за раны держал неподвижно. (13) Если же в порыве ярости [слон] начнет вертеться, веревка будет натирать рану. Так вот удерживают их неподвижными, а те, уже смирившись, идут на привязи за домашними.

Глава 14

(1) Если же кто из них слишком молод или из-за дурного характера не заслуживает того, чтобы ими владеть, тем позволяют уйти в их родные места. (2) Пойманным же и отведенным в деревни сначала дают поест зеленого тростника и травы, (3) они же от страха есть ничего не хотят, инды же, став вокруг

них, поют песни, ударяя в кимвалы и тимпаны по кругу и исполняя песни, успокаивают животных. (4) В самом деле, слон умен, как никакое другое животное. Некоторые из них, подняв своих убитых в бою седоков, сами относили в могилу, некоторые защищали лежачих, иные подвергались опасности за павших; один же, убив в гневе седока, умер от раскаяния и горя. (5) И сам я видел, как один слон ударял в кимвалы, а другие танцевали: два кимвала были привешены к передним ногам кимвалиста и еще один к так называемому хоботу; (6) он по очереди ударял хоботом в такт по кимвалу на каждой ноге, танцевавшие же вокруг водили хоровод: они ходили, поднимая и сгибая по очереди передние ноги в такт, который задавал им слон, игравший на кимвалах. (7) Спаривается слон весной, подобно быку или лошади, когда открывающиеся на висках у самок отверстия издают особый запах; вынашивают мелких [детенышей] 16 месяцев, крупных же — 18. Рожает же слониха одного, как и лошадь, и выкармливает его молоком до 8 лет. (8) Живут же самые старые из слонов до 200 лет, многие же из них из-за болезни умирают ранее; но могут и до такой старости дожить. (9) В качестве лекарства для глаз им вливают коровье молоко, против других болезней используют красное вино, раны же закрывают жареной свиной — таковы у индов лекарства для слонов.

Глава 15

(1) Инды считают, что тигры намного сильнее слонов. Нearch говорит, что видел тигриную шкуру, но самого тигра не видел; но сами инды рассказывают, что величиной тигр равен самой крупной лошади, а силой и быстротой ни на кого другого не похож; (2) когда тигр сойдется со слоном, то, вскочив слону на голову, легко [его] душит. (3) Те же, которых мы видим и называем тиграми, — полосатые шакалы, более крупные, чем остальные шакалы. (4) Что же до того, что Нearch говорит о муравьях, то муравьев он не видел, каковые, как писали некоторые, водятся в земле индов, видел же их многочисленные шкуры, принесенные в македонский лагерь. (5) Мегасфен же говорит, что рассказ о муравьях достоверен в том, что те выкапывают золото, но не ради самого золота, но копают по своей природе, чтобы спрятаться в норе, подобно тому, как и наши маленькие муравьи понемногу копают землю. (6) Те же, будучи больше лис, и землю роют сообразно со своей величиной; земля же золотоносна, и от этого у индов происходит золото. (7) Но Мегасфен передает слухи, я не буду добавлять что-либо более достоверное этого и охотно заканчиваю рассказ о муравьях. (8) Нearch, как о каком-то чуде, сообщает о попугаях, что водятся в земле индов, и что за птица этот попугай, и что издает человеческие звуки. (9) Сам я, так как многих [попугаев] видел и знаю, что и другие [этих] птиц видели, конечно, не буду ничего рассказывать, как о диковинке: ничего о величине обезьян, или что у индов водятся красивые обезьяны, ни о том, как они охотятся, рассказывать не буду. Ведь рассказал бы я общеизвестное, кроме, разве что, того, что обезьяны красивы. (10) Нearch говорит, что и на змей охотятся, пестрых и быстрых, величиной же каковых, как он говорит, поймал Пифон, сын Антигена, в 16 локтей. Сами же инды говорят, что змеи водятся, и гораздо крупнее этих. (11) Врачи же эллинские не нашли никакого лекарства для того, кто был укушен индийской змеей, сами же инды лечат укушенных. И к этому добавляет Нearch, что Алек-

сандр собрал вокруг себя индов, наиболее искушенных во врачебном деле, и объявил по лагерю, что, кто будет укушен, да идет к палатке царя. (12) Они же самые врачевали и другие болезни и немощи. Впрочем, среди индов напастей немного, так как климат там умеренный; если же приключится что-либо серьезное, спрашивают совета у софистов, а те, не без помощи божества, лечат то, что излечимо.

Глава 16

(1) Одеждой же инды пользуются льняной, как говорит Неарх, из льна, растущего на деревьях, о которых мною уже было сказано. Этот лен светлее по цвету всякого другого льна, или, так как сами они черны, кажется, что и лен светлее. (2) Есть у них и льняные хитоны до середины голени, платье же, перебросив вокруг плеч, наматывают на голову. (3) Те инды, которые очень богаты, носят серьги из слоновой кости; не все инды [их] носят. (4) Неарх говорит, что инды красят бороды в самый разный цвет: одни в как можно более светлый, чтобы казаться светлыми, другие в темный, у одних [они] багряные, у других пурпурные, у третьих зеленые; (5) те, кто наиболее знатны из индов, летом носят зонтики. Сандалии носят из светлой кожи, и они особенно тщательно сделаны: подошва сандалий украшена резьбой и приподнята, чтобы казаться выше. (6) Оружие индов бывает разного вида: те, кто у них пехотинцы, носят лук, равный по длине носящему его; поставив его вниз на землю и упершись левой ногой, стреляет, далеко оттянув тетиву; (7) стрелы же у них немногим меньше трех локтей, и ничто не выдерживает удар стрелы, пущенной индийским лучником: ни щит, ни панцирь, ни что-либо более крепкое, если бы нашлось. (8) В левой руке у них легкий щит из бычьей кожи: они или уже, или имеют ширину щитоносца, в длину же немногим меньше. (9) У других вместо луков копья. Все носят мечи — широкие, в длину не меньше трех локтей; и когда им приходится вступить в рукопашный бой — что у индов между собой не часто случается, — удар наносят двумя руками, чтобы удар получился сильнее. (10) Всадники имеют при себе два копья, это копья метательные, и легкий щит меньших размеров, чем у пехотинцев. Лошади у них не оседланы, да и не взнуздывают их, подобно эллинским взнузданным или кельтским; (11) край лошадиной морды обмотан сшитой бычьей кожей, через которую проходит медное или железное стрекало, не очень острое, у богатых же стрекало из слоновой кости; в пасти же у лошади имеется железка — такой стержень, к которому прикреплены поводья; (12) когда поводья натягивают, стержень сдерживает лошадь, а стрекало, к нему прикрепленное, колет и не оставляет ничего, как только повиноваться поводьям.

Глава 17

(1) Телом же инды худы и высоки и гораздо легче всех остальных людей. Для переездов многим индам служат верблюды, и лошади, и ослы, богатым же — слоны. (2) Животным для переездов царя является у индов слон, на втором месте по почету находится четверка коней, на третьем — верблюды. Ездить на одном коне считается малочетным. (3) Женщины же у них, которые очень

скромные, ни за какую другую плату не уклонятся от добродетели, но, получив слона, женщина сходится с дарителем; сойтись за слона инды не считают никаким позором, но женщинам кажется почетным, если ее красота достойна слона. (4) При вступлении в брак они ничего не дают и ничего не берут, но тех, которые достигли брачного возраста, отцы, выведя на всеобщее обозрение, дают выбрать победителю в кулачном бою, или борьбе, или беге, или явившему какое-либо другое доказательство мужества. (5) Инды едят хлеб и пахут землю — те из них, которые не живут в горах: эти питаются мясом диких животных. (6) Те наиболее известные сведения, что сообщили два славных мужа — Неарх и Мегасфен, мне кажутся достаточными [для рассказа] об индах; (7) так как моей целью не является описание обычаев индов, но то, как прошел переход Александра в Персию из [земли] индов, все это да будет отступлением от моего рассказа.

Глава 18

(1) Александр же, когда флот на берегах Гидаспа был для него приготовлен, собрал всех финикийцев, критян и египтян, которые участвовали с ним в этом походе, и набрал из них экипаж для кораблей, выбрав наиболее сведущих в морских делах среди них матросами и гребцами. (2) Было в войске немало и островитян, которые занимались этим делом, ионийцев и жителей Геллеспонта. (3) Командирами кораблей им были назначены из македонян Гефестион, сын Аминтора, и Леоннат, сын Эвна, и Лисимах, сын Агафокла, и Асклепиодор, сын Тимандра, и Архонт, сын Клиния, и Демоник, сын Афенея, и Архий, сын Анаксидота, и Офелл, сын Силена, и Тимант, сын Пантиада. Все они пеллейцы; (4) из Амфиполя [корабли] вели следующие: Неарх, сын Андротима, который описал все, что случилось в ходе плавания, и Лаомедон, сын Лариха, и Андросфен, сын Каллистрата; (5) из Орестиды — Кратер, сын Александра, и Пердикка, сын Оронта. Эордийцы же — Птолемей, сын Лага, и Аристон, сын Писия. Из Пидны же — Метрон, сын Эпихарма, и Никархид, сын Сима. (6) Кроме того, Аттал, сын Андромена, тимфеец, и Певкест, сын Александра, миезец, и Пейтон, сын Кратея, алкоменеец, и Леоннат, сын Антипатора, эгеец, и Пантавах, сын Николая, алорец, и Миллей, сын Зоила, бероец. (7) Из эллинов были: Медий, сын Окситемида, из Лариссы, Евмен, сын Иеронима, из Кардии, Критобул же, сын Платона, косец, и Тоас, сын Менодора, и Меандр, сын Мандрогена, магнезиец, Андрон, сын Кабелея, теосец. (8) Из жителей Кипра же были: Никоклей, сын Пасикрата, солиец, и Нитафон, сын Пниагора, саламинец. Был же у него командиром корабля и один перс, Багой, сын Фарнуха. (9) Командиром корабля самого Александра был Онесикрит, астипалеец, описывал же весь поход Эвагор, сын Эвклелона, коринфеец. (10) Флотоводцем же над всеми ними был поставлен Неарх, сын Андротима, родом же Неарх с Крита, жил, однако, в Амфиполе на Стримоне. (11) Как только все было устроено Александром, он принес жертвы отеческим богам и тем, что были назначены оракулом, и Посейдону, и Амфитрите, и Нереидам, и самому Океану, и реке Гидаспу, от которой отправился в путь, и Акесину, в который впадает Гидасп, и Инду, в который впадают обе реки; (12) им были устроены музыкальные и гимнастические соревнования, и жертвенные животные были розданы по всему войску по подразделениям.

(1) Когда у него все было приготовлено к отплытию, он приказал Кратеру идти с пехотой и конницей по одному берегу Гидаспа; по другому берегу шел Гефестион с другим войском, еще более многочисленным, чем то, которое было придано Кратеру. Гефестион вел с собою и слонов, которых было у него до 200. (2) Сам Александр вел с собою так называемых щитоносцев, всех лучников и так называемых гетайров из всадников; всего около 8000 человек. (3) Тем, что шли с Кратером и Гефестионом, было приказано, чтобы они, выдвинувшись вперед, дожидались флота. (4) Филиппа же, который был у него сатрапом этой страны, он отправил к берегам реки Акесина с большим войском. (5) За ним уже следовало 120 000 воинов, включая тех, кого он сам увел с моря, а также и тех, которые потом привели с собою посланные для набора войска; он вел с собой разные варварские народы, вооруженные каждый своим оружием. (6) Сам Александр, выйдя на кораблях, прошел вниз по Гидаспу вплоть до места слияния Гидаспа и Акесина. (7) Всего у него было 800 кораблей: как больших, закругленных кораблей, так и других для перевозки лошадей, на которых везли провиант для войска. (8) О том, как прошел у него поход по рекам, столько во время этого плавания он покорил народов, как у маллов он сам подвергся опасности, о ране, нанесенной ему у маллов, как Певкест и Леоннат прикрыли его своими щитами, когда он упал, — все это уже рассказано мною в другом сочинении, написанном на аттическом наречии. (9) Моей же целью является рассказ о плавании, которое совершил Неарх, двинувшись от места впадения Инда по Великому морю вплоть до Персидского залива, который некоторые иные называют Эритрейским морем.

(1) Неарх об этом передает следующий рассказ: у Александра было желание переплыть море от индов до Персидского моря, (2) но он боялся длительности плавания и того, как бы не попасть в какую-нибудь пустынную страну с неудобными пристанями и не имеющую нужного количества еды; тогда флот его мог бы погибнуть, и он не хотел, чтобы это прискорбное пятно, павшее на его великие деяния, уничтожило славу его счастливо проведенных подвигов; но в нем победило желание делать всегда что-либо новое и необычное. (3) Он был в недоумении, кого выбрать такого, кто был бы способен к выполнению задуманного им плана, и вместе с тем как бы рассеять страх в назначенных на суда людях, отправляемых в такую экспедицию. (4) Неарх говорит, что Александр советовался с ним самим, кого назначить руководить походом. То одни то другие приходили на ум, но [он] отвергал их как не желавших подвергаться риску: одних как малодушных, других как охваченных тоской по дому, иных потому, что имели то одни то другие слабости; (5) тогда [Неарх] сам, вызвавшись, сказал: «О царь, я сам возьму на себя командование походом и, если божественная сила поможет, приведу тебе невредимыми корабли и людей до персидской земли, если только море там судоходно и само дело для человеческого рассудка не является неисполнимым». (6) Александр же, по его словам, казалось, не хотел подвергать таким трудностям и такому риску кого-либо из своих друзей, сам же

он, напротив, не ослаблял [своей просьбы], но еще больше настаивал. (7) Наконец, Александр, восхищенный готовностью Неарха, обнял его и назначил его командовать всем флотом; (8) и тогда войско, которое было назначено для этого похода, и весь экипаж кораблей успокоился, потому что Александр никогда не послал бы Неарха на явную опасность, если бы не позаботился о том, чтобы они остались невредимыми; (9) совершенный блеск приготовления, оборудование кораблей, поразительная заботливость начальников — триерархов — о гребцах и экипаже обратили настроение нерешительных в уверенность и твердую надежду на то, что все дело окончится вполне благополучно. (10) Особенно много придавало уверенности войску то обстоятельство, что сам Александр вышел в море через оба устья Инда, что он заклал жертвы Посейдону и другим морским богам и что были принесены щедрые дары морю. (11) И кроме того, они говорили, что при невероятном счастье Александра они убеждены, что нет ничего того, на что бы он не мог решиться и не мог бы выполнить.

Глава 21

(1) Когда прекратились этесийские ветры, которые, дуя в течение всего лета с моря на землю, тем самым делают невозможным плавание, тогда и двинулись в поход при афинском архонте Кефисодоре, в 20-й день месяца Боздромиона по афинскому счету, так же, как считают македонцы и азиаты, это был месяц Гипербет в одиннадцатый год царствования Александра. (2) Перед отправлением и Неарх принес жертвы Зевсу-спасителю и сам устроил гимнастические соревнования. Отойдя от пристани, в первый день причалили к большому каналу на Инде и оставались там два дня; это место называлось Стура; от стоянки оно отстояло стадий на 100. (3) На третий день, подняв якоря, они прошли тридцать стадий до другого канала, вода этого канала уже солоновата, так как море доходит до него, особенно во время приливов, и морская вода, смешанная с речной, остается здесь и во время отливов. Это место называлось Кавмана. (4) Пройдя отсюда вниз по течению еще 20 стадий, они пристали к Кореесте⁷⁸ все еще на реке. (5) Двинувшись отсюда, они проплыли немного: перед ними показались подводные скалы у впадения Инда в этом месте [в море], и волны бились о берег, а самый берег был каменист. (6) Там, где полоса рифов была более пологой, они, сделав канал в пять стадий, провели корабли, когда начался прилив с моря. (7) Пройдя 150 стадий, они пристали к песчаному острову Крокала и провели там следующий день. (8) Живет в этих местах индийское племя, называющееся арабии, которых я упомянул и в большем сочинении; я говорил, что название свое они получили от реки Арабиса⁷⁹, которая, протекая по их земле, впадает в море, служа границей между ними и племенем орейтов. (9) Из Крокал они поплыли дальше, имея по правую руку гору, которая у них называется Эйрон, по левую — плоский остров; этот остров тянется вдоль берега и образует узкий пролив. (10) Проплыв через него, они остановились в удобной для причаливания гавани. Так как эта гавань была большой и красивой, Неарх решил назвать ее гаванью Александра. (11) У устья этой гавани есть остров, отстоящий от него приблизительно на два стадия; остров называется Бибакта, а все место — Сангада; этот остров, лежащий перед морем, и образует гавань. (12) Там с открытого моря дули сильные и постоянные ветры; Неарх же, боясь, как бы кто-либо из варваров, собравшись толпой, не разграбил лагерь, обнес это место

каменной стеной. (13) На этой стоянке они пробыли 24 дня. Нearch рассказывает, что солдаты ловили морские ракушки и так называемую рыбу-меч необычайной величины, если сравнить ее с теми, которые встречаются в нашем море; и еще он говорит, что пили соленую воду.

Глава 22

(1) Как только прекратился ветер, они пошли дальше. Преодолев около 60 стадий, пристали к песчаному берегу. Возле берега был пустынный остров. (2) Воспользовавшись им как укрытием, они стали на якорь. Название этого острова — Домай. Воды на берегу не было, но они, пройдя в глубь материка приблизительно на 20 стадий, встретили хорошую воду. (3) На следующий день их плавание до Саранги на 300 стадий проходило ночью, и причалили к берегу, а была вода на расстоянии около восьми стадий от берега. (4) Отплыв оттуда, они пристали к Сакалам, пустынному месту. Затем, проплыв между двумя отвесными скалами, стоящими так близко одна от другой, что весла кораблей касались с той и другой стороны этих скал, они, пройдя около 300 стадий, пристали к Моронтобарам. (5) Гавань здесь большая, закругленная, глубокая и защищенная от волнений; но вход в нее узкий; ее на местном языке называли «Женской гаванью», так как какая-то женщина первой властвовала в этой местности. (6) Когда они проплыли между этими скалами, столкнулись с сильной волной и бурным морем; и подняться от этих скал в открытое море оказалось делом трудным. (7) На следующий день они поплыли дальше, имея слева какой-то остров перед открытым морем, так близко подходящий к берегу, что могло бы показаться, что между островом и берегом вырыт канал. Так они проплыли всего 70 стадий. На берегу было много густых деревьев, и остров был покрыт разнообразным лесом. (8) К рассвету они поплыли по узкому фарватеру вне защиты острова; мешал им еще и отлив моря. Проплыв до 120 стадий, они остановились в устье реки Арабиса; возле устья была большая и красивая гавань; питьевой же воды не было, так как вода Арабиса у устья смешивается с морской. (9) Тогда, пройдя 40 стадий в глубь материка, они встретили пруд и, набравши там воды, вернулись назад. (10) Около этой гавани был высокий и пустынный остров. Около него хорошо ловились ракушки и всякого рода рыба. До этих пор простирается область арабиев, крайних из живущих на этой стороне индов; отсюда уже идут орейты.

Глава 23

(1) Отплыв от устья Арабиса, они плыли вдоль страны орейтов; пройдя приблизительно 200 стадий, они остановились в Пагалах у морского берега; но для того, чтобы бросить якоря, место было удобное. Экипаж оставался на кораблях в открытом море, те же, кто сошли с кораблей, носили воду. (2) На другой день, двинувшись с рассветом и проплыв около 400 стадий, к вечеру они подошли к Кабане и стали у пустынного берега. Так как и здесь морской берег был скалистым, то корабли стали на якорь в открытом море. (3) Во время этого плавания сильный ветер с моря обрушился на корабли, и во время него погибли два боль-

ших корабля и легкое судно; люди спаслись вплавь, так как корабли плыли недалеко от земли. (4) Отчалив в середине ночи, они плыли вплоть до Кокал, которые от того берега, откуда они тронулись, отстоят на 200 стадий. Корабли оставались в открытом море на якоре, экипаж же Неарх, высадив на землю, разместил на отдых в лагере, так как все, сильно настрадавшись в море, жаждали передышки. Лагерь он укрепил стеною для защиты от варваров. (5) В этом месте Леоннат, которому от Александра было передано управление орейтами, в великой битве одолел орейтов и тех, кто помогал орейтам в этом деле. Он убил из них 6000, в том числе всех военачальников; из бывших с Леоннатом погибло 15 всадников, из пехотинцев несколько, немного, и Аполлофан, сатрап гадросиев. (6) Все это описано в другом сочинении, и как Леоннат за это был награжден Александром золотым венком перед македонцами. (7) Здесь по приказу Александра был заготовлен хлеб для войскового провианта, и в течение 10 дней хлеб загружали на суда. (8) Те корабли, которые во время плавания до этих мест получили повреждения, здесь были починены, а тех из матросов, которые показались Неарху на деле ленивыми и изнеженными, он дал Леоннату вести пешим строем; сам же пополнил свой флот солдатами, которые были с Леоннатом.

Глава 24

(1) Двинувшись оттуда, они плыли с попутным ветром и, пройдя около 50 стадий, пристали у бурной реки, которая называлась Томер⁸⁰. (2) При впадении этой реки в море было болото; низины у берега населяли люди, жившие в тесных хижинах. Когда они увидели подплывавших, они, изумившись, вытянувшись по берегу, выстроились, собираясь сражаться с выходящими на берег. (3) Они носили толстые копья, величиною в шесть локтей; однако наконечники не были железными, но острие у них было обожженным. Число их доходило до 600. (4) Когда Неарх увидел, что они стоят на месте и выстроились в боевом порядке, он велел кораблям стать на якорь на расстоянии полета стрелы так, чтобы стрелы с кораблей достигали земли; толстые же копья варваров были пригодны для ближнего боя, при бросании же они не представляли опасности. (5) Неарх, выбрав тех из солдат, которые были наиболее подвижны, и легче всего вооружены, и лучше умели плавать, велел им по условному знаку броситься в море; (6) им был дан приказ, чтобы каждый из них, бросившись в воду, встал в воде, ожидая стоящего рядом в строю и не нападая на варваров, пока фаланга не выстроится по три человека в глубину; тогда, подняв боевой клич, бегом идти на них. (7) И с тем как те, которые были для этого назначены, стали бросаться с кораблей в море, быстро плыли и выстроились в порядке; и построившись фалангой, они подняли военный клич в честь Эниалия и бегом двинулись на врага. Оставшиеся на кораблях подняли вместе с ними крик и стали пускать в варваров стрелы и снаряды из метательных орудий; (8) враги, испуганные блеском оружия и стремительностью атаки и поражаемые стрелами и другими снарядами, а они были ползунаги, не заняв оборону даже на короткое время, обратились в бегство. Одни из них во время бегства были убиты, другие взяты в плен; были и такие, кто убежал в горы. (9) Все тело у пленников и голова были покрыты густыми волосами, а ногти у них были как у зверей. Рассказывали, что этими ногтями они пользовались как железом, прокалывали и раздирали ими рыбу и разрезали ими

деревья, которые помягче; другие же деревья они рубили острыми камнями, так как у них не было железа. В качестве одежды они носили звериные шкуры, а некоторые — и толстые шкуры больших рыб.

Глава 25

(1) Тут греки вытащили корабли на сушу и починили те из них, которые были повреждены. На шестой день они отправились дальше и, пройдя около 300 стадий, прибыли в место, которое была крайним в земле орейтов; название этого места Малана⁸¹. (2) Орейты, которые живут на материке, вдали от моря, одеваются подобно индам и так же готовят военное снаряжение; язык же у них другой, и другие обычаи. (3) Длина этого плавания вдоль берегов страны арабиев — самое большее 1000 стадий с того места, откуда они отплыли, вдоль земли орейтов же — 1600. (4) Неарх говорит, что, когда они прошли землю индов, а отсюда индов более нет, тени у них не так отбрасываются; (5) но там, где они уходили далеко в море на юг, и сами тени, казалось, поворачивались на юг; когда же солнце держалось в середине дня, все у них казалось лишенным тени. (6) Те из звезд, которые раньше были видны высоко в небе, были совершенно невидимы, другие были видны у самой земли, те, которые раньше были видны постоянно, то заходили, то восходили вновь. (7) То, что написал Неарх, мне кажется правдоподобным, так как и в Сиене египетской, когда летом наступает время солнцеворота, показывают колодец, он в полдень не отбрасывает тени; в Мероз же все в это время лишено тени. (8) Вероятно, что и у индов, которые живут ближе к югу, имеет место то же самое явление, особенно вдоль Индийского моря, так как море у них тянется к югу. Ну да хватит об этом.

Глава 26

(1) За орейтами в глубине материка живут гадросии⁸², чью страну Александр с войском прошел с трудом и натерпелся стольких бед, сколько не испытал за весь поход. Все это мной описано в большем сочинении. (2) За пределами гадросиев, вдоль самого морского берега, живут так называемые ихтиофаги, мимо их страны и плыли. В первый день они, снявшись с якоря около второй стражи, прибыли в Багисары, пройдя около 600 стадий. (3) Там были удобная для причаливания гавань и деревня Пасира, отстоящая от моря на 60 стадий. Живут в ней пасирейцы. (4) На следующий день, выйдя в море еще раньше, они объехали какой-то мыс, сильно вдающийся в море, высокий и обрывистый; (5) выкопав колодцы и набрав немного плохой воды, они простояли этот день на якорях, потому что вдоль берега был сильный прибой. (6) На следующий день они добрались до Кольты, пройдя 200 стадий. Затем, отплыв рано утром и пройдя 300 стадий, они пристали в Калимах. У берега была деревня, вокруг нее росло немного финиковых пальм, и на них были еще зеленые плоды. На расстоянии 100 стадий от берега был остров, называвшийся Карнине. Там деревенские жители преподнесли Неарху в дар гостеприимства овец и рыбу; он говорит, что мясо овец было похоже на рыбу и мясо морских птиц, так как и сами они питаются рыбой,

ибо травы в стране нет. (8) На другой день они прошли 200 стадий и пристали к берегу. На 30 стадий от моря отстояла деревня, которая называлась Киса, а название берега было Карбис. (9) Здесь они нашли маленькие суда; такие суда бывают у бедных рыбаков, их самих они не застали, [ибо те ушли,] завидев приближающиеся суда. Хлеба там не было, и в войске чувствовался большой его недостаток, но, погрузив на корабли коз, так и отплыли. (10) Объехав высокий мыс, выдающийся в море стадий на 150, они остановились в спокойной гавани; тут была и вода и жили рыбаки. Название этой гавани было Мосарна.

Глава 27

(1) Неарх говорит, что с того места проводником в плавании был гадросец по имени Гидрак; Гидрак взялся довести их до Кармании. Дальнейшее плавание отсюда было уже нетрудно, но гораздо лучше известно вплоть до самого Персидского залива. (2) Отчалив от Мосарны ночью, они прошли 750 стадий до Баломского берега, а отсюда до деревни Барна 400 стадий; там было много финиковых пальм и сад. В саду росли мирты и другие цветы, из которых жители этого поселка плетут себе венки и гирлянды; там они в первый раз увидели культурные деревья и людей, ведущих не совсем звериный образ жизни. (3) Оттуда, пройдя 200 стадий, они остановились в Дендробосе⁸³; корабли остались на якорях в открытом море. (4) Поднявшись отсюда около полуночи, они прибыли к гавани Кофанта, пройдя около 400 стадий; (5) там жили рыбаки; суда у них были маленькие и плохие. Веслами они гребут не на уключинах, как принято у греков, но как в реке, быстро ударяя с той и другой стороны челнока по воде, подобно тем, которые вскапывают землю: в гавани воды было много, и вода была чистой. (6) Отчалив в первую стражу, они пристали к Киизам, пройдя почти 800 стадий; здесь берег был пустынный и с сильным прибоем. Поэтому они стали на якорь и готовили себе обед на кораблях. (7) Пройдя отсюда 500 стадий, они прибыли в какой-то маленький город, расположенный на холме, недалеко от берега. (8) Неарх, заметив, что страна хорошо возделана, сказал пеллейцу Архию, который был сыном Анаксидота, и плыл вместе с Неархом, и пользовался среди македонцев славой, ему он сказал, что местечко это надо взять; (9) по его мнению, добровольно войску хлеба не дадут, силой же его не взять, нужна осада и поддержка, у самих же чувствуется недостаток хлеба. То, что страна плодородна, видно по густому жнивью, которое они увидели недалеко от берега. (10) Прочим кораблям он приказал приготовиться как бы к плаванию, и Архий начал готовиться к плаванию; сам же он, оставшись с одним кораблем, отправился как бы для обзора города.

Глава 28

(1) Когда он подъехал к стенам, горожане дружелюбно вынесли ему из города дары гостеприимства: жаренных на сковородах тунцов — они живут последними из ихтиофагов, но являются первыми из них, кто не употребляет сырую пищу, — немного лепешек и фиников. (2) Он же сказал, что с радостью это принимает и что хотел бы осмотреть город; они разрешили войти. (3) Когда он

вошел в ворота, то велел двум лучникам удерживать их, сам же с двумя другими и переводчиком, взойдя на стену на этой стороне, дал бывшим с Архием сигнал, как было условлено; условлено же было дать знак и, получив ответ, выполнить приказ. (4) Увидев знак, македоняне быстро подвели корабли к берегу и со всей стремительностью попрыгали в воду; варвары, пораженные случившимся, побежали за оружием. (5) Переводчик же, бывший с Неархом, стал громко объявлять, чтобы они дали войску хлеба, если хотят сохранить город невредимым. Те же отрицали, что у них есть хлеб, и одновременно бросились к стене; но их оттеснили лучники, бывшие с Неархом, поражая их стрелами с более возвышенного места. (6) Когда они поняли, что город уже взят и поработен, они стали просить Неарха уйти, взяв, сколько у них было, хлеба, но не разрушать города. (7) Неарх велел Архию захватить ворота и стены вокруг них, а сам послал вместе с ними посмотреть, без обмана ли покажут хлеб. (8) Они показали много молотой муки из жареной рыбы, пшеницы и немного ячменя; и действительно, хлеб у них оказался из рыбьей муки, а хлебом из зерна они пользуются как приправой. (9) Когда они показали то, что у них было, то, запасшись провиантом из имевшегося, вышли в море и стали на якорь у мыса, который местные жители считали посвященным Солнцу; название этого мыса — Багия.

Глава 29

(1) Отчалив оттуда около полуночи, они проплыли около 1000 стадий до гавани Тальмена, имевшей удобную стоянку, оттуда они прошли стадий 400 до пустынного города Канасиды, где они натолкнулись на какой-то вырытый колодец и где росли дикие финики. Поели, разрезая сердцевины пальм, (2) ибо хлеб у войска закончился. И уже страдая от голода, плыли они день и ночь и пристали к пустынному берегу. (3) Неарх же, опасаясь, как бы, сойдя на берег, они не покинули корабли от малодушия, держал суда на якорях здесь в открытом море. (4) Отчалив оттуда, они причалили к Канате, пройдя около 750 стадий. Есть там и берег, и небольшие каналы. (5) Пройдя оттуда около 800 стадий, остановились в Таоях; там были маленькие и бедные деревни. Люди же побросали свои жилища, сами же они нашли немного хлеба и финиковых плодов. И убив семь оставленных верблюдов, насытились их мясом. (6) Отчалив на рассвете, они прошли 300 стадий и пристали к Дагасейре; там жили какие-то кочевники. (7) Отчалив оттуда, они, двигаясь без отдыха целую ночь и день, пройдя еще 1100 стадий, миновали народ ихтиофагов, много претерпев страданий из-за недостатка в необходимом. (8) К земле они не пристали, так как на большом расстоянии поднялось сильное волнение, а стали на якорь в открытом море; длина плавания вдоль страны ихтиофагов была немного больше 10 000 стадий. (9) Эти ихтиофаги питаются рыбой, потому и называются так; немногие из них занимаются рыбной ловлей; немногие строят для этой цели суда и знают искусство рыбной ловли; но большую часть дает им отлив. (10) Для этой цели они изготавливают сети, многие из них величиною до двух стадий; они плетут их из волокна финиковой пальмы, переплетая волокно, как лен. (11) Когда же море отойдет и земля обнажается, там, где земля остается сухой, на большей ее части рыбы нет; там же, где поглубже и останется немного воды, там-то и бывает очень много рыбы, много ее мелкой, но попадает и крупнее. Закинув сети, они ее вытаскивают.

(12) Поедают сырой, как только вытащат из воды, ту из них, что понежнее; ту, что покрупнее и пожестче, они сушат на солнце; когда эта рыба совершенно высохнет, они, размалывая ее, делают из нее муку и хлеб; а некоторые пекут из них лепешки. (13) Также и скот у них ест сухую рыбу, так как страна лишена лугов и не приносит травы. (14) Они ловят различными способами крабов, ракушки и багрянки; соль сама собой родится в этой стране...⁸⁴ и из них они делают масло. (15) Некоторые из них живут в пустынных местах, занимая страну, лишенную деревьев и культурных плодов, — для тех все питание заключается в рыбе. Немногие из них засевают маленькие участки земли и пользуются урожаем как приправой к рыбе, так как хлебом для них является рыба. (16) Дома же строят самые богатые из них следующим образом: когда море выбросит на берег кита, собирают его кости и пользуются ими как балками; и собирая более плоские кости, делают двери. Дома же большинство из тех, кто победнее, делают из рыбьих костей.

Глава 30

(1) В открытом море водятся огромные киты и гораздо более крупные рыбы, чем в нашем Средиземном. (2) Неарх же рассказывает, что, когда они шли из Кииз, на рассвете они увидели в море извергаемую вверх воду, как бы возносимую силой урагана. (3) Испуганные этим моряки спросили проводников на кораблях, что это было и отчего это явление; они же ответили, что киты, плывя по морю, выдувают воду вверх. У испуганных же гребцов из рук выпадали весла; (4) сам же Неарх, подойдя, обращался к ним со словами ободрения и воодушевления; и тем, мимо кого он проезжал, он приказывал повернуть корабли во фронт, как бы для сражения, и, поднявши боевой крик, грести с сильным шумом и страшным грохотом. (5) Так снова ободрившись, двинулись в тот же час по условному сигналу. Когда они уже приближались к животным, то подняли такой крик, насколько у них хватило голоса, затрубили в трубы и производили насколько возможно больший шум греблей. (6) Испуганные же киты, видневшиеся уже у самого носа судов, опустили в глубину и, немного позднее вынырнув за кормой, держались на поверхности и вновь выкинули вверх большую струю воды. (7) Тут среди моряков поднялся шум приветствий при этом неожиданном спасении, и раздавались похвалы смелости и мудрости Неарха. (8) Во многих местах, когда начинается отлив, некоторые из этих китов попадают захваченными на мелях; иных же выкидывают на сушу жестокие бури; там они загнивают и погибают, и когда их мясо, сгнив, отомрет и опадет, оставшиеся кости используются людьми для [постройки] домов. (9) Ребра их, те, которые побольше, служат для этих зданий балками, а те, что поменьше, стропилами; кости их челюстей — эти идут на двери, так как многие из этих китов достигают величины до 25 саженьей.

Глава 31

(1) Когда они плыли мимо страны ихтиофагов, то услышали рассказ о некоем острове, который лежит от этого материка стадий на 100 и на котором

никто не живет. (2) Местные жители говорили, что он посвящен солнцу и называется Носала и что никто из людей не хотел приставать к нему; а кто по неопытности подойдет к нему, тот становится невидимым. (3) Неарх рассказывает, что у них один легкий корабль с экипажем из египтян исчез недалеко от этого острова и что проводники плавания утверждали, что они, как и по неведению пристававшие к этому острову, стали невидимы. (4) Неарх послал 30-весельный корабль обойти вокруг этого острова, приказав не высаживаться на остров, но, проплывая вблизи него, громким криком вызывать людей, называя по имени кормчего и всякого другого, чье имя известно. (5) Так как никто не повиновался, он говорит, что сам поплыл на остров, заставив матросов отправиться к нему против их воли; он вышел на берег сам и доказал, что рассказы об острове — пустые сказки. (6) Он слышал об этом острове и другой передаваемый рассказ: будто на нем жила одна из Нереид; имени этой Нереиды не называли — со всяким, кто приближался к острову, она совокуплялась и затем, обратив его из человека в рыбу, выбрасывала в море. (7) Гелиос же, раздраженный на Нереиду, приказал ей переселиться с этого острова; и [она] согласилась с тем, что переселится, но просила, чтобы он освободил ее от проклятия. И Гелиос ей обещал; (8) тех же, которых она обратила в рыб из людей, он, пожалев, вновь из рыб обратил в людей; будто бы от них и дошел род ихтиофагов до Александра. (9) То, что они лживы, Неарх показал, а их и нетрудно в этом обличить; но я лично не хвалю его за задержку и мудрствование: я считаю жалким делом собирать эти старинные сказки и опровергать их как ложные.

Глава 32

(1) Выше ихтиофагов в глубь материка живут гадросии, занимая бедную и песчаную землю, там войско Александра претерпело много трудностей, да и сам Александр, как мною уже рассказано в другом сочинении. (2) Когда из страны ихтиофагов флот прибыл в Карманию, то там, где они сделали первую в Кармании остановку, они остались на якорях, так как далеко в море уходил каменистый риф. (3) Отсюда они уже плыли не к западу, а направляли по большей части носы кораблей между севером и западом. (4) Кармания богаче деревьями и плодами страны ихтиофагов и орейтов, в ней много травы и она обильна водой. (5) Они остановились в Бадисе, населенном месте Кармании, в котором росло много культурных деревьев, кроме оливковых, много хорошего винограда и к тому же хлебоносном. (6) Двинувшись оттуда и пройдя 800 стадий, они пристали к пустынному берегу, отсюда они увидели большой мыс, далеко вдающийся в море; этот мыс, казалось, отстоит на один день плавания; (7) люди, знающие эти места, говорили, что этот далеко выдающийся мыс принадлежит уже Аравии и называется Макета⁸⁵; что отсюда вывозится в Ассирию корица и другое такого же рода. (8) И от того берега, где на якорях стоял флот, и того мыса, который они видели по ту сторону выдающимся в море, простирается внутрь залива — так мне кажется и так же казалось Неарху, — образуя, вероятно, Эритрейское море. (9) Когда они увидели этот мыс, Онесикрит велел плыть на него, чтобы не нарваться бед, идя вдоль залива. (10) Но Неарх ответил Онесикриту, что он глуп, если не знает, для чего Александр снарядил эту экспедицию. (11) Не потому ведь, что ему трудно было вывести все войско в целости пешим образом, но

потому он послал корабли, что хотел разузнать все берега по ходу плавания, все гавани и островки, и если встретится какой-либо залив, пройти его, и какие там есть приморские города, и какая земля плодородна, какая пустынна. (12) Итак, они не должны уничтожать дела, находясь близко к концу трудов, не нуждаясь к тому же ни в чем необходимом для плавания. Но боится, что, если этот мыс уходит на юг, как бы не оказаться в земле пустынной, безводной и выжженной. (13) Это мнение одержало верх, и мне совершенно ясно, что этим советом Неарх спас войско: есть слух, что этот мыс и вся страна около него пустынны и страдают от крайнего недостатка воды.

Глава 33

(1) Двинувшись от этого берега, они плыли, держась близко к земле, и, проплыв около 700 стадий, стали у другого берега; название этого берега — Неоптана. (2) И снова двинулись они перед рассветом, и пройдя 100 стадий, пристали на реке Анамис; это место называлось Гармозией. В ней было уже приятно и многообильно; не росли здесь только оливки. (3) Тут они сошли с кораблей и с удовольствием отдохнули от многих трудов, вспоминая, какие бедствия перенесли они на море и в земле ихтиофагов; вспоминали пустыню [этой] страны, звероподобных людей, перечисляли собственные невзгоды. (4) И некоторые из них ушли от моря в глубь материка, отделившись от войска в поисках друг друга. (5) Тут они увидели некоего человека, носившего эллинскую хламиду и вообще одетого как эллин, и говорил он на эллинском языке. Первые, увидевшие его, говорят, даже заплакали: настолько неожиданным показалось им после стольких бедствий увидеть эллина и услышать язык Эллады. (6) Они спросили его, откуда он пришел и кто он такой; он сказал им, что отделился от войска Александра, что лагерь и сам Александр находятся недалеко отсюда. (7) Крича от радости и вопия, они привели этого человека к Неарху. Он все рассказал Неарху: и что лагерь и царь находятся от моря на расстоянии пяти дней пути. (8) Он сказал, что покажет Неарху начальника этой страны, и показал; и вместе с ним Неарх решил, что пойдет к царю. (9) Затем они вернулись к кораблям; перед рассветом Неарх велел вытащить суда на сушу, чтобы произвести ремонт тех из них, которые пострадали во время плавания, а также и потому, что он решил оставить в этом месте большую часть войска. (10) Он провел около морской стоянки двойной вал, земляную насыпь и глубокий ров, начинавшийся от берега реки до того берега, где у него находились вытасченные корабли.

Глава 34

(1) В то время, как Неарх все это приводил в порядок, начальник этой области, узнав, что Александр очень обеспокоен судьбой этого флота, решил, что он может получить от Александра какую-нибудь большую награду, если первым ему возвестит о спасении флота, и что Неарх немного позднее явится на глаза к царю. (2) И вот, пройдя кратчайшей дорогой, он объявил Александру, что сам Неарх идет к нему от своих кораблей. Хотя Александр тогда и не поверил его словам, но, естественно, обрадовался этому известию. (3) Но шел день за днем,

и Александр, принимая в расчет время извещения, стал думать, что он сообщил ему неправду; (4) посылаемые же одни за другими навстречу Неарху, или пройдя небольшую часть пути и никого не встретив, возвращались назад с пустыми руками, или же, пройдя дальше и не найдя спутников Неарха, и сами не возвращались; (5) тогда Александр велел арестовать этого человека за то, что тот сообщил пустое и напрасной радостью сделал положение еще более тягостным. Сам же он и по внешнему виду, и по душевному состоянию казался охваченным сильной печалью. (6) В это время некоторые из посланных на розыски Неарха, ведя лошадей и повозки для их возвращения, встретились по дороге с самим Неархом и Архией и еще пятью или шестью, [шедшими] с ними. Со столькими он сам пошел. (7) Встретившись с ними, они не узнали ни его самого, ни Архия: в самом деле, они казались так сильно изменившимися: длинноволосые, покрытые грязью, совершенно просоленные, сгорбленные, бледные от бессонницы и других лишений. (8) На их вопрос, где находится Александр, указали им место и продолжили путь. (9) Но Архий, сообразив, сказал Неарху: «О Неарх, я думаю, что эти люди идут через пустыню по той же дороге, что и мы, не по какой-либо другой [причине], но как раз посланные, чтобы найти нас. (10) Тому, что они нас не узнали, я не удивляюсь: ведь мы выглядим так плохо, что стали неузнаваемыми. Скажем им, кто мы такие, и спросим их, зачем они едут этой дорогой». (11) Предложение Архия показалось Неарху правильным. И они спросили их, куда они едут; те ответили, что на поиски Неарха и морского флота. (12) Он же сказал: «Вот я, Неарх, а вот этот — Архий; ведите же нас: мы же доложим Александру о походе».

Глава 35

(1) Взяв их с собой на повозки, они поехали назад. И некоторые из них, желая раньше сообщить эту весть, прибежав, сообщили Александру, что «вот тебе Неарх и с ним Архий, другие пятеро едут к тебе»; относительно же всего флота они ничего не могли ответить. (2) Услышав это, Александр решил, что они спаслись чудесным образом, а все остальное войско у него погибло; он не столько обрадовался спасению Неарха и Архия, сколько опечалился, что все это войско у него погибло. (3) И не было сказано все это, как явились Неарх и Архий. С трудом едва узнал их Александр; когда увидел, как они обросли волосами и как плохо они были одеты, его печаль о морском флоте еще усилилась. (4) Взяв Неарха за правую руку и отведя его одного от гетайров и щитоносцев, он долгое время плакал; (5) наконец, придя в себя, он сказал: «Хоть то, что ты вернулся к нам неведимым, и этот Архий, является утешением во всем этом несчастье; но каким образом погибли флот и войско?»; (6) он же, прервав его, сказал: «О царь! И корабли твои неведимы, и войско: мы пришли к тебе вестниками их спасения». (7) Тогда Александр заплакал еще сильнее, так как спасение войска представилось ему совершенно неожиданным, и спросил, где пристали корабли. Он же ему сказал: «Корабли, вытщенные на берег, в устье реки Анамиса чинятся». (8) Александр, поклявшись Зевсом эллинов и Аммоном ливийцев, сказал, что этому сообщению он радуется больше, чем известию, что он завоевал всю Азию. Ведь печаль о гибели флота и этого войска имела такое же значение, как и вся остальная удача.

(1) Начальник этой области, которого Александр велел арестовать за ложное извещение, увидев явившегося Неарха, пал к его коленям и сказал: (2) «Вот я, который сообщил Александру, что вы прибыли невредимыми: ты видишь, в каком я положении». Поэтому Неарх попросил Александра отпустить этого человека, и его отпустили. (3) В благодарность за спасение войска Александр принес жертвы Зевсу-спасителю, Гераклу, Аполлону—отвратителю бед, Посейдону и всем другим морским богам и устроил гимнастические и музыкальные состязания и торжественную процессию; и Неарх шел впереди этого шествия, осыпанный войском венками и цветами. (4) Когда всему этому наступил конец, Александр сказал Неарху: «О Неарх, я не хочу, чтобы ты дальше подвергался опасностям и терпел бедствия; другой поведет флот отсюда, пока не приведет его в Сузы». (5) Неарх, перебив, сказал: «О царь! Я во всем хочу повиноваться тебе, и мне это необходимо. Но если бы ты хотел оказать мне милость, не делай этого, а позволь мне вести флот до конца, пока я не приведу твои корабли невредимыми в Сузы; (6) не сделай так, чтобы все трудное и почти невыполнимое было тобой поручено мне, а легкое и готовая слава — это было бы отнято и отдано в руки другому». (7) Александр прервал его речь и выразил благодарность. Он отправил его назад, дав ему маленький сопроводительный отряд как идущему по дружеской стране. (8) Возвращение же к морю не прошло без труда, так как собравшиеся из окружных мест варвары заняли укрепленные места Кармании, так как их сатрап по приказу Александра был казнен, а власть недавно назначенного Тлеполема еще не была крепка. (9) По два и по три раза в день ему пришлось сходить в рукопашную с самыми разными варварами, нападавшими на него, и вот, нигде не отдыхая, они едва с трудом благополучно вышли к морю. Там Неарх принес жертвы Зевсу-спасителю и устроил гимнастические состязания.

(1) Когда все божеские обряды были им совершены, тогда и отплыли. Пройдя мимо пустынного и скалистого острова, они пристали к другому острову, тоже большому и обитаемому, пройдя стадий 300 от того места, где стояли на якоре. (2) Пустынный остров назывался Органа, а тот, к которому они пристали, — Оаракта⁸⁶; на нем росли виноград, финики, и был он хлебоносным. Длина этого острова была 800 стадий. Начальник этого острова, Мазен, пошел с ними до Суз, добровольно возглавив плавание. (3) Говорили, что на этом острове показывают гробницу первого владыки этой страны; его имя было Эритр, и от него это море получило свое название и стало называться Эритрейским. Подняв якоря, они пошли дальше от этого острова; пройдя вдоль острова около 200 стадий, они вновь пристали к нему и увидели другой остров, отстоящий от этого крупного самое большее на 40 стадий. Говорили, что он посвящен Посейдону и недоступен⁸⁷. (5) На рассвете они пошли дальше; их захватил такой сильный отлив, что три корабля принуждены были остаться на суше, другие же, с трудом пройдя подводные камни, перебрались на глубину. (6) Оставшиеся же суда с наступлением прилива вновь поплыли и на другой день пришли туда, где был весь остальной флот. (7) Пройдя 400 стадий, они пристали к другому острову, отсто-

явшему от материка стадий на 300. (8) На рассвете они двинулись оттуда, минуя оставшийся слева пустынный остров; название этого острова было Пилора. Они пристали к Додоне⁸⁸, маленькому городку, бедному всем, кроме воды и рыбы; жители этого места поневоле были ихтиофагами, потому что жили на бедной земле. (9) Запасшись тут только водою, они, пройдя 300 стадий, пристали к Тарсийскому мысу, вытянувшемуся далеко в море. (10) Оттуда они достигли Катайи, пустынного и плоского острова⁸⁹; говорили, что он посвящен Гермесу и Афродите: прошли же они 300 стадий. (11) На этот остров из года в год местные жители посылают овец и коз, посвященных Гермесу и Афродите; их можно было видеть одичавшими за долгое время жизни на этом пустынном острове.

Глава 38

(1) До этого места простирается Кармания; а областями за ней владеют персы; длина плавания вдоль страны Кармании равна 3700 стадиям. Живут здесь так же, как персы, потому что они с персами граничат, и на войну снаряжаются одинаково. (2) Затем, отчалив от священного острова, они шли уже вдоль Персии и пристали к местечку Ила, где небольшой и пустынный остров образует гавань; название этого острова Канкандр; прошли они 400 стадий. (3) Перед рассветом стали на якорь, плывя к другому населенному острову⁹⁰, где, как говорит Неарх, так же как в море индов, ловят жемчуг. Пройдя мимо мыса этого острова около 40 стадий, там и пристали. (4) Затем они стали на якорь у высокой горы — название горы Ох⁹¹ — в удобной гавани; ее населяли рыбаки. (5) Пройдя оттуда 450 стадий, они пристали к Апостанам; там стояло много судов, а деревня находилась на расстоянии 60 стадий от моря. (6) Отчалив оттуда ночью, они вошли в залив⁹², окруженный многими деревнями; прошли они стадий 400. Они стали у подошвы горы; тут росло много финиковых пальм и все те ореховые деревья, которые произрастают и в Элладе. (7) Отчалив оттуда, они, пройдя вдоль берега около 600 стадий, прибыли в населенную страну Гоганы. Они остановились у бурной реки; название ее Ареон — в ее устье. Пристать там было трудно: вход в устье был узкий, потому что прилив вокруг него создал мели. (8) Затем они снова остановились в устье другой реки, пройдя около 800 стадий; название этой реки было Ситак⁹³. И здесь причалить им было нелегко, да и все плавание вдоль Персии проходило по мелям, рифам и бродам. (9) Там они нашли большое количество хлеба, доставленного сюда по приказанию царя, чтобы они могли запастись продовольствием. Тут они оставались всего 21 день; и вытащив корабли на берег, они починили те, которые получили повреждения, а остальные привели в порядок.

Глава 39

(1) Двинувшись отсюда, они прибыли к городу Гиератису, в населенную местность. Они прошли 750 стадий; остановились же в канале, проведенном из реки в море, название его было Гератемис. (2) С восходом солнца они дошли до бурной реки, называющейся Падарг; все это место является полуостровом. Тут было много садов и росли разнообразные ореховые деревья: название этого места —

Месамбрия. (3) Двинувшись из Месамбрии и пройдя приблизительно 200 стадий, они пристали в Таоке на реке Границе. От этого места на расстоянии 200 стадий от устья реки в глубь страны находился дворец персидского царя. (4) Во время этого плавания, говорит Неарх, они видели кита, выброшенного на берег; и некоторые из моряков, подплыв к нему, измерили его и сказали, что он был в 50 локтей; (5) кожа его чешуйчатая и в толщину доходила до локтя; к нему приросло много улиток, раковин и водорослей. Еще говорит, что вокруг кита можно было видеть много дельфинов и что эти дельфины гораздо крупнее тех, которые водятся во Внутреннем море⁹⁴. (6) Двинувшись оттуда, они стали на якорь в удобной гавани на бурной реке Рогонис; длина этого плавания была 200 стадий. (7) Пройдя оттуда 400 стадий, они остановились на отдых у бурной реки, название ее было Бризана. Причалить там было трудно, потому что был сильный прибой и отмели, а из моря торчали утесы. (8) Но они пристали тогда, когда случился прилив, а когда вода спала, то корабли оказались на суше. Когда же в свое время вновь начался прилив, то, выйдя в море, они остановились у реки: (9) название же реки — Аросис⁹⁵; как говорит Неарх, это самая большая река из тех, которые на пути этого плавания впадают во Внешнее море.

Глава 40

(1) Области до сих пор населяют персы; за ними — сузийцы. Выше сузийцев живет другое независимое племя, называемое уксиями, о которых я говорил в другом своем сочинении, что они разбойники. Длина всего плавания вдоль персидской земли равна 4400 стадиям. (2) Говорят, что Персидская земля делится на три части по климату. Те ее части, которые лежат у Эритрейского моря, покрыты песками и бесплодны из-за жары, (3) те же, которые над ними идут к северу, к ветру Борею, имеют прекрасный климат, страна богата травой и влажными лугами и приносит много винограда и все другие плоды, кроме оливок; (4) она покрыта разнообразными цветущими садами и прорезана чистыми реками и озерами, вокруг рек и озер живут птицы, есть хорошие места для лошадей, водятся и другие выючные животные, во многих местах она покрыта лесом и богата зверьем. (5) Те же [области], что лежат еще дальше на север, холодны и покрыты снегом... так что некие послы с Понта Эвксинского, как говорит Неарх, пройдя очень короткий путь, встретили идущего через Персию Александра и удивили его краткостью пути. (6) То, что соседями сузийцев являются уксии, сказано мной; подобно тому как марды живут рядом с персами — и они тоже разбойники, коссей же — с мидийцами. (7) Все эти племена покорил Александр, напав на них зимой, когда они считали свою страну непроходимой; (8) он им основал города, чтобы не были больше кочевниками, а стали бы земледельцами и пахали землю и имели бы то, за что опасаясь, они перестали бы причинять друг другу вред. Отсюда флот шел вдоль земли сузийцев. (9) Неарх говорит, что об этом плавании он не может рассказывать так же точно, но только об остановках и длине плавания; (10) в стране много болот, рифы уходят далеко в море; причаливание здесь сопряжено с большой опасностью; возвращаться им пришлось по большей части открытым морем. (11) Они отплыли от устья той реки, где отдыхали на самой границе Персии, они загрузили воды на пять дней: проводники, сопровождавшие их в плавании, говорили, что дальше воды нет.

(1) Пройдя стадий 500, они пристали к устью богатого рыбой залива, название которого Катадербис; у устья был маленький островок; название этого островка Маргастана. (2) Отплыв оттуда перед рассветом, они шли по мелям, корабль за кораблем; вбитыми там и сям столбами обозначались отмели, все равно как в перешейке между островом Левкадой и Акарнанией, для моряков поставлены знаки, чтобы не посадить корабли на мель. (3) Но у Левкады они песчаные, и севшим на мель можно быстро с нее сняться; здесь же, с той и с другой стороны фарватера, глубокая и илистая грязь, так что застрявшим нет никакого средства спастись. (4) Шесты, уходя в грязь, сами не приносят никакой пользы, человеку же нет никакой возможности сойти, чтобы столкнуть корабли в фарватер, так как уходит в грязь по самую грудь. (5) Проплыв так с большим трудом около 600 стадий, они стали на якорь, каждый корабль со своей командой, затем вспомнили и об обеде. (6) Ночь и весь следующий день до вечера плыли уже по глубокому месту; они прошли 900 стадий и стали на якорь в устье Евфрата у какой-то деревни Вавилонской страны; ее название — Диридотис, (7) сюда купцы привозят ладан из Геррайской земли и все другие благовония, которые приносит Аравийская земля. (8) Как говорит Неарх, путь от устья Евфрата до Вавилона равен 3300 стадиям.

(1) Там к ним пришло известие о том, что Александр отправился в Сузы. Оттуда они и сами поплыли назад, с тем чтобы, поднявшись вверх по реке Паситигру, соединиться с Александром. (2) И вот они поплыли назад, имея по левую руку Сузийскую землю, они проплыли мимо озера, в которое вливается Тигр, (3) который, вытекая из Армении возле города Нина⁹⁶, некогда большого и богатого, образует область, лежащую между ним и Евфратом, которую поэтому и называют Месопотамией⁹⁷. (4) От этого озера плавание вверх по самой реке равняется 600 стадиям, где находится сузийская деревня, которую называют Агинис⁹⁸; она отстоит от Суз на 500 стадий. Длина плавания вдоль Сузийской земли до устья реки Паситигра равняется 2000 стадий. (5) Затем они плыли вверх по Паситигру по населенной и богатой стране. Проплыв около 150 стадий, остановились там, ожидая тех, кого Неарх послал разузнать, где находится царь. (6) Сам же он принес жертвы богам-спасителям и устроил состязания, и весь флот был охвачен радостью. (7) Когда пришло известие, что Александр приближается, они вновь пошли вверх по реке и остановились около моста, по которому Александр собирался перевести свое войско в Сузы. (8) Затем войско объединилось, и Александр принес жертвы за спасение кораблей и людей и устроил состязания; и где только ни появлялся Неарх среди войска, его засыпали цветами и венками. (9) Затем Неарх и Леоннат были увенчаны Александром золотыми венками: Неарх — за спасение флота, Леоннат же за победу, одержанную над орейтами и живущими рядом с орейтами варварами. (10) Так невредимо вернулся к Александру флот, вышедший из устья Инда.

(1) Места, лежащие на правой стороне Эритрейского моря, за Вавилонией⁹⁹, принадлежат в основном Аравии; часть ее доходит до моря возле Финикии и Сирийской Палестины; на западе же [вплоть того места, где] на Внутреннем море египтяне граничат с Аравией. (2) Залив, идущий вдоль Египта от Великого моря, показывает ясно, что, так как он сливается с внешним морем, можно переплыть из Вавилонии в этот залив, находящийся у Египта. (3) Но никто из людей не мог проплыть по этим местам вследствие жары и пустынности, кроме тех, кто возвращался открытым морем¹⁰⁰. (4) Ибо те из войска Камбиза, что благополучно добрались из Египта до Суз, и те, что были посланы Птолемеем Лагом к Селевку Никатору в Вавилон, (5) пройдя через некий перешеек Аравийской страны за восемь дней, проведенных совершенно без воды, прошли поспешно на верблюдах пустынную страну, воду же неся для себя на верблюдах и путь совершая по ночам: выдержать день под открытым небом из-за жары они были не в состоянии. (6) Ведь области по ту сторону этой страны, которые мы называли перешейком, на такое большое расстояние нисходящие из Аравийского залива в Эритрейское море, конечно, обитаемы, тогда как области, дальше этих идущие на север, необитаемы и покрыты песком. (7) Люди, отправлявшиеся из Аравийского залива, прилегающего к Египту, пройдя большую часть вокруг Аравии, чтобы выйти в море к Сузам и Персии, плыли вдоль Аравии, насколько у них хватило воды, взятой на корабли, затем поворачивали назад. (8) А те, кого Александр послал из Вавилонии, чтобы они проплыли как можно дальше и, держась правой стороны Эритрейского моря, исследовали бы страны вдоль него, видели какие-то острова, лежавшие по ходу плавания, и кое-где даже приставали к материку Аравии; (9) того же мыса, который, по словам Неарха, виднелся уходящим [в море] как раз напротив Кармании, никто не мог объехать вокруг на другую сторону. (10) Я думаю, что если бы эти места были судоходными и вообще проходимыми, то предприимчивость Александра доказала бы, что они судоходны и проходимы. (11) И ливиец Ганнон, выйдя из Карфагена, направился за Геракловы столбы, выйдя в открытое море, имея слева ливийскую землю, и плыл к восходящему солнцу всего 35 дней; (12) когда же он повернул на юг, то столкнулся со многими трудностями: недостатком воды, палящей жарой и потоками огня, впадающими в море. (13) А вот ливийская Кирена, основанная в самых пустынных местах, богата травой, имеет мягкий климат, хорошую воду, рощи и луга, и разные плоды, и домашний скот до тех мест, где растет сильфий: дальше за сильфием она необитаема и покрыта песком. (14) Так да будет закончен тот рассказ, который также посвящен Александру, сыну Филиппа, македонцу.

Комментарии

¹ Имеется в виду нынешняя река Кабул, древнеиндийская Кубха.

² Область Аштака, располагавшаяся в Свате, упоминалась древнеиндийским грамматиком Патанджали (V.2.104). Плиний Старший упоминал народ *Aspaganī*.

³ Это племя соответствует народу ашмака, упоминавшемуся в санскритских источниках. Это название восходит, вероятно, к корню *aśva* — «лошадь». Неоднократно упоминается и в других античных источниках.

⁴ Упоминается античными авторами как Масага, Масога, Мазара (Strabo. XV.1.17; Curt. VIII.10.22). Возможно, находится в районе современного города Машанагар.

⁵ Соответствует Пушкалавати индийской традиции, современному г. Чарсада около Пешавара.

⁶ Имеется в виду горный кряж на юге Малой Азии, протянувшийся от ликийского побережья до Киликийских ворот. Являлся северной границей Сирии. Участники похода Александра распространили название Тавр и на его продолжения, «протянув» его через всю Азию.

⁷ Соответствует одному из хребтов Гиндукуша.

⁸ Имеются в виду Восточные Гималаи.

⁹ Имеются в виду Западные Гималаи.

¹⁰ Имеется в виду Индийский океан.

¹¹ Так в античных источниках называлась река Дунай.

¹² Имеется в виду река Беас, Випаша древнеиндийской традиции.

¹³ Имеется в виду Паталипутра — столица Магадхи, крупнейший город Восточной Индии (ныне город Патна).

¹⁴ Выдающийся географ, работавший в III в. до н.э. в Александрии, один из столпов эллинистической географии.

¹⁵ Римский стадий равен 176,6 м.

¹⁶ Мера длины, равная 5,5 или 10,5 км. Вероятно, речь в данном случае идет не о мере длины, а о том, что дорога была измерена мерным шнуром.

¹⁷ Придворный врач персидского царя Артаксеркса, составивший в начале IV в. до н.э. описание Персии и Индии, которое сохранилось лишь в цитатах.

¹⁸ Имеется в виду современная река Джелум, в древнеиндийской традиции известная под именем Витаста. В «Географии» Клавдия Птолемея упоминается под именем Дидасп.

¹⁹ Имеется в виду Иравати древнеиндийской традиции, современная река Рави.

²⁰ Вероятно, имеется в виду современная река Кен, приток Ямуны.

²¹ Притоки Ганга, упомянутые античными авторами, не поддаются уверенному отождествлению. Возможно, Эраннобоас соответствует современной реке Сон, Хираньяваха индийской традиции, хотя она упоминается чуть далее под собственным именем.

²² Возможно, соответствует древней Каушике — современной реке Коси.

²³ Возможно, имеется в виду та же река, что скрывается под названием Эраннобоас.

²⁴ Это имя встречается только в «Индики» Арриана. Точному отождествлению не поддается. Среди вариантов упоминаются: Читраваха, Читрасена, Читропала, Читраратха.

²⁵ Возможно, имеется в виду Сарасвати, мифическая река, сливавшаяся около современного Аллахабада с Гангом и Ямуной.

²⁶ Вероятно, соответствует современной реке Гендак, Гандаки санскритских источников.

²⁷ Эта река не поддается идентификации. Клавдий Птолемей упоминает реку Сарабос, чье название соответствует палийскому Сарабху.

²⁸ Возможно, соответствует реке Маханади, упоминавшейся в древнеиндийских источниках. Ныне — река Махан.

²⁹ Возможно, соответствует современной реке Гхагра, в древности — Сарайу. Впрочем, это лишь предположение.

³⁰ Возможно, соответствует реке Вимала.

³¹ Возможно, соответствует реке Карманаша, упоминавшейся в древнеиндийских источниках. Ныне — река Касия. По другим сведениям, имеется в виду современная река Карамнаса, чье устье лежит около города Буксар.

³² Возможно, соответствует реке Кукустха, упоминавшейся в древнеиндийских источниках. Ныне — река Касия.

³³ Возможно, соответствует современной реке Тонса; впрочем, это отождествление остается спорным.

³⁴ Это название соответствует названию одной из ведийских школ мадхьяндинов.

³⁵ Идентифицировать эту реку не удастся.

³⁶ Соответствует древнему городу Катадвипа, современному Катва в районе Бардхавана в Бенгалии.

- ³⁷ Имеется в виду Икшумати; ныне — река Калинади.
- ³⁸ Имеется в виду древнеиндийское племя панчалов.
- ³⁹ Это название можно сопоставить с современным Варанаси.
- ⁴⁰ Вероятно, имеются в виду матсьи (маччха в палийских текстах). По другой версии, имеются в виду жители Магадхи, при передаче названия которых выпал слог -ga.
- ⁴¹ Имеется в виду река в Малой Азии.
- ⁴² Это племя упоминается только в «Индики» Арриана, и его идентификация остается ненадежной.
- ⁴³ Эта река не отождествлена.
- ⁴⁴ Имеется в виду племя, населявшее в древности Пенджаб, известное из санскритских источников как кекауа или kaikeua.
- ⁴⁵ Идентификация остается ненадежной. Предлагалось отождествить их с упоминавшимися выше ассакенами, но те живут на запад от Инда. Согласно другой точке зрения, если их название изменить на «аспакены», то можно предположить, что оно означает «населяющие берега реки Апага».
- ⁴⁶ Имеется в виду древнее племя капиштхала, чье название совпадает с названием ведийской школы.
- ⁴⁷ Имеется в виду современная река Ченаб, в древности известная как Акесин.
- ⁴⁸ Имеется в виду древнее племя кшудраков.
- ⁴⁹ Надежной идентификации не предложено.
- ⁵⁰ Этот народ упомянут только в этом сочинении; идентификации не поддается.
- ⁵¹ Имеется в виду древнее племя малавов.
- ⁵² Возможно, имеется в виду современная река Тави (Тохи) или нижнее течение Сатледжа.
- ⁵³ Надежной идентификации не предложено.
- ⁵⁴ Имеется в виду современная река Сват, в древности известная как Сувасту.
- ⁵⁵ Древнее название этой реки явно связано с племенем гуреев. Ныне — река Панджкор.
- ⁵⁶ Надежной идентификации не предложено. Возможно, имеется в виду та же река, что упомянута в «Ригведе» под именем Парунхи (современная Буринду?).
- ⁵⁷ Надежной идентификации не предложено. Возможно, имеется в виду современная река Аббасин. Плиний Старший упоминает реку Саддарос (VI.94).
- ⁵⁸ Свое название эта река сохранила до наших дней. Иногда пишется «Суван».
- ⁵⁹ Это племя упоминается в эпосе и пуранах. Античные авторы повествовали о встрече царя Абисара, или Эмбисара, с Александром (Diod. XVII.87.3, 90.4; Strabo. XV.1.28; Curt. VIII.13.1; Ar. Anab. V.20.5).
- ⁶⁰ Имеется в виду приток Дуная, длиной 700 км. Впадает в Дунай недалеко от современного Белграда (античный Сингидунум).
- ⁶¹ Имеется в виду область кельто-иллирийских племен, занимавшая территорию, приблизительно соответствующую современной Австрии.
- ⁶² Плиний Старший говорил (NH. IV.11), что в Дунай впадает 60 притоков и половина из них судоходна.
- ⁶³ Имеется в виду Чандрагупта Маурья (ок. 322–300 гг. до н.э.), основатель династии Маурьев, чье восшествие на престол античная традиция связывает с именем Александра.
- ⁶⁴ Царь северо-западных областей Индии (современный Пенджаб), знаменитый противник Александра; его имя произошло от имени династии Пауравов — потомков Пуру. Область его владений простиралась от Акесина (Ченаб) до Гидаспа (Джелум).
- ⁶⁵ В этом имени отразилась традиция о нескольких египетских царях 12-й династии (1991–1785 гг. до н.э.). Наиболее известный, Сесострис III (1877–1839 гг. до н.э.), положил начало завоеванию Нубии. Согласно другой точке зрения, этот образ сложился на основе преданий о Сенусерте II и Тутмосе III.
- ⁶⁶ Имеется в виду ассирийская царица Шамурамат (Семирамида; 811–806 гг. до н.э.).
- ⁶⁷ Имеется в виду древнеиндийское племя шиби.
- ⁶⁸ Летние дожди приносит в Индию юго-западный муссон, дующий с июня по сентябрь.
- ⁶⁹ Название происходит от санскритского tāla — «пальмовый лист».
- ⁷⁰ Имеется в виду древнеиндийское племя шурасенов.

⁷¹ Имеется в виду город Матхура, крупный центр почитания Кришны.

⁷² Имеется в виду город карушей («Карушапура»).

⁷³ Имеется в виду река Ямуна (Джамна).

⁷⁴ Интересная параллель этому сообщению содержится в средневековом (предположительно 20-е годы XIII в.) сочинении «‘Аджа’иб ад-дунийа» («Чудеса мира»), приписываемом Абу-л-Му’аййаду Балхи — известному ученому, поэту и прозаику саманидского времени: «Есть жемчужина, именуют ее королевой жемчужин. Ее на цепях опускают в море в том месте, где находится месторождение жемчуга. Жемчужина притягивает к себе другие жемчужины так же, как магнит притягивает железо. Когда жемчужину вытаскивают из воды, она вся бывает обвешана жемчугом» («‘Аджа’иб ад-дунийа (Чудеса мира). Критический текст, перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Л.П.Смирновой. М., 1993. С. 148 (Памятники письменности Востока. LXXXIII).

⁷⁵ Название прасиев происходит от санскритского «прачья» — «живущие на Востоке».

⁷⁶ Мера длины, составляет около 31 м.

⁷⁷ Оргия — ширина размаха рук, равная 1,85 м.

⁷⁸ Можно предположить, что это название происходит от санскритского kāryasthiti — «торговое место». Хотя это отождествление весьма сомнительно и точную идентификацию предложить довольно трудно.

⁷⁹ Имеется в виду современная река Хаб.

⁸⁰ Имеется в виду современная река Хингор.

⁸¹ Имеется в виду современный мыс Малан.

⁸² Под названием «Гедрозия» в античной географии была известна современная область Белуджистан.

⁸³ Название восточноиранского происхождения. Предлагались различные трактовки этого названия: «богатый деревьями», «несущий бревна», «место бревен». Точная этимология не установлена.

⁸⁴ Лагуна в греческом тексте, делающая непонятным окончание фразы.

⁸⁵ Имеется в виду гора Харим высотой 3000 метров, расположенная на юго-восточной оконечности Аравии в 100 километрах от персидского побережья, откуда ее хорошо видно.

⁸⁶ Имеется в виду современный остров Кишм.

⁸⁷ Имеется в виду современный остров Хангам.

⁸⁸ Возможно, соответствует современному Дувану.

⁸⁹ Имеется в виду современный остров Кьес.

⁹⁰ Имеется в виду современный остров Шейх Шо’ейб.

⁹¹ Имеется в виду современная гора Шах-ин-Кох. Название происходит от иранского *Vahuka.

⁹² Имеется в виду современный залив Тагири.

⁹³ Имеется в виду современная река Манд.

⁹⁴ Имеется в виду Средиземное море.

⁹⁵ Имеется в виду современная река Таб.

⁹⁶ Вероятно, имеется в виду Ниневия.

⁹⁷ Месопотамия означает «Междуречье».

⁹⁸ Этот топоним не поддается точной локализации.

⁹⁹ Имеется в виду восточное побережье Аравийского полуострова.

¹⁰⁰ Это сообщение относится не ко времени действия рассказа Арриана, а к его собственной эпохе, когда плавание через Индийский океан с муссонными ветрами стало привычным делом.

ПЕРИПЛ ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ

Фрагменты

Полностью перевод «Перипла Эритрейского моря» на русский язык был выполнен О.В.Кудрявцевым и опубликован в «Вестнике древней истории» в 1940 г. (№ 2. С. 264–281). В нем много ошибок, а комментарии к нему совершенно устарели. Имеются переводы фрагментов, относящихся к Африке и Аравии: Бауэр Г.М. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря» (§ 1–18) // История Африки. Хрестоматия. М., 1979. С. 92–102; Рункова Е.А. Перевод § 19–33 «Перипла Эритрейского моря» // Рункова Е.А. Южная Аравия. I в. до н.э. — III в. н.э. М., 1995. С. 128–133. Данный перевод выполнен по изданию: Casson L. The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton, 1989. Новое полное издание текста «Перипла Эритрейского моря» с максимально подробными комментариями в настоящее время готовится к печати.

1. Из указанных на Эритрейском море бухт и рынков вдоль него первой является египетская гавань Миос Гормос¹; если же после нее проплыть приблизительно 1800 стадий², то справа [расположена] Берника³. Гавани <же> обоих [рынков] лежат в заливах Эритрейского моря на самом краю Египта...

6. Ввозят же в эти места грубые варварские гиматии, производимые в Египте, арсионитские⁴ столы, броские цветные аболлы, и полотенца, и подшитые с двух сторон [изделия], и много разновидностей прозрачного стекла, и другого — морринового⁵, производимого в Диосполе⁶, латунь, которой пользуются для украшения и для разрезания на кусочки вместо монет, и медные кувшины медового цвета — для приготовления пищи или разрубания на ручные и ножные браслеты для некоторых женщин, и железо, используемое на стрелы против слонов, и других зверей, и врагов. Также и топоры ввозят, и скребки, и ножи, и большие круглые медные кувшины, и немного денариев для иностранцев, и немного италийского и лаодикийского вина, и немного оливкового масла. Для царя же — серебряные и золотые [изделия], изготовленные в местном стиле, и из одежды — аболлы и гаунаки⁷ без рисунка, эти — недорогие. Также из внутренних областей Ариаки⁸ индийское железо и сталь, и индийскую хлопковую ткань довольно широкого покроя, называемую монахе⁹, и сагматогены¹⁰, и набедренные пояса, и гаунаки, и одежду из мальвы, и немного полотна, и цветной краситель¹¹. Везут же из [этих] мест слоновую кость, и черепаху, и носорога. Большая часть везется из Египта на этот рынок, начиная с месяца января до сентября, то есть от Тиби до Тота. Лучше всего отправляться из Египта около сентября месяца...

14. Обычно поставляют и из внутренних мест Ариаки и Баригаз¹² в эти «лежащие на том берегу» рынки¹³ товары, привозимые из [этих] мест: хлеб и

рис, и масло топленое и сезамовое, и хлопковую одежду, а именно монахе и сагмагогены, и набедренные пояса, и тростниковый мед, называемый сахари¹⁴. Некоторые плывут на эти рынки прямо, некоторые же [во время] плавания обменивают груз на то, что попадется...

21. ...в заливе — последнем на левой стороне этого моря — есть «законный» приморский рынок Муза¹⁵, отстоящий от Берники всего на 12 000 стадий, если плыть на самый юг. Он полон арабов, людей, владеющих кораблями, и опытных мореходов, и бурлит... торговыми сделками: они участвуют как в торговле «на том берегу», так и в Баригазах своими собственными поставками...

24. Рынок Музы не имеет гавани, но — хороший рейд и удобен для причаливания, так как вокруг него расположены якорные стоянки с песчаным дном. Ввозят же в нее [следующие] грузы: пурпурные одежды — роскошные и обычные, арабскую одежду с рукавами, без рисунка, с обычным [рисунком] и в клетку, и прошитую золотой нитью, и шафран, и кипер¹⁶, и хлопковую ткань, и оболлы, и немного покрывал, как без рисунка, так и с местным [орнаментом], пояса в полоску и некоторое количество мирры, и достаточно монет, а также немного хлеба и вина, так как и страна приносит некоторое количество пшеницы и еще больше вина. Царю же и тирану даются лошади и вьючные мулы, и изделия из золота и чеканного серебра, и роскошная одежда, и изделия из бронзы. Вывозят же из нее местные товары: отборную мирру и мирровое масло, Абер<айское и> Минайское¹⁷, белый мрамор и все упомянутые грузы из «лежащего на том берегу» Адулиса. Лучше всего плыть в него ближе к сентябрю месяцу, но ничто не мешает и раньше...

26. За Окелис, где пролив снова расширяется на восток и мало-помалу исчезает в открытом море, в приблизительно 1200 стадиях лежит Счастливая Аравия¹⁸, приморская деревня того же царства Харибаила, имеющая как удобные бухты, так и запасы еще более сладкой воды, чем в Окелис, лежащая в самом начале залива, где земля отступает в глубь [материка]. Счастливая Аравия, бывшая ранее городом, названа же «Счастливой», когда еще ни из Индии в Египет не приходили [корабли], ни из Египта не отваживались подниматься в дальние места, но доходили до сих пор; [она] принимала грузы с обеих сторон, как Александрия принимает грузы и привозимые издалека, и из Египта. Ныне же, незадолго до наших времен, Цезарь ее покорил¹⁹.

27. Сразу же за Счастливой Аравией начинается длинный берег и залив, тянувшийся в длину на 2000 стадий или больше, заселенный деревнями Кочевников и Ихтиофагов, где за выступающим в море мысом²⁰ есть другой приморский рынок царства Элеаза²¹ — Кана²²... [Кана] имеет такое же сообщение с «лежащими на том берегу» рынками, Баригазами и Скифией, и Оманом, и лежащей рядом Персидой...

30. К этому заливу примыкает огромный мыс, обращенный на восток, называемый Сиагр²³, на котором стоит крепость [для охраны] страны, и гавань, и склад свозимого ладана, а в море напротив него — остров посередине между ним и лежащим на том берегу мысом Ароматов²⁴, больше примыкающим к Сиагру, называемый Диоскориду²⁵, очень большой, но пустынный и болотистый; есть на нем реки и крокодилы, много гадюк и огромных ящериц, да так много, что мясо [ящериц] едят, жир же растапливают и используют вместо масла; остров не приносит ни винных плодов, ни зерновых. Немногочисленные его обитатели живут на одной стороне острова, [обращенной] на север, — в той части, что смотрит на материк; местные жители — пришлые и перемешались из

арабов, индийцев и даже кое-кого из эллинов, отплывших по торговым делам. Приносит же остров черепаху — настоящую, и земную, и светлую — в очень большом количестве, и отличающуюся своими огромными панцирями, и горную — колоссальную, имеющую толстенный панцирь, на котором расположенные возле брюха полезные части для [обычной] резки не годятся, да и отлив ее слишком коричневатый; <спинные же части>, используемые на коробочки, пластинки, кружочки и тому подобные футлярчики, — режутся полностью. Рождается же на нем и киноварь, называемая индийской²⁶, собираемая с деревьев в виде капель.

31. И подчиняется же остров тому самому царю Ладаноносной страны²⁷, как Азания — Харибаилу и тирану [страны] Мафаритис²⁸. Им пользовались некоторые [торговцы] из Музы, и отплывающие из Лимирики²⁹ и Баригаз, которые случайно на него попадали, менявшие рис, зерно и индийскую хлопковую ткань и женщин-рабынь, привозимых туда, так как [на них есть] спрос, загружая в обмен черепаху в огромном количестве. Сейчас же остров отдан царями на откуп и тщательно охраняется³⁰.

32. Сразу же за Сиагром лежит залив Омана, глубоко вдающийся в берег, [шириной] в 600 стадий в устье, за ним — высокие горы, скалистые и обрывистые³¹, где люди живут в пещерах еще в 500 стадиях; а за ними бухта, предназначенная для погрузки ладана, называемая Гавань Мосха³², в которую обычно посылают некоторые суда из Каны, а проплывающие мимо из Лимирики и Баригаз, переждав зимой поздние времена года, от царских [слуг] в обмен на хлопковую ткань, и хлеб, и оливковое масло получают ладан, лежащий кучами и неохраняемый, по всему Сахалиту по какой-то силе богов, стерегущих это место: и ни тайно, ни открыто без царского разрешения он не может быть погружен на суда, а если кто-нибудь поднимет хоть зерно, корабль не сможет отплыть, [так как это] против воли божества...

36. Если же проплыть мимо этого устья залива³³, то в шести переходах лежит другой рынок Персии, называемый Омана³⁴. Снаряжают же в него обычно [торговцы] из Баригаз [идушие] на оба эти рынка Персии большие суда с медью, и тиковым деревом, и балками, и молодыми побегам, и бревнами сезамового и эбенового [дерева]; в Оману же также из Каны — ладан, а из Оманы в Аравию — местные сшитые лодки, называемые мадарате³⁵. Ввозится же из обоих рынков в Баригазы и Аравию много жемчуга, но худшего, чем индийский, и местная одежда, и вино, и много финика, и золото, и рабы...

38. За этой страной, где берег, из-за того что заливы с востока глубоко врезаются в материк, уже изгибается, словно рог³⁶, начинаются приморские части Скифии³⁷, обращенные на самый север, очень низменные, из которых река Синт³⁸, величайшая из рек вдоль Эритрейского моря, выбрасывает в море огромную массу воды, так что задолго до [берега], прежде чем подойти к земле, в море встречается от нее светлая вода. Для идущих из [открытого] моря признаком непосредственного приближения к земле возле реки являются выплывающие навстречу змеи; признаком же выше [расположенных мест] и мест возле Персии являются так называемые граи³⁹. Эта река имеет семь устьев; они узкие и полны отмелей, по другим плавание невозможно, кроме как по одному — посередине, на котором и стоит приморский рынок Барбарикон⁴⁰. Перед ним лежит маленький островок, а в глубине материка — столица самой Скифии Миннагар; управляется же [Скифия] парфянскими царями, постоянно друг друга изгоняющими.

39. Так вот, корабли встают на якорь по Варварскому [берегу], но все грузы поднимаются по реке царю в столицу. Привозят же на рынок достаточно одежды без рисунка, и немного броской, разноцветной, и перидот⁴¹, и коралл, и стюракс, и ладан, и стеклянные сосуды, изделия из серебра, и монеты, и немного вина. В обмен же загружают кост⁴², бделлу, крушину, нард, и бирюзовый камень, и лазурит⁴³, и сирийские⁴⁴ шкуры, и хлопковую ткань, и сирийскую пряжу, и индиго⁴⁵. Возвращаются же те, кто плывут с индийскими [ветрами], в районе июля месяца, то есть Эпифи. Это плавание рискованное, но самое выгодное и довольно короткое.

40. За рекой Синтом есть другой залив, скрытый от обзора к северу; называется же Эйрин, с прибавлением или Малый, или Большой⁴⁶. В обоих водоемах есть отмели и водовороты на мелководье; [они] тянутся и тянутся на большом расстоянии от земли, так что часто, когда берега нигде не видно, корабли садятся на мель; если же их затащит еще дальше, то они разбиваются. Из этого залива выходит мыс, погибающий от Эйрина сначала на восток и на юг, потом на запад, охватывающий сам залив, называемый Барака⁴⁷, заключающий [в себе] семь островов; если корабли, по ошибке заплывающие в его начало, отойдут немного назад, [а затем] в открытое море, то они избегут опасности, те же, что заключены в глубине Бараки, — погибают: [там] очень велика и труднопреодолима волна, море же мелководное, бурное, и с водоворотами, и бурлящими течениями. Дно же в некоторых местах обрывистое, в других — скалистое, так что лежащие [на дне] якоря, сброшенные с обоих бортов, сопротивляющиеся натяжению, обрезаются, некоторые даже разламываются на дне. Признаком для <тех>, кто плывет из [открытого] моря, являются [выплывающие] навстречу змеи — огромные и черные; в местах, лежащих далее, и вокруг Баригазы змеи встречаются меньшего размера и цветом зеленоватые и золотистые.

41. Сразу же за Баракой лежит залив Баригаз⁴⁸ и берег страны Ариаки — начало царства Манбана⁴⁹ и всей Индии. [Области,] лежащие в глубине материка и граничащие со Скифией, называются Аберия⁵⁰, приморские же — Сюрастрена⁵¹. Богата же страна хлебом, и рисом, и маслом — сезамовым и очищенным, и хлопком, и обычными индийскими одеждами из него. В ней очень много стад скота, и люди очень велики телом и черны кожей. Столица же страны — Миннагара⁵², из которой множество одежды отвозится в Баригазу. И до сих пор сохранились же знаки похода Александра по этим местам: древние святилища, основания лагерей и огромные стены. Плавание же вдоль этой страны от Барбарикона до мыса, называемого Папике, [лежащего] в Астакапре⁵³ на том берегу [залива] Баригаз, занимает [же] около 300 стадий.

42. За ним есть другой залив, [защищенный] в глубине от волн, углубляющийся на самый север, возле входа в который есть остров, называемый Байон⁵⁴, а в самых углубленных частях — огромная река, называемая Маис⁵⁵. Плывущие в Баригазу пересекают этот залив шириной приблизительно в 300 стадий, оставляя с левой стороны остров, от которого виден лишь самый край, и [следуют] на восток к самому устью реки Баригаз. Называется же эта река Ламнай⁵⁶.

43. Так как сам залив у Баригазы узок, он труднопроходим для плывущих из [открытого] моря: они попадают в него либо с правой, либо с левой стороны, где проход лучше, чем с другой. Хотя справа у самого входа в залив возле деревни Каммони⁵⁷ лежит неровная и скалистая коса, называемая Херона, слева же, напротив нее перед Астакапрами — мыс, называемый Папике, который неудобен

для причаливания, так как возле него сильное течение, а дно — острое и скалистое — обрезает якоря. И даже если кто-то войдет в залив, само устье реки возле Баригазы трудно найти, так как земля — низменная и в точности ничего не видно даже вблизи; если же кто и найдет, то трудно [в него] войти из-за отмелей на самой реке вокруг него.

44. Поэтому местные царские рыбаки на больших кораблях, которые называются траппага и котюмба, выходят с командой [гребцов] навстречу вплоть до Сюнрастрене, от которой сопровождают корабли до Баригаза. Тащат же их прямо от входа в залив через отмели с помощью команды [гребцов] и буксируют на канатах к уже определенным стоянкам. Они их тянут, когда начинается прилив, а когда прекращается, ставят на якорь по бухтам и заводям. Места заводей — самые глубокие по реке вплоть до Баригаза; отстоит же [город] от устья вверх по реке стадий на 300.

45. Во всей индийской стране есть огромное количество рек с сильнейшими приливами, длящимися при новолунии и полнолунии до трех дней и уменьшающимися при средних фазах луны; [они] еще сильнее у Баригаза, так что неожиданно можно увидеть дно, а некоторые части берега <иногда становятся то морем>, то твердыми — те, по которым только что плавали. Река же под напором прилива моря, давящего всей массой [воды], несется вверх сильнее природного течения на многие стадии.

46. Поэтому и опасны ввод и вывод судов для неопытных и [тех, кто] впервые прибывает на рынок. Если в бухте случится прилив, то якоря, удерживающие [корабль], не стоят на месте; поэтому и суда, влекомые силой, разворачивает на бок мощью течения, выбрасывает на отмели и разбивает, а более мелкие — и переворачивает; некоторые же, если не закреплены, из-за отливов ложатся на борт и на каналах, а когда неожиданно возвращается прилив, первой же волной течения заполняются водой. Таковы силы врывающегося моря при новолунии, особенно при ночном приливе, так что, когда [он] только начинает подходить, пока море еще спокойно, тем, [которые живут] возле устья, несется нечто похожее на шум войска, доносящийся издалека, и через некоторое время само море несется с гулом по отмелям.

47. За Баригазой в глубине материка проживают многие народы: Аратрии⁵⁸, и <А>рахуз<ии>⁵⁹, и Гандарайи⁶⁰, и народ Прокл<а>иды⁶¹, где расположена Александрия Букефалия⁶². А за ними живет очень воинственный народ бактрианов, [живущих] под управлением царя, владеющих собственной территорией⁶³. И Александр, отправившись из этих мест, дошел до Ганга⁶⁴, оставив позади Лимирику и южные части Индии; с тех пор и до настоящего времени в Баригазах ходят старые драхмы с выбитыми [на них] греческими буквами — символами правивших после Александра Аполлодота⁶⁵ и Менандра⁶⁶.

48. Есть в ней на востоке город, называемый Озене⁶⁷, в котором был раньше царский двор, из которого все, что [относится] к благосостоянию страны и торговле с нами, отвозится в Баригазу: камни, похожие на оникс, и агат, и индийское полотно, и сделанные из мальвы, и достаточно много простых. Вывозится же из нее и из выше [расположенных] мест привозимый через Проклаиду нард, и каттубуринский, и патропапигский, и кабалитский⁶⁸, и через рядом лежащую Скифию, а также кост и бделла.

49. Привозят же на рынок в первую очередь вино — итальяйское, и лаодикийское, и арабское, и медь, и олово, и свинец, и коралл, и топаз, одежду — без рисунка и броскую всех видов, разноцветные пояса в локоть длиной, стиракс,

клевер, необработанное стекло, мышьяк⁶⁹, сурьму⁷⁰, золотые и серебряные динарии, меняемые с некоторой выгодой на местную монету, мазь — и недорогую, и в небольшом количестве. Царю же в этих случаях привозят дорогие изделия из серебра, музыкантов, красивых девушек для сожительства, и прекрасное вино, и дорогую одежду без рисунка, и отличную мазь. Везут же из [этих] мест нард, котос, бделлу, слоновую кость, камни, похожие на оникс, и мирру, и крушину, и хлопковую ткань всех видов, и серикскую, и мальву, и пряжу, и длинный перец⁷¹, и то, что привозят с [других] рынков. Отплывают же, отправляясь из Египта на [этот] рынок, в самое удобное время — около июля месяца, то есть Эпифи.

50. Берег же, начинающийся сразу за Баригазой, тянется с севера на юг, поэтому и страна называется «Дахинабад», ибо «даханос»⁷² означает «юг» на их языке. Область, лежащая в глубине материка на востоке от нее, охватывает многие пустынные страны, и огромные горы, и множество разнообразных зверей: леопардов же, и тигров, и слонов, и огромных змей, и гиен, и много видов собакоголовых⁷³, и огромное число многолюдных народов вплоть до Ганга.

51. Из [расположенных] в самом Дахинабаде наиболее значительны два рынка — Пайтана⁷⁴, отстоящая от Баригаз на 20 дней пути на юг; от нее <же> дней на 10 на восток другой огромный город — Тагара⁷⁵. Из них отвозится повозочными переходами по пространым бездорожьям из Пайтаны в Баригазу множество камней, похожих на оникс, из Тагары же — много обычной хлопковой ткани, и льна всякого вида, и из мальвы, и некоторые другие товары, привозимые из приморских мест. Все же плавание до Лимирики занимает 7000 стадий, большая же часть [кораблей идет] до Айгиала.

52. Местные рынки, лежащие один за другим: Акабару⁷⁶, Суппара⁷⁷ и город Каллиена⁷⁸, который во времена предыдущего [царя] Сарагана⁷⁹ был рынком, где все шло по закону; ведь после того, как его занял Сандан⁸⁰, он стал надолго труднодоступен; ведь случайно заплывающие в эти места эллинские корабли под охраной отводятся в Баригазу.

53. После Каллиены следующие местные рынки: Семилла⁸¹, и Мандагора⁸², и Палайпатмы⁸³, и Мелизейгара⁸⁴, и Бизантион⁸⁵, Топарон⁸⁶, и Тираннос Боас⁸⁷. Затем — острова, называемые Сесекрейнские⁸⁸, и [остров] Айгидион⁸⁹, и [остров] Кайнейтов⁹⁰ возле так называемого Полуострова; эти места заняты пиратами, а за ними — остров Левка⁹¹. Затем — Наура⁹² и Тиндис⁹³, первые рынки Лимирики, а за ними — Музирис⁹⁴ и Нелькинда⁹⁵, которые ныне процветают.

54. Тиндис — важная приморская деревня, [принадлежащая] царству Кепробота⁹⁶; Музирис, [относясь] к этому же царству, процветает благодаря кораблям, приходящим в него из Ариаки и Эллинским; лежит он на реке⁹⁷, отстоя от Тиндиси по реке и по морю на 500 стадий, а от <устья реки>, [текущей] через него, на 20. Нелькинда же отстоит от Музириса приблизительно на 500 стадий, так же по реке, [и по берегу], и по морю; относится же к другому царству — Пандиона⁹⁸; она также лежит на реке⁹⁹, приблизительно в 120 стадиях от моря.

55. Перед самым устьем реки лежит другая деревня — Бакара¹⁰⁰, в которую корабли, идущие морем от Нелькинды, заходят в первую очередь; для того чтобы взять грузы, они встают на якорь на открытом рейде, так как на реке есть песчаные отмели, а проходы — мелководные. Сами же цари обоих рынков проживают в глубине материка¹⁰¹. И в этих самых местах для [идуших] из открытого моря знаком приближения являются выплывающие навстречу змеи,

они также черные кожей, но короче, и с головой, как у дракона, и кровавыми глазами.

56. Суда же идут на эти рынки полными из-за веса и объема перца и малабтра¹⁰². Привозят [же] на них по большей части огромное количество монет, топаз, немного одежды без рисунка, разноцветной, сурьму, коралл, необработанное стекло, медь, олово, свинец, немного вина, — довозится столько же, сколько в Баригаза, реальгар¹⁰³, сурьму, хлеб — сколько необходимо для тех, кто владеет кораблями, так как торговцы в нем не нуждаются. Везут же перец, рождающийся в одном только месте из этих рынков в большом количестве, называемом Коттанарика¹⁰⁴. Из внутренних мест везут в него достаточное количество жемчуга, и слоновую кость, и серикские хлопковые одежды, и гангетийский нард, и малабатр, и прозрачные камни всех видов, и алмазы, и аквамарины, и черепаху — как с Золотого острова¹⁰⁵, так и пойманную возле островов, лежащих перед самой Лимирикой¹⁰⁶. Плывут же в него те, кто отправляется в наилучшее время из Египта, около июля месяца, то есть Эпифи.

57. Все это описанное плавание от Каны и Счастливой Аравии <ходившие ранее> проплывали вдоль заливов на меньшего размера кораблях; впервые же кормчий Гиппал, изучив расположение рынков и форму моря, открыл путь через [открытое] море. [Поэтому] в этой местности дующие с океана сезонные [ветры, называемые] у нас этесийскими, в Индийском море появляющиеся с юго-запада, [называются] <Гиппал> по имени впервые открывшего плавание [через открытое море]. Поэтому и до наших дней некоторые отправляются прямо из Каны, некоторые — от [мыса] Ароматов, и те, кто плывут в Лимирику, по большей части держат парус перпендикулярно ветру, те же, кто в Баригаза или Скифию, — не более трех дней, а остаток [пути], проходя своим курсом далеко от берега через открытое море, проплывают мимо ранее названных заливов.

58. За Бакарой — так называемая Красная гора¹⁰⁷, <и> другая страна... под [управлением] Пандиона, называемая Паралия¹⁰⁸, тянется на самый юг, [в которой есть место для ловли жемчуга, (управляемое) царем Пандионом, и город, называемый Колхами¹⁰⁹]. Первым [идет] место, называемое Балита¹¹⁰, имеющее красивую бухту и приморскую деревню. За ним лежит другое место, называемое Комар¹¹¹; в этом месте есть деревенька и гавань, в которой желающие стать святыми на большую часть своих дней, приходя туда, остаются там безбрачными [и] совершают омовения, то же [делают] и женщины. Ведь рассказывают, что богиня¹¹² там остается на некоторое время и совершает омовения.

59. За Комар вплоть до Колхой тянется страна, в которой есть места ловли жемчуга, добывается же [он] осужденными. Она находится под [властью] царя Пандиона. За Колхой идет сперва Айгиал, лежащий в заливе, имеющий округу в глубине материка, называемую Аргалу¹¹³. В одном этом месте, и ни в каком другом <покупают в ней [этой] плодородной страны> свозимый жемчуг. Везут же из нее полотно, называемое Аргаритидским.

60. Из рынков же и бухт по этим [местам], в которые некоторые прибывают, плывя из Лимирики и с севера, наиболее важные и лежащие один за одним являются рынки Камара¹¹⁴, и Подука¹¹⁵, и Сопатма¹¹⁶, в которых есть местные суда, ходящие вдоль берега до Лимирики; другие — из самых больших одноствольных судов, скрепленные каркасом, называемые сангара¹¹⁷, самые большие — поднимающиеся на Золотой [остров] и Ганг, [называющиеся] коландиофонта¹¹⁸. Ввозят же в эти места то, что доставляется в Лимирику для торговли, а в общем в течение всего года в них доставляют монеты, привозимые из Египта,

и множество видов всего, вывозимого из Лимирики и поставляемого по морскому побережью.

61. В областях же за ними, там, где курс поворачивает на самый восток, [лежит] остров, называемый Палайсимунду¹¹⁹, древними же его обитателями [называвшийся] Тапробана¹²⁰. Его [часть, обращенная] к северу, — мирная, тянется почти до лежащей напротив Азании. Встречается же на нем жемчуг и прозрачные камни, и полотно, и черепаха.

62. По этим вот местам тянется страна Масалия¹²¹, уходящая далеко в глубь материка; в ней производится множество полотна. От нее же, если пересечь лежащий на восток залив, [лежит] страна Десарена¹²², дающая слоновую кость, называемую «Босаре»¹²³, а за ней, если вести плавание уже на север, — много варварских народов: среди них Киррады¹²⁴ — разновидность людей с приплюснутым носом, и другой народ Баргюсов¹²⁵, и Лошадолицы, о которых говорят, что они людоеды.

63. За ними на восток, если держать океан по правую руку и проплыть, держа по левую руку остальные части, помимо [этих] встречаются Ганг и Золотой [остров] — крайняя часть восточного берега, лежащая возле него. Возле него есть река, называемая Ганг, и она, самая большая в Индии, опускается и поднимается, как Нил; на ней есть рынок, одноименный реке Ганг¹²⁶, через который везут малабатр, и ганге<ти>йский нард, и жемчуг, и тонкое полотно, самое роскошное, называемое гангетийским. Говорят же, что есть в этих местах и золотые шахты, и монеты из золота, называемые калтис. Рядом с рекой есть океанский остров — крайняя часть ойкумены на востоке, под самым восходящим солнцем, называемый Золотой, имеющий наилучшую из всех мест по Эритрейскому морю черепаху.

64. За этой страной, там, где море заканчивается в одном из самых дальних мест, лежит [же] там, в глубине материка, огромный город, называемый Тины¹²⁷, из которого в Баригазы через Бактры везут шерсть, пряжу и тонкий серикский хлопок по суше, а в Лимирику, наоборот, по Гангу. До этой Тины добраться нелегко: ведь редко кто из нее приходит, [да и тех] немного. Лежит [это] место под самой Малой Медведицей, говорят же, что граничит с частями Понта и Каспийского моря, поворачивающими [от своего обычного курса], лежащее возле которого Меотийское болото изливается в Океан.

65. Каждый год на границе Тины появляется некий народ, телом короткий и очень плосколицый, <и говорят, что светлые кожей>, зовут же их Сесаты¹²⁸, [и они] кажутся мирными. Появляются же с женами и детьми, принося множество поклажи, похожей на плетенки цвета свежего виноградного листа; затем они остаются на каком-либо месте границы между ними и [жителями] Тины и справляют празднества в течение нескольких дней, расстелив под собой плетенки, и уходят к себе в более отдаленные места. И затем в [этих] местах появляются <местные жители>, рассчитывающие на это, и собирают ими разбросанное, и отдирают волокна с тростинок, называемые «петрой»¹²⁹, аккуратно заворачивают листья и, делая шарики, сшивают волокнами от тростника. Получается три вида: из больших листьев — малабатр, называемый «крупным шариком», из [листьев] поменьше — «средним шариком», из маленьких же — «мелким шариком». Так получается три вида малабатра, и затем он отвозится в Индию изготовившими их.

66. [Области] же за этими местами из-за жестокости штормов, и сурового мороза, и труднодоступности мест, и также некоей божественной силы не исследованы.

¹ «Мышиная бухта» получила свое название по имени какого-то моллюска, поэтому иногда ее название переводят как «Ракушечная гавань». Город основан Птолемеем II Филаделфом (283/2–246 гг. до н.э.), он расположен на территории городища Старый Кусейр в 8 км к северу от современного города Кусейр.

² Стадий — мера длины, равная 176,6 м.

³ Часто название города в исследовательской литературе пишется «Береника» или «Беренике». Вероятно, Берника — самый большой и важный из портов, расположенных на Красном море, чьи руины лежат рядом с современным Умм-эль-Кетеф (Umm el-Ketef) в районе мыса Рас-Банас в заливе Акаба. Основным назначением Берники были торговля с Аравией и Африкой и доставка африканских слонов, которых тренировали для борьбы с индийскими слонами в селевкидской армии: небольших африканских лесных слонов ловили возле Адулиса, перевозили по Красному морю до Берники, затем — через восточную пустыню до Аполлонополиса (Эдфу), а затем — вверх по Нилу.

⁴ В Египте имелось несколько городов с названием Арсиноя, данным по имени жен Птолемея II: Арсиной I и II. Один был расположен около современной Дамьетты (Арсиноя Клеопатрида), другой — в среднем течении Нила (Малый Диосполь), западнее современного г. Кена; третий город Арсиноя, расположенный в Фаюмском оазисе, был известен своим текстильным производством.

⁵ Речь может идти в данном случае о непрозрачном стекле, противопоставленном только что упомянутому прозрачному, изготовленному с применением специальных добавок.

⁶ Диосполем греки называли город Но-Аммон; в птолемеевское и римское время оно стало привычным именем для Фив. Фивы (Большой Диосполис) — один из трех городов, носивших имя Диосполис, — были известны своим стекольным производством наряду с Александрией.

⁷ Разновидность верхней одежды; изначально гаунаки производились из овечьей шерсти.

⁸ Этот топоним восходит к санскритскому Āryaka (страна ариев) — в индийской традиции, священная страна, заключенная между Гималаями, горами Виндхья и двумя океанами.

⁹ Это слово обозначало ткань более широкого покроя, чем обычно, безотносительно ее качества.

¹⁰ Что имелось в виду под этим названием, определить невозможно.

¹¹ Имеется в виду *Tachardia lacca*. Его греческое название происходит от пракритского *lakkhā* (санскритского *lākṣā*) — растения красного цвета.

¹² Соответствует санскритскому *Vaṇṭakaccha*, современному порту Бхаруч, расположенному в 30 км от современного Камбейского залива, на берегу р. Нармады — главному портовому городу западного побережья Индии.

¹³ Речь идет о рынках, лежащих южнее мыса Гвардафуй, расположенного на восточной оконечности Африки.

¹⁴ Название происходит от пракритского *sakkharī* / палийского *sakkharā* / санскр. *śarkarā*. Индия была источником поступления сахара для греко-римского мира. Он использовался только в медицинских целях, но никогда — для подслащивания воды, для чего добавлялся мед.

¹⁵ Город и порт государства Химьяр. Идентифицируется с современным Моха.

¹⁶ В данном случае может иметься в виду египетский папирус, использовавшийся в кораблестроении и металлургии, или некий аромат.

¹⁷ Название минейской (минайской) мирры происходит от названия государства Ма'ин, хотя в действительности она произрастала в Хадрамауте и южных (аусанских) областях Катабана. До середины II в. н.э. она считалась лучшей. Аберайская мирра, возможно, может быть идентифицирована с «габирейской». Само слово «мирра» происходит от арабского *mir* — «горький».

¹⁸ Этот город, располагавшийся на территории государства Химьяр, упоминался еще задолго до составления текста Перипла: у Аристофана, Еврипида, Агатархида Книдского. «Счастливая Аравия» идентифицируется с современным Аденom.

¹⁹ Единственный известный поход римлян на Южную Аравию под руководством Элия Галла в 26–25 гг. до н.э. достаточно подробно описан источниками (Strabo. XVI.4.22–24; Dio. Cass. 53.29.3–8; Ios. Fl. Antt. 15.317). Наиболее распространенное мнение состоит в том, что таким образом римляне устранили своего конкурента в торговле с Индией, или в том, что в тексте Перипла ошибка и нужно читать имя какого-либо южноаравийского царя: Харибаила или Элеаза. Под Цезарем может иметься в виду только император Август.

²⁰ Имеется в виду современный остров Халлания, бывший в древности мысом.

²¹ Самый ранний из известных носителей имени 'Il'azz — Ил'азз II Йалит правил ок. 29–65 гг. н.э.

²² Город Кана, расположенный около современной деревни Бир Али на южноаравийском побережье, принадлежал царству Хадрамаут. Его бухта — лучшая во всем Южном Йемене.

²³ Современный мыс Фартак.

²⁴ Современный мыс Гвардафуй.

²⁵ Имеется в виду о-в Сокотра. Имя Диоскориду не греческое, но происходит от санскритского dvīpa sukharaḍhaṇa — «благословенный остров» или sukhataṛa — «счастливейший».

²⁶ Это растение произрастает на Сокотре, и его плоды издавна служили для жителей острова предметом экспорта. На Сокотре были открыты стены, разграничивавшие участки для киновари и алоэ. Употреблялась индийская киноварь в лекарственных целях и как краситель.

²⁷ Имеется в виду царь Хадрамаута Элеаз.

²⁸ Т.е. «тирану» Холебу.

²⁹ Греческая транскрипция Tamilakam — Тамильского побережья Индии, включавшего в себя царство Чола.

³⁰ Описание Сокотры, данное автором «Перипла», дает возможность предположить, что купцами, которым была дана на откуп торговля с о-вом Диоскуриду, были аравийцы. «Перипл» подчеркивает, что торговцами, попадавшими на остров, были аравийцы и индийцы, да и то последние — чисто случайно. Отсутствие у автора «Перипла» точной информации о состоянии торговли на острове и тот факт, что он тщательно охраняется, может говорить о том, что римляне были специально изолированы от ведения торговых операций на острове, которые для местных правителей имели большое значение.

³¹ Имеется в виду современный залив Камар. Горы, упомянутые в данном отрывке, — цепь Джебель Камар.

³² Гавань Мосха принадлежала царству Хадрамаут. Локализуется в современном поселении Хор Рори.

³³ Имеется в виду Персидский залив.

³⁴ Этот топоним так и не отождествлен.

³⁵ Возможно, это слово восходит к арабскому muddarṭa'at — «прикрепленный пальмовыми волокнами».

³⁶ Автор описывает регион современного Карачи. Современная береговая линия значительно изменилась, поэтому не соответствует тексту.

³⁷ Описываемый регион соответствует территории долины Инда. Племена, обосновавшиеся в этом регионе, индийцы и греки называли саками, но сами греки еще и скифами.

³⁸ Соответствует санскритскому sindhu — «река», «река Инд».

³⁹ Об огромных морских животных невероятной величины повествовали и участники плавания Нearcha (Diod. XVII.106.4).

⁴⁰ Этот топоним до сих пор точно не идентифицирован. Можно предполагать, что город мог располагаться в районе современного Бахардипура.

⁴¹ В данном случае речь идет о редком для Индии минерале; его импортировали в Баригазы (49: 16.22), Музирис и Нелькинду (56: 18.18). Перидот (оливин, чья разновидность — хризолит) — встречается только на о-ве св. Иоанна (о-в Сент-Джон) в Красном море. На этом острове (современный о-в Зебергед), отстоящем на 56 км от мыса Банас, на котором локализуют Бернику, перидот добывают и сейчас.

⁴² Имеется в виду ароматический корень Saussurea Lappa — растения рода имбирных, который использовался в приготовлении специй — он добавлялся в вино, и в парфюмерии —

для изготовления масел и мазей. В греческих папирусах он упоминается как необходимый компонент медицинских и магических предписаний.

⁴³ Источником поставок лазурита была область Бадахшан на северо-востоке Афганистана.

⁴⁴ Народ или группа народов, которых греческие и латинские авторы называют «серами», довольно часто упоминаются в литературе Поздней Республики и Ранней Империи. Идентификация серов и их локализация остаются одной из наиболее трудных проблем исторической географии древности. Античные авторы наиболее часто представляли их как торговых партнеров, живущих на самом крайнем Востоке, поставщиков дорогой ткани, в которой можно видеть китайский шелк. Так писали о них уже поэты эпохи Августа: Вергилий (G. 2.1), Гораций (Od. 1.12.53–57; 1.29.25–28; 4.15.21–24; Epod. 8.15–16), Проперций (1.14.22; 3.4.8), Овидий (Am. 1.14.5–6). Гораций даже смешивает их с гетами и парфянами (Od. 4.15.21–24). Наиболее старая гипотеза из предложенных в современной историографии выдвинута еще «королевскими географами» во Франции в 60–70-е годы XVIII в. которые отождествляли серов с китайцами. Более вероятно, что серы — один из среднеазиатских народов, действительно пересекавших Гималаи и прошедших в бассейн Тарима. Можно локализовать серов на территории Синьцзяна и «Великого Тибета».

⁴⁵ Индиго использовался как красящее вещество и в медицинских целях.

⁴⁶ Название Эйрин происходит от санскритского *īṛiṇa* — лагуна, грязная земля. Описанный здесь залив соответствует заливу Кач, который и в настоящее время состоит из двух частей.

⁴⁷ Возможно, расположен внутри залива Кач. Свое имя залив получил от города Дварака, расположенного на современном полуострове Катхиявар.

⁴⁸ Имеется в виду современный Камбейский залив.

⁴⁹ Имеется в виду сакский правитель Нахапана (ок. 40–70 гг. н.э.).

⁵⁰ Название этой области явно происходит от имени народа *ābhīras*. В первом веке нашей эры они занимали территорию современного Восточного Гуджарата и Западного Мадхья-Прадеш.

⁵¹ Имеется в виду область Саураштра (*Saurāṣṭra*) индийской традиции, соответствующая современному полуострову Катхиявар. Древний топоним сохранился в современном названии области Сураат.

⁵² То, что второй раз по отношению к разным топонимам употребляется одно и то же название, говорит об использовании «технического» термина — «столица». Среди вариантов по идентификации предлагались: Ахмадпур, Мандасор, расположенный недалеко от Удджайна, Индор, Барода, где были обнаружены следы присутствия римлян, Джуннар.

⁵³ Соответствует древней области *Nastakavarā*, ныне — Хатаб.

⁵⁴ Отождествляется с островом Перам/Пирам.

⁵⁵ Соответствует реке *Mahī* (совр. река Махи) индийской традиции.

⁵⁶ Соответствует современной реке Нармада, впадающей в Камбейский залив.

⁵⁷ Возможно, соответствует современной деревне Ким.

⁵⁸ Возможно, соответствуют племена *āraṭas*, населявшему Пенджаб.

⁵⁹ Имеются в виду жители Арахозии, расположенной на юге Афганистана.

⁶⁰ Имеются в виду жители Гандхары — области, расположенной в современном Пакистане между реками Инд и Кунар.

⁶¹ Происходит от санскритского *Puṣkalāvātī*.

⁶² Имеется в виду город, основанный Александром Македонским в память о своем коне Букефале (Бычья голова), погибшем в битве с царем Пором рядом с переправой через реку Джелум.

⁶³ Здесь текст испорчен. Возможна трактовка А.А.Вигасина: «Кусан, [зовущимся] по собственному уделу».

⁶⁴ В данном случае автор Перипла ссылается на вульгарную традицию Каллисфена о том, что Александр Македонский дошел до Ганга.

⁶⁵ Аполлодот I Великий, или Спаситель (180–160 гг. до н.э.), — индо-греческий царь. Его власть распространялась на территорию Паропамисад, Арахозии, Гандхары и Западного Пенджаба.

⁶⁶ Менандр I Сотер — самый знаменитый индо-греческий правитель. Время его правления до сих пор в точности не определено. Предлагались следующие варианты: 170–145, 160–140, 150–130, 125–95 гг. до н.э. Наиболее вероятной датой представляется 155–130 гг. до н.э. Можно предположить, что Менандр родился в Каласигама, расположенном на слиянии рек Панджшир и Горбанд, там, где на месте Александрии на Кавказе расположено городище Беграм. Область завоеваний Менандра в Индии была более обширной, чем Александра Македонского. Его завоевания проходили в трех направлениях: в сторону Ганга и Ямуны, Синда (Паталены) и Саураштры. Пока Менандр был занят захватом долины Ганга, в его владения вторгся Евкратид I. Решающее сражение проиграл Менандр, и ему удалось сохранить только Сангалу и ее округу. Все остальные земли занял Евкратид I. После того как он был убит, Менандру удалось вернуть потерянные земли. Согласно Плутарху (De fort. Alex. 821), Менандр внезапно умер в военном лагере; возможно, он был убит собственной женой Агатолейей, которая после его смерти стала регентшей.

⁶⁷ Имеется в виду современный город Удджайн.

⁶⁸ Распознать в этих именах реальные индийские топонимы довольно трудно. В первом видны два корня — kaṭu и bhūri, и оно означает «обладающий острым вкусом» или «изготовленный из наилучшего растения». Патропапигский восходит к санскритскому partapāpika — «обладающий худшими листьями». Таким образом, этот вид нарда оказывался худшим по качеству по сравнению с прочими, в частности с каттюринским. Кабалитский же народ получил свое название, скорее всего, от названия реки Кабул.

⁶⁹ В Индию мышьяк поступал в основном через порты Персидского залива из Персии и Кармании.

⁷⁰ Сурьма использовалась для лечения глазных болезней, в косметических целях, а также в процессе изготовления стекла, например в Кане.

⁷¹ Возможно, греческое πέλερ<ι> происходит от санскритского pīraṇī. Длинный перец ввозился в Грецию в небольших количествах и до похода Александра. В Корпусе Гиппократов (V в. до н.э.) он упомянут как индийское лекарство. Среди индийских растений он упомянут и Теофрастом (Н. Pl. 9.20.1). Также перец упомянут Антифаном Афинским (IV в. до н.э.). Частые ссылки на перец начинаются в античной литературе с эпохи Августа: Ног. Ер. II.1.270; Sat. II.473–474; Ov. Ars. II.417. Длинный перец был наиболее дорогой разновидностью из всех ввозившихся среди Индии.

⁷² Это название происходит от санскритского Dakṣiṇāpatha — «южный регион»; dakṣiṇā — «юг». Этим названием в индийской традиции обозначалась территория к югу от реки Нармада (Nerbudda).

⁷³ Вероятнее всего, имеются в виду обезьяны.

⁷⁴ Греческое название происходит от санскритского Pratiṣṭhāna, пракритского Paṭṭhāna, имени города, лежащего на р. Голавари, ныне — Пайтан.

⁷⁵ Соответствует санскритскому Tagara. Ныне — город Тер, расположенный в районе Усманабад, штат Махараштра. Раскопки показали, что в первые века нашей эры город переживал подъем и поддерживал интенсивные контакты со Средиземноморьем.

⁷⁶ Топоним не идентифицирован.

⁷⁷ Греческое название происходит от санскритского Śūrpāraka. Ныне — город Сопара (Совира) около Бомбея.

⁷⁸ Греческое название происходит от санскритского Kalyāṇa, расположенного на р. Ульхас.

⁷⁹ Имеется в виду правитель династии Андрха Шри Готамипутра Шатакарни (ок. 50–70 гг. н.э.).

⁸⁰ Под именем Сандана скрывается название династии Сатаваханов, соответствующей династии Андрха, упомянутой в Пуранах. Последовательность событий, описанных автором, такова: при предшественном (по отношению к современному автору Васиштхипутре Шри Пулумави) царе Сатаваханов Готамипутре Шри Шатакарни в порту Каллиена, который находился под контролем саков, «все шло по закону», а после того как произошла смена правителя и место Готамипутры Шри Шатакарни занял следующий Сатавахана («младший») — Васиштхипутра Шри Пулумави, в Каллиене начались трудности с торговлей, так как этот царь

вступил в конфликт с саками. Фраза «во времена предыдущего [царя] Сарагана» подразумевает, что порт Каллиены тогда не находился в руках Сатаваханов.

⁸¹ Греческое название происходит от санскритского *Sumūla*. Ныне — г. Чаул.

⁸² Возможно отождествление с современным городом Банкот, расположенным в устье р. Савитри, или Мандангад, к югу от него.

⁸³ Соответствует современному городу Дахбул, расположенным на р. Васиштки (Анджанвел) в 160 км к югу от Бомбея.

⁸⁴ Возможно отождествление с современным городом Джайгарх, лежащим на р. Джайгарх, или современным Раджапуром.

⁸⁵ Возможно, в данном случае — греческая транскрипция санскритского *Vijyadurga* (современный Визиадург).

⁸⁶ Возможно отождествление с городом Девагарх.

⁸⁷ Греческое название происходит от санскритского *agaṇyavaṇa* — «соленое болото», что должно отражать *Maḥālavana*, соответствующее современному Мальвану.

⁸⁸ Возможно, имеются в виду скалы Венгурла в группе Сожженных островов.

⁸⁹ Возможно, имеется в виду о-в Анджидива (Анчедива) в 80 км от современного Гоа.

⁹⁰ Отождествляется со скалами Ойстер. Возможно, имеется в виду о-в св. Георгия.

⁹¹ Идентифицируется с о-в Пижон, другое название — о-в Нетрани.

⁹² Возможно, соответствует г. Хонавар в устье р. Сарасвати. Предпринимались попытки локализовать Науру в современном Каннамуре и в Мангалуру, тамильское название которого было *Naravu*. Согласно другой точке зрения, город Науру может быть идентичен первой столице царства Чера Нараву.

⁹³ Может соответствовать городу *Toṇḍi* (*Toṇḍi*), расположенному на берегу моря на севере царства *Sēṅa* (Чера). Ряд исследователей высказывались в пользу отождествления Тиндиса с Понани — ближайшим портом, лежащим в устье одноименной судоходной реки, дававшим сухопутный выход к области Коимбатуру (Коямпуттур), что позволяло избежать плавания вокруг южной оконечности Индии.

⁹⁴ Точная локализация Музириса пока не проведена. Можно предположить, что Музирису может соответствовать местечко *Muzirikottam*, сохранившееся в районе современного Крангануру в болотах Кочин.

⁹⁵ Нелькинде может соответствовать местечко *Nīlēśvara* на Малабарском побережье и являться греческой транскрипцией санскритского *Nīlakaṇṭha* — одного из имен Шивы. Возможно отождествление Нелькинды с г. Коттаям, лежащим в 30 км от Крангануру рядом с озером Вембанад или Нираном.

⁹⁶ Имеется в виду *Keralaputra*, титул правителей царства Чера.

⁹⁷ В тамильской поэзии Музирис описывается, как лежащий на реке *Pēṇiāṅu* (там. «великая река»), ныне Перияр — самая большая река Малабарского побережья, берущая начало в горах Кардамон.

⁹⁸ Имеется в виду самое южное и раннее из трех тамильских царств — Пандья, упоминаемое уже в эдиктах Ашоки.

⁹⁹ Имеется в виду река Памбияр.

¹⁰⁰ Имеется в виду Поракад в Траванкуру или современный город Вайккарай.

¹⁰¹ Имеются в виду цари царства Чера, к которому относился Музирис, и Пандья, к которому принадлежала Нелькинда. Столицей царства Чера был город Ванчи, или Карур, расположенный приблизительно в 40 км к северо-востоку от Кочи, или Карур в округе Тричи; столицей царства Пандья — Мадурай.

¹⁰² Имеется в виду лист *Cinnamomum Tamala* и других лавровых. Само слово *μαλαβάθρον* происходит от санскритского *tamālapatra* («лист тамала»), но не вполне ясным остается то, что подразумевалось в Индии под листьями *tamāla*. Малабатр использовался в медицинских и парфюмерных целях как подсластитель и освежитель дыхания.

¹⁰³ Имеется в виду минерал желтого или красного цвета, руда для производства мышьяка (трисульфид мышьяка), который использовался как краситель и лечебное средство. Реальгар привозили из различных частей Малой Азии, Персии, Кармании. То, что его добывали и в Северо-Восточной Индии, может объяснять отсутствие реальгара в списке товаров, ввозившихся в Баригаду.

¹⁰⁴ Вероятно, этот топоним происходит от тамильского *kuṭṭa-nāḍu* — «страна лагун».

¹⁰⁵ Этот топоним, изначально относившийся, вероятно, к Нижней Бирме, означает у автора «Перипла» Малайский п-ов. Само название восходит к санскритскому *Suvamābhūmī* («Золотая земля»); так в древнеиндийской литературной традиции обозначалась сказочно богатая земля, расположенная на Востоке и идентичная современной Суматре.

¹⁰⁶ Имеются в виду Лаккадивские о-ва.

¹⁰⁷ Соответствует «Красным рифам» — побережью в Керале в районе современных Варкаллай и Андженго. Другой вариант идентификации: те же «Красные рифы» — название побережья ниже города в современном штате Керала, называемого на тамили Коллам.

¹⁰⁸ Среди предлагавшихся отождествлений можно выделить *kareḷ* (тамильское «берег») и *Purali* (тамильское название Траванкуру).

¹⁰⁹ Соответствует *Korkei* — порту, и одно время — столице царства Пандья, расположенному в устье р. Тамрапарни. Прекратил свое существование из-за постепенного разрушения морского берега. Проведенные раскопки выявили наличие привозной средиземноморской керамики.

¹¹⁰ Среди вариантов отождествления предлагались современные населенные пункты Каликат и Варкаллай.

¹¹¹ Имеется в виду современный мыс Кумари (Коморин), самая южная точка Индии. Его название происходит от санскритского *kumārī* — «девушка», «богиня».

¹¹² Возможно, имеется в виду Дурга — супруга Шивы, почитавшегося более других богов на юге Индии.

¹¹³ Речь идет о древней столице царства Чола *Urayūr/Orayūr/Warriore*, а все побережье, описанное как Айгиал — территория царства Чола, тянущаяся от реки Пеннар и Неллора до реки Вайгай.

¹¹⁴ Соответствует порту *Pukār*, также известному как *Kāvirippūmpaṭṭinam*, расположенному в устье реки Кавери.

¹¹⁵ Отождествляется с Арикамеду («устье Аракан»; древнее название — *Viraipattinam*), открытым в 30-е годы и лежащим в трех километрах к югу от Пондишери (Путтучери — от тамильского *Puduchchēri* — «Новый город») на правом берегу реки Арьянкуппам. О том, что здесь был центр торговли с Римом, свидетельствует значительное число находок римского происхождения — керамики, остатков амфор, стекла, ламп, что позволяет говорить о наличии огромного квартала, занятого иностранцами. Географически Арикамеду расположен исключительно выгодно — от него начинаются торговые пути в регионы, лежащие вдоль Бенгальского залива и на Дальнем Востоке. Археологические исследования показали, что Арикамеду должен был быть основан не позднее середины III в. до н.э., а первые контакты со Средиземноморским миром могли иметь место с конца II в. до н.э. Возможно, одной из причин, толкавшей средиземноморских торговцев на поддержание контактов с восточным побережьем Индии, была заинтересованность в поступлении шелка по «южной», морской ветви Великого шелкового пути, пролежавшей именно через восточные порты Индии, из которых шелк доставлялся на Малабарское побережье.

¹¹⁶ Вероятнее всего, этому топониму может соответствовать Сайдапат — так теперь называется один из окраинных районов Мадраса.

¹¹⁷ Соответствует тамильскому *ṣaṅgāḍam* — «плот».

¹¹⁸ Наиболее вероятно толкование, согласно которому «коландиофонта» восходит к малайскому *koleh pañjali* — «большой корабль».

¹¹⁹ Греческое название восходит к санскритскому *pārasamudra* — «за океаном».

¹²⁰ Имеется в виду современная Шри-Ланка.

¹²¹ Соответствует региону Масулипаттам, расположенному между реками Кришна и Годавари; это название сохранилось в имени современного города Мачилипаттам.

¹²² Соответствует области современного штата Орисса. Возможно, район получил название по имени реки Досарон. Найти современную реку, соответствующую всем требованиям источников, пока не удалось; вероятно, Досарон отражает какое-либо уже исчезнувшее имя.

¹²³ В индийской литературе Калинга, в целом соответствующая описываемому региону, считалась источником превосходных слонов.

¹²⁴ Происходит от санскритского *kirāta*. *Kirāta* в санскритской литературе являлось общим обозначением для монголоидных народов, живших на севере и востоке Индии; они говорили на тибето-бирманских языках. Их название сохранилось в имени народа кирантиев, ныне живущего в Непале.

¹²⁵ Соответствует народу *Bharhāḥ* пуранической традиции, соседям киратов (киррадов).

¹²⁶ Вероятно, соответствует *Tāmralipti* (на пали — *Tamalitti*; современный Тамлук) — порту, расположенному в устье Ганга, известному уже в эпоху Магадхского царства. Данные индийского эпоса и записки китайских паломников, а также материалы археологических раскопок говорят о том, что этот порт служил важным торговым пунктом. Весьма вероятно, что автор передает в данном случае информацию не о конкретном порте, а о целой стране, занимавшей южную часть современного Западного Бенгала и именовавшейся в индийских текстах *vaṅga*. Это название сохранилось в имени страны Бангладеш (страна Ванга). Юг Западного Бенгала очень богат археологическими находками. Порт Тамралипти был связан с обширным внутриконтинентальным рынком Северной Индии, через него Ванга была связана с рядом стран Юго-Восточной Азии, Китаем, Шри-Ланкой.

¹²⁷ Имя «города» происходит от названия династии Цинь (221–206 гг. до н.э.).

¹²⁸ Название этого племени, вероятно, восходит к санскритскому *viśadā* — «белый», «чистый», «не имеющий пятен».

¹²⁹ Вероятно, это слово происходит от санскритского *parṭa* — «лист».

XX. (53) За Каспийским морем и Скифским океаном наш маршрут сворачивает к Восточному морю, идя вдоль побережья, обращенного к востоку. Первая часть берега, за Скифским мысом, необитаема из-за снегов, а следующая — неблагоустроена из-за дикости местных народов. Там живут антропофаги — Скифы, едящие человечину; а поблизости — обширные пустыни и множество хищников, которые нападают на людей, не менее свирепых, чем они сами. Далее снова Скифы и снова пустынные области с дикими зверями — и так вплоть до гор, называемых Табис, выходящих к самому морю; лишь примерно с середины всей протяженности этого берега (когда последний обращен в северо-восточном направлении) земля становится обитаемой.

(54) Первые из народов, о которых есть сведения, — Серы, известные своим растительным руном; они вычесывают кудель из замоченной в воде зелени — отсюда и двоякого рода занятие для наших женщин: распускать нити и вязать снова. Сколько же требуется разнообразных трудов, в какие отдаленные края предпринимаются путешествия — и все для того, чтобы матрона могла появиться в обществе в прозрачных одеждах!

Серы кротки и, подобно неприрученным животным, избегают общения с прочими смертными, но в торговле они заинтересованы. (55) У них первая река, о которой известно, — Пситарас, следующая — Камбари, третья — Ланос, затем полуостров Хрисе, залив Кирнаба, река Атианос, залив Аттакоров и народ их, от любых вредоносных ветров защищенный горными вершинами, открытыми солнцу, — они живут в таком же климате, как Гипербореи; о них отдельную книгу написал Амомет — как Гекатей о Гипербореях.

За Аттакорами — Туны и Тохары и, уже из Индийцев, Касиры, внутри обращенные к Скифам, — они едят человечину; сюда же приходят кочевники Индии. По утверждению некоторых авторов, с севера с ними граничат Киконы и Брисары.

XXI. (56) А отсюда — племена, относительно которых нет разногласий, выходят горы Хемода, и начинается народ Индийцев, примыкающий не только к Восточному морю, но и к Южному, которое мы называем Индийским. Та часть Индии, что обращена к востоку, по прямой линии тянется до поворота и начала Индийского моря на 1785 миль, после чего поворачивает и по южной стороне

простирается, по словам Эратосфена, на 2475 миль, вплоть до реки Инд, которая служит границей Индии на западе.

(57) Многие определяли всю длину ее в 40 дней и ночей плавания под парусами, а с севера на юг — в 2850 миль. Агриппа говорит, что длина ее 3300 миль, а ширина — 2300 миль. Посидоний очертил ее границы с северо-востока до юго-востока, полагая, что она расположена симметрично Галлии, граница которой идет с северо-запада на юго-запад, а вся она открыта западному ветру; из этого он заключил, не без разумного основания, что благодаря дуновению ветра с противоположной стороны климат Индии становится благоприятным и здоровым.

(58) Иной у них вид небосвода, иные рождения светил, два теплых сезона в году и дважды — пора урожаев, а между ними зима, когда дуют пассаты, а в то время, когда у нас самая стужа, здесь лишь легкое дыхание ветров и море свободно для плаваний. Народности и города ее бесчисленны, если кто-то и захотел бы все их учесть. Открыта же она не только благодаря воинам Александра Великого и тех царей, которые наследовали ему (Селевк с Антиохом и адмирал их флота Патрокл путешествовали также по Гирканскому и Каспийскому морям), но и благодаря другим греческим авторам, которые побывали у индийских царей (как Мегасфен и Дионисий, посланец Филадельфа) и по этой причине рассказали о множестве народов. (59) Однако точности здесь быть не может — сообщения их различны и невероятны.

Спутники Александра Великого писали, что в той стране, которую он покорил, было 5 тысяч городов, каждый не менее Коса, а народов — 9 тысяч, что Индия составляет третью часть Ойкумены, что население ее бесчисленно (и последнее вполне вероятно: ведь Индийцы — едва ли не единственный из всех народов — никогда не переселялись из пределов своей страны).

Со времен Отца Либера и до Александра Великого у них насчитывается 153 царя, правивших 6451 год и три месяца. (60) Реки их удивительной величины; говорят, что Александр, спускаясь по Инду и делая не менее 600 стадий в день, не смог добраться до устья реки ранее, чем через пять месяцев и несколько дней, — а между тем Инд меньше Ганга! В том сочинении, которое и у нас появилось об Индии, Сенека говорит, что рек в этой стране 60, а народов — 118. Равным образом было бы трудно перечислить и горы: друг за другом следуют Имав, Хемод, Паропанис — части Кавказа, с которых вся страна спускается, образуя равнину бескрайнюю и похожую на Египет.

(61) Но, чтобы землеописание стало наглядным, мы пойдем по следам Александра Великого. Диогнет и Бэтон, измерявшие путь его походов, пишут, что расстояние от Каспийских Ворот до парфянского города Гекатомпилон составляет столько, сколько мы указали выше, оттуда до Александрии Ариев, города, который был основан царем, 575 миль, до г. Профтсасии Дрангов 199 миль, до города Арахосиев 565 миль, до Ортоспана 175 миль, (62) а оттуда до крепости Александра 50 миль (в некоторых списках встречаются другие числа) — этот город находится у самого подножия Кавказа: от него до реки Кофет и города Индийцев Певколати 237 миль, оттуда до реки Инд и города Таксилла 60 миль, до знаменитой реки Гидасп 120 миль — и это был предел походов Александра, хотя он, переправившись через реку, на противоположном берегу ее принес жертвы на алтарях.

С этим согласуются и письма самого царя.

(63) Остальное обследовано для Селевка Никатора: до Сидра — 169 миль, столько же до реки Иомана (в некоторых списках на 5 миль больше), отсюда до

Ганга — 112,5, до Родафа — 569 (другие говорят, что в этом отрезке 325 миль), до города Каллинипаза — 167,5 (а другие говорят — 265), отсюда до слияния рек Иомана и Ганга — 625 (а многие считают, что на 13,5 мили больше), до города Паталипутра — 425 миль, до устья Ганга — 637,5 мили.

(64) Народы, которые стоит вспомнить, начиная от гор Хемода (отрог которых называется Имай, что на языке местных жителей означает «Снежный»): Исары, Косиры, Изы и — по хребту — Хиротосаги; а у многих народностей есть еще дополнительное имя Брагманов, в числе которых Маккокалинги; реки Принас и Каиннас, что впадает в Ганг, — обе судоходны; племена Калингов у самого моря, а выше — Мандеи, Маллы, у которых гора Малл; граница же этой страны — Ганг.

XXII. (65) Одни говорят, что истоки его неизвестны, как у Нила, и он таким же образом орошает окрестные земли; другие же утверждают, что он зарождается в Скифских горах и принимает 19 притоков, из которых судоходными кроме уже названных являются Кренакка, Эрамномбова, Касуаг, Сон. Некоторые рассказывают, что у самых своих истоков он с сильным шумом вырывается наружу и низвергается сквозь стремнины и скалы, а как только достигает открытой равнины, находит прибежище в некоем озере, откуда уже вытекает спокойным потоком шириною не менее 8 миль, в среднем же — 100 стадий, и глубиною не менее 20 футов.

А последний из Гангских народов — Калинги, столица их зовется Перталис. (66) У царя 60 тысяч пеших, 1 тысяча всадников и 700 слонов в полной боевой готовности. Дело в том, что у более цивилизованных народов Индии население делится на несколько групп по образу жизни: одни пашут землю, другие несут военную службу, третьи свои товары вывозят, а чужеземные привозят, знатнейшие и богатейшие руководят общественными делами, суд производят и заседают с царями. Лица пятого разряда, преданные той мудрости, которая у них пользуется почетом и превращена почти в религию, часто завершают жизнь, добровольно восходя на костер, который сами же предварительно и зажигают. А кроме того есть еще один разряд — людей полудиких и занятых бесконечным трудом (прежде названные Индийцы его сторонятся): охотиться на слонов и приручать их; на слонах они пашут, на них ездят, это самый распространенный вид домашних животных, на них сражаются и охраняют границы. Для военного дела из них отбирают самых подходящих по силе, возрасту и величине.

(67) Есть остров на Ганге, огромного размера, населенный одним лишь народом Модогалинга. Далее находятся Модубы, Молинды, Уберы с великолепным городом того же названия, Модрессы, Преты, Калиссы, Сасуры, Пассалы, Колобы, Орунколы, Абалы, Талуты. У царя их в войске 50 тысяч пеших, 4 тысячи всадников, 4 тысячи слонов.

Еще сильнее народ Андары, с многочисленными селениями, с 30 городами, которые укреплены стенами и башнями; царю он поставляет 100 тысяч пеших, 2 тысячи всадников и 1 тысячу слонов. Дарды особенно богаты золотом, а Сеты также и серебром.

(68) У почти всех в Индии, а не только в этой земле, превосходят мощью и славой Прасии с городом Палиботрой, обширнейшим и богатейшим, по которому и сам народ называют Палиботрами, более того — даже всю страну, начиная от Ганга. У царя их на содержании 600 тысяч пеших, 30 тысяч всадников, 9 тысяч слонов — отсюда можно представить, сколь обширно его богатство!

(69) За ними, во внутренних областях, Монеда и Суары, у которых есть гора Малей, на которой тени зимою падают на север, а летом на юг — и так по шесть месяцев. По словам Бэтона, в той стране звезды Большой Медведицы показываются только один раз в году — и то лишь на 15 дней; Мегасфен же утверждает, что то же самое бывает во многих местах Индии. Южный полюс Индийцы называют Диамаса.

Река Иоман течет к Гангу по земле Палиботров между городами Метора и Хрисобора. (70) В области к югу от Ганга обитают народы, кожа которых окрашена солнечными лучами, довольно смуглые, хотя и не обугленные наподобие Эфиопов; но чем ближе к Инду, тем чаще они имеют естественный цвет тела. Инд находится сразу же вслед за народом Прасиев, в горах которых, говорят, живут Пигмеи. По словам Артемидора, между этими двумя реками расстояние — 2100 миль.

XXIII. (71) Инд, который местные жители называют «Синд», течет с того хребта Кавказа, который носит имя Паропанис и обращен на восток; он принимает в себя 19 притоков, самые известные из них: Гидасп, у которого еще четыре притока, Карнаба, у которого три, а также Акесин и Гипас, которые сами по себе судоходны. При довольно медленном течении Инд нигде не бывает шире 50 стадий или глубже 154 футов; он образует обширный остров, называемый Прасиана, и другой, поменьше, — Патала.

(72) На реке судоходство идет, по словам наиболее умеренных авторов, на протяжении 1240 миль; несколько сопутствуя солнцу в западном направлении, Инд сливается с океаном. Я укажу размеры морского побережья вплоть до данного пункта, шаг за шагом, те, что знаю, хотя сообщения об этом между собою не сходятся: от устья Ганга до мыса Калингон и города Дандагуда — 625 миль, до Тропина — 1225 миль, до мыса Перимула, где находится знаменитейший торговый порт Индии, 750 миль, до города на острове Патала, о котором мы сказали выше, 620 миль.

(73) Между ним и Иоманом горные племена Кесы, Кетрибоны лесные, потом Мегаллы (у царя которых 500 слонов, а количество пеших и всадников неизвестно), Хрисеи, Парасанги, Асмаги, страна которых изобилует дикими животными — тиграми (они выставляют пеших 30 тысяч, слонов — 300, всадников — 800). Инд является границей территории этих народов, окаймленной также цепью гор и пустынями. Вниз по пустыням на 625 миль — Дары и Суры, и снова пустыни на 187 миль, большею частью, среди песков, окружающих поселения, как острова в море.

(74) Ниже этих пустынь — Мальтекоры, Синги, Марои, Рарунги, Масуги. Они обитают в горах, что непрерывною чередой тянутся вдоль берега Океана; будучи свободны и независимы от царей, племена эти занимают горные вершины своими многочисленными крепостями. Далее Нарей, за которыми Капиталиа — высочайшая из гор Индии. Те, кто живут с обратной стороны ее, широко пользуются золотыми и серебряными рудниками.

(75) За ними Ораты, у царя которых лишь 10 слонов, но множество пешего войска, Суараттараты — и в этом царстве не держат слонов, полагаясь на всадников и пешее войско, Одонбеоры и Арабастры, у которых есть прекрасный город Торак — он защищен рвами, заполненными водой, и крокодилы, жадные до человечины, не позволяют проникнуть в город иначе, как по мосту.

И другой у них славится город — Аутомула, находящийся там, где сливаются воедино пять рек, рынок здесь знатный. У царя их 1600 слонов, 150 тысяч пеших и 5 тысяч всадников.

Царь Хармов — беднее, у него слонов 60 и остальные военные силы немногочисленны.

(76) За ними народ Пандов — единственный в Индии, царская власть в котором принадлежит женщинам. Рассказывают, что у Геркулеса не было детей, кроме единственной дочери, которую он поэтому очень любил — ей-то он и передал по завещанию царство. Ее потомки управляют 300 городами; пеших у них 150 тысяч, слонов — 500. За этой совокупностью 300 городов идут Деранги, Посинги, Буты, Гогареи, Умбры, Нереи, Брангосы, Нобунды, Коконды, Несеи, Палатиты, Салобриасы и Оростры — вплоть до острова Патала, от дальнего берега которого до Каспийских ворот, говорят, 1925 миль.

(77) С того же места и далее по берегам Инда — показывая вверх, против течения, — Матои, Болинги, Галлиталуты, Димуры, Мегары, Ардабы, Месы, Абисары, Силы; затем пустыни на 250 миль; а пройдя их — Органаги, Аборты, Брасуреты, и за ними пустыни такого же размера, как и предыдущие. Потом Сорофаги, Арбы, Марогоматры, Умбреты и Кеи — у них 12 родов, по два города у каждого; Асины в трех городах, столица их — Букефала, основанная царем Александром на месте погребения его коня, носившего это имя.

(78) Над ними народы предгорий Кавказа — Сосеады, Сондры; а переправившись через Инд и спускаясь по его течению — Самарабии, Самбракены, Бимсамбреты, Орсы и Андисены, Таксилы со своим знаменитым городом.

Уже спустившись на равнину, в страну, которая носит общее название Аменды, четыре народа: Певколиты, Арсагалиты, Гереты, Ассы — в действительности, многие не считают реку Инд западной границей Индии, но прибавляют еще четыре сатрапии: Гедросов, Арахосиев, Ариев, Паропанисов с границами по реке Кофету — все то, что другие авторы рассматривают как часть Ариев.

(79) Многие относят еще к Индии город Нису и гору Меру, посвященную Отцу Либеру (откуда и возникла легенда о том, будто он появился из бедра Юпитера), то же самое в отношении племени Аспаганов, страна которых изобилует виноградною лозою, лавром, самшитом и разнообразными плодами, что родятся и в Греции.

То, что рассказывают (будь то достойное памяти или почти баснословное) о плодородии земли и о видах плодов и деревьев, а также о диких зверях и птицах и о прочих живых существах, — все будет упомянуто в соответствующих местах этого труда; и о четырех сатрапиях чуть позже, ибо мы спешим к острову Тапробана.

(80) Но сначала другие острова: Патала, которую мы обозначили в самом устье Инда, — остров, треугольный по форме, с шириною 220 миль; за устьем Инда — Хриса и Аргира, богатые соответствующими металлами, как я думаю, мне ведь нелегко поверить тому, будто сама земля их из золота и серебра, как утверждают другие; в 20 милях за ними — Крокала, а от нее в 12 милях — Бибага, где полно устриц и морских улиток; затем Кораллиба в 8 милях от вышеназванного острова, и еще много незначительных островов.

XXIV. (81) Тапробана давно уже считалась антимиром под названием «Антихтонум». Но эпоха и деяния Александра Великого позволили обнаружить, что это остров. Онесикрит, капитан его флота, писал, что слоны здесь рождаются крупнее и воинственнее, нежели в Индии; по словам Мегасфена, страну делит надвое река, а жители называются Палеогонами, и они богаче золотом и крупным жемчугом, чем Индийцы. Эратосфен же сообщил и о размерах острова: 7 тысяч стадий в длину и 5 тысяч в ширину, городов нет, а селений 700.

(82) Начало его — от Восточного моря, и он вытянут с востока на запад на-против Индии; когда-то считалось, что он отстоит от народа Прасиев на 20 дней плавания; сейчас же, поскольку туда плавают на тростниковых лодках и со сна-стями, как на Ниле, это расстояние оценивают промежутком времени в 7 дней хода наших кораблей. Море между островом и Индией мелководное — не боль-ше 6 футов, но в некоторых протоках такое глубокое, что никакие якоря не дос-тают дна: из-за этого на кораблях носовая часть находится с обеих сторон, чтобы не было нужды разворачиваться в тесном русле; размер их — до трех тысяч амфор. Навигация по звездам невозможна — (83) Большая Медведица не видна; но моряки берут с собою птиц и, время от времени выпуская их, следуют в том же направлении, что и они, ибо те летят к суше. Плавают они не более, чем в те-чение четырех месяцев в году; но особенно опасаются ста дней после летнего солнцестояния, пока море штормит.

(84) До сих пор — то, что было известно древним. Но во время принципата Клавдия у нас появились более точные сведения, когда прибыли даже послы с острова. Произошло это следующим образом: У Анния Плокама, который имел подряд от казны на сбор податей в Красном море, вольноотпущенник во время плавания вокруг Аравии был подхвачен северными ветрами в районе Кармании и на 15-й день занесен к порту Хиппурос на острове Тапробана. Благодаря лю-безному гостеприимству местного царя он за шесть месяцев достаточно ознако-мился с языком, чтобы отвечать на его вопросы, а после доложил обо всем Рим-лянам и Цезарю.

(85) Самым примечательным из всего, что услышал тот царь, показалась ему приверженность законности, ибо денарии в имуществе пленника были одинако-вы по весу, в то время как различие в изображениях на монетах показывало, что чеканил их не один и тот же правитель. И это особенно склонило его к установ-лению дружественных связей, ради чего он и отправил четырех послов во главе с Рахией.

От них стало известно следующее.

На острове 500 городов, гавань находится на юге, поблизости от Палеси-мунда, города столичного и самого известного из всех, население его состав-ляет 200 тысяч человек. (86) Внутри — озеро Мегисба, 375 миль в окружности, с островами, изобилующими только пастбищами; из него вытекают две реки: Палесимунд, который тремя потоками вливается в гавань поблизости от одно-именного города, ширина реки — от 5 до 15 стадий; другая же река, называемая Кидара, течет на север и в сторону Индии. Ближайший к Индии мыс, который называется Колиак, расположен на расстоянии четырех дней плавания, причем посреди пути находится остров Солнца. (87) Море здесь ярко-зеленого цвета, а кроме того заросшее деревьями, и весла кораблей задевают их кроны.

Они с изумлением созерцали у нас Большую Медведицу и Плеяды — как будто на незнакомом небе — и рассказывали, что у них даже луна видна над землей лишь с восьмого по шестнадцатый день месяца, а по ночам светит Кано-пус — звезда большая и яркая. Но самым удивительным для них было то, что тени падают в сторону нашего — северного — неба, а не их, и что солнце восхо-дит с левой стороны, а заходит с правой, а не наоборот. (88) Они же рассказы-вали, что ширина той части острова, что лежит напротив Индии, составляет 10 тысяч стадий в юго-восточном направлении.

Они говорили еще, что за горами Хемода собственными глазами видели Серов, известных им также и по торговле — отец Рахии путешествовал туда,

и Серы выходили навстречу тем, кто к ним прибыл; что те — выше ростом, чем другие люди, волосы у них русые, глаза голубые, звуки речи грубые, языком для общения не пользуются. Остальное — все то же самое, что сообщают и наши торговцы: товары раскладываются на противоположном берегу реки, рядом с тем, что предлагается на продажу, — если обмен устраивает, они их уносят. Насколько естественнее кажется ненависть к роскоши, когда мысленно отправившись туда и поймешь, что добывается, как и для чего!

(89) И сама Тапробана, природою занесенная на край света, не обходится без свойственных нам пороков: золото и серебро здесь тоже в цене, мрамор, похожий на панцирь черепахи, жемчуга и драгоценные камни — в почете; вся масса роскоши намного больше нашей. Они говорили, что богатств у них больше, но у нас из состоятельности извлекают больше пользы: у них ни у кого нет раба, они не спят ни после восхода солнца, ни в полдень, их строения над землею возвышаются умеренно; не бывает дороговизны продуктов; не случается тяжб и собраний на форуме; почитают они Геркулеса; царь избираем народом по зрелости лет и по мягкости характера — и только в том случае, если у него нет детей, буде же таковые родятся, он отказывается от престола, чтобы не появилось наследственной власти.

(90) Народ выделяет для него 30 управителей, и казнить кого-либо можно только по приговору большинства их; но даже и в этом случае есть право апелляции к народу, и тогда назначаются 70 судей — если же они освободят обвиняемого, к тем тридцати не будет более никакого уважения, ибо это для них крайний позор.

У царя — одежда Отца Либеры, а у остальных — арабская. (91) Если царь совершит преступление, за которое положена смертная казнь, никто не приводит ее в исполнение, но все отворачиваются от него и отказываются обменяться с ним даже словом.

Праздники проводят в охотничьих забавах, самая излюбленная — с тиграми и слонами. Поля они обрабатывают старательно, виноградной лозы не имеют, но фруктов — изобилие. И к ловле рыбы они имеют склонность, но особенно черепах — последние встречаются такого размера, что под их панцирем можно укрыть целые семьи жильцов. Сто лет они считают средним сроком человеческой жизни. Вот что стало известно о Тапробане.

XXV. (92) Четыре сатрапии, рассказ о которых мы перенесли сюда, располагаются следующим образом.

После народов, ближайших к Инду, идет гористая область — Каписена, в ней был город Каписа, который разрушил Кир; Арахосия с рекою и одноименным городом, который был основан Семирамидой, некоторые называют его Куфис; река Эриманд течет у города Арахосиев Парабеста. Ближе всего к ним с юга, в стороне Арахотов, помещают Дексендросов, с севера — Паропанисадов, в предгорье Кавказа — город Картана, который впоследствии стал называться Тетрагонис. Эта область — напротив Бактрии; далее — область Ариев, город которых Александрия назван по имени основателя; Сидраки, Дангалы, Парapiны, Катаки, Мазы; у Кавказа — Кадрусы, город, основанный Александром. Ниже этих — все области более равнинные.

(93) За Индом — область Ариана, опаленная зноем и окруженная пустынями, но там, где разлита густая тень, теснятся земледельческие поселения, в особенности между двумя реками — Тонберос и Аросапес. Город Артакоана, река Ариус, которая течет возле Александрии, основанной Александром, — город

простирается на 30 стадий; а намного более красивый и древний город Артакабене, заново укрепленный Антиохом, — на 50 стадий.

(94) Народ Дорисдорсигов, река Фарнакотис, Офрадус, Профтасия, город Зараспадум, Дранги, Эвергеты, Заранги, Гедрусы, города Певколис, Лифорта, Меторгум, пустыни, река Манаин, народ Акутров, река Эорум, народ Орбов, судоходная река Поман на границах Пандов; также Кабир на границах Суаров — с устьем, удобным в качестве гавани; город Кондиграмма, река Кофет. У нее судоходные притоки: Саддарос, Пароспус, Содамус.

(95) Некоторые считают, что Даритис — часть Арианы, и так оценивают размеры той и другой области: 1950 миль в длину, а в ширину — вдвое меньше, чем Индия. Другие помещают Гедрусов и Сиров на пространстве в 138 миль, а затем «рыбодов» Оритов, говорящих не на индийском языке, а на своем собственном (всем «рыбододам» Александр запретил питаться рыбой).

Затем помещают народ Арбиев на пространстве в 200 миль, далее — пустыни, потом Кармания, Персида и Аравия.

XXVI. (96) Но прежде, чем мы в деталях расскажем об этих районах, надлежит сообщить о том, что говорит Онесикрит, который с флотом Александра совершил плавание из Индии в центральные области Персиды (об этом недавно подробно написал Юба). Затем надо очертить этот морской маршрут, открытый в те годы, который используется и до сих пор.

Описание плавания Онесикрита и Нearchа не содержит ни названий стоянок, ни расстояний; и с самого начала нет ясного определения, где и у какой реки находился город Ксилинеполь, основанный Александром, откуда они отплыли.

(97) Однако они перечисляют места, достойные упоминания: город Арбис, основанный Нearchом во время плавания, река Арбиус, по которой могут плавать суда, и остров напротив, на расстоянии 70 стадий; Александрия, основанная Леоннатом по приказу Александра на территории этого племени; Аргенус с удобной гаванью, судоходная река Тонберус, вокруг которой живут Пасиры; затем «рыбодеды» на таком значительном пространстве, что плыть мимо них приходится 30 дней; остров, который называется «островом Солнца», и другой — «Ложе Нимф», красноватого цвета, на котором любое живое существо погибает по непонятной причине; (98) племя Оров, река Кармании Гиктанис с удобной гаванью и богатая золотом.

Они заметили, что за нею впервые стали видны звезды Большой Медведицы, Арктур же не каждую ночь и не всю ночь; до этого места были владения Ахеменидов; разрабатываются здесь рудники меди, железа, мышьяка и киновари. Затем — мыс Кармании, от которого до аравийского народа Маков на противоположном берегу — переправа длиною в 5 миль; три острова, из которых обитаем только Оракта, где есть питьевая вода, — 25 миль от материка; четыре острова уже в заливе перед Персидой — возле них к кораблям подплывали морские змеи длиною в 20 локтей и наводили страх на моряков; (99) остров Атотадрус и Гаурата, на которых обитает народ Гианы; река Гиперис по центру Персидского залива, пригодная для плавания грузовых кораблей; река Ситтиоганус, от которой 7 дней плавания до Пасаргад; судоходная река Фристимус, безымянный остров.

Река Гранис, по которой могут плыть корабли небольшого размера, течет по Сузиане, на правом ее берегу живут Дексимонтаны, которые изготавливают битум; река Заротис, устье которой труднопроходимо для тех, кто его не освоил; два маленьких острова. Затем плавание по мелководью, будто в болоте, однако

можно плыть по нескольким каналам; (100) устье Евфрата; озеро, которое образуют Евлей и Тигр возле Харакса, затем по Тигру — Сузы.

Здесь, после трехмесячного плавания и через семь месяцев после того, как Александр расстался с ними в Патале, они встретили его в тот самый момент, когда он совершал празднество. Так плыл флот Александра.

Но впоследствии оказалось, что самый надежный маршрут для путешествий — от мыса Сиагра в Аравии до Паталы (расстояние оценивается в 1332 мили) с помощью западного ветра, который здесь называют Гиппалом.

(101) А следующий период показал, что более подходящий и безопасный путь — если от того же мыса направляться в индийскую гавань Зигерус; и долго именно так и плавали — до тех пор, пока торговец не нашел возможности для экономии, и жажда наживы приблизила Индию к нам. Плавания совершают ежегодно, когорты лучников берут на борт — ведь пираты стали особенно опасны.

Нелишним будет описать весь маршрут из Египта, поскольку теперь впервые об этом появились точные сведения. Это — важная тема, ибо каждый год Индия вычерпывает из нашей империи не менее 50 миллионов сестерциев, в обмен доставляя товары, которые у нас продаются в сто раз дороже.

(102) В двух милях от Александрии находится город Юлиополь. Отсюда плыть по Нилу 309 миль до Копта, путь этот занимает 12 дней, когда дуют пасаты. От Копта передвижение на верблюдах, и стоянки устроены для водопоя: первая называется Гидревма на расстоянии в 32 мили; вторая — в горах, через день пути; третья — в следующей Гидревме, 85 миль от Копта; затем — в горах; далее — Гидревма Аполлона, 184 мили от Копта; и опять в горах; затем Новая Гидревма, 236 миль от Копта. (103) Есть и еще одна, Старая Гидревма — она называется Троглодитской, там, на расстоянии 2 миль находится военный пост, от Новой Гидревмы — 7 миль.

Затем город Береника, где находится гавань Красного моря, 257 миль от Копта. Но так как из-за жары большей частью идут по ночам, а дневное время проводят на привалах, весь путь из Копта в Беренику совершается за 12 дней. (104) Навигацию открывают в середине лета, перед восходом созвездия Пса или в самом начале его восхода, а примерно на тридцатый день достигают Окелиса в Аравии или Кане в стране благовоний. Есть и третья гавань, которая называется Муза, куда не ходят корабли во время плавания в Индию — только те, что торгуют аравийскими благовониями и ароматными маслами. Внутри страны — столичный город, который называется Сафар, и еще один — Сава.

Но для тех, кто путешествует к Индийцам, лучше всего отправляться из Окелиса; плыть отсюда, когда дует Гиппал, — 40 дней до первого портового города Индии — Музириса. Однако он не является желанной целью, поскольку рядом — пираты, которые занимают район, называемый Нитриа, а потому здесь нет изобилия товаров; перед ним же на побережье долго нет никакой стоянки для кораблей, и грузы привозят и увозят на лодках. Правил здесь в то время, о котором я говорю, Келоботр.

(105) Более удобная гавань — у другого народа, Неакиндов, она называется Бекара. Здесь правил Пандион, город его, Модура, находится далеко от порта, в глубине страны; область же, из которой перец доставляют в Бекару на выдолбленных из дерева лодках, именуется Коттонара. Но все эти названия народов и гаваней или городов не встречаются ни у кого из прежних авторов, откуда явствует, что местная ситуация меняется.

(106) В обратное плавание из Индии отправляются в месяце Тиби, по египетскому календарю, а по нашему — в декабре или по меньшей мере до шестого дня египетского месяца Мехир, то есть до наших январских ид; так поступают для того, чтобы вернуться в том же самом году. Из Индии плывут при юго-восточном ветре — Волтурне, а когда входят в Красное море, то дует юго-западный — Африканец, или же Южный.

ИСТОЧНИКИ

Греческие

- Appiani Syriaca / Ed. P. Viereck, A.G. Roos and E. Gabba. Lpz., 1939.
- Aristotelis Politica / Ed. W.D. Ross. Oxf., 1957.
- Bekker 1824: *Bekker J.* Photii Bibliotheca. B., 1824.
- Βελισσαροπούλος 1990: *Βελισσαροπούλος Δ.Κ.* Έλληνες και Ένδοι. 'Η συνάντηση δυο κόσμων. Τ. 2. 'Εστιας, 1990.
- Brelör, Bömer 1939: *Fontes Historiae Religionum Indicarum.* Collegerunt Bernardus Brelör et Franziscus Bömer. Bonnae, 1939.
- Brunt 1983: *Brunt P.A.* Arrian with the English Translation. II. Anabasis Alexandri. Books V–VII. Indica. Loeb Classical Library. L., 1983.
- Burstain 1978: *Burstain S.M.* The Babyloniaca of Berossos. Malibu, 1978.
- Casson 1989: *Casson L.* The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton, 1989.
- Chantraine 1927: *Chantraine P.* Arrien. L'Inde. P., 1927.
- Diodorus Siculus Bibliotheca historica. Lib. 1–20 / Ed. F. Vogel and K.T. Fischer. Stuttgart, 1964.
- Fabricius 1849: *Arriani Alexandrini Periplus Maris Erythraei.* Recensuit et brevi annotatione instruxit B. Fabricius. Dresdae, 1849.
- Fabricius 1883: *Fabrizius B.* Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten. Lpz., 1883.
- Flavius Iosephus. Antiquitates Judaicae / Ed. B. Niese. Flavii Iosephi opera. Vols. 1–4. B., 1955.
- Fragmenta Historicorum Graecorum. Volumen Secundum. Parisiis, 1837.
- Frisk 1927: *Frisk H.* Périples de la Mer Érythrée suivis d'une étude sur la tradition et langue (Göteborgs Högskolas Årsskrift. Bd. 33). Göteborg, 1927.
- Jacoby 1969: *Die Fragmente der griechischen Historiker* / Hrsg. von Felix Jacoby. Bd. III. Leiden, 1969.
- Jones 1930: *The Geography of Strabo with an English Translation by H.L. Jones.* Vol. VII. L.–N.Y., 1930.
- Jones 1968: *Strabo. The Geography* / Ed. by H.L. Jones. Vol. VIII. Cambr. (Mass.), 1968.
- Plutarchus. Moralia / Ed. W. Nachstädt, W. Sieveking, J. Titchener. Lpz., 1971.
- Ramusio 1550: *Ramusio G.B.* Primo volume & quarta edizione. Delle Navigazioni et Viaggi raccolta da Gio. Batt. Ramusio, & con molti vaghi discorsi, da lui in molti luoghi dichiarato, & illustrato. Nel quale si contengono La Description dell'Africa, & del paese del Petre Janni, con varij viaggi, dalla Città di Lisbona, & dal mar Rosso infino à Calicut, & all'isole Molucche, doue nascono le Spetierie, Et la Navigatione attorno il Mondo. Con la Relatione dell' isola Giapan, scoperta nella parte del Settentrione: Et alcuni capitoli appartenenti alla Geographia, estratti dell' Historia del S. Gio. De Barros Portuguese. Con Tre Tavole di Geografia in disegno, che hanno le marine, secondo le Carte da navigare de Portuguese, & fra terra, secondo gli scrittori, che hanno descritto li detti Viaggi. Et due indici, l'unno delli nomi de gli autori, che descrivono le dette Navigazioni, & Viaggi: L'altro delle cose piu notabili de Geografia, de costumi de popoli, delle spezierie, & d'altro che in esso volume si contengono. In Venetia, Nella Stamperia De Giunti, MDL (1550, 1554, 1563, 1588, 1979).

- Ramusio 1979: Navigazione del mar Rosso fino alle Indiae Orientale, scritta par Arriano in lingua graeca, e di quella poi tradotta nella Italiana // Giovanni Batista Ramusio. Navigazione i Viaggi / A cura di Marica Milanese. Vol. 2. Torino, 1979. P. 515–536.
- Renou 1925: *Renou L.* La géographie de Ptolémée, l'Inde (livre VII, 1–4). P., 1925.
- Schwanbeck 1846: Megasthenes' Indica / Ed. by E.A.Schwanbeck. Bonnae, 1846.
- Streubel 1861: *Streubel E.* Des Pseudo-Arrians Umschiffung des Erythräischen Meeres – die erste neuen Kapitel vollständig, die übrigen in Ausgaben (Jahres-Bericht über die Stralauer höhere Bürger-Schule für das Schuljahr von Michaelis 1860 bis Michaelis 1861, womit einladet C.Hartung. B., Druck von Hickethier). B., 1861.
- Stuckius 1577: Arriani historici et philosophi Ponti Euxini & maris Erythraei Periplus, ad Adrianum Cæsarem. Nunc primùm è Graeco sermone in Latinum versus, plurimisque mendis repurgatus. Accesserunt & Scholia, quæ luculētam Regoinum, Gentium, Insularum, Oppidorum, Fluminum, Mercium, cæterarumque rerum memorabilium utriusque Peripli descriptionem continēt, ex accurata veterum ac recentiorum authorum collatione, quorum nomina post Præfationem addita pagina indicabit. Addita est præter loca, quæ solers Lusitanorum penetravit nauigatio, omnium cū Oppidorum, quæ Danubius irrigat tum Fluuiorum, qui in eum devoluuntur, diligens & iucunda observatio. Præterea ipsius Ponti Chorographica tabula. Jo. Guilielmo Stuckio Tigurino authore. Cum gemino indice rerum scitu dignarum, quæ in utroque Periplo explicantur. Genevæ, apud Eustathium Vignon, 1577.
- Thucydides Historiae / Ed. H.S.Jones and J.E.Powell. Oxf., 1942.
- Xenophontis Cyropaedia / Ed. E.C.Marchant. Xenophontis opera omnia. Vol. 4. Oxf., 1970.
- Verbrugghe G.P., Wickersham 1996: *Verbrugghe G.P., Wickersham J.M.* Berossos and Manetho. Introduced and Translated: Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt. Michigan University Press, 1996.
- Wirth, von Hinüber 1985: Arrian. Der Alexanderzug. Indische Geschichte / Griechisch und Deutsch hrsg. und übersetzt von Gerhard Wirth und Oscar von Hinüber. Sammlung Tusculum. München-Zürich, 1985.

Латинские

- André, Filliozat 1980: *Pline l'Ancien.* Histoire Naturelle. Livre VI. Texte établi, traduit et commenté par J.André et J.Filliozat. P., 1980.
- André, Filliozat 1986: *André J., Filliozat J.* L'Inde vue de Rome. Textes latins de l'Antiquité relatifs à l'Inde. P., 1986.
- Corpus Iuris Civilis. Vol. I. Berolini, 1902.
- M.Iuniani Iustini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Stuttgart, 1972.

Индийские

- Cowell, Neil 1886: Divyāvadāna, a Collection of Early Buddhist Legends, Edited from the Nepalese Sanskrit by E.B.Cowell and R.A.Neil. Camb., 1886.
- Geiger 1960: The Mahāvamsa or the Great Chronicle of Ceylon. Translated in English by W.Geiger. Colombo, 1960.
- Hultzsch 1925: *Hultzsch E.* CII. I. Inscriptions of Aśoka. Calcutta, 1925.
- Jacobi 1883: Hemachandra. Sthavirāvalīcharita or Paṛiśiṣṭaparvan Being an Appendix of the Triṣaṣṭaśālākāpuruṣaśāra / Ed. by H.Jacobi. Calcutta, 1883.
- Jacobi 1932: Sthavirāvalīcharita or Paṛiśiṣṭaparvan being an Appendix of the Triṣaṣṭiśālākāpuruṣaśāra by Hemacandra / Ed. by H.Jacobi (Bibliotheca Indica). Calcutta, 1932.
- Malalasekera 1935–1936: Vamsathappakāsinī / Ed. by G.P.Malalasekera (Pali Text Society). Vol. I — 1935; vol. II — 1936.
- Malalasekera 1937: Extented Mahāvamsa / Ed. by G.P.Malalasekera (Aluvihāra series, vol. III). Colombo, 1937.
- Mānava Dharma-śāstra. The Code of Manu. Critically ed. by J.Jolly. L., 1887.

- Oldenberg 1879: *Dīpavamsa, An Ancient Buddhist Historical Record*. Translated by H. Oldenberg. L., 1879.
- Raghavan 1971: *The Mudrārākṣasanāṭakakathā of Mahadeva* / Ed. by V. Raghavan. Thanjavur, 1971.
- Strong 1891: *Mahābodhivṃśa* / Ed. S.A. Strong. L., 1891.
- Telang 1884: *Viśākhadatta. Mudrārākṣasa with the Commentary of Dhundhirāj* / Ed. K.T. Telang, Bombay, 1884.
- The Kauṭīliya Arthaśāstra. A Critical Edition with a Glossary by R.P. Kangle. Vol. 1. Bombay, 1969.
- Trenckner 1928: *The Milindapañho* / Ed. V. Trenckner. L., 1928.
- Turnour 1837: *Mahāvanso*. Translated by G. Turnour. Ceylon, 1837.
- Vijayarājendra Bhaṭṭāraka, Abhidhāna Rājendra. I–VII. Ratlam, 1913–1925. Vol. IV.
- Wilson 1840: *Viṣṇu Purāṇa* / Ed. H. Wilson. 1840.

ПЕРЕВОДЫ

- ‘Аджа’иб ад-дунийā (Чудеса мира). Критический текст, перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Л.П. Смирновой / Памятники письменности Востока. LXXXIII. М., 1993.
- Аппиан. Сирийские дела // ВДИ. 1946. № 4. С. 289–324.
- Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1993.
- Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983.
- Арриан. Индия // История и культура древней Индии. М., 1990.
- Арриан. Поход Александра. СПб., 1993.
- Артхашастра 1959: Артхашастра, или Наука политики. Перевод с санскрита. Издание подготовил В.И. Кальянов. М., 1959.
- Геродот. История. М., 1993.
- Гесиод. Труды и дни // О происхождении богов. М., 1990.
- Гомер. Илиада. М., 1984.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
- Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. II. 35–42 // ХИДВ. Т. 2. М., 1980. С. 122–129; книга XVII // История Александра Македонского. М., 1993. С. 276–348.
- Законы Ману. Перевод С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. М., 1992.
- Квинт Курций Руф. История Александра Македонского // История Александра Македонского. М., 1993. С. 23–275.
- Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992.
- Ксенофонт. Греческая история. СПб., 1993.
- Ксенофонт. Киропедия. М., 1993.
- Матсья-пурана // История и культура древней Индии. М., 1990. С. 159–170.
- Махабхарата. Т. 1–5, 7–8. М.–СПб., 1959–1993.
- Эрман 1959: Мудраакшаса. Пер. В.Г. Эрмана. М.–Л., 1959.
- Платон. Государство // Платон. Сочинения. Т. 3. М., 1994.
- Платон. Законы // Платон. Сочинения. Т. 4. М., 1979.
- Плутарх. Параллельные жизнеописания. Т. 1–2. М., 1994.
- Плутарх. Римские вопросы // Плутарх. Застольные беседы. М., 1990.
- Ригведа. Мандалы I–IV. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1989.
- Страбон. География. М., 1994.
- Флавий Филострат 1985: *Флавий Филострат*. Жизнь Аполлония Тианского. Издание подготовил Е.Г. Рабинович. М., 1985.
- Фукидид. История. М., 1993.
- Юстин. Эпитома сочинений Помпея Трога «История Филиппа» // История Александра Македонского. М., 1993. С. 348–373.

- Mc'Crindle 1877: *Ancient India as Described by Megasthenes and Arrian, Being a Translation of the Fragments of the Indica of Megasthenes, Collected by E.A.Schwanbeck and of the First Part of the Indica of Arrian / By J.W.Mc'Crindle*. Calcutta, 1877 (1960).
- Mc'Crindle 1879: *Mc'Crindle J.W.* The Commerce and Navigation of the Erythraean Sea; Being a Translation of the Periplus Maris Erythraei, by an Anonymous Writer and Arrian's Account of the Voyage of Nearchos. Calcutta–London, 1879.
- Mc'Crindle 1882: *Mc'Crindle J.W.* Ancient India as Described by Ctesias the Cnidian. Calcutta–London, 1882.
- Mc'Crindle 1885: *Mc'Crindle J.W.* Ancient India as Described by Ptolemy; being a Translation of the Chapters Which Describe India and Central and Eastern Asia in the Treatise on Geography Written by Klaudios Ptolemaios, the Celebrated Astronomer, with Introduction, Commentary, Map of India According to Ptolemy, and a Very Copious Index by J.W.Mc'Crindle. Calcutta–Bombay–London, 1885.
- Mc'Crindle 1893: *Mc'Crindle J.W.* The Invasion of India by Alexander the Great. Westminster, 1893.
- Mc'Crindle 1897: *Mc'Crindle J.W.* The Christian Topography of Cosmas, an Egyptian Monk. L., 1897.
- Mc'Crindle 1901: *Mc'Crindle J.W.* Ancient India as Described in Classical Literature. Westminster, 1901.
- Majumdar 1960: *Majumdar R.C.* Classical Accounts of Ancient India. Being a Compilation of the English Translations of the Accounts Left by Herodotus, Megasthenes, Arrian, Strabo, Diodorus Siculus, Justin, Plutarch, Frontinus, Nearchus, Appolonius, Pliny, Ptolemy, Aelian and Others, with Maps, Editorial Notes, Comments, Analysis and Introduction. Calcutta, 1960 (2nd ed. 1981).
- Schoff 1912: *Schoff W.H.* The Periplus of the Erythraean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean, by a Merchant of the First Century. N.Y., 1912 (repr. New Delhi, 1974, 1995).

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Аверинцев 1977: *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
- Березкин 1914: *Березкин Д.М.* Библейская флора. Наглядное пособие при чтении и изучении Библии. СПб., 1914.
- Бертельс 1948: *Бертельс Е.Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.–Л., 1948.
- Бикерман 1985: *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бичурин 1950: *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.–Л., 1950.
- Блонский 1918: *Блонский П.П.* Философия Плотина. М., 1918.
- Бонгард-Левин 1959: *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийские gāḥa-sabhā и gāḥa-pariṣad в «Индики» Мегасфена // ПВ. 1959. № 2. С. 158–161.
- Бонгард-Левин 1960: *Бонгард-Левин Г.М.* «Индики» Мегасфена и надписи Ашоки. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
- Бонгард-Левин 1962a: *Бонгард-Левин Г.М.* Аграмес-Уграсена-Нанда и воцарение Чандрагупты // ВДИ. 1962. № 4. С. 1–21.
- Бонгард-Левин 1962b: *Бонгард-Левин Г.М.* Паришад в системе государственного управления империи Маурьев // Древний мир. Сб. статей. М., 1962. С. 1–11.
- Бонгард-Левин 1963: *Бонгард-Левин Г.М.* Некоторые особенности государственного устройства империи Маурьев (источники и проблематика) // История и культура древней Индии (к XXVI международному конгрессу востоковедов). М., 1963. С. 15–67.
- Бонгард-Левин 1966: *Бонгард-Левин Г.М.* Республики в древней Индии (Проблематика и основные материалы) // ВДИ. 1966. № 3. С. 8–35.
- Бонгард-Левин 1973a: *Бонгард-Левин Г.М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
- Бонгард-Левин 1973b: *Бонгард-Левин Г.М.* К проблеме земельной собственности в древней Индии // ВДИ. 1973. № 2. С. 3–26.

- Бонгард-Левин 1973с: *Бонгард-Левин Г.М.* Античная традиция и религиозно-философские течения в раннемаурийскую эпоху // *Pratidānam. Festschrift H. Mode.* «Wissenschaftliche Zeitschrift Martin-Luther Universität». Halle-Wittenberg, 1973. Bd. XXII. S. 7–14.
- Бонгард-Левин 1981: *Бонгард-Левин Г.М.* Древняя Индия и античность (общая характеристика традиции) // *Древний Восток и мировая культура.* М., 1981. С. 107–111.
- Бонгард-Левин 1982: *Бонгард-Левин Г.М.* Индийский брахман Чанакья в античной традиции // *ВДИ.* 1982. № 1. С. 13–26.
- Бонгард-Левин 1985а: *Бонгард-Левин Г.М.* Индия в античной литературе // *Индия.* 1983. Ежегодник. М., 1985. С. 292–309.
- Бонгард-Левин 1985b: *Бонгард-Левин Г.М.* Палладий о брахманах и диспуте Александра // *Культурное наследие Востока.* М., 1985. С. 66–72.
- Бонгард-Левин 1993: *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. М., 1993.
- Бонгард-Левин, Вигасин 1981: *Бонгард-Левин Г.М., Вигасин А.А.* Общество и государство древней Индии // *ВДИ.* 1981. № 1. С. 35–52.
- Бонгард-Левин, Герасимов 1975: *Бонгард-Левин Г.М., Герасимов А.В.* Мудрецы и философы древней Индии. М., 1975.
- Бонгард-Левин, Ильин 1985: *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985.
- Бонгард-Левин, Карпюк 1982: *Бонгард-Левин Г.М., Карпюк С.Г.* Сведения о буддизме в античной и раннехристианской литературе // *Древняя Индия. Историко-культурные связи.* М., 1982. С. 42–52.
- Бухарин 1997: *Бухарин М.Д.* Описание индийского государства в «Индики» Мегасфена // *ВДИ.* 1997. № 3. С. 138–149.
- Бухарин 1998а: *Бухарин М.Д.* «Священные и неприкосновенные» // *ВДИ.* 1998. № 1. С. 72–78.
- Бухарин 1998b: *Бухарин М.Д.* Индийские философы в «Индики» Мегасфена // *Проблемы истории, филологии, культуры.* Вып. 5. Москва–Магнитогорск, 1998. С. 145–152.
- Бухарин 1998с: *Бухарин М.Д.* Мегасфен в Индии // *Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.* М., 1998. С. 103–113.
- Бухарин 2000а: *Бухарин М.Д.* Раннеэллинистические хорографы: Мегасфен, Гекатей Абдерский и Беросс // *ВДИ.* 2000. № 2. С. 88–100.
- Бухарин 2000b: *Бухарин М.Д.* Два фрагмента «Индики» Мегасфена об индийских «философах» // *ΣΥΣΤΗΤΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева.* Санкт-Петербург, 2000. С. 162–167.
- Васильев 1869: *Васильев В.П.* Буддизм. Ч. 3. История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. СПб., 1869.
- Вигасин 1970: *Вигасин А.А.* Об эндогамии древнеиндийских варн // *Индийская культура и буддизм.* М., 1970.
- Вигасин 1976: *Вигасин А.А.* «Устав о рабах» в «Артхашастре» Каутильи // *ВДИ.* 1976. № 4. С. 3–19.
- Вигасин 1987а: *Вигасин А.А.* Основные этапы истории древней Индии в трудах Р.Ш.Шармы // *Р.Ш.Шарма. Древнеиндийское общество.* М., 1987. С. 542–577.
- Вигасин 1987b: *Вигасин А.А.* Рецензия на: *Г.М.Бонгард-Левин, Г.Ф.Ильин.* Индия в древности. М., 1985 // *ВДИ.* 1987. № 1. С. 220–238.
- Вигасин 1993: *Вигасин А.А.* Переход от древности к средневековью. Данные санскритских источников и их интерпретация // *ВДИ.* 1993. № 3. С. 72–78.
- Вигасин 1995: *Вигасин А.А.* Основные черты социальной структуры древней Индии. Автореф. докт. дис. М., 1995.
- Вигасин 1998а: *Вигасин А.А.* К интерпретации эдиктов Ашоки. Правление и праведность // *ЭВ.* 1998. 25. С. 18–25.
- Вигасин 1998b: *Вигасин А.А.* К интерпретации эдиктов Ашоки: *pariṣad* // *ВДИ.* 1998. № 1. С. 61–71.
- Вигасин 1999: *Вигасин А.А.* Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего // *ВДИ.* 1999. № 1. С. 20–41.
- Вигасин, Самозванцев 1984: *Вигасин А.А., Самозванцев А.М.* Артхашастра: проблемы социальной структуры и права. М., 1984.

- Доватур 1984: *Доватур А.И.* «Политика Аристотеля» // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 38–53.
- Дождев 1996: *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1996.
- Запороженченко, Черемисов 1997: *Запороженченко А.В., Черемисов Д.В.* Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели // ВДИ. 1997. № 3. С. 83–90.
- Зельин 1948: *Зельин К.К.* Основные черты исторической концепции Помпея Трога // ВДИ. 1948. № 4. С. 208–222.
- Зельин 1954: *Зельин К.К.* Помпей Трог и его произведение // ВДИ. 1954. № 2. С. 183–202.
- Исаева 1994: *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994.
- История древнего Востока. Материалы по историографии. М., 1992.
- Источниковедение древней Греции. Эпоха эллинизма. М., 1981.
- Йеттмар 1986: *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986.
- Кальянов 1993: *Кальянов В.И.* Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе // Махабхарата. Виратапарва. М., 1993. С. 135–160.
- Карпюк 1995: *Карпюк С.Г.* ΟΧΛΟΣ от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 35–51.
- Карпюк 1996: *Карпюк С.Г.* Полибий и Тит Ливий: ὄχλος и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 44–54.
- Кнабе 1972: *Кнабе Г.С.* «Жизнеописание Аполлония Тианского», βασιλεύς χρηστός и Корнелий Тацит // ВДИ. 1972. № 3. С. 30–37.
- Костюхин 1972: *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
- Кошеленко 1979: *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кошеленко 1982: *Кошеленко Г.А.* Рец. на: ΒΕΛΙΣΣΑΡΟΠΟΥΛΟΣ Δ.Κ. 'Ελληνες καὶ Ἰνδοί. 'Η συναντήσις δύο κοσμίων. Т. 2. 'Εστίας, 1990 // ВДИ. 1992. № 2. С. 201–205.
- Кудрявцев 1940: *Кудрявцев О.В.* Античные писатели об Индии // ВДИ. 1940. № 2. С. 221–281.
- Кузнецова 1969: *Кузнецова Т.И.* Историческая тема в греческом романе «Роман об Александре» // Античный роман. М., 1969.
- Курилов 1996: *Курилов М.Э.* О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 133–141.
- Лелюхин 1993: *Лелюхин Д.Н.* Государство, администрация, политика в Артахашастре Каутильи. ВДИ // 1993. № 2. С. 4–25.
- Лелюхин 1998: *Лелюхин Д.Н.* Структура державы Маурьев по сведениям эдиктов Ашоки // ВДИ. 1998. № 2. С. 115–129.
- Лихачев 1983: *Лихачев Д.С.* Текстология. Л., 1983.
- Лысенко, Терентьев, Шохин 1994: *Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К.* Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994.
- Маринович 1993: *Маринович Л.П.* Александр Македонский и греки. М., 1993.
- Мищенко 1994: *Мищенко Ф.Г.* Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. I. М., 1994. С. 35–142.
- Нахов 1981: *Нахов И.М.* Киническая литература. М., 1981.
- Отто 1996: *Отто Б.* Приносимый в жертву бог // ВДИ. 1996. № 2. С. 103–119.
- Пессель 1989: *Пессель М.* Золото муравьев. М., 1989.
- Пигулевская 1979: *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
- Пичикиян 1991: *Пичикиян И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
- Пугаченкова 1967: *Пугаченкова Г.А.* Дионисийская тема в античном искусстве Средней Азии // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae. 1967. 15. P. 423–428.
- Пугаченкова 1977: *Пугаченкова Г.А.* Геракл в Бактрии // ВДИ. 1977. № 2. С. 77–92.
- Путилова 1983: *Путилова Т.Б.* Мегасфен о древнеиндийских кастах // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культурах. М., 1983.
- Пьянков 1997: *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.
- Рапопорт 1978: *Рапопорт Ю.А.* К вопросу о дионисийском культе в священном дворце

- Топрак-кала // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 275–284.
- Романов 1978: *Романов В.Н.* Древнеиндийские представления о царе и царстве // ВДИ. 1978. № 4. С. 26–34.
- Соловьев 1991: *Соловьев В.С.* Мифологический процесс в древнем язычестве // *Соловьев В.С.* ПСС. Т. 1. М., 1991.
- Суриков 1996: *Суриков И.Е.* Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. Рец. на: *Die Athenische Demokratie in 4 Jahrhundert v. Chr: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Akten eines Symposiums 3–7. August 1992. Bellagio / Hrsg. von Walter Eder.* Stuttgart, 1995 // ВДИ. 1996. № 4. С. 235–245.
- Топоров 1982: *Топоров В.Н.* Сравнительный комментарий к одному мотиву древнеиндийской мифологии — Индра-муравей // *Древняя Индия. Историко-культурные связи.* М. 1982. С. 327–341.
- Топоров 1990а: *Топоров В.Н.* Дьяус // *Мифологический словарь.* М., 1990. С. 201.
- Топоров 1990б: *Топоров В.Н.* Сомы // *Мифологический словарь.* М., 1990. С. 497–498.
- Топоров 1990с: *Топоров В.Н.* Ушас // *Мифологический словарь.* М., 1990. С. 552.
- Фролов 1990: *Фролов Э.Д.* Исторические предпосылки эллинизма // *Эллинизм. Экономика. Политика. Культура.* М., 1990. С. 14–59.
- Фролов 1993: *Фролов Э.Д.* Ксенофонт и его «Киропедия» // *Ксенофонт. Киропедия.* М., 1993.
- Шарма 1987: *Шарма Р.Ш.* Древнеиндийское общество. М., 1987.
- Шифман 1976: *Шифман И.Ш.* Набатеysкое государство и его культура (из истории культуры доисламской Аравии). М., 1976.
- Шохин 1988: *Шохин В.К.* Древняя Индия в культуре Руси (XI — сер. XIV в.). М., 1988.
- Шохин 1993: *Шохин В.К.* Брахманическая философия. Начальный и раннеклассический периоды. М., 1993.
- Штаерман 1975: *Штаерман Е.М.* Кризис античной культуры. М., 1975.
- Abbott 1854: *Abbott J.* Gradus ad Aornum // JASB. 1854. 23.
- Abbott 1863: *Abbott J.* Aornos // JASB. 1863. 32. 4. P. 409–420.
- Agrawala 1953: *Agrawala V.S.* India as Known to Panini. Lucknow, 1953.
- Aiyangar 1918: *Aiyangar S.K.* Beginning of South Indian History. Madras, 1918.
- Armstrong 1936: *Armstrong A.H.* Plotinus and India // CQ. 1936. 30. P. 22–38.
- Arora 1982a: *Arora U.P.* India vis-à-vis Egypt-Ethiopia in Classical Accounts // *Graeco-Arabica.* 1982. 1. P. 131–140.
- Arora 1982b: *Arora U.P.* Greek Image of Indian Society // *Μακεδονικά.* 1982. 12. P. 470–482.
- Arora 1991a: *Arora U.P.* Classical Accounts on India — Some Observations // *Graeco-Indica. India's Cultural Contacts with the Greek World. In Memory of Demetrius Galanos (1760–1833), a Greek Sanskritist of Benares / Ed. by U.P.Arora (Heritage of Ancient India. 26).* New Delhi, 1991. P. 86–108.
- Arora 1991b: *Arora U.P.* Form of State Power in Mauryan India. Megasthenes' Evidence // *Facts of Indian History, Culture and Archaeology / Ed. by S.P.Gupta, K.S.Ramachandran.* New Delhi, 1991. P. 164–172.
- Arora 1992: *Arora U.P.* Understanding Greek Nomenclatures in Classical Accounts of India // *Javanika.* 1992. 2. P. 85–96.
- Auberger 1995: *Auberger J.* L'Inde de Ctesias // *Inde. Grèce ancienne. Regards croisés en anthropologie de l'espace. Actes du colloque international — Besançon 4–5 Décembre, 1992, organisé par CHA (URA 338), le groupe de recherche en anthropologie de l'espace Institut Félix Caffiot.* Vol. 13. Annales Littéraires de l'Université de Besançon. Vol. 576. Besançon. 1995. P. 39–51.
- Audouin, Bernard 1974: *Audouin R., Bernard P.* Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Ai-Khanoum // RN. 1974. 6e série. 16. P. 7–41.
- Badian 1987: *Badian E.* Alexander at Peucelaotis // CQ. 1987. 37. 1. P. 117–128.
- Bandyopadhyay 1974: *Bandyopadhyay S.* Early Foreigners on Indian Caste System. Calcutta, 1974.

- Banerjee 1977: *Banerjee G.N.* Hellenism in Ancient India. Delhi, 1977.
- Baratte 1996: *Baratte F.* Dionysos en Chine: remarques à propos de la coupe en argent de Beitan // AA. 1996. 51. P. 142–147.
- Bareau 1953: *Bareau A.* La Date du Nirvāṇa // JA. 1953. 241. P. 27–62.
- Barnett 1931: *Barnett L.D.* Pramnai // A Volume of Indian Studies Presented by His Friends and Pupils to Edward James Rapson, Professor of Sanskrit in the University of Cambridge on His Seventieth Birthday, 12th May, 1931. Cambridge, 1931. P. 285–290.
- Barth 1879: *Barth A.* Les religions de l'Inde (Encyclopédie des sciences religieuses). P., 1879.
- Basham 1951: *Basham A.L.* History and Doctrines of the Ājīvikas. L., 1951.
- Basham 1954: *Basham A.L.* The Wonder that Was India. L., 1954.
- Bayet 1923: *Bayet J.* Hercule funéraire // MEFRA. 1923. 40.
- Beloch 1904: *Beloch J.* Griechische Geschichte. Bd. III. 1. Strassburg, 1904.
- Benfey 1844: *Benfey Th.* Bemerkung zu einer Mittheilung des Megasthenes in Bezug auf indische Geschichte // ZKM. 1844. Bd. V. S. 218–231.
- Benveniste 1964: *Benveniste E.* Edits d'Asoka en traduction grecque // JA. 1964. 252. P. 137–157.
- Benz 1951: *Benz E.* Indische Einflüsse auf die frühchristliche Theologie. Mainz–Wiesbaden, 1951.
- Bernard 1973: Fouilles d'Aī-Khanoum. Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968. Rapport préliminaire publié sous la direction de P. Bernard (MDAFA. Vol. 21. 2). P., 1973.
- Bernard 1982: *Bernard P.* Alexandre et Aī-Khanoum // JS. 1982. Avril–juin. P. 125–138.
- Bernard 1985a: *Bernard P.* Fouilles d'Aī-Khanoum. Vol. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne (MDAFA. Vol. 28). P., 1985.
- Bernard 1985b: *Bernard P.* Le monnayage d'Eudamos, satrape grec du Panjab et «maître des éléphants» // Orientalia Iosephi Tucci Memoriae Dicata. IsMEO. Série Orientale Roma. LVI. 1. Roma, 1985. P. 65–94.
- Bernard 1996: *Bernard P.* L'Aornos bactrien et l'Aornos indien. Philostrate et Taxila: géographie, mythe et réalité // Topoi. Orient–Occident. 1996. 6/2. P. 475–530.
- van Beutenen 1960: *van Beutenen J.A.B.* Review of *Heestermann J.C.* Ancient Indian Royal Consecration. The Hague, 1957 // JAOS. 1960. 80. 3. P. 252–253.
- van Beutenen 1969: *van Beutenen J.A.B.* The Seven Classes of Megasthenes // Proceedings of American Oriental Society. Middle West Branch. Semi-Centennial Volume. Bloomington, 1969. P. 228–232.
- Bevan 1922: *Bevan E.R.* Alexander the Great // Rapson E. (ed.). Cambridge History of India. New York, 1922. P. 309–346.
- Bhattacharya 1991: *Bhattacharya N.N.* The Geographical Dictionary. Ancient and Early Medieval India. Delhi, 1991.
- Bhattachali 1932: *Bhattachali N.K.* Maurya Chronology and Connected Problems // JRAS. 1932. P. 276–284.
- Bhau Dājī 1867: *Bhau Dājī.* Merutunga's Therāvālī or Genealogical and Succession Tables // JBBRAS. 1867. 9. P. 147–157.
- Bigandet 1914: *Bigandet R.R.P.* The Life or Legend of Gaudama. II. L., 1914.
- Bimala Churn Law 1943: *Bimala Churn Law.* Tribes in Ancient India. Poona, 1943.
- Bloch 1911: *Bloch J.* Sur quelques transcriptions de noms indiens dans le Périples de la Mer Érythrée // Mélanges d'indianisme offerts par ses élèves à M. Sylvain Lévi le 29 Janvier 1911 à l'occasion des vingt-cinq ans écoulés depuis son entrée à l'Ecole Pratique des Hautes Etudes. P., 1911. P. 1–16.
- Bloch 1950: *Bloch J.* Les inscriptions d'Asoka. P., 1950.
- Bongard-Levin 1970: *Bongard-Levin G.M.* Some Basic Problems of Mauryan India. M., 1970.
- Bongard-Levin 1975: *Bongard-Levin G.M.* Some Basic Problems of Mauryan India // BMQ. 1975. 1. P. 23–30.
- Bongard-Levin 1980–1981: *Bongard-Levin G.M.* Graeco-Roman Tradition and Religion-Philosophical Currents in Mauryan India // ALB. 1980–1981. 44–45. Madras, P. 50–62.
- Bongard-Levin 1984: *Bongard-Levin G.M.* India and Graeco-Roman World // IHR. 1984. 10. 1–2. P. 22–31.

- Bongard-Levin 1985–1986: *Bongard-Levin G.M. Ancient India and the Graeco-Roman World* // IT. 1985–1986. 13. P. 169–185.
- Bongard-Levin, Bukharin 2000: *Bongard-Levin G.M., Bukharin M.D. Megasthenes' Visits to India* // IT. 2000. 27–28. P. 69–79.
- Bopearachchi 1998 — *Bopearachchi O. Indo-Parthians* // Das Partherreich und seine Zeugnisse. The Arsakid Empire: Sources and Documentation. Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27–30 Juni 1996) / Hrsg. von J. Wiesehöfer. Stuttgart, 1998. S. 389–406.
- Borechy 1971: *Borechy B. Die politische Isonomie // Eirene*. 1971. 9. S. 5–24.
- Borzsák 1976: *Borzsák I. Semiramis in Zentralasien* // AAASHu. 1976. 24. S. 51–62.
- Bosworth 1983: *Bosworth A.B. Indian Satrapies under Alexander the Great* // Antichthon. 1983. 17. P. 37–45.
- Bosworth 1995: *Bosworth A. Aristotle, India and the Alexander Historians* // Athens. Aden. Arikamedu. Essays on the Interrelations between India, Arabia and Eastern Mediterranean / Ed. M.-F. Boussac and J.-F. Salles. New Delhi, 1995. P. 27–44.
- Bosworth 1996: *Bosworth A.B. The Historical Settings of Megasthenes' "Indica"* // CPh. 1996. 91. 2. P. 113–127.
- Boyer 1897: *Boyer A.-M. Nahapāna et l'ère Saka* // JA. 1897. 10. P. 120–151.
- Brelör 1927: *Brelör B. Kauṭaliya Studien*. Bd. 1. Leipzig–Bonn, 1927.
- Brelör 1928: *Brelör B. Kauṭaliya Studien*. Bd. 2. Leipzig–Bonn, 1928.
- Brelör 1929: *Brelör B. Zum Kauṭaliya Problem* // ZII. 1929. Bd. 7. S. 205–232.
- Brelör 1934a: *Brelör B. Megasthenes (etwa 300 v. Chr.) über die indische Gesellschaft* // ZDMG. 1934. 88 (N.F. Bd. 13). Hf. 2. S. 130–164.
- Brelör 1934b: *Brelör B. Kauṭaliya Studien*. Bd. 3. Leipzig–Bonn, 1934.
- Brelör 1935: *Brelör B. Megasthenes über die indische Staatsverwaltung* // ZDMG. 1935. Bd. 89 (N.F. 14). S. 40–67.
- Brelör 1939: *Brelör B. Drei unbekannte Megasthenesfragmente über die pravrajyā* // ZDMG. 1939. Bd. 93 (N.F. Bd. 18). S. 254–293.
- Brelör 1941: *Brelör B. Alexanders Bund mit Poros. Indien von Dareios zu Sandrakottos*. Lpz., 1941.
- Briant 1996: *Briant P. Histoire de l'empire Perse*. P., 1996.
- Brown 1949: *Brown T.S. Onesicritos. A Study in Hellenistic Historiography*. Los-Angeles–Berkeley, 1949.
- Brown 1955: *Brown T.S. The Reliability of Megasthenes* // AJPh. 1955. 76. P. 18–33.
- Brown 1957: *Brown T.S. The Merits and Weaknesses of Megasthenes* // Phoenix. 1957. 11. P. 12–24.
- Brown 1960: *Brown T.S. A Megasthenes' Fragment on Alexander and Mandanis* // JAOS. 1960. 80. 2. P. 133–135.
- Buddruss 1965: *Buddruss G. Rev.: Dahlquist 1962* // Gnomon. 1965. 37. P. 718–723.
- Bunbary 1879: *Bunbary E.H. History of Ancient Geography*. Vol. I. L., 1879.
- Burrow 1969: *Burrow T. Canakya and Kautalya* // ABORI. 1968. 48–49. P. 17–31.
- Bussagli 1956: *Bussagli M. Indian Events in Trogus Pompeus. Search for a Lost Source* // East and West. 1956. 3. P. 229–242.
- Campbell 1820: *Campbell A.D. A Grammar of the Teloogoo Language*. Madras, 1820.
- de Casparis 1963: *de Casparis F. Rev.: Dahlquist 1962* // JRS. 1963. P. 280–281.
- Casson 1983: *Casson L. Sakas Versus Andhras in the Periplus Maris Erythraei* // JESHO. 1983. 26. P. 164–177.
- Chakravarti 1930: *Chakravarti P. C. Naval Warfare in Ancient India* // IHQ. 1930. 4. 4. P. 645–664.
- Chapekar 1977: *Chapekar N. Ancient India and Greece. A Study of Their Cultural Contacts*. Delhi, 1977.
- Charpentier 1922: *Charpentier J. The History of Jains* // Cambridge History of India. Vol. I. Ancient India / Ed. by E.J. Rapson. N.Y., 1922. P. 134–151.
- Charpentier 1933: *Charpentier J. The Indian Travels of Appolonius of Tyana* (Skrifter utgivna av K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala. 29. 3). Uppsala, 1933.
- Chatterji 1945: *Chatterji C.D. Early Life of Candragupta Maurya* // B.C. Law Volume. Calcutta, 1945.
- Chattopadhyay 1973: *Chattopadhyay A. Megasthenes and Arrian on the Morality of Indian Women* // JOIB. 1973. 22. 3. P. 344–350.

- Chattopadhyaya 1925: *Chattopadhyaya K.* Dionysos in Megasthenes: Who Was He? // Proceedings and Transactions of the Third Oriental Conference. Madras. December 22nd–24th, 1924. Madras, 1925. P. 261–268.
- Chattopadhyaya 1970: *Chattopadhyaya S.* Evolution of Hindu Sects. Delhi, 1970.
- Chaudhari 1983: *Chaudhari K.* Dionysos of Indo-Greek Coins—A Study // JNSI. 1983. 45. P. 119–133.
- Chimanlal Shah 1932: *Chimanlal Shah J.* Jainism in North India, 800 B.C.–526 A.D., L., 1932.
- A Comprehensive History of India. Vol. II. Calcutta, 1957.
- A Comprehensive History of India. Vol. III. Delhi. 1981.
- Court 1836: *Court A.* Conjectures to the March of Alexander // JASB. 1836. 5. P. 387–395.
- Cribb 1992: *Cribb J.* Numismatic Evidence for the Date of the “Periplus” // Indian Numismatics, History, Art and Culture: Essays in Honour of Dr. Parameshwari Lal Gupta / Ed. by D.W.MacDowall, Savita Sharma, Sanjay Garg. Vol. I (Agam Indological Series. 14). New Delhi, 1992. P. 131–145.
- Cunningham 1963: *Cunningham A.* Coins of Ancient India. Varanasi, 1963.
- Dahlquist 1962: *Dahlquist A.* Megasthenes and Indian Religion. A Study in Motives and Types. Uppsala, 1962 (2nd ed. 1977).
- Dani 1964: *Dani A.H.* Sibi — a Forgotten People // JASP. 1964. 9. 1. P. 13–17.
- Daraki 1985: *Daraki M.* Dionysos. P., 1985.
- Davis, Kraay, Purvey 1980: *Davis N., Kraay C.M., Purvey P.F.* The Hellenistic Kingdoms. L., 1980.
- Dayton 1984: *Dayton J.* Herodotus, Phoenicia, the Persian Gulf and India in the First Millenia B.C. // Arabie Orientale, Mésopotamie et Iran Méridionale. De l'âge du fer au début de la période islamique (Mémoire. 37). P., 1984. P. 363–375.
- Deb 1922: *Deb H.K.* India and Elam // JAOS. 1922. 42. 1–2. P. 194–197.
- Deb 1948: *Deb H.K.* Vedic India and the Near East // JRASB. 1948. 14. 2. P. 121–137.
- Derrett 1961: *Derrett J.D.M.* The History of Palladius on the Races of India and the Brahmanas // CM. 1961. 21. 1–2. P. 65–135.
- Derrett 1968a: *Derrett J.D.M.* Religion, Law and the State in India. L., 1968.
- Derrett 1968b: *Derrett J.D.M.* Two Notes on Megasthenes' Indica // JAOS. 1968. 88. 4. P. 776–781.
- Derrett 1969: *Derrett J.D.M.* Megasthenes // Der Kleine Pauly. Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Bd. III. Stuttgart, 1969. Col. 1150–1154.
- Derrett 1974: *Derrett J.D.M.* Mani et la tradition manichéenne. P., 1974.
- Dessigane, Pattabiramin, Filliozat 1960: *Dessigane R., Pattabiramin P.Z., Filliozat J.* La légende des jeux de Çiva à Maturai d'après les textes et les peintures (Publications de l'Institut français d'indologie. 19. 1). Pondichéry, 1960.
- Detlefsen 1904: Die geographischen Bücher der Naturalis Historia des Plinius / Hrsg D.Detlefsen. B., 1904.
- Detlefsen 1909: *Detlefsen D.* Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. B., 1909.
- Dihle 1964a: *Dihle A.* The Conception of India in Hellenistic and Roman Literature // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1964. Vol. 10. P. 15–23.
- Dihle 1964b: *Dihle A.* Indische Philosophen bei Clemens Alexandrinus // Mullus. Festschrift Th.Klauser. Münster, 1964, c. 60–61.
- Dihle 1974: *Dihle A.* Der Seeweg nach Indien // Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Dies Philologiei Aenipontani. 1974. Heft 4. S. 5–12.
- Dihle 1984: *Dihle A.* Plinius und die geographische Wissenschaft in der römischen Kaiserzeit // Antike und Orient. Gesammelte Aufsätze / Hrsg. von. V.Pöschl, H.Petermann (Supplementum zu den Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. Bd. 2). Heidelberg. 1984. S. 174–190.
- Dihle 1987: *Dihle A.* Dionysos in Indien // India and the Ancient World. History, Trade and Culture before A.D. 650. Professor P.H.L. Eggermont Jubilee Volume, Presented on the Occasion of His Seventieth Birthday (Orientalia Lovaniensia Analecta. Vol. 25). Leuven, 1987. P. 47–57.
- Dikshit 1888: *Dikshit Sh.B.* The Twelve-Jear Cycle of Jupiter // CII. 1888. III.

- Dikshit 1949: *Dikshit S.K.* Was the Bhagavad-Gītā Known to Megasthenes? // *ABORI.* 1949. 30. 3–4. P. 298–315.
- Dikshitar 1951: *Dikshitar V.R.R.* The Purāṇa Index. I. Madras, 1951.
- Dikshitar 1953: *Dikshitar V.R.R.* The Mauryan Polity. Madras, 1953.
- Dumézil 1971: *Dumézil G.* Types épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi / *Dumézil G.* Mythe et épopée. Vol. II. P., 1971.
- Dumézil 1976: *Dumézil G.* Alexandre et les sages de l'Inde // *Scritti in onore di Bonlante.* Brescia, 1976. P. 556–559.
- Dumézil 1983a: *Dumézil G.* Héraclès: ses fils et sa fille // *Dumézil G.* La courtisane et les seigneurs colorés et autres essais: vingt cinq esquisses de mythologie. P., 1983. P. 51–59.
- Dumézil 1983b: *Dumézil G.* Pandaia et le pays Pāṇḍya? // *Dumézil G.* La courtisane et les seigneurs colorés et autres essais: vingt cinq esquisses de mythologie. P., 1983. P. 60–65.
- Dziech 1949: *Dziech I.* Graeci unde Indos cognoverit // *Eos.* 1949. 43. S. 61–67.
- Dziech 1950: *Dziech I.* De Graecis Brahmanum Aestimotorum // *Eos.* 1950. 44. Fasc. 1. S. 5–16.
- Dziech 1951: *Dziech I.* Graeci qua ratione Indos discriperint // *Eos.* 1951. 44. Fasc. 1. S. 57–75.
- Dziech 1953: *Dziech I.* Graeci quidam attulerin ad Indos cognoscendos // *Eos.* 1953. 46. 1. P. 57–75.
- Edelberg 1965: *Edelberg L.* Nuritanske Sølvpokaler // *Kuml.* 1965. P. 31–94.
- Edelberg 1972: *Edelberg L.* Some Paruni Myths and Hymns // *AO.* 1972. 34. P. 31–94.
- Edgerton 1913: *Edgerton F.* Pancadivadhivasa or Choosing a King by Divine Will // *JAOS.* 1913. 33. P. 158–166.
- Eggermont 1940: *Eggermont P.H.L.* The Date of Asoka's Edict XIII // *AcOr.* 1940. 18. P. 103–123.
- Eggermont 1956: *Eggermont P.H.L.* The Chronology of the Reign of Asoka Moriya. Leiden, 1956.
- Eggermont 1966: *Eggermont P.H.L.* The Muruṇḍas and the Ancient Trade Route From Taxila to Ujjain // *JESHO.* 1966. 9. P. 257–296.
- Eggermont 1968: *Eggermont P.H.L.* The Historia Philippica of Pompeius Trogus and the Foundation of the Scythian Empire // *Papers on the Date of Kaniṣka*, Submitted to the Conference on the Date of Kaniṣka, London, 20–22 April, 1960 / Ed. by A.L. Basham (Australian National University Centre of Oriental Studies. Oriental Monograph Series. Vol. 4). Leiden, 1968. P. 97–102.
- Eggermont 1970: *Eggermont P.H.L.* Alexander's Campaign in Gandhara and Ptolemy's List of Indo-Scythian Towns // *OLP.* 1970. 1. P. 63–123.
- Eggermont 1975: *Eggermont P.H.L.* Alexander's campaigns in Sind and Baluchistan. Leuven, 1975.
- Eggermont 1984a: *Eggermont P.H.L.* Indien und die hellenistischen Königreiche. Zusammenschau einer west-östlichen Gesellschaft zwischen 550 und 150 v. Chr. // *Aus dem Osten des Alexanderreiches, Völker und Kulturen zwischen Orient und Okzident, Iran, Afghanistan, Pakistan, Indien. Festschrift zum 65. Geburtstag von Klaus Fischer*, hrsg. von Jakob Ozola und Volker Thewalt. Köln, 1984. S. 74–83.
- Eggermont 1984b: *Eggermont P.H.L.* Ptolemy, the Geographer and the People of Dards. Alexander in Buner, the Aornus Problem and the Dards of Dyrta // *JCA.* 1984. 7. P. 73–123.
- Eggermont 1984c: *Eggermont P.H.L.* Ptolemy, the Geographer and the People of Dards // *OLP.* 1984. 15. P. 191–233.
- Eggermont 1986: *Eggermont P.H.L.* Heracles-Dorsanes and Priyadarśin Aśoka // *OLP.* 1986. 17. P. 159–168.
- Escher 1890: *Escher J.* Triton und seine Bekämpfung durch Heracles // *Zurich.* 1890.
- Falk 1982: *Falk H.* Die Sieben Kasten des Megasthenes // *AO.* 1982. 43. S. 61–68.
- Falk 1991: *Falk H.* The Seven "Castes" of Megasthenes // *Graeco-Indica. India's Cultural Contacts with the Greek World.* In Memory of Demetrius Galanos (1760–1833), a Greek Sanskritist of Benares. New Delhi, 1991. P. 48–56.
- Fick 1938: *Fick R.* Der indische Weise Kalanos und sein Flammentod // *NGW.* 1938. N. F. Bd. 2. 1. S. 1–32.
- Filliozat 1943–1945: *Filliozat J.* Pandaia, fille d'Héraclès indien // *JA.* 1943–1945. 234. P. 420–421.
- Filliozat 1948: *Filliozat J.* Les deux Aśoka et les conciles Buddhiques // *JA.* 1948. 236. P. 191–195.
- Filliozat 1956: *Filliozat J.* Les relations extérieures de l'Inde (Publications de l'Institut français d'indologie. 2). Pondichéry. 1956.

- Filliozat 1969: *Filliozat J.* Les dravidiens dans la civilisation indienne // JS. 1969.
- Filliozat 1974: *Filliozat J.* Pline et le Malaya // JA. 1974. 262. 1–2. P. 119–130.
- Filliozat 1978: *Filliozat J.* La date de l'avènement de Candragupta, roi de Magadha (313 avant J.-C.) // JS. 1978. P. 177–184.
- Filliozat 1981: *Filliozat J.* La valeur des connaissances gréco-romaines sur l'Inde // JS. 1981. Avril-juin. P. 97–135.
- Fisch 1937: *Fisch M.H.* Alexander and the Stoics // AJP. 1937. 58. 2. P. 133–135.
- Fischer 1957: *Fischer K.* Neue Funde und Forschungen zur indischen Kunst in Arachozien, Baktrien und Gandhara, der Shiva-Buddha-Heracles-Stein von Saozma Kala // ArAn. 1957. Bd. 72. S. 416–436.
- Fleet 1906: *Fleet J.* The Traditional Date of Kanishka // JRAS. 1906. P. 979–982.
- Fleet 1909: *Fleet J.* The Origin of the Buddhavarsha, the Ceylonese Reckoning from the Death of the Buddha // JRAS. 1909. P. 323–356.
- Foreign Notes 1979: Foreign Notes on South India from Megasthenes to Ma-Hian. Madras, 1979.
- Fosse 1991: *Fosse M.L.* Review of *Karttunen K.* India in Early Greek Literature (Studia Orientalia. 65). Helsinki, 1986 // Acta Orientalia. 1991. 42. P. 204–207.
- Foucher, Bazin-Foucher 1947: *Foucher A., Bazin-Foucher E.* La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. Vol. II. P., 1947.
- Francfort 1979: *Francfort H.-P.* Les pallets du Gandhāra // MDFA. Vol. 22. P., 1979.
- Fussman 1974a: *Fussman G.* Documents épigraphiques kouchans // BEFEO. 1974. 61. P. 1–77.
- Fussman 1974b: *Fussman G.* Quelques problèmes asokéens // JA. 1974. 262. № 3–4. P. 369–389.
- Fussman 1991: *Fussman G.* Le Périples de la Mer Erythrée et l'histoire politique de l'Inde // JA. 1991. 279. 1–2. P. 31–38.
- Garbe 1914: *Garbe G.* Indien und Christentum. Tübingen, 1914.
- Gen'ichi Yamazaki 1982: *Gen'ichi Yamazaki.* The Spread of Buddhism in the Mauryan Age // AcAs. V. 43. Japanese Studies in Ancient and Medieval Indian History. 1982. P. 1–16.
- Ghirshman 1946: *Ghirshman R.* Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kushans (MDFA. Vol. 12). Le Caire, 1946.
- Gokhale 1991: *Gokhale S.* Kanheri Inscriptions. Pune, 1991.
- Gonda 1969: *Gonda J.* Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden, 1969.
- Gonda 1969b: *Gonda J.* Aspects of Early Vishnuism. Delhi, 1969.
- Goosens 1930: *Goosens R.* Un texte grec relatif à Asvamedha // JA. 1930. 216. P. 280–285.
- Goosens 1953: *Goosens R.* Le démon indien Σοφοάδειος // NCI. 1953. 5. P. 38–47.
- Gopal 1976: *Gopal L.* Early Greek Writers on Writing in India // PIHS. 1976. P. 544–552.
- Goukowski 1981: *Goukowski P.* Essai sur les origines du mythe d'Alexandre (336–270 av. J.-C.). II. Alexandre et Dionysos. Nancy, 1981.
- Govind Pai 1952: *Govind Pai M.* Date of Buddha's Parinirvāṇa // JOIB. 1952. I. 4.
- Goyal 1985: *Goyal S.R.* Kautiliya and Megasthenes. Meerut, 1985.
- Grainger 1990: *Grainger J.D.* Seleukos Nikator. Constructing a Hellenistic Kingdom. London–New York, 1990.
- Growse 1880: *Growse F.S.* Mathura. Mathura, 1880.
- Gunderson 1980: *Gunderson L.L.* Alexander's Letter to Aristotle about India (Beiträge zur klassischen Philologie. 110). Meisenheim am Glan, 1980.
- Gutschmid 1982: *Gutschmid A. von.* König Nanda von Magadha in XV. Büche der Historien des Pompejus Trogus // Kleine Schriften, Bd. III. Lpz., 1892. S. 568–576.
- Hackin 1954: *Hackin J.* Les fouilles de Bégram // Nouvelles recherches archéologiques à Bégram (ancienne Kāpicī). Texte (MDFA. Vol. 11). P., 1954.
- Hadley 1965: *Hadley R.A.* Deified Kingship and Propaganda Coinage in the Earliest Hellenistic Age (323–288 B.C.). Pennsylvania, 1965.
- Hadley 1974a: *Hadley R.A.* Seleucus, Dionysos or Alexander? // NC. 1974. 14. P. 9–13.
- Hadley 1974b: *Hadley R.A.* Royal Propaganda of Seleucus I and Lysimachus // JHS. 1974. 44. P. 50–65.
- Halbfass 1991: *Halbfass W.* Early Indian References to the Greek and the First Western References to Buddhism // The Dates of Historical Buddha / Ed. H. Bechert. Göttingen, 1991.

- Halder 1929: *Halder P.R.* A Note on an Inscription of the IV or V Century B.C. // JA. 1929. 58.
- Hansen 1965: *Hansen G.C.* Alexander und die Brahmanen // Klio. 1965. 43–45. S. 359–361.
- Hanson 1983: *Hanson W.* Warfare and Agriculture in Ancient Greece. Pisa, 1983.
- Hara 1973: *Hara M.* The King as the Husband of the Earth // AS. 1973. 27. 2. P. 97–113.
- Hardy 1902–1903: *Hardy E.* Notes on the Enlarged Texts of the Mahavamsa, Extant in a Kambodjen Manuscript // JPTS. 1902–1903. P. 61–69.
- Hartman 1965: *Hartman S.S.* Dionysos and Heracles in India according to Megasthenes: a Counter Argument // Temenos. 1965. 1. P. 55–64.
- Hartwig 1902: *Hartwig P.* Herakles im Sonnenbecker // Römischen Mitteilungen. 1902. 17. S. 107–109.
- Haspers 1936: *Haspers C.H.E.* Attic Black-Figured Lecythoi. P., 1936.
- Heeren 1817: *Heeren A.H.L.* Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel ver vornehmlichsten Völker der alten Welt. Erster Theil. Asiatische Völker. Zweite Abteilung. Phöniciier, Babylonier, Scythien, Indier. Wien, 1817.
- Heeren 1831: *Heeren A.H.L.* De la politique et du commerce des peuples de l'Antiquité. Vol. III. P., 1831.
- Heestermann 1957: *Heestermann J.C.* Ancient Indian Royal Consecration. The Hague, 1957.
- Heestermann 1985: *Heestermann J.* Inner Conflict of Tradition. Delhi, 1985.
- Henning 1930: *Henning R.* Herodots goldhutende Griefen und goldgrabende Ameisen // RhM. 1930. 79. S. 326–332.
- Holdich 1910: *Holdich T.* The Gate of India. Quetta, 1910 (2nd ed. 1977).
- Hopkins 1889: *Hopkins E.W.* The Social and Military Position of the Ruling Caste in Ancient India as Represented by the Sanskrit Epic // JAOS. 1889. 13. P. 148–151.
- Hopkins 1901: *Hopkins E.W.* India Old and New. New York — London, 1901.
- Hosten 1912: *Hosten S.J.* The Mouthless Indians of Megasthenes // JPASB. 1912. 13. P. 291–301.
- Humbach 1980: *Humbach H.* Megasthenes and the Indian Castes // Proceedings of All-India Oriental Conference. 29th Session, 1978. Poona, 1980. P. 397–403.
- Huntington 1960: *Huntington R.M.* The Legend of Pṛthu // Purāṇa. 1960. 2. 1–2.
- Jacoby 1909: *Jacoby F.* Über die Entwicklung der griechischen Historiographie und der Plan einer neuen Sammlung der griechischen Historikerfragmente // Klio. 1909. Bd. 9. S. 80–123.
- Jaiswal 1967: *Jaiswal S.* The Origin and Development of Vaiṣṇavism. Delhi, 1967.
- Jayaswal 1915: *Jayaswal K.P.* The Śaiśunaka and Maurya Chronology and the Date of Buddha's Nirvāṇa // JBORS. 1. 1915. P. 67–116.
- Jayaswal 1930: *Jayaswal K.P.* An Important Brāhmī Inscription Barl Stone // JBORS. 1930. 16. P. 67–68.
- Jayaswal 1934: *Jayaswal K.P.* An Imperial History of India. Lahore, 1934.
- Jettmar 1975: *Jettmar K.* Die Religionen des Hindukusch (Die Religionen der Menschheit. Bd. 4.1). Stuttgart–Berlin–Köln–Mainz, 1975.
- Johnston 1941: *Johnston E.H.* Two Notes on Ptolemy's Geography of India // JRAS. 1941. P. 208–222.
- Jones 1788: *Jones W.* On the Gods of Greece, Italy and India // AR. 1788. 1. P. 221–275.
- de Jong 1973: *de Jong J.W.* The Discovery of India by the Greeks // AS. 1973. 27. 2. P. 115–142.
- de Jong 1992: *de Jong J.W.* Review of *Karttunen K.* India in Early Greek Literature (Studia Orientalia. 65). Helsinki. 1986 // IJ. 1992. 35. 1. P. 63–66.
- Jülicher 1896: *Jülicher.* Archelaos 40 // RE. 1896. Bd 2. S. 455.
- Jülicher 1899: *Jülicher.* Bardesanes // RE. 1899. Bd. 3. S. 8–9.
- Kalota 1978: *Kalota N.S.* India as Described by Megasthenes. Delhi, 1978.
- Kanakasabhai Pillai 1904: *Kanakasabhai Pillai V.* The Tamils Eighteen Hundred Years Ago. Madras, 1904.
- Karttunen 1984: *Karttunen K.* Κυνοκέφαλοι and Κυναμολγοί in Classical Ethnography // Arctos. Acta Philologica Fennica. 1984. 18. P. 31–36.
- Karttunen 1985: *Karttunen K.* A Miraculous Fountain in India // Arctos. Acta Philologica Fennica. 1985. 19. P. 55–65.
- Karttunen 1986a: *Karttunen K.* India in Early Greek Literature. Helsinki, 1986 (Studia Orientalia. 65).
- Karttunen 1986b: *Karttunen K.* Graeco-Indica — A Survey of Recent Work // Arctos. 1986. 20. P. 73–86.

- Karttunen 1987: *Karttunen K.* Rev. of *Sedlar J.W.* India and the Greek World. New Jersey, 1980 // AO. 1987. 48. P. 211–213.
- Karttunen 1988: *Karttunen K.* The Country of Fabulous Beasts and Naked Philosophers. India in Classical and Mediaeval Literature // *Arctos*. 1988. 21. P. 43–52.
- Karttunen 1990: *Karttunen K.* Taxila. Indian City and a Stronghold of Hellenism // *Arctos*. 1990. 24. P. 85–96.
- Karttunen 1995a: *Karttunen K.* The Name of India // Proceedings of International Conference on Sanskrit and Related Studies. September 23–26, 1993. Cracow, 1995. P. 151–163.
- Karttunen 1995b: *Karttunen K.* Graeco-Indica (2) // Athens, Aden, Arikamedu. Essays on the Interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean. New Delhi, 1995. P. 11–20.
- Karttunen 1997a: *Karttunen K.* India and Hellenistic World. Helsinki, 1997 (*Studia Orientalia*. 83).
- Karttunen 1997b: *Karttunen K.* Ctesias in Transmission and Tradition // *Topoi*. 1997. 7. 2. P. 635–645.
- Kennedy 1907: *Kennedy J.* The Child Crishna, Christianity and the Gujars // *JRAS*. 1907. P. 951–991.
- Kennedy 1913: *Kennedy J.* A Passage in the Periplus // *JRAS*. 1913. P. 127–130.
- Kennedy 1916: *Kennedy J.* Rev. of *Rawlinson H.G.* Intercourse between India and the Western World. Cambridge, 1916 // *JRAS*. 1916. P. 847–853.
- Kerbaker 1905: *Kerbaker M.* Il Bacco indiano nelle sue attinenze col mito e con culto dionisiaco // *RAL*. 1905. 23. 1. P. 139–196.
- Kienast 1965: *Kienast D.* Alexander und der Ganges // *Historia*. 1965. Bd. 14. Heft 2. S. 180–188.
- Kiepert 1878: *Kiepert H.* Lehrbuch der alten Geographie. B., 1878.
- Kirfel 1953: *Kirfel W.* Śiva und Dionysos // *ZE*. 1953. 78. S. 83–90.
- Kirfel 1976: *Kirfel W.* Der Mythos von der Tārā und der Geburt Buddhas // *Kirfel W.* Kleine Schriften. Wiesbaden, 1976. S. 72–90.
- Klotz 1906: *Klotz A.* Questiones plinianaee geographicae. B., 1906.
- Konow 1929: *Konow S.* Kharoshthi Inscriptions, with the Exception of those of Asoka. Calcutta, 1929.
- Kroll 1951: *Kroll W.* Plinius der Ältere // *RE*. 1951. Hlbbd. 41. Col. 271–439.
- Krom 1909: *Krom N.J.* Seleucos and Chandragupta // *Hermes*. 1909. 44. S. 154–157.
- Kuiper 1969: *Kuiper F.B.J.* Rev.: *Dahlquist 1962* // *IJ*. 1969. 11. 2. P. 142–146.
- Lacotte 1908: *Lacotte F.* Essai sur Guṇādhya et le Brhātkaṭhā. P., 1908.
- Lacroix 1979: *Lacroix L.* Héracles, héros, voyageur et civilisateur // Académie Royale de Belgique. Bulletin de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques. 5e Série. 1979. 60. № 2–3. P. 34–59.
- Lahiri 1974: *Lahiri A.K.* The Marduk-Tiamat Conflict of the Babylonian Enuma Elis and Indra-Vṛtra Struggle of the Rgveda: a Comparative Study // *Visvabharaty Quarterly*. 1974. 39. P. 236–259.
- Lal Bhargava 1935: *Lal Bhargava P.* Chandragupta Maurya. Lucknow, 1935.
- Lamotte 1953: *Lamotte E.* Les premières relations entre l'Inde et l'Occident // *La Nouvelle Clio*. Revue Mensuelle de la Découverte Historique. 1953. 5. Travaux de la société «Théogonie». III. Mélanges A.Carnoy. P. 83–118.
- Lamotte 1958: *Lamotte E.* Histoire du Bouddhisme Indien. Louvain, 1958.
- Lassen 1827: *Lassen Ch.* Commentatio geographica atque historica de pentapotamia Indica. Bonn, 1827.
- Lassen 1840: *Lassen Ch.* Beiträge zur Kunde des indischen Alterthums aus dem Mahabharata. II. Die altindischen Völker // *ZKM*. 1840. Bd. 2. S. 21–70.
- Lassen 1844: *Lassen Ch.* Bemerkungen über dieselbe Stelle des Megasthenes // *ZKM*. 1844. Bd. 5. S. 232–259.
- Lassen 1847: *Lassen Ch.* Indische Altertumskunde. Bd. I. Bonn, 1847.
- Lassen 1852: *Lassen Ch.* Indische Altertumskunde. Bd. II. Bonn, 1852.
- Lassen 1874: *Lassen Ch.* Indische Altertumskunde. Theil II. Zweite Auflage. Lpz., 1874.
- Law 1921: *Law N.N.* Aspects of Ancient Indian Polity. Oxf., 1921.
- Law 1973: *Law B.Ch.* Tribes in Ancient India. Poona, 1973.
- Law 1984: *Law B.Ch.* Historical Geography of Ancient India. Delhi, 1984.

- Le Valey 1992: *Le Valey P.* What Did the Gymnosophists Believe? // *Yavanika*. 1992. 2. P. 61–84.
- Lehmann 1903: *Lehmann C.F.* Die Dynastien der babylonischen Königliste und des Berossos // *Klio*. 1903. 3. S. 135–163.
- Lévêque 1995: *Lévêque P.* Dionysos dans l'Inde // *Inde, Grèce ancienne: Regards croisés en anthropologie de l'espace*. Annales littéraires de l'Université de Besançon. Vol. 576. Actes de Colloque International — Besançon, 4–5 Décembre, 1992, organisé par CHA (URA 338), le groupe de recherches en Anthropologie de l'Espace. Besançon, 1995. P. 125–137.
- Lévi 1918: *Lévi S.* Le Catalogue géographique des Yaksa dans la Mahamayuri // *JA*. 1918. 11e série. 11. 1. P. 5–160.
- Lindegger 1982: *Lindegger P.* Griechischen und römischen Quellen zum peripheren Tibet II: Überlieferungen von Herodot zu den Alexanderhistorikern Die nördlichen Grenzregionen Indiens (Opuscula Tibetana). 1982. 14.
- Linforth 1926: *Linforth I.* Greek Gods and Foreign Gods in Herodotus (University of California. Publications in Classical Philology. Vol. 9. № 1). Berkeley, 1926.
- Lloyd 1982: *Lloyd A.B.* Nationalist Propaganda in Hellenistic Egypt // *Historia*. 1982. 31. P. 33–55.
- Long 1971: *Long J.B.* Siva and Dionysos — Visions of Terror and Bliss // *Numen*. 1971. 18. P. 180–209.
- Loewental 1863: *Loewental I.* On the Antiquities of the Peshawar District // *JASB*. 1863. 283. 1. P. 1–19.
- Luce 1922: *Luce S.B.* Heracles and the Old Man of the Sea // *AJA*. 1922. 26. P. 174–192.
- Lüders 1961: *Lüders H.* Mathura Inscriptions. Göttingen, 1961.
- MacDowall 1974: *MacDowall D.W.* Implications for Kushan Chronology of the Numismatic Context of the Nameless King // *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Central Asia in the Kushan Period. T. 1. M., 1974. С. 246–264.
- MacDowall, Wilson 1970 — *MacDowall D.W., Wilson N.G.* The References to the Kuṣāṇas in the Periplus and Further Numismatic Evidence for its Date // *NC*. 1970. 7. 10. P. 221–240.
- Majumdar 1953: The History and Culture of Indian People / Ed. by R.C.Majumdar. Vol. II. The Age of Imperial Unity. Bombay, 1953.
- Majumdar 1958: *Majumdar R.C.* The Indica of Megasthenes // *JAOS*. 1958. 78. 1. P. 273–276.
- Majumdar 1960b: *Majumdar R.C.* Surrejoinder to K.D.Sethna // *JAOS*. 1960. 80. 3. P. 248–250.
- Majumdar, Raychaudhury, Datta 1953: *Majumdar R.C., Raychaudhury H.R., Kalikinkar Datta.* An Advanced History of India. 2nd ed. New Delhi, 1953.
- Malalasekera 1958: *Malalasekera G.P.* The Pali Literature of Ceylon. Colombo, 1958.
- Malalasekera 1960: *Malalasekera G.P.* Dictionary of Pali Proper Names. I–II. 2nd ed. L., 1960.
- Malamoud 1996: *Malamoud Ch.* Cooking the World. Ritual and Thought in Ancient India. Delhi, 1996.
- Mankand 1951: *Mankand D.R.* Puranic Chronology. Anand, 1951.
- Mariottini Spagnoli 1967: *Mariottini Spagnoli M.* The Symbolic Meaning of the Club in the Iconography of the Kuṣāṇa Kings // *EW*. 1967. 17. P. 248–267.
- Mariottini Spagnoli 1970: *Mariottini Spagnoli M.* Some Other Observations in the Symbolic Meaning of the Club in the Statue of Kaniṣka // *EW*. 1970. 20. P. 460–468.
- Marquart 1901: *Marquart J.* Eranšabr. Berlin, 1901.
- Marshall 1975: *Marshall J.* Taxila. New Delhi, 1975.
- Martin 1959: *Martin V.* Un recueil de diatribes cyniques: Pap. Genev. inv. 271 // *Museum Helveticum*. 1959. 16. P. 77–115.
- Merkelbach 1954: *Merkelbach R.* Die Quellen der griechischen Alexanderromans. München, 1954.
- Meyer 1903: *Meyer E.* Das chronologische System des Berossos // *Klio*. 1903. 3. S. 141–144.
- Meyer 1927: *Meyer E.* Alexander und der Ganges // *Klio*. 1927. 21. S. 183–191.
- Mitchiner 1973: *Mitchiner M.* The Early Coinage of Central Asia. L., 1973.
- Mookerji 1953: *Mookerji R.K.* Chandragupta Maurya and His Time. Delhi, 1953.
- Morgenstierne 1931: *Morgenstierne G.* The Name Munjān and Some Other Names of Places and Peoples in the Hindukush // *BSOAS*. 1931. 6. 2. P. 439–444.
- Mukherjee 1960: *Mukherjee B.N.* The Import of the Term Maccocalingae // *J.N.Banerjea Volume*. Calcutta, 1960.

- Mukherjee 1969: *Mukherjee B.N.* An Agrippan Source. A Study in Indo-Parthian History. Calcutta, 1969.
- Müllerus 1847: *Müllerus C.* Megasthenes // *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Collegit, Disposuit, Notis et Prolegomenis Illustravit Carolus Müllerus. V. II. Parisiis, 1847. P. 397–401.
- Müllerus 1855: *Müllerus C.* ΑΝΩΝΥΜΟΥ [Αρριανου, ως φερεται] ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ. Anonymi [Arriani, ut fertur] Periplus Maris Erythraei // *Geographi Graeci Minores*. E codicibus recognovit, prolegomenis, annotatione, indicibus instuxit, tabulis aeri indicis illustravit Carolus Müllerus. Volumen Primum. Parisiis, 1855 (2nd ed. P., 1861; 3rd ed. N.Y., 1990). P. 257–305.
- Mund-Dopchie 1995: *Mund-Dopchie M.* L'invention de l'Inde merveilleuse. Structure de l'imaginaire et découverte de l'Autre lointain // *Inde, Grèce ancienne: Regards croisés en anthropologie de l'espace*. Annales littéraires de l'Université de Besançon. Vol. 576. Actes de Colloque International — Besançon, 4–5 Décembre, 1992, organisé par CHA (URA 338), le groupe de recherches en Anthropologie de l'Espace. Besançon, 1995. P. 99–112.
- Mund-Dopchie, Vanbaelen 1989: *Mund-Dopchie M., Vanbaelen S.* L'Inde dans l'imaginaire grec // *Les Etudes Classiques*. 1989. 62. P. 209–226.
- Murray 1970: *Murray O.* Hecateus of Abdera and Pharaonic Kingship // *JEA*. 1970. 56. P. 141–171.
- Murray 1972: *Murray O.* Herodotus and Hellenistic Culture // *CQ*. 1972. 22. P. 202–213.
- Myres 1896: *Myres J.L.* An Attempt to Reconstruct the Maps Used by Herodotus // *GJ*. 1896. 8. P. 605–629.
- Mustamandy 1984: *Mustamandy Ch.* Herakles, Ahnherr Alexaders, in einer Plastik aus Hadda // *Aus dem Osten des Alexanderreiches, Völker und Kulturen zwischen Orient und Okzident*, Iran, Afganistan, Pakistan, Indien. Festschrift zum 65. Geburtstag von Klaus Fischer, hrsg. von Jakob Ozola und Volker Thewalt. Köln, 1984. S. 176–180.
- Narain 1992: *Narain A.K.* Rev.: of *Karttunen K.* India in Early Greek Literature (*Studia Orientalia*. 65). Helsinki. 1986 // *JAOS*. 1992. 112. 3. P. 515–517.
- Neue Pauly 1997: *Der neue Pauly Enzyklopaedie der Antike*. Bd. 3. Stuttgart–Weimar, 1997.
- Nilakanta Sastri 1953: *Nilakanta Sastri K.A.* History of India. Vol. I. Ancient India. 2nd ed. Madras, 1953.
- Nilakanta Sastri 1958: *Nilakanta Sastri K.A.* A History of South India, Oxf., 1958.
- Nilakanta Sastri, Aiyar 1952: *Nilakanta Sastri K.A., Aiyar K.A.* The Age of Nandas and Mauryas. Banaras, 1952.
- Nirmala M. Upadhyaya 1992: *Nirmala M. Upadhyaya.* S.R.Goyal on the Indica of Megasthenes // *S.R.Goyal. His Multidimensional Historiography* / Ed. J.Agrawal, Sh.Goyal. Delhi, 1992. P. 75–82.
- Nock 1928: *Nock A.D.* Notes on the Ruler-Cult. I: Alexander and Dionysos // *JHS*. 1928. 48. P. 25–30.
- Noiville 1929: *Noiville J.* Les Indes de Bacchus et d'Héraclès // *RPLHA*. 1929. 55. P. 245–270.
- O'Flaherty W. Doniger 1980: *O'Flaherty W. Doniger.* Dionysos and Śiva: Parallel Patterns in Two Parts of Myths // *Humanist Research*. 1980. 20. 1–2. P. 81–111.
- Olshausen 1974: *Olshausen E.* Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten. Th. 1. Lovanii, 1974.
- Ort 1967: *Ort L.J.* Mani. A Religio-historical Description of his Personality. Leiden, 1967.
- Otto 1965: *Otto W.F.* Dionysos. Myth and Art. Indiana University Press. Bloomington–London, 1965.
- Palmer 1946: *Palmer J.A.B.* The Identification of Ptolemy's Douna // *JRAS*. 1946. 3–4. P. 165–173.
- Palmer 1947: *Palmer J.A.B.* Periplus Maris Erythraei: The Indian Evidence as to the Date // *CQ*. 1947. 41. 3–4. P. 136–140.
- Palmer 1949: *Palmer J.A.B.* Periplus Maris Erythraei, Remarks on Chapter 47 // *CQ*. 1949. 43. 1–2. P. 61–64.
- Panchenko 1998: *Panchenko D.* Scylax' Circumnavigation of India and Its Interpretation in Early Greek Geography, Ethnography and Cosmography, I // *Hyperboreus*. 1998. 4. Fasc. 2. P. 211–243.
- Pargiter 1913: *Pargiter F.E.* The Purāṇa Text of the Dynasties of the Kali Age. Oxf., 1913.
- Pargiter 1922: *Pargiter F.E.* Ancient Indian Historical Tradition. Delhi–Varranasi–Patna, 1922 (2nd ed. 1968).

- Parpola 1984: *Parpola A.* On the Jaiminīya and Vādhūla Traditions of South India and the Paṇḍu/Paṇḍava Problem // *Studia Orientalia*. 1984. 55. P. 429–468.
- Parpola 1996: *Parpola A.* A Sumerian Motif in the Indus Seals? // *The Indian Ocean in Antiquity* / Ed. by J. Reade. L., 1996. P. 227–235.
- Parpola 1998: *Parpola A.* Sāvitrī and the Resurrection // *Studia Orientalia*. 1998. 84. P. 167–312.
- Parpola 2000: *Parpola A.* Bala-Rāma and Sītā: on the Origins of the Rāmāyaṇa // XIth World Sanskrit Conference. Turin, Villa Gualino, April 3rd–8th, 2000. Summaries of Papers. Torino, 2000. P. 109.
- Patil 1946: *Patil D.R.* Cultural History from the Vāyu-Purāṇa. Poona, 1946.
- Pauli 1986: *Pauli F.* NAHAPANA/MANBAN.S vor 78 n. Chr.? Ein epigraphischer Neufund aus Indien und seine Bedeutung für die antike Südasien-Chronologie // *Studien zur alten Geschichte* Siegfried Lauffer zum 70. Geburtstag am 4 August 1981 dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern. Bd. II. Historica. Roma, 1986. S. 745–753.
- Pearson 1960: *Pearson L.* The Lost Histories of Alexander the Great. Oxf., 1960.
- Perumalil 1942: *Perumalil A.C.* A Few Christian Writers on Early India // *JBORS*. 1942. 28.
- Pinney, Ridgway 1981: *Pinney J.F., Ridgway B.S.* Heracles at the Ends of the Earth // *JHS*. 1981. 101. P. 141–144.
- Pischel 1981: *Pischel R.* A Grammar of the Prakrit Languages. Delhi, 1981.
- Pistorius 1952: *Pistorius P.V.* Plotinus and Neoplatinismus. Cambr., 1952.
- Powell 1938: *Powell E.* A Lexicon to Herodotus. Cambr., 1938.
- Prakash Buddha 1955–1956: *Prakash Buddha.* Candragupta Maurya in the Shah-Name of Firdausi // *ABORI*. 1955. 36. P. 270–291; 1956. 37. P. 120–143.
- Prakrit Proper Names 1970: *Prakrit Proper Names*. Pt I. Ahmedabad, 1970.
- Puri 1963: *Puri B.N.* India in Classical Greek Writings. Ahmedabad, 1963.
- Puskás 1977–1978: *Puskás I.* On an Ethnographic Topos in the Classical Literature (The Gold-Digging Ants) // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös Nominate. Sectio Classica*. I (V–VI). Separatum. Budapest. 1977–1978. P. 71–87.
- Puskás 1979: *Puskás I.* Mahabharata Motives in Classical Greek and Latin Sources // *Sanskrit and World Culture, Proceedings of the Fourth World Sanskrit Conference of the International Association of Sanskrit Studies*. Weimar, May 23–30, 1979 (*Studien zur Geschichte und Kultur des alten Oriens*. 18). Berlin, 1979. S. 257–262.
- Puskás 1983: *Puskás I.* Herodotus and India // *Oikumene*. 1983. 4. P. 201–207.
- Puskás 1987a: *Puskás I.* Megasthenes and Indian Society of his Time // *Oikumene*. 1987. Vol. 6. P. 23–29.
- Puskás 1987b: *Puskás I.* Trade Contacts between India and Roman Empire // *India and the Ancient World. History, Trade and Culture before A.D. 650*. P.H.L. Eggermont Jubilee Volume (OLP. 1987. 25). P. 141–156.
- Puskás 1988: *Puskás I.* Indio-Mediterranica I // *ACUSD*. 1988. 24. P. 15–22.
- Puskás 1989: *Puskás I.* Indian Religions in Classical Sources // *ACUSD*. 1989. 25. P. 61–66.
- Puskás 1990: *Puskás I.* Megasthenes and the “Indian Gods” Heracles and Dionysos // *Mediterranean Studies*. 2. Greece and the Mediterranean / Ed. Richard W. Clement, Benjamin F. Taggie, Robert G. Schwartz. Kirksville, 1990. P. 39–47.
- Rapin 1991–1992: *Rapin C.* Hinduism in the Indo-Greek Area. Notes on some Indian Finds from Bactria and on Two Temples in Taxila // *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity* / Ed. by A. Invernizzi. Turin, 1991–1992. P. 275–291.
- Rapson 1922: *Rapson E.* (ed.). *Cambridge History of India*. N.Y., 1922.
- Raschke 1978: *Raschke M.G.* New Studies in Roman Commerce with the East // *ANRW*. 1978. II. 9. 2. S. 604–1361.
- Raunig 1970: *Raunig W.* Die Versuche einer Datierung des Periplus Maris Erythraei // *MAGW*. 1970. 100. S. 231–242.
- Rawlinson 1916: *Rawlinson H.G.* Intercourse between India and the Western World. Cambr., 1916.
- Raychaudhury 1936: *Raychaudhury H.* Some Problems of Early Maurya History and Chronology // *IC*. 1936. II. 3. P. 557–564.
- Raychaudhury 1953: *Raychaudhury H.* Political History of Ancient India. Calcutta, 1953.

- Reese 1914: *Reese W.* Die griechische Nachrichten über Indien bis zum Feldzuge Alexanders des Grossen. Lpz., 1914.
- Renou, Filliozat 1947: *Renou L., Filliozat J.* L'Inde classique. Manuel des Etudes indiennes. Vol. I. P., 1947.
- Reuss 1906: *Reuss F.* Megasthenes // RhM. 1906. Bd. 61. S. 304–305.
- Rhys-Davids 1903: *Rhys-Davids T.W.* Buddhist India. L., 1903.
- Rice 1983: *Rice E.E.* The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus. Oxf., 1983.
- Robertson 1819: *Robertson W.* Historical Disquisition Concerning the Knowledge which the Ancients Had of India and the Progress of Trade with That Country Prior to the Discovery of the Passage to it by the Cape of Good Hope. L., 1819. 2nd ed. (1st ed. 1791).
- Robin 1991: *Robin Ch.* L'Arabie du Sud et la date du Périples de la Mer Érythrée (nouvelles données) // JA. 1991. 279. 1–2. P. 1–30.
- Rocher 1957: *Rocher L.* Megasthenes on Indian Lawbooks // JOIB. 1957. 6. P. 125–128.
- Robinson 1993: *Robinson T.R.* Alexander and the Ganges. The Text of Diodorus XVIII. 6. 2 // AHB. 1993. 7. P. 84–99.
- Rodinson 1974–1975: *Rodinson M.* Ethiopien et Sudarabique // AEPHE. IVe section: Sciences historiques et philologiques. 1974–1975. 107e année. P. 209–247.
- de Romanis 1982–1987: *de Romanis F.* Roma e i Nótia dell'India, ricerche sui rapporti tra Roma e l'India dravidica dal 30 a.C. all'età Flavia // Helikon. 1982–1987. 22–27. P. 143–210.
- de Romanis 1988: *de Romanis F.* Romanukharattha e Taprobane: sui rapporti Roma-Ceylon nel I sec. d.C. // Helikon. 1988. 28. P. 5–58.
- de Romanis 1996a: *de Romanis F.* Rome and the Nótia of India: Relations between Rome and Southern India from 30 B.C. to the Flavian Period // Crossings. Early Mediterranean Contacts with India / Ed. F. de Romanis, A. Tchernia. New Delhi, 1996. P. 80–160.
- de Romanis 1996b: *de Romanis F.* Romanukharattha and Taprobane: Relations between Rome and Sri Lanka in the First Century A.D. // Crossings. Early Mediterranean Contacts with India / Ed. F. de Romanis, A. Tchernia. New Delhi, 1996. P. 161–237.
- de Romilly 1968: *de Romilly J.* Guerre et paix entre cités // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. P., 1968.
- Ruben 1943: *Ruben W.* Krishna. Konkordanz und Kommentar der Motive seines Heldenlebens. Istanbul, 1943 (Istambuler Schriften. 17).
- Ruben 1956: *Ruben W.* Der Sinn des Dramas «Der Spiegel und Rākshasa (Mudrārākṣasa)». B., 1956.
- Sachse 1975: *Sachse J.* Relacja Megasthenesa o Indiach w ocenie starożytnych // Antiquitas. Acta Universitatis Wratysławiensis. 1975. 5. P. 3–9.
- Sachse 1979: *Sachse J.* Źródła greckie i łacinskie do dziejów Indii starożytnych // Meander. 1979. 34. 8. P. 393–405.
- Sachse 1981: *Sachse J.* Megasthenes o Indikach (Classica Wratysłaviensis VIII. Acta Universitatis Wratysłaviensis. V. 578). Wratysława. 1981.
- Sachse 1982: *Sachse J.* Le mythe de Silā, fleuve indien (Mégasthène, FGrHist. 715. F. 10) // Eos. 1982. 70. P. 237–243.
- Sachse 1983: *Sachse J.* Czy Onesikritos i Megasthenes mówią o braku niewolnictwa w Indiach starożytnych // Eos. 1983. V. 71. Fasc 2. P. 299–308.
- Saletore 1958: *Saletore B.A.* India's Diplomatic Relations with the West. Bombay, 1958.
- Sastri 1952: *Sastri K.* Age of the Nandas and Mauryas. Banaras, 1952.
- Scharfe 1971: *Scharfe H.* The Maurya Dynasty and the Seleukids // ZVS. 1971. 85. S. 211–225.
- Schettelich 1980–1981: *Schettelich M.* Zu den Anfängen altindischer Staatslehre // IT. 1980–1981. 8–9. S. 377–384.
- Schnabel 1923: *Schnabel P.* Beross und die babylonisch-hellenistische Literatur. Leipzig–Berlin, 1923.
- Schneider 1978: *Schneider U.* Die grossen Felsen-Edikte Asokas. Kritische Ausgabe, Übersetzung und Analyse der Texte. Wiesbaden, 1978.
- von Schröder 1914: *von Schröder L.* Heracles und Indra. Eine mythenvergleichende Untersuchung // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd. 58. Abhandlung 3. Wien, 1914. 109 S.

- Schwarz 1966: *Schwarz F.F.* Griechenland und Indien im Spiegel der antiken Literatur // Jahresbericht des Bundesgymnasium Fürstenfeld. 1966. 36. S. 62–86.
- Schwarz 1968: *Schwarz F.F.* Mauryas und Seleukiden // Studien zur Sprachwissenschaft und Kultururkunde. Gedenkschrift für W.Brandenstein (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. 1968. 14. 1). S. 223–230.
- Schwarz 1969: *Schwarz F.F.* Daimachos von Plataiai. Zum Geistesgeschichtlichen Hintergrund seiner Schriften // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. B., 1969. S. 293–304.
- Schwarz 1970: *Schwarz F.F.* Die Griechen und die Maurya Dynastie // *Allheim T., Stiehl R.* Geschichte Mittelasiens in Altertum. B., 1970. S. 267–316.
- Schwarz 1972: *Schwarz F.F.* Candragupta-Sandrakottos, Eine historische Legende in Ost und West // Altertum. 1972. 18. S. 85–102.
- Schwarz 1975a: *Schwarz F.F.* Arrian's Indike. Intention and Reality // EW. 1975. 25. 1–2. P. 181–203.
- Schwarz 1975b: *Schwarz F.F.* Kynokefaloi // Der Kleine Pauly. Bd. III. Stuttgart, 1975. S. 400.
- Schwarz 1976: *Schwarz F.F.* Onesikritos und Megasthenes über den Tambapannidipa // GB. 1976. Bd. 5. S. 231–263.
- Sedlar 1980: *Sedlar J.W.* India and the Greek World. A Study in the Transmission of Culture. New Jersey, 1980.
- Sen 1929: *Sen J.* The Coronation of Candragupta Maurya // IHQ. 1929. 5. 1. P. 6–14.
- Sen 1956: *Sen A.S.* Asoka's Edicts. Calcutta, 1956.
- Sengupta 1956: *Sengupta P.C.* Dates of Principal Events in the Buddha's Life // IHQ. 1956. 32. P. 124–129.
- Sengupta 1961: *Sengupta P.C.* The Date of Buddha Nirvāṇa // IHQ. 1961. 39. P. 359–362.
- Seth 1939: *Seth H.C.* // Proceedings of the Indian History Congress. Delhi, 1939. P. 371–376.
- Sethna 1960: *Sethna K.D.* Rejoinder to R.C.Majumdar // JAOS. 1960. 80. 3. P. 243–248.
- Sethna 1966a: *Sethna K.D.* Megasthenes and Indian Chronology as Based on the Purāṇas // Purāṇa. 1966. 8. 1. P. 16–29.
- Sethna 1966b: *Sethna K.D.* Megasthenes and the Indian Chronology as Based on the Purāṇas // Purāṇa. 1966. 8. 2. P. 9–37.
- Shafer 1964: *Shafer R.* Unmasking Ktesias' Dog-Headed People // Historia. 1964. Bd. 13. Heft 4. P. 499–503.
- Shantilal Shah 1935: *Shantilal Shah.* The Traditional Chronology of the Jains. Stuttgart, 1935.
- Sharma 1958: *Sharma R.S.* Śūdras in Ancient India. Delhi-Varanasi-Patna, 1958.
- Sharma 1959: *Sharma R.S.* Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India. Delhi-Varanasi-Patna, 1959.
- Shastri 1991: *Shastri A.M.* Varāhamihira and His Times. Jodhpur, 1991.
- Sims-Williams, Cribb 1995–1996: *Sims-Williams N., Cribb J.* A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA. 1995–1996. 4. P. 75–142.
- Singh 1961: *Singh* The Date of Buddha Nirvāṇa // IHQ, 1961, XXXIX. P. 359–362.
- Sircar 1971: *Sircar D.C.* Studies in the Geography of Ancient and Medieval India. New Delhi, 1971.
- Sircar 1976: *Sircar D.C.* Cosmography and Cosmology in Early Indian Literature. Calcutta, 1976 (1st ed.: Calcutta, 1967).
- Sircar 1979: *Sircar D.C.* Aspects of Early Indian Economic Life // IMB. 1979. 14. 1–2. P. 7–70.
- Sircar 1991: *Sircar D.C.* Select Inscriptions bearing on Indian History and Civilizations. Vol. 1. Delhi, 1991.
- Sivaraja Pillai 1932: *Sivaraja Pillai.* The Chronology of the Early Tamils. Madras, 1932.
- Skurzak 1948: *Skurzak L.* Etudes sur les origines de l'ascétisme indien (Travaux de la Société des sciences et des lettres de Wrocław. Seria A. 15). Wrocław, 1948.
- Skurzak 1954: *Skurzak L.* Etudes sur les fragments de Mégasthène: Βραχμῶνας, Σαρμάννας // Eos. 1954. 47. P. 95–100.
- Skurzak 1960: *Skurzak L.* Etudes sur les fragments de Mégasthène (II) Hylobioi // Folia Orientalia. 1960. 2. P. 83–87.

- Skurzak 1963: *Skurzak L.* Megasthenes. Property of Land // История и культура древней Индии. М., 1963. С. 258–261.
- Skurzak 1964: *Skurzak L.* Le traité de paix en 305, selon Strabon et Appien d'Alexandrie // Eos. 1964. 54. P. 225–229.
- Skurzak 1974: *Skurzak L.* Sofisci Indyjsci w relacji Aristobulosa i Onesikritosa // Anantaparam kila Sabdasastram. Księga pamiątkowa ku czi Eugeniusza Sluszkiewiczza. Warszawa, 1974. P. 215–220.
- Skurzak 1979: *Skurzak L.* En lisant Mégasthène (Nouvelles observations sur la civilisation indienne) // Eos. 1979. 67. P. 69–74.
- Smith 1908: *Smith V.A.* The Early History of India from 600 B.C. to the Muhammadan Conquest. Oxf., 1908.
- Smith 1923: *Smith V.A.* The Oxford History of India from the Earliest Times to the End of 1911. 2nd ed. Oxf., 1923.
- Snoy 1962: *Snoy P.* Die Kafirer. Formen der Wirtschaft und geistigen Kultur. Frankfurt am Main, 1962.
- Srinivasan 1979: *Srinivasan S.* Measurement in Ancient India. Delhi, 1979.
- Stein A. 1927: *Stein A.* Alexander's Campaign in the Indian North-West Frontier // GJ. 1927. 70. 5–6. P. 417–439; 515–540 (repr.: Supplementum to the IA. 1929. 58).
- Stein A. 1929: *Stein A.* On Alexander Track to the Indus. Personal Narrative of Explorations on the North-West Frontier of India. L., 1929 (2nd ed. New York, 1972).
- Stein O. 1921: *Stein O.* Megasthenes und Kautaliya. Wien, 1921.
- Stein O. 1927: *Stein O.* The Coronation of Chandragupta Maurya // ArOr. 1929. I. 1. P. 355–357 (= Stein O. 1985).
- Stein O. 1929: *Stein O.* The Coronation of Candragupta Maurya // ArOr. 1929. 1. P. 354–371.
- Stein O. 1931: *Stein O.* Megasthenes // RE. 1931. Bd. 15. Hbd 29. S. 230–326.
- Stein O. 1985: The Coronation of Chandragupta Maurya // *Stein O.* Kleine Schriften / Hrsg. von F. Wilhelm (Glasenapp-Stiftung. 25). Stuttgart, 1985. S. 189–206.
- Stewart 1993: *Stewart A.* Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics. Berkeley, 1993.
- Sukumari Bhattacharji 1970: *Sukumari Bhattacharji.* The Indian Theogony. A Comparative Study of Indian Mythology from the Vedas to the Purāṇas. Cambr., 1970.
- Taddei 1984: *Taddei M.* Neue Forschungsbelege zur Gandhara-Ikonographie // Aus dem Osten des Alexanderreiches, Völker und Kulturen zwischen Orient und Okzident, Iran, Afganistan, Pakistan, Indien. Festschrift zum 65. Geburtstag von Klaus Fischer, hrsg. Von Jakob Ozola und Volker Thewalt. Köln, 1984. S. 154–175.
- Tarn 1923: *Tarn W.W.* Alexander and Ganges // JHS. 1923. 43. P. 97–100.
- Tarn 1938: *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambr., 1938.
- Thapar 1963: *Thapar R.* Aśoka and the Decline of Mauryas. Oxf., 1963.
- Thapar 1966: *Thapar R.* A History of India. Vol. I. Harmondsworth, 1966.
- Thapar 1984: *Thapar R.* Genealogy as a Source of Social History // *Thapar R.* Ancient Indian Social History. Some Interpretations. Hyderabad, 1984.
- Thapar 1987: *Thapar R.* Megasthenes. Text and Context // *Thapar R.* The Mauryas Revisited. New Delhi–Calcutta, 1987. P. 32–61.
- Thite 1972: *Thite G.* Antipathy to Rajasuya: Why? // Sambodhi. 1972. 1. 3. October. P. 43–58.
- Timmer 1930: *Timmer B.* Megasthenes en de indische Maatschappij. Amsterdam, 1930.
- Tola, Dragonetti 1998: *Tola F., Dragonetti C.* India y Grecia antes de Alejandro (I) // BAEO. 1998. 34. P. 353–377.
- Tola, Dragonetti 1999: *Tola F., Dragonetti C.* India y Grecia antes de Alejandro (II) // BAEO. 1999. 35. P. 247–258.
- Tondriau 1949: *Tondriau J.* Alexandre le Grand assimilé à différentes divinités // RPLHA. 1949. 23. P. 41–52.
- Tondriau 1952: *Tondriau J.* Dionysos. Dieu royal: du Bacchus tauromorphe aux souverains hélénistiques Neoi Dionysoi // AIPHOS. 1952. 12. Mélanges Henri Grégoire. P. 441–466.

- Trautmann 1971a: *Trautmann T.R.* Alexander and Nandrus in Justin 15.4.16 // ABORI. 1971. 51. P. 240–241.
- Trautmann 1971b: *Trautmann T.* Kauṭilya and Arthaśāstra (A Statistical Investigation of the Authorship and Evolution of the Text). Leiden, 1971.
- Trüdinger 1918: *Trüdinger K.* Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918.
- Tucci 1977: *Tucci G.* On Swāt. The Dards and Connected Problems // EW. 1977. 27. 1–4. P. 9–103.
- de la Vallée-Poussin 1930: *de la Vallée-Poussin L.* L'Inde aux temps des Mauryas (Histoire du Monde. VI). P., 1930.
- Vallois 1932: *Vallois R.* Alexandre et la mystique dionysiaque // RÉA. 1932. 34. P. 81–82.
- Ventateswara Aiyar 1915: *Ventateswara Aiyar.* The Ancient History of Magadha // IA. 1915. 44. P. 41–52.
- Verma 1978: *Verma H.C.* Medieval Routes to India. A Study of Trade and Military Routes. Calcutta, 1978.
- Vofchuk 1985: *Vofchuk R.* Megasthenes y la religion de la India // Oriente-Occidente (Centro de investigaciones filosóficas C.I.F. seminario de Indología. 1). Buenos Aires, 1985.
- Vossius 1700: *Vossius G.* De idololatrie gentilibi // Ger. Vossii Opera. Amstelodami, 1700.
- Warmington 1928: *Warmington E.H.* The Commerce between the Roman Empire and India. 1st ed. Cambr., 1928 (2nd ed. 1974, 3rd ed. New Delhi, 1995).
- Watters 1905: *Watters Th.* On Yuan Chwang's Travels in India. L., II, 1905.
- Wecker 1916: *Wecker O.* India // RE. 1916. 9. Col. 1264–1325.
- Wecker 1925: *Wecker O.* Kynokephaloi // RE. 1925. Bd. 12. Col. 25–26.
- West 1964: *West M.L.* Megasthenes on the Astomoi (Plin. 25. MF 29) // CR. 1964. 14 (78). P. 242.
- Wigasin 1990: *Wigasin A.A.* Mischkasten im Manava-Dharmaschāstra // AoF. Bd. 17. 1990. 1. S. 113–129.
- Wilcken 1923: *Wilcken U.* Alexander der Grosse und die indische Gymnosophisten. // SPAW. 1923. Bd. 23. S. 150–183.
- Wilford 1799: *Wilford F.* On Egypt and Other Countries, Adjacent to the Ca'li River or Nile of Ethiopia From the Ancient Books of Hindus // AR. 1799. 3. 8. P. 46–259.
- Wilford 1805: *Wilford F.* An Essay on the Sacred Isles on the West with Other Essays Connected with the Works // Asiatic Researches. 1805. 8. P. 245–376.
- Wilhelm 1966: *Wilhelm F.* Rez.: Dahlquist 1962 // ZDMG. 1966. Bd. 116. Heft 2. S. 425–436.
- Will 1979: *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique, 323–30 av. J.-C. T.I. Nancy, 1979.
- Wilson 1841: *Wilson H.H.* Ariana Antiqua. A Descriptive Account of the Antiquities and Coins of Afghanistan with a Memoir on the Buildings Called Potes by Ch. Masson. L., 1841.
- Witkowski 1898–1899: *Witkowski S.* De patria Megasthenis // Eos. 1898–1899. S. 22–24.
- Wojtilla, Wojtilla 1974: *Wojtilla J., Wojtilla A.* Ammonios Saccas and India // Studia Aegyptiaca. I. Budapest. 1974. P. 407–419.
- Woodcock 1968: *Woodcock G.* The Greeks in India. L., 1968.
- Yankowski 1962: *Yankowski S.V.* The Brachman Episode. Ansbach, 1962.
- Zambrini 1976: *Zambrini A.* La politica di Asoka // RAL. 1976. Ser. 8. 31. P. 165–192.
- Zambrini 1982: *Zambrini A.* Gli Indica di Megasthenes // ASNP. 1982. Ser. 3. V. 12. 1. P. 71–149.
- Zambrini 1983: *Zambrini A.* Idealizzazione di una terra: etnografia e propaganda negli Indica di Megasthenes // Forme di contatto e processi di trasformazione nelle società antiche. Atti del convegno di Cortona (24–30 maggio 1981) (Collection de l'Ecole française de Rome. 67). Pisa–Roma, 1983. P. 1105–1118.
- Zambrini 1985: *Zambrini A.* Gli Indica di Megasthenes II // ASNP. 1985. Ser. 3. Vol. 15. № 3. P. 781–853.
- Zambrini 1987: *Zambrini A.* A proposito degli Indica di Arriano // ASNP. 1987. Ser. 3. V. 17. № 1. P. 139–154.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ПВ	— Проблемы востоковедения. М.
ХИДВ	— Хрестоматия по истории древнего Востока. М.
ЭВ	— Эпиграфика Востока. М.
АА	— Arts Asiatiques. Annales du Musée Guimet. P.
ABORI	— Annals. Bhandarkar Oriental Research Institute. Poona
AcAs	— Acta Asiatica. Tokyo
ACUSD	— Acta Classica Universitatis Scientiarum Debrecen
АЕРНЕ	— Annuaire de l'Ecole Pratique des Hautes Etudes. P.
AIPOH	— Annuaire de l'Institut de Philologie et Histoire Orientales (et Slaves). Bruxelles
AJA	— American Journal of Archaeology, N.Y.
AJPh	— American Journal of Philology. Baltimore
ALB	— The Adyar Library Bulletin. Adyar
Antichton	— Antichton. Journal of the Australian Society for Classical Studies. Brisbane
AO	— Acta Orientalia. Ediderunt societates orientales Danica, Norvegica, Svecica. København
AoF	— Altorientalische Forschungen. B.
AR	— Asiatic Researches or Transactions of the Society, Instituted in Bengal for Inquiry into the History and Antiquities, the Arts, Sciences and Literature of Asia. Calcutta—London
ArAn	— Archäologischer Anzeiger. Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. B.
Arctos	— Arctos. Acta Philologica Fennica. Helsinki
ArOr	— Archiv Orientalni. Journal of the Oriental Institute of the Czechoslovak Academy of Sciences in Prague. Prague
AS	— Asiatische Studien / Etudes Asiatiques. Zeitschrift der Schweizerischen Gesellschaft für Asienkunde
ASNP	— Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, Classe di Lettere e Filosofia. Pisa
BAEO	— Boletín de la Asociación Española de Orientalistas. Madrid
BMQ	— Bharata Manisha Quarterly.
CHI	— Cambridge History of India
CII	— Corpus Inscriptionum Indicarum. Calcutta
CM	— Classica et Mediaevalia: Revue Danoise de Philologie et d'histoire. København
CPh	— Classical Philology. Chicago
CQ	— Classical Quarterly. Oxf.
CR	— The Classical Review. Oxf.
EW	— East and West. Quarterly Journal of the Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Roma
GB	— Grazer Beiträge. Zeitschrift für die klassische Altertumswissenschaft. Amsterdam
GJ	— Geographical Journal. L.
Helikon	— Helikon. Revista di tradizione e cultura classica dell'università di Messina. Roma
IA	— Indian Antiquary, a Journal of Oriental Research in Archaeology, History, Literature, Languages, Philosophy, Religion, Folklore, etc. Bombay
IC	— Indian Culture. L.
IHQ	— The Indian Historical Quarterly. Calcutta

IHR	— The Indian Historical Review. Journal of the Indian Council of Historical Research. Delhi
IJJ	— Indo-Iranian Journal. The Hague
IMB	— Indian Museum Bulletin. Madras
IT	— Indologica Taurinensia. Official Organ of the International Association of Sanskrit Studies. Torino
JA	— Journal Asiatique (ou Recueil de mémoires, d'exemples et de notices relatifs à l'histoire, à la philosophie, aux langues et à la littérature des peuples orientaux). P.
JAOS	— Journal of American Oriental Society. New York — New Haven
JASP	— The Journal of the Asiatic Society of Pakistan. Islamabad
JBBRAS	— Journal of Bombay Branch of the Royal Asiatic Society. Bombay
JBORS	— Journal of the Bihar and Orissa Research Society. Pathna
JCA	— Journal of Central Asia. Islamabad
JEA	— Journal of Egyptian Archaeology. L.
JESHO	— Journal of Economic and Social History of the Orient / Journal de l'Histoire Economique et Sociale de l'Orient. Leiden
JHS	— Journal of Hellenic Studies. L.
JIH	— Journal of Indian History. New Delhi
JNSI	— Journal of the Numismatic Society of India. Varanasi
JOIB	— Journal of Oriental Institute, Baroda
JPASB	— Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta
JPTS	— Journal of the Pali Text Society. L.
JRAS	— Journal of Royal Asiatic Society. L.
JRASB	— Journal of Royal Asiatic Society of Bengal. Calcutta
JS	— Journal des Savants. P.
Klio	— Klio. Beiträge zur alten Geschichte. Leipzig-Berlin
MAGW	— Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien
MDAFA	— Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. P.
MEFRA	— Mélanges de l'Ecole française de Rome (Antiquité). Roma
NCI	— La Nouvelle Clío. Revue mensuelle de la découverte historique. P.
NGW	— Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Göttingen
OLP	— Orientalia Lovanensia Periodica. Leuven
PHAI	— Political History of Ancient India
Phoenix	— Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada. Toronto
PIHS	— Proceedings of the Indian History Congress. New Delhi
RAL	— Atti della Reale Accademia di Archeologia, Lettere e Belle Arti. Lincei
RE	— Pauly's Real Encyclopädie des Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart
REA	— Revue des Etudes Anciennes. P.
RhM	— Rheinisches Museum. Frankfurt am Main
RN	— Revue Numismatique. P.
RPLHA	— Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne. P.
SRAA	— Silk Road Art and Archaeology. Leiden
Yavanika	— Yavanika. Ὑαυανικα. Journal of the Indian Society for the Greek and Roman Studies. Bareilly
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Lpz.
ZE	— Zeitschrift für Ethnologie. B.
ZII	— Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Wien
ZKM	— Zeitschrift für Kunde des Morgenlands. Bonn
ZVS	— Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Göttingen

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Современные авторы

Абботт Дж. (Abbott J.) 179
Агравала В. (Agrawala V. S.) 232
Андре Ж. (André J.) 49, 90, 185, 237
Арора У.П. (Arora U.P.) 53, 81–82

Бадан Э. (Badian E.) 180
Банбери Э. (Bunbary E. H.) 78, 82
Барнетт Л.Д. (Barnett L.D.) 128
Барт А. (Barth A.) 70, 148
Барухович В. Г. 91
Бауэр Г. М. 292
Белох Ю. (Beloch J.) 206
Бенфей Т. (Benfey Th.) 139
Бенц Э. (Benz E.) 200
Бернар П. (Bernard P.) 53, 102, 151, 180
Бейтенен Дж.А.Б. ван (van Beutenen J. A. B.) 80, 83
Бёмер Ф. (Bömer F.) 61
Биван Э.Р. (Bevan E.R.) 80, 128
Бичурин Н. Я. 252
Бонгард-Левин Г.М. 55, 92–93, 97–99, 122–123, 127–128, 141, 150–151
Босворт А.Б. (Bosworth A.B.) 54, 58–59, 66, 80, 82, 133, 162
Браун Т.С. (Brown T.S.) 52, 54, 85–87, 109, 126
Брелёр Б. (Brelör B.) 52, 61–64, 74–77, 80, 82–83, 104, 106, 112, 208, 238
Будрусс Г. (Buddruss G.) 140–141
Буссальи М. (Bussagli M.) 35–36
Бхаттасали Н.К. (Bhattachali N.K.) 32
Бэшем А.Л. (Basham A.L.) 18, 22, 69, 80, 82

Вагнер О. (Wagner O.) 19
Веккер О. (Wecker O.) 51, 78, 82, 140
Велисаропулос Д.К. (Βελισσαροπουλος Δ. Κ.) 60
Вертоградова В.В. 35, 161
Вигасин А.А. 55, 57, 79, 82, 258, 261, 302
Вильхельм Ф. (Wilhelm F.) 145
Воссиус Г. (Vossius G.) 139
Вофчук Р. (Vofchuk R.) 155

Гайгер В. (Geiger W.) 38
Гарбе Г. (Garbe G.) 70, 148
Гиришман Р. (Ghirshman R.) 148
Гойал Ш.Р. (Goyal S.R.) 53, 65, 99–100, 146, 155
Гонда Я (Gonda J.) 194

Гопал Л. (Gopal L.) 100
Граузе Ф.С. (Growse F.S.) 142
Грейнджер Дж.Д. (Grainger J.D.) 53
Гуковский П. (Goukowski P.) 146–147
Гусенс Р. (Goossens R.) 148, 164
Гутшмидт А. (Gutschmid A. von) 37

Дайтон Ж. (Dayton J.) 67
Далквист А. (Dahlquist A.) 61, 68, 87–88, 100, 142–146, 150, 152–154, 180–181, 187, 194–195, 227
Деб Х.К. (Deb H.K.) 89
Дерретт Дж.Д.М. (Derrett J.D.M.) 53, 55, 81, 88, 92
Детлефсен Д. (Dettefsen D.) 51, 219, 237–238
Джайразбхой Р.А. 74
Джаясвал К.П. (Jayaswal K.P.) 18
Джиех Ю. (Dziech I.) 88
Джонс У. (Jones W.) 19, 139
Дикшит С.К. (Dikshit S.K.) 91
Дикшитар В.Р.Р. (Dikshitar V.R.R.) 52, 58, 75
Диле А. (Dihle A.) 53, 148, 198, 200, 220
Доватур А.И. 118
Драгонетти К. (Dragonetti C.) 101
Дюмезиль Ж. (Dumézil G.) 7, 106, 140–141, 157, 178, 181

Замбрини А. (Zambrini A.) 82–83, 101, 103–111, 137, 147
Захше И. (Sachse J.) 88–91, 154

Ильин Г.Ф. 141

Йонг Дж. де (de Jong J.W.) 69, 101

Калота Н.С. (Kalota N.S.) 60
Канакасабхай Пиллай В. (Kanakasabhai Pillai V.) 80, 83
Каннингхем А. (Cunningham A.) 142, 144, 153, 179, 194
Карпюк С.Г. 203
Карттунен (Karttunen K.) 54, 57, 66, 82, 90, 101–103, 114, 137, 140–141, 144, 149, 162, 182, 186
Каспарис Ф. де (de Casparis F.) 153
Кассон Л. (Casson L.) 249, 256, 292
Кеннеди Дж. (Kennedy J.) 142, 153, 194, 253–254, 257–258
Кинаст Д. (Kienast D.) 134

- Киперт Г. (Kiepert H.) 218
 Кирфель В. (Kirfel W.) 142, 171
 Клотц А. (Klotz A.) 230
 Кондратьев С.П. 56
 Кошеленко Г.А. 60
 Крибб Дж. (Cribb J.) 252
 Кром Н.Дж. (Krom N.J.) 56
 Кудрявцев О.В. 55, 261, 292
 Курт А. (Court A.) 179
- Ламотт Э. (Lamotte É.) 52, 69
 Лассен Х. (Lassen Ch.) 5, 27, 49–50, 70–71, 78, 90,
 139–140, 148–150, 153–154, 178–179, 194–195,
 230
 Ле Вале П. (Le Valey P.) 122, 124–127
 Левек П. (Lévêque P.) 142
 Лёвенталь И. (Loewental I.) 179
 Леви С. (Lévi S.) 22
 Лонг Дж.Б. (Long J.B.) 140
 Лоу Б.Ч. (Law B.Ch.) 223, 227
 Любак Г. де 128
- Маджумдар Р.Ч. (Majumdar R.C.) 53, 60, 64–67,
 70, 81–82, 99–100, 110, 148
 Майерс Дж. (Myres J.L.) 66
 МакДауэлл Д.У. (MacDowall D.W.) 257–258
 Мак-Криндл Дж.У. (McCrindle J.W.) 5, 8, 32, 50,
 52, 58–59, 64, 71, 80, 100, 140, 148, 151, 179,
 200, 238, 256
 Малаласекера Г.П. (Malalasekera G.P.) 38, 42
 Манканд Д.Р. (Mankand D.R.) 139, 144
 Маркварт Дж. (Marquart J.) 166
 Мейер Э. (Meyer E.) 134
 Мищенко Ф.Г. 116
 Моргенштерн Г. (Morgenstierne G.) 166
 Мукерджи Б.Н. (Mukherjee B.N.) 223
 Мюллер К. (Müller C.) 50, 59–61, 140, 152, 238,
 253, 256–257
 Мюнд-Допши М. (Mund-Dopchie M.) 85
 Мюррей О. (Murray O.) 101, 104–105, 110, 137,
 147
- Нилаканта Шастри К.А. (Nilakanta Sastri K.A.) 78,
 83, 97
 Нок А.Д. (Nock A.D.) 147, 162
 Нуавиль Ж. (Noiville J.) 147
- Оджха Г. (Ojha G.) 18
 Одуэн Р. (Audouin R.) 53, 151
 Ольденберг Г. (Oldenberg G.) 23
- Палмер Дж.А.Б. (Palmer J.A.B.) 254, 257
 Панченко Д.В. 66–67
 Парджитер Ф.Э. (Pargiter F.E.) 140
 Парпола А. (Parpola A.) 151
 Перумалил А.Ч. (Perumalil A.C.) 52
 Путилова Т.Б. 78, 82
 Пушкаш И. (Puskás I.) 81, 84, 111–112, 140, 149,
 156, 186
- Рай С.Н. (Ray S.N.) 28
 Райчаудхури Х. (Raychaudhury H.R.) 17, 32, 37
 Рамузио Дж.Б. (Ramusio G.B.) 256
 Рашке М.Г. (Raschke M.G.) 249
 Рену Л. (Renou L.) 156
 Рис-Дэвидс Т. (Rhys-Davids T.W.) 78, 82
 Робертсон У. (Robertson W.) 49
 Романис Ф. де (de Romanis F.) 156
 Роулинсон Х.Г. (Rawlinson H.G.) 51, 71–72, 78, 82,
 153
 Рочер Л. (Rocher L.) 92
 Рубен В. (Ruben W.) 70, 148, 194
 Рункова Е.А. 292
- Салетор Б. А. (Saletore B. A.) 53
 Седлар Дж. (Sedlar J.) 123–124
 Сетхна К.Д. (Sethna K.D.) 65–67, 80, 146, 163
 Сиркар Д.Ч. (Sircar D.C.) 230
 Скуржак Л. (Skurzak L.) 52, 88–89, 146, 154
 Смит В.А. (Smith V.A.) 51
 Смыка О.В. 261
 Соловьев В.С. 140, 154
 Стайн Аурел (Stein A.) 166, 179
 Стратановский Г.А. 67
- Тарн В.В. (Tarn W.W.) 35
 Тиммер Б. (Timmer B.) 52, 74–76, 78, 82
 Тола Ф. (Tola F.) 101
 Томашек В. (Tomaschek W.) 232
 Тонд্রে Ж. (Tondriau J.) 148
 Траутманн Т. (Trautmann T.R.) 39, 44–46
 Трюдингер К. (Trüdinger K.) 72
 Туччи Дж. (Tucci G.) 153, 166, 180–181, 229
 Тхапар Р. (Thapar R.) 28, 79, 82–83, 110–111
- Уилсон Н.Дж. (Wilson N.G.) 179, 257
 Уилфорд Ф. (Wilford F.) 148
 Уормингтон Э.Х. (Warmington E.H.) 85
- Фабрициус Б. (Fabricius B.) 257
 Фальк Г. (Falk H.) 81, 84
 Филлиоза Ж. (Filliozat J.) 13, 25, 49, 90, 156, 185,
 218, 223, 237
 Фриск Х. (Frisk H.) 244, 253, 256–257
 Фуше А. (Foucher A.) 140–141
 Фюссман Ж. (Fussman G.) 37, 253–255, 258
- Хадли Р.А. (Hadley R.A.) 147
 Халдер П.Р. (Halder P.R.) 18
 Хальбфасс В. (Halbfass W.) 128
 Хансен Г. (Hansen G.C.) 122
 Харди Э. (Hardy E.) 42
 Хеерен А.Х.Л. (Heeren A.H.L.) 50, 77, 82, 139, 148
 Хейстерман Й. (Heestermann J.C.) 174
 Хинюбер О. фон (von Hinüber O.) 81, 83, 147, 166,
 179
 Холдич Т. (Holdich T.) 51, 139, 167–168
 Хопкинс Э.У. (Hopkins E.W.) 149
 Хостен С.Дж. (Hosten S.J.) 71

Хультш Э. (Hultsch E.) 32
 Хумбах Х. (Humbach H.) 81–83, 140, 149

Чакраварти П. Ч. (Chakravarti P. C.) 77
 Чаттопадхьяй А. (Chattopadhyay A.) 104
 Чаттопадхьяя К. (Chattopadhyaya K.) 143, 148, 171
 Чаттопадхьяя С. (Chattopadhyaya S.) 195

Шарпантье Й. (Charpentier J.) 140, 179
 Шарфе Х. (Sharfe H.) 53
 Шафер Р. (Shafer R.) 101, 182
 Шванбек Е. А. (Schwanbeck E. A.) 50, 55–56, 59–61, 64, 68, 70–71, 78, 82, 99–100, 140, 148, 150, 200, 238
 Шварц Ф. Ф. (Schwarz F. F.) 52–53, 56, 80, 82, 84, 88
 Шнабель П. (Schnabel P.) 135
 Шохин В. К. 123–124, 140
 Шрёдер Л. фон (von Schröder L.) 148
 Штайн Отто (Stein O.) 30, 51–52, 55, 57–58, 72–76, 80, 82, 92, 103–106, 109, 120, 143–144, 150, 224, 238–239
 Штук Й. (Stuckius I.) 256

Эггермонт П. Х. Л. (Eggermont P. H. L.) 24–25, 28, 53, 59, 148, 155, 168, 179, 206, 209–210, 219, 229–230
 Эдельберг Л. (Edelberg L.) 153

Якоби Г. (Jacobi G.) 25
 Якоби Ф. (Jacoby F.) 60–61, 68, 238

Древние авторы, исторические и мифологические персонажи

Абисар (Эмбисар) 208, 235, 290
 Абу-л-Му'аййаду Балхи 291
 Абхисары 208, 311
 Август 22, 35, 245, 301, 303
 Августин 15, 203
 Аврелиан 11
 Агатархид Книдский 182, 300
 Агатоклея 303
 Агатья 185
 Агни 187
 Аграмес (Aggrammes, Хаvδράμεc, см. также Угра-ссена) 19–22, 24–28, 31, 57
 Агриппа 237, 308
 Александр Коринфский 206–207, 214–215
 Александр Македонский 5–9, 11, 16, 18–19, 21, 27–33, 36–37, 46–47, 49, 51–52, 54–58, 64–66, 68–69, 72–73, 76, 85–87, 90, 98–99, 102–103, 108–109, 111–112, 116, 119, 121–127, 131–136, 140–141, 144, 146–148, 152, 157–162, 166–168, 171, 173, 175–180, 182, 188–190, 194, 197–198, 203, 207–208, 211, 213, 215, 217, 219, 225, 229, 235–236, 240, 257, 261–265, 267, 270, 272–274, 276–277, 281–284, 286–290, 295–296, 302–303, 308, 311, 313–315

Александр Полигистор 14, 197, 201
 Александр Север 11
 Аллитрохад (Амитрохад) 206
 Апор 135
 Амвросий 16
 Аммон 283
 Аммоний Саккас 12
 Амомет 228, 307
 Амфитрита 272
 Анаксарх 126
 Андрон 272
 Андросфен 272
 Анний Плокам 236, 312
 Антей 177
 Антигон Гонат 205, 207, 215
 Антигон Одноглазый 31, 50–51, 53–56, 108
 Антигониды 214
 Антиох I Сотер 7, 90, 135–136, 158, 205–207, 211, 240, 308, 314
 Антиох II Теос 205–206, 214, 215
 Антифан Афинский 303
 Аполлодор из Артемиды 66, 68, 197
 Аполлодот I Великий 257, 296, 302
 Аполлон 131, 284
 Аполлоний Тианский 9–12, 198, 202
 Аполлофан 276
 Алпиан 55
 Арат 205
 Аристокл 6–7, 72, 103, 106, 126, 147
 Аристон 272
 Аристотель 63, 90, 104, 111, 114–120, 132, 137, 163, 168, 182, 216
 Аристофан 300
 Арриан 6, 16, 49–61, 64–66, 68, 71, 75, 77, 83, 85–88, 93, 95, 99, 102, 107, 110, 114, 119, 126, 133, 138, 141, 143, 145–146, 149, 151, 157, 159–163, 173, 179–181, 195–197, 203, 208, 226–227, 229, 235, 238, 261, 289–291
 Арсиноя I 300
 Арсиноя II 300
 Артакабане 314
 Артаксеркс II 6, 289
 Артемидор 182, 231, 236, 310
 Архелай 202
 Архий 278–279, 283
 Архонт 272
 Асклепидор 272
 Аспаварман 252
 Аттал 272
 Аурнавабха 152, 180
 Афиней 206
 Афродита 285
 Ашока Маурья 7–8, 18, 21, 28, 39, 92, 94–99, 109, 181, 193, 197, 204–207, 209–213, 215–217, 226, 233, 237, 239–241, 246, 251, 304

Багой 272
 Баларама 143, 148, 151, 155
 Бана 25

Бань Чао 252, 254
 Бар Дайсан (Бардесан) 13, 62–63, 122, 192, 201, 203
 Береника 205
 Беросс 105, 130, 135–137, 147
 Биндусара 7, 28, 58, 93, 206, 209, 211, 239
 Будда 12, 14–15, 35, 39, 88, 122, 124, 128–129, 196–197, 199–203, 210, 223
 Буддхагхоша 40
 Будия 138, 140, 160, 170, 265
 Будха 140, 143, 170–171
 Букефал 57, 302
 Бусирис 177
 Бхагават 195
 Бхадасала 31
 Бхима 153
 Бэтон 219, 229–230, 236, 308, 310

 Ваджрапани 186
 Вакх 148
 Вараручи 18
 Варлаам 202
 Варрон 237
 Варуна 173, 175, 187–188
 Васиштьипутра Шри Пулумаи 303
 Васудэва-Кришна 70, 147, 150–151
 Васудэва 150–151, 194–195
 Ваттагамани Абхайа 39
 Вена 163, 167 172, 174
 Вергилий 302
 Веретрагна 147
 Веспасиан 11
 Виджая 151
 Викторин 15, 202, 203
 Вима I Такто 254, 258
 Вима Кадфиз 253–254, 257–258
 Вишакхадатта 35, 207
 Вишну 142, 144, 148–149, 154, 156, 165, 170, 195
 Вритра 187

 Ганнон 288
 Гаутама 202
 Гегемоний 202
 Гекатей Абдерский 82, 84, 101, 103–106, 108–109, 130–137, 147
 Гекатей Милетский 5, 113, 307
 Гелиодор 150
 Гелиос 131–132, 281
 Гелладий 21
 Гелланник Лесбосский 102
 Герай 253, 257–258
 Геракл 16, 54, 60, 68, 70–71, 85, 89, 100, 103, 108, 112, 114, 119, 121, 132, 135, 138–138, 144–160, 162–163, 165, 169, 173, 175–190, 194–196, 198, 203, 238, 264, 266–267, 311, 313
 Гермес 131, 199, 285
 Геродот 5, 6, 66, 75, 78–81, 105, 111–113, 120, 133, 159, 183–186, 258
 Гесиод 171
 Гефестион 272–273

Гидрак 278
 Гиппал (ветер) 315
 Гиппал 298
 Гиппократ 303
 Гомер 134
 Гондофар 251–252
 Гораций 302
 Гордиан 12, 199
 Готами Баласири 251
 Готамипута Сири Сатакани 250–251, 255
 Гунадхья 40, 45

Дамис 10–11
 Дандамис 13, 122
 Дарий I 5, 168
 Деймах 7, 51, 58, 102, 197, 206, 230
 Деметра 265
 Деметрий I 158
 Деметрий Полиоркет 205
 Демодам 90
 Джина Махавира 216
 Диоген Лаэртский 126
 Диоген Синопский 6–7, 87
 Диогнет 219, 236, 308
 Диодор Сицилийский 6, 19, 21–23, 30, 57, 59–61, 64–66, 68, 71–72, 83, 85–86, 88–89, 93, 95, 98, 107, 110, 114, 116, 119, 127, 130, 138, 143, 145, 159, 161, 162, 167–169, 171, 197, 203, 238
 Диодот 253, 257
 Диомед 177
 Дион Хрисостом 9, 12, 14, 198
 Дионис (Отец Либер) 16, 54, 60, 68–71, 85, 100, 103, 108, 112, 114, 119, 121, 130–132, 135, 138–148, 153, 155–178, 183, 187–190, 195–196, 198, 203, 216, 261, 264–265, 267, 308, 311, 313
 Дионисий 61, 211, 213–215, 237–240, 308
 Дурга 305
 Дурис 182, 185
 Дхана Нанда 19, 23, 25–28, 31, 41–44
 Дхунди-раджа 24
 Дьяус Питар 152

Евдем 29–31, 54, 58, 208–209
 Евкратид I 303
 Евмен 31, 208, 272
 Еврипид 158, 171, 300
 Евсевий Кесарийский 11, 15, 201
 Евтидем I 158

Заратуштра 202
 Зевс 131, 166, 188, 274, 283–284
 Зенон 205

Иаков 202
 Иданфирс 108, 170, 264
 Иерокл 11
 Иероним 15, 133, 202–203
 Изигон 182
 Иисус Христос 11, 15, 202–203

Ил'азз Йалит 301
Илифия 131
Индра 43, 100, 112, 145–147, 149, 152–156, 170, 180, 187–188
Индраварман 252
Иосаф 202
Иосиф Флавий 135, 245
Ипполит 12–14, 198
Ирод Антипа 245
Исида 130–131, 198
Исократ 104
Итал (царь) 171
Иуда Искарот 259

Йога-Нанда 25, 45

Какаварна 25
Кала-Ашока 23–25, 42
Калан 7, 13, 87, 225
Каллатии 113
Каллисфен 7, 302
Калмашапада 232
Камбиз 261, 267, 288
Канишка 254–255
Каутилья 8, 29, 34, 58, 72, 76, 84, 90–91, 96, 99, 111, 129
Кейд см. также Чандрагупта 46
Кепробот 297
Кефисодор 274
Кинзы 280
Киодзюкю 252–254
Кир Старший 120, 261, 267, 313
Кирилл Александрийский 15, 201
Кирттиварман I 226
Клавдий (император) 236
Клавдий Птолемей 185, 211, 222, 231–233, 235, 239, 246–248, 254–255, 289
Клеарх из Сол 114
Климент Александрийский 12, 14–15, 122, 128, 135, 192, 196, 199–201, 203
Клисфен 93
Клитарх 7, 86–87, 133, 135, 147, 182, 184–186
Константин 15
Крадэва 138, 140, 160, 178, 266
Кратер 205, 273
Кратес Пергамский 182, 185–186
Критобул 272
Кришна 69–71, 100, 112, 142–144, 148–151, 153, 155–157, 194, 234, 291
Ксенофонт 91, 104–105, 114, 116, 118, 120, 137, 216
Ктесий Книдский 5–6, 85–86, 90, 101–102, 105–106, 114, 136, 159, 182–186, 262
Куджула Кадфиз 252–255, 258
Кудзулаки 253
Куру 228
Курций Руф 6, 19, 21–22, 61, 65–66, 138, 141, 167–168, 180, 197
Кусан (Кушан: царь) 253–254, 302
Кшемендра 25, 45–46

Лаодика 205
Лаомедон 272
Леоннат 272–273, 276, 287, 314
Либаний 22
Лисимах 56, 272
Лукиан 6

Магас Киренский 205–207, 215
Мадхави 157
Мазен 284
Майя 199
Макхала Госала 216
Малих 245
Малих II, сын Ареты 245
Манбан 246, 295
Манданий 7, 87, 91, 122
Мани 202
Ману 140, 144, 155
Ману-Вивасвата 100, 144, 146, 155, 164, 74
Ману-Сваямбхува 139–140, 146
Маранг-Буру 145–146
Марк Аврелий Антонин 201
Маурья (династия) 5, 8, 17, 24, 26, 34, 38–40, 45, 47, 50, 80–81, 90, 92–94, 98, 106, 109, 129, 181, 193, 197, 204, 206–207, 209, 213, 239, 241, 251, 290
Махадева 46
Маханандин (Mahānandin) 23–25
Махападама Нанда 18, 20–22
Махинда 38
Меандр (флотоводец) 272
Мегасфен 4–5, 7–9, 14–16, 19, 31, 34–36, 48–122, 124–125, 128–147, 149–152, 154–161, 163–166, 168, 170, 173–178, 181–191, 193–198, 200–203, 206, 213, 216, 226, 230–231, 235–239, 261–267, 270, 308, 310–311
Медий 272
Менандр 66, 223, 257, 296, 303
Метрон 272
Миллей 272
Минакши 151
Михран (см. также Чанакья) 46
Модура 315
Мусикан (царь) 67, 85
Муциан 237

Набокодорсор 108, 170
Набонид 211
Налагири 35
Нанда (царь) 18, 20, 22–23, 25–26, 30, 40–42, 44–47, 207, 209
Нандра 22, 27, 32, 36–37, 41, 47
Нараяна 195
Нахалана 185, 250–252, 254–255, 302
Неарх 6–7, 68, 72, 87, 103, 106, 126–127, 230, 261, 262, 268, 270–288, 301, 314
Нереиды 272, 281
Никархид 272
Никитин Афанасий 248

- Никоклей 272
 Нитафон 272
 Нитриа 315
 Ной 138

 Оанн 135
 Овидий 302
 Октавиан (см. Август)
 Онесикрит 6–7, 16, 61, 67, 72, 85, 87, 92, 103, 122, 127, 181–182, 185–186, 236, 238, 262, 265, 272, 281, 311, 314
 Орфей 134
 Осирис 108, 130
 Офелл 272

 Паббата 41–43
 Палладий 16
 Пан 131
 Пандавы 148, 153, 156–157, 178, 190
 Пандайя 70, 138, 151, 155–156, 176, 178, 180–182, 185, 266
 Пандион 246, 258, 297–298, 315
 Панду 151, 156, 181
 Панду-Баларама 151
 Панини 93, 98–99, 193–194, 232, 234
 Пантавх 272
 Пантен 15, 198, 201, 203
 Парватака 30–31, 45, 208, 235
 Парватешвара 208
 Патанджали 26, 91, 194, 288
 Патрокл 87, 308
 Певкест 272–273
 Пейтон 272
 Пердикка 272
 Пиндар 177
 Пирр 205
 Пиррон 124–126, 130
 Пифагор 9–10, 134
 Пифон 30–31, 54, 59, 270
 Пиядаси (см. также Ашока) 204, 210
 Платон 104, 114–119, 132, 137, 216
 Плиний Старший 60–61, 66, 149, 156, 182, 185, 197, 208, 211, 213–214, 216, 218–241, 245, 288, 290, 307
 Плотин 12, 199, 201
 Плутарх 6, 19, 21, 24, 28–29, 32, 57, 303
 Полибий 115–118
 Полиен 68, 157, 181
 Помпей Трог 29, 32, 35–36, 45–46
 Пор 19, 21–22, 30–32, 49–59, 70–71, 90, 102, 121, 136, 155, 162, 208, 229, 235, 264
 Порфирий 12, 13, 62–64, 122, 192–193, 199, 201, 203
 Посейдон 272, 274, 284
 Посидоний 236, 308
 Притху 100, 139, 146, 163–164, 167–172, 174, 175, 187, 190
 Прометей 264
 Проперций 302

 Птолемей II Филадельф 205–207, 211, 213–215, 237, 239–240, 300, 308
 Птолемей III Эвергет 205, 215
 Птолемей Лаг (Сотер) 106, 108, 132, 134, 205, 272, 288
 Пуру 208, 290
 Пурурвас 140, 178

 Рагху 224
 Рама 139
 Ратнагарбха 40
 Ратрамн 202
 Рахия 312
 Рудра 140, 147, 149, 154, 195–196
 Рудраман 97, 255
 Рудра-Шива 141–142, 144, 195

 Сами (демон) 167
 Сандан 248–249, 251, 297
 Санджая 124–126, 129
 Сандрокотт (см. также Чандрагупта Маурья) 28, 32–33, 36–37, 49, 51, 54, 56–57, 59, 90, 102, 139, 168, 170, 206–208, 216, 248, 264, 267
 Санкаршана 194
 Санкаршана-Баларама 100, 146–147
 Сараган 251, 297, 304
 Сарваартхасиддхи 24
 Сасан 252
 Сатавастр 252
 Селевк I Никатор 28–29, 36–37, 49–56, 58, 62, 68, 70, 72, 90, 104, 108–109, 111, 133, 135–136, 147, 206–207, 209, 213, 219, 236, 238, 240, 288, 308
 Селевк II Каллиник 205
 Семирамида 85, 108, 264, 290, 313
 Сенска 237, 308
 Сенусерт II 290
 Септимий Север 11, 198
 Сесострис (= Сесоосис) 108, 133–134, 170, 264
 Сесострис III 290
 Сибирий 49, 51, 53–54, 56, 59, 114
 Сири Пулумави (см. также Шри Пулумави) 251, 255
 Скандха 143–144
 Скилак 5, 66–67, 85, 113
 Скифнан 202
 Солин 59, 61, 161, 182, 185, 211, 240
 Солон 134
 Сомма 100, 140, 143–144, 146, 164–166, 170–172, 174–175, 187–188
 Сомарева 25, 45–46
 Сотер Мегас 258
 Софокл 177
 Спатемба 138–139, 143–144, 160, 170, 171, 265
 Стобей 13, 192
 Страбон 6–7, 9, 59–60, 63–65, 67–68, 71, 75, 77, 83, 85–87, 95, 102, 107, 110, 112, 114, 116, 119–120, 123, 125, 127–129, 138, 141, 145, 154,

- 159–161, 180–181, 192–193, 195, 197, 203, 206,
223, 230–231, 238
Судьюмна 144
Сундарапандья 156
Сундарешвара 156
Сурья(дэва) 142, 152
Сюань-Цзян 26
- Таксил (царь) 30–31, 61, 229, 235
Таттиан 135
Теаркон 108, 170
Теофраст 303
Теребинт 202
Тертуллиан 14, 198
Тиберий 245
Тимант 272
Тлеполе 284
Тоас 272
Триптолем 141, 265
Тутмос III 290
- Уграсена/Ugrasena/Uggasena (см. также Аграмес)
21–25, 27
Ушабхадата 250–251
Ушас 152
- Филипп (сатрап Индии) 29, 273
Филипп Македонский 264
Фирдоуси 46
Флавий Филострат 9–11, 62–64, 158, 164, 198
Фома (апостол) 251
Фотий 6, 21
Фукидид 116, 163, 189
- Харес Митиленский 9, 142
Харибаил 244, 293–294, 300
Хемачандра 22, 26, 29, 32, 35, 39–40, 44–47, 207,
248
Холёб 301
- Цезарь (неизвестный император) 293, 312
Цицерон Марк Туллий 151
- Чанакья 18, 24, 26, 29–31, 34, 36, 38–47, 235
Чандрагупта Маурья 4, 17, 19, 21, 24, 26–33, 34–
44, 46, 47, 49–54, 56, 58, 67, 71–73, 78, 92–
93, 98, 109, 121, 136, 139, 155, 162, 168, 170,
173, 206–209, 212–213, 231, 235, 238–239, 248,
290
Чандрагупта Пушьягупта 97
Чаштана 251, 254–255
- Шакти 153
Шамурамат (см. также Семирамида) 290
- Шатакарни 250
Шива 70–71, 89, 100, 112, 139–142, 146–147, 149,
153–156, 158, 163, 166, 170, 175, 194–196,
304–305
Шивасвати 251
Шри Шатакарни Гаутамипутра 250–251, 254–255,
303
Эвагор 272
Эвдокс 215
Эврипид 177
Элагабал 13, 201
Элсаз 293, 301
Элий Галл 300
Эниалий 276
Эратосфен 66, 116, 195, 215, 230, 236, 261–262,
308, 311
Эритр 284
Эсхил 177
- Юба Мавританский 314
Юдхиштхира 178
Юлий Цезарь 245
Юлия Домна 10–11
Юпитер 183, 216, 311
Юстин 19, 22, 27–29, 31–33, 35–37, 40–41, 44–47,
50, 55, 98–99, 135, 209, 212
- Якши 155
Яма 187
Янь 254
Яньгаочжень 252
Яса 209–210
Яйти 157
- Ἑλεάζος 245
Imra/Mara 173, 175, 181
Iliazz Yalut 245
Gish/Givish 167
Karib'il Watar II 245
Kulayb 245
Ma'afir 245
Pandion 236
Pāṇṭiyanāṭu 156
Pasumpum Pāṇḍyan 181
Phegelas 19
Sātavāhana 250
Śunāmukhā 101
Susinaka/Susinaq/Susunqa 90
Za Hakale 245
Μανβάνος 250
Σανδάνης 250
Σιρι Πολεμαίος 255
Τιαστανής 254
Ζωσκάλης 245

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

(народы, племена, династии, области,
горы, реки, озера, моря, города)

- Абалы 309
- Аббасин р. 290
- Аберия 295
- Абиссарей 235, 263
- Аборты 311
- Абу гора 234
- Абхаягири-вихара 38–40
- Абхира 246
- Абхиры 233
- Австрия 290
- Агинис 287
- Агоранис р. 263
- Аден 300
- Аджмир 18
- Адулис 243, 293, 300
- Азания 294, 299
- Азиаты 274
- Азия 131, 133, 160, 165, 215, 262–264, 267, 283, 289
 - Передняя 88–89
 - Средняя 102, 158
 - Центральная 101, 222, 252
 - Юго-Восточная 243, 306
 - Южная 245
- Айгиал 297–298, 305
- Айгидиев о-в 247, 297
- Ай-Ханум 114, 157–158
- Акабару 297
- Акарнания о-в 287
- Акесин 263–264, 272–273, 310
- Аксум 245
- Акутры 314
- Александрия Букефалия (Букефала) 236, 257, 296, 311
- Александрия Египетская 9, 12, 14, 198, 293, 300, 315
- Александрия на Кавказе 303
- Аллахабад 289
- Амбала 220, 228
- Амбхи 29
- Аменда страна 311
- Амистис р. 263
- Амфиополь 272
- Анамис 282–283
- Анарта 241
- Анги 226, 241
- Андара 228, 309
- Анджанвел 304
- Андженго 305
- Анджиндива (Анчидева) 304
- Андисены 311
- Андоматис р. 263
- Андрха 228–229, 241, 251, 303
- Андрха-Прадеш 225, 229, 241
- Андрхы 226
- Антиохия 205–206
- Антихтонум 311
- Аорн (скала) 68, 138, 152–153, 176, 179, 180–181, 187–188, 264
- Апага 290
- Аполлонополис (Эдфу) 300
- Апостаны 285
- Арабастры 310
- Арабии 275, 277
- Арабис 274–275
- Арабы 294, 301
- Аравалли горы 232, 233
- Аравийский залив 288
- Аравийское море 206, 230
- Аравия 15, 131, 243, 245, 254, 281, 287–288, 291, 294, 300, 312, 314–315
 - Восточная 291
 - Южная 234, 244, 301
- Аратрии 252, 257, 296
- Арахосия 49, 55, 59, 114, 207, 213, 252, 302, 313
- Арахоты 313
- Арахузии 257, 296, 308, 311
- Арбин 314
- Арбис 314
- Арбиус р. 314
- Арбуда гора (совр. Гуру) 234
- Арбуда народ 233–234
- Арбы 311
- Аргалу 298
- Аргант 5
- Аргенус 314
- Аргира 311
- Ардабы 311
- Ареон р. 285
- Ариака 246–248, 292, 295, 297
- Ариана 313–314
- Арися 311
- Арии 311, 313
- Арикамеду 305
- Ариспы 263
- Ариус р. 313
- Армагара 247
- Армения 55, 287
- Ароматов мыс 293, 298
- Аросапес р. 313
- Аросис р. 286
- Арсаголиты 311
- Арсиноя 300
- Арсиноя Клеопатрида 300
- Артакоана 313
- Аршакиды 181
- Арьяварта 247
- Арьянкуппам р. 305
- Асины 311
- Асмаги 310

- Аспаганы 311
 Ассакены 261–262, 290
 Ассам 85
 Ассирийцы 139, 200, 261
 Ассирия 108, 133, 281
 Ассы 311
 Астакапра 295
 Астакены 261
 Астрибы 263
 Атианос р. 307
 Атотадрус о-в 314
 Аттакены 263
 Аттакоры 307
 Аутомула 310
 Афганистан 197, 207, 254, 302
 Афины 93, 198
 Африка 300
 Северная 205–206
 Ахемениды 314
 Ахмадпур 302
 Ашмака 232, 241, 288
 Аштака 288
- Багисары 277
 Багия мыс 279
 Бадахшан 302
 Бадис 281
 Байон 295
 Бакара 244, 297–298
 Бактрийцы (бактриане) 14, 197, 200, 222, 252–253, 256–257, 259, 296
 Бактрия 9, 35, 55, 114, 158, 168, 200, 243, 253–254, 257, 313
 Бактры 299
 Балита 298
 Балканы 206, 213
 Баломский берег 278
 Балх 252
 Банас р. 224
 Банкот 304
 Барака залив 295
 Барбарикон 245, 294–295
 Баргюсы 299
 Бардхавана 289
 Баригазы 244, 245–249, 252, 292–299, 301, 304
 Барна д. 278
 Барода
 Бахардипур 301
 Беас р. 289
 Беграм 158, 166, 303
 Бекара 236, 315
 Белград 290
 Белуджистан 230, 291
 Восточный 235, 241
 Бенгалия 223, 230, 241, 244, 289, 306
 Восточная 223–224
 Бенгальский залив 66, 225, 241, 305
 Берат 235
 Береника (Берника) 243, 292–293, 300–301, 315
- Биас р. 219–220
 Бибага 311
 Бибакта о-в 274
 Бимсамбриты 311
 Бир Али бухта 300
 Бир-Кот 179
 Бирма 305
 Ближний Восток 154
 Болинги 311
 Бомбей 248, 303–304
 Брангосы 311
 Брасуреты 311
 Брахмапутра р. 224
 Брисары 307
 Буринду р. 290
 Бускар 289
 Буты 311
 Бхагала 22
 Бхаруч/Бхарукачча (см. также Баригазы) 250, 300
 Бходжа 227
 Бхулинг 234
- Вавилон 30, 135, 202, 287–288
 Вавилония 55, 108, 131, 209, 288
 Ваджи/Вриджи 224
 Вайгай р. 305
 Вайккарай 304
 Валабхи 44
 Ванга/Банго 223, 306
 Ванги 226
 Ванчи 304
 Варанаси 290
 Варварский берег 295
 Варкаллай 305
 Васиштки р. 304
 Великая гангская равнина 72
 Великое море 288
 Венгурла скалы 304
 Виджаядург 248
 Византион 247–248, 297
 Визиадург 304
 Вимала р. 289
 Винашана 233
 Виндхья горы 42–43, 167, 232
 Випаша 219, 289
 Вирата 235
 Витаста р. 289
 Внешнее море 286
 Внутреннее море 286, 288
 Восточное море 307, 312
 Вриндаван 149, 227
- Гавань Александра 274
 Гадросии 277, 281
 Галилея 245
 Галлиталуты 311
 Галлия 177, 308
 Галлы 200

Ганг (рынок) 298
 Ганг р. 19, 26, 61, 64–68, 72, 86, 110, 121, 133–134, 145, 149, 207–208, 210, 212, 218–220, 223–224, 226–229, 231, 241, 243, 254, 262–264, 267, 289, 296–297, 299, 303, 306, 308–310
 (Г)андара 229
 Гандарайи/гангариды/гандариды/гандары 5, 19, 21, 55, 65, 257
 Гандхара 158, 229, 241, 252, 302
 Гандхарцы 222
 Гармозия 282
 Гароя р. 263
 Гаурата о-в 314
 Гвандан 179
 Гвардафуй мыс 300–300
 Гедрозия 49, 59, 114, 235, 291
 Гедросы/Гедрусы 311, 314
 Гекатомпилон 308
 Геллеспонт 272
 Гендак(и) р. 289
 Геракловы столбы 288
 Гератемис 285
 Гереты 311
 Гесперид страна 177
 Геты 302
 Гианы 314
 Гидасп (Дидасп) р. 54, 185, 263, 272–273, 290, 308, 310
 Гидраот 263
 Гидревма (Новая; Аполлона; Старая; Троглодитская) 315
 Гиератис 285
 Гиктанис 314
 Гималаи 45, 208, 218, 222–224, 228, 231, 289, 300
 Гимнеты 182–183
 Гиндукуш 141, 148, 168, 222–223, 289
 Гипербореи 228, 307
 Гиперис 314
 Гиркания 55
 Гирканское море 308
 Гирнар 210
 Гифасис р./Гипасис/Гипас 19, 57–58, 65, 219–220, 231, 236, 262–264, 310
 Гоа о-в 304
 Говардхана 250
 Гогана страна 285
 Гогарен 311
 Годавари р. 226, 232, 303, 305
 Гокула 227
 Гомериты 245
 Горбанд р. 303
 Гранис р. 286, 314
 Греки/эллины 10, 14, 30, 31, 33, 167, 185, 199, 222, 225, 240, 249, 261, 269, 272, 294
 Греко-Бактрийское царство 157, 207, 212, 214
 Греция/Эллада 63, 114, 143, 163, 169, 188–189, 205, 282, 285, 303, 311
 Гуджарат 234, 241, 246, 250, 302

Гурен 290
 Гхаты
 Западные 230
 Гуйшуан 252–253
 Гхагра р. 289
 Дагасейры 279
 Дакшинапатха 247, 252
 Дальний Восток 305
 Дамьетта 300
 Дангалы 313
 Дандагуда 231, 310
 Дар(а)ды 162, 222, 228–229, 232
 Дардистан 229
 Даритис 314
 Дары 310
 Дахбул 304
 Дахинабад 247, 297
 Дварака (Dvārakā) 149, 234, 302
 Девагарх 304
 Декан 181, 223, 226, 228, 241, 247–249
 Дексендрусы 313
 Дексимонтаны 314
 Дельфы 114
 Дендробос 278
 Деранги 311
 Джабал Камар 301
 Джайгарх город и река 304
 Джайпур 233
 Джамбудвипа 41, 43
 Джелалабад 148, 168, 222
 Желум р. 185, 289–290, 302
 Джунагад 97
 Джуннар 249
 Димуры 311
 Диоскوريدы о-в 293, 301
 Диосполь 292
 Диосполь Малый 300
 Диридотис 287
 Додона 285
 Домай 275
 Дон р. 90
 Дорисдорсиги 314
 Досарон р. 305
 Дранги 308, 314
 Дуван 291
 Дунай 289–290
 Дхаули 210
 Евлей р. 315
 Европа 131, 264
 Евфрат р. 287, 315
 Египет 5, 12, 15, 74, 78–79, 89–90, 104–105, 107–108, 110, 130–131, 133–135, 147, 177, 188, 197, 205, 207, 211, 215, 219, 239, 244, 288, 292–293, 298, 308, 315
 Египтяне 10, 130–132, 134, 200, 264–265, 272
 Женская гавань 185, 275

- Заранги 314
 Зараспадум 314
 Заротис р. 314
 Зебергед о-в 301
 Зигерус 315
 Золотой остров 298–299
- Изы** 309
 Икшумати р. 290
 Ила 285
 Илам гора 166, 179–180
 Имай (Имав) 222, 262, 264, 308–309
 Инд р. 5, 55, 66, 68, 100, 121, 133, 158, 179–180, 185–186, 213, 219–220, 229, 231–233, 235, 241, 243, 245, 252, 261–264, 272–274, 287, 290, 301–302, 308, 310–311, 313
 Индийский океан 219, 236, 244, 289, 291
 Индийцы 8, 14–15, 18, 73, 109, 113, 115, 117, 119, 130, 134, 167, 183, 195, 200, 203, 216–217, 219, 259, 294, 301, 307–309, 311, 315
 Индия 4–16, 18–19, 27–32, 34–35, 37–39, 41–42, 48–64, 66, 68–77, 79–82, 84–92, 98–99, 101–108, 110–125, 127, 130–135, 138, 141–143, 145–149, 151, 153–155, 157–167, 169–178, 182–184, 186, 188–191, 193–194, 196–198, 200–204, 206–207, 209–212, 217–219, 222–223, 226, 228–230, 233, 236, 238–241, 243–245, 252, 254, 261, 264–265, 272, 289–290, 293, 295–296, 299, 301, 303–310, 312, 314–316
 Восточная 46, 89, 154, 215, 220, 223, 225–226, 258, 289, 305, 306
 Западная 30–32, 58, 98, 220, 224, 226, 232–233, 243, 246, 249, 258, 300
 Северная 15, 38, 40, 232, 252, 254, 306
 Северо-Восточная 29, 64–65, 83, 122, 304
 Северо-Западная 8, 31–32, 49, 58–59, 98–99, 103, 140–141, 148, 150, 158–159, 161–162, 166, 173, 189, 195, 208, 229, 241, 252, 256, 258–259
 Южная 15, 88, 156–157, 180, 246
 Индо-парфянское царство 157
 Индо-Скифия 246
 Индрапрастха 235
 Инды 262–273, 275
 Иоман (см. также Ямуна) 226–227, 266, 308–310
 Ипс 51, 53, 55, 59
 Иравати р. 289
 Иран 200
 Исам 223
 Исары 309
 Испания 177
 Истр 262–263
 Италия 171, 177
 Ихтиофаги 277–281, 293, 313–314
- Йилда** 222
- Кабана 275
 Кабир р. 314
- Кабул (др.-инд. Кубха) р. 168, 288, 303
 Кавери р. 305
 Кавказ 262, 264, 308, 310–311, 313
 Кавмана 274
 Кадрусы 313
 Каикандр 285
 Каин(ас) р. 263, 309
 Каиннас 223
 Кайласа гора 195
 Кайңейтов о-в 247, 297
 Какутис р. 263
 Каласигама 303
 Калатини 5
 Каликат 305
 Калимы 277
 Калинади р. 290
 Калининга 241, 305
 Калининги 182–183, 224, 226–227, 231, 309
 Калинингон мыс 310
 Калиссы 309
 Каллиена 247–249, 297, 303–304
 Каллинипаза 220, 309
 Кальян (см. также Каллиена) 249–250
 Калюстрии 184
 Камар залив 301
 Камара 298
 Камбари р. 307
 Камбейский залив 300, 302
 Камбистолы 263
 Камбоджа 235
 Кана 293–294, 298, 300, 303, 315
 Канасиды 279
 Каната 279
 Кандагар 58, 110, 216, 235
 Каннамуру 304
 (Канья)кумари 246, 305
 Каписа 313
 Каписена 313
 Капиталия 310
 Каппадокия 10, 55
 Карачи 301
 Карбис 278
 Кардамака 254–255
 Кардамоновы горы 230, 304
 Карманаша/Карманаса р. 289
 Кармания 278, 281, 284–285, 288, 303–304, 312, 314
 Карнаба 310
 Карнал 220
 Карната (Карнатака) 246–247
 Карнине о-в 277
 Картана 313
 Карур 304
 Карушапура 149, 290
 Каруши 149, 185, 227–228, 240
 Карфаген 199, 288
 Касиры 222, 307
 Касия р. 289
 Каспапир 5
 Каспатира 259

- Каспийские ворота 219, 308, 311
 Каспийское море 299, 307–308
 Касуаг 309
 Катабан 300
 Катадвипа (Катва) 289
 Катадербис 287
 Катадупа г. 263
 Катайа 285
 Катаки 313
 Катхиявар п-ов 234, 246, 302
 Кауравы 178, 182, 228, 240
 Каушамби 227
 Каушамбы 227
 Каушика (Коси) р. 289
 Кафиристан 222
 Кафиры 162, 173, 175
 Кач 246, 302
 Качский Ранн 233, 246
 Кашар (Карры) 202
 Кашмир 232, 235
 Западный 235
 Кашмирцы 222
 Кен 311
 Кекан 263
 Кельты 200
 Кен город 300
 Кен р. 289
 Керала 204, 215, 229–230, 236, 241, 246, 305
 Кералапутра 246
 Кесы 310
 Кетрибоны 310
 Кидара р. 312
 Киизы 278
 Киконы 307
 Киликийские ворота 289
 Киликия 262
 Килон/Коллам 305
 Ким дер. 302
 Кипр 272
 Кираты/Киррады/Кирантии 222–223, 231–232, 239, 299, 306
 Кирена 204–205, 207, 211, 214–215, 288
 Киры 182
 Киса дер. 278
 Китай 158, 243, 306
 Китайцы 222
 Кишм о-в 291
 Клейсобора 138, 149–150, 153–154, 176, 183–184, 194, 226–227, 266
 Клоботр 315
 Коимбатуру 304
 Кокалы 276
 Коконды 311
 Колиак мыс 312
 Колобы 309
 Колхи 298
 Кольта 277
 Комар 246, 298
 Коминас р. 263
 Коморин мыс 243, 305
 Кондиграмма 314
 Кондохат р. 263
 Конкан 247
 Копт 315
 Кораллиба 311
 Корееста 274
 Коринф 205, 207, 211, 215
 Коромандельский берег 231, 245–246
 Кос 134, 236, 308
 Косиры 309
 Коссоан р. 263
 Коттанарика 298
 Коттаям 304
 Коттонара 236, 315
 Кофанта 278
 Кофен/Кофет р. 168, 261–262, 308, 311, 314
 Кочевники 293
 Кочи(н) 304
 Кошалы 241
 Крангануру 304
 Красная гора 298
 Красное море 239, 243–244, 300–301, 312, 315–316
 Красные рифы 305
 Кренакка р. 309
 Крит 272
 Критяне 272
 Кришна р. 226, 305
 Кришнапура 149–150, 227
 Крокала 274, 311
 Ксилинеполь 314
 Кукустха р. 289
 Кулапарвата 230
 Кулу долина 228, 232
 Кулута/Каулута 228
 Кунар р. 302
 Куру (страна) 226
 Куру(панчала) племя 165, 241
 Курукшетра 101, 232
 Кусейр 300
 Куфис 313
 Кушанское царство 200
 Кушаны 252, 258
 Кхасы 232
 Кшатрапы Западные 250–252, 254
 Кшахарата 250–251, 255
 Кшудраки 290
 Кыс о-в 291
 Ладаноносная страна 294
 Лакка о-в (Lakkadipa, Lakṣadvīpa) 247
 Лаккадивские о-ва 247, 305
 Лакония 177
 Ламнай р. 295
 Ланос р. 307
 Ларика (Λαρίκη, Ἀρίκη, Larichae) 246–247
 Лата 246
 Левка о-в 247, 297
 Левкада о-в 287

- Ливия 183–184
 Лидия 177
 Ликия 262
 Ликополис 12
 Лимирика 234, 245–247, 294, 296–299
 Лифорта 314
 Личчавы 224
 Лошадолицы 299
 Лудхияна 220
 Лумбини 210
 Лунди Котал 222
 Лунная династия 139, 170, 178

 Ма'ин 300
 Магадха 27, 33, 46, 55, 88–90, 100, 185, 207–208, 210, 241, 289–290, 306
 Магадхи 226–227, 229, 241
 Магон р. 263
 Мадра/Мадрака(ра) 226, 234
 Мадраки
 Мадрас 305
 Мадры 218
 Мадурай 156, 236, 304
 Мадхья-Прадеш 241, 302
 Мазы 313
 Маис р. 295
 Македония 205, 207, 211, 215
 Македонцы 207, 262, 274, 276, 278
 Макета 281
 Маки 314
 Маккокалинги 309
 Макробии 182–185
 Малабарский берег 15, 245, 247, 304–305
 Малава 233, 241
 Малавы/Mālava 233, 246, 290
 Малайский п-ов 305
 Маламанг р. 263
 Малан мыс 230, 291
 Малана 277
 Малая Азия 10, 49, 51, 67, 90, 102, 180, 289–290, 304
 Малая гора 230
 Малва 233
 Малей 310
 Малл(а) гора 224, 230, 309
 Малла страна 224
 Маллы 162, 263, 273, 309
 Мальван 304
 Мальтекоры 310
 Манаин р. 314
 Мангалуру 304
 Манд р. 291
 Мандагара 247
 Мандагора 247, 297
 Мандангад 304
 Мандасор 302
 Мандиандины 263
 Манды/Мандеи 183, 309
 Маргастана о-в 287
 Марогоматры 311

 Марон 310
 Марука 233
 Масалия 299
 Массака 262
 Масуги 310
 Масулипатам 305
 Матон 311
 Матсья 235, 290
 Матхура 150–151, 153, 155, 184, 227–228, 231, 235, 241, 254, 291
 Маты 263
 Мафаритида 294
 Махавихара 40
 Маханади (Махан) р. 289
 Махараштра 232, 241, 247, 249–250, 303
 Махи р. 246, 302
 Мачилипатам 305
 Машанагар 289
 Меандр р. 67, 263
 Мегары 311
 Мегисба оз. 312
 Мекала/Мегалла 223, 232, 241, 310
 Мелизейгара 247, 297
 Меотийское болото 299
 Мерос гора 138, 141–142, 160–161, 166–167, 183, 186, 261, 264
 Мероз 230, 277
 Меру гора 141, 168, 236, 311
 Месамбрия 286
 Месопотамия 15, 55, 89–90, 135, 200, 202–203, 287, 291
 Месы 311
 Метора 138, 149–150, 153–155, 176, 183, 194, 226–227, 266, 310
 Меторгум 314
 Мидийцы 139, 261, 286
 Миннагар 245, 294
 Миннагара 254, 295
 Миос Гормос 243, 292
 Млеччхи 145
 Модогалинга 228, 309
 Модогалинги 225
 Модрессы 309
 Модубы 309
 Молинды 309
 Монеды 230, 310
 Моронтобары 275
 Мосарна 278
 Моска гавань 294, 301
 Муза 293–294, 315
 Музириэ 236, 244–246, 297, 301, 304, 315
 Муластхана 235
 Мултан 235, 241
 Мунды 145
 Мура 40

 Набатя 245
 Нагара 148, 168
 Нанагхат 248

- Нанды (династия) 17–29, 31–33, 38, 42, 44, 46, 57,
 66, 92, 98, 133, 216
 Нараву
 Нарен 310
 Нармада р. 232, 247, 300, 302–303
 Насик 247, 249–251
 Наура 246, 297, 304
 Неакинды 315
 Неллор 305
 Нелькинда 245–246, 297, 301, 304
 Неоптана берег 282
 Непал 223, 306
 Нерси 311
 Несеи 311
 Нетрани о-в 304
 Нил р. 132–133, 215, 263, 265, 299–300, 309, 312,
 315
 Нин город 287
 Ниневия 291
 Нираном
 Ниса 130, 148, 160–163, 168, 183–184, 186, 236,
 261, 264, 311
 Нисийцы 261
 Нишады 167
 Но-Аммон 300
 Нобунды 311
 Норик 263
 Носала о-в 281
 Нубия 290
 Нуло гора 183
 Нуристан 222

 Оаракта о-в 284
 Одонбеоры 310
 Озене 246, 296
 Ойстер скалы 304
 Окелис 293, 315
 (Ок)сидраки 158, 162, 263, 313
 Оксиматис р. 263
 Омалис р. 263
 Оман 293–294
 Онии 5
 Оракта о-в 314
 Ораты 310
 Орбы 314
 Органа о-в 284
 Органаги 311
 Орейты 275–277, 281
 Орестиды 272
 Орефы 230
 Орисса 224, 241, 305
 Ориссы 225
 Ориты 314
 Оростры 311
 Орсы 311
 Ортоспан 308
 Орунколы 309
 Оры 314
 Ох гора 285

 Пагалы 275
 Падарг р. 285
 Падени 184
 Пазалы 263
 Пайт(х)ан(а) 232, 249, 255, 297, 303
 Пакистан 302
 Пактика 259
 Палайпатмы 247, 297
 Палайсимунду 299
 Палатиты 311
 Палеогоны 311
 Палесимунд р. 312
 Палесимунда 312
 Палестина 288
 Пали(м)ботра (см. также Паталипутра) 220, 262,
 267, 309
 Палиботры 227, 231, 241, 310
 Памбияр р. 304
 Памфилия 262
 Панджкор р. 290
 Панджшир р. 303
 Пандоуй страна 185
 Панды 183–186, 235, 238, 311, 314
 Пандья 151, 156, 181, 186, 204, 215, 236, 241, 246,
 304–305
 Панчалы 228, 240, 290
 Папика 295
 Парабеста 313
 Парапамис 262, 264
 Парапамисады 264, 302
 Парапины 313
 Парасанги 232, 310
 Паренн р. 263
 Париятра горы 233
 Парнаша р. 224
 Паропанис горы 308, 310
 Паропанис(ад)ы 311, 313
 Пароспус р. 314
 Парунхи р. 290
 Парфия 35, 55, 200, 212, 214–215, 240
 Парфяне 197, 222, 245, 252, 302
 Пасаргады 314
 Пасира 277
 Пасиры 314
 Паситигр р. 287
 Пассалы 309
 Патала (Паталена) 133, 231, 235, 262, 303, 310–
 311, 315
 Паталипутра 8, 19, 23, 26, 40, 44, 49, 52, 55–56,
 58–59, 66, 70, 76, 102, 146, 149, 168, 173, 176–
 177, 185, 207, 209, 216, 223, 227, 229–230, 241,
 289, 309
 Пауравы 290
 Певкелантис/Певколати 262–263, 308
 Певколис 314
 Певколиты 236, 311
 Пеллейцы 272
 Пенджаб 29–33, 36–37, 66, 86, 99, 133–134, 143, 162,
 208, 226, 228, 233, 235, 245–246, 252, 290, 302

- Пеннар р. 305
 Пеоны 263
 Перам/Пирам о-в 302
 Перимул мыс 231, 310
 Перияр р. 304
 Персидский залив 243–244, 273, 278, 301, 303, 314
 Персидское море 273
 Персия/Персида 15, 55, 171, 188, 272, 285–286, 288–289, 293–294, 303–304, 314
 Персы 113, 139, 200, 261, 285–286
 Перталис 309
 Петра 245
 Пешавар 289
 Пигмеи 182–183, 231, 310
 Пидна 272
 Пижон о-в 304
 Пилора о-в 285
 Пирсар 179
 Поман р. 314
 Понани порт и река 304
 Пондишери 305
 Понт 299
 Понт Эвксинский 286
 Поракад 304
 Порта 199
 Посинги 311
 Прасиана о-в 310
 Прасии 24, 57, 65, 207, 227, 229–231, 241, 267, 290, 309–310, 312
 Пратиштхана 232, 249
 Праяга 220, 227
 Преты 309
 Принас р. 223, 309
 Проклаида 245, 257, 296
 Профтсасия 308, 314
 Пситарас р. 307
 Птолемаида 243
 Птолемей 147, 214, 244
 Пулинды 225–227
 Пуппхапура 41–42
 Пушкалавати 228, 236, 245, 289
 Пятиречье 153, 162

 Рабатак 254
 Рави р. 289
 Раджапур 304
 Раджастхан 224, 228, 232–233, 235, 241, 245–246
 Ранигат гора 179
 Рарунги 310
 Рас-Банас 300–301
 Реций 263
 Рива 227
 Рим (государство) 11, 13, 15, 63, 197, 202–203, 245, 305
 Римляне 10, 14, 181, 259, 301, 312
 Рогонис р. 286
 Родафан р. 220, 309

 Саба 245
 Сабситы 245
 Сава город 315
 Сава р. 263
 Савитри р. 304
 Саддарос р. 290, 314
 Садены 247–248
 Сайдапат 305
 Сакалы 275
 Саки 301, 304
 Салобриасы 311
 Самарабини 311
 Самб р. 263
 Самбракены 311
 Сангада 274
 Сангала 303
 Саппар р. 263
 Сарабос (Сарабху) р. 289
 Сарадатта 234
 Сарайу р. 289
 Саранг р. 263
 Саранга 275
 Сарасвати р. 233, 289, 304
 Сасуры 309
 Сатаваханы 248–251, 255, 303–304
 Сатваты (Ядавы) 234
 Сатледж р. 219–220, 290
 Сатпура горы 232
 Сатьяпутра 204, 241
 Саувиры 233
 Саураттараты 310
 Саураштра (Сураштра) 233–234, 241, 246, 302–303
 Сафар 315
 Сахалит 294
 Св. Георгия о-в 304
 Св. Иоанна о-в 301
 Сват (Сувасту) р. 166, 179–180, 229, 288, 290
 Селевкиды 8, 29, 55, 106, 109, 136, 205–207, 211, 214–215
 Семилла 247, 297
 Серы 302, 307, 312–313
 Сесаты 299
 Сесекрейнские о-ва 247, 297
 Сеты 228, 309
 Сиагр мыс 293–294, 315
 Сибы 138, 264
 Сидр р. 263, 308
 Сиена 277
 Сикион 205
 Силей/Силы 264, 311
 Синар р. 263
 Синги 310
 Сингидунум (см. также Белград) 290
 Синд 30, 230, 235, 246, 251, 303, 310
 Синт (см. также Инд) 245, 294–295
 Синьцзян 302
 Сирийское царство 212
 Сирия 13, 15, 55–56, 177, 192, 201, 203

Сиры 314
 Ситак р. 285
 Ситтиоганус р. 314
 Ситтокатис р. 263
 Сицилия 177
 Скириты 239
 Скифия 108, 245, 246, 252, 264–265, 293–296, 298
 Скифский мыс 307
 Скифский океан 307
 Скифы (шаки) 14, 22, 301, 307
 Соан р. 263
 Соаст р. 263
 Собакоголовые 182–185
 Совира 303
 Согдиана 55, 185
 Содамус р. 314
 Сожженные о-ва 304
 Сокотра о-в 301
 Соломатис р. 263
 Сон р. 263, 289, 309
 Сондры 311
 Сопара 303
 Сорофаги 311
 Сосеады 311
 Спарта (= Лакедемон) 91, 111
 Средиземное море 280, 291
 Средиземноморье 4, 69, 204, 206–207, 215, 240, 303, 305
 Старый Кусейр 300
 Стримон 272
 Стура 274
 Суары 310, 314
 Суван р. 290
 Суварнагири 210
 Сузиана 208, 314
 Сузийцы 286
 Сузы 284, 287–288, 315
 Суматра о-в 305
 Суп(п)ара 247–250, 297
 Сурасена 226–227
 Сурасены (шурасены) 138, 150, 156, 194, 228, 240–241, 266, 290
 Сурат 302
 Суры 310
 Счастливая Аравия 131, 293, 298, 300
 Сырдарья 90
 Сюрастрена 295
 Таб р. 291
 Табис горы 307
 Тави (Тохи) р. 290
 Тавр гора 262, 289
 Таврун 263
 Тагара 297
 Тагири залив 291
 Таксил(ла) 10, 29, 40, 42, 47, 122, 151, 158, 228–229, 238, 308
 Таксилы 236, 311
 Талуты 309

Тальмена гавань 279
 Таок 286
 Тамилнад 229, 246
 Южный 246
 Тамлук (Tāmrālipti/Tamalitti) 306
 Тамрапарни р. 305
 Танаис р. 90, 158
 Таон 279
 Тапробана 182, 219, 236, 299, 311, 313
 Тар пустыня 232–233
 Тарим р. 302
 Тарсийский мыс 285
 Тахт-и-Бахи 251
 Тахт-и-Сангин 157
 Тер 303
 Тетрагонис 313
 Тибет 18, 33, 102, 302
 Тигр р. 287, 315
 Тилакхала 234
 Тиндис 246, 297, 304
 Тины 243, 299
 Тираннос Боас 297
 Томер 276
 Тонберос/Тонберус р. 313–314
 Тонса р. 289
 Топарон 297
 Торак 310
 Тохары 222, 307
 Траванкуру 304–305
 Трикалинга 226, 241
 Трипарадейс 30
 Тричи 304
 Тропин 231, 310
 Тукхара 222
 Туны 307
 Тутап р. 263
 Туркестан 222
 Восточный 222
 Уберы 309
 Удджайн 246–247, 250, 254–255, 302–303
 Удумбара 234
 Уксин 286
 Ульхас р. 303
 Умбреты 311
 Умбры 311
 Умм-эль-Кетеф 300
 Упал горный проход 179
 Усманабад 303
 Уткала 224
 Уттара-куру 228, 240
 Фарнакотис р. 314
 Фартак мыс 300
 Фаюмский оазис 300
 Фессалия 177
 Фивы 69, 300
 Финикийцы 272
 Финикия 111, 288

- Фракия 69, 177
 Франция 302
 Фригия 55–56
 Фростимус 314
- Хаб р. 291
 Хадда 158
 Хадрамаут 245, 301
 Хайберский перевал 222
 Халлания о-в 301
 Хангам о-в 291
 Харакс 315
 Хараппа (Хараппская/Индская цивилизация) 88–90, 100, 146
 Хариана 235
 Харим гора 291
 Хармы (кармы) 235, 311
 Хатаб (Hastakavapṛā) 302
 Херона 295
 Херсонес 247
 Химьяр 245, 300
 Хингор р. 291
 Хираньяваха р. 289
 Хиротосаги 309
 Хонавар 304
 Хор Рори 301
 Хриса о-в 311
 Хрисе п-ов 307
 Хрисеи 232, 310
 Хрисобора 310
- Цейлон 18, 28, 33, 35, 38, 40, 86, 197, 236
 Цинь 222, 306
- Чалуки 226
 Чарсада 236, 289
 Чаул 248, 304
 Чевиль (Чювиль) 248
 Чеди 227
 Чера 304
 Чина 222
 Читраваха/Читрасена/Читропала/Читрататха 289
 Читрал (Мунджан) 166, 222
 Чола 204, 215, 301, 305
 Чолы 231, 241
- Шайшунаги 23–25
 Шаки (см. скифы) 222–223
 Шаки 12, 223–224
 Шалвы 233–234, 241
 Шатадру (см. также Сатледж) 219
 Шахбазгархи 210
 Шах-ин-Кох гора 291
 Шейх Шо'ейб о-в 291
 Шибби 150, 153–155, 290
 Шила (Сила) р. 90, 264
 Шри-Ланка 46, 151, 181, 236, 305–306
 Шумер 89
 Шуры 233
- Эвбея 205
 Эгейда 205
 Эдесса 13, 201
 Эйрин залив 246, 295, 302
 Эйрон гора 274
 Эмес 11
 Эмод (Хемод) гора 223, 262, 307–309, 312
 Эн р. 263
 Эордийцы 272
 Эорум р. 314
 Эпир 204, 206–207
 Эраннобоас/Эрамномбова 263, 267, 289, 309
 Эреннесис р. 263
 Эриманд р. 313
 Эритрейское море 131, 133, 273, 281, 284, 286, 288, 292, 294, 299
 Эфиопия 15, 131, 198, 240, 265
 Эфиопы 10, 113, 265, 310
- Югандхара 234
 Южное (Индийское) море 307
 Юлиополь 315
 Юэджи 253
- Яваны (ионийцы)
 Ядава 227
 Яксарт р. 102
 Ямуна р. 149, 183, 220, 226–228, 231, 240, 289–291, 303
- Abali/Ambara 226, 228
 Abisari (Abhisāra) 235
 Abortae 235
 Agatti 247
 Ānarta 234
 Andara 229
 Andarae 228–229
 Andhra 229
 Āraṭṭas 252, 302
 Aravallī 102
 Arbae 235
 Ardabae 235
 Asini 236
 Asmagi 232
 Āsmaka 233
 Atok Benares 179
 Attacori 228
 Automula 234
- Bharhāḥ 306
 Bhṛigukaccha 250
 Bolingae 234–235
 Brangosi 235
 Brasuertaei 235
 Butae 235
- Caelobothras 236
 Caesi 232
 Caetri(boni)/Catrici 232

Calissae 226–227
 Callitalutae 235
 Capitalia 234
 Ceae 236
 Cemula 248
 Charisobora 227, 231
 Chirato 239
 Chirotosagi 223
 Chrysei 232
 Cina 222, 231
 Cocondae 235
 Colobae/Kolabbo 226, 228
 Cosiri 222

Dir 180
 Darada 229
 Dari 232
 Derangae 235
 dhu-Raidan 245
 Dimuri 235
 Dvāraka 234

Gangaridae/Gargaridae 228
 Gogoraei 235

Heraclespura 227

Isari 222
 Izi 222

Jāṅgala 232

Kalisa 227
 Kalyāṇa 303
 Karuṣa 226
 Karuṣapura 227
 Kāśyapapura 67
 Kaurava 228
 Kekaya/Kaikeya 290
 Khasa/Khaśa 99, 232
 Khaśīra 222
 Kirāta 306
 Kolabbo 228
 Korabbo 228
 Korhei 305
 Kuṣāṇa 253–254

Maccocalingae 223
 Madras 99
 Mahabunn 179
 Mahi 248
 Mālava 233–234
 Malaya 230
 Maleus 229–230
 Malli 224
 Malthaecorae 233–234
 Mandaei 224
 Maroae 233
 Marogomatrae 236

Maruka 233
 Masugae/Marugae 233
 Mathoae 235
 Matsya/Maccha 235
 Maujavanta 166
 Megallae 232
 Megari 235
 Mekala 232–233
 Mesae 235
 Methora 227
 Modubae 226
 Modura 236
 Molindae 226
 Monaedes 229
 Mutiba 226
 Muzirikkottam 304

Naravu 304
 Nareae 234
 Nereae 235
 Nesei 235
 Nīlēsvara 304
 Nobundae 235

Odonbeorae 234
 Oratae 234, 241
 Oretum 230
 Organagae/Uraganāga 235
 Orostrae 235
 Orumcolae 226, 228

Pañcāla 228, 231
 Pañcanadya 99, 234
 Pandae 235
 Parasangae 232
 Passalae 226, 228
 Patalitae 235
 Patyamalai 185
 Peucolatis(-tae) 236
 Phocari 222
 Pīr-sar 179–180
 Pomanus 235
 Posingae 235
 Prācyā 231
 Praeti 226
 Prinas 224
 Puṣkalāvatī 252
 Pukār/Kāvirippūmpattinam 305
 Pulinda 225–226
 Purali 305

Rāja Hodi 179
 Rāja Vara 179
 Rarugae 233
 Roruka 233

Śakrasyapura 227
 Salobriasae 235
 Sarabastreae 234

Sasuri 226, 228
 Silae 235
 Siluestres 232
 Singae 233
 Sopāraa 248
 Sorofages 235
 Suaratta 231
 Suarattaratae 234
 Suari 229, 231
 Śūra 232
 Surae 232–233
 Surasa/Surasena 228
 Śūrpāraka 248

Taxilla (-llae) 236
 Thalutae 226, 228
 Thorax 234
 Thuni 222
 Tiric Mir 166
 Toṇḍi/Toṇṭi 304
 Tochari 222
 Trikaliṅga 225

Ūṇa/Ūṇa sar 179–180
 Umbrae 235
 Umbritae 236
 Umm el-Ketef 301
 Urayūr/Orayūr/Warriore 305
 Uttaracuru 228

Vāhika 99
 Vasātis 99

᾿Αβηρία / ᾿Αβερία 233, 246
 ᾿Αριακή 247
 Βαρυγάξα 250
 Βουκέφαλος ᾿Αλεξάνδρεια

Βωλίγγαι 235
 Χατρίαῖοι 232
 Καλύστριοι 101
 Κανθικός 246
 Κλεισοβόρα 227
 Κομάρει 246
 (Λ)αρική 246
 Λιμυρική 250
 Μάις 248
 Μάθαι 235
 Μαφαρ<ί>τις 245
 Μινναγάρα 250
 Μουσσοπάλλις 247
 Μουζίρις 246
 ὀσάδιοι 99
 ᾿Οζήνη 250
 Παίθανα 249
 Παδάιοι 186
 Παλιμβόθρα
 Πασσάλα 228, 231
 Παζάλαι 228
 Πουλίνδαι 225
 Πράσιοι 231
 Προκλαῖς 252
 Θιναι 222
 <Σ>αφάρ 245
 Σίνοι 231
 Σαυβάθα 245
 Σεμύλλα (Σήμυλλα) 248
 Σώραι 231
 Σοάστος / Σουάστος
 Σούπαρα 248
 Συραστήρη 246
 Ταγάρα 249
 Τοχάροι 222
 Τύνδεις 246

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

адживики 18, 42, 122, 124, 127, 129, 192, 197
 брахманы 5–7, 9–10, 12–13, 16, 70, 77, 78, 91, 103,
 123–124, 127–128, 192–193, 196–203, 224–
 225, 240, 309
 буддисты 12, 15, 123, 193, 201–203
 вайшьи 77–78, 224–225
 встантавадины 128
 гимнософисты/нагомудрецы 9, 14–16, 121–127,
 129, 169, 197–200, 203
 джайны 15, 40, 123–124, 126–127, 193, 197
 джанапада 94, 96–97

кшатрии 18, 20, 77–78
 локаята 126–129
 манихен 202–203
 махаяна 14, 15
 прамны 125, 127–128, 192
 раджасуя 164–166, 172, 174–175, 178, 186–188
 раджукки 96, 97
 ратнин 165
 шраманы /гарманы/сарманы/сам(а)нен 13–14, 123–
 124, 127–129, 191–193, 196–197, 200–201, 203
 шудры 77–78, 224

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
Индия в античной литературе. Вместо Введения	4

МАУРИЙСКАЯ ИНДИЯ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Индийская и античная традиция о воцарении Чандрагупты	17
Знали ли античные авторы об индийском Чанакье?	34
«Индика» Мегасфена в литературе древности и историографии нового и новейшего времени	48
Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции	138
Религиозно-философские течения древней Индии и античные свидетельства ...	191

ИНДИЯ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МИР

Великое посольство на Запад	204
Греко-индийский диалог в середине III в. до н.э.	213

ИНДИЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРИОДА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего	218
«Перипл Эритрейского моря» и политическая карта Индии	243
«Воинственные бактриане» в «Перипле Эритрейского моря»	256

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Флавий Арриан</i> . Индика (пер. и коммент. М.Д.Бухарина)	261
Перипл Эритрейского моря. Фрагменты (пер. и коммент. М.Д.Бухарина)	292
<i>Плиний Старший</i> . Естественная история. Книга VI. Фрагменты (пер. А.А.Вигасина)	307
Библиография	317
Сокращения	338
Указатели	340

Научное издание

*Бонгард-Левин Григорий Максимович
Бухарин Михаил Дмитриевич
Вигасин Алексей Алексеевич*

**ИНДИЯ
И АНТИЧНЫЙ МИР**

Редактор *Я.Б.Гейшерик*

Художник *Э.Л.Эрман*

Технический редактор *О.В.Волкова*

Корректор *И.И.Чернышева*

Компьютерная верстка *Е.В.Катышева*

Подписано к печати 28.08.02

Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная

Усл. п. л. 29,3. Усл. кр.-отт. 29,9. Уч.-изд. л. 34,6

Тираж 1000 экз. Изд. № 7982. Зак. № 6710

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Vnus $\frac{1}{2}$ miliaria 40

3 mil 47

5

Indecimus Paralellus.

Differt ab equinoc^o hor^o. $2 \frac{1}{4}$ hns die max hor^o $14 \frac{1}{4}$.

Decimus Paralellus p Rhodum

Differt ab equinoc^o hor^o. $2 \frac{1}{2}$ hns die max hor^o $14 \frac{1}{2}$. **QUARTVM CLIMA**

Nonus Paralellus. Differt ab equinoc^o hor^o. $2 \frac{3}{4}$ hns die max hor^o $14 \frac{3}{4}$.

Octavus Paralellus p Alexandria

Differt ab equinoc^o hor^o. 2 hns die max hor^o 14 . **TERTIV CLIMA**

Sevum Paralellus. Differt ab equinoc^o hor^o $1 \frac{1}{4}$ hns die max hor^o $13 \frac{1}{4}$.

Sextus Paralellus p Syene

Differt ab equinoc^o hor^o. $1 \frac{1}{2}$ hns die max hor^o $13 \frac{1}{2}$. **CLIMA SECVNDVM**

Quintus Paralellus

Differt ab eqnoc^o hor^o $1 \frac{1}{4}$ hns die max hor^o $13 \frac{1}{4}$.

Quartus Paralellus p

Macroen Differt ab equinoc^o hor^o 1 hns die max hor^o 13 . **CLIMA PRIMVM**

Tertius Paralellus

Differt ab equinoc^o hor^o $\frac{1}{2}$ hns die max hor^o $12 \frac{1}{2}$.